

М.С. КАПИЦА

КНР:

три
десятилетия -
три
политики

М.С.КАПИЦА

КНР:
три
десятилетия-
три
ПОЛИТИКИ

Москва
Издательство
политической литературы
1979

Капица Михаил Степанович

К20 КНР: три десятилетия — три политики.— М.: Политиздат, 1979.—576 с.

В книге известного ученого-международника, профессора МГУ М. С. Капицы исследуется внешнеполитический курс КНР, аргументированно объясняются причины его резких поворотов в последние три десятилетия при сохранении единой стратегической линии — китаецентристских, национал-шовинистических устремлений.

Деятельность пекинского руководства на мировой арене рассматривается во всем комплексе международных отношений; показаны ограниченные возможности, провалы и бесперспективность его великодержавной, захватнической политики.

К $\frac{11100-302}{079(02)-79}$ БЗ—6—3—79 0302030900

66.2(5Кит)
32И

Заведующий редакцией А. В. НИКОЛЬСКИЙ

Редактор Н. С. АЛЕНТЬЕВА

Младший редактор Н. С. КОБЛЯКОВА

Художник Н. М. РЯБОВ

Художественный редактор Е. А. АНДРУСЕНКО

Технический редактор Ю. А. МУХИН

ИБ № 2410

Сдано в набор 23.05.79. Подписано в печать 18.10.79. А00456. Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 30,24. Учетно-изд. л. 33,39. Тираж 75 тыс. экз. Заказ 3954. Цена 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, П-473. Краснопролетарская, 16.

За 30 лет существования Китайской Народной Республики ее руководство проделало поворот от союза со странами социализма и силами мира к блокированию с империализмом и агрессии против Социалистической Республики Вьетнам. Три этапа можно проследить на пути, приведшем к классовому и моральному падению. Политика Пекина на каждом этапе определялась соотношением сил в руководстве, для ее утверждения и оправдания использовались свои постулаты, она выполняла свою тактическую задачу. Однако на всех этапах у пекинских националистов оставалась неизменной стратегическая цель: превращение Китая в главную державу мира, диктующую волю другим государствам и обеспечивающую решение в собственных интересах тех проблем, которые-де оставлены историей, как и тех, которые будут возникать на мировой арене и касаться его.

Перерастание демократической революции в социалистическую — сложный процесс, означающий коренную перегруппировку классовых сил. Многие мелкобуржуазные партии и их руководители, наталкиваясь на этот рубеж, попадают в кривые тупики истории и в конце концов терпят политическое банкротство. «Каждый своеобразный поворот истории,— писал В. И. Ленин,— вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда пропекающих в той или иной мере в среду пролетариата.

Мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы

два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма»¹.

В истории коммунистического движения в Китае прослеживается непрерывная борьба между двумя основными направлениями: марксистско-ленинским, интернационалистским и мелкобуржуазным, националистическим. Второе направление долгое время маскировалось под марксизм-ленинизм, потом приобрело окраску «китаезированного марксизма» и в конечном счете вылилось в откровенный, воинствующий великодержавный национализм и шовинизм; в результате репрессий и разнузданной демагогии это направление, связанное с именем Мао Цзэдуна, возобладало.

В первые годы после образования народной республики Мао Цзэдун и его сторонники внешне ориентировались на поддержку мирового социализма. Но если большинство членов партии, трудящиеся видели в этом ключ к социалистическому переустройству общества, то Мао и его группа рассчитывали, опираясь в течение какого-то времени на сотрудничество с социалистическими странами и их помощь, обезопасить Китайскую Народную Республику, создать военную машину, заложить основу новой экономики, а затем избавиться от прежних друзей и приступить к осуществлению гегемонистских устремлений. Обилие мелкобуржуазных элементов в стране и партии, неграмотность значительной части членов КПК и населения облегчили поворот в политике КНР. Мао и его группа при этом ловко играли на распространявшихся издревле идеях китаецентризма, ксенофобии, гипертрофированном представлении о роли Китая в мире.

На рубеже 50-х и 60-х годов китайские националисты стремились исподволь, в замаскированных формах навязать свою идеологическую платформу и лидерство мировой системе социализма, коммунистическому и национально-освободительному движениям, а марксистско-ленинское учение, опыт социалистических государств подменить «идеями Мао», являющимися вульгаризацией и ревизией марксизма-ленинизма с позиций мелкобуржуазного национализма, великодержавного шовинизма и авантюризма. Когда же замысел не удался, Мао Цзэдун и его группа выступили с открытым забралом; нападая с левацких позиций, попытались расколоть социалистическое содружество, коммунистическое и национально-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 101.

освободительное движение, а затем объединить вокруг Пекина тех, кто последует за ним. Став в позу «непримиримого борца» и против империализма, и против «социал-империализма», творцы политики КНР в конце 60-х годов постепенно снижали критику империализма, переключая усилия на борьбу против Советского Союза.

Логика классового предательства привела китайское руководство от левозэкстремистской, псевдореволюционной позиции к прямому военно-политическому смыканию с мировым империализмом, превращению идеологии и политики Пекина в разновидность буржуазного антикоммунизма. В третье десятилетие руководители КНР круто повернули руль вправо, пошли на блокирование с империализмом, объявили СССР «врагом № 1» и тщатся организовать против него «широкий международный фронт», предпринимают новые попытки расшатать социалистическое содружество, оказались в одних окопах с империалистами, расистами и реакцией в борьбе против освободительных революций и даже предприняли агрессию против социалистического государства. Они саботируют все международные акции, направленные на разрядку международной напряженности и укрепление мира; подрывной характер носит их деятельность в Организации Объединенных Наций, членом которой КНР стала в 1971 г. Беспринципность, территориальные притязания почти ко всем соседним государствам, проповедь культа насилия, милитаризация страны, ставка на войну и растущая агрессивность сделали Пекин опасным источником мировой войны. «Своим беспрецедентно наглым разбойничьим нападением на соседнюю небольшую страну — социалистический Вьетнам, — заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — нынешние пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики. Теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире. Теперь более, чем когда-либо, ясна вся опасность любых форм пособничества этой политике»¹.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, стр. 622.

ОБРАЗОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЕЕ ПЕРВЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ШАГИ

Великая Октябрьская социалистическая революция донесла до Китая, являвшегося полуфеодальной и полуколониальной страной, марксистско-ленинское учение. Представители Коминтерна и советские коммунисты помогли создать Коммунистическую партию Китая. В лице СССР китайский народ нашел верного союзника в борьбе за освобождение.

В годы революции в Китае (1925—1927 гг.) из СССР поступали оружие и боеприпасы, горючее. В китайской революции участвовали многие советские военные добровольцы, в том числе выдающийся полководец В. К. Блюхер. Советский народ оказывал народно-революционным силам мощную морально-политическую поддержку и практическую помощь.

Когда в 1937 г. Япония напала на Китай, туда прибыла большая группа советских военных специалистов и летчиков-добровольцев. Наша страна предоставила крупные кредиты, а также боевые самолеты, артиллерию, автотранспорт, горючее. Это помогло китайскому народу выстоять, а в тылу японских войск были созданы многочисленные освобожденные районы.

В связи с этим уместно напомнить, что совсем иначе относились Мао Цзэдун и его сторонники к СССР в наиболее тяжелый период Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, хотя именно на советско-германском фронте решалась судьба и китайской революции. В сентябре 1941 г. перед Мао Цзэдуном был поставлен вопрос о возможных акциях КПК в случае, если Япония начнет войну против СССР. В ответ последовали путанные и уклончивые заявления, обставленные бесконечными оговорками и содержавшие заведомо невыполнимые в тех условиях требования к Советскому Союзу. Более того, начиная с 1941—1942 гг.

непрестанно уменьшалась численность войск народной армии, участвовавших в боях против японских милитаристов.

Советский Союз оставался верен своему интернациональному долгу. В августе — сентябре 1945 г. вооруженные силы СССР и Монгольской Народной Республики нанесли сокрушительный удар по Квантунской армии, освободили Северо-Восточный Китай, где при содействии командования Советской Армии были созданы органы народной власти.

Этот этап освободительной борьбы китайского народа пришелся на период, когда при решающей роли СССР был сокрушен фашистско-милитаристский блок, империализм оказался ослабленным, в Центральной и Юго-Восточной Европе появился ряд народно-демократических государств, были образованы Демократическая Республика Вьетнам и Коре́йская Народно-Демократическая Республика. Все более широкий размах принимали антиимпериалистические движения в колониальных и зависимых странах.

Новое соотношение сил в мире имело огромное значение для судеб китайской революции. В сложившихся условиях империалистические державы, особенно США, не могли перебросить в Китай крупные контингенты войск. Во-первых, приходилось считаться с позицией СССР и антиколониальными настроениями мирового общественного мнения. Во-вторых, в послевоенные годы основные военные силы США были сконцентрированы в Европе; боясь революционных взрывов в странах этого континента, ведущая капиталистическая держава не решалась ослабить там свою армию. В-третьих, трещала по всем швам колониальная система империализма, и западные державы вынуждены были, чтобы сохранить свои позиции, бросать войска сразу во многие места. В-четвертых, громадную роль в успешном развитии революционного процесса в Китае сыграло то, что рядом находился Советский Союз, вышедший победителем из второй мировой войны и оказавший освободительному движению в стране активную поддержку, превращение освобожденной Советской Армией северо-восточной части Китая — Маньчжурии в главную опорную базу вооруженной борьбы китайского народа.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В КИТАЕ

Когда империалистическая Япония была разгромлена и закончилась восьмилетняя война китайского народа против японских захватчиков, Китай оказался разделенным на два лагеря. Чанкайшистское правительство контролировало $\frac{3}{4}$ территории, имело многомиллионную армию, значительная часть которой была обучена и вооружена Соединенными Штатами. В то же время в Китае сложились новые мощные силы. Народная власть была установлена в обширных освобожденных районах с населением в 150 млн. человек. Выросла и приобрела боевой опыт Народно-освободительная армия; более 2 млн. бойцов насчитывало народное ополчение.

25 августа 1945 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая в декларации о положении в стране указал, что на новом историческом этапе перед китайским народом стоит задача объединения страны на основе мира и демократии. В декларации выдвигались следующие условия достижения этой цели: признание центральным правительством демократических органов власти в освобожденных районах, справедливая реорганизация вооруженных сил, легализация всех политических партий и введение гражданских свобод¹.

Нанкинское правительство избрало иной путь. Чан Кайши с санкции главнокомандующего союзными войсками Макартура отдал приказ японской армии в Китае и марионеточным войскам не сдавать оружия частям Народно-освободительной армии и ждать прихода гоминьдановских войск. Потому-то уже после принятия правительством Японии условий безоговорочной капитуляции в ряде мест продолжались кровопролитные бои между частями Народно-освободительной и японской армий.

В сентябре 1945 г. в Тяньцзине, Яньтае, Шанхае высадились американские части, чтобы воспрепятствовать освобождению этих городов войсками Народно-освободительной армии. Морская пехота США заняла Пекин-Шэньянскую и Шанхай — Нанкинскую железные дороги.

В то же время гоминьдановское правительство, стремясь выиграть время для переброски войск из тыловых районов в крупнейшие города, пригласило председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна в Чунцин для переговоров.

¹ «Цзефан жибао», 27. VIII. 1945.

В итоге переговоров, состоявшихся в сентябре — октябре 1945 г., обе стороны 10 октября декларировали стремление предотвратить гражданскую войну и построить независимый, свободный, процветающий и сильный Китай. Гоминьдановское правительство обещало прекратить «политическую опеку», т. е. однопартийную диктатуру, и созвать политический консультативный совет. Стороны не смогли достичь соглашения о Народно-освободительной армии (гоминьдан настаивал на ее роспуске, а руководство КПК допускало возможность сокращения до 20 дивизий) и о народной власти в освобожденных районах (чанкайшистское правительство требовало ликвидации, а КПК добивалась ее сохранения и признания).

Гоминьдановское правительство придерживалось двух основных направлений внешней политики. Одно — опора на США с целью сохранения и укрепления своего режима и реализации некоторых внешнеполитических задач, другое — максимальное ограничение воздействия СССР на обстановку в Китае при помощи самого разнообразного арсенала средств: от заигрывания с Советским Союзом до блокирования с США.

Участвуя в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии, китайское правительство активно поддерживало меры США по предотвращению революционных выступлений в этой стране. США, конечно, стремились лишить милитаризм ядовитых зубов, но в их интересах было также обеспечить достаточно прочный контроль японской буржуазии над обстановкой в стране. Такая позиция встречала поддержку китайского правительства. Вместе с тем оно настаивало на радикальных мерах по разоружению Японии, требовало репараций и отказалось поддержать линию США на созыв уже в 1947 г. конференции для подписания мирного договора с Японией.

Контактам с Англией и Францией придавалось второстепенное значение. Отношения с Великобританией были прохладными, в частности, потому, что китайское правительство еще во время войны неоднократно требовало возвращения Гонконга и Коулуна, заявления по этому поводу делались и после войны; Китай претендовал на территорию в Северной Бирме. Францию гоминьдановское правительство старалось вытеснить из Индокитая. Направив в конце августа 1945 г. в Северный Вьетнам и Лаос воинские соединения для принятия капитуляции

японских войск, китайские власти явно рассчитывали за-
крепиться там. Правительство Китая заявило, что будет
содействовать пезависимости Вьетнама. И оно препят-
ствовало допуску французов в Северный Вьетнам, что
привело к обострению отношений между Пекином и Па-
рижем. В то же время китайские власти фактически
осуществляли оккупационную политику, вмешивались в
дела Демократической Республики Вьетнам, поддержи-
вали правые партии, пытались при их участии взорвать
правительство изнутри и поставить у руководства свою
креатуру. Было расхищено много ценностей, на выпущен-
ные китайскими властями деньги скупалось недвижимое
имущество. В конечном счете под нажимом США китай-
ское правительство пошло на подписание с Парижем
28 февраля 1946 г. соглашения о признании суверени-
тета Франции над Индокитаем в обмен на ее отказ от ко-
лониальных привилегий в Китае, возвращение Гуанчжоу-
ваня, продажу Китаю части Юньнаньской железной до-
роги, признание «особого» статуса китайцев, проживаю-
щих в Индокитае, предоставление «свободной зоны» в
порту Хайфон, беспрепятственный пропуск китайских
товаров через территорию Северного Вьетнама. В соот-
ветствии с этим соглашением китайские войска были вы-
ведены из Вьетнама к концу марта 1946 г.

В соответствии с советско-китайской договоренностью
от 14 августа 1945 г. правительство Китая направило
представителя для наблюдения за плебисцитом, состояв-
шимся в МНР 20 октября 1945 г. Лэй Фачжань был сви-
детелем решимости монгольского народа сохранить сво-
боду и независимость. Итоги плебисцита приветствовала
и Коммунистическая партия Китая. «Дружба на основе
равенства между СССР, МНР и Китаем должна креп-
нуть», — писала «Цзефан жибао» 29 октября 1945 г. Пра-
вительство Китая после соответствующего решения Зако-
нодательного юаня сообщило правительству МНР о при-
знании народной республики в ее существующих грани-
цах. 13 февраля 1946 г. был подписан протокол об уста-
новлении дипломатических отношений между МНР и Ки-
таем. В дальнейшем, однако, китайские власти предпри-
няли ряд недружественных актов в отношении МНР.

Руководство Коммунистической партии Китая опре-
деляло свою внешнюю политику с учетом задачи борьбы
за завоевание власти в стране. Оно считало, что победа
СССР и разгром Японии создают весьма благоприятные
условия для китайской революции, ориентировалось на

поддержку со стороны СССР как на решающий внешний фактор победы. Командующий частями 8-й Народно-революционной армии в Маньчжурии Чжао Вэньцзинь писал командованию 17-й советской армии: «Мы были в исключительно трудном положении... Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Таким образом, Красная Армия нас спасла от гибели, и мы ей особенно благодарны»¹. В письме Пын Чжэню 19 ноября 1945 г. Мао отмечал, что «в связи с поддержкой нашего старшего брата и с развитием нашей партии в Маньчжурии войска Чан Кайши не могли успешно продвинуться в Маньчжурии, а также не смогли провести работу по приему власти в Маньчжурии»². При встрече с послом СССР А. А. Петровым 10 октября 1945 г. в Чунцине Мао Цзэдун говорил, что «отношение Чан Кайши к коммунистам определяется двумя факторами: реальной силой Китайской коммунистической партии и международным весом СССР»³. В 1948 г. Мао Цзэдун писал: «Разве история за 31 год существования Советской власти не доказала полную лживость и окончательное банкротство так называемой промежуточной линии, так называемого третьего пути, о чем разглагольствуют в целях обмана трудящихся все те, кто недоволен марксизмом и ненавидит Советский Союз — социалистическое отечество трудящихся всего мира, все те, кто пытается занять какую-то промежуточную позицию между фронтом контрреволюционных империалистов и фронтом революций, против империализма и его лакеев во всех странах?»⁴

В то же время Мао Цзэдун и некоторые другие руководители Коммунистической партии флиртовали с США, давали им различные авансы. Это было продиктовано расчетами на сотрудничество с США в будущем. Второй секретарь посольства США в Китае Сервис сообщил в госдепартамент, что Мао Цзэдун в ходе беседы с ним 13 марта 1945 г. в Яньани жаловался, что США еще не полностью понимают китайских коммунистов. Между китайским и американским народами, утверждал Мао, имеются

¹ А. М. Дубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966, стр. 558—559;

² Там же, стр. 571.

³ АВП СССР.

⁴ «За прочный мир, за народную демократию!», 1948, № 21.

сильные узы симпатий, понимания и взаимных интересов. После войны Китай будет нуждаться в первую очередь в экономическом развитии. США и Китай дополняют друг друга экономически; они не будут соперничать. Америка не только больше всего подходит, чтобы оказать помощь в экономическом развитии Китая, но и единственная страна, которая полностью способна участвовать в этом. В силу таких причин не должно и не может быть конфликта, отчуждения или недоразумения между китайским народом и Америкой. Ни китайский крестьянин, ни народ в целом не готовы к социализму, продолжал Мао, и говорить о немедленном социализме — контрреволюция, потому что попытки осуществить его были бы самоубийством¹. При встрече с Сервисом 1 октября 1945 г. Мао заявил, что коммунисты будут продолжать добиваться дружбы и понимания со стороны Америки, потому что это будет нужно Китаю в послевоенный период реконструкции².

Большую роль играло также стремление не допустить интервенции США в Китае в связи с гражданской войной. В ходе беседы с послом А. А. Петровым в Чунцине 10 октября 1945 г. Мао Цзэдун заявил, что Коммунистическая партия не боится военного наступления гоминьдана. «Лишь бы не вмешались американцы, это единственное, чего мы опасаемся»³.

Когда же США от посредничества перешли к прямой интервенции в Китае, руководство Коммунистической партии стало выступать с критикой их политики.

В середине октября 1945 г. чанкайшисты, вероломно нарушив декларацию, подписанную за несколько дней до этого, предприняли наступление на освобожденные районы в одиннадцати провинциях Центрального и Южного Китая. В вооруженной борьбе против освобожденных районов нередко участвовали не только японские, но и американские войска. Обострение внутренней обстановки в Китае обратило на себя внимание Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии (декабрь 1945 г.).

Советский Союз исходил из того, что китайский народ сам решит свои проблемы, в особенности если перестанут вмешиваться империалистические державы. Он не мог согласиться также с перспективой превращения Китая в

¹ «Foreign Affairs Relations of the United States 1945». «The Far East China», Washington, 1969, vol. VII, p. 273—275.

² Op. cit., p. 314.

³ АВП СССР,

американский плацдарм. В связи с этим Советское правительство твердо выступало против вмешательства в дела Китая. Эту позицию оно отстаивало на совещании министров иностранных дел.

Государственный секретарь США Бирнс заявил, что на территории Китая находятся американские военные и морские вооруженные силы, насчитывающие около 50 тыс. человек. Они введены для «оказания помощи китайскому правительству в проведении демобилизации и удаления японских войск из Северного Китая в соответствии с условиями капитуляции». Американские войска, дескать, останутся для полного устранения японского влияния и достижения стабильности положения в стране. Сроки разоружения японских войск и вывода вооруженных сил США не указывались¹.

На заседании 19 декабря 1945 г. нарком иностранных дел СССР обратил внимание на ненормальное положение: японские войска в Северном Китае все еще не разоружены. Бирнс ссылаясь на то, что в Северном Китае находилось больше японских войск, чем в Маньчжурии. Правительство США, заверял он, хочет вывести свои войска из Китая, но сначала нужно эвакуировать японцев, а эвакуация задерживается из-за нехватки судов. Нарком заявил, что вывод советских войск уже начался, но по просьбе китайского правительства был отсрочен².

21 декабря советская делегация разослала меморандум «Об американских вооруженных силах в Китае». Присутствие на его территории неразоруженных японских войск с офицерским корпусом и штабами общей численностью до 500 тыс. человек, говорилось в меморандуме, является нарушением условий капитуляции, одобренных союзными державами. Японские войска привлекаются к участию в военных действиях на стороне китайского правительства против китайских неправительственных войск и, таким образом, втягиваются в борьбу между различными группировками в стране.

При этом отмечалось, что советские войска своевременно разоружили все японские части в Маньчжурии и вывезли их как военнопленных на советскую территорию, а в ноябре началась эвакуация советских войск из Маньчжурии. Они были бы уже выведены, если бы китайское правительство не попросило отсрочить на месяц эвакуацию.

¹ АВП СССР.

² Там же.

Советское правительство предложило договориться об одновременной эвакуации американских и советских войск из Китая с окончанием ее не позднее середины января 1946 г. «Что же касается внутренних проблем Китая,—говорилось в меморандуме,—то Советское правительство полагает, что эти задачи должны быть решены самим китайским народом и его правительством без вмешательства других государств»¹.

25 декабря 1945 г. Бирнс доказывал, будто невозможно установить точный срок вывода американских войск, ибо неизвестно, когда удастся разоружить и эвакуировать из Китая 300 тыс. японских солдат. А до этого американское правительство не выведет свои войска².

В тот же день состоялась беседа И. В. Сталина с Бирнсом, в ходе которой был затронут китайский вопрос. И. В. Сталин заметил: «Видимо, американцы не хотят выводить свои войска из Китая». Бирнс возразил, сказав, что правительство США не хочет оставлять своих войск. «Однако,—заявил Бирнс,—если китайцы попросят оставить американские войска в Китае, то, разумеется, правительство США удовлетворит их просьбу». Он сообщил, что генералу Маршаллу, командированному в Китай, даны указания добиться перемирия между воюющими сторонами. И. В. Сталин сказал: «Если китайский народ убедится, что Чан Кайши опирается на помощь иностранных войск, он потеряет свое влияние в Китае. Его будут считать ставленником иностранных держав, а не национальным лидером». Бирнс пытался доказать, что имеющихся у Чан Кайши 50—60 тыс. человек недостаточно для разоружения японцев. И. В. Сталин ответил: в районе Мукдена 25 советских летчиков разоружили два корпуса японцев³.

25 декабря 1945 г. американская делегация представила проект коммюнике по Китаю. Советская сторона внесла поправку о том, что три министра констатировали не только необходимость объединения и демократизации Китая, но и широкого привлечения демократических элементов во все органы национального правительства и прекращения гражданской борьбы и подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая. Между СССР и США было достигнуто согласие относительно желательности вывода из Китая советских и

¹ АВП СССР.

² Там же.

³ Там же.

американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью¹.

Это решение Московского совещания министров иностранных дел оказало известное воздействие на обстановку в Китае.

Политика невмешательства СССР в дела Китая была подтверждена и в переговорах с личным представителем Чан Кайши Цзян Цзинго, прибывшим в Москву в конце декабря 1945 г. Сын Чан Кайши был принят И. В. Сталиным 30 декабря 1945 г. и 3 января 1946 г.

В ходе беседы 30 декабря Цзян Цзинго от имени Чан Кайши предлагал, чтобы СССР включился в отношения между гоминьдапом и Коммунистической партией Китая, взял на себя посредничество в переговорах между ними, «дал совет коммунистам». Советская сторона заявила, что не желает вмешиваться в китайские дела. Цзян Цзинго сказал: китайское правительство хотело бы вернуться к духу советско-китайских отношений, существовавших в 1923—1924 гг. Ответ был: Советское правительство готово иметь самые близкие отношения с Китаем.

Цзян Цзинго пояснил далее, что пребывание американских войск в Северном Китае было предусмотрено соглашением, заключенным еще до капитуляции Японии; они будут выведены, как только выполнят свою задачу — разоружат японские войска. И. В. Сталин выразил удивление тем, что японцы еще не разоружены. Он подчеркнул: длительное пребывание иностранных войск осложнит положение в стране².

На следующей встрече И. В. Сталин опять вернулся к вопросу о выводе иностранных войск из Китая. Он не понимает, почему затягивается разоружение японцев. Цзян Цзинго сказал, что китайские власти принимают меры, чтобы ускорить их разоружение. Затем Цзян Цзинго заинтересовался мнением И. В. Сталина по поводу политики «открытых дверей». И. В. Сталин ответил, что «открытых дверей» требуют от колониальных и полуколониальных стран. Ввиду экономической слабости Китая будет трудно на первых порах отвергнуть политику «открытых дверей», но с течением времени придется «закрыть двери» в интересах создания собственной промышленности. Совет-

¹ «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». М., 1949, стр. 162.

² АВП СССР.

ский Союз не требует «открытых дверей». Правительство СССР намерено торговать с Китаем на такой же основе, как и с другими суверенными государствами¹.

20 декабря 1945 г. в Чунцин в качестве специального представителя президента США прибыл видный военный и государственный деятель генерал Дж. Маршалл. Его посылка в Китай означала смену тактики: вместо грубого курса на развертывание гражданской войны было решено более тонкими методами добиться разоружения Коммунистической партии и ликвидации освобожденных районов. Дж. Маршалл предложил свое посредничество в переговорах между Коммунистической партией и гоминьданом.

В итоге состоявшихся в декабре 1945 г. при участии Дж. Маршалла переговоров между гоминьданом и Коммунистической партией 10 января 1946 г. был опубликован приказ о прекращении военных действий, подписанный представителями обеих партий. В тот же день начал работу Политический консультативный совет, куда вошли представители всех партий и группировок, а также некоторые беспартийные деятели. Совет высказался за ликвидацию однопартийного режима и замену его коалиционным правительством, призвал принять меры для предотвращения гражданской войны. Было решено пересмотреть подготовленный много лет назад проект конституции и представить Национальному собранию новый.

Однако уже 1 марта 1946 г. Чан Кайши заявил о необходимости пересмотра решений Политического консультативного совета. Возобновились и военные действия против Народно-освободительной армии, на этот раз в Северо-Восточном Китае, куда гоминьдановское правительство направило крупную группировку войск.

Части Народно-освободительной армии оставили Чанчунь, а также ряд районов и отошли на линию реки Сунгари, продолжая наносить чанкайшистским войскам удар за ударом. Делегации ЦК КПК, находившейся в Нанкине, в начале июня удалось добиться временного прекращения наступления гоминьдановских войск. 7 июня 1946 г. Чан Кайши заявил, что согласен приостановить военные действия на две недели.

И вновь начались переговоры. Чанкайшисты требовали роспуска органов народной власти, частей Народно-освободительной армии на Северо-Востоке Китая, пере-

¹ АВП СССР.

дачи под свой контроль железных дорог Тяньцзинь — Пукоу и Цзяочжоувань — Цзинань, вывода народных войск из всех крупных городов, опорных баз и важных коммуникаций. Кроме того, Чан Кайши предлагал предоставить Дж. Маршаллу право решающего голоса при урегулировании разногласий между гоминьданом и коммунистической партией. Это означало, что решение вопросов, от которых нередко зависела судьба Китая, чанкайшисты хотели передать иностранному представителю. КПК возражала против этого.

Между тем США, пытаясь спасти чанкайшистский режим, увеличили поставку оружия. 16 июня 1946 г. конгресс США постановил передать гоминьдановскому правительству 271 военный корабль. 27 июня Вашингтон принял решение укомплектовать восемь военно-воздушных соединений чанкайшистской армии, которым передавалось более тысячи боевых самолетов. Кроме того, нанкинскому правительству были предоставлены излишки военного снаряжения на 825 млн. долл.

Гоминьдановское правительство, в нарушение советско-китайского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., все более способствовало военным приготовлениям США против СССР.

Вдоль китайского побережья была создана целая сеть военно-морских баз США. В Циндао было закончено переоборудование укреплений, возведенных японцами, построены подземные аэродромы — ангары, громадные склады боеприпасов и вооружения. Гавань Циндао служила местом стоянки американского военного флота, насчитывавшего более 50 судов. США строили такие же базы в Дагу, Чифу, Хуанфу и на острове Тайвань. По всей территории Китая были разбросаны военные аэродромы, с которых американские генералы планировали совершать налеты на Сибирь и советский Дальний Восток. Один из наиболее оголтелых проповедников интервенции в Китае генерал Ченнолт писал: «Вся русская промышленность к востоку от Уральских гор может подвергнуться нападению с аэродромов, построенных для американцев... в Чэнду, Сиани, Ланьчжоу. Действуя с этих баз и десятков других, расположенных в Северном Китае, можно прервать тонкую нить коммуникаций между Восточной и Западной Сибирью с помощью даже небольших военно-воздушных сил...»¹

¹ См. «Новое время», 1950, № 39, стр. 8.

В свою очередь гоминьдановские власти призывали к «крестовому походу» против СССР. Они искусственно разжигали военную истерию, вопя о «красной агрессии в Китае», об «угрозе Америке» и т. д. Один из лидеров гоминьдана, Чэнь Лифу, например, заявил, что в Китае уже идут авангардные бои третьей мировой войны¹. Дипломат Ли Ганфу высказался еще более определенно: «Мы обменяем пространство на время и *сведем счеты в третьей мировой войне*»².

Советский Союз строго выполнял свои обязательства, вытекавшие из договора о дружбе и союзе, а также соглашений, подписанных 14 августа 1945 г.

Во время переговоров в Москве министру иностранных дел Китая Сун Цзывэню было сказано, что вооруженные силы СССР будут выведены из северо-восточных провинций через три месяца после окончания войны. В ноябре 1945 г. советское командование представило гоминьдановским властям план эвакуации войск к 3 декабря того же года. В соответствии с планом советские части были отведены из Инкоу, Хулудао и из района к югу от Шэньяня. Но гоминьдановское правительство заявило, что оно «окажется в весьма затруднительном положении в случае вывода советских войск из Маньчжурии в назначенный срок, так как не сможет к этому времени ни перебросить свои войска, ни организовать гражданскую администрацию в Маньчжурии». Советское правительство дало согласие на некоторое время оставить свои войска в северо-восточных провинциях³. Позднее чанкайшистское правительство вновь попросило отсрочить их вывод.

Это не помешало гоминьдановской пропаганде поднять шум о том, будто СССР захватил Северо-Восток. 22 и 23 февраля 1946 г. в Чунцине, Нанкине, Шанхае были проведены антисоветские демонстрации, сопровождавшиеся провокациями против Коммунистической партии Китая; в Чунцине был совершен налет на редакцию газеты «Синьхуа жибао». На Северо-Востоке гоминьдановские войска учинили зверскую расправу над группой работников МВТ СССР, представителей других ведомств. В 1946 г. было убито и замучено 60 советских граждан.

Многие китайцы, которых вовлекли в террористические действия, скоро поняли, что они стали жертвой обмана. Группа студентов Центрального университета, уча-

¹ См. «Новое время», 1948, № 47, стр. 19.

² См. «Новое время», 1948, № 49, стр. 17.

³ См. «Известия», 30 ноября 1945 г.

ствовавших в антисоветской демонстрации в Чунцине 22 февраля, в редакцию «Синьхуа жибao» писала: «Мы глубоко уверены в том, что после этой демонстрации наши студенты еще более прозреют. Они будут еще больше интересоваться современной обстановкой, станут еще более добросовестно изучать окружающую действительность и смогут сделать правильные выводы. Они невиновны в организации этого погрома. В будущем они с еще большим энтузиазмом встанут с вами в один ряд для борьбы против непрекращающихся интриг реакционеров»¹.

Инспирируя антисоветские выступления, гоминьдановское руководство делало вид, будто непричастно к ним. 2 марта 1946 г. Цзян Цзинго посетил посла А. А. Петрова и передал «глубокое сожаление» в связи с демонстрациями. Китайское правительство, дескать, принимало меры, но не смогло удержать студентов от нежелательных выступлений. Он заверил, что «дружественная позиция» китайского правительства в отношении СССР остается неизменной².

В связи с двурушничеством гоминьдановских властей правительство СССР в марте 1946 г. заявило, что вывод советских войск мог быть закончен еще в декабре 1945 г., если бы китайское правительство дважды не просило отсрочить эвакуацию. Оно имеет в виду вывести их к концу апреля. 3 апреля Советское командование сообщило гоминьдановским представителям сроки вывода войск из отдельных пунктов северо-восточных провинций³.

Гоминьдановцы, не прекращая разнузданной клеветнической пропаганды о «захвате Советским Союзом Северо-Востока», опять попросили отсрочить эвакуацию, высказав пожелание, чтобы небольшие гарнизоны остались в различных городах до прихода китайских подразделений, которые могут запоздать с прибытием. Советское командование заявило, что срок вывода войск из отдельных пунктов определен с расчетом завершить его к концу апреля, и оно не может пойти навстречу этому пожеланию.

Вечером 24 апреля 1946 г. Цзян Цзинго, сын Чан Кайши, явился к военному атташе Н. В. Рошину и стал жаловаться на то, что в Москве недооценивают его отца. Он высказал такую мысль: полезной была бы поездка Чан Кайши в Москву для встречи с И. В. Сталиным⁴. Ответа из Москвы не последовало. 3 мая 1946 г. закончилась эва-

¹ «Синьхуа жибao», 28.II.1946.

² АВП СССР.

³ См. «Правда», 6 апреля 1946 г.

⁴ АВП СССР.

куация советских войск из северо-восточных провинций Китая.

Поощряемый из Вашингтона, Чан Кайши в июле 1946 г. развязал гражданскую войну. Первое время гоминьдановские войска продвигались успешно. Им удалось захватить территорию ряда освобожденных районов в Центральном, Северном и Северо-Западном Китае. Была взята Яньань.

ЦК КПК потребовал, чтобы США немедленно прекратили военную помощь Чан Кайши и вывели свои войска из Китая. Представитель КПК в Напкпие Чжоу Энлай в письмах Дж. Маршаллу указывал, что так называемые переговоры о мире были использованы США и Чан Кайши для расширения военных действий, причем американская помощь явилась одной из главных причин начала гражданской войны.

13 августа 1946 г. Чан Кайши пригласил к себе посла СССР А. А. Петрова и снова поднял вопрос о поездке в Москву. Советское правительство не считало возможным вмешиваться в китайские дела¹.

31 октября 1946 г. Цзян Цзинго посетил А. А. Петрова и высказал недовольство: в Советском Союзе считают, что китайское правительство во внешней политике придерживается исключительно проамериканского курса. Заметив, что в правящих кругах Китая действительно имеется много сторонников такого курса, Цзян Цзинго убеждал посла: Чан Кайши проводит самостоятельную, независимую политику; стремясь к дружбе с США, он считает абсолютно необходимой и советско-китайскую дружбу².

29 января 1947 г. государственный департамент объявил о прекращении «посреднической деятельности» Дж. Маршалла в Китае. В то же время американские войска, вопреки решению Московского совещания, не только продолжали оставаться в стране, но и усилили вмешательство во внутренние дела. В Циндао был сосредоточен 7-й флот США, насчитывавший 157 кораблей. В генеральном штабе Китая и в воинских соединениях находилось свыше тысячи американских военных советников. К августу 1946 г. они обучили 57 гоминьдановских дивизий. Широким потоком поступало американское оружие и снаряжение.

Всемерная дипломатическая и военная помощь гоминьдановскому правительству была лишь одной сторо-

¹ АВП СССР.

² См. там же.

пой политики США в Китае. Другой явилось стремление накрепко привязать его к США и экономически.

Важным инструментом экспансии Соединенных Штатов должен был служить китайско-американский договор о дружбе, торговле и мореплавании, заключенный 4 ноября 1946 г. В соответствии с договором американцы получали право беспрепятственно заниматься на всей территории Китая торговлей, промышленным производством, религиозной деятельностью, наукой, просвещением, открывать «благотворительные» организации и т. д. В этих целях они могли вести строительство, приобретать земли или здания; им обеспечивались равные с китайцами права (национальный режим) и количество юридических лиц не ограничивалось. США получали право судоходства по внутренним рекам. В случае возникновения войны американцы, находящиеся в Китае, должны были нести действительную военную службу в китайской армии, а проживающие в США китайцы — соответственно в американской армии. Договор закреплял за США право беспрепятственной продажи Китаю военного снаряжения.

Подписание договора вызвало глубокое возмущение китайского народа. В феврале 1947 г. ЦК КПК опубликовал заявление «О непризнании всех торговых договоров», в котором подчеркивал, что эти документы полностью противоречат воле народа. Коммунистическая партия заявила, что не признает ни одного займа или договора, заключенного после 10 января 1946 г. в результате сепаратных действий гоминьдановского правительства, без одобрения Политического консультативного совета и без консультации с ней.

Советский Союз настойчиво продолжал борьбу против иностранного вмешательства в дела Китая и вовлечения в орбиту политики США, которые все чаще прибегали к ревизии международных соглашений, заключенных в ходе и после войны.

10 марта 1947 г. министр иностранных дел Советского Союза напомнил о договоренности, достигнутой на Московском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и США. Он отметил, что обстановка в Китае не улучшилась, и от имени советской стороны предложил, чтобы министры заслушали информацию участников Московского соглашения о Китае относительно выполнения решений¹.

¹ АВП СССР.

17 марта 1947 г. государственный секретарь США Маршалл ответил, что готов обменяться информацией, но не в Совете министров иностранных дел. Правительство США, дескать, не считает желательным заниматься этим вопросом на какой-либо конференции, даже неофициальной. Он предложил, чтобы стороны представили друг другу соответствующую информацию, а копии текста направили китайскому правительству¹.

31 марта 1947 г. Маршалл прислал такую информацию. В ней указывалось, что американские войска помогли репатриировать около 3 млн. японцев. Сообщалось о прекращении участия США в комитете трех, о выводе частей морской пехоты, задачей которых было обеспечение безопасности американского персонала при исполнительном штабе. Число войск, таким образом, сокращается, их эвакуация продолжается. Приблизительно к 1 июня 1947 г. в Китае останется 6180 человек из состава американских вооруженных сил².

Министр иностранных дел СССР 1 апреля 1947 г. направили Маршаллу письмо, в котором отмечалось, что Московское соглашение о Китае будет выполнено в том случае, если правительства США и СССР не станут игнорировать договоренность о невмешательстве во внутренние дела Китая и на деле будут проводить ее в жизнь.

Советские представители в ООН, печать осудили вмешательство США в дела Китая, которое способствовало развязыванию гоминьдановским правительством гражданской войны, и заявили, что в соответствии с Уставом ООН и общепризнанными нормами международного права китайский народ свободен в определении своей судьбы. США должны нести ответственность за кровопролитную борьбу, начатую при их поддержке правительством Чан Кайши.

Ведя фронтальное наступление на части Народно-освободительной армии на Северо-Востоке, гоминьдановское правительство пыталось использовать Ляодунский полуостров для удара в спину Народно-освободительной армии. С октября 1945 г. Чан Кайши несколько раз беседовал с послом СССР А. А. Петровым, добиваясь согласия Советского правительства на высадку гоминьдановских войск в районе Порт-Артура — Дальнего. Правительство СССР ответило: по советско-китайским соглашениям от 14 августа 1945 г. оборона Порт-Артура возложена на Советский Союз, а Дальний является торговым портом и

¹ АВП СССР.

² Там же.

служит для перевозки товаров, а не войск. Оно возражало против высадки чьих бы то ни было войск в Дальнем и Порт-Артуре, так как это явилось бы нарушением данных соглашений. В порядке репрессалий нанкинское правительство в августе 1947 г. запретило заход иностранных судов в Дальний¹.

С июля 1947 г. пачался новый этап гражданской войны. После кратковременной стабилизации положения на фронте Народно-освободительная армия, накопив с помощью СССР силы, перешла в общее контрнаступление. За июль — декабрь было уничтожено 750 тыс. гоминьдановских солдат и офицеров.

В США раздавались призывы к военной интервенции, которая, как считали горячие головы, могла еще спасти чанкайшистский режим. В июле 1947 г. в Китай был направлен генерал Ведемейер в сопровождении группы советников из госдепартамента, военных ведомств и министерства финансов. В докладе президенту Трумэну генерал отмечал: если Китай станет недружественным к США, то они не смогут использовать там свои военные базы. В случае же, если он будет дружественным, т. е. сохранится чанкайшистский режим, то не только предоставит США авиационные и военно-морские базы, но, обладая большим пространством и огромными людскими резервами, явится их надежным союзником. Ведемейер потребовал в дополнение к многочисленным авиационным и военно-морским базам, уже находившимся под американским контролем, передачи новых военных баз.

План, разработанный Ведемейером, предусматривал значительное расширение военной помощи нанкинскому правительству, причем ее использование должно было осуществляться под контролем американских советников. Ведемейер предлагал также под предлогом прекращения войны на Северо-Востоке предпринять от имени ООН действия, которые привели бы к установлению там протектората под контролем Китая, США, Англии, Франции и СССР. На случай, если бы какое-либо из этих государств отказалось от участия (имелся в виду СССР), нанкинское правительство должно было обратиться в ООН с просьбой об опеке.

Революционное движение в стране внесло серьезные коррективы в планы Вашингтона. К середине ноября 1948 г. был освобожден весь Северо-Восточный Китай.

¹ АВН СССР.

К апрелю 1949 г. части НОАК освободили от гоминьдановских войск огромную территорию с 200-миллионным населением.

Несмотря на возражения Советского Союза, Соединенные Штаты не только продолжали помогать чанкайшистам в борьбе против демократических сил, но и активно превращали Китай во враждебный СССР плацдарм. Поэтому с советской стороны были приняты ответные меры.

Между СССР и освобожденными районами устанавливались деловые связи. Уходя из северо-восточных провинций, советские войска оставили частям НОАК большое количество оружия и боеприпасов, захваченных у Квантунской армии. 21 декабря 1946 г. был подписан договор между всесоюзным объединением «Экспортхлеб» и китайской компанией «Тунсин». Последняя продала «Экспортхлебу» 1 млн. т зерна и соевых бобов, 10 тыс. т мяса, а СССР отправил в Северо-Восточный Китай хлопчатобумажные ткани, пряжу, бумагу, сахар, соль, бензин, керосин, технические масла, каменный уголь, машины. В 1948 г. товарооборот между советскими торговыми организациями и Северо-Востоком составил 151 млн. руб. Наши специалисты помогли в короткий срок восстановить железные дороги, мосты, ряд промышленных предприятий, наладить городское хозяйство. В июле 1949 г., когда в Москву прибыла торговая делегация народно-демократических властей северо-восточных провинций, было достигнуто соглашение о взаимном обмене товарами. Советский Союз поставлял промышленное и железнодорожное оборудование, автомашины, нефтепродукты, ткани, бумагу, медикаменты. Когда в освобожденных районах вспыхнула чума, вместе с китайскими врачами советские противоэпидемические отряды ликвидировали ее очаги¹.

Оказавшись перед крахом, гоминьдановские правящие круги продолжали лавировать, зондировали через посла Н. В. Рощина, пойдут ли китайские коммунисты на мир, если Чан Кайши отойдет от власти и будет создано коалиционное правительство, которое провозгласит прекращение войны, дружбу с СССР и т. д.² 8 января 1949 г. нанкинское правительство обратилось к СССР, США и Англии с просьбой о посредничестве в мирных переговорах гоминьдана с Коммунистической партией Китая. 17 января 1949 г. Советское правительство заявило, что,

¹ Подробно см.: *О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база 1945—1949. М., 1975, стр. 178—200.*

² АВП СССР.

неизменно придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, не считает целесообразным принять на себя посредничество. Восстановление единства Китая как демократического и миролюбивого государства является делом самого китайского народа¹. Поскольку маневр гоминьдановцев не удался, вопрос о посредничестве США и Англии потерял смысл.

В то же время правительство Чан Кайши предложило Коммунистической партии начать мирные переговоры. Для их ведения в Пекин выехала делегация гоминьдановского правительства. КПК выдвинула свои условия, но они приняты не были, и переговоры прервались. Часть членов гоминьдановской делегации отказалась вернуться в Нанкин и осталась в Пекине.

21 апреля 1949 г. войска НОАК, возобновив наступление, форсировали Янцзы и 23 апреля взяли столицу гоминьдановского правительства — Нанкин; в мае был освобожден Шанхай. К осени 1949 г. гоминьдановский режим был ликвидирован на большей части территории страны.

21—30 сентября 1949 г. в Пекине проходила сессия Народного политического консультативного совета. Она приняла Положение о Народном политическом консультативном совете, его Общую программу, являвшуюся, по существу, временной конституцией, закон о создании Центрального народного правительства. Сессия избрала правительство, утвердила флаг и герб республики. Пекин стал столицей. 1 октября 1949 г. состоялось торжественное провозглашение Китайской Народной Республики.

Когда на площади Тяньаньмынь в Пекине звучали исторические слова декларации о провозглашении народной республики, войска Народно-освободительной армии добивали врага. К концу 1949 г. власть народа была установлена на всей территории континентального Китая. В первой половине 1950 г. чанкайшисты были изгнаны с островов Хайнань, Чжоушань и др. Враг окопался на Тайване и на некоторых прибрежных островах.

Китайский народ, потеряв в кровопролитных боях миллионы своих сыновей и дочерей, одержал победу.

Победе способствовала благоприятная международная обстановка, и прежде всего рост мощи СССР, создание и укрепление мировой социалистической системы. «Если бы не существование Советского Союза,— писал Мао Цзэдун,— если бы не было победы в антифашистской второй

¹ См. «Известия», 18 января 1949 г.

мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии, если бы не было усиливающейся борьбы угнетенных стран Востока, если бы не было борьбы народных масс в Соединенных Штатах, Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и в других капиталистических странах против правящей реакционной клики, если бы не было всех этих факторов, то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения»¹.

Основные линии внешней политики Китайской Народной Республики были определены в Общей программе Народного политического консультативного совета. Этот документ в течение нескольких лет был основным законом страны.

В программе указывалось, что КНР является государством народной демократии и осуществляет находящуюся под руководством рабочего класса диктатуру народной демократии, основанную на союзе рабочих и крестьян и объединяющую все демократические классы и национальности страны. Она ведет борьбу против империализма, феодализма, бюрократического капитала, за независимость, демократию, мир, единство и создание процветающего и сильного Китая². Народный Китай находится в лагере международного мира и демократии и в целях гарантии длительного мира борется совместно с ними против империалистической агрессии³.

Центральному народному правительству поручалось изучить договоры и соглашения, заключенные гоминьданом с иностранными государствами, и в зависимости от их содержания признать, аннулировать, пересмотреть или перезаключить. Оно уполномочивалось вести переговоры и устанавливать на основе равноправия, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета дипломатические отношения с зарубежными правительствами, которые порвут контакты с гоминьдановскими реакционерами и займут дружественную пози-

¹ Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии. М., 1949, стр. 9.

² См. «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы». М., 1950, стр. 31.

³ См. там же, стр. 33—34.

цию в отношении КНР. Молодая республика хотела восстановить и развивать торговые связи с другими странами и народами на основе равноправия и взаимной выгоды¹.

В декларации Народного политического консультативного совета от 30 сентября отмечалось: правительство КНР, объединившись с миролюбивыми и свободолюбивыми государствами, нациями и народами, в первую очередь с Советским Союзом и странами новой демократии как со своими союзниками в совместной борьбе против империалистических заговоров, направленных на провоцирование войны, будет вести борьбу за длительный мир во всем мире².

В специальной декларации от 1 октября правительство КНР заявило, что оно является единственным законным правительством, представляющим весь народ Китая, и желает установить дипломатические отношения с любым иностранным государством, которое будет соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета³.

КНР — ЧЛЕН СЕМЬИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

1 октября 1949 г. министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил генеральному консулу СССР в Пекине С. Л. Тихвинскому⁴ письмо, где говорилось:

«Настоящим извещаю Вас о том, что сегодня председатель Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики Мао Цзэдун опубликовал декларацию.

При настоящем письме я направляю Вам эту декларацию и надеюсь, что Вы перешлете ее правительству Вашей уважаемой страны.

Я полагаю, что установление нормальных дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными государствами мира является необходимым⁵.

¹ См. «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы». М., 1950, стр. 48.

² См. там же, стр. 52.

³ См. там же, стр. 66.

⁴ С. Л. Тихвинский — ныне член-корреспондент АН СССР, член Коллегии, начальник Историко-дипломатического управления МИД СССР.

⁵ «Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы», стр. 67.

Аналогичные письма были посланы правительствам других стран.

По поручению Советского правительства А. А. Громыко ответил: «Рассмотрев предложение Центрального Народного Правительства Китая, Советское Правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное Народное Правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и обменяться послами»¹.

Признание молодой республики и установление Советским Союзом дипломатических отношений с ней было актом величайшей значимости. Центральное народное правительство Китая выразило глубокую благодарность за то, что СССР явился первым государством, установившим дипломатические отношения с КНР.

Первым советским послом в КНР был назначен Н. В. Рощин, затем — А. С. Панюшкин, а послом Китайской Народной Республики в СССР — Ван Цзясян.

Китайскую Народную Республику в том же году признали: 3 октября — Болгария, 4 октября — Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, 5 октября — Корейская Народно-Демократическая Республика, 7 октября — Монгольская Народная Республика, 21 ноября — Албания. 16 января 1950 г. к ним присоединилась Демократическая Республика Вьетнам. 25 октября 1949 г. правительство КНР решило обменяться дипломатическими представителями с Германской Демократической Республикой.

Перед народной республикой стояли огромные задачи. Промышленность была разрушена (в 1950 г. было добыто 36 млн. т угля, выплавлено 877 тыс. т чугуна, 584 тыс. т стали); транспорт и финансы дезорганизованы; в деревне господствовали полуфеодалные отношения. Сельское хозяйство находилось в упадке: сбор продовольственных культур в 1949 г. составил $\frac{3}{4}$ довоенного, а урожай хлопка сократился почти наполовину. Не было опытных администраторов, не хватало кадров.

С Тайваня совершались воздушные налеты на прибрежные города, с моря республика была блокирована гоминьдановским флотом.

¹ «Правда», 3 октября 1949 г.

Социалистические страны пришли на помощь народному Китаю.

10 ноября Чжоу Энълай сообщил послу СССР, что Мао Цзэдун хотел бы приехать в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летия И. В. Сталина; во время визита он имел в виду поставить вопрос о заключении договора между КНР и СССР. Последовал ответ: в Москве будут рады видеть делегацию КНР. Китайскому руководителю было также предложено подлечиться и отдохнуть в СССР¹.

16 декабря 1949 г. в Москву прибыл председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун, а 20 января 1950 г. — премьер Государственного административного совета Чжоу Энълай.

В ходе московских переговоров, длительных бесед И. В. Сталина и Мао Цзэдуна в Кремле и на подмосковной даче «Волынское» были рассмотрены многие вопросы международной обстановки и советско-китайских отношений, выработаны меры по развитию сотрудничества и дружбы двух государств.

14 февраля 1950 г. были подписаны Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (сроком на 30 лет с возможностью пролонгации), соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита и др.

КНР и СССР обязались совместно принимать меры, чтобы не допустить повторения агрессии и нарушения мира со стороны Японии или любого другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с ней в агрессивных актах. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая немедленно должна оказать ей военную и иную помощь всеми имеющимися у нее средствами.

Необходимость такого соглашения была продиктована историческим опытом. В 1894—1895 гг. Япония захватила Тайвань и Пэнхуледао, во время первой мировой войны оккупировала провинцию Шаньдун, в 1915 г. предъявила Китаю грабительские «21 требование», в 1931 г. отторгла северо-восточные провинции страны, в 1937—1945 гг. вела восьмилетнюю агрессивную войну.

Подвергалась агрессии со стороны Японии и наша страна. Японские милитаристы развязали войну против России в 1904—1905 гг., предприняли интервенцию на

¹ АВП СССР.

советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг. Квантунская армия не раз устраивала провокации и налеты на дальневосточные границы СССР. Достаточно вспомнить военное нападение в 1938 г. в районе озера Хасан. Когда же фашистская Германия начала войну против СССР, Япония стала задерживать советские торговые суда, перерезала наши морские коммуникации на Востоке. Ее посольство в СССР занималось шпионажем и информировало гитлеровцев о положении в стране. Квантунская армия в Маньчжурии находилась в боевой готовности и ждала сигнала для вторжения на нашу территорию. СССР пришлось держать на Дальнем Востоке крупную армию, вместо того чтобы бросить ее на Западный фронт и ускорить разгром германского фашизма, освобождение народов Европы.

Для развития Японии как миролюбивого, демократического, независимого государства требовалось поскорее прекратить ее оккупацию американскими войсками и не допустить ремилитаризации. Именно поэтому КНР и СССР условились добиваться в возможно более короткий срок заключения совместно с другими союзными во время второй мировой войны державами мирного договора с Японией.

Обе стороны взяли обязательство участвовать в духе искреннего сотрудничества во всех международных действиях, имеющих целью укрепление мира и безопасности. Они договорились консультироваться друг с другом по важным внешнеполитическим вопросам, затрагивающим их общие интересы.

Договор предусматривал и всемерное расширение экономических и культурных связей двух стран. Их сотрудничество должно было строиться на принципах равноправия, учета взаимных интересов, уважения суверенитета и территориальной целостности, равно как и невмешательства в дела другой стороны.

Коренные изменения на Дальнем Востоке после 1945 г. — поражение милитаристской Японии, свержение гоминьдановского режима и провозглашение КНР — позволили по-иному подойти к вопросу о Китайской Чанчуньской железной дороге, а также Порт-Артуре и Дальнем¹.

¹ 14 августа 1945 г. СССР и Китай подписали соглашения, по которым КЧЖД переходила в их управление; Порт-Артур объявлялся совместной военно-морской базой; Дальний открывался для судоходства всех стран, во время войны с Японией на Дальний распространялся режим военной базы.

Новое соглашение предусматривало безвозмездную передачу Советским правительством Китаю своих прав по совместному управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой со всем принадлежащим ей имуществом. Это должно было произойти непосредственно после заключения мирного договора с Японией, однако не позже, чем в конце 1952 г.

В соглашении также сказано, что советские войска будут выведены из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур, а сооружения, находящиеся в том районе, перейдут к Китайской Народной Республике. Вывод войск и передачу сооружений предполагалось осуществить после заключения мирного договора с Японией, но не позже конца 1952 г.

Народному Китаю был предоставлен льготный кредит в сумме 300 млн. ам. долл. В течение пяти лет КНР могла получать по 60 млн. долл. для оплаты поставок из СССР оборудования и материалов.

Правительство СССР безвозмездно передавало имущество, которое советские организации приобрели у японских собственников в северо-восточных провинциях Китая (44 завода и фабрики, 2 электростанции, портовые сооружения и оборудование порта Дальний, судостроительная верфь, рыбный и пищевой комбинаты, 2 автобазы с наличным автопарком и мастерскими и др.), здания бывшего русского военного городка в Пекине.

В связи с подписанием договора и соглашений министры иностранных дел СССР и КНР обменялись нотами о том, что договор о дружбе и союзе и соглашения, заключенные 14 августа 1945 г. с тогдашним правительством Китая, потеряли силу.

Пункт 2 в этих нотах касался Монгольской Народной Республики. Еще в феврале 1949 г. Мао Цзэдун во время встречи в Шипзячжуане (Китай) с членом Политбюро ЦК КПСС, заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном коснулся вопроса о «воссоединении двух частей Монголии». Он при этом пояснил, что имеет в виду «воссоединение» с включением Внешней Монголии (МНР) в состав Китая. А. И. Микоян, высказав точку зрения И. В. Сталина, что монгольский народ вкусил плоды суверенного существования и не согласится расстаться с самостоятельностью, ясно дал понять: СССР против аннексии народной Монголии. Поскольку договоренность от 14 августа 1945 г. о проведении плебисцита в МНР была выполнена и плебисцит, состоявшийся 20 ок-

тября 1945 г., продемонстрировал решимость народа отстоять свою независимость, министры иностранных дел СССР и КНР констатировали в упомянутых нотах в качестве свершившегося факта, что «независимое положение Монгольской Народной Республики уже полностью обеспечено в результате проведения в 1945 г. во Внешней Монголии референдума, подтвердившего ее стремление к независимости, и в результате установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республикой».

Советский народ с глубоким удовлетворением встретил Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. «Можно с уверенностью сказать,— отмечалось в «Правде» 16 февраля 1950 г.,— что в развитии советско-китайских отношений наступила новая эра, ознаменованная еще большим укреплением дружбы и сотрудничества между великими народами обеих стран. Вместе с тем широкое и тесное сотрудничество народов СССР и Китая на основе союза и дружбы будет означать всемерное укрепление фронта борьбы за мир и всеобщую безопасность».

Заключение договора одобрили широкие народные массы Китая. В городах и селах, в частях Народно-освободительной армии состоялись торжественные митинги и демонстрации. «Мы горячо приветствуем китайско-советскую дружбу»,— говорили 18 февраля участники стотысячного митинга в Пекине. «У нас будет больше уверенности в единстве и росте сил народов всего мира, в укреплении и расширении всемирного лагеря мира и демократии, в полной ликвидации всяких военных авантур и низких происков империалистов, в укреплении и поддержании прочного мира на Дальнем Востоке и во всем мире,— заявили участники митинга в Кайфыне.— Мы уверены, что могучий Советский Союз вместе с великим Китаем уже представляют собой небывало огромную силу». «Договор и соглашения,— писала газета «Дагунбао»,— ярко свидетельствуют о проявляемом Советским Союзом духе интернационализма, о его неизменной дружбе с Китаем и полном китайско-советском единстве, направленном против агрессии и войны и основанном на принципе взаимного уважения территориального суверенитета». Демократическая партия чжигундан подчеркивала 18 февраля, что договор является гарантией против вторжения в Китай империалистов.

При ратификации 11 апреля 1950 г. договора и дру-

гих документов Мао Цзэдун отметил: «Новые китайско-советские договор и соглашения юридически закрепили дружбу между великими народами Китая и Советского Союза, дали нам надежного союзника. Они облегчили нашу работу в области внутреннего строительства и совместное противодействие возможной империалистической агрессии, во имя сохранения мира во всем мире»¹. Как потом стало известно, Мао Цзэдун, националистическое крыло руководства проявляли неискренность. Они считали сотрудничество с СССР временной мерой, тактическим ходом.

В соответствии с договоренностью между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном Советский Союз, практически осуществляя договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, направил в Китай авиационные дивизии, которые сразу же пресекли налеты американско-чанкайшистской авиации на Шанхай и другие районы, обеспечили безопасность всего восточного побережья КНР.

В целях ускорения восстановления и развития народного хозяйства 27 марта 1950 г. СССР и КНР договорились об организации на паритетных началах трех смешанных обществ: гражданской авиации, по добыче нефти и цветных металлов в Синьцзяне. В следующем году было образовано еще одно общество — по строительству и ремонту судов в Дальнем.

Общество гражданской авиации, располагая советскими самолетами и другой техникой, наладило авиационное сообщение между СССР и КНР, а также на внутренних китайских линиях.

Общества по добыче нефти и цветных металлов провели большие разведочные работы и создали крупные предприятия по добыче полезных ископаемых. Это не только содействовало развитию экономики одного из самых отсталых районов страны — Синьцзяна, но и обеспечило подготовку больших отрядов китайских специалистов.

По приглашению правительства КНР приехало несколько сот высококвалифицированных специалистов из СССР для помощи в восстановлении народного хозяйства и организации управления им, в подготовке национальных кадров.

Чтобы содействовать активному товарообмену, Советский Союз и Китай заключили в апреле 1950 г. соглаше-

¹ «Жэньминь жибао», 13.IV. 1950.

ние о торговле и товарообороте. Был подписан также протокол о поставке в КНР в 1950—1952 гг. оборудования и материалов в счет кредита от 14 февраля 1950 г. Доля СССР во внешней торговле КНР в 1950 г. уже составляла 23,4%, в 1951 г. — 35,8, а в 1952 г. — 51,5%¹. Промышленное оборудование, черные и цветные металлы, ферросплавы, нефть и нефтепродукты, многие другие товары и материалы отправляла Советская страна в обмен на продовольствие, цветные и легирующие металлы, текстильное сырье, ткани, щетину, кожсырье, химические продукты, кустарно-художественные изделия. В первые годы после своего образования КНР получила из СССР огромное количество необходимой готовой продукции. Например, советские поставки черных металлов в 1950—1952 гг. достигли 943 тыс. т, или почти 40% их общей добычи в Китае. Если за те же годы там было добыто около 900 тыс. т нефти, то СССР предоставил 1,5 млн. т нефтепродуктов, в том числе 506 тыс. т бензина и 477 тыс. т керосина². Наши поставки оборудования, материалов и других товаров на многие сотни миллионов рублей превысили китайские. В 1950 г. советский экспорт в КНР оценивался 1552,8 млн. руб., а в 1952 г. — 2200,1 млн. руб. (в тогдашних рублях). Китайский экспорт в СССР равнялся 765,1 млн. руб. в 1950 г. и 1655 млн. руб. в 1952 г.³

Советские научные учреждения, проектные организации и промышленные предприятия выполняли заказы КНР. Тысячи китайских граждан были направлены в СССР на учебу и производственную практику.

Уже в 1950—1952 гг. СССР помогал КНР в восстановлении, перестройке и сооружении более чем 50 крупных промышленных предприятий, в частности Аньшаньского металлургического комбината, тепловой электростанции «Фусинь», Харбинского прядильно-ткацкого комбината и т. д. Советские специалисты участвовали в разработке и осуществлении плана гидротехнического строительства на реках Хуайхэ и Хуанхэ, в восстановлении железных дорог.

¹ См. М. И. Сладковский. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957, стр. 310.

² См. О. Борисов, Б. Колосков. Политика Советского Союза в отношении КНР — социалистический интернационализм в действии. — Сб. «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 163.

³ См. М. И. Сладковский. Очерки экономических отношений СССР с Китаем, стр. 310.

Учитывая народнохозяйственные потребности обеих стран, СССР и КНР подписали в январе 1951 г. соглашение о порядке плавания на пограничных участках рек Амура, Уссури, Аргуни, Сунгачи и озера Ханка. На его основе в течение ряда лет осуществлялось нормальное судоходство по пограничным водным путям.

В сентябре 1952 г. премьер Государственного административного совета Чжоу Эньлай посетил Советский Союз. Этот визит позволил обменяться мнениями в связи с войной в Корее и враждебными действиями США против Китая. Учитывая обострение обстановки на Дальнем Востоке, стороны в частичное изменение соглашения от 14 февраля 1950 г. договорились отложить вывод советских войск из военно-морской базы Порт-Артур. Эта база, наряду с советскими авиационными дивизиями, переброшенными в Северо-Восточный Китай, сыграла большую роль в защите безопасности КНР во время войны в Корее. 15 сентября было подписано соглашение о строительстве трансмонгольской железной дороги, которая связывала бы три страны — СССР, МНР, КНР.

В соответствии с соглашением Чанчуньская железная дорога в декабре 1952 г. была передана Китаю. За время совместного управления она стала лучшей магистралью страны, школой подготовки кадров железнодорожников. Мао Цзэдун в телеграмме И. В. Сталину отмечал «огромный вклад Советского Союза в дело железнодорожного строительства в Китае». Чжоу Эньлай заявил при подписании заключительного протокола о передаче КЧЖД: «Китайский народ никогда не забудет этой братской помощи советского народа».

Многообразным становилось сотрудничество народного Китая с другими социалистическими государствами.

В январе 1951 г. было заключено соглашение о товарообмене и платежах на тот же год между КНР и Польшей, а в феврале определены общие условия товарообмена между их торговыми организациями. 11 июля 1952 г. соглашение было продлено еще на один год. 25 мая 1953 г. стороны договорились о товарообмене и порядке расчетов в текущем году.

В 1950 г. импорт Китая из Польши составлял 25 млн. руб., а экспорт — 9 млн. руб., в 1953 г. — соответственно 124 млн. и 109 млн. руб.¹ Важное значение для расширения сотрудничества имело образование в 1951 г. китай-

¹ См. «Внешняя торговля», 1958, № 10, стр. 5.

ско-польского смешанного судоходного общества, связавшего паромной линией порты обеих стран.

21 июня 1951 г. было заключено китайско-чехословацкое соглашение о торговле и взаимных расчетах, которое затем продлевалось. Экспорт КНР в Чехословакию в 1952 г. равнялся 200 млн. руб., в 1953 г. — 217,6 млн. руб., импорт в 1952 г. составлял 242,5 млн. руб., в 1953 г. — 244 млн. руб.

Значительная часть китайского товарооборота приходилась на долю Германской Демократической Республики. В 1953 г. КНР закупила в ГДР товаров на 201 млн. руб., продала — на 255 млн. руб.

Китай отправил в Венгрию в 1952 г. товаров на сумму 108,4 млн. руб., а в 1953 г. — на 122,4 млн. руб. и импортировал соответственно на 108,9 млн. и 142 млн. руб.

30 июля 1952 г. КНР и Румыния заключили соглашение о товарообмене и платежах на 1952 г., а 19 января 1953 г. — на 1953 г. Экспорт Китая в 1952 г. равнялся 5,5 млн. руб., а в 1953 г. — 13 млн. руб.; импорт — 1,4 млн. руб. и 11,7 млн. руб.

21 июля 1952 г. было подписано китайско-болгарское соглашение о товарообмене и платежах на 1952 г., а 3 декабря — на 1953 г. Товарооборот с НРБ достиг 10 млн. руб. в 1952 г. и 39,4 млн. руб. в 1953 г., в том числе экспорт — 7,6 млн. руб. и 18,2 млн. руб. и импорт — 2,4 млн. руб. и 21,2 млн. руб.¹

Китай экспортировал в эти страны железную руду, концентрат вольфрама и молибдена, олово, асбест, плавиковый шпат, шелк, шерсть, кожи, щетину, масло тунговое, чай и прочие товары, а вывозил станки, электрооборудование, комбайны, тракторы, автомобили, горное оборудование, телефонные станции, оборудование и материалы комплектных предприятий, многие другие виды промышленной продукции.

Развивались культурные и научные связи со странами народной демократии. В 1951 г. подписаны соглашения о культурном сотрудничестве с Венгрией, Польшей, Румынией, ГДР, в 1952 г. — с Болгарией и Чехословакией. Была достигнута договоренность о сотрудничестве с радио Венгрии, Польши, Румынии, Болгарии, Чехословакии. В 1953 г. КНР заключила соглашения о научно-техническом сотрудничестве с Венгрией, Румынией, Чехословакией, ГДР; установила почтово-телеграфную и те-

¹ См. «Внешняя торговля», 1958, № 10, стр. 8.

лефонную связь с Польшей, ГДР, Венгрией, Чехословакией.

7 апреля 1952 г. были согласованы условия товарообмена с Демократической Республикой Вьетнам, а 25 августа 1953 г. подписан протокол о пограничной торговле. В 1952 г. Китай поставил Вьетнаму товаров на 1,9 млн. руб. и на 9,7 млн. руб. в 1953 г., закупив у него на 1,4 млн. руб. в 1952 г. и на 2,7 млн. руб. в 1953 г. Основными статьями экспорта в ДРВ были ткани, автомашины, обувь, лекарства, а импорта — свинец, олово, лаки, скот, чай.

25 декабря 1949 г. было заключено соглашение между КНР и КНДР о почтовой, телеграфной и телефонной связи. Китай оказывал материальную помощь населению Кореи, пострадавшему от войны. Кроме того, в порядке товарообмена он направил товаров на 82 млн. руб. в 1952 г. и на 167 млн. руб. в 1953 г. (уголь, железные изделия, стекло, масла, продовольствие, одежду, ткани и т. д.). Импорт из КНДР равнялся 3 млн. руб. в 1952 г. и 2,4 млн. руб. в 1953 г.

Расширились связи КНР с Монголией. В сентябре — октябре 1952 г. Китай посетила делегация МНР во главе с Первым секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом. 4 октября было заключено соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве между КНР и МНР¹. Увеличивался китайско-монгольский товарооборот. В 1953 г. экспорт Китая в МНР составил 1 млн. руб., а импорт — 6,6 млн. руб.

КНР получала из социалистических стран все необходимое для развития индустрии, науки и техники, в свою очередь там находили сбыт в значительных количествах китайские товары. Насильственное нарушение Соединенными Штатами Америки внешнеторговых связей КНР с капиталистическими странами не могло изменить планомерного развития народной экономики.

К концу 1952 г. в основном была завершена аграрная реформа: 300 млн. крестьян получили землю и иные выгоды, был ликвидирован самый многочисленный контрреволюционный класс — помещики. За три года не только восстановлена промышленность, но во многих отраслях превзойден наивысший довоенный уровень производства: по электроэнергии — на 22%, нефти — на 37,3, стали — на 46, прокату — на 67, чугуну — на 5,5, цементу — на 15, хлопчатобумажной ткани — на 98,3, бумаге — на 125%

¹ См. «Сборник договоров Китайской Народной Республики. 1951—1953», т. 2. Пекин, 1957, стр. 8.

и т. д. Валовая продукция промышленности, кустарного производства, сельского хозяйства, а также подсобных промыслов крестьян увеличилась в 1952 г. на 77,5% по сравнению с 1949 г.

Укрепился социалистический сектор, возросла его роль в народном хозяйстве. В 1952 г. удельный вес государственной промышленности в валовой продукции промышленности КНР равнялся 41,5%. Социалистический сектор служил прочной базой для перехода к развернутому плановому строительству, обеспечивал неуклонное развитие экономики. Впервые за многие десятилетия была стабилизирована валюта, юань стал единственной денежной единицей страны.

ОБРАЗОВАНИЕ КНР И ПОЗИЦИЯ США, ПРИЗНАНИЕ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НЕКОТОРЫМИ РАЗВИВАЮЩИМИСЯ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В ходе гражданской войны в Китае США не были нейтральными, а находились в одних окопах с чанкайшистами. Это не могло не сказаться по крайней мере в первое время на отношениях между КНР и США. Вместе с тем слишком большим шоком для американцев явилось поражение США в Китае, «холодная война» накладывала свой отпечаток на образ действий тех, кто определял политику Вашингтона. Много лет спустя, в 1978 г., стало известно из рассекреченных госдепартаментом документов, что Чжоу Эньлай в 1949 г. нелегально обратился к США с просьбой помочь Китаю проводить курс, «независимый от Запада и Советского Союза». Согласно сообщению ЮПИ, «Чжоу Эньлай установил контакт с американскими официальными представителями в Пекине и попросил, чтобы его соответствующее послание было в совершенно секретном порядке передано самым высокопоставленным американским официальным лицам». По словам агентства, он потребовал сохранить дело в строгой тайне, ни в коем случае не упоминать его имени, предупредив, что в противном случае «он, конечно, откажется от этого послания самым решительным образом».

Согласно документам, Чжоу Эньлай просил США «оказать помощь Китаю», рекомендуя исходить из того, что Китай еще не является коммунистической страной и

если политика Мао Цзэдуна будет проводиться в жизнь правильно, то не станет коммунистической страной еще долгое время»; «Китай мог бы в этом случае выполнять в международной жизни роль посредника между западными капиталистическими державами и СССР; возникновение хаоса в Китае при любом установленном там режиме создало бы угрозу миру в Азии и во всем мире»¹.

По сведениям ЮПИ, предложение Чжоу Энляя вызвало полемику в государственном департаменте США и «в конечном итоге было отвергнуто».

Тем не менее правительство КНР, заявив в декларации от 1 октября, что желает установить дипломатические отношения с любым иностранным государством, которое будет соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, не делало исключения для кого-либо. Более того, американская администрация была уведомлена через генерального консула в Пекине о готовности правительства КНР иметь дипломатические связи с Соединенными Штатами.

США оказывали нажим на другие страны буржуазного мира, чтобы помешать установлению отношений с КНР. Еще в апреле 1949 г., вскоре после освобождения Нанкина Народно-освободительной армией, государственный департамент через своих послов в Англии, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландах, Канаде и других странах довел до сведения их правящих кругов, что Вашингтон будет считать нежелательным любое действие с целью признания нового правительства Китая. При этом Белый дом не скрывал своей заинтересованности в образовании фронта, чтобы воспрепятствовать признанию народного Китая в будущем².

В сентябре 1949 г. на вашингтонском совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции Д. Ачесон изложил американскую позицию в отношении народной власти в Китае. Он заявил, что Белый дом не признает новое правительство. Французский министр иностранных дел Шуман солидаризировался с госдепартаментом. Министр иностранных дел Великобритании предупредил: его правительство, возможно, найдет нужным принять другое решение.

Когда было провозглашено образование КНР, государственный секретарь поручил американским дипломатам

¹ Цит. по: «Правда», 15 августа 1978 г.

² «Department of State Bulletin», 15.X. 1951, p. 604.

указать правительствам, при которых они аккредитованы, что Вашингтон твердо стоит на позиции непризнания¹.

В то же время Белый дом не отказывался от поддержания в какой-то форме отношений с Пекином, но требовал за это плату. 4 октября 1949 г. представитель госдепартамента Уайт заявил: США не видят оснований для спешки с признанием КНР. Через неделю государственный секретарь Д. Ачесон дал понять, что США могли бы признать КНР, если ее правительство возьмет на себя обязательства, вытекающие из договоров, которые заключили гоминьдановцы. Иными словами, американская дипломатия требовала сохранить позиции, какие США имели при чанкайшистском режиме.

При этом Соединенные Штаты не только не закрывали свои консульства, миссионерские и «благотворительные» организации, но и претендовали на то, чтобы их сотрудники рассматривались как официальные лица, а работники бывших консульств пользовались даже дипломатическим иммунитетом.

Правительство КНР, в свою очередь, попыталось надавить на Вашингтон с целью подтолкнуть его к признанию народной республики. В середине января китайские власти наложили арест на имущество США, находившееся на территории их генерального консульства. Поскольку США не пожелали установить дипломатические отношения, китайское правительство не согласилось признавать официальный статус за их многочисленными консульствами, миссионерскими и иными организациями. Оно заявило: ввиду отсутствия дипломатических отношений между двумя странами американские чиновники будут рассматриваться как частные лица. Китайские власти выслали тех американцев, которые вели враждебную деятельность против народно-демократического строя.

Официальные лица и реакционная печать США пытались представить позицию Китая в этом вопросе как неуважение прав «свободных» держав. Они утверждали, будто его правительство само осложняет признание народной республики со стороны США и других западных государств. Президент Г. Трумэн заявил 17 ноября 1949 г. на пресс-конференции, что действия КНР являются нарушением международной практики и наносят оскорбление Соединенным Штатам.

США прибегли и к экономическому бойкоту. Они за-

¹ «Department of State Bulletin», 15.X.1951, p. 613.

претили отправку в Китай так называемых стратегических материалов. Запрет распространялся на товары, требующиеся для удовлетворения нужд народного хозяйства: электрогенераторы, лубрикационные масла, оборудование для нефтяной и горнорудной промышленности, автомашины, одежду, продукты и т. д. В результате американский экспорт, составлявший в 1947 г. 362 млн. долл., в 1948 г. — 246 млн. долл., с июня 1949 г. по июнь 1950 г. упал до 30 млн. долл., а импорт — соответственно со 117—118 млн. долл. до 110 млн. долл.

В то же время США продолжали оказывать помощь гоминьдаповцам. Когда части Народно-освободительной армии подошли к Каптону, американские пароходы и самолеты перевезли чанкайшистов на Тайвань. В Тайбэе окопалось «национальное правительство» несуществующей «Китайской республики». Соединенные Штаты Америки и некоторые зависимые от них страны учредили при этом «правительстве» свои посольства.

В октябре 1949 г. США выделили для помощи чанкайшистам 75 млн. долл. В феврале 1950 г. конгресс принял решение продлить срок, в течение которого могли быть израсходованы оставшиеся неиспользованными 108 млн. долл., предоставленные гоминьдаповскому правительству по плану Маршалла в 1948 г.

С Тайваня совершались набеги на Китайскую Народную Республику и разбой в открытом море. С февраля 1950 г. самолеты, пилотируемые чанкайшистами и наемниками из американцев, японцев и западных немцев, стали бомбардировать и обстреливать населенные пункты КНР; особенно разрушительные налеты совершались на Шанхай. Чанкайшистские корабли обстреливали и захватывали иностранные суда, шедшие в китайские порты. В ноябре 1949 г. они повредили корабли «Люис Моллер», «Эдит Моллер», «Леонби», «Цзинань», «Усан». Этот разбой вызвал протесты деловых кругов Запада. Английская «Манчестер гардиэн» писала 4 апреля 1950 г.: «Когда Чан Кайши бежал на Формозу, то его игра была кончена, и именно в тот момент американцы должны были прекратить какую бы то ни было поддержку, независимо от того, был ли коммунистический режим признан де-факто или нет. Продолжать оказание помощи разгромленной и отчаявшейся группе, которая сейчас занимается лишь злым разрушением без всякой военной или стратегической цели, — значит добиваться именно того, за предотвращение чего ведется борьба; как считают, ее возглавляет Америка».

Исподволь готовилась оккупация вооруженными силами США острова Тайвань. 7-й флот, крейсировавший в дальневосточных водах, был усилен. Перебрасывались новые воинские части в Японию. Участились поездки на Дальний Восток американских генералов и дипломатов. Ряд сенаторов и конгрессменов призывали игнорировать Каирскую и Потсдамскую декларации и оккупировать Тайвань. В то же время Вашингтон не решался отрицать суверенитет Китая над Тайванем и другими островами¹. 5 января 1950 г. Трумэн заявил: Тайвань возвращен Китаю, и США вместе с союзными державами согласились с осуществлением китайским правительством власти над этим островом². В тот же день государственный секретарь Ачесон, подтверждая заявление Трумэна, отметил, что уже четыре года Тайвань управляется Китаем³.

Делегация США энергично поддержала проект резолюции, который был внесен чанкайшистом в Политическом комитете IV сессии Генеральной Ассамблеи. Он требовал от всех государств — членов ООН не признавать Китайскую Народную Республику. Провести резолюцию помешали делегации СССР, Чехословакии, Польши, Бирмы, Индии, Пакистана и других стран.

Правящие круги США надеялись, что изоляция затруднит движение Китая по пути строительства социализма, вызовет серьезные внутренние трудности, заставит народную власть капитулировать и обратиться за помощью

¹ Уже в XIII в. большую часть населения Тайваня составляли китайцы, переселившиеся из двух приморских провинций — Фуцзянь и Гуандун.

Богатства острова, его удобное расположение издавна привлекали чужеземных хищников. В первой половине XVII в. там попытались закрепиться голландские и испанские колонизаторы, однако китайские войска изгнали их. В 1867 г. на Тайване высадился американский десант, но был разбит. В 1874 г. японцы при содействии США совершили налет и тоже были разгромлены. Через три года они предприняли новую попытку захватить остров и опять безуспешно. В 1895 г. японским империалистам удалось отторгнуть Тайвань и Пэнхуледао от Китая.

1 декабря 1943 г. на Каирской конференции глав правительств США, Китая и Англии было принято решение возвратить Китаю Тайвань и другие острова, захваченные Японией. Это решение было подтверждено в июле 1945 г. в Потсдамской декларации, а затем в акте о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. Осенью того же года на Тайване и Пэнхуледао высадились китайские войска. ООН в резолюции от 8 декабря 1949 г. признала неоспоримой принадлежность Тайваня Китаю.

² «New York Times», 6. I. 1950.

³ Ibidem.

к заокеанским монополистам, которые продиктуют свои условия. В то же время они рассчитывали, что разрыв деловых связей Англии, Франции, Японии и других государств с Китаем усилит их зависимость от США.

Политический и экономический бойкот не мог помешать расширению междупародных контактов КНР. На ее призыв об установлении дипломатических отношений на основе демократических принципов откликнулись азиатские страны, недавно ставшие на путь самостоятельного развития.

16 декабря 1949 г. Бирма признала КНР. 30 декабря 1949 г. Индия объявила об установлении дипломатических отношений с народным Китаем. Ее примеру последовали: 4 января 1950 г. Пакистан, 6 января — Цейлон, 12 января — Афганистан, 27 марта — Индонезия.

Признание КНР рядом развивающихся государств, прежде всего соседними странами Юго-Восточной и Южной Азии, объяснялось тем, что они сами недавно сбросили колониальное господство и симпатизировали освобождению Китая. Важную роль играло и другое соображение: эти страны, пережившие в свое время китайско-маньчжурские нашествия или угрозу их безопасности со стороны богдыханов, искали ответа на вопрос, как поведет себя новый Китай; дипломатические отношения, по их расчетам, должны были регламентировать действия КНР и оградить от ее вмешательства.

Контакты с соседними несоциалистическими странами, однако, наладились не сразу.

Руководители КПК, заняв отрицательную позицию в отношении буржуазного правительства Бирмы, установили тесные связи с повстанцами, которые вели вооруженную борьбу с марта 1948 г. В Пекине считали, что бирманский народ должен идти по пути китайской революции. Другой серьезной проблемой было наличие на территории Бирмы остатков гоминьдановских войск, бежавших из Китая. Они грабили местное население, нападали на пограничные районы КНР. Части Народно-освободительной армии, преследуя их, иногда заходили в пределы Бирмы. Третьей проблемой были китайские территориальные притязания. В 1950 г. в КНР появились карты, где в ее состав включена северная часть Бирмы, а также присалунский район, вопрос о котором был решен в 1941 г. Бирманское правительство заявило протест. Китайские власти ответили, что у правительства не было времени изготовить новые карты, и оно воспроизвело старые, где граница по-

казана недемаркированной¹. В дальнейшем КНР потребовала пересмотра границы.

Возникли трудности и в отношениях с Индией. Их осложнял вопрос о будущем гималайских государств, которые рассматривались в Пекине как территории, «утраченные» Китаем в XIX в.; он претендовал по крайней мере на особые отношения с ними. Из-за подобных претензий Индия отнеслась с подозрением к мерам, принятым правительством КНР в отношении Тибета. Между Индией, возражавшей против использования военной силы в отношении Тибета, и Китаем произошел обмен резкими нотами и заявлениями. Дело еще более осложнилось, когда 20 ноября 1950 г. группа членов парламента Индии обратила внимание на то, что на географических картах, изданных в Китае, линия его южной границы простиралась до реки Брахмапутры в штате Ассам. Премьер-министр Дж. Неру заявил, что граница на востоке Индии определена линией Мак-Магона и правительство «не позволит кому-либо нарушить ее»².

Когда же 23 мая 1951 г. было подписано соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета, которому гарантировалась автономия в пределах КНР, правительство Индии сочло целесообразным отнестись к этому примирительно. Китайское правительство, противодействовавшее американской агрессии и заинтересованное в благожелательной позиции Индии, стремилось, в свою очередь, смягчить разногласия с нею. КНР поставила Индии некоторое количество продовольствия в обмен на ее товары; начался обмен делегациями. В сентябре 1952 г. миссия Индии в Лхасе была преобразована в генеральное консульство; Китай учредил генеральное консульство в Бомбее. Стороны договорились обсудить вопросы об индийских почтовых пунктах, телеграфных и телефонных линиях, о воинских частях в Тибете.

В этот период были заморожены отношения Китая с Пакистаном, следовавшим в фарватере политики США. Недоверие и отчужденность омрачали китайско-индонезийские отношения, возникали многочисленные недоразумения в связи с отказом в визах делегациям КНР, ограничением штата ее дипломатического и консульского персонала в Индонезии и т. д.

Таиланд и Филиппины отказались признать КНР. Это

¹ W. C. Johnson. *Burma's Foreign Policy*. Cambridge, 1963, p. 163.

² «Parliamentary Debates». New Deli. 1950, vol. V. N 4, p. 155—156.

объяснялось их зависимостью от США, а также опасением, что открытие посольств КНР активизирует колонии китайских эмигрантов, которые в Таиланде составляли 13 %, а на Филиппинах — 1 % населения.

Из развитых капиталистических стран первой о признании КНР заявила Великобритания. 6 января 1950 г. британский генеральный консул в Пекине Грэхэм вручил ноту министру иностранных дел КНР. Правительство Англии констатировало, что Центральное народное правительство КНР осуществляет действенный контроль над подавляющей частью территории страны, и заявило о признании его де-юре. Временным поверенным в делах Великобритании в Китае назначался Хатчинсон, которому поручалось вести переговоры об установлении дипломатических связей¹.

Правительство КНР согласилось принять английского поверенного и начать переговоры о нормализации дипломатических отношений. Таким образом, вопрос об их установлении не решался, а ставился в зависимость от результатов переговоров.

Пойти на установление отношений с народным Китаем английское правительство заставили несколько обстоятельств.

Во-первых, оно считало, что разрыв экономических связей с США и большая потребность Китая в машинах и другом промышленном оборудовании представляют громадные возможности для английской торговли. Вытесняемая американскими монополиями с традиционных рынков и оказавшаяся перед угрозой истощения золотого и долларового запаса, Великобритания остро нуждалась в расширении внешнеторгового оборота. Кроме того, она пыталась сохранить свои авуары в Китае. «Все признают, — писала лондонская «Таймс», — что Англия имеет в Китае более значительные интересы, нежели любая другая иностранная держава. Было бы печально, если бы эта длительная связь разрушилась»². Британские капиталы были вложены в некоторые отрасли промышленности и транспорт, англичанам принадлежали жилые помещения, оценивавшиеся в 150 млн. долл. В 1945 г. английские капиталовложения в Китае составляли 767,4 млн. ам. долл.³

¹ «Сборник документов по внешним сношениям Китайской Народной Республики. 1949—1950». Пекин, 1957, стр. 19 (на кит. яз.).

² «Times», 5. X. 1949.

³ См. М. И. Сладковский. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953, стр. 260.

В стране было несколько британских банков. «Англичане, — отмечал американский автор Хадсон, — не считали завоевание Китая коммунистами бедствием для их интересов... они скорее думали, что его нельзя предотвратить в Китае и поэтому оно должно быть принято по возможности с хорошим тактом. Британские деловые круги в Китае были убеждены, что смогут поладить с коммунистами, и даже ожидали, что их интересам будет польза от более честной и упорядоченной администрации, которую вводили новые хозяева» ¹.

Во-вторых, правительство Англии вынуждено было учитывать настроение стран Азии, входящих в Британское содружество, которые настаивали на признании Китайской Народной Республики.

В-третьих, в Лондоне считали, что наличие дипломатических отношений с КНР поможет уменьшить влияние китайской революции на соседние страны, облегчит регулирование тех вопросов, какие могут возникнуть в отношении Гонконга, а также английских владений в Юго-Восточной Азии. «Потребность Великобритании в торговле с Китаем значительно большая, нежели потребность Америки, и боязнь потерять Гонконг или по меньшей мере воевать из-за него — все это, можно было считать, удержит Великобританию от слишком тесного объединения с Соединенными Штатами в китайско-американском конфликте» ², — писал тот же Хадсон.

В-четвертых, правящие круги Англии опасались, что поддержка авантюристической позиции США в отношении КНР связана с риском войны на Дальнем Востоке. В любом случае она привела бы к серьезному ослаблению британских позиций в Азии.

Признание Англией народного Китая, вопреки возражениям США, свидетельствовало о существовании серьезных противоречий между этими империалистическими державами. Как отмечала лондонская «Таймс», консультации Англии и США по вопросу признания Китая «выявили разногласия по самым серьезным вопросам современной обстановки» ³.

Главным условием, которое выдвигала КНР при установлении официальных отношений, был полный разрыв

¹ G. F. Hudson. British Relations with China, «Current History», XII, 1957, p. 329.

² Ibidem.

³ «Times», 7. I. 1950.

того или иного государства с чанкайшистской кликой. Английское правительство порвало дипломатические связи с бывшим правительством Китая. В то же время в Тяньсue, на Тайване, осталось британское консульство, которому поручили поддерживать с гоминьдановскими властями отношения де-факто. Англия при рассмотрении вопроса о восстановлении прав Китая в ООН заняла двуличную позицию, по существу поддерживая США. В январе 1950 г. ее представитель выступил против предложения СССР об исключении из Совета Безопасности чанкайшиста; он ссылаясь на то, что решение о допуске КНР в ООН будет «преждевременным» и «опрометчивым», поскольку она признана лишь некоторыми государствами.

Оценивая позицию Великобритании, пекинская газета «Гуанмин жибao» писала: «Через Бевина и Кадогана английское правительство проводит лицемерную, двуличную политику. Объявляя о своей готовности установить дипломатические отношения с Китаем, Англия заявила, что «пекинское правительство удовлетворяет предварительному условию признания его законным правительством, как это предусмотрено международным правом». Однако во время голосования советского предложения в Совете Безопасности Англия забыла свое заявление и воздержалась от голосования, практически поддержав, таким образом, гоминьдановскую реакционную клику. Является ли, судя по этому, готовность Англии установить дипломатические отношения с Китаем выражением доброй воли и искренности? Сейчас китайский народ может дать на вопрос правильный ответ»¹.

2 марта 1950 г., когда начались переговоры между Чжоу Эньлаем и Хатчисоном об установлении дипломатических отношений, министр иностранных дел Китая указал на непоследовательность британского правительства. Поверенный в делах Англии не смог дать удовлетворительного разъяснения. Более того, пока шли переговоры, Лондон совершил ряд недружелюбных в отношении Китая актов.

Английские власти в Гонконге (Сянгане) задержали 71 самолет, принадлежавший в прошлом китайско-американской компании. Правительство КНР потребовало вернуть самолеты, однако английские власти приняли решение о передаче их американскому генералу Ченнолту, который возглавлял китайско-американскую компанию.

¹ «Гуанмин жибao», 17.I. 1950.

Весной 1950 г. английские власти ограничили передвижение китайцев между Гонконгом и материком.

Правительство КНР выразило решительный протест против действий британских властей, подчеркнув, что они не способствуют улучшению англо-китайских отношений¹.

Переговоры об установлении дипломатических отношений зашли в тупик и незадолго до начала войны в Корею были прерваны.

Народный Китай признало норвежское правительство. Оно выразило готовность послать в Пекин своего поверенного в делах. 9 января министр иностранных дел Дании направил китайскому министру иностранных дел телеграмму, где сообщал, что его правительство признало КНР и желает обменяться дипломатическими представителями. 9 января Израиль принял решение об установлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой. 13 января Финляндия, 14 января Швеция, 17 января Швейцария признали народный Китай. 27 марта 1950 г. правительство Нидерландов известило КНР о желании иметь официальные отношения.

БОРЬБА ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА КИТАЯ В ООН

15 ноября 1949 г. министр иностранных дел КНР информировал генерального секретаря ООН, что Центральное народное правительство в основном освободило страну и завоевало горячую поддержку китайского народа, а реакционное правительство развалилось и потеряло основания де-факто и де-юре представлять Китай. В тот же день в телеграмме председателю IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН правительство КНР сообщило, что отказывается признать за делегацией клики Чан Кайши право представлять китайский народ.

СССР, Польша и Чехословакия² энергично поддержали обращение Китайской Народной Республики.

Советский представитель, выступая 25 ноября 1949 г. в Политическом комитете Генеральной Ассамблеи, заявил, что не считает правомочной чанкайшистскую делегацию, и потребовал пригласить представителей КНР. С такими же заявлениями выступили делегации УССР, БССР, Поль-

¹ «Жэньминь жибао», 10.V. 1950.

² Другие социалистические страны тогда еще не были членами ООН.

ши и Чехословакии. Белорусский представитель указал: его делегация будет в дальнейшем признавать только уполномоченных Центрального народного правительства. Телеграмма Центрального народного правительства Китая, отметил глава чехословацкой делегации, лишила гоминьдановцев права представлять в ООН китайский народ¹.

8 января 1950 г. министр иностранных дел КНР направил генеральному секретарю ООН, председателю Генеральной Ассамблеи и правительствам стран — членов Совета Безопасности телеграмму. Он вновь настаивал на исключении чанкайшистов из Совета Безопасности и других органов, а также на восстановлении прав КНР в Организации Объединенных Наций².

10 января СССР внес в Совете Безопасности проект резолюции, где предлагал не признавать полномочий чанкайшиста и исключить его из Совета Безопасности. Делегация Советского Союза в Совете Безопасности, по поручению Советского правительства, — говорил представитель СССР, — доводит до сведения Совета Безопасности о том, что она поддерживает указанное заявление Центрального народного правительства Китайской Народной Республики и со своей стороны настаивает на исключении из Совета Безопасности представителя гоминьдановской группы. «Гоминьдановец не представляет Китай, и поэтому его дальнейшее пребывание в Совете Безопасности является незаконным».

Американские дипломаты выступили против допуска КНР в ООН. Поддержка, оказанная Францией и Англией, помогла им сорвать принятие советской резолюции от 10 января 1950 г.

КНР продолжала добиваться восстановления своих законных прав в ООН. В телеграмме председателю Генеральной Ассамблеи и генеральному секретарю ООН от 19 января министр иностранных дел спрашивал, когда будут изгнаны «представители» гоминьдановской клики и когда законная делегация Китайской Народной Республики сможет участвовать в работе ООН. Он требовал, чтобы ее делегатам была предоставлена возможность незамедлительно приступить к выполнению своих обязанностей³.

2 февраля 1950 г. министерство иностранных дел КНР информировало председателя Генеральной Ассамблеи и

¹ См. «Правда», 27 ноября 1949 г.

² «Жэньминь жибао», 9.I. 1950.

³ «Вайцзяогунбао», 1950, № 1.

генерального секретаря ООН о назначении китайской делегации в Экономический и Социальный совет.

Представители СССР, Польши и Чехословакии во всех органах ООН настоятельно требовали восстановить права КНР.

Следует отметить, что уже тогда кое-кто подбрасывал идею «двух Китаев». Ее автором были английские дипломаты. С одной стороны, интересы британской экономики диктовали развитие деловых отношений с КНР, а с другой — правящие круги Англии не решались действовать вразрез с линией США. Создание ситуации «двух Китаев» позволяло бы, считали они, отторгнуть Тайвань от КНР и сохранить чанкайшистскую клику в ООН. При таком положении США сняли бы возражение против восстановления прав КНР в Организации Объединенных Наций.

В мае 1950 г. министерство иностранных дел Англии заявило, что Тайвань является де-юре японской территорией и так называемое «националистическое правительство» (чанкайшистская группа) имеет первенствующее право осуществлять свой суверенитет над островом¹. 11 августа 1950 г. газета «Манчестер гардиэн» выступила с планом создания автономного тайваньского государства под опекой ООН. В декабре 1950 г. лидер лейбористов К. Эттли высказался за «нейтрализацию Тайваня на несколько лет». После перемирия в Корее «Манчестер гардиэн» рекомендовала правительству принять решение о том, чтобы на Генеральной Ассамблее ООН присутствовали как представители КНР, так и гоминьдановцы.

Советский Союз, другие социалистические страны отстаивали тезис, что есть лишь один Китай — Китайская Народная Республика, а Тайвань — ее провинция и поэтому только представители из Пекина вправе выступать в ООН от имени Китая.

ВОЙНА В КОРЕЕ И ПОЗИЦИЯ КНР

25 июня 1950 г. началась война в Корее. 27 июня президент США Трумэн заявил, что отдал приказ направить воинские части для оказания помощи южнокорейским властям, а 7-му флоту «предотвратить» нападение на Тайвань, увеличить военные контингенты США на Филиппи-

¹ «The American Journal of International Law», 1956, N 44, p. 415.

нах и усилить помощь вооруженным силам Франции, Лаоса, Камбоджи, Южного Вьетнама¹.

В тот же день американо-английский блок в Совете Безопасности, воспользовавшись отсутствием представителей СССР, одобрил империалистическую интервенцию в Корею и призвал государства — члены ООН помочь лисынмановским властям. 7 июля Совет Безопасности в том же составе принял резолюцию, внесенную Англией и Францией, в соответствии с которой в Южной Корее создавались вооруженные силы ООН под командованием американского генерала Макартура. В резолюции содержался призыв к государствам — членам ООН предоставить войска в распоряжение объединенного командования. Англия, Франция и 13 других зависимых от США стран направили воинские части в Корею.

Объявляя о посылке 7-го флота в Тайваньский пролив, Г. Трумэн называл этот агрессивный акт «нейтрализацией» Тайваня. Цель ее будто бы заключалась в обеспечении «безопасности» острова.

Пропагандистский камуфляж не мог скрыть того, что интервенция в Корею явилась одновременно началом необъявленной войны против КНР. Открывался целый фронт от Кореи на севере до Индокитая на юге, причем Тайвань не только был оккупирован, но и превращен в базу для враждебных КНР действий. По приказу американского президента 7-й флот стал патрулировать вдоль побережья КНР. На Тайвань были направлены авиационные части США.

Китайское правительство резко осудило эти агрессивные шаги. Приказ Трумэна и действия военно-морского флота США, указывалось в заявлении министра иностранных дел КНР, являются вооруженной агрессией против Китая, явным нарушением Устава ООН. Министр подчеркнул: какие бы меры ни принимали американские империалисты, они никогда не смогут изменить того факта, что Тайвань принадлежит КНР. Китайский народ будет решительно бороться и, несомненно, выгонит американских захватчиков, вернет отнятые у него земли. Правительство КНР подчеркнуло солидарность китайского народа с народами Кореи, Вьетнама, подвергшихся американской агрессии². В Китае развернулось движение против амери-

¹ «Memoirs by Harry S. Truman». New York, 1956, p. 338—339.

² «Сборник документов по внешним сношениям Китайской Народной Республики. 1949—1950», стр. 131.

канской агрессии. На предприятиях, в учреждениях, в селах проходили митинги, многотысячные демонстрации.

Корейская Народно-Демократическая Республика и Китайская Народная Республика постоянно ощущали поддержку Советского Союза и других социалистических стран.

Советское правительство 4 июля разоблечило длительную и планомерную подготовку войны в Корее. Оно указало также, что оккупация Тайваня является прямой агрессией против Китая. Путь к восстановлению мира СССР видел в немедленном прекращении интервенции и выводе американских вооруженных сил из Кореи и с Тайваня. Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин, в связи с обращением премьер-министра Индии Дж. Неру о мирном урегулировании корейского вопроса от 13 июля 1950 г., предложил осуществить урегулирование через Совет Безопасности при участии КНР и представителей корейского народа. В начале августа 1950 г. СССР внес в Совет Безопасности проект резолюции «Относительно мирного урегулирования корейского вопроса». Резолюция предусматривала прекращение военных действий и одновременный вывод иностранных войск из Кореи. Правительство СССР рекомендовало пригласить на заседание Совета Безопасности представителей КНР и КНДР для участия в обсуждении корейского вопроса. Советский представитель в ООН предложил осудить действия США на Тайване как акт агрессии и вмешательства во внутренние дела КНР, потребовать от Вашингтона немедленно отозвать все войска с острова Тайвань и других принадлежащих Китаю территорий.

Правительство КНР в послании на имя председателя Совета Безопасности и генерального секретаря ООН от 20 августа заявило, что действия США серьезно нарушили мир в Азии и во всем мире. Оно поддержало советские предложения и выразило надежду, что ООН выполнит свои обязанности по укреплению безопасности и примет эффективные меры для урегулирования корейского вопроса. В его обсуждении должен принять участие представитель КНР¹.

24 августа 1950 г. китайское правительство направило Совету Безопасности телеграмму, где предлагало осудить вооруженную агрессию США против КНР и немедленно принять меры к выводу американских войск с Тайваня

¹ «Великое движение за отпор Америке и помощь Корее», Пекин, 1954, стр. 13 (на кит. яз.).

и Пэнхуледао¹. Совет Безопасности по предложению делегации СССР включил в повестку дня вопрос об агрессии США против Китая. Однако американская делегация настаивала на том, чтобы обсуждение жалобы КНР было отложено до ноября 1950 г.

Между тем 27 августа начались воздушные налеты на территорию КНР. Американские самолеты обстреляли город Аньдун и железнодорожную станцию Далицзы; имелись убитые и раненые. В тот же день китайское правительство заявило США протест против провокации и потребовало наказать виновных и возместить убытки. Оно обратило также внимание Совета Безопасности на действия американской авиации, ибо они серьезно нарушают национальный суверенитет Китая и являются попыткой расширить войну. Представитель СССР в Совете Безопасности настоял на обсуждении требования китайского правительства осудить США за нарушение воздушных границ КНР и принять меры для полного вывода американских войск из Кореи в целях мирного урегулирования корейского вопроса. Он внес проект резолюции, которая осуждала бомбардировку китайской территории и призывала США запретить их вооруженным силам совершать налеты на КНР. Однако Соединенным Штатам удалось добиться отклонения этого проекта.

Налеты на китайскую территорию продолжались. Только с 27 августа по 10 ноября 1950 г. военные самолеты США нарушили 90 раз воздушные границы северо-восточных провинций.

Советские летчики-истребители (среди них было немало пилотов, прославившихся в годы войны против фашистской Германии и империалистической Японии) сбили десятки американских самолетов и надежно прикрыли северо-восток Китая от воздушных налетов. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять бронетанковых дивизий для отражения агрессии.

На V сессии Генеральной Ассамблеи ООН, открывшейся 19 сентября 1950 г., Советский Союз вновь потребовал принять меры, чтобы предотвратить расширение войны. Он настоял на включении в повестку дня Ассамблеи вопроса об агрессии США против КНР, о нарушении самолетами американских вооруженных сил воздушных границ и бомбардировке ее территории. Делегации СССР, УССР, БССР, Чехословакии и Польши внесли на обсуждение

¹ «Великое движение за отпор Америке и помощь Корею», стр. 15.

Генеральной Ассамблеи проект резолюции, который предусматривал немедленное прекращение военных действий в Корее, вывод всех иностранных войск, осуществление конкретных мероприятий для объединения Кореи в единое демократическое государство¹.

Американская «машина голосования» отклонила проект.

К этому времени войска интервентов пересекли 38-ю параллель и двигались к границам Китая. Во время встречи с Трумэном на острове Уэйк 15 октября 1950 г. Макартур утверждал, что «победа в Корее уже одержана».

В начале октября 1950 г. правительство КНР через посла Индии в Пекине К. М. Паниккара предупредило Вашингтон, что китайский народ не будет равнодушен к обстановке, создавшейся в результате вооруженного вторжения США, а также их сообщников, и придет на помощь КНДР.

Когда были исчерпаны дипломатические средства, китайский народ развернул движение под лозунгом «Кан мэ, юань чао, бао цзя, вэй го»². 25 октября 1950 г. в Корею вошли отряды китайских добровольцев под командованием Пын Дэхуая. Совместно с Народной армией Кореи они провели с 25 октября 1950 г. по конец мая 1951 г. пять крупных наступательных операций, в ходе которых отбросили американские и лисынмановские войска из районов рек Ялудзян и Тумыньцзян на юг от 38-й параллели, уничтожив более 190 тыс. вражеских солдат и офицеров, в том числе свыше 80 тыс. американских. На всем фронте, пересекавшем Корею с востока на запад, они построили мощные укрепления и не только стабилизировали фронт на линии 38-й параллели, но и осуществили ряд успешных контратак, нанеся противнику серьезные потери³.

СССР снабжал корейскую Народную армию и китайских добровольцев оружием, боеприпасами, транспортными средствами, горючим, продовольствием, медикаментами. В Корее находились советские военные советники и специалисты.

24 ноября 1950 г. заместитель министра иностранных дел КНР У Сюцюань прибыл в Нью-Йорк. Политический комитет по настоянию делегации СССР пригласил его присутствовать при рассмотрении вопроса об агрессии

¹ См. «Правда», 4 октября 1950 г.

² «Окажем отпор Америке, поможем Корее, защитим свой дом, отстоим отечество».

³ «Народный Китай», 1953, № 18—19, стр. 33.

США против КНР. У Сюцюань заявил, что китайский народ непреклонен в решимости освободить свои территории, захваченные США. «Соединенные Штаты,— предупредил представитель КНР,— должны нести полную ответственность за все последствия, которые могут произойти из их вторжения и оккупации Тайваня». Обратив внимание на то, что американская политика на Дальнем Востоке угрожает всеобщему миру, У Сюцюань потребовал, чтобы Совет Безопасности осудил агрессию США и немедленно принял меры к выводу их войск с Тайваня¹. Совет Безопасности, большинство членов которого шли на поводу у американской делегации, отклонил предложения Китая.

В США нашлись горячие головы, рекомендовавшие перенести войну на территорию КНР. Особенно настойчиво добивался массированных ударов и даже применения там ядерного оружия генерал Д. Макартур. США, однако, не могли не считаться с наличием могучего советско-китайского союза. «Если бы мы решили распространить войну на Китай, то должны были бы ожидать возмездия,— писал Г. Трумэн в своих мемуарах.— Бэйпин и Москва не только идеологически, но и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы ожидать вмешательства России»².

Союзники США, и прежде всего Англия, опасались, как бы авантюризм американских генералов не втянул их в войну с Китаем и СССР. Британское правительство требовало заверений, что события в Корее не вовлекут мир в большую войну³.

В связи с этим Белый дом не отважился санкционировать распространение войны на Китай. Было решено усилить политический нажим на правительство КНР через ООН и ввести экономическую блокаду.

6 декабря 1950 г. делегации США и некоторых зависимых от них стран внесли на обсуждение Генеральной Ассамблеи вопрос об «интервенции Центрального народного правительства Китайской Народной Республики в Корее». Добившись включения его в повестку дня, США, Англия, Франция, Куба и Эквадор сфабриковали проект резолюции, где указывалось, будто вооруженные силы КНР ведут боевые действия против «войск ООН». В нем содержался

¹ См. У Сюцюань. О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1950, стр. 39—40.

² «Memoirs by Harry S. Truman», p. 382.

³ Ibid., p. 396.

призыв ко всем государствам и правительствам отказать в помощи КНДР и добиться немедленного вывода китайских добровольцев.

Делегации СССР и других социалистических стран выступили против новых попыток использовать ООН для расширения агрессии на Дальнем Востоке.

Индия и 12 государств Азии и Африки предложили создать группу из трех человек для выработки соглашения о прекращении огня в Корее и подготовки в возможно короткий срок соответствующих рекомендаций Генеральной Ассамблее.

Американская делегация воспользовалась этой идеей и выступила с предложением о прекращении огня в Корее, желая тем самым обеспечить войскам интервентов передышку после ноябрьского разгрома. 14 декабря 1950 г. Генеральная Ассамблея большинством голосов приняла резолюцию о так называемом прекращении огня. В соответствии с резолюцией была учреждена комиссия 3-х. После консультации с американским командующим «войсками ООН» она предложила условия соглашения о прекращении огня: немедленная приостановка военных действий, создание 20-мильной демилитаризованной зоны к северу от 38-й параллели, отвод войск корейской Народной армии и китайских добровольцев, а также партизанских отрядов, расположенных южнее зоны и в ее пределах, образование комиссии ООН для наблюдения за прекращением огня, обмен военнопленными по принципу один на один.

Китай отказался иметь дело с комиссией, назначенной без его участия. Не могли быть приняты и предложения самой комиссии, так как предусматривали создание демилитаризованной зоны только на территории Северной Кореи и задержание десятков тысяч военнопленных корейских солдат и китайских добровольцев. Правительство КНР требовало вывода всех иностранных воинских частей из Кореи, эвакуации американских войск с Тайваня и восстановления прав Китая в ООН. Оно предложило программу мирного урегулирования в Корее, решения вопроса о законных правах КНР в ООН, а также других важных проблем. Программа включала проведение в Китае конференции Англии, Египта, Индии, КНР, СССР, США, Франции¹.

Участники интервенции в Корее отклонили эту программу. 20 января 1951 г. делегация США внесла в Поли-

¹ «Великое движение за отпор Америке и помощь Корее», стр. 86—87.

тическом комитете Генеральной Ассамблеи свой проект резолюции по корейской проблеме. Она предлагала объявить КНР «агрессором» и призвать ее прекратить военные действия против «войск ООН», вывести воинские части из Кореи. Резолюция обходила молчанием вопрос о выводе войск интервентов. В ней даже говорилось о «решимости ООН» продолжать свои действия в Корее и рекомендовалось всем государствам и властям содействовать этим мероприятиям. Авторы резолюции предлагали учредить специальный комитет для выработки рекомендаций о дальнейших санкциях против КНР.

СССР и другие социалистические государства выступили против этой резолюции. Они заявили, что американский проект имеет целью оправдать распространение войны на Китайскую Народную Республику. Индия и ряд стран Азии и Африки тоже не одобрили его.

22 января 1951 г. КНР в связи с соответствующим запросом индийского правительства вновь изложила свою позицию по корейскому вопросу. Она выражала готовность посоветовать своим добровольцам вернуться на родину, если будет принят и начнет претворяться в жизнь принцип вывода всех иностранных войск из Кореи. Китай предлагал, чтобы конференция семи стран на первом же заседании обсудила меры по прекращению огня, выводу чужеземных воинских частей из Кореи, а американских — с Тайваня и из Тайваньского пролива. Кроме того, конференция должна рассмотреть вопросы, касающиеся урегулирования самими корейцами внутренних дел в их стране.

Правительство США не захотело даже обсуждать китайские предложения. Оно настаивало на скорейшем принятии ООН резолюции об объявлении КНР «агрессором».

25 января 1951 г. Индия, Пакистан, Бирма, Индонезия, Афганистан, Египет, Иран, Ирак, Ливан, Саудовская Аравия, Сирия, Йемен внесли в Политическом комитете проект резолюции. Он предусматривал созыв в возможно короткий срок представителей семи стран для обсуждения дальневосточных проблем. Советский Союз, Чехословакия и Польша поддержали его. Однако под нажимом США Политический комитет принял американский вариант резолюции. 1 февраля Генеральная Ассамблея одобрила ее и поручила комитету по дополнительным мероприятиям (в составе США, Англии, Франции, Австралии, Турции, Канады, Филиппин, Бельгии, Бразилии, Бирмы, Мексики, Египта, Венесуэлы и Югославии) обсудить дальнейшие

шаги, необходимые для противодействия «агрессии», и представить доклад Генеральной Ассамблее¹.

2 февраля китайское правительство заявило: объявление КНР «агрессором» — незаконный, клеветнический и не имеющий силы акт. Оно обратило внимание мировой общественности на то, что это решение служит планам расширения войны и усилению напряженности на Дальнем Востоке².

Советская делегация в ООН на убедительных и неопровержимых фактах доказала, что клеветническое обвинение, выдвинутое США против Китая, лишено всякого основания и служит для обмана мирового общественного мнения, для прикрытия интервенции американских вооруженных сил.

Наряду с антикитайскими действиями в ООН США продолжали военные приготовления против КНР. 30 января 1951 г. в Тайбэе было подписано американо-чанкайшистское соглашение о военной помощи. США обязались снабжать своего «союзника» оружием и оказывать техническую помощь³. В мае 1951 г. на Тайвань прибыла большая группа военных советников во главе с генерал-майором Чейзом. «Чан Кайши должен накапливать силу, — писал журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», — чтобы вернуться на материк»⁴.

В начале 1951 г. Чан Кайши дал указание Ли Ми, командующему так называемой антикоммунистической национальной армии спасения в Бирме⁵, готовиться к комбинированным операциям против КНР со стороны Тайваня, пограничных районов Бирмы совместно с контрреволюционными силами внутри Китая. В мае 1951 г. подразделения Ли Ми вторглись в провинцию Юньнань, стремясь создать там новый фронт и отвлечь внимание КНР от Ко-

¹ На первом же заседании комитета 16 февраля Бирма и Югославия отказались участвовать в его работе.

² «Великое движение за отпор Америке и помощь Корее», стр. 88—90.

³ «Department of State Bulletin», 7. V. 1951.

⁴ «United States News and World Report», 25. V. 1951.

⁵ В январе 1950 г. остатки 26-й и 93-й гоминьдановских дивизий под командованием Ли Ми, отступая под ударами Народно-освободительной армии, отошли на территорию Бирмы. Они заняли несколько районов вдоль китайской границы, отказались сложить оружие. Авиация США снабжала эти части оружием и продовольствием. К ним были прикомандированы американские офицеры. Вашингтон оказывал нажим на правительство Бирмы, чтобы не допустить карательной экспедиции против чанкайшистских банд.

рен. Народно-освободительная армия отразила налет. Остатки гоминьдаёвских банд отошли на бирманскую территорию и стали укрепляться в районе границы.

В апреле 1951 г. Белый дом предложил Австралии и Новой Зеландии заключить военный союз¹. США форсировали подписание сепаратного договора с Японией и пакта, который привязал бы ее к американской военной колеснице.

Одновременно Вашингтон продолжал организацию всеобщей блокады Китая. Делегация США в ООН представила комитету по дополнительным мероприятиям проект резолюции о введении эмбарго на поставки в КНР и КНДР. Он был принят 14 мая 1951 г. и передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. 17 мая проамериканское большинство Политического комитета одобрило, а на следующий день Генеральная Ассамблея проштемпелевала резолюцию 500-V «Дополнительные мероприятия, которые должны быть проведены для сопротивления агрессии в Корею»². Она обязывала каждое государство — члена ООН ввести эмбарго на ввоз в КНР и КНДР оружия, военного оборудования, средств транспорта, стратегических материалов и т. д.³.

Эта резолюция, как и предыдущая — об объявлении Китая «агрессором», противоречила Уставу и была проведена в нарушение принятой в ООН процедуры. Как отмечали делегаты Советского Союза, Чехословакии и Польши, Генеральная Ассамблея неправомочна обсуждать вопросы, требующие действий, которые предусмотрены главой VII Устава. Такие вопросы, и в частности принятие решения об эмбарго, находятся в исключительной компетенции Совета Безопасности. В Уставе сказано: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических от-

¹ «Department of State Bulletin», 7. V. 1951.

² За резолюцию голосовало 47 стран, воздержалось 8 (Индия, Бирма, Индонезия, Пакистан, Афганистан, Египет, Сирия, Швеция). Делегации СССР, УССР, БССР, Чехословакии и Польши отказались участвовать в голосовании.

³ См. «Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, V сессия, I комитет», т. II, стр. 748.

пошений»¹. Что касается Генеральной Ассамблеи, то она вправе обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, и давать рекомендации Совету Безопасности.

Решение о применении эмбарго в данном случае было незаконным и по другим причинам. В международном праве эмбарго понимается как принудительное задержание государством в своих водах иностранных судов и грузов или как запрещение ввоза в какую-либо страну или вывоза из нее товаров и валюты. Во всех случаях оно связано с началом или наличием военных действий либо осуществляется в качестве ответной меры на ограничительные мероприятия другого государства. Основным актом по данному вопросу может считаться 6-я Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. о положении неприятельских торговых судов во время открытия военных действий, принятая 37 государствами, в том числе Россией, Францией и Англией. Она предусматривает лишь возможность задержания торговых судов в портах воюющего государства в случае начала военных действий с предоставлением им льготного срока выхода в море. Эмбарго действует только по истечении этого срока. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 18 мая 1951 г. об эмбарго в отношении КНР явно выходила за рамки Гаагской конвенции.

Тем не менее в августе 1951 г. конгресс США принял так называемый «закон Бэттла». Он угрожал прекращением американской помощи любой стране, поставляющей стратегические товары социалистическим государствам. На основе закона была создана система контроля над «стратегическим» экспортом. С января 1952 г. в Париже начала работать консультативная группа из членов НАТО — США, Франции, Западной Германии, Италии, Канады, Бельгии, Люксембурга, Норвегии, Нидерландов, Дании, Португалии, Греции и Турции, а также Исландии и Японии. Группа делилась на два комитета: координационный (КОКОМ), который занимался вопросом торговли с СССР и европейскими странами народной демократии, и китайский (ЧИНКОМ), на него было возложено наблюдение за осуществлением эмбарго на торговлю с КНР, а также КНДР и ДРВ. Список координационного комитета включал 268, а список ЧИНКОМа — 475 наименований товаров, запрещенных к вывозу в страны социализма.

¹ «Устав Организации Объединенных Наций и статут международного суда». М., 1945, стр. 19.

Китайское правительство осудило очередной провокационный шаг США. «Резолюция ясно показывает,— говорилось в заявлении министерства иностранных дел КНР,— что для того, чтобы поправить положение после сокрушительных поражений, которые неоднократно терпели агрессивные силы на полях сражений в Корее, правительство США стремится принудить своих сообщников принять еще более широкое участие в агрессивной войне против Кореи и Китая. Введение эмбарго на поставки Китаю и Корее является поэтому шагом, предпринятым правительством Соединенных Штатов в попытке расширить агрессивную войну. Совершенно ясно, что эта незаконная резолюция и введение эмбарго на поставки в КНР и КНДР не могут ни в коей мере повлиять на победоносную борьбу, которую ведут народы Китая и Кореи против американских агрессоров»¹. Китайское правительство предупреждало, что США используют эмбарго для нарушения нормальных отношений на мировом рынке, чтобы вызвать падение цен на некоторые сырьевые материалы и обеспечить монополию американских торговцев оружием и контроль над экономикой стран, производящих сырье. Оно призывало проявить бдительность в отношении таких происков².

Китайская Народная Республика снова и снова подчеркивала, что хотела бы решать спорные вопросы мирным путем, что нужно предотвратить мировую войну, которая принесет чудовищные бедствия человечеству. Почти половина населения КНР поставила свои подписи под Берлинским обращением о заключении Пакта мира между пятью великими державами. Народный Китай тем самым предлагал коллективное сотрудничество в деле поддержания международной безопасности.

В поисках путей к прекращению кровопролития в Корее и предотвращению перерастания его в крупный мировой конфликт СССР летом 1951 г. предпринял новую крупную инициативу. 23 июня советский представитель в ООН Я. А. Малик, выступая по радио в Нью-Йорке, сказал: Организация Объединенных Наций приняла незаконное решение, санкционировав задним числом американскую агрессию в Корее и Китае, и объявила агрессором КНР, защищавшую свои границы и старавшуюся возвратить захваченный войсками США остров Тайвань. Народы СССР верят в возможность отстоять дело мира, прекра-

¹ «Жэньминь жибао», 22.V. 1951.

² Там же.

тить военный конфликт в Корею. Для этого требуется готовность сторон стать на путь мирного урегулирования корейского вопроса и в качестве первого шага начать переговоры между воюющими сторонами о прекращении огня, о перемирии с взаимным отводом войск от 38-й параллели¹.

Китай и КНДР поддержали советскую инициативу. Они выразили желание на справедливой и разумной основе быстро достичь соглашения о прекращении войны².

Убедившись, что военным путем не удастся распространить лисынмановский режим на всю Корею, и испытывая отпор миролюбивых сил, которые требовали прекращения агрессии, США вынуждены были пойти на переговоры о перемирии. Посол США в Москве Кэрк посетил 27 июня 1951 г. А. А. Громыко, являвшегося тогда заместителем министра иностранных дел СССР, и попросил уточнить предложения советского представителя в ООН. А. А. Громыко ответил: по его мнению, переговоры должны вестись между представителями объединенного и южнокорейского командования, с одной стороны, и представителями командования Народной армии КНДР и китайских добровольцев — с другой. Для того чтобы поскорее прекратить кровопролитие, переговоры должны ограничиваться военными вопросами, включая прекращение огня, и не затрагивать политических или территориальных проблем. Дело воюющих сторон в Корею — решить, какие последующие мероприятия необходимо провести для урегулирования политических и территориальных вопросов³.

29 июня командующий «войсками ООН» в Корею Риджуэй, сменивший в апреле 1951 г. Макартура, предложил командованию Народной армии КНДР и китайских народных добровольцев начать переговоры о перемирии. 1 июля главнокомандующий корейской Народной армией и командующий войсками китайских добровольцев приняли его предложение и назначили делегацию. 10 июля в Кэсоне, в нескольких километрах южнее 38-й параллели, встретились представители сторон. Усилия китайской дипломатии были направлены на то, чтобы вместе с КНДР поскорее добиться прекращения кровопролития в Корею.

¹ См. «Правда», 24 июня 1951 г.

² Чжоу Эньлай. Политический доклад на заседании Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая 23 октября 1951 г. — «Сборник документов по внешним сношениям Китайской Народной Республики. 1951—1953», стр. 48.

³ АВП СССР.

Переговоры начались в обстановке наступательных действий «войск ООН»; авиация сбрасывала на северо-корейские населенные пункты смертоносный груз. В связи с этим американское командование тянуло переговоры, неоднократно прерывало их. Только после десяти заседаний наконец была утверждена повестка совещания:

1. Установление демаркационной линии между обеими сторонами для создания демилитаризованной зоны в качестве основного условия прекращения военных действий в Корее.

2. Выработка практических мероприятий для прекращения огня и перемирия в пределах Кореи, в том числе определение состава, полномочий и функций аппарата по наблюдению за осуществлением условий прекращения огня и перемирия.

3. Мероприятия, касающиеся военнопленных.

4. Предложения правительствам заинтересованных стран¹.

В октябре 1951 г. переговоры были перенесены в деревню Паньмыньчжон, вблизи Кэсона.

В ходе обсуждения вопроса о демаркационной линии китайско-корейская сторона рекомендовала установить ее по 38-й параллели². Другая сторона настаивала, чтобы линия проходила севернее границы фронта. В целях скорейшего соглашения китайско-корейская делегация предложила считать демаркационную линию в основном пролегающей вдоль линии фронта. Это было принято.

В качестве основы соглашения о практических мероприятиях по прекращению огня корейско-китайская сторона 27 ноября 1951 г. представила на обсуждение план. Он предусматривал: полное прекращение военных действий в день заключения перемирия, вывод вооруженных сил обеих сторон из демилитаризованной зоны в течение трех дней после закрытия военных действий, эвакуацию ими вооруженных сил из тыловых районов, прибрежных островов и вод другой стороны в течение пяти дней после подписания соглашения, запрещении вооруженным силам обеих сторон вступать в демилитаризованную зону или предпринимать в ней какие-либо военные действия, соз-

¹ См. «Правда», 27 июля 1951 г.

² К началу переговоров фронт проходил на некоторых участках южнее 38-й параллели. Общая площадь занятой частями Народной армии и китайских добровольцев территории южнее 38-й параллели равнялась 3630 кв. км. «Войска ООН» кое-где находились севернее 38-й параллели, оккупируя 4630 кв. км.

дание комиссии по наблюдению за осуществлением перемирия из равного числа членов от каждой стороны.

Предложения американской делегации сводились к следующему: прекратить военные действия через 24 часа после подписания перемирия, на равных началах создать наблюдательный орган для контроля за выполнением условий перемирия, не увеличивать войск и вооружения сторон, предоставить военной комиссии по перемирию неограниченное право на посещение любой части Кореи, вывести каждой стороне свои вооруженные силы с территории, находящейся под контролем другой стороны, допускать пребывание вооруженных сил обеих сторон в демилитаризованной зоне только по взаимной договоренности, предоставить права на управление соответствующими частями демилитаризованной зоны военным властям сторон¹.

3 декабря 1951 г. корейско-китайская делегация дополнила свои предложения. Обе стороны должны были взять обязательство не доставлять в Корею войска, вооружение и боеприпасы и учредить комиссию из представителей нейтральных государств для контроля за соблюдением условий перемирия. Корейско-китайская делегация предложила в состав нейтральной комиссии включить представителей СССР, Польши, Чехословакии; американское командование — Швейцарии, Швеции, Норвегии. Потребовалось более двух месяцев, чтобы договориться по этому вопросу.

К маю 1952 г. было достигнуто соглашение:

об установлении демаркационной линии по границе соприкосновения войск сторон на день вступления перемирия в силу;

о прекращении боевых действий через 12 часов после подписания соглашения;

об учреждении военной комиссии по перемирию из 10 старших офицеров (поровну от каждой стороны);

о создании комиссии нейтральных государств для наблюдения за перемирием (в составе представителей Швеции, Швейцарии, Польши и Чехословакии)².

Кроме того, стороны договорились, что командующие порекомендуют правительствам обеих сторон в течение трех месяцев после вступления в силу соглашения о перемирии созвать политическую конференцию на высоком уровне. Она рассмотрит вопросы о выводе из Кореи всех иностранных войск, о мирном разрешении корейской проблемы и т. д.

¹ «New York Times», 28. XI. 1951.

² Американская делегация возражала против включения СССР в комиссию.

Оставался несогласованным вопрос о военнопленных. 18 декабря 1951 г. командование «войск ООН» передало командованию Народной армии КНДР и китайских добровольцев список 132 474 военнопленных, захваченных «войсками ООН». Корейско-китайские представители вручили список 11 559 военнопленных, включая 3198 американцев. Представитель США утверждал, будто на 18 декабря 1951 г. число американских военнопленных достигло 11 тыс. человек.

Предложение об освобождении и репатриации всех военнопленных не было принято, поскольку командование «войск ООН» заявило, что это усилит корейско-китайскую сторону. Оно настаивало на обмене в соотношении 1:1.

19 апреля 1952 г. представитель американского командования сообщил, что из 169 700 военнопленных (в том числе 96 тыс. северокорейцев, 20 700 китайцев, 16 тыс. южнокорейцев, мобилизованных в свое время в корейскую Народную армию, и 37 тыс. гражданских лиц) лишь 70 тыс. человек хотят вернуться на родину. Остальные, а именно 4¼ тыс. северокорейцев, 15 600 китайцев, 12 200 южнокорейцев и 29 800 гражданских лиц якобы будут сопротивляться репатриации.

Пока обсуждался этот вопрос, лисынмановские власти и чанкайшисты при содействии американского командования шантажом, пытками, убийствами хотели заставить военнопленных отказаться от репатриации. Пленные требовали прекратить бесчинства администрации. 8 мая 1952 г. они задержали коменданта лагеря № 76 на острове Кочжедо американского генерала Додда. Его выпустили после того, как было дано заверение обращаться с людьми гуманно. С освобождением Додда командование США забыло свое обещание.

Представители корейской Народной армии и китайских добровольцев категорически требовали репатриации всех военнопленных. 9 июня 1952 г. верховный командующий корейской Народной армии и командующий китайскими добровольцами направили командующему «войсками ООН» письмо, где настаивали на том, чтобы взятый в плен иностранский военный персонал (солдаты и офицеры «войск ООН» и китайские народные добровольцы), а также служащие южнокорейских войск и корейской Народной армии, чье местожительство находится в районе противной стороны, были репатриированы. Если военнопленные проживают на территории стороны, у которой находятся в плену, то им должно быть разрешено возвратиться домой.

Представители США выступили против этого предложения. Одновременно они усилили воздушные налеты па города и деревни КНДР, надеясь таким путем терроризировать население и заставить командование корейской Народной армии и китайских добровольцев подписать соглашение о перемирии на американских условиях.

28 сентября 1952 г. представитель США внес три альтернативных предложения. Их цель состояла в том, чтобы за словесной эквилибристикой скрыть стремление помешать возвращению домой многих военнопленных.

На заседании 8 октября 1952 г. представитель командования корейской Народной армии и китайских добровольцев сообщил: американские предложения от 28 сентября 1952 г. не могут быть приняты, поскольку повторяют прежние требования о насильственном задержании военнопленных и, таким образом, полностью противоречат Женевской конвенции о военнопленных. Тогда представитель США в ультимативной форме заявил о перерыве переговоров до тех пор, пока не будут приняты американские предложения, и покинул заседание. В тот же день государственный секретарь Ачесон выступил на пресс-конференции в Вашингтоне с заявлением, что переговоры о перемирии следует считать не прекращенными, а лишь отложенными на неопределенное время и что «командование ООН» не пойдет ни на какие уступки в вопросе репатриации военнопленных.

Мировая общественность пристально следила за ходом переговоров. Сессия Всемирного Совета Мира, состоявшаяся в ноябре 1951 г. в Вене, приняла резолюцию, где требовала прекратить войну в Корее. На конгрессе сторонников мира стран Азии и Тихого океана (октябрь 1952 г.) представители 37 государств потребовали немедленно закончить войну в Корее и предоставить военнопленным возможность вернуться домой. 17 октября 1952 г. делегация Польши на VII сессии Генеральной Ассамблеи ООН внесла проект резолюции. Она призывала прекратить военные действия, а вопрос о военнопленных урегулировать в соответствии с международными нормами. 29 октября делегация СССР выступила в Политическом комитете с предложением по корейскому вопросу. Воюющие стороны должны немедленно остановить военные действия на основе уже одобренных статей соглашения о перемирии. Вопрос о репатриации военнопленных рекомендовалось передать на решение комиссии из уполномоченных Англии, Бирмы, Индии, КНДР, КНР,

СССР, США, Франции, Швейцарии, Чехословакии, Южной Кореи.

Делегация США и шедшие у нее на поводу представители западных государств отклонили это предложение. Американская дипломатия пыталась провести такое решение, какое позволило бы свалить ответственность за затягивание переговоров на КНДР и КНР. Генеральная Ассамблея приняла индийский проект резолюции. В нем рекомендовалось сначала решить проблему репатриации военнопленных. Проект запрещал применять насилие к тем военнопленным, которые выразили желание возвратиться на родину. Вопрос о лицах, отказавшихся от этого, предлагалось передать на рассмотрение специальной комиссии по репатриации в составе Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии.

Несмотря на принятие этой резолюции, бесчинства в отношении военнопленных в Южной Корее продолжались. Только по данным американской стороны и доклада комиссии международного общества Красного Креста, с момента начала переговоров до конца 1952 г. число убитых и раненых военнопленных превысило 3 тыс.

Вместе с тем «войска ООН» систематически нарушали режим нейтральной зоны. 21 января 1953 г. американские самолеты обстреляли автомашину корейско-китайской делегации, ранив трех человек. К 24 января в результате бомбардировки транспортных колонн корейско-китайской делегации было убито и ранено 20 человек. В феврале — марте продолжались налеты на район переговоров.

Корейско-китайская сторона противопоставила провокациям выдержку и решимость добиться прекращения войны.

28 марта 1953 г. командование корейской Народной армии и китайских добровольцев выразило согласие на обмен больными и ранеными военнопленными. Одновременно оно высказалось за возобновление переговоров.

30 марта 1953 г. премьер Государственного совета КНР сделал заявление, где предложил возобновить мирные переговоры. На следующий день правительство КНДР тоже выступило с заявлением по этому вопросу. Оба правительства указали, что по-прежнему готовы в интересах установления мира достичь соглашения о немедленном урегулировании оставшейся нерешенной проблемы о военнопленных¹.

¹ См. «Правда», 31 марта и 1 апреля 1953 г.

Советское правительство в соответствующем заявлении от 1 апреля выразило уверенность, что инициатива КНР и КНДР получит горячую поддержку народов мира и будет правильно понята правительством США¹.

Предложение КНР и КНДР вызвало горячий отклик во всех странах. Так, «Таймс оф Индия» в статье «Новая надежда на мир» писала: «Основная цель должна состоять в том, чтобы положить конец ужасным страданиям в Корее, смерти, лишениям и разрушениям». А «Мембар Индо-незия» указывала, что предложение Китайской Народной Республики будет тепло встречено всеми, кто стремится к миру.

Перспектива прекращения войны в Корее и улучшения международной обстановки вызвала тревогу тех кругов США, которые строят свой бизнес на гонке вооружений. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» предсказывал сокращение деловой активности и снижение доходов в случае окончания войны в Корее.

Против возобновления переговоров выступил Ли Сын Ман. «Парламент» Южной Кореи принял резолюцию с призывом развернуть кампанию против прекращения огня.

Напор мировой общественности был настолько силен, непопулярность войны в Корее была так очевидна, что правительству США пришлось продолжить переговоры.

11 апреля 1953 г. было подписано соглашение об обмене больными и ранеными военнопленными.

Корейско-китайская сторона продолжала добиваться репатриации военнопленных в соответствии с их желанием. Представители «войск ООН» вели дело к тому, чтобы помешать им вернуться на родину.

Для того чтобы оказать нажим на КНР и КНДР и добиться уступок, командование «войск ООН» снова активизировало действия авиации. 10 и 11 мая американские самолеты бомбили населенные пункты в Северо-Восточном Китае, в том числе Аньдун. В результате было убито и ранено более 250 человек. 13 и 14 мая американская авиация разрушила плотины Сунаньского водохранилища в КНДР. Свыше 70 деревень было затоплено, несколько сот жителей погибло. 15 и 16 мая подверглось бомбардировке другое водохранилище — Часан.

Попытки опять затянуть переговоры подверглись серьезной критике мировой общественностью. 15 мая Дж. Неру заявил в Народной палате, что позиция американской де-

¹ См. «Правда», 2 апреля 1953 г.

легации противоречит той резолюции по вопросу о военнопленных, которая была принята в ООН в конце 1952 г. Предложения корейско-китайской стороны должны послужить основой для переговоров и, как он надеется, для разрешения проблемы. Бирманское правительство заявило 16 мая о своем положительном отношении к китайско-корейскому предложению о военнопленных.

Усилился нажим на США и со стороны Англии, стремившейся выпутаться из корейской авантюры. Премьер-министр Черчилль 11 мая в палате общин заявил, что был бы весьма доволен даже перемирием или прекращением огня в Корее. Предложения корейско-китайской стороны могут быть, признал он, основой для соглашения. Правительство Канады тоже дало понять Вашингтону, что корейско-китайский план более приемлем, нежели считают США.

В связи с этим в США все чаще раздавались предупреждения о том, что есть опасность потерять доверие некоторых союзников из-за непримиримости Вашингтона на переговорах. «Вашингтон пост» рекомендовала проявлять большую гибкость и «доказать как нашим союзникам, так и китайцам, что мы действительно хотим мира»¹.

Американская делегация вынуждена была несколько изменить свою позицию. Ее предложения от 25 мая 1953 г. приближались к плану корейско-китайской стороны.

8 июня 1953 г. делегации закончили выработку соглашения о репатриации военнопленных. Казалось, уже не было препятствий для заключения соглашения о прекращении огня. Однако сторонники продолжения войны воздвигли новые барьеры. 28 мая сеульский министр иностранных дел объявил, что его правительство решило бойкотировать переговоры. 7 июня Ли Сын Ман ввел чрезвычайное положение в Южной Корее и призвал «к борьбе до конца». 9 июня южнокорейское «национальное собрание» приняло резолюцию о «немедленном освобождении» всех корейских военнопленных и отправке китайских военнопленных на Тайвань.

18 июня 1953 г. по приказу Ли Сын Мана было «освобождено» около 26 тыс. корейских военнопленных, которые подлежали передаче нейтральной комиссии по репатриации. Суть этой провокации состояла в насильственном задержании корейских военнопленных и включении их в южнокорейскую армию. «Операция» была проведена при

¹ «Washington Post», 20. V. 1953.

содействии американского командования. «Трудно представить себе,— писала «Вашингтон пост»,— чтобы освобождение северокорейских военнопленных могло быть полнейшей неожиданностью для 8-й армии. Действительно, есть основание подозревать, что некоторые американцы, если они и не участвовали в заговоре, то, по крайней мере, знали о нем заранее и не сделали ничего, чтобы предотвратить его»¹.

Командование корейской Народной армии и китайских добровольцев в письме от 19 июня 1953 г. обратило внимание американского командования на чрезвычайно серьезный характер этого инцидента. Потребовав возвращения всех военнопленных, корейско-китайская сторона спрашивала, способно ли командование «вооруженных сил ООН» контролировать действия правительства и армии Южной Кореи и где гарантия того, что соглашение о перемирии будет выполняться сеульскими властями?²

Народы все настойчивее требовали положить конец войне.

27 июля в Паньмыньчжоне состоялось подписание соглашения о перемирии. В тот же день прекратились военные действия.

Заключение перемирия в Корее означало очередной провал политики «с позиции силы». Оно явилось великой победой, одержанной корейским народом при поддержке социалистических стран и всех миролюбивых народов.

ЗАДАЧА ПОСЛЕВОЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ С ЯПОНИЕЙ И ПОЗИЦИЯ КНР

Враждебная политика империалистических кругов в отношении Китая выразилась также в устранении его от разработки и подписания мирного договора с Японией.

Потсдамским соглашением был создан постоянный международный орган — Совет министров иностранных дел СССР, США, Китая, Франции и Англии. На него возложили подготовку урегулирования послевоенных вопросов с Японией. В соглашении указывалось: при разработке мирного договора с соответствующим государством вместе с Советом министров иностранных дел будут участвовать представители тех стран, которые подписали усло-

¹ «Washington Post», 20. VI. 1953.

² «Жэньминь жибао», 20. VI. 1953.

вия капитуляции, продиктованные этому вражескому государству¹. На Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. был подтвержден принцип единогласия великих держав, подписавших акт о капитуляции, в выработке проекта мирного договора с Японией.

Правительство США, однако, стремясь закрепить за собой экономические и военпо-политические позиции в Японии, не только присвоило право выработки проекта мирного договора, но и вело дело к устранению КНР от участия в мирной конференции.

Правительство КНР, как и Советское правительство, возражало против американского произвола в подготовке мирного договора с Японией. В заявлении от 4 декабря 1950 г. оно указывало, что любая попытка США подготовить и заключить мирный договор без участия КНР будет нарушением межсоюзнических соглашений.

22 мая 1951 г. китайское правительство направило советскому послу Н. В. Рощину ноту, где заявило о своей солидарности со всеми замечаниями правительства СССР по американскому проекту мирного договора². Оно возражало против попыток США обойти вопрос о возвращении Китаю Тайваня и Пэнхуледао, а также захватить Окинаву и некоторые другие японские острова, сохранить оккупационный режим в Японии. Поскольку американский проект не предусматривал условий для демократического развития Японии, правительство КНР указало, что мирный договор должен отвечать таким основным целям:

- а) Япония должна стать миролюбивым, демократическим, независимым государством;
- б) японскому народу должны быть обеспечены демократические права;
- в) не допустить возрождения милитаризма, ограничить размер вооруженных сил Японии;
- г) развитие мирной экономики Японии не должно подвергаться каким-либо ограничениям;
- д) устранить всякие ограничения на торговлю Японии с другими странами.

Внешнеполитическая линия КНР в японском вопросе полностью соответствовала тем принципам мирного урегулирования, которые были определены в документах Каирской, Ялтинской и Потсдамской конференций. Она пресле-

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». М., 1947, т. 3, стр. 337—338.

² «Сборник документов по внешним сношениям Китайской Народной Республики. 1951—1953 гг.», стр. 22—26.

довала цель направить Японию по пути мира и демократии, по пути дружественного сотрудничества с другими странами и исключить возможность возрождения милитаризма.

Дискриминацию в отношении народного Китая осудили СССР, Чехословакия, Польша. В знак протеста против американского произвола Индия и Бирма отказались участвовать в Сан-Францисской мирной конференции.

После обмена мнениями с китайским правительством Советский Союз направил своих представителей на конференцию, чтобы использовать ее как трибуну и попытаться добиться решений, действительно способствующих мирному урегулированию с Японией. Делегация СССР внесла предложение об участии Китая в работе конференции. А. А. Громыко заявил: советская делегация исходит из того бесспорного факта, что правительство КНР, являющееся единственным законным представителем китайского народа, имеет особую заинтересованность в подготовке мирного договора с Японией и в установлении прочного мира на Дальнем Востоке. Поскольку Китай — один из главных участников международных соглашений, заключенных союзными в годы второй мировой войны державами по вопросам ведения войны и послевоенного урегулирования для Японии, без него не может иметь место ни рассмотрение, ни тем более заключение договора. Советская делегация потребовала первым решить вопрос о приглашении Китайской Народной Республики, так как он является основным¹. Предложение СССР было отклонено.

Советская делегация внесла на конференции ряд поправок и дополнений к американо-английскому проекту. Они учитывали точку зрения китайского правительства. Поправки касались следующих важнейших вопросов:

1. Недопущение возрождения японского милитаризма.
2. Вывод оккупационных войск и запрещение создания иностранных военных баз на территории Японии.
3. Отказ Японии от вступления в коалиции или военные союзы против какой-либо державы, участвовавшей в войне против Японии.
4. Разрешение территориальных вопросов в точном соответствии с международными соглашениями.
5. Обеспечение японскому народу демократических прав и свобод.

¹ «Сборник документов и материалов по Японии». Изд-во МИД СССР, 1954, стр. 23—24.

6. Беспрепятственное развитие мирной промышленности и внешней торговли Японии¹.

Принятие этих поправок могло бы превратить договор в прочную основу длительного мира на Дальнем Востоке, содействовало бы развитию нормальных отношений Японии с другими странами, и в частности с ее соседями — КНР и СССР. Под нажимом американской дипломатии многие делегаты ограничились краткими заявлениями с восхвалением проекта, хотя тут же оговаривались, что он имеет существенные недостатки и не все в нем устраивает их. Тем не менее они проголосовали за проект.

Сан-Францисский мирный договор не только не предусматривал мер, которые помешали бы возрождению японского милитаризма, но прямо нарушал права Китайской Народной Республики.

В статье 2 говорится о том, что Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на свои бывшие колонии. Тем самым она отказалась также от Тайваня и Пэнхуледао. Однако авторы Сан-Францисского договора обошли вопрос о возвращении островов КНР. Это сделано было для того, чтобы поставить под сомнение их принадлежность Китаю.

Через несколько часов после закрытия Сан-Францисской конференции состоялось подписание американо-японского «договора безопасности». Он предоставлял США право держать войска на японской территории в течение неопределенного времени. Так образовался американо-японский военный союз.

КНР отказалась признать законным этот сепаратный договор, направленный на возрождение в Японии милитаризма, разжигание вражды по отношению к Китаю и СССР. «В целях защиты мира в Азии и в остальном мире, — заявил Чжоу Эньлай 18 сентября 1951 г., — китайский народ готов действовать вместе со всеми народами мира, со всеми народами Азии и правительством любой страны, особенно любой азиатской страны, которое не одобряет подписанного в Сан-Франциско мирного договора с Японией, для того чтобы воспрепятствовать угрозе расширения войны на Дальнем Востоке, созданной подписанным в Сан-Франциско мирным договором с Японией и американо-японским двухсторонним пактом безопасности»².

¹ «Сборник документов и материалов по Японии», стр. 23—24.

² Там же, стр. 47—48.

Правительство США толкало Японию все дальше по пути политики, недружественной Китаю. В декабре 1951 г. Даллес посетил Токио и вел секретные беседы с тогдашним премьер-министром Иосида. Он добивался от японского правительства твердого обещания не идти на установление отношений с КНР, а заключить мирный договор с Чан Кайши. 24 декабря 1951 г. Иосида направил Даллесу письмо, выдержанное в резко враждебном народному Китаю тоне, где обещал подписать мирный договор с го-миньдановцами¹. КНР расценила письмо как провокацию и указала, что намерение правительства Иосида подписать «мирный договор» с Чан Кайши не имеет ничего общего со стремлением японского народа прекратить состояние войны с Китаем и возобновить мирные отношения между двумя соседними странами. Она выразила надежду, что японский народ пойдет по пути независимости, демократии, мира, и заявила о своем сочувствии его борьбе против американской оккупации².

28 апреля 1952 г. японское правительство и чанкайшисты заключили «мирный договор». Он прекращал состояние войны между Японией и «Китайской республикой», подтверждал статьи 2 и 10 Сан-Францисского договора, предусматривал соглашения относительно собственности Японии и ее граждан на Тайване и Пэнхуледао, а также о торговле и воздушном сообщении.

Не имея отношений с правительством Японии, КНР обращалась непосредственно к японскому народу. Перед ним в качестве первоочередной была выдвинута задача борьбы за национальную независимость. Чжоу Эньлай заявил 28 июля 1950 г.: китайский народ выражает сочувствие и уважение народам Кореи, Вьетнама, Филиппин и Японии, которые тоже являются жертвой американской агрессии и ведут борьбу сопротивления, и твердо верит, что угнетенные нации и народы всего Востока непременно смогут раз и навсегда похоронить самых злостных и преступных поджигателей войны — американских империалистов в огне великой борьбы за национальную независимость³.

¹ См. *Иноуэ Киеси, Оконои Синдзабуро, Судзуки Сёси. История современной Японии.* М., 1955, стр. 696—697.

² «Сборник документов по внешним сношениям Китайской Народной Республики. 1951—1953 гг.», стр. 57.

³ «Против американской оккупации Тайваня и проискёв США, направленных на создание «двух Китаев». Сборник документов и материалов». Пекин, 1958, стр. 6—7.

Китайские руководители предлагали демократическим силам Японии использовать в борьбе за независимость опыт революционной борьбы в Китае. Перед ними выдвигалась задача создания единого патристического национального фронта против американских империалистов и их приспешников в лице немногочисленной японской компрадорской буржуазии и представляющих ее на политической арене реакционных групп, объединения японских рабочих, крестьян и национальной буржуазии, не связанной или мало связанной с американским империализмом¹.

Тактика насильственной борьбы, партизанских действий против американских войск в горных районах, создания «опорных баз» и др., предложенная демократическим силам Японии², была использована оккупационными властями как повод для широких репрессий против прогрессивных сил.

* * *

Трудовой энтузиазм китайского народа, союз с СССР, всесторонняя помощь братских стран предотвратили широкую вооруженную интервенцию империалистов против народной власти и обеспечили быстрые успехи в налаживании и развитии хозяйства, науки и образования. Политика активного сотрудничества с СССР и другими странами, борьба против империализма и колониализма, выступления против агрессии, за сохранение мира привели к быстрому признанию молодой народной республики многими государствами, расширению ее международных связей.

Однако уже тогда в Пекине время от времени проявлялись великодержавный шовинизм и авантюризм.

На конференции профсоюзов стран Азии и Океании, состоявшейся в КНР (декабрь 1949 г.), Пекин выступил с претензиями на руководящее положение в революционном движении в Азии. Его представители подбрасывали тезис, что обстановка в странах Азии и Океании во многом схожа с положением в Китае до революции и поэтому их революционеры должны следовать китайскому опыту и действовать под руководством Пекина. Делегаты многих стран высказались против этого, и китайским руководителям пришлось отступить.

¹ «Жэньминь жибао», 7.VIII. 1950.

² См. «Письмо ЦК КПСС ЦК КПЯ от 18 апреля 1964 г.».— «Партийная жизнь», 1964, № 14.

В 1950—1951 гг. Мао Цзэдун попытался навязать коммунистическим партиям Индонезии и Индии программы, игнорировавшие конкретную обстановку в этих странах и требовавшие копировать опыт освободительной борьбы в Китае (образование крестьянских армий, создание освобожденных районов). Против такой линии решительно возражал И. В. Сталин.

В Пекине вынашивали идею аннексии МНР. Во время войны в Корее руководители КНР не хотели считаться с корейскими товарищами, пытались диктовать, вели себя грубо и надменно.

Пока это были отдельные рецидивы. КНР была еще слабой страной, нуждалась в большой помощи социалистических государств для укрепления обороноспособности и развития хозяйства, и националистическое крыло руководства не решалось действовать открыто.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР

в 1953—1958 гг.

Китайская Народная Республика все активнее включалась в международные дела, тем более что многие события в той или иной мере касались непосредственно ее или союзников.

Хотя война в Корее была прекращена, но там оставались иностранные войска; требовалось от перемирия перейти к прочному миру, создать условия для восстановления национального единства страны на мирных и демократических началах. Продолжалось кровопролитие в Индокитае, грозившее вызвать большую войну. Образование агрессивного блока в Юго-Восточной Азии имело целью остановить процесс освобождения народов этого района от колониализма, усилить военные приготовления и вовлечь в них азиатские страны. Серьезную угрозу миру создали агрессия Англии, Франции и Израиля против арабских стран, нажим империалистических держав на Сирию, Ливан, Ирак, форсированное укрепление НАТО. Империалисты стремились ослабить социалистическое содружество, предприняли попытку контрреволюционного переворота в Венгрии.

ОТНОШЕНИЯ КНР С СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

Представитель КНР принял в качестве наблюдателя участие в совещании представителей СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании (29 ноября — 2 декабря 1954 г. в Москве), созванном, чтобы рассмотреть положение, сложившееся в Европе в результате подписания 23 октября 1954 г. Парижских соглашений, в соответствии с которыми Федеративная Республика Германии становилась членом НАТО. 1 декабря

китайский представитель Чжан Вэньтянь заявил: правительство и народ КНР решительно выступают против Парижских соглашений и считают, что они не имеют ничего общего с задачей укрепления безопасности в Европе и являются серьезной провокацией против дела мира. Китайский народ, сказал наблюдатель, всеми силами поддерживает борьбу Советского Союза, стран народной демократии и других миролюбивых сил за мир в Европе и обеспечение безопасности¹.

2 декабря 1954 г. участники совещания выступили со специальной декларацией, где заявили о своей решимости и впредь добиваться организации в Европе системы коллективной безопасности, ибо только совместные усилия европейских стран способны создать основу для прочного и длительного мира². Государства — участники совещания договорились вновь рассмотреть положение в том случае, если Парижские соглашения были бы ратифицированы, и принять должные меры для обеспечения своей безопасности и поддержания мира в Европе.

Представитель Китая — посол КНР в Москве Чжан Вэньтянь — огласил заявление. В нем отмечалось, что Декларация участников совещания дает надлежащий анализ и правильную оценку нынешней обстановки, указывает верный способ создания общеевропейской системы коллективной безопасности. «Китайский народ, — отмечала «Жэньминь жибао», — полностью поддерживает совместную Декларацию восьми государств — участников совещания европейских стран. Он не только преисполнен решимости и имеет достаточно сил защитить свою отчизну и поддержать мир в Азии, но, кроме того, ни в коем случае не останется на положении постороннего зрителя, если миролюбивые народы Европы подвергнутся агрессии. Силы сплотившихся воедино миролюбивых народов и государств непобедимы».

Парижские соглашения все же были ратифицированы, чем был дан зеленый свет ремиляризации Западной Германии. Учитывая усиление опасности новой войны в связи с созданием в Европе агрессивной военной группировки, европейские социалистические государства 14 мая 1955 г. подписали в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

КНР приветствовала Варшавский Договор как необходимую основу для сохранения безопасности всех миролю-

¹ См. «Правда», 2 декабря 1954 г.

² См. «Правда», 3 декабря 1954 г.

бывших народов. Китайский наблюдатель — министр обороны Пын Дэхуай — на совещании социалистических стран в Варшаве от имени Китайской Народной Республики заявил: «Если мир в Европе будет нарушен, если империалистические агрессоры развяжут войну против европейских миролюбивых стран, то наше правительство и наш шестисотмиллионный героический народ будут совместно с правительствами и народами наших братских стран вести борьбу против агрессии вплоть до окончательной победы»¹.

В Конституции Китайской Народной Республики, принятой на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей (1954 г.), было констатировано, что одним из основных принципов внешней политики страны является поддержание «отношений нерушимой дружбы с великим Советским Союзом и со странами народной демократии... с миролюбивыми народами всего мира...» В Основном законе подчеркивалось: «...борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом нашей страны в международных делах».

Впоследствии стало известно, что уже тогда в китайском руководстве все острее становилась борьба между марксистами-ленинцами, интернационалистами и великодержавными шовинистами, националистами. Тревожным сигналом явились арест и гибель в тюрьме в 1955 г. члена Политбюро, заместителя председателя КНР Гао Гана. Ему предъявляли разного рода обвинения, причем совершенно необоснованные. О главной же «вине» не говорили. Он был верным другом СССР, настойчиво боролся против националистического уклона, за интернационалистскую линию партии, а это не понравилось Мао Цзэдуну и его приближенным. 25 апреля 1956 г. Мао Цзэдун выступил на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК с речью, в которой пренебрежительно высказался о советском опыте, иронизировал по поводу «недостатков и ошибок в строительстве социализма» в СССР и странах Восточной Европы (речь полностью была опубликована только после смерти председателя КПК)². Однако Мао считал тогда, что еще много можно получить от социалистических стран для укрепления КНР, которая нуждалась в защите социалистического содружества. А главное — настроения в ЦК

¹ «Правда», 14 мая 1955 г.

² «Жэньминь жибао», 26.XII. 1976.

КПК, в партии в пользу развития дружественных отношений с СССР, проведения гибкой и разумной политики были столь сильны, что игнорировать их было нельзя.

Эти настроения особенно проявились на VIII съезде Коммунистической партии Китая, состоявшемся в сентябре 1956 г. В отчетном докладе Центрального Комитета говорилось: «Без великой интернациональной солидарности пролетариата всех стран и без поддержки международных революционных сил невозможна победа социализма в нашей стране, а если победа будет одержана, то ее невозможно будет закрепить». На съезде был провозглашен призыв «любовно и скромно относиться к любой из братских партий... решительно бороться с любыми проявлениями опасных уклонов великодержавного шовинизма и буржуазного национализма»¹.

Определяя внешнеполитическую линию, VIII съезд в «Основных положениях Программы» указал на то, что КПК «выступает за внешнюю политику сохранения мира во всем мире и мирного сосуществования стран с различным строем... Партия прилагает усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, укрепляет солидарность пролетарского интернационализма, изучает опыт мирового коммунистического движения; поддерживает борьбу коммунистов, прогрессивных элементов и трудового народа всех стран, направленную на обеспечение прогресса человечества, воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»².

Съезд наметил внешнеполитический курс страны:

1. Продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии.

2. Устанавливать и развивать дружественные отношения со странами Азии и Африки, с другими странами, одобряющими пять принципов мирного сосуществования.

3. Устанавливать и развивать нормальные дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми государствами, которые желают иметь с КНР подобные отношения.

4. Продолжать выступать против применения вооруженной силы и политики угрозы вооруженной силой в

¹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 года)». М., 1956, стр. 76.

² Там же, стр. 510—511.

международных делах, против политики подготовки новой войны.

5. Поддерживать движение народов за мир, развивать дружеские связи с народами всех стран.

6. Выступать против колониализма, содействовать всякой борьбе в Азии, Африке и Латинской Америке, направленной против колониализма и в защиту национального суверенитета.

7. Поддерживать социалистическое движение рабочего класса и трудящихся всех стран, укреплять интернациональную солидарность пролетариата.

8. Воспитывать своих работников, чтобы они в сношениях со всеми иностранными государствами и их народами придерживались позиции подлинного равенства, строго выступали против великодержавности.

Это был правильный курс, основанный на принципах пролетарского интернационализма.

VIII съезд КПК дал высокую оценку решениям XX съезда КПСС. Не кто иной, как Мао Цзэдун, открывая съезд КПК, говорил: «На состоявшемся недавно XX съезде КПСС были также выработаны многие правильные политические установки, подвергнуты осуждению недостатки в партии. Можно с уверенностью сказать, что их (т. е. советских коммунистов.— М. К.) работа в дальнейшем получит исключительно большое развитие»¹. «Состоявшийся в феврале текущего года XX съезд Коммунистической партии Советского Союза,— отмечалось в отчетном докладе ЦК КПК,— является важнейшим политическим событием, имеющим мировое значение. Съезд не только разработал грандиозный план шестой пятилетки и целый ряд важнейших политических установок, направленных на дальнейшее развитие дела социализма, и осудил культ личности, который привел внутри партии к серьезным последствиям, но также выдвинул предложения по дальнейшему развитию мирного сосуществования и международного сотрудничества, внес выдающийся вклад в дело разрядки международной напряженности»².

На VIII съезде было подчеркнуто громадное значение для Китая сотрудничества с СССР и другими социалистическими государствами. «Надо уметь учиться у идущего впереди Советского Союза, надо уметь учиться у стран народной демократии, надо уметь учиться у всех братских

¹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 года)», стр. 76.

² Там же, стр. 59.

партий, надо уметь учиться у народов всех стран,— призывал Мао Цзэдун.— Мы ни в коем случае не должны допускать высокомерных, великодержавных замашек, ни в коем случае не должны зазнаваться вследствие победы революции и некоторых успехов в строительстве»¹. (Сравните с высказыванием Мао Цзэдуна на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК 25 апреля 1956 г. Какое лицемерие и двуличие!)

Вместе с другими социалистическими странами выступила КНР и во время событий в Венгрии в 1956 г., хотя китайские руководители долго колебались, не зная, какую занять позицию. Сначала они не советовали применять оружие для подавления контрреволюционного мятежа, затем одобрили меры Советского Союза. «Мы решительно поддерживаем борьбу венгерского народа и Рабоче-Крестьянского Революционного Правительства Венгрии за защиту дела социализма, а также справедливый акт Советского Союза, проникнутый духом пролетарского интернационализма, предпринятый им в связи с событиями в Венгрии»², — заявило китайское правительство.

КНР солидаризовалась с декларацией Советского правительства от 30 октября 1956 г. об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими государствами. В заявлении от 1 ноября 1956 г. правительство КНР подчеркнуло необходимость усилить сплоченность братских стран на принципах полного равноправия, уважения суверенитета и взаимного невмешательства во внутренние дела³.

Китайские коммунисты подвергли острой критике усилившуюся во время венгерских событий деятельность сторонников так называемого «национального коммунизма», которые, избрав в качестве объекта для нападков созданный ими же жупел «сталинизма», пытались вообще отрицать международное значение опыта строительства социализма в СССР. В передовой статье «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата», опубликованной в «Жэньминь жибао», подчеркивалось: путь Октябрьской революции не только столбовая дорога пролетариата Советского Союза, но и общая столбовая дорога, по которой должны идти все трудящиеся для достижения победы. Во имя интересов общего дела пролетариата различных стран,

¹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 года)», стр. 5.

² «Правда», 9 ноября 1956 г.

³ «Жэньминь жибао», 2.XI. 1956.

указывала КПК, для совместного отражения наступления империалистического лагеря, во главе с США, на дело социализма, в интересах общего подъема экономики и культуры социалистических стран надо и впредь укреплять солидарность международного пролетариата с центром в Советском Союзе¹.

В то же время серьезную тревогу у друзей КНР вызвали выступления в 1957 г. так называемых «правых элементов». Со страниц газет, со стен, увешанных дацзыбао, на митингах и собраниях словно из рога изобилия лились антисоветские измышления. «Правые» клеветали на советско-китайскую дружбу, выдвигали территориальные притязания к СССР и МНР, превозносили США, утверждали, что марксизм-ленинизм не подходит к китайской действительности.

Руководители КНР, спровоцировавшие выступления «правых элементов», заявили, будто никакого отношения к ним не имеют.

«Коренные разногласия между нами и правыми элементами, — говорил на сессии ВСНП заместитель премьера Госсовета КНР Лу Дини, — заключаются в отношении к Советскому Союзу... следует ли китайско-советскую дружбу развивать и укреплять или же эту дружбу следует ослаблять и подрывать». В конституции ясно записано, что эта дружба «будет и впредь развиваться и укрепляться». Союз с СССР, продолжал Лу Дини, или выступления против него — вот грань между революцией и контрреволюцией. Указывая на существование в Китае трех видов буржуазного национализма (антисоветского национализма, великодержавного шовинизма и местного национализма), Лу Дини подчеркивал: «Они представляют собой реакционный национализм, против которого мы должны решительно выступать. Антисоветская деятельность правых элементов является в нашей стране нарушением конституции и недопустима». Уместно заметить, что в период «культурной революции» Лу Дини подвергся гонениям и был реабилитирован только в 1978 г.

Мао и его люди, безусловно, имели отношение к выступлениям правых. Это была своеобразная разведка, психологическая подготовка к отказу от политики дружественного сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами и переходу к шовинистической политике.

¹ «Жэньминь жибао», 29.XII. 1956.

Двойственность политики Мао и его последователей проявилась и на Совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1957 г. Делегация КПК во главе с Мао Цзэдуном согласилась с Декларацией и Манифестом Совещания, отражавшими единодушные участников в борьбе за социализм, демократию и мир, общую решимость крепить единство; высказывала комплименты в адрес КПСС. В то же время председатель КПК в менторском тоне поучал другие коммунистические партии, развивая свою зловещую теорию насчет ядерной войны. «Можно ли предположить, — сказал он, — какое количество людских жертв может вызвать будущая война? Возможно, будет одна треть из 2700 миллионов населения всего мира, т. е. лишь 900 миллионов человек. Я считаю, это еще мало, если действительно будут сброшены атомные бомбы. Конечно, это очень страшно. Но не так плохо было бы и половину. Почему? Потому, что не мы хотели этого, а они, они нам навязывают войну. Если будем воевать, то будет применено атомное и водородное оружие. Я лично думаю, что на всем человеческом свете будут такие страдания, когда погибнет половина человечества, возможно, и больше половины. Я спорил по этому вопросу с Неру. Он в этом отношении настроен более пессимистически, чем я. Я ему сказал, если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять вырастет, даже больше чем наполовину»¹.

В тот период складывалось впечатление, что подобная позиция проистекает из заблуждений китайских лидеров относительно перспектив развития современного мира и продиктована побуждениями приблизить, пусть даже крайними средствами, торжество социализма во всемирном масштабе. Как показали дальнейшие события, ультра-революционные установки руководителей КПК, в которых выражалось скептическое отношение к борьбе за мир, служили лишь маскировкой их подлинных намерений спровоцировать военное столкновение СССР и США в целях реализации своих великодержавных, националистических устремлений.

Вторая сессия VIII Всекитайского съезда КПК в специальной резолюции 23 мая 1958 г. о международном Совещании представителей коммунистических и рабочих

¹ «Правда», 22 сентября 1963 г.

партий отметила, что в Декларации Совещания обобщен опыт международного коммунистического движения за последние 100 лет, и особенно за последние 40 лет, освещены общие принципы, которых должны придерживаться коммунистические партии всех стран, выдвинут коренной курс на сплочение коммунистическими партиями различных стран широких народных масс в борьбе за мир, демократию и социализм. Далее в резолюции говорилось, что Декларация Совещания заложила идейно-политическую основу солидарности коммунистических партий и усилила сплоченность социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Это программный документ, открывающий новую эпоху в международном коммунистическом движении. Сессия констатировала: после опубликования Декларации братские партии добились новых успехов в деле социалистической революции и строительства, в идейно-политической работе и укреплении сплоченности и сотрудничества; компартии капиталистических стран тоже сделали новый шаг вперед в борьбе за упрочение своих рядов, за марксистско-ленинское единство, за усиление боеспособности партий и упрочение тесных связей с широкими массами трудящихся. Сплоченность и единство коммунистических партий всех стран, основанные на марксизме-ленинизме, приобретают особенно важное значение для общего дела пролетариата и совместной борьбы против империализма. Все братские партии должны укреплять связи между собой. Необходимо вести решительную борьбу против высказываний и действий, наносящих ущерб единству.

* * *

Для советско-китайских отношений в тот период характерны были частые контакты на высшем уровне, позволявшие обмениваться мнениями по вопросам двустороннего сотрудничества и международным проблемам, совместно реагировать на крупнейшие события в мире. Важной вехой явилась поездка в Китай (сентябрь — октябрь 1954 г.) советской правительственной делегации по случаю пятилетия со дня провозглашения народной республики. В итоге ее переговоров с китайскими руководителями был подписан ряд документов.

В Совместной декларации о советско-китайских отношениях и международном положении констатировалось наличие полного единства взглядов как в области развивающегося всестороннего сотрудничества между обеими

странами, так и по вопросам положения на мировой арене. Стороны подчеркнули, что за пять лет, прошедших после исторической победы китайского народа и образования народной республики, между СССР и КНР сложились отношения, полностью соответствующие Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 г. Правительства КНР и Советского Союза заявили, что дружественные отношения являются основой дальнейшего тесного сотрудничества на принципах равноправия, взаимной выгоды, взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности. Оба правительства выразили стремление консультироваться друг с другом всякий раз, когда будут возникать вопросы, затрагивающие интересы КНР и СССР, для согласования своих действий с целью обеспечения безопасности обоих государств, поддержания мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

Свои отношения со странами Азии и Тихого океана, как и с другими государствами, стороны и впредь будут строить на основе строгого соблюдения принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Это открывает широкие возможности для развития плодотворного международного сотрудничества. СССР и КНР высказали глубокое убеждение, что такая политика отвечает коренным интересам всех народов, в том числе азиатских, безопасность и благополучие которых могут быть обеспечены только на основе совместных усилий государств в деле защиты мира. Они договорились содействовать урегулированию неразрешенных международных проблем, в том числе касающихся Азии¹.

В Совместной декларации об отношениях с Японией правительства СССР и КНР указали, что после окончания второй мировой войны Япония, как предусмотрено Потсдамским соглашением, должна была получить полную национальную независимость, создать демократические институты, развивать самостоятельную мирную экономику и национальную культуру. Однако США, главная оккупирующая держава, на которую возложена основная ответственность за выполнение Потсдамских решений, грубо нарушили их, навязали Японии Сан-Францисский сепаратный договор и другие соглашения, противоречащие указанным решениям держав. На территории Японии распо-

¹ См. «Известия», 12 октября 1954 г.

ложены многочисленные американские военные базы, промышленность и финансы поставлены в зависимость от военных заказов США. Все это оскорбляет национальные чувства японцев, создает атмосферу неуверенности. У азиатских народов возникают законные опасения, что Япония может быть использована в агрессивных планах, чуждых как интересам ее народа, так и задаче поддержания мира на Дальнем Востоке.

Китайская Народная Республика и Советский Союз выразили глубокое сочувствие японскому народу, оказавшемуся в тяжелом положении. Они высказали уверенность, что народ Японии найдет в себе достаточно сил для освобождения от чужеземной зависимости и возрождения своей родины, установит нормальные отношения, широкое экономическое сотрудничество и культурные связи с другими государствами, и в первую очередь с соседями. СССР и КНР заявили, что в своей политике в отношении Японии исходят из принципов мирного сосуществования государств, будучи уверены в том, что это отвечает жизненным интересам всех народов. Они стоят за развитие торговых отношений с Японией на взаимовыгодных условиях, за установление тесных культурных связей. Они выразили готовность предпринять шаги для нормализации своих отношений с Японией и подчеркнули, что она встретит полную поддержку в своем стремлении к установлению политических и экономических отношений с СССР и КНР.

Учитывая изменение обстановки на Дальнем Востоке в результате прекращения войны в Корее и восстановления мира в Индокитае, укрепление обороноспособности КНР, стороны договорились о выводе советских воинских частей из совместно используемой военно-морской базы Порт-Артур, причем все сооружения в этом районе безвозмездно передавались китайскому народу, а вооружение КНР приобретала в кредит за половину стоимости.

В январе 1957 г. состоялся визит в Советский Союз правительственной делегации КНР во главе с премьером Государственного совета и министром иностранных дел Чжоу Эньлаем. В это время международная обстановка была особенно накалена. Хотя агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта удалось сорвать, на Ближнем и Среднем Востоке активизировалась экспансионистская деятельность США. «Доктрина Эйзенхауэра» преследовала цель превратить Ближний и Средний Восток, где позиции английских и французских империалистов были подорва-

ны, в американскую сферу влияния, вовлечь страны этого района в агрессивные блоки. Еще не утих шум, поднятый реакционными кругами в связи с разгромом контрреволюции в Венгрии.

СССР и Китай осудили захватническую политику США и заявили о своей готовности и дальше оказывать необходимую помощь народам Ближнего и Среднего Востока. Они поддерживали стремление народов Азии, Африки и Латинской Америки бороться против колониализма, отстоять и укрепить национальную независимость, суверенитет и свободу, добиться индустриального развития и экономической самостоятельности своих стран.

Обратив внимание на то, что агрессивные группировки усилили «холодную войну» и ведут подрывную деятельность против лагеря социализма, СССР и Китай предупредили: любые провокации империалистических сил встретят самый решительный отпор социалистических стран.

СССР и КНР вновь подтвердили, что непоколебимой основой их внешней политики является претворение в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Они стремятся к мирному сотрудничеству и с США. К сожалению, притязания американских монополистических кругов на мировое господство, их политика агрессии и подготовки к войне препятствуют улучшению международной обстановки и отношений между Советским Союзом и США, а также между Китаем и США.

СССР и КНР сделают все от них зависящее для достижения соглашения о разоружении, отвечающего насущным жизненным интересам человечества¹.

Советско-китайская декларация вызвала большое раздражение в империалистических кругах. К. Аденауэр, выступая в Кенингштейне, заявил даже, что международное политическое положение сильно ухудшилось вследствие проявления полного согласия между участниками советско-китайских переговоров. Зато декларацию горячо приветствовали широкие круги миролюбивой общественности, в частности на Арабском Востоке. Египетская газета «Аш-Шааб» писала 19 января 1957 г.: «Советский Союз и Китайская Народная Республика заявляют, что защитят страны Ближнего и Среднего Востока от любой агрессии или вмешательства в их дела, которое может явиться результатом «доктрины Эйзенхауэра». Сирийская «Аш-Шам»

¹ См. «Правда», 19 января 1957 г.

указывала 20 января, что Россия и Китай помогут народам Среднего Востока в их борьбе против «доктрины Эйзенхауэра».

Контакты руководителей КНР и СССР расширялись.

В апреле — мае 1957 г. Китай посетил Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. Беседы К. Е. Ворошилова и сопровождавших его Ш. Р. Рашидова, В. П. Елютина, Н. Т. Федоренко с рабочими, крестьянами, представителями интеллигенции показали, что китайский народ, коммунисты испытывали чувство глубокой дружбы к СССР. Рассказывая на митинге трудящихся нашей столицы о поездке по КНР, К. Е. Ворошилов отметил: «И повсюду наши встречи с китайскими друзьями, в которых в общей сложности участвовали многие миллионы людей, были яркими и незабываемыми, в них проявлялась сердечная теплота и радушие, они с громадной силой демонстрировали глубокую любовь и нерушимую дружбу китайского и советского народов»¹.

В ноябре 1957 г. в СССР прибыла партийно-правительственная делегация КНР во главе с Мао Цзэдуном. На юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, он отметил, что за всю историю отношения между любыми государствами не могли быть такими, как между странами социализма, когда делятся радость и горе, когда относятся с взаимным уважением и доверием, помогают и воодушевляют друг друга². «У нас единая судьба и единое дыхание с Советским Союзом и всем социалистическим лагерем», — сказал Мао Цзэдун. Это заявление было лицемерным, ибо уже тогда он вел линию на навязывание социалистическим странам своей платформы. Но руководителю Китая еще приходилось считаться с теми кругами в ЦК КПК, которые отстаивали курс на развитие дружественных отношений с СССР.

Более разносторонним становилось сотрудничество в области экономики, торговли, науки и культуры.

15 мая 1953 г. было подписано советско-китайское соглашение. СССР обязался до конца 1959 г. предоставить оборудование и оказать помощь в строительстве и реконструкции 141 крупного предприятия. «Центральный Народный Правительственный Совет единодушно считает, что, благодаря согласию правительства великого Советского Союза систематически оказывать экономическую и тех-

¹ «Правда», 31 мая 1957 г.

² См. «Правда», 7 ноября 1957 г.

ническую помощь Китаю в строительстве и реконструкции 91 нового предприятия и 50 ныне строящихся и реконструируемых предприятий, китайский народ, энергично изучая передовой опыт и новейшие технические достижения Советского Союза, сможет постепенно построить свою мощную тяжелую индустрию,— писал Мао Цзэдун в телеграмме Советскому правительству.— Это будет иметь чрезвычайно важное значение для индустриализации Китая, для постепенного перехода Китая к социализму, а также для укрепления сил лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом»¹.

В ходе переговоров в октябре 1954 г. по инициативе СССР было принято решение о ликвидации советско-китайских смешанных обществ: по добыче цветных и редких металлов, по добыче и переработке нефти в Синьцзяне, по строительству и ремонту судов в городе Дальнем, по организации и эксплуатации гражданских воздушных линий. В короткие сроки они наладили работу подведомственных предприятий, расширили производственную мощность и подняли их общий технический уровень. Когда же Китайская Народная Республика достигла успехов в развитии экономики, а хозяйственные организации накопили необходимый опыт и могли уже сами управлять предприятиями, нужда в обществах отпала. Правительства СССР и КНР пришли к соглашению о том, что советская доля участия в обществах с 1 января 1955 г. полностью передается Китаю. Стоимость этой доли возмещалась в течение ряда лет поставками в Советский Союз товаров, являющихся предметами обычного китайского экспорта². Для оплаты переданной советской доли в акционерных обществах был предоставлен КНР долгосрочный кредит.

Правительства двух стран договорились расширить научно-технические связи. 12 октября 1954 г. было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Стороны решили передавать друг другу техническую документацию, обмениваться соответствующей информацией, а также командировать специалистов для оказания технической помощи и ознакомления с достижениями обеих стран. Для разработки мероприятий по осуществлению сотрудничества и представления обоим правительствам рекомендаций была образована советско-китайская комиссия³. Она собиралась регулярно, каждый раз рассматривая тысячи запросов и предложений с той и другой стороны.

¹ «Синьхуа юэбао», 1953, № 10, стр. 7.

² См. «Известия», 12 октября 1954 г.

³ Там же.

В целях расширения экономических и культурных связей КНР и СССР приняли решение построить железную дорогу от Ланьчжоу через Урумчи (на китайской территории) до Актогая (на советской).

Кроме того, были подписаны соглашение о предоставлении Советским Союзом долгосрочного кредита в сумме 520 млн. руб. и протокол о помощи Китаю в строительстве дополнительно 15 промышленных предприятий и увеличении поставок оборудования на сумму свыше 400 млн. руб.¹

Советское правительство, придавая большое значение использованию атомной энергии в мирных целях, приняло в январе 1955 г. решение оказать научно-техническую и производственную помощь братским странам в создании научно-экспериментальных баз для исследований в области ядерной физики. Оно заявило о готовности помочь Китаю, Польше, Чехословакии, Румынии и Германской Демократической Республике в проектировании и постройке экспериментальных котлов и ускорителей элементарных частиц; предусматривалась также поставка оборудования и необходимого количества расщепляющихся материалов. Ученым и инженерам этих стран предоставлялась возможность ознакомиться с успехами СССР в области использования атомной энергии для мирных целей.

Это предложение Советского правительства было рассмотрено 31 января 1955 г. на 4-м пленарном заседании Государственного совета КНР. В принятой резолюции отмечалось: «Это — славное выражение мирной внешней политики Советского Союза, новый вклад в дело укрепления великой дружбы между Китаем и Советским Союзом. Китайский народ и правительство выражают сердечную благодарность за искреннюю и бескорыстную помощь Советского Союза. Развитие науки и техники в Китае отстало ввиду длительного периода феодального и империалистического гнета. Однако мы вполне уверены в том, что ученые, инженеры и рабочие свободного Китая при искренней помощи Советского Союза, несомненно, смогут в короткий срок овладеть техникой использования атомной энергии»².

В конце марта 1956 г. СССР, КНР и другие социалистические страны организовали Объединенный институт ядерных исследований. Советский Союз передал ему Институт ядерных исследований и Электрофизическую ла-

¹ См. «Известия», 12 октября 1954 г.

² «Жэньминь жибао», 1.II. 1955.

бораторию Академии наук СССР с гигантскими ускорительными установками для изучения атомного ядра и крупнейшие в мире синхротрон и синхрофазотрон.

7 апреля 1956 г. и 8 августа 1958 г. были подписаны соглашения об оказании Советским Союзом помощи Китаю в строительстве 102 крупных промышленных объектов, в том числе предприятий новых отраслей. В связи с возросшими возможностями собственной промышленности китайская сторона сняла заявки на некоторые проекты. Поэтому число промышленных объектов, в строительстве которых участвовал Советский Союз, с подписанием соглашения от 8 августа составило 213. Это основные цехи Аньшаньского металлургического комбината — гиганта китайской металлургии, Чанчуньский автомобильный завод, тракторный завод в Лояне, инструментальный завод в Харбине, кабельный завод в Шэньяне, завод радиоламп в Пекине, ряд крупных угольных шахт, электростанций общей мощностью 1,5 млн. *квт*, азотно-туковый завод и два химических завода в Гирине, целлюлозно-бумажный комбинат в Цзямусы, две доменные печи Уханьского металлургического комбината, подшипниковый завод в Лояне, Уханьский завод тяжелых станков, завод паровых турбин в Харбине, завод горного оборудования в Лояне, завод твердых сплавов в Чжучжоу, завод антибиотиков в Шидзячжуане и др.

В 1956 г. Советский Союз направил большую группу крупных ученых, с помощью которых был разработан 12-летний план развития науки в КНР.

13 марта 1957 г. СССР безвозмездно передал китайскому правительству госпиталь Советского Красного Креста в Пекине, который был создан в июне 1952 г. За время существования госпиталь обслужил более 500 тыс. амбулаторных пациентов. Количество стационарных больных превысило 9300. При содействии наших медиков там было подготовлено более 300 высококвалифицированных китайских врачей.

В КНР работало несколько тысяч советских специалистов. Они помогали налаживать деятельность государственного аппарата, готовить кадры, создавать научно-исследовательские центры, строить предприятия, электростанции, шахты, гидротехнические сооружения, раскрывать богатства недр. В Советском Союзе учились или проходили практику тысячи граждан КНР. Большая группа китайских ученых трудилась в Объединенном институте ядерных исследований.

С каждым годом расширялся товарооборот. Он вырос с 2317,9 млн. руб. в 1950 г. до 5129 млн. в 1957 г. На его долю приходилось 20% внешнеторгового оборота СССР и около 50% внешней торговли КНР. В его номенклатуре пасчитывалось свыше 20 тыс. наименований оборудования, промышленных изделий, полуфабрикатов, сырья. Советский Союз предоставлял оборудование для металлургической, машиностроительной, горнодобывающей, химической, электроэнергетической промышленности, транспорта, сельскохозяйственные машины, племенной скот, семена, нефть, бумагу, ткани, медикаменты и многие другие товары. Поставки из СССР увеличились с 1552,8 млн. руб. в 1950 г. до 2176,4 млн. в 1957 г., в том числе вывоз машин и оборудования — с 165,4 млн. до 1086 млн. Из Китая экспортировались в СССР цветные и легирующие металлы, текстильное сырье и изделия текстильной промышленности, продовольствие, ковры, кустарные изделия, эфирные масла и т. д. В 1950 г. китайский экспорт в СССР равнялся 765,1 млн. руб., а в 1957 г. — 2952,5 млн. Товары сдавались на границе по средневзвешенным мировым ценам. Стороны широко практиковали длительные договоры купли-продажи.

23 апреля 1958 г. в Пекине был подписан договор о торговле и мореплавании между СССР и КНР. Стороны предоставили друг другу режим наибольшего благоприятствования во всех вопросах торговли, мореплавания и прочих экономических связей. «Это не только создает исключительно благоприятные условия для экономических и других связей,— писала 24 апреля «Жэньминь жибао»,— но и ведет к дальнейшему укреплению братской дружбы между народами Китая и Советского Союза».

В порядке научно-технического сотрудничества с 1954 г. СССР предоставил Китаю свыше 3 тыс. наименований технической документации, принял около 700 китайских специалистов для ознакомления с передовой техникой. Советский Союз снабдил КНР техническими материалами по строительству угольных копей, обогатительных фабрик, предприятий цветной металлургии, электрооборудования и стройматериалов, электростанций, стекловых, трансформаторных, паровозовогомостроительных и ремонтных заводов, заводов железобетонных конструкций, нефтяных промыслов и т. п. Промышленность КНР освоила по советской документации производство подъемников, экскаваторов, бурильных машин, угольных комбайнов «Донбасс», турбогенераторов, мостовых кра-

пов, электромашин, трансформаторов, автомашин, радиоламп и других машин и оборудования.

КНР передала примерно 300 наименований технической документации в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта и т. д., в которых нуждался СССР. Она относилась к текстильному и бумажно-целлюлозному производству, изготовлению сборного железобетона и железобетонных опор для линий электропередач, химических продуктов, ирригационному строительству, приготовлению мясных, овощных и фруктовых консервов, содержала описание типовых систем разработок угольных пластов, рабочие чертежи некоторых видов оборудования угольной и металлургической промышленности, чертежи, образцы медицинской аппаратуры, а также опыт лечения методами китайской медицины, образцы, дозировку и рецептуру лекарств. КНР поделилась опытом разведения дубового и тутового шелкопрядов, материалами по изучению миграции рыб и лечению болезней некоторых рыб, передала большое количество образцов и семян многолетнего хлопчатника, джута, масличных и других сельскохозяйственных культур, древовидных кустарниковых растений, черенки и саженцы наиболее высокоурожайных сортов шелковицы и чайного растения. Китайские организации приняли свыше 200 советских специалистов для ознакомления с опытом выращивания ряда сельскохозяйственных культур, производства предметов повседневного потребления, лекарств и т. д.

18 августа 1956 г. в Пекине было подписано советско-китайское соглашение о проведении в бассейне реки Амура совместных научно-исследовательских работ с целью выявления природных ресурсов, определения перспектив развития производительных сил этого района, проведения проектно-изыскательских работ, составления схемы комплексного использования реки Аргуни и верхнего течения реки Амура. Помимо изучения условий географического и экономического порядка бригада советских и китайских специалистов выбрала места для строительства гидроэлектростанций на реках Амуре и Аргуни. Согласно подсчетам, потенциальная мощность воды Амура с его притоками составляет 13 млн. *квт*. Энергия, которую могли дать гидроэлектростанции, поставлялась бы и в Советский Союз и в Китай.

В районе верхнего и среднего течения Амура производились совместные топографические съемки. Разведчики выявили 1400 тыс. га целины, пригодной для обработ-

ки. С помощью авиации было обследовано более 1 млн. га лесных массивов. Велось изучение полезных ископаемых Большого Хингана и растений, обладающих ценными целебными свойствами.

Большие возможности для научно-технического сотрудничества открывало советско-китайское соглашение от 18 января 1958 г. о совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники и оказании помощи КНР в этой работе. В 1958—1962 гг. ученые двух сторон должны были сотрудничать в решении 122 проблем.

Правительства КНР и СССР, заботясь о расширении связей в области культуры, заключили 5 июля 1956 г. долгосрочное соглашение. Там был обобщен опыт их культурного сотрудничества и намечены дальнейшие пути его развития на основе принципов глубокого уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды. Чтобы проиллюстрировать размах этого сотрудничества, можно указать, что в 1949—1958 гг. 134 китайских художественных коллектива познакомили наших зрителей с искусством своей страны, а на экранах было показано 102 фильма. За то же время КНР посетили 112 коллективов, почти 2 млрд. человек посмотрели 747 советских кинокартин.

* * *

Китайская Народная Республика поддерживала тесные связи и с другими социалистическими странами. Личные контакты помогали обмену опытом в социалистическом строительстве, укрепляли доверие между государствами, сближали народы. Во время встреч обсуждались самые различные вопросы политики этих стран и международного положения.

Возвращаясь в 1954 г. с Женевского совещания, премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай посетил Польшу и ГДР. Он заявил о поддержке Китаем усилий Польши в деле обеспечения мира в Европе. Премьер подчеркнул, что их дружба развивается с каждым днем, и выразил благодарность за большую помощь в восстановлении и развитии экономики КНР.

С 11 по 16 января 1957 г. в Польше находилась правительственная делегация КНР во главе с Чжоу Эньлаем. В апреле Китай посетила правительственная делегация ПНР. Оба правительства отметили, что империалистические круги не отказываются от политики обострения меж-

дународной обстановки, от попыток подавить национально-освободительную борьбу народов Азии и Африки, не прекращают своих действий с целью раскола и подрыва дружбы социалистических стран. Они предостерегли против передачи ядерного оружия ФРГ и возрождения там реваншистских элементов. Западная граница Польши по Одеру и Нейсе является границей мира и отвечает интересам безопасности в Европе. Стороны потребовали вывода американских войск с Тайваня и из Тайваньского пролива, солидаризовались с советскими предложениями по обеспечению мира в Европе, Азии и других частях земного шара, в частности о немедленном прекращении испытаний ядерного оружия, призвали международные споры решать только мирным путем¹.

Во время посещения Чжоу Эньлаем ГДР в 1954 г. премьер-министры двух стран заявили о решимости КНР и ГДР продолжать политику сотрудничества и дружбы народов, прилагать усилия к разрядке международной напряженности. Ремилитаризация Западной Германии и Японии представляет угрозу миру, и борьба против нее стала общей задачей миролюбивых народов.

В апреле 1955 г. Китай прекратил состояние войны с Германией. Его правительство заявило, что поддерживает ГДР и весь немецкий народ, а также СССР, все миролюбивые страны и народы в их борьбе за коллективную безопасность в Европе и сохранение мира на земле.

В декабре 1955 г. в Китай ездил правительственная делегация ГДР во главе с Председателем Совета Министров ГДР Отто Гротеволем. В результате переговоров был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве двух государств. Правительства договорились участвовать в международных акциях по сохранению мира и безопасности народов в соответствии с принципами ООН, консультироваться в духе братской солидарности по важным проблемам, которые затрагивают интересы обеих стран, прежде всего относительно обеспечения неприкосновенности территории и безопасности КНР и ГДР и укрепления мира. Они условились оказывать друг другу экономическую помощь, развивать научно-техническое и культурное сотрудничество².

В совместном заявлении отмечалось полное совпадение точек зрения КНР и ГДР в отношении международного положения. Оба правительства выразили решимость

¹ См. «Правда», 17 января 1957 г.

² «Жэньминь жибао», 26.XII. 1955.

делать все для сохранения мира и прогресса человечества. Мир в Азии и Европе неделим, подчеркнули они. Китай окажет поддержку политике Германской Демократической Республики. В свою очередь ГДР поддержит стремление КНР освободить Тайвань и восстановить законные права в Организации Объединенных Наций. Правительства заявили, что они выступают против любых форм колониализма и солидаризируются со странами Азии и Африки, а также с другими государствами и народами в их борьбе за достижение национальной независимости¹.

7—8 января 1957 г. состоялись переговоры правительственной делегации КНР во главе с Чжоу Энляем и правительственной делегации ГДР во главе с Отто Гротеволем. Стороны выразили решимость поддержать справедливую борьбу египетского народа против любой агрессии и выступления арабских стран против «доктрины Эйзенхауэра». Они заявили о дальнейшей помощи революционному рабоче-крестьянскому правительству народной Венгрии и борьбе против ремилитаризации Западной Германии. КНР и ГДР будут укреплять сотрудничество и единство с СССР и другими братскими странами на основе марксистско-ленинского учения о равноправии наций и о пролетарском интернационализме.

В январе 1957 г. в Венгрии находилась правительственная делегация КНР во главе с Чжоу Энляем. Она отметила, что демократические силы во главе с рабочим классом теснее сплачиваются вокруг Венгерской социалистической рабочей партии и революционного правительства. Часть населения, обманутая фальшивыми лозунгами контрреволюционеров, все больше отходит от опасного пути, на какой ее стараются толкнуть враги дела социализма. Правительственные делегации осудили попытки американских империалистов с помощью ООН вмешаться во внутренние дела Венгрии. Они квалифицировали решения, принятые Генеральной Ассамблеей под нажимом США, как нарушающие суверенитет и преследующие цель вмешательства во внутренние дела венгерского народа, как грубое нарушение Устава ООН и поэтому незаконные. Они заявили о своем едином мнении относительно главных вопросов международного положения.

Правительственные делегации выразили желание продолжать расширять экономические и культурные связи между Китаем и Венгрией, хранить и укреплять солидар-

¹ «Жэньминь жибао», 26.XII. 1955.

ность социалистических государств, содействовать единству миролюбивых стран и народов, а также трудиться во имя священного дела мира и человеческого прогресса¹.

27 сентября — 5 октября 1957 г. в Китае с дружеским визитом паходилаь правительственная делегация ВНР. Ее возглавлял Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Янош Кадар. Стороны вновь констатировали единство взглядов по вопросам международного положения и отношений между двумя государствами. Правительство КНР указало, что огромные успехи венгерского народа в развитии народного хозяйства и дальнейшем упрочении дружеских отношений с социалистическими странами не только способствуют расцвету ВНР, но и служат важным вкладом в дело сохранения мира².

27 марта 1957 г. был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве между Китаем и Чехословакией. «Договаривающиеся стороны, — говорится в статье I, — торжественно заявляют, что обе страны в духе подлинного сотрудничества будут принимать участие во всех международных актах, имеющих целью сохранение мира и безопасности всех народов и соответствующих принципам Устава ООН»³. Они обязались консультироваться по важным международным вопросам, обеспечивать территориальную целостность и национальную безопасность своих стран, укреплять и развивать дружественные отношения и братское сотрудничество, оказывать друг другу экономическую помощь, расширять связи в области культуры, науки и техники⁴. В совместном заявлении, подписанном тогда же, была выражена единая точка зрения по основным международным проблемам. Обе стороны будут продолжать и дальше укреплять единство всех социалистических стран⁵.

В сентябре — октябре 1957 г. Китай принимал правительственную делегацию Румынии во главе с Председателем Совета Министров Киву Стойка. Состоялся обмен мнениями по широкому кругу проблем.

Руководители и печать КНР выступали с резкой критикой положения в Югославии и политики ее руководства. Связей между двумя странами фактически не было.

¹ См. «Правда», 18 января 1957 г.

² «Жэньминь жибао», 5.X. 1957.

³ «Жэньминь жибао», 28.III. 1957.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

КНР и КНДР поддерживали контакты, необходимые для решения многочисленных вопросов, связанных с пребыванием китайских добровольцев в Корее. Между двумя странами возникали и серьезные трудности, вызванные попытками вмешательства КНР во внутренние дела КНДР.

С 27 июня по 7 июля 1955 г. велись переговоры между руководителями КНР и вьетнамской правительственной делегацией во главе с Президентом ДРВ Хо Шю Мином. В совместном коммюнике КНР и ДРВ обратили внимание на то, что осуществление Женевских соглашений наталкивалось на препятствия, возникла новая угроза их нарушения. Вскоре после совещания в Женеве правительство США включило Южный Вьетнам, Камбоджу и Лаос в зону так называемой «обороны» по Манильскому договору, усилило вооружение и обучение южновьетнамских войск. Оно воспрепятствовало проведению консультаций относительно всеобщих выборов во Вьетнаме и помешало объединению страны. КНР и ДРВ потребовали прекращения действий, идущих вразрез с Женевскими соглашениями. Они заявили о своем желании установить в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования нормальные и дружественные отношения со всеми странами, и в первую очередь с соседями. «Стороны глубоко верят, — говорилось в совместном коммюнике, — что данные переговоры служат не только интересам усиления единства и дружбы народов обеих стран и интересам их справедливой борьбы, но и непременно будут служить интересам общего дела, борьбы народов всего мира за сохранение мира»¹.

В ноябре 1956 г. правительственная делегация КНР во главе с Чжоу Эньлаем совершила поездку в Демократическую Республику Вьетнам. В коммюнике о переговорах обе стороны осудили агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта, заявили о поддержке революционного рабоче-крестьянского правительства Венгрии, выразили удовлетворение улучшением своих отношений с Камбоджей и Лаосом. Делегации вновь констатировали, что США мешают объединению Вьетнама в надежде превратить южную часть страны в свою колонию и военную базу. Чжоу Эньлай и премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг призвали участников Женевской конференции принять действенные меры к полному претворению в жизнь согласованных ими решений.

¹ «Жэньминь жибао», 8.VII. 1955.

Правительство КНР обещало помогать вьетнамскому народу в хозяйственном строительстве, поддерживать его борьбу за мирное объединение страны. В своих отношениях стороны обязались строго придерживаться пяти принципов мирного сосуществования и избегать шовнистических ошибок¹.

Указание насчет шовнистических ошибок не было случайным. Китайские специалисты пытались вмешаться во внутренние дела ДРВ, командовать, и это приводило к трениям между двумя странами.

Во время визита в МНР в 1954 г. Чжоу Эньлай говорил, что китайско-монгольская дружба-де имеет давнюю историю, оба народа непрерывно вдохновляли и поддерживали друг друга своими победами и борьбой. Монгольский народ, сражаясь плечом к плечу с Советской Армией, дважды наносил удары по общему врагу, и это было большой поддержкой для китайского народа, который тогда вел тяжелую войну с японским империализмом. Чжоу Эньлай утверждал, что рождение Китайской Народной Республики открыло новую эпоху в развитии дружбы и сотрудничества между обоими народами².

И в то же время в Пекине не отказывались от мысли аннексировать Монголию. 7 апреля 1956 г. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай спросили А. И. Микояна, находившегося в Китае, не считает ли советская сторона ответ И. В. Сталина на вопрос Мао Цзэдуна о возможности «возвращения» Монголии в состав Китая, данный в феврале 1950 г., одной из его ошибок. Микоян сказал: И. В. Сталин был тогда прав, и он, Микоян, придерживается того же мнения: И. В. Сталин дал правильный ответ. Микоян добавил: ответ И. В. Сталина надо понимать в том смысле, что он высказался против постановки вопроса о включении Монголии в Китай.

Развивались экономические отношения КНР с социалистическими странами. Многие из них нуждаются в ввозе сырья, а Китай является не только крупным экспортером сырья, но и покупателем промышленного оборудования. За 1950—1956 гг. объем его торговли со странами народной демократии увеличился почти в 20 раз. В 1956 г. на их долю приходилось около 22% внешнеторгового оборота КНР. Братские страны помогали ее индустриализации, поставляя комплектное оборудование, машины.

¹ «Жэньминь жибао», 22.XI. 1956.

² «Сборник договоров Китайской Народной Республики», т. 2, стр. 3—6.

В годы первой пятилетки она получила свыше ста комплектов фабрично-заводского оборудования.

Наиболее широкие экономические связи с Китаем имела Германская Демократическая Республика. Их товарооборот достиг 453,6 млн. руб. в 1953 г., 766,2 млн. в 1955 г. и 950 млн. в 1958 г. Весной 1956 г. был заключен контракт на поставку ГДР оборудования для 10 крупных китайских предприятий на общую сумму 410 млн. руб. 26 сентября 1957 г. в Берлине был подписан протокол о поставках комплектного оборудования для электростанций, цементных заводов, предприятий легкой промышленности Китая. ГДР оказывала ему помощь в строительстве 41 промышленного объекта, в том числе заводов по производству цемента, химического и оптического стекла, бумаги, химических продуктов, удобрений, искусственных тканей, трансформаторов, кабеля.

Для ГДР важное значение имел вывоз из КНР промышленного сырья и продовольствия.

С 1954 г. основной статьей китайского импорта из Чехословакии стало комплектное оборудование. В 1957 г. в Пекине было оформлено соглашение о поставке в КНР оборудования для шести электростанций общей мощностью 500 тыс. квт. С помощью чехословацких специалистов построены завод азотных удобрений в Сычуани, а в Гуанчжоу — сахарный. В 1958 г. Китай вывез из Чехословакии товаров на сумму 364 млн. руб., а ввез — на 436,7 млн. руб.

Рос товарооборот Китайской Народной Республики с Польшей. Если в 1950 г. он равнялся 34 млн. руб., то в 1958 г. — 433,6 млн. руб. Импорт из Польши достиг в 1958 г. 288,6 млн. руб., экспорт — 145 млн. руб. Большое значение для польской экономики имели поставки железной руды, вольфрама, молибдена. За счет китайского ввоза ПНР на 83% удовлетворяла свои потребности в чае, на 33% — в табаке, на 100% — в корице и имбире, на 33% — в маслах и маслосеменах. 60% китайского импорта из Польши составляли машины. Ее оборудованием были оснащены два сахарных завода в Цзямусы и Гирине, две угольные шахты, три углеобогащательные фабрики, завод сухой дистилляции древесины, заводы шахтных ламп, щелочных аккумуляторов и т. д.¹ Подписанное в апреле

¹ См. А. Нетрусов. Экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с европейскими странами народной демократии. — «Внешняя торговля», 1958, № 10, стр. 4—6.

1958 г. долгосрочное торговое соглашение на 1959—1964 гг. предусматривало ежегодное увеличение китайско-польского товарооборота на 10%.

Торговля КНР с Венгрией возросла в 1958 г. более чем в 2 раза по сравнению с 1952 г., а товарооборот составил 365,6 млн. руб. КНР закупила оборудование для теплоэлектростанций, кислородного завода, холодильные установки. С помощью ВНР построен трубопрокатный завод. Народный Китай безвозмездно поставил цемент, стройматериалы и продовольствие на 30 млн. руб., предоставил долгосрочный заем на сумму 100 млн. руб. в свободной валюте из расчета 2% годовых; погашение займа должно было начаться в 1960 г. и производиться в течение 10 лет. В апреле 1958 г. КНР и Венгрия подписали долгосрочное торговое соглашение на 1959—1962 гг.

Поставляя Румынии промышленное сырье и материалы (сурьма, железная руда, асбест, джут, тунговое масло, каучук), Китай получал взамен нефтебуровое оборудование, электротехнические машины, комплектное оборудование для электростанций и цементных заводов, тракторы, сельскохозяйственные машины, нефтепродукты. Объем китайско-румынской торговли составил в 1956 г. 133,5 млн. руб. В июле 1958 г. было подписано долгосрочное соглашение о товарообороте между двумя странами.

58 млн. руб. достиг в 1957 г. объем китайско-болгарской торговли. В 1954 г. КНР и Болгария заключили соглашение о научно-техническом и культурном сотрудничестве. Они подписали долгосрочные соглашения о торговле и платежах на 1958—1960 гг.

В 1954 г. были подписаны соглашения о предоставлении Китаем кредита Албании и о научно-техническом сотрудничестве, а с 1955 г. между ними установились торговые отношения.

В ноябре 1953 г. китайское правительство передало в дар КНДР 800 млн. юаней. Оно согласилось поставлять в счет этой суммы различные материалы, необходимые для восстановления промышленного и сельскохозяйственного производства, железнодорожного транспорта и улучшения условий жизни корейского народа. В целях дальнейшего развития технического сотрудничества Китай и КНДР договорились о командировании на предприятия КНР корейских рабочих и инженерно-технических работников на практику, а китайских специалистов в КНДР для передачи опыта.

В июле 1955 г. КНР выделила Демократической Республике Вьетнам 800 млн. юаней на ремонт и восстановление железных дорог, речных пристаней и шоссейных мостов, а также реконструкцию и строительство прядильных фабрик, кожевенных заводов, предприятий медицинского оборудования, электрооборудования, сельскохозяйственных орудий и т. д. Правительства двух стран договорились о техническом сотрудничестве. Китай согласился помогать в проектировании и сооружении заводов, железных и шоссейных дорог, мостов и т. д., принять вьетнамских рабочих для прохождения производственной практики на предприятиях. 31 марта 1958 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым КНР обязалась помочь ДРВ в сооружении и реконструкции 18 промышленных предприятий.

В июне 1956 г. китайское правительство предоставило МНР кредит в размере 160 млн. руб. для строительства силами и средствами КНР ряда промышленных и сельскохозяйственных объектов, поставки станков и инструментов предприятиям кустарной промышленности. В августе 1956 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение, где перечислялись 13 объектов, в сооружении которых Китай согласился участвовать: камвольный комбинат в Улан-Баторе, кирпичный завод в Тологойте, завод сборных деревянных стандартных домов, бумажная и фанерная фабрики, тепловая электростанция в Сухэ-Баторе, завод стеклянной и фарфоровой посуды, асфальтированные дороги, водохранилища, Дворец спорта в Улан-Баторе и др.

По просьбе монгольского правительства из КНР прибыло несколько тысяч рабочих для участия в социалистическом строительстве в МНР.

Однако соседние социалистические страны уже тогда рассматривались в Пекине в качестве первых объектов подчинения платформе группы Мао. По сути дела, государство в государстве создало командование китайских добровольцев в Северной Корее. Вьетнаму китайские советники пытались навязать различные реформы без учета реальной обстановки, претягивали на своеобразную опеку братской страны. Во время пребывания в Пекине советской партийно-правительственной делегации в октябре 1954 г. Мао Цзэдун и другие китайские руководители предложили «договориться» о присоединении МНР к Китаю. Делегация СССР отказалась обсуждать этот вопрос и заявила, что судьба МНР решается в Улан-Баторе, а не в Пекине и Москве.

ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО КОРЕЕ И ИНДОКИТАЮ В 1954 г. И ПОЗИЦИЯ КНР

В соответствии с соглашением о перемирии в Корее в течение трех месяцев должна быть созвана политическая конференция для решения вопросов, касавшихся вывода иностранных вооруженных сил из страны и мирного урегулирования.

США, однако, не имели серьезного намерения рассмотреть проблему мирного урегулирования в Корее на демократических началах. Это обнаружилось уже при обсуждении корейского вопроса в ООН в августе 1953 г.

Желая содействовать быстрейшему созыву политической конференции, делегация СССР по согласованию с правительствами КНР и КНДР 18 августа 1953 г. внесла на рассмотрение VII сессии Генеральной Ассамблеи проект резолюции. Он предусматривал созыв конференции по принципу круглого стола в составе США, Англии, Франции, СССР, КНР, КНДР, Индии, Польши, Чехословакии, Южной Кореи, Индонезии, Сирии, Египта, Мексики и Бирмы. Решения конференции должны считаться принятыми при условии согласия сторон, подписавших перемирие.

США отвергли это предложение и навязали Генеральной Ассамблее свою резолюцию о созыве конференции по принципу участия в ней противостоящих сторон. Участниками конференции должны быть те государства — члены ООН, которые предоставили вооруженные силы, а также Южная Корея, с одной стороны, КНДР и КНР — с другой. В резолюции содержалась рекомендация о том, чтобы СССР «принял участие в политической конференции по Корее, если другая сторона того пожелает». Эта формулировка имела целью представить дело таким образом, будто Советский Союз являлся воюющей стороной.

В то же время США попытались закрепить в Южной Корее. Сразу же после подписания перемирия Вашингтон начал переговоры, а 1 октября 1953 г. заключил с сеульскими властями так называемый договор о взаимной обороне, обеспечивавший Соединенным Штатам южнокорейский плацдарм.

Предварительные переговоры представителей воюющих сторон в Паньмыньчжоне о созыве политической конференции, начавшиеся в такой обстановке, не сулили ничего хорошего.

Корейско-китайская делегация стремилась в максимально короткий срок завершить подготовку созыва конференции и обеспечить такой состав ее участников, который содействовал бы мирному решению корейского вопроса. 17 ноября 1953 г. представитель корейско-китайской стороны, учитывая возражения США против проведения конференции по принципу «круглого стола», заявил, что она может принять форму совещания двух сторон на основе их равенства. Каждая сторона должна сама решить, какие страны будут представлять ее. Кроме двух сторон, чье единогласие обязательно для принятия решений, на конференцию предлагалось пригласить пять нейтральных государств — СССР, Индию, Индонезию, Пакистан и Бирму.

Американский делегат настаивал на том, чтобы конференция строилась по принципу: Южная Корея и 16 государств — участников интервенции, с одной стороны, КНДР и КНР — с другой. При этом некоторые или все нейтральные государства, принимавшие непосредственное участие в осуществлении перемирия в Корее, могли присутствовать в качестве наблюдателей без права голоса. Что касается Советского Союза, то он мог участвовать только в качестве представителя воюющей стороны.

8 декабря 1953 г. американский делегат Дин заявил, что США прекратят переговоры, если не будет принято это «последнее» предложение. Китайско-корейская сторона отвергла ультиматум. 12 декабря 1953 г. Дин прервал переговоры и выехал в Соединенные Штаты.

О нежелании идти на окончательное урегулирование корейской проблемы говорило нарушение Вашингтоном и других обязательств, вытекающих из соглашения по перемирию. Американские и южнокорейские власти препятствовали работе комиссии нейтральных государств по репатриации военнопленных. В результате число военнопленных, насильственно задержанных в Южной Корее или отправленных на Тайвань, достигло 48 тыс.

И на Женевском совещании, открывшемся 26 апреля 1954 г., КНР вместе с СССР и КНДР выступала за мирное урегулирование в Корее. Глава ее делегации 28 апреля заявил: КНР придает важное значение урегулированию корейской проблемы в интересах укрепления мира на Дальнем Востоке¹. Он поддержал предложения министра

¹ См. «Женевское совещание министров иностранных дел (26 апреля — 21 июля 1954 г.). Документы по корейскому вопросу». Изд-во МИД СССР, 1956, стр. 30.

иностранных дел КНДР по вопросу восстановления национального единства Кореи¹. Чжоу Энлай подчеркнул, что объединение страны мирным путем является делом самого корейского народа и поэтому для проведения свободных выборов и устранения вмешательства извне необходимо прежде всего удалить все иностранные войска из Кореи.

Американская, южнокорейская и некоторые другие делегации предлагали провести выборы только на Севере Кореи, в общекорейскую комиссию включить в основном представителей лисынмановского режима, эвакуировать китайских добровольцев, оставив в стране американские войска. США не согласятся на одновременный вывод всех иностранных войск, заявил Даллес, ибо китайские добровольцы могут вернуться. Глава делегации КНР напомнил, что именно американские войска, в свое время выведенные из Кореи, вновь пришли, тогда как китайские добровольцы прибыли лишь после начала агрессивных действий, которые угрожали безопасности Китая².

Возражая тем участникам совещания, которые говорили, будто после ухода иностранных войск мир в Корее не может быть сохранен, Чжоу Энлай указал на предложение делегации КНДР об обеспечении мирного развития страны соответствующими государствами. Китайская Народная Республика готова совместно с другими заинтересованными державами взять на себя такие обязательства³.

Поскольку западные державы делали упор на проведение выборов в Корее под наблюдением комиссии ООН, глава китайской делегации отметил, что Организация Объединенных Наций не может в данном случае быть беспристрастным органом, ведь от ее имени и под ее флагом осуществлялась интервенция. 22 мая делегация КНР предложила создать комиссию нейтральных стран для наблюдения за проведением общекорейских выборов.

¹ Эти предложения включали: проведение общекорейских выборов в Национальное собрание, которое образует единое правительство, создание общекорейской комиссии для подготовки и проведения свободных выборов и неотложных мероприятий, направленных на экономическое и культурное сближение Северной и Южной Кореи, вывод всех иностранных войск в течение 6 месяцев, обеспечение мирного развития Кореи со стороны государств, наиболее заинтересованных в поддержании мира на Дальнем Востоке (см. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 12—13).

² См. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 72.

³ См. там же, стр. 73.

Государства — участники интервенции и Южная Корея не приняли предложенную социалистическими странами программу восстановления национального единства страны. Они повели дело к тому, чтобы прекратить обсуждение корейского вопроса в Женеве. В связи с этим делегация КНДР 15 июня призвала участников Женевского совещания продолжить усилия для достижения соглашения о мирном урегулировании корейского вопроса на основе создания единого, независимого и демократического корейского государства¹.

Делегация КНР поддержала этот призыв. «Поскольку мы здесь пока не смогли достигнуть соглашения по вопросу о мирном объединении Кореи, — сказал Чжоу Энлай, — мы обязаны принять меры для укрепления мира в Корее, чтобы создать таким образом условия для мирного объединения этой страны». Он добавил, что предложения делегации КНДР содержат основные условия, которые облегчили бы мирное развитие Кореи².

Убедившись, что не удастся использовать совещание, чтобы распространить лисынмановский режим на Северную Корею, делегации США и их союзников по интервенции собрались 16 июня на секретное совещание. Представитель США Смит отклонил предложения социалистических стран, направленные на закрепление условий для дальнейшего мирного развития Кореи. Его поддержали делегации Австралии, Филиппин, Таиланда, Бельгии, Южной Кореи. Таиландский представитель зачитал от имени собравшихся декларацию. Там констатировалось, что совещание в Женеве не пришло к соглашению по корейскому вопросу и его нужно передать в ООН.

¹ Предлагалось вывести с территории Кореи иностранные войска в возможно короткий срок; сократить в течение года численность войск КНДР и Южной Кореи; образовать из представителей обеих частей страны комиссию для рассмотрения вопроса о постепенной ликвидации военного положения и переводе войск на мирное положение, для представления правительствами КНДР и Южной Кореи предложений о заключении соответствующего соглашения; признать несовместимым с интересами мирного объединения страны наличие военных договоров той или иной части Кореи с иностранными государствами; образовать общекорейский комитет для разработки согласованных мероприятий по установлению и развитию экономических и культурных связей между двумя частями Кореи; признать необходимость обеспечения государствами — участниками Женевского совещания мирного развития Кореи (см. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 230).

² См. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 233, 234.

Чжоу Энлай предложил участникам Женевского совещания сделать следующее заявление: «Государства — участники в Женевском совещании согласились с тем, что они будут продолжать свои усилия с целью достижения соглашения о мирном урегулировании корейского вопроса на основе создания единого, независимого и демократического корейского государства. Вопрос о времени и месте возобновления соответствующих переговоров подлежит дополнительному уточнению заинтересованными государствами»¹. Делегации Советского Союза и Корейской Народно-Демократической Республики поддержали это предложение. Против него не возражали министры иностранных дел Бельгии и Англии. Представитель США настаивал на рассмотрении корейского вопроса в ООН.

Министр иностранных дел Китая обратил внимание делегатов на то, что американские представители подвергают обструкции совещание и мешают достижению даже самого незначительного соглашения².

Китайская дипломатия вновь вернулась к корейской проблеме, когда возник вопрос о выводе из Северной Кореи добровольцев. 7 февраля 1958 г. КНР заявила, что в целях устранения тупика в решении корейской проблемы все иностранные войска должны в определенные сроки покинуть страну. Она готова вести консультации с КНДР об эвакуации китайских народных добровольцев. Это же должны сделать и другие государства, в частности США. КНР выразила надежду, что будут приняты активные меры для вывода из Кореи всех иностранных войск³. 6 мая 1958 г. министерство иностранных дел КНР от имени своего правительства и по поручению правительства КНДР в ноте государствам — участникам интервенции в Корею отметило: если они действительно желают мирного объединения страны и смягчения напряженности на Дальнем Востоке, то должны доказать это выводом своих войск. 10 ноября 1958 г. МИД КНР направил поверенному в делах Англии ноту, где указывалось, что 25 октября полностью завершён вывод китайских добровольцев. Однако США не только не приняли мер к эвакуации войск, а, нарушая соглашение о перемирии, незаконно ввозят в Южную Корею оружие новых образцов и создают базы для

¹ См. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 232.

² См. «Известия», 16 июня 1954 г.

³ «Жэньминь жибао», 7.II. 1958.

запуска управляемых снарядов. Эти факты еще раз показывают, кто хочет мира, а кто осуществляет агрессию, кто стремится к решению корейского вопроса, а кто препятствует. Правительство КНР выразило надежду, что государства, чьи войска находятся в Южной Корее, пересмотрят свою позицию и примут положительные меры, соответствующие национальным чаяниям корейского народа и миролюбивым стремлениям народов всего мира¹.

* * *

Победа революции и провозглашение народной республики в Китае создали благоприятную обстановку для освободительной борьбы вьетнамского народа.

В конце 1950 г. французский экспедиционный корпус потерпел тяжелое поражение, несмотря на американскую помощь, усилившуюся после начала войны в Корее. Освободительное движение в 1953 г. охватило Лаос и Камбоджу.

Под предлогом защиты своих «интересов» США все активнее вмешивались в войну в Индокитае, увеличивали ассигнования Франции. Если в 1952 г. американская помощь на эти цели составила 300 млн. долл., то в 1953—1954 гг. — уже 1 млрд. долл.² В 1954 г. США оплачивали 78 % расходов на войну в Индокитае.

В январе — феврале 1954 г. на Берлинском совещании министров иностранных дел, когда обсуждался вопрос о созыве совещания министров иностранных дел ряда стран для рассмотрения проблемы мирного урегулирования в Корее, представитель Франции Бидо высказался за обсуждение на нем и вопроса об урегулировании в Индокитае. Советский Союз поддержал эту идею, предварительно посоветовавшись с ДРВ и КНР.

По инициативе ЦК КПСС в начале апреля 1954 г. в Москве состоялась встреча В. М. Молотова, Хо Ши Мина и Чжоу Эньлая в связи с предстоящими переговорами в Женеве. Хо Ши Мин, характеризуя положение в Индокитае, отмечал: «Если рассматривать положение так, как оно сложилось на сегодняшний день, то оно благоприятно для демократического Вьетнама, но в дальнейшем американцы могут еще больше вмешаться в войну в Индокитае, что создаст серьезные трудности». Чжоу Эньлай так оценил

¹ «Жэньминь жибао», 11.XI. 1958.

² M. S. Fairley. United States Relations with South East Asia. With Special Reference to Indochina. New York, 1955, p. 4.

ситуацию: «В случае если американцы не будут серьезно вмешиваться в дела Вьетнама, то народная армия ДРВ сумеет в течение двух лет освободить всю северную часть страны, включая Ханой и Хайфон. Одновременно будет развиваться партизанское движение на Юге, в Камбодже и Лаосе. Трудно, однако, рассчитывать, что удастся выиграть еще два года, поскольку США форсируют свое вмешательство. Сначала США оказывали Франции помощь авиацией, теперь принимают активное участие в обучении войск Бао Дая. Возможно, в дальнейшем они предпримут какие-либо еще новые шаги». Чжоу Энлай подчеркивал, что в случае широкого американского вмешательства Китай не сможет оказать ДРВ прямой помощи. «Возникнет вопрос, — говорил он, — выступит ли Китай в случае, если американцы вторгнутся на территорию Вьетнама. Этот вопрос беспокоит американцев, остается для них неясным и загадочным. Товарищи из Вьетнама полагают, что Китай может принять открытое участие в военных действиях на территории Вьетнама. ЦК КПК, однако, считает, что китайской армии невозможно принять участие в операциях на территории Вьетнама, поскольку это противопоставило бы Китай остальным народам Юго-Восточной Азии, что дало бы американцам возможность создать блок, простирающийся от Индии до Индонезии». На следующей встрече Чжоу Энлай заявил: «Вмешательство американцев делает войну еще более трудной, тяжелой и создает более мрачные перспективы... Они (вьетнамские товарищи. — М. К.) надеются на то, что если Франция при поддержке США окажет нажим и подойдет к границам Китая, то он обязательно вмешается и придет на помощь Вьетнаму. Однако они не учитывают того обстоятельства, что Китай ни при каких условиях не сможет открыто выступить. По этому вопросу у вьетнамских и китайских товарищей есть некоторые разногласия». Исходя из приведенной оценки военнополитической обстановки, руководители Китая не ожидали серьезной победы и на Женевском совещании.

Делегации КНР и ДРВ одобрили подготовленные советской делегацией предложения и позицию социалистических стран на Женевском совещании. Суть ее состояла в том, что нужно добиться признания независимости Вьетнама и других стран Индокитая, не допустить расширения войны и вынудить Францию прекратить военные действия, нужно также завоевать максимально благоприятные условия, которые позволили бы в конечном счете обеспечить полное освобождение Вьетнама.

Перед Женевским совещанием в 1954 г. Даллес пытался организовать крупную военную авантюру в Индокитае. В марте 1954 г. он выдвинул идею создания в Юго-Восточной Азии блока, который мог бы служить юридической базой для вооруженного вмешательства в войну. Балансируя «на грань войны», государственный секретарь призывал к «объединенным действиям» в Индокитае, к агрессии против КНР. Он пытался навязать Лондону и Парижу декларацию, имевшую целью сорвать Женевское совещание и положить начало «объединенным действиям» колониальных держав против народов Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Даллес призывал Англию и Францию к «большой войне» в Азии. По ряду причин ни английское, ни французское правительства не согласились принять решение об «объединенных действиях» до совещания в Женеве. Они опасались, что осуществление плана Даллеса может усилить освободительную борьбу азиатских народов.

Китай вслед за Советским Союзом предупредил США против вмешательства в дела Индокитая и заявил о своей поддержке народов, борющихся за независимость. Говоря о попытках Даллеса сколотить единый фронт колониальных держав для борьбы против народов этого района, агентство Синьхуа отмечало 7 апреля 1954 г.: «По мнению Даллеса, капиталистические страны должны принести на алтарь «высших интересов» США все, что имеют. Широкие же массы миролюбивых людей думают не так, как Даллес. Растущее число простых людей желает взять дело мира в свои руки». «Жэньминь жибао» писала 20 апреля: ни усилия французских колонизаторов, ни американское вмешательство не в состоянии остановить борьбу народов Индокитая за свободу и независимость.

На Женевском совещании американская делегация всячески мешала достижению соглашения. Она оказывала постоянный нажим на Францию, то прельщая обманчивыми перспективами военной победы, то угрожая вытеснением из Индокитая путем прямых переговоров с представителями королевских правительств Камбоджи и Лаоса, режима Бао Дая. США пытались вопрос об Индокитае перенести в ООН и там, как в свое время было сделано в отношении Кореи, протащить удобную им резолюцию.

На пленарном заседании 12 мая 1954 г. Чжоу Эньлай заявил: «Китайская Народная Республика не может не быть озабочена войной, которая в настоящее время ведется в соседних с ней государствах, а также опасностью расширения этой войны. Китайский народ считает, что

как была прекращена война в Корее, так теперь должна быть прекращена война в Индокитае»¹.

Делегация КНР выразила надежду, что участники совещания обсудят предложения делегации ДРВ относительно восстановления мира в Индокитае, обеспечения национальной независимости, единства и демократических свобод во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе. «Мы считаем,— говорил Чжоу Эньлай,— что заявление и предложения делегации Демократической Республики Вьетнам подлинно выражают волю и законные требования народов Индокитаа в их борьбе за мир, независимость, единство и демократию»².

25 мая китайская делегация, с учетом состоявшегося на совещании обмена мнениями и внесенных ДРВ, СССР и Францией предложений, представила план относительно прекращения войны в Индокитае. 16 июня по согласованию с В. М. Молотовым и Фам Ван Донгом она высказала свои соображения, которые уточняли условия прекращения огня в Лаосе и Камбодже. Государства — участники Женевского совещания должны договориться по следующим пунктам:

1. Прекращение военных действий в Лаосе и Камбодже будет объявлено одновременно с восстановлением мира во Вьетнаме.

2. Представители военного командования обеих сторон начнут в Женеве и на месте непосредственные переговоры для урегулирования вопросов, касающихся прекращения военных действий в Лаосе и Камбодже.

3. После прекращения военных действий не будет допускаться переброска в Лаос и Камбоджу новых войск и персонала сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, оружия и боеприпасов.

Вопросы о количестве и видах оружия, которое может ввозиться в Лаос и Камбоджу, с тем чтобы дать им возможность обеспечить свою оборону, явятся предметом особых переговоров.

4. Компетенция международной контрольной комиссии будет распространяться на Лаос и Камбоджу с учетом, однако, особых условий, существующих в этих государствах.

5. После соглашения между командованиями будет произведено освобождение военнопленных и интерпированных гражданских лиц или обмен ими.

6. Лица, сотрудничавшие во время войны с противной

¹ «Правда», 13 мая 1954 г.

² Там же.

стороной, не должны подвергаться каким-либо преследованиям¹.

Предложения делегации КНР легли в основу документов по вопросу восстановления мира в Индокитае.

Во Дворце Наций, где проходили официальные заседания, в отеле «Бо Риваж», где была резиденция китайской делегации, или на ее загородной вилле на берегу Женевского озера, на вилле «Ле Бокаж», где остановился глава французской делегации, или на вилле «Ле Ормо», где жил глава делегации Англии, члены делегаций СССР, КНР, ДРВ неоднократно встречались с представителями Лаоса и Камбоджи Фуи Сананиконом и Теп Фаном, а также с министрами иностранных дел Франции и Англии, добиваясь сближения позиций сторон.

20 июля 1954 г. состоялось подписание соглашений, которые положили конец 8-летней войне в странах Индокитае. Это был важный успех народов Индокитае, социалистических государств, выступающих против агрессии, за уважение права народов самим определять свою судьбу без империалистического вмешательства.

В соответствии с соглашением о прекращении военных действий во Вьетнаме была установлена временная демаркационная линия по 17-й параллели и определены сроки полного отвода от этой параллели на север и на юг войск воюющих сторон. Женевское совещание констатировало: «Военная демаркационная линия является временной и не может быть истолкована как являющаяся в какой-либо мере политической или территориальной границей».

Соглашение запрещало допуск во Вьетнам иностранных войск и иностранного военного персонала, а также всякого оружия и боеприпасов. Исключалось создание военных баз иностранных государств в зонах перегруппировки обеих сторон, а последние обязывались «следить за тем, чтобы отведенные им зоны не входили ни в какой военный союз и чтобы они не были использованы для возобновления военных действий или на службе агрессивной политике» (статья 19).

Женевские соглашения предусматривали также политическое урегулирование во Вьетнаме на основе уважения «принципов независимости, территориального единства и целостности» (статья 7 Заключительной декларации), путем проведения в июле 1956 г. всеобщих свободных выборов.

¹ См. «Женевское совещание министров иностранных дел», стр. 200.

Участники совещания брали на себя обязательство в отношениях с Камбоджей, Лаосом и Вьетнамом «уважать суверенитет, независимость, территориальное единство и целостность упомянутых государств и воздерживаться от всякого вмешательства в их внутренние дела» (статья 12 Заключительной декларации).

Правительство Китайской Народной Республики, как и правительства других социалистических государств, заявило о своей готовности совместно со всеми заинтересованными странами обеспечить полное осуществление Женевских соглашений.

Деятельность китайской дипломатии на Женевской конференции по Корее и Индокитаю показала, что она могла быть активной и конструктивной, когда КНР выступала единым фронтом с другими социалистическими государствами, демонстрировала свое миролюбие. Тогда ее вес, ее авторитет росли.

На совещании в Женеве были определены конкретные мероприятия, которые при последовательной и полной реализации могли обеспечить в течение нескольких лет объединение Вьетнама. Но основные положения Женевских соглашений по вине империалистических государств и их марионеток не были выполнены, за исключением того, что воюющие стороны отвели свои войска соответственно к северу и к югу от 17-й параллели и прекратили военные действия.

ВЫРАБОТКА ПЯТИ ПРИНЦИПОВ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ. ОТНОШЕНИЯ КНР С ОСВОБОДИВШИМИСЯ СТРАНАМИ АЗИИ И АФРИКИ

31 декабря 1953 г. в Пекине начались китайско-индийские переговоры по вопросу об отношениях между Тибетским районом Китая и Индией. Они характеризовались стремлением сторон учитывать пожелания друг друга. 29 апреля 1954 г. заместитель министра иностранных дел КНР Чжап Ханьфу и посол Индии Н. Рачхаван подписали соглашение о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией. В Тибете для торговли с Индией открывались 13 населенных пунктов. В Янтунге, Гьяптзе и Гортоке учреждались индийские торговые агентства. На территории Индии три населенных пункта пред-

назначались для торговли с Китаем, причем в случае необходимости их количество могло быть увеличено. Ламаистам, буддистам и лицам, исповедующим индуизм, обеспечивалась возможность совершать паломничество в Индию и Тибет, а торговцам и жителям пограничных районов — беспрепятственно общаться. В нотах, которыми обменялись стороны, указывалось, что в шестимесячный срок Индия выведет вооруженную охрану из Янтунга и Гьяп-зе, передаст Китаю за справедливое возмещение почтовую, телеграфную и телефонную связь, служебные здания со всем их оборудованием и другие помещения, принадлежавшие ей в Тибетском районе.

Соглашение примечательно еще и тем, что в нем изложены пять принципов мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами. «Центральное Народное Правительство Китайской Народной Республики и Правительство Республики Индии, — говорилось в преамбуле, — стремясь к развитию торговли и культурного обмена между Тибетским районом Китая и Индией и к облегчению паломничества и переездов жителей Китая и Индии, решили заключить настоящее соглашение, основанное на следующих принципах:

1. Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета.
2. Взаимное ненападение.
3. Невмешательство во внутренние дела друг друга.
4. Равенство и взаимная выгода.
5. Мирное сосуществование»¹.

Переговоры велись обеими сторонами в благожелательном тоне. Газета «Хиндустан таймс» писала, что «дух дружбы, в котором проходили и были завершены переговоры, представляет собой истинный триумф дипломатии обеих стран».

Во время Женевского совещания премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай получил приглашение Дж. Неру посетить Индию. Воспользовавшись перерывом в Женевском совещании, он прибыл 25 июня 1954 г. в Дели. 28 июня было опубликовано совместное коммюнике премьер-министров Китая и Индии. В него также были включены пять принципов: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование. «Премьер-ми-

¹ «Международная жизнь», 1954, № 1, стр. 157.

пистры признают,—говорилось в коммюнике,—что в различных частях Азии и мира существуют различные социальные и политические системы. Если, однако, вышеупомянутые принципы будут приняты и станут применяться и ни одна из стран не будет вмешиваться в дела другой страны, то это различие не будет мешать миру или вызывать конфликты»¹.

Эти принципы в течение некоторого времени широко провозглашались китайской дипломатией как основа отношений КНР с рядом государств; они нашли отражение и были развиты в решениях Бандунгской конференции.

Из Индии Чжоу Энлай направился в Бирму. 29 июня 1954 г. премьер-министры двух стран декларировали, что оба государства будут содействовать миру на всем земном шаре, и особенно в Юго-Восточной Азии, что в своих отношениях будут руководствоваться пятью принципами мирного сосуществования. «Если бы все государства могли уважать эти принципы,—говорилось в совместном заявлении,—то мирное сосуществование государств с различными социальными системами было бы гарантировано, безопасность и взаимное доверие пришли бы на смену угрозе агрессии и вмешательству во внутренние дела и страху перед агрессией и вмешательством во внутренние дела»².

Переговоры премьера Государственного совета КНР с главами правительств Индии и Бирмы в большой степени улучшили китайско-индийские и китайско-бирманские отношения. И такой процесс продолжался.

19 октября 1954 г. в Пекин прибыл премьер-министр Дж. Неру. На всем пути от аэродрома до резиденции гостя восторженно приветствовали более 200 тыс. жителей китайской столицы. «У наших народов разная история,—говорил Дж. Неру на одном из приемов,—и мы часто выбираем разные пути... Но это не скрывает того факта, что мы имеем много общего в нашем жизненном опыте и что между нашими странами существуют добрые отношения и дружба... Для народов единственно правильным будет путь признания сосуществования между ними, даже если они расходятся во взглядах и образе жизни. Любой иной путь или вмешательство приведут к конфликту»³.

¹ «Сборник договоров Китайской Народной Республики», т. 4, стр. 7—8.

² Там же, стр. 13.

³ «Indian Review», November 1954, vol. 55, N 11, p. 522.

Премьер Государственного совета в ответной речи выразил надежду, что китайско-индийские отношения станут образцом мирного сотрудничества между странами с различной идеологией и социальными системами¹.

Как отмечала печать, Дж. Неру покидал китайскую землю с убеждением, что КНР вместе с Индией создают зону мира в Азии².

Наряду с развитием политических отношений между Китаем и Индией расширялись и экономические связи. Еще в 1951—1952 гг., когда Индия испытывала серьезные продовольственные трудности, народный Китай поставил 216,5 тыс. т риса и 450 тыс. т гаоляна. В оплату он принял джутовые мешки, хлопчатобумажные ткани, пряжу, табак и т. д. Новый подъем китайско-индийской торговли был связан с подписанием 14 октября 1954 г. первого долгосрочного торгового соглашения, предусматривавшего обмен промышленными и сельскохозяйственными товарами (свыше 200 наименований)³. Объем торговли, составлявший 6,5 млн. руб. в 1953 г., вырос до 16,6 млн. руб. В 1954 г. Китай по соглашению от 14 октября закупил 3 тыс. т табака, 1,4 млн. джутовых мешков, перец, шеллак и поставил 146 т шелка, 457 т бумаги, 123 т тунгового масла и т. д.

В ноябре 1954 г. в КНР с ответным визитом прибыл премьер-министр Бирмы У Ну. Он ознакомился с достижениями в развитии народного хозяйства и культуры. Стороны договорились учредить генеральное консульство КНР в Лаппо и генеральное консульство Бирмы в Куньмине. Восстанавливались автодорожное сообщение между двумя странами через Куньмин и почтово-телеграфная связь. Была начата подготовка к открытию прямой авиационной линии.

На основе долгосрочного торгового соглашения, подписанного 22 апреля 1954 г., был составлен протокол о взаимном обмене товарами. Китай закупал у Бирмы 150 тыс. т риса и ввозил промышленное оборудование и товары широкого потребления. 20% стоимости риса правительство КНР согласилось оплатить английскими фунтами стерлингов⁴. Во время пребывания У Ну в Пекине была достигнута договоренность о поставке Бирме комплектного обо-

¹ «Indian Review», November 1954, vol. 55, N 11, p. 522.

² Ibid., p. 505.

³ «Сборник договоров Китайской Народной Республики», т. 4, стр. 28—30.

⁴ Там же, стр. 137—138.

рудования для текстильной фабрики на 20 тыс. веретеп. Все это было крупным актом помощи соседней стране.

Китайская Народная Республика заявила, что принимает меры к развитию отношений на основе пяти принципов и с другими странами Азии. «Мы верим,— говорил Чжоу Энляй 23 сентября 1954 г.,— что дружественные отношения нашей страны с Индонезийской Республикой могут также получить дальнейшее развитие на базе этих основных принципов. Мы считаем также, что указанные пять принципов мирного сосуществования должны равным образом применяться в отношениях нашей страны с Цейлоном, Пакистаном и другими странами Азии, а также вообще в международных отношениях»¹.

Индонезия с удовлетворением встретила китайско-индийскую и китайско-бирманскую декларации о пяти принципах мирного сосуществования. Премьер-министр Састроамиджойо, выступая 1 июля 1954 г. в парламенте, приветствовал переговоры Чжоу Энляя и Дж. Неру. Газета «Берита Индонезия» писала 1 июля 1954 г.: «Эта встреча показывает, как пужно разрешать мирным путем спорные международные проблемы. Впе всякого сомнения, достигнутые в Дели и Рангуне соглашения являются мирной победой не только Индии, Бирмы и Китайской Народной Республики, но и всей Азии...» Газета подчеркнула огромное значение установления «прочных уз дружбы с такой величайшей страной Азии, как КНР».

1 сентября 1954 г. в развитие китайско-индонезийского торгового соглашения от 30 ноября 1953 г. в Джакарте были подписаны торговый протокол и платежное соглашение². Годовой объем торговли был установлен в 6 млн. ф. ст. КНР поставляла энергосиловые установки, электроаппаратуру, бумагу, текстиль, продовольствие, импортировала копру, кофе, кокосовое масло, сахар, хипин, перец.

Экономические отношения развивались между КНР и Цейлоном. Торговое соглашение от 14 сентября 1952 г. и пятилетнее соглашение от 18 декабря 1952 г. об обмене каучука на рис создали хорошую основу для взаимовыгодного товарообмена. Импорт Китая составил 30,4 млн. руб. в 1951 г. и 186 млн. руб. в 1954 г., а экспорт — соот-

¹ «Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей». М., 1954, стр. 154.

² «Сборник договоров Китайской Народной Республики», т. 4, стр. 37—38.

ветственно 3,6 млн. и 133 млн. руб. Пример Цейлона, открыто выступившего против американской политики блокады, встретил широкое сочувствие и поддержку народов Востока.

Торговые связи КНР с Пакистаном носили односторонний характер. В 1951 г. ее импорт равнялся 181,6 млн., а экспорт — 68 млн. руб., в 1952 г. — соответственно 335,4 млн. руб. и 10,4 млн. руб., в 1954 г. — 104,4 млн. руб. и 6,4 млн. руб. Китайская Народная Республика — один из крупнейших покупателей пакистанского хлопка. Поскольку рынок Пакистана искусственно ограждался от китайских товаров, экспорт КНР был невелик и отличался неустойчивостью; по существу, единственным предметом ввоза оставался уголь.

Громадное значение для развития отношений КНР со странами Азии и Африки имела Бандунгская конференция, но к ней китайские руководители подходили со своей меркой. Они выясняли, что нужно сделать, чтобы в дальнейшем создать обособленную группировку государств Азии и Африки, в которой Китай занял бы лидирующее положение, готовили базу для ее образования.

В апреле 1954 г. на совещании премьер-министров Индии, Индонезии, Бирмы, Пакистана и Цейлона было принято решение о желательности созыва конференции стран Азии и Африки. Оно встретило поддержку со стороны Китая. Еще на Женевском совещании его делегация подчеркивала: «Страны Азии должны проконсультироваться между собой с целью предпринять путем соответствующих взаимных обязательств совместные усилия для сохранения мира и безопасности в Азии»¹.

В декабре 1954 г. на совещании в Богоре главы правительств Индии, Индонезии, Бирмы, Пакистана и Цейлона условились провести конференцию в апреле 1955 г. в Индонезии. При обсуждении состава участников встал вопрос о КНР. От его решения зависело, будет ли конференция создава на основе принципов мирного сосуществования, или она противопоставит одни страны Азии другим, чего добивались империалистические круги. Индия, Индонезия и Бирма настояли на приглашении народного Китая². Совещание так определило цели конференции:

¹ «Женевские совещание министров иностранных дел. Документы по корейскому вопросу», стр. 34.

² См. В. П. Нихамин. Очерки внешней политики Индии. 1947—1957 гг. М., 1959, стр. 210.

а) способствовать установлению доброй воли и сотрудничества между странами Азии и Африки, изучать и отстаивать их интересы, устанавливать и развивать дружественные и добрососедские отношения;

б) изучать социальные, экономические и культурные проблемы представленных стран;

в) изучать проблемы, которые особенно интересуют народы Азии и Африки, например о национальном суверенитете, расизме и ксенофобии;

г) рассмотреть положение Азии и Африки и их народов в современном мире и вопрос о том вкладе, какой они могут внести в укрепление всеобщего мира и сотрудничества.

В апреле 1955 г. в Бандунг съехались представители 29 государств Азии и Африки. Чанкайшисты совершили террористический акт против делегации КНР: взорвали индийский самолет, на котором находилась группа китайских работников.

Представители стран американского блока — Филиппин, Турции, Таиланда — в своих выступлениях пытались перевести работу конференции в плоскость идеологической борьбы двух социальных систем и таким образом снять с обсуждения жизненно важные вопросы.

В свою очередь делегация Китая стремилась положить начало своеобразному блоку стран Азии и Африки, созданному на расовой основе.

Китайские представители старались продемонстрировать умеренность, такт, заботу об общих интересах стран Азии и Африки; возражали против бесплодной дискуссии о социальных, политических и идеологических различиях. На пленарном заседании 19 апреля глава делегации Чжоу Энлай заявил о готовности КНР бороться вместе со всеми без исключения странами Азии и Африки против империализма, за скорейшее преодоление экономической отсталости, деловое сотрудничество между народами. «Существует ли какая-либо причина, почему бы мы не могли понять и уважать друг друга, оказывать поддержку и проявлять симпатии друг к другу? — говорил он. — Имеются все основания для того, чтобы сделать пять принципов основой для установления дружественного сотрудничества и добрососедских отношений»¹.

Чжоу Энлай отметил, что Китай мог бы поставить на рассмотрение Бандунгской конференции ряд острых политических вопросов, например об освобождении Тай-

¹ «Жэньминь жибао», 20.IV. 1955.

ваия или о признании и восстановлении законных прав КНР в Организации Объединенных Наций. Однако его делегация воздержалась, поскольку конференция оказалась бы втянутой в споры по всем этим вопросам и не достигла бы никакого решения¹.

Премьер Государственного совета призвал бороться за полное уптчтожение колониализма и обеспечение всем народам пезависимости, срывать происки агрессоров и отстаивать мир, добиваться прекращения гоики вооружений и запрещения атомного оружия, наладить тесное сотрудничество государств.

23 апреля глава делегации КНР сделал специальное заявление о том, что Китай не хочет войны с США и готов вести переговоры с американским правительством, чтобы обсудить вопрос об ослаблении напряженности на Дальнем Востоке, и особенно в районе Тайваня².

Чжоу Энълай заверил Таиланд и Филиппины, которые прямо обвиняли КНР в подрывной деятельности, в отсутствии у Пекина агрессивных планов и пригласил их руководителей посетить любые районы страны, чтобы самим убедиться в ее миролюбии³. Премьер Госсовета заявил также, что у КНР нет никаких территориальных притязаний к соседям и что китайское правительство готово демаркировать границы с теми странами, с кем они еще не определены окончательно, а до этого «мы будем соблюдать существующие границы»⁴. «При уточнении границ, — подчеркнул Чжоу Энълай, — КНР будет применять исключительно мирные средства».

Конференция решила:

а) заявить, что колониализм во всех его проявлениях представляет собой зло, которое надлежит быстро пресечь;

б) подтвердить, что подчинение народов иностранному закабалению, господству и эксплуатации представляет собой отрицание основных прав человека; что противоречит Уставу Организации Объединенных Наций и мешает содействию международному миру и сотрудничеству;

с) заявить о своей поддержке дела свободы и независимости всех таких (зависимых. — М. К.) народов;

¹ «Жэньминь жибао», 20.IV. 1955.

² «Жэньминь жибао», 24.IV. 1955.

³ «China and the Asian-African conference (documents)». Peking, 1955, p. 26—27.

⁴ «Сборник документов по внешней политике КНР», т. 3. Пекип, 1958, стр. 248, 251.

д) призвать заинтересованные страны предоставить свободу и независимость таким народам», — говорится в документе. Здесь же содержится призыв к правительству Франции без промедления прийти к мирному разрешению вопроса о независимости Алжира, Марокко и Туниса.

Конференция заявила:

1) о поддержке прав арабского населения Палестины — в связи с существующей напряженностью на Среднем Востоке, вызванной положением в Палестине;

2) о поддержке позиции Индонезии в вопросе о Западном Иране — в связи с выраженным общим мнением о необходимости уничтожения колониализма и в соответствии с обязательствами, которые приняло на себя голландское правительство.

Специальный раздел заключительного коммюнике посвящен мерам, способствующим всеобщему миру и сотрудничеству. В нем изложено обращение к Совету Безопасности с просьбой поддержать прием в ООН Камбоджи, Цейлона, Японии, Иордании, Лаоса, Ливии, Непала и объединенного Вьетнама. Делегаты высказали пожелание, чтобы при распределении мест непостоянных членов Совета Безопасности географический принцип применялся более правильно в отношении представительства стран Азии и Африки. Осуждались производство, эксперименты и применение атомного и термоядерного оружия, было высказано требование о разоружении и запрещении этого оружия.

Бандунгская конференция показала, что народы Азии и Африки готовы претворить в жизнь идею мирного сосуществования, хотят положить конец раздорам и разделению, которые колониальное правление провоцировало между ними в прошлом.

В коммюнике конференции была включена декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству. Она предусматривала:

1. Уважение основных прав человека, а также целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций.

2. Уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран.

3. Признание равенства всех рас и равенства всех наций, больших и малых.

4. Воздержание от интервенции и вмешательства во внутренние дела других стран.

5. Уважение права каждой страны на индивидуальную или коллективную оборону, в соответствии с Уставом ООН.

6. (А) Недопущение использования соглашений о коллективной обороне в частных интересах какой-либо из великих держав.

(В) Запрещение оказания пажима любой страной на другие страны.

7. Воздержание от актов или угроз агрессии или применения силы против территориальной целостности или политической независимости любой страны.

8. Разрешение всех международных споров мирными средствами, такими, как переговоры, примирение, арбитраж или юридическое урегулирование, или другими мирными средствами по выбору сторон, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

9. Содействие взаимным интересам и сотрудничеству.

10. Уважение справедливости и международных обязательств¹.

Декларация укрепила и расширила международную базу пяти принципов мирного сосуществования, провозглашала их как основу межгосударственных отношений. Она знаменовала значительное расширение «зоны мира», которая уже охватывала многие новые государства Азии и Африки.

Бандунгская конференция показала возросшее стремление стран Азии и Африки к ликвидации остатков колониализма, к укреплению их политической независимости и экономической самостоятельности, обеспечению мира, а также понимание того, что общими усилиями скорее можно добиться реализации этих задач. В Пекине рассматривали успешное завершение конференции как важный шаг к расширению влияния Китая в Азии и Африке.

В конце 1956 — начале 1957 г. премьер Государственного совета КНР снова посетил Индию. Подчеркивая важность индо-китайской дружбы для дела мира, Чжоу Эньлай говорил в январе 1957 г. в Шантиникстане, что единство и сотрудничество Индии и Китая — стран с наибольшим населением — будет играть все более важную роль в поддержании мира в Азии и во всем мире. В ходе переговоров премьер-министрами было достигнуто единое мнение по ряду вопросов. У Китая и Индии не существует и не может быть полного совпадения взглядов. Однако, как

¹ См. «Правда», 26 апреля 1955 г.

отметил Дж. Неру, разногласия по некоторым проблемам не носят враждебный характер и не могут мешать сотрудничеству¹.

Индия оказывала активную поддержку КНР в вопросах о восстановлении законных прав в ООН, возвращении Тайваня. КНР заявила о своей солидарности с индийским правительством в его борьбе за Гоа. КНР и Индия договорились консультироваться между собой по проблемам, затрагивающим интересы мира и безопасности.

Товарообмен между ними не был обширным, поскольку структура внешней торговли обеих стран схожа. В 1953 г. он достигал 17,6 млн. руб., в 1956 г. — уже 102 млн. руб. В 1957 г. торговые сделки сократились до 72 млн. руб. Китай вывозил прокат черных металлов, продукцию химической промышленности, бумагу, шелк, тунговое масло, рис, а покупал джутовые мешки, хлопок, табак.

В то же время китайская сторона ни на йоту не уступила индийской в решении тех вопросов, которые интересовали Дели. Индию беспокоило, что Китай занимает значительные участки ее территории и претендует более чем на 100 тыс. кв. км. Премьер Государственного совета Чжоу Эньлай уверял Дж. Неру, что напечатанные в КНР карты, на которых часть территории Индии обозначена как китайская, — это копии гоминьдановских карт и, как только правительство освободится от неотложных дел, будут внесены после взаимной консультации необходимые поправки. Вместе с тем КНР не согласилась с индийским предложением в целях устранения подозрений у соседних стран сделать заявление о том, что у нее не имеется территориальных притязаний. «Нет никакой нужды делать подобные заявления, — ответило правительство КНР, — наши друзья должны нам доверять»².

Соглашение 1954 г. о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией, в основу которого были положены пять принципов мирного сосуществования, в

¹ «Жэньминь жибао», 6.III. 1957.

² Оспаривается принадлежность трех пограничных районов площадью 125 тыс. кв. км. На западном участке (на границе между Синьцзяном и Тибетом, с одной стороны, Джамму и Кашмиром — с другой) предметом спора является территория в 33 тыс. кв. км, находящаяся под контролем Китая, на центральном участке — ряд мелких, но важных пунктов, контролирующих проходы и перевалы в горах, площадью 2 тыс. кв. км и, наконец, на восточном участке (на границе от Бирмы до Бутана) — район к югу от так называемой линии Макмагона площадью 90 тыс. кв. км, находящийся под юрисдикцией Индии.

значительной степени успокоило Дели. Правительство Индии находилось «под впечатлением, что между двумя странами нет спорных пограничных вопросов». Индийцы дали ясно понять, что все нерешенные проблемы между двумя странами в этом районе урегулированы данным соглашением. Китайская делегация не высказала своих соображений.

В ходе переговоров с Бирмой Китай в вопросе о границе занял иную, наступательную позицию. Правительство КНР заявило, что не может признать границу с Бирмой, так как она была установлена в 1941 г., когда гоминьдановский режим был ослаблен японской агрессией¹. В связи с этим оно рекомендовало поддерживать статус-кво на границе до окончательного решения вопроса путем переговоров. Фактически китайская сторона предложила согласиться на пребывание ее войск на бирманской территории.

Правительство Бирмы настаивало на выводе китайских войск и на признании «линии 1941 г.» в качестве границы, а чтобы избежать дальнейших столкновений, предложило отвести войска обеих сторон на согласованное расстояние от «линии 1941 г.». Одновременно оно выступило с инициативой образовать совместную комиссию для решения вопроса о демаркированных участках границы.

Правительство КНР отклонило это и высказало желание обсудить пограничный вопрос во время визита премьер-министра Бирмы У Ну в Пекин. Он прибыл с неофициальным визитом 22 сентября 1956 г. В ходе переговоров китайская сторона в принципе согласилась с традиционной границей на северном участке (граница между КНР и входящим в состав Бирмы Качинским автономным государством) при условии, что Бирма вернет три качинские деревни (Пьяньма, Канфан и Каолунь), которые в КНР рассматривались как захваченные англичанами в 1911 г. У Ну не возражал, но этот вопрос нужно было согласовать с качинскими властями. Те ответили отказом². Все же было достигнуто соглашение о выводе китайских войск с территории Бирмы за «линию 1941 г.», а бирманских гарнизонов — из Пьяньма, Канфан и Каолунь, хотя

¹ В 1941 г. по предложению гоминьдановского правительства было заключено англо-китайское соглашение о границе («линия 1941 г.»). В его основу положены рекомендации пограничной комиссии 1935—1937 гг.

² «Burma Weekly Bulletin», 5. V. 1960.

эти деревни продолжали оставаться в пределах Бирмы. Договоренность была претворена в жизнь в конце 1956 г.¹

В декабре 1956 г. Чжоу Энълай вновь посетил Бирму. В ходе переговоров бирманская сторона соглашалась уступить КНР упомянутые выше деревни, если получит район Мэнмао (Намвапский выступ), контролируемый Бирмой на условиях «вечной аренды», как определено соглашением 1897 г. Стороны не смогли достигнуть договоренности.

4 февраля 1957 г. премьер-министр У Ба Све направил Чжоу Энълаю письмо, где еще раз подтверждалось согласие передать КНР Пьяньма, Канфан и Каолунь, территория которых равна 56 кв. милям, в обмен на район Мэнмао. 26 июля 1957 г. Чжоу Энълай дал официальный ответ. Суть его сводилась к следующему: территория Пьяньма, Канфан и Каолунь, которые должны перейти к Китаю, составляет 176 кв. миль (против 56 кв. миль, предлагаемых Бирмой); район Мэнмао может быть передан только в обмен на район, паходящийся под юрисдикцией племен баньхун и баньлао (68 кв. миль); Китай готов отказаться от предоставленного ему по соглашению 1941 г. права на участие в эксплуатации горнорудных месторождений в Луфане при условии, если Бирма будет разрабатывать их самостоятельно, без помощи какого-либо иностранного государства².

Эти же предложения Чжоу Энълай изложил во время неофициального визита в Куньмин У Ну, который вновь стал премьер-министром.

Правительство Бирмы не согласилось с китайскими предложениями от 26 июля 1957 г. На заседании подкомитета по иностранным делам кабинета министров 14 октября 1957 г. было решено еще раз попытаться убедить руководителей КНР принять предложения, изложенные в письме У Ба Све от 4 февраля 1957 г., а если это не удастся, то в качестве последней уступки призвать к урегулированию на следующих условиях: создание совместной комиссии и проведение границы в северном секторе в строгом соответствии с орографическим принципом, что совпадало бы с традиционной линией границы; передача трех деревень с территорией 56 кв. миль Китаю; обмен района Мэнмао на район проживания племен баньхун и баньлао³.

¹ D. Woodman. The Making of Burma. London, 1962, p. 530.

² D. Woodman. Op. cit., p. 532.

³ «Burma Weekly Bulletin», 5. V. 1960.

Посетившие КНР в декабре 1957 г. заместители премьер-министра Бирмы У Ба Све и У Чжо Нейн убеждали китайское правительство принять предложения от 4 февраля 1957 г. Но оно продолжало настаивать на своих предложениях от 26 июля 1957 г. При этом Чжоу Энлай заявил, что китайская сторона пойдет на проведение границы на северном участке по орографическому принципу при условии, что исключение будет сделано для некоторых монастырей и мест выращивания лекарственных трав, которые должны отойти к КНР¹. Бирманская сторона не дала ответа на это требование, и переговоры окончились безрезультатно.

Китай стремился оживить отношения с Индонезией. Большое значение для развития двусторонних отношений имело подписание 22 апреля 1955 г. договора о лицах с двойным гражданством. Он предусматривал, что лица, имеющие одновременно гражданство КНР и Индонезии, должны по собственному желанию избрать гражданство одной из этих стран. Как мужчины, так и женщины, вступая в брак, пользуются правом сохранения своего гражданства. Если одна из сторон хочет принять гражданство другой и получает его, то утрачивается первоначальное гражданство. Дети, родившиеся на территории Индонезии, родители или только отцы которых имеют китайское гражданство, считаются гражданами КНР. Дети, родившиеся в Китае, родители или только отцы которых имеют гражданство Индонезии, считаются гражданами Индонезии².

Если учесть, что в Индонезии проживает более 3 млн. китайцев и им принадлежат ключевые экономические позиции в стране, то станет ясно, сколь важным был договор. Он мог устранить источник трений, укрепить доверие между Китаем и Индонезией. Однако ратификация затянулась, и договор был утвержден лишь в 1960 г.

В мае — июне 1955 г. КНР посетил премьер-министр Индонезии Састраамиджойо. В сентябре — октябре 1956 г. в КНР с официальным визитом находился президент Сукарно. Состоялся обмен мнениями по вопросу о восстановлении прав Китая в ООН, о Западном Ириане, о расширении торговых связей и т. д. Сукарно сказал, что индонезийский народ рассматривает борьбу китайского народа за Тайвань как борьбу индонезийского народа, а борьбу индонезийского народа за Западный Ириан как борьбу

¹ D. Woodman. Op. cit., p. 534.

² См. «Международная жизнь», 1955, № 6, стр. 156—158.

китайского народа. «Мы и в будущем,— заявил президент,— должны идти с китайским и другими народами плечом к плечу, как друзья по оружию»¹.

Китайская Народная Республика присоединилась к требованию индонезийского народа возвратить ему Западный Ириан. «Западный Ириан,— писала «Жэньминь жибао» 17 декабря 1957 г.,— часть территории Республики Индонезии и во всех отношениях связан с ней». Народный Китай оказал поддержку Индонезии в связи с попыткой империалистических держав с помощью реакционных, раскольнических сил внутри страны добиться свержения правительства, проводившего независимую политику. «Правительство КНР уже давно строго осудило незаконное вмешательство американских империалистов в дела Индонезии,— говорилось в его заявлении.— Оно считает необходимым подчеркнуть всю серьезность событий, возникших в результате все более грубого вмешательства США во внутренние дела Индонезии при использовании США оккупируемой ими территории Китая — Тайваня как своей базы. Дальнейшее развитие этих событий будет чревато весьма опасными последствиями. Правительство Китая и китайский народ полностью поддерживают правительство и народ Индонезии в их справедливой борьбе за сохранение своего государственного суверенитета и независимости, против вмешательства империалистов»².

Политическое сотрудничество сопровождалось расширением деловых связей. В июне 1956 г. индонезийское правительство сняло запрет на экспорт каучука в КНР. 3 ноября 1956 г. было заключено торговое соглашение, предусматривавшее значительное увеличение товарооборота. Объем торговли между Китаем и Индонезией в 1956 г. составлял 172,6 млн. руб. вместо 103 млн. руб. в 1955 г. В обмен на промышленное оборудование, прокат черных металлов, железную проволоку, ткани, канифоль, шелк, ментол, табак и т. д. КНР покупала каучук, волокно лубяных культур, кокосовый орех, копру, сахар, перец и другие товары.

После того как пало правительство Каталавала, стремившееся вовлечь страну в СЕАТО, заметно улучшились отношения между Китаем и Цейлоном. В 1956 г. оба государства обменялись послами. Во время посещения Цейлона в феврале 1957 г. премьер Государственного совета

¹ «Жэньминь жибао», 18.X. 1956.

² «Жэньминь жибао», 15.V. 1958.

КНР дал высокую оценку миролюбивой политике этого государства. Он выразил уверенность, что она соответствует не только интересам цейлонского народа, но и азиатско-африканского единства и международного мира. В итоге переговоров стороны подтвердили свое стремление содействовать претворению в жизнь пяти принципов мирного сосуществования, укреплять солидарность стран Азии и Африки и высказались за разрешение спорных вопросов мирным путем¹.

19 сентября 1957 г. было заключено китайско-цейлонское соглашение о торговле и платежах на 1958—1962 гг., основанное на принципе равенства. Одновременно был подписан протокол о товарообмене на 1958 г. Он предусматривал закупку у Цейлона 50 тыс. т каучука, а также кокосового масла, какао и других товаров в обмен на китайский рис (270 тыс. т), хлопчатобумажные ткани, стальной прокат, цемент, автопокрышки, бумагу, машины и оборудование, химические товары, уголь и т. п. Правительство КНР согласилось в 1958—1962 гг. передать Цейлону товары на 7,5 млн. цейл. рупий для финансирования плана переустройства каучуковых плантаций². В условиях сузившегося рынка сбыта каучука и других продуктов сельского хозяйства в западных странах товарообмен с Китаем имел большое значение для укрепления экономики Цейлона.

Беседы в Бандунге премьер-министров КНР и Пакистана явились толчком к некоторому улучшению отношений между двумя странами. В октябре 1956 г. в Китай приезжал премьер-министр Сухраварди. В декабре 1956 г. ответный визит нанес Чжоу Эньлай. Выступая в Лахоре, премьер Государственного совета КНР указал, что географическое положение Китая и Пакистана требует налаженного сотрудничества в области промышленности, торговли, культуры; обе страны должны совместно бороться за сохранение мира во всем мире. В результате переговоров КНР и Пакистан заявили о своем желании содействовать всеобщему миру и дальнейшему развитию отношений между ними³.

В тот период правительство КНР проявило озабоченность спором между Индией и Пакистаном о Кашмире, по уклонялось от того, чтобы занять ясную позицию по вопросу принадлежности Кашмира. Во время поездки в

¹ «Жэньминь жибао», 6.III. 1957.

² «Жэньминь жибао», 4.X. 1957.

³ «Жэньминь жибао», 6.III. 1957.

Индию и Пакистан в конце 1956 г. Чжоу Энлай выразил надежду, что обе стороны смогут добиться разрешения этого вопроса путем переговоров.

26 июля 1955 г. в непальскую столицу Катманду прибыла делегация во главе с послом КНР в Индии. 1 августа 1955 г. было опубликовано совместное коммюнике, где сообщалось, что Китай и Непал решили обменяться послами; стороны начнут переговоры о заключении соглашения, основанного на пяти принципах. В августе — сентябре 1956 г. велись новые переговоры, закончившиеся подписанием соглашения о поддержании дружественных отношений между КНР и Непалом. Тогда же было заключено соглашение о торговле и сообщении между Тибетским районом Китая и Непалом. В его основу положены пять принципов мирного сосуществования. Были учреждены торгпредства, разрешено паломничество из одной страны в другую. 7 октября 1956 г. подписано соглашение, по которому КНР обязалась в течение трех лет оказать Непалу помощь в размере 60 млн. инд. рупий, из них треть передать частями в иностранной валюте, а в счет остальной суммы поставлять машины, оборудование и другие товары по согласованию между сторонами.

В январе 1957 г. эту гималайскую страну посетила правительственная делегация КНР. Премьер-министры Китая и Непала констатировали, что взаимные визиты, экономические и культурные связи в огромной степени содействуют упрочению уз дружбы между двумя народами¹.

Правительство КНР наладило дружественные отношения с Афганистаном. Установлению взаимопонимания во многом содействовали поездка премьера Государственного совета КНР и ответный визит премьер-министра Афганистана. Премьер-министр заявил 31 октября 1957 г., что во время пребывания в Китае правительство и народ оказывали ему и сопровождавшим его лицам радужное гостеприимство.

18 февраля 1956 г. было подписано заявление глав правительств Китая и Камбоджи. Стороны отметили, что пять принципов мирного сосуществования должны стать неизменным руководящим курсом в их отношениях. КНР выразила готовность предоставить Камбодже экономическую помощь.

24 апреля 1956 г. было заключено торговое и платежное соглашение между КНР и Камбоджей. 21 июня 1956 г.

¹ «Жэньминь жибао», 29. I. 1957.

они договорились о том, что Китай в течение 1956—1957 гг. передаст Камбодже материалы и товары на 8 млн. ф. ст. Эти поставки были использованы для создания текстильной и бумажной промышленности, цементных и фанерных заводов, школ, больниц, дорог, мостов, гидротехнических сооружений. Правительство КНР согласилось направить группу специалистов для помощи в проведении изыскательских работ, проектировании и строительстве различных объектов, в подготовке кадров. Оно обязалось оказать Камбодже содействие в строительстве небольшого металлургического комбината, разведке топливных ресурсов, сооружении ряда других предприятий.

В августе 1956 г. Китай посетил премьер-министр Лаоса Суванна Фума. В совместном заявлении стороны отметили, что договорились развивать экономические и культурные связи на основе пяти принципов мирного сосуществования. Лаос обещал проводить политику мира и нейтралитета, не участвовать в военных союзах, не размещать на своей территории иностранных военных баз¹.

На Бандунгской конференции были установлены контакты между премьером Государственного совета КНР и президентом Египта А. Насером. В августе 1955 г. КНР посетила египетская торговая делегация. 22 августа было заключено торговое соглашение сроком на 3 года. В апреле 1956 г. в Каире открылась китайская промышленная выставка. 15 апреля 1956 г. подписано соглашение о культурном сотрудничестве. Развитию китайско-египетских связей способствовали установление 31 мая 1956 г. дипломатических отношений между двумя странами и обмен послами. К 1958 г. по размерам товарооборота Египет превратился в наиболее крупного среди стран Африки партнера Китая.

30 ноября 1955 г. в Дамаске было подписано соглашение о торговле и платежах между КНР и Сирией. Оба государства договорились развивать торговлю на основе наибольшего благоприятствования. Они обменялись торговыми представительствами. 13 июня 1956 г. было заключено соглашение о культурном сотрудничестве. 10 августа 1956 г. опубликовано совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и Сирией и об обмене послами.

КНР осудила агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта. Народный Китай заявил о солидарности с

¹ «Жэньминь жибао», 26.VIII. 1956.

Сирией, когда над ней нависла угроза американо-турецкой агрессии; он поддержал меры Советского правительства, направленные на то, чтобы сорвать готовившееся нападение.

Китай приветствовал рождение Иракской Республики. Между двумя странами были установлены дипломатические отношения.

КНР протестовала против вооруженной интервенции США в Ливане, а Англии — в Иордании. В то же время в беседе с А. А. Громыко в начале сентября 1958 г. Мао Цзэдун сказал, что англо-американская интервенция на Ближнем Востоке обостряет международную обстановку, усиливает «холодную войну», а это, дескать, в интересах социалистических стран.

27 августа 1957 г. было объявлено о желании Йемена установить отношения с Китаем. Оба государства обменялись посланниками. В начале 1958 г. КНР посетила правительственная делегация Йемена. Тогда же были подписаны договор о дружбе, торговый договор и соглашение о научно-техническом и культурном сотрудничестве. КНР обязалась оказывать Йемену разностороннюю помощь в области науки и техники: направлять специалистов, машины, комплектное оборудование для легкой промышленности, строить шоссе и дороги и готовить национальные кадры в китайских вузах и на предприятиях. Йемену предоставлялся беспроцентный кредит на сумму 70 млн. швейц. фр. Кредит должен был погашаться в течение 10 лет¹.

Успехи в развитии Китая укрепляли стремление других стран Азии и Африки воспользоваться проверенным историей опытом социалистических стран. «Коммунистическим странам, — докладывал сенату исследовательский центр Чикагского университета, — удалось убедить многих представителей интеллигенции азиатских и других слабо-развитых стран в том, что их методы были успешно применены в России и продолжают успешно применяться в Китае»². Профессор Люис Вебстер Джонс писал сенату: престиж Китая в Юго-Восточной Азии основывается на убеждении в том, что Китай, который также является слабо-развитой, отсталой страной, добился быстрого и значи-

¹ «Жэньминь жибао», 13.I. 1958.

² «The Role of Foreign Aid in the Development of other Countries». The Research Center in Economic Development and Cultural Change of the University of Chicago. Washington, 1957, p. 48.

тельного прогресса в реализации широко разделяемых в Азии устремлений к экономическому и социальному прогрессу¹.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ТРЕНИЯ. БОРЬБА ВОКРУГ ВОПРОСА О ТАЙВАНЕ

Движение народов Азии за освобождение от империалистического господства, их тяга к развитию отношений с социалистическими странами противоречили линии империалистов. Они хотели заставить «азиатов воевать против азиатов», разъединить континенты, чтобы обретенная ими независимость оказалась ослабленной, а поднимающиеся силы свободы и мира были разобщены и столкнулись в братоубийственном конфликте. Монополии США рассчитывали таким путем присвоить колонии, утраченные английскими, французскими и голландскими империалистами.

Даллес разработал комплексный курс на сдерживание и изоляцию КНР, который был составной частью глобальной политики «сдерживания коммунизма». Он включал размещение войск США по всему периметру границ социалистических стран на Дальнем Востоке, создание взаимоперекрещивающихся военных блоков, осуществление политики экономической изоляции КНР, КНДР и ДРВ, недопущение никаких связей с ними, вмешательство во внутренние конфликты.

Накануне Женевского совещания американское правительство начало переговоры о создании военного блока в Азии. В Женеве Даллес и его заместитель Смит провели многочисленные «неофициальные» беседы с представителями Англии и Франции относительно заключения «пакта для Юго-Восточной Азии». Вскоре после Женевского совещания английский министр иностранных дел А. Иден обратился к Индии, Индонезии, Бирме, Цейлону и Пакистану с предложением принять участие в конференции по созданию «системы безопасности» в Юго-Восточной Азии. Пакистан выразил согласие.

В Маниле 8 сентября 1954 г. представители США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана подписали договор об образовании агрессивного блока СЕАТО. «Идея этого заговора родилась

¹ «South Asia. Report on United States Foreign Assistance Programs», by dr. Lewis Jones. Washington, 1957, p. 4.

в Вашингтоне в ответ на пять принципов, принятых свободной Азией в качестве основы мирного сосуществования и коллективного мира»¹, — писал индийский публицист Каранджия. США встревожил не только кризис в Индокитае, но и принципы, действительно отвечающие Уставу ООН, ибо они обеспечивают ненападение, невмешательство, уважение территориальной целостности, взаимную выгоду и сосуществование. СЕАТО явилась ответом на пять принципов².

В секретном приложении к договору фиксировалось решение распространить зонтик СЕАТО над государствами Индокитая. Это противоречило Женевским соглашениям, а главное, народы Индокитайского полуострова не просили о такой «защите».

Договор был направлен также против Китая и независимых государств Юго-Восточной Азии, о чем свидетельствовала, в частности, статья 4. В ней предусматривалось, что участники договора будут консультироваться между собой в случае возникновения определенной «ситуации», под какой подразумевались любые события в их странах, не отвечающие интересам колониальных держав и их военно-стратегическим расчетам. «Дейли миррор» писала 17 августа 1954 г.: блок СЕАТО «направлен на расширение войны с китайскими коммунистами на континенте». Американский журнал «Ньюсуик» признавал, что США рассматривают создание СЕАТО как «предостережение коммунистическому Китаю». Даллес откровенно потребовал на конференции, чтобы договор носил антикоммунистический характер.

КНР осудила создание СЕАТО как проявление политики войны. «Этот (Манильский. — М. К.) договор, — сказал Чжоу Энлай, — свидетельствует о том, что цели США именно в том и состоят, чтобы сорвать соглашения, достигнутые на Женевском совещании, организовать военный блок, направленный на раскол Азии, находиться во враждебных отношениях с Китайской Народной Республикой, вмешиваться во внутренние дела азиатских стран, создать новую напряженность в международной обстановке... На основе этого договора было создано не что иное, как военный союз колониальных держав. Этот военный союз не только поддерживает политику США на Дальнем Востоке, направленную главным образом против Китая, но и об-

¹ Р. Каранджия. СЕАТО. Безопасность или угроза? М., 1957, стр. 72.

² См. там же, стр. 74.

легчает США проводить всестороннюю агрессию против азиатских стран»¹.

Линия определенных кругов США на недопущение ослабления международной напряженности, наметившегося после прекращения войны в Корее и восстановления мира в Индокитае, нашла выражение в ряде новых враждебных КНР актов.

Американское правительство продолжало держать войска и строить военные базы на Тайване, вооружать чанкайшистов. С Тайваня и других островов совершались налеты на прибрежные районы КНР. Как писала «Риджерс дайджест», американские генералы планировали «превратить китайское побережье в огромное кровоточащее место».

Чтобы узаконить захваты китайских островов, правительство США подписало с чанкайшистами 2 декабря 1954 г. так называемый «договор о взаимной безопасности». Сей документ изобилует ссылками на Устав ООН, но сам являлся грубым нарушением его. Правящие круги США намеревались не только усилить военную помощь чанкайшистской клике, но под предлогом «взаимной помощи» осуществлять вооруженную агрессию против КНР (статья II). В статье V констатировалось, что США начнут военные действия, если китайский народ попытается освободить Тайвань. «Положения статей II и V будут применяться к таким другим территориям,— подчеркивается в статье VI,— которые могут быть определены по взаимному соглашению». В статье VII американское правительство оговорило себе право размещать вооруженные силы на Тайване, Пэнхуледао или в районе этих островов. США стремились на неограниченное время продлить оккупацию китайских земель. Об этом свидетельствовала статья X. «Настоящий договор,— говорится там,— будет оставаться в силе неограниченное время».

На следующий день после заключения договора Даллес подтвердил в своем заявлении, что этот документ преследует цель отторгнуть китайские земли и превратить их в трамплин для дальнейшей агрессии против КНР. «...Подписание договора об обороне,— сказал он,— положит раз и навсегда конец всяким слухам и сообщениям о том, что Соединенные Штаты каким-либо образом согласятся на то, чтобы Формоза и Пескадорские острова попали под коммунистический контроль».

¹ «Материалы первой сессии Всекитайского собрания народных представителей», стр. 159—160.

Американо-чанкайшистский союз, паряду с соглашениями США с Японией, Филиппинами и Южной Кореей, а также пактами АНЗЮС и СЕАТО, имел целью обеспечить господство американского империализма на Дальнем Востоке, служить орудием политики «с позиции силы». Как подтвердил 25 января 1955 г. помощник государственного секретаря Уолтер Робертсон, основным пунктом американской политики в отношении Китая являлось поддержание угрозы военных действий.

8 декабря 1954 г. правительство КНР заявило: предательская клика Чан Кайши не имеет никакого права заключать от имени Китая соглашения с какой-либо страной, а поэтому «договор о взаимной безопасности» является незаконным и недействительным.

Правительство СССР указало 15 декабря 1954 г., что разделяет заявление КНР. Американо-чанкайшистский «договор» является вмешательством во внутренние дела Китая, покушением на его территориальную целостность и ставит под угрозу мир в Азии. Ответственность за последствия агрессивного «договора о взаимной безопасности» всецело ложится на американское правительство¹.

29 января 1955 г. конгресс США большинством голосов одобрил резолюцию о предоставлении президенту полномочий на использование вооруженных сил для обеспечения «безопасности» Тайваня и Пэнхуледао. Резолюция была подкреплена действиями военщины. «Военно-воздушные силы США в этом районе,— писала «Нью-Йорк таймс»,— полностью переведены на военное положение... они могут нанести удар в любом месте при помощи всех видов оружия, находящихся в их распоряжении». 6 марта 1955 г. американский 7-й флот вместе с чанкайшистским провел в районе Тайваня крупные маневры.

Не прекращался приток оружия и боеприпасов на Тайвань. С 1 июля 1954 г. по 30 июля 1955 г. США израсходовали на военную и экономическую помощь Чан Кайши более 670 млн. долл.

Все это не мешало осуществлению Народно-освободительной армией в январе — феврале 1955 г. операции, которая привела к очистке от чанкайшистских войск прибрежных островов Дачень, Юйшань, Пишань, Ицзяншань, Наньцзишань и ряда более мелких. Было уничтожено свыше 4600 вражеских солдат и офицеров, сбито или выведено из строя 160 самолетов американского производства,

¹ См. «Правда», 16 декабря 1954 г.

потоплено и повреждено 20 кораблей. Кроме того, захвачено в качестве трофеев большое количество орудий, пулеметов, винтовок и другого снаряжения.

Военные приготовления США, вмешательство во внутренние дела Китая грозили вызвать крупный конфликт. В связи с этим СССР обратился к Генеральной Ассамблее ООН с предложением обсудить вопрос «об агрессивных действиях против КНР и об ответственности за эти действия военно-морского флота США». 9 декабря 1954 г. в специальном политическом комитете Генеральной Ассамблеи началось обсуждение этого предложения. Представитель СССР А. А. Соболев в своем выступлении отметил, что советская делегация настаивала на рассмотрении данного вопроса, исходя из крайнего обострения обстановки в районе острова Тайвань и прилегающих морей. «Советская делегация считает,— сказал он,— что Генеральная Ассамблея не может пройти мимо... агрессивных действий против Китайской Народной Республики, ставящих под угрозу поддержание мира на Дальнем Востоке, и должна решительно осудить эти действия как несовместимые с задачей поддержания всеобщего мира и безопасности, как несовместимые с миролюбивыми принципами Объединенных Наций.

Генеральная Ассамблея должна принять все зависящие от нее меры. Она должна призвать правительство Соединенных Штатов, несущее ответственность за создавшееся в этом районе положение, принять соответствующие меры по прекращению агрессивных действий против Китайской Народной Республики»¹.

США и их союзникам удалось добиться отклонения советского проекта резолюции.

30 января 1955 г. делегация СССР поставила в Совете Безопасности вопрос об агрессивных действиях США в отношении КНР в районе Тайваня и других островов Китая. Советский Союз предлагал осудить США за их агрессивные действия, потребовать прекратить вмешательство во внутренние дела КНР, отозвать все вооруженные силы с Тайваня и других китайских территорий.

Американская дипломатия инспирировала внесение новозеландской делегацией на обсуждение Совета Безопасности вопроса относительно военных действий в районе некоторых островов вблизи побережья Китая². Предложение Новой Зеландии, предусматривавшее прекращение

¹ «Правда», 14 декабря 1954 г.

² «Правда», 1 февраля 1955 г.

огня в районе прибрежных островов, было не чем иным, как неуклюжим маневром, рассчитанным на то, чтобы заставить КНР отказаться от суверенных прав на китайскую территорию — Тайвань и Пэнхуледао — и закрепить захват островов США.

Делегация СССР заявила, что не признает полномочий представителя гоминьдановской клики. Она просит Совет Безопасности отстранить его от участия в обсуждении вопроса, который относится исключительно к компетенции Китайской Народной Республики.

31 января 1955 г. генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд направил по настоянию советской делегации официальное приглашение правительству КНР. Однако американские представители и их сторонники не желали удалить гоминьдановцев из Совета Безопасности хотя бы на время рассмотрения вопроса об агрессивных действиях США в отношении КНР в районе Тайваня. В результате ее представитель не смог участвовать в обсуждении. «Особенно потерпимым является тот факт, — говорилось в телеграмме китайского правительства, — что Китайская Народная Республика, представляющая 600-миллионный китайский народ, до настоящего момента все еще лишена своего законного положения и своих законных прав в Организации Объединенных Наций, в то время как представители жалких остатков предательской клики Чан Кайши, давно уже отвергнутой китайским народом, продолжают незаконно занимать место представителя Китая в Организации Объединенных Наций. Такое крайне несправедливое положение делает невозможным для представителя Китайской Народной Республики принять участие в обсуждении в Организации Объединенных Наций вопросов, касающихся Китая»¹.

Совет Безопасности так и не принял мер для устранения напряженности в районе Тайваня. Более того, некоторые державы — члены Совета Безопасности, призванного служить инструментом мира и международного сотрудничества, выступили активными пособниками американской агрессии. Крайне неблагоприятную роль играла Англия.

В январе 1955 г. британский посол в Москве, касаясь положения в районе Тайваня и прибрежных китайских островов, заявил, что, по мнению его правительства, между статусом Тайваня и Пэнхуледао, с одной стороны, и дру-

¹ «Правда», 4 февраля 1955 г.

гих прибрежных островов — с другой, существует разница. «Было бы весьма опасно, — сказал он, — если бы китайское правительство исходило из предположения, что вооруженные силы Соединенных Штатов ни при каких обстоятельствах не придут на помощь своим националистическим союзникам в районе этих островов». Посол выразил надежду, что Советское правительство сочтет возможным посоветовать КНР проявить сдержанность и избегать каких-либо инцидентов, которые могли бы «привести к общим военным действиям».

Правительство Англии, таким образом, не только взяло на себя функции адвоката американских агрессоров, но и пыталось угрожать Китайской Народной Республике.

Английскому дипломату было заявлено в Москве, что причины напряженности в районе Тайваня кроются в грубом вмешательстве Соединенных Штатов Америки во внутренние дела КНР. Советское правительство обратило внимание посла на то, что если бы Англия не поддерживала США в их агрессивных действиях в этом районе, то те не решились бы предпринять их¹.

Советское правительство выступило 4 февраля 1955 г. с предложением созвать конференцию СССР, КНР, США, Англии, Франции, Индии, Бирмы, Индонезии, Пакистана, Цейлона. Такая конференция наиболее заинтересованных государств могла бы способствовать ослаблению напряженности в Тайваньском проливе.

Правительство КНР согласилось принять участие в конференции. Положительно отнеслись к советской инициативе страны Азии. Индия содействовала выяснению точек зрения предполагавшихся участников конференции. Индийский дипломат Кришна Менон посетил с этой целью Англию и США. Однако их правительства заняли позицию, сделавшую невозможным созыв конференции. Они требовали приглашения чанкайшистской клики, на что КНР не могла пойти.

Хотя Организация Объединенных Наций не приняла предложенных Советским Союзом мер и не удалось созвать конференцию для рассмотрения вопроса о положении в районе Тайваня, разоблачение американской агрессии дипломатией социалистических государств и ряда стран Азии заставило империалистические круги несколько сбавить воинственный пыл и даже пойти на двусторонние переговоры с КНР.

¹ См. «Правда», 29 января 1955 г.

На Бандунгской конференции премьер Государственного совета КНР заявил, что китайский народ не желает воевать с США, и предложил им вступить в переговоры о разрядке напряженности в районе Тайваня.

Из Вашингтона быстро последовал положительный ответ.

1 августа 1955 г. в Женеве начались переговоры на уровне послов. По предложению китайского представителя была принята следующая повестка переговоров:

1. Репатриация гражданских лиц обими сторонами.
2. Практические вопросы, которые не решены между сторонами.

10 сентября 1955 г. по первому пункту состоялось соглашение. Американским гражданам, находившимся в КНР, предоставлялась возможность вернуться на родину. Правительство Великобритании могло принять участие в их репатриации. Представитель США информировал китайского посла, что Белый дом примет такие же меры для репатриации китайских граждан, находящихся в Соединенных Штатах и желающих возвратиться на родину. Для наблюдения за осуществлением этих мер будет приглашено индийское посольство в Вашингтоне.

Уже в день открытия переговоров китайская сторона объявила об освобождении 11 американских летчиков. После вступления в силу соглашения о репатриации еще одна группа граждан США была отправлена на родину.

Из США было репатрировано 400 китайских граждан. Однако американские власти задерживали несколько тысяч китайцев, в свое время выехавших за океан для получения образования.

14 сентября 1955 г. представитель КНР предложил перейти ко второму пункту повестки переговоров и обсудить вопросы об эмбарго и экономической блокаде США в отношении КНР, а также о положении в районе Тайваня. Американский дипломат высказался за первоочередное рассмотрение вопроса об отказе сторон применять вооруженные силы для достижения своих целей. Предложение КНР провести подготовительную работу к китайско-американскому совещанию на более высоком уровне посол США Джонсон отклонил. Он заявил, что этот вопрос является процедурным и его не следует включать в повестку.

Посол КНР Ван Биннань подчеркнул, что освобождение Тайваня является суверенным правом КНР, не подлежащим обсуждению. 27 октября 1955 г. он предложил Джонсону выступить с заявлением, что КНР и США в

соответствии с параграфом 3¹ и параграфом 4² статьи 2 Устава ООН согласны в том, что должны улаживать споры, не прибегая к угрозе или применению силы и одновременно считать, что в целях осуществления совместного желания КНР и США проведут конференцию министров иностранных дел для разрешения вопроса об ослаблении и ликвидации напряженности в районе Тайваня.

Джонсон выступил против китайского проекта. Он попытался протащить такую формулу отказа от применения силы в решении спорных вопросов, где было бы зафиксировано, что Китай не будет освобождать Тайвань. Американский представитель рекомендовал опубликовать заявление США и КНР об отказе использовать вооруженные силы при урегулировании тайваньского вопроса, исключая случаи индивидуальной или коллективной самозащиты.

Китайская сторона не могла принять такой проект заявления. Ван Биннань предложил другой вариант. В нем отмечалось, что оба правительства выражают готовность разрешать спорные вопросы путем переговоров, не прибегая к угрозе или вооруженной силе. А послы КНР и США должны продолжать переговоры для изыскания путей реализации этого обоюдного желания.

Американский посол заявил, что США ни при каких обстоятельствах не откажутся от права на индивидуальную или коллективную защиту в районе Тайваня.

19 апреля 1956 г. Джонсон внес на рассмотрение новый проект совместного заявления. Там говорилось: послы от имени своих правительств согласились без ущерба для проведения каждой стороной собственной политики мирными средствами или ее неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самозащиту объявить, что спорные вопросы должны урегулироваться путем мирных переговоров, не прибегая к угрозе или применению силы.

Этот проект, как и предыдущие, свидетельствовал о том, что американское правительство не хотело менять своей позиции по вопросу о Тайване. Формулировка о праве на самозащиту, которая фигурировала в проектах, нуж-

¹ Параграф 3 предусматривает, что все члены Организации Объединенных Наций разрешают свои международные споры таким образом, чтобы не подвергать угрозе мир, безопасность и справедливость.

² Параграф 4 гласит: все члены ООН воздерживаются в международных отношениях как от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций.

на была США для продолжения вмешательства в китайские дела. Ван Бинпань в связи с этим подчеркнул: проект совместного заявления должен предоставлять сторонам равные гарантии, только это может быть базой для достижения соглашения.

11 мая китайский представитель предложил новый проект совместного заявления. В нем указывалось, что оба правительства согласились без ущерба для принципов взаимного уважения территориальной целостности, суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга разрешить вопрос о положении в районе Тайваня мирным путем, не прибегая к угрозе или использованию силы. Послы же продолжают переговоры с целью изыскать в течение двух месяцев практические меры для осуществления обоюдного желания, включая созыв конференции министров иностранных дел КНР и США.

Бесплодные споры длились до декабря 1957 г. Вашингтон добивался такой договоренности, которая связала бы КНР в вопросе освобождения Тайваня. Он и не помышлял о соглашении с целью разрядки напряженности в районе острова. Об этом свидетельствовали усиливавшиеся военные приготовления США на Тайване.

Как объявило 5 августа 1955 г. Управление международного сотрудничества, 4 августа США подписали с Чан Кайши соглашение о предоставлении гоминьдановскому правительству займа в 70 млн. долл. Эти миллионы были частью средств, выделенных США для «поддержания обороны Формозы» в 1955 г. Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк пост» Аллен сообщал 24 августа, что чанкайшистская армия должна увеличиться на 10 дивизий. «США, — указывал он, — продолжают переговоры с Чан Кайши, начатые весной 1955 г., о поставке средств, оружия и другого снаряжения для оснащения армии националистов, хотя они (т. е. США. — М. К.) и ведут переговоры в Женеве с коммунистическим Китаем». Военный министр США, находившийся с официальным визитом на Тайване, заявил 13 декабря 1955 г.: «Мы надеемся, что китайские националисты будут продолжать принимать советы от наших опытных кадровых офицеров из миссии военных советников. Мы желаем успеха, когда придет их время». Американский министр авиации устроил в Тайбэе пресс-конференцию, где сказал: «Если в районе Тайваня возникнут новые военные действия, США сделают так, что реактивные истребители «F-84», которые получает националистическая армия от США, будут иметь на своем

борту атомные бомбы». 7 мая 1957 г. в США было объявлено, что на Тайване разместится подразделение американских военно-воздушных сил, снабженное управляемыми снарядами. На следующий день эти части уже прибыли туда. Вице-адмирал США Дойл объявил 20 января 1958 г.: доставленные на Тайвань управляемые снаряды «Матадор» готовы для нанесения удара по «красному Китаю».

В декабре 1957 г. переговоры в Женеве были прерваны.

30 июня 1958 г. правительство КНР заявило, что с того времени, как были прерваны китайско-американские переговоры, прошло уже более полугода, однако правящие круги США пытаются создать впечатление, будто переговоры продолжаются. Китай предложил, чтобы Белый дом в течение 15 дней назначил своего представителя в ранге посла и возобновил переговоры. В противном случае ответственность за разрыв их ляжет на США¹.

Из Вашингтона не последовало ответа.

КНР И ЯПОНИЯ

Китайская Народная Республика стремилась наладить связи с Японией, надеясь развитием торговых и культурных контактов подготовить нормализацию отношений двух стран. Но дипломатические связи могли быть установлены лишь после разрыва Японии с чанкайшистскими властями на Тайване.

Во время конференции в Бандунге Чжоу Энълай беседовал с главой японской делегации Такасаки. Было достигнуто взаимопонимание в том, что расширение торговли между КНР и Японией будет способствовать их интересам. 17 августа 1955 г. генеральный консул КНР в Женеве направил японскому генеральному консулу письмо. Он предлагал, чтобы Япония назначила представителя для ведения переговоров в Пекине. 20 сентября 1955 г. Чжоу Энълай в беседе с японской парламентской делегацией выразил надежду, что Токио пришлет представителя для предварительных переговоров о скорейшей нормализации дипломатических отношений. Как отметили собеседники, Китаю и Японии следовало бы обменяться торговыми представительствами. 4 ноября 1955 г. правительст-

¹ «Жэньминь жибао», 30.VI. 1958.

во КНР вновь высказало пожелание провести китайско-японские переговоры.

17 октября 1955 г. генеральный секретарь Всекитайского собрания народных представителей Пыи Чжэнь и глава японской парламентской делегации Эйкити Камбаясияма зафиксировали договоренность о необходимости нормализовать дипломатические отношения, отменить ограничения на торговлю Японии с Китаем, превратить выставки товаров в двух столпцах в постоянные торговые организации, расширить культурный обмен, обеспечить свободный въезд и выезд граждан. Китайские власти обещали рассмотреть вопрос о японских военнопленных, которые задерживались в КНР¹.

Хотя правительство Японии отказалось признать это соглашение и оказать содействие его осуществлению, Китай продолжал предпринимать дружественные жесты в отношении ее.

15 апреля 1955 г. было заключено соглашение между общественными рыболовными организациями двух стран о рыболовстве в Желтом и Восточно-Китайском морях. 25 апреля 1956 г. постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение о дифференцированном рассмотрении дел японских военных преступников. Вскоре было освобождено и передано японской администрации 1017 из 1062 военных преступников. Вопрос об остальных был оставлен открытым. Чжоу Эньлай заявил 28 июня 1956 г., что если они проявят себя хорошо, то могут быть освобождены досрочно; был разрешен приезд к ним родственников.

11 июля 1956 г. японская делегация работников книгоиздательств и китайское книгообъединение «Гоцзи шудянь» подписали соглашение об обмене печатными изданиями. В ноябре — декабре 1955 г. Японию посетила делегация Академии наук КНР, были установлены контакты между учеными. Китайское народное общество культурных связей с заграницей и японская национальная ассоциация защиты конституции 27 ноября 1956 г. в Пекине подписали соглашение по вопросам культурного обмена.

Одновременно продолжали развиваться торговые отношения между КНР и частными японскими компаниями и организациями. 4 мая 1955 г. в Токио было подписано третье частное торговое соглашение, которое определило объем товарооборота в 60 млн. ф. ст. Китайские организа-

¹ «Жэньминь жибао», 18.X. 1955.

ции обязались поставить железную и марганцевую руду, чугун, каменный уголь, соевые бобы, рис, соль, масло, семена, щетину, шерсть, ковры, сырой лак, лекарственные растения, а японские — медь, алюминий, прокат черных металлов, промышленное оборудование, суда, искусственные удобрения, медикаменты, красители, синтетические волокна, автомашины, электро- и радиоматериалы, продукцию точной механики, оптику, пишущие машинки, велосипеды, часы. Расчеты имелось в виду производить по клирингу через Народный банк Китая и Японский банк. Стороны договорились обменяться постоянными торговыми миссиями, а также устроить друг у друга по две выставки.

15 октября 1956 г. срок действия соглашения был продлен до мая следующего года.

Осенью 1955 г. в Токио, а затем в Осаке открылась китайская выставка. Ее посетило около 2 млн. человек. 1200 торговых и промышленных компаний прислали своих представителей. В октябре 1956 г. в Пекине и в декабре 1956 г. в Шанхае была проведена выставка промышленных товаров Японии.

В декабре 1956 г. в связи с отставкой Хатоямы был сформирован кабинет во главе с Тандзан Исибаси. Новый премьер-министр заявил в 1957 г., что правительство готовится принять меры для выполнения японо-китайского соглашения, и в частности для открытия торговых представительств и установления прямых корреспондентских связей между центральными банками двух стран. Исибаси не успел выполнить свое обещание. В феврале 1957 г. ему пришлось уйти в отставку. Нобусукэ Киси, который занял пост премьер-министра, взял курс на всемерное развитие связей с США и в угоду им стал тормозить налаживание деловых контактов с КНР.

Киси совершил поездку на Тайвань, что было расценено печатью как враждебный по отношению к КНР акт. В Тайбэе он заявил, что «если можно освободить континент», то это было бы «очень хорошо». Премьер Государственного совета КНР назвал это «открытым проявлением враждебности к шестисотмиллионному китайскому народу»¹.

Декларируя свою враждебную в отношении КНР позицию и нежелание идти на восстановление дипломатических связей, правительство Киси в то же время выражало го-

¹ «Против американской оккупации Тайваня и происков США, направленных на создание «двух Китаев», стр. 142—143.

товность, по крайней мере на словах, содействовать развитию торговли между обеими странами.

Эта позиция была сформулирована под влиянием двух противодействующих факторов. С одной стороны, Киси, провозгласив основой основ своей политики сотрудничество с Соединенными Штатами, был вынужден следовать американским курсом поддержки Тайваня и непризнания КНР. Кроме того, деловые круги опасались экономических санкций со стороны США в случае нарушения эмбарго и установления тесных отношений с КНР. С другой стороны, депрессия в США и гигантский дефицит в японо-американской торговле настоятельно требовали поисков новых рынков. Под давлением общественности и деловых кругов правительство 16 июля 1957 г. приняло решение об ослаблении ограничений на торговлю с КНР до уровня западноевропейских стран и опубликовало список 272 товаров, разрешаемых к экспорту¹. Четвертое частное торговое соглашение, подписанное 5 марта 1958 г., предусматривало не только значительное расширение товарооборота между двумя странами, но и проведение таких мероприятий, которые давали возможность свободно и беспрепятственно развивать торговые связи в будущем.

Соглашением устанавливался объем торговли на 1958 г. в 35 млн. ф. ст. с каждой стороны. Кроме того, было решено создать в Японии китайскую торговую миссию, сотрудникам которой предоставлялся дипломатический иммунитет. Миссия получала право вывешивать государственный флаг КНР².

Эти положения соглашения подлежали утверждению правительствами обеих стран. Правительство Киси, однако, не только не поддержало четвертого торгового соглашения, как обещало, а, наоборот, сделало все возможное, чтобы не допустить его осуществления. В конце марта 1958 г. оно заявило в письме Чан Кайши, что не намеревается устанавливать официальные отношения с КНР, не предполагает признать за ее торговым представительством право вывешивать государственный флаг и «страстно хочет» сохранить «дружественные отношения» с Тайбэем.

Проблема развития японо-китайской торговли обострилась в связи с инцидентом на торгово-промышленной выставке КНР в Нагасаки. 2 мая 1958 г. один из посетителей

¹ «Асахи», 17.VII. 1957.

² Полный текст соглашения опубликован в «Contemporary Japan», 1958, № 3, vol. XXV, p. 520—524.

сорвал и растоптал государственный флаг КНР. Хулиган был немедленно доставлен в полицию, где признался, что питает антикоммунистические настроения, по флаг сорвал «под воздействием момента»¹.

5 мая газеты поместили сообщения из Пекина о том, что правительство КНР «придает самое серьезное значение этому инциденту»². 7 мая появилось новое сообщение Спнхуа, выдержанное уже в негодующем тоне. В нем говорилось: «Инцидент с флагом был определенно спровоцирован кликой Чан Кайши совместно с правительством Киси»³. Наконец, 9 мая 1958 г. было опубликовано заявление министра иностранных дел КНР Чэнь И, который объявил, что все торговые контракты с японскими фирмами аннулируются. Одновременно были прекращены переговоры о заключении контрактов на экспорт в КНР листовой стали. Всем представителям торговых фирм Японии, находившимся в Пекине, было отказано в продлении виз. Ее торгово-промышленные выставки, работавшие в то время в Ухаши и Гуанчжоу, закрывались, а экспонаты подлежали вывозу⁴.

Это означало полное прекращение торговых связей между Японией и КНР. Оно было столь неожиданным, что нанесло тяжелый урон компаниям, которые вели торговлю с КНР. По данным Японо-китайской экспортно-импортной ассоциации, из 397 входивших в нее компаний 110 понесли потери, сумма которых только в результате невыполнения контрактов составила 35 млн. ф. ст.⁵.

Одновременно были прекращены все культурные связи и аннулированы приглашения, сделанные ранее различным демократическим организациям и профсоюзам Японии. Намеченные спортивные соревнования отменялись. Было взято назад обещание оказать финансовую помощь японским женщинам, которые вышли замуж за китайцев и хотели приехать к своим мужьям в КНР. Китайскому ансамблю песни и пляски, гастролировавшему в Японии, было предложено немедленно вернуться на родину. Газета «Жэньминь жибао» писала в передовой статье, что «даже культурные связи между КНР и Японией принесут нежелательные результаты»⁶.

¹ «Асахи», 3.V. 1958.

² «Майнити», 5.V. 1958.

³ «Асахи», 7.V. 1958.

⁴ «Сюкан асахи», 25.V. 1958.

⁵ «Сэкай», сентябрь 1958, стр. 29.

⁶ «Жэньминь жибао», 25.V. 1958.

Основную ответственность за полный разрыв отношений с КНР, безусловно, несло правительство Киси, не желавшее установления добрососедских связей с КНР. Стоявшие за его спиной проамериканские группировки либерально-демократической партии и ведущие монополии считали, что торговля с КНР длительное время будет иметь столь небольшой объем, что из-за нее не стоит портить отношений с Соединенными Штатами. Группировки же, заинтересованные в развитии торговли с КНР, оказались намного слабее и не смогли отстоять свою точку зрения в партии. Наконец, всех консерваторов объединял страх перед возможным ростом левых сил в результате более тесных связей с КНР.

Демократическое движение в стране приняло, однако, такой размах, что Киси не мог просто отмахнуться от вопроса о торговле с КНР. Он был вынужден делать вид, будто готов предпринять определенные шаги в этом направлении, дабы сохранить за консерваторами голоса избирателей. В конечном счете ему пришлось пойти дальше своего предшественника на посту премьера, поскольку четвертое торговое соглашение было подписано представительной парламентской делегацией, во главе которой стоял член правящей либерально-демократической партии. Впервые оно включало положение о том, что правительство должно содействовать его осуществлению. Эмбарго на торговлю с КНР было ослаблено.

Разрешалась в принципе и поднимавшаяся японской стороной проблема снятия отпечатков пальцев граждан. Была в основном достигнута договоренность относительно правительственной гарантии платежей и урегулирован вопрос о расчетах через государственные банки — Японский банк в Токио и Народный банк в Пекине.

Несмотря на отказ правительства Японии разрешить вывешивать флаг КНР, он все же развевался на самом видном месте на выставке, причем власти не приняли никаких мер, чтобы заставить снять его¹. После инцидента, выступая в парламенте, премьер Киси выразил свое сожаление, т. е., по существу, принес извинения.

Инцидент с флагом в Нагасаки не был столь драматичен, чтобы из-за него порывать все торговые и культурные

¹ В своей ноте гоминьдаповцам правительство Киси, обещая не признавать за торговым представительством КНР права вывешивать государственный флаг, в то же время указывало, что оно «практически не может воспрепятствовать вывешиванию этого флага» («Иомиури», 4.IV. 1958).

связи, даже отказываться от обмена делегациями с демократическими организациями Японии. Правительство КНР использовало его в качестве предлога для проведения самой жесткой линии в отношении Японии. Оно надеялось, что прекращение торговли заставит деловые круги усилить давление на правительство и принудит его согласиться на китайские требования. Кроме того, Пекин рассчитывал выявить перед японской общественностью реакционную сущность правительства Киси. Если заключение торгового соглашения либерально-демократическая партия могла бы использовать как важный козырь на предстоящих выборах в палату представителей, то теперь обнаруживался провал в ее внешнеполитическом курсе.

В полном разрыве отношений с Японией нашли проявление авантюристические тенденции влиятельных кругов в Пекине, переоценка возможностей и сил КНР, отказ от попыток добиваться соглашений на основе взаимных уступок и компромиссов. Этот шаг дал веские аргументы тем противникам развития торговли с КНР, которые утверждали, что из-за государственной монополии внешней торговли опасно полагаться на установление длительных и стабильных экономических отношений с Китаем, так как в любой момент они могут быть нарушены правительством, исходящим из своих политических интересов. Была, таким образом, подорвана основа основ торговых отношений — принцип взаимного доверия, стабильности и нерушимости контрактов.

Неожиданный разрыв торговых отношений нанес самый болезненный удар по тем компаниям, которые торговали с КНР вопреки всем преградам, на свой страх и риск. Особенно тяжелым оказалось положение многих мелких и средних предпринимателей, которых крупные монополии оттирали от «большой торговли» и которые ставку делали именно на развитие экономических связей с КНР.

Все это отбросило далеко назад дело урегулирования экономических связей. С мая 1958 г. торговля между двумя странами фактически полностью прекратилась, составив за второе полугодие 1958 г. лишь 8 млн. долл. против 140 млн. долл. в 1957 г.¹ Потребовались годы, чтобы достигнуть того, на чем обе стороны остановились в мае 1958 г.

¹ «Цусё хакусё, 1959» («Белая книга по внешней торговле, 1959»). Токио, 1959, стр. 209—210.

В качестве единственно возможной основы восстановления отношений правительство КНР выдвинуло требования, сформулированные в июле 1958 г. во время встречи с делегацией социалистической партии Японии в виде «трех политических принципов». КНР потребовала, чтобы Япония:

1. Прекратила проведение враждебной политики в отношении КНР.

2. Отказалась от провокационной теории «двух Китаев».

3. Немедленно перестала чинить препятствия попыткам нормализовать отношения между двумя странами¹.

В 1959 г. китайское руководство сообщило о готовности возобновить торговлю с небольшими компаниями, которые гарантируют свое «дружественное отношение» к КНР и будут рекомендованы какой-либо из прогрессивных организаций (КПЯ, обществом японо-китайской дружбы, СПЯ и т. п.)². Этим было положено начало практике торговли с так называемыми дружественными фирмами, которые, прежде чем подписать торговый контракт, должны были сделать заявление о признании «трех политических принципов». Одновременно китайская сторона предупреждала об отказе иметь дело с компаниями, поддерживающими правящую либерально-демократическую партию, до тех пор, пока правительство будет упорствовать в своей антикитайской политике³.

Заинтересованность в торговле с КНР мелких и средних японских предпринимателей пекинские лидеры стремились использовать для навязывания им определенных политических позиций. Одновременно они рассчитывали припугнуть крупный капитал утратой экономических перспектив в КНР, обострить борьбу в его среде по китайскому вопросу, найти новые эффективные рычаги давления на правящие круги Японии.

«Дружественная торговля», задуманная как важнейший канал распространения влияния КНР в Японии методом «материального стимулирования», была одновременно превращена в средство финансирования пропекинских сил в демократическом лагере Японии.

Нажим на правящие круги Японии, предпринятый пекинскими лидерами на гребне борьбы японского народа против «договора безопасности», не оправдал их надежд.

¹ «Асахи», 12.VIII. 1958.

² «Japan Press», 25. II. 1959.

³ Ibidem.

Несмотря на все усилия, они не смогли добиться ни изменения политики правительства Японии по отношению к КНР, ни достаточного ослабления влияния правящей партии.

КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Как уже отмечалось, некоторые западноевропейские страны признали Китайскую Народную Республику вскоре после ее образования. Развивались связи КНР с Финляндией, Швецией, Швейцарией, Норвегией, Данией. Они обменялись посольствами, расширялись торговые контакты, и прежде всего с Финляндией и Швейцарией. Финляндия, Швеция и Норвегия выступили за восстановление прав Китая в ООН.

Во время Жепевского совещания 1954 г. между премьером Государственного совета Чжоу Энляем и зам. премьер-министра Англии Иденом состоялись беседы. Они содействовали известному улучшению отношений между двумя странами. Было достигнуто соглашение о назначении в Лондон китайского поверенного в делах с таким же дипломатическим статусом, как у британского представителя в Пекине, и об обмене торговыми делегациями. «Мы всегда стремились к хорошим отношениям с Англией,— говорил Чжоу Энлай в беседе с лейбористом Уорби.— Мы считаем, что народы Китая и Англии могут очень хорошо ладить, если не будет вмешательства извне»¹.

Англия, однако, продолжала занимать двуличную позицию в отношении восстановления прав Китая в ООН. Ее делегаты призывали не спешить с решением этого вопроса, воздерживались при голосовании даже тогда, когда речь шла лишь о включении этой актуальной проблемы в повестку дня той или иной сессии Генеральной Ассамблеи. На XIII сессии представитель Англии утверждал, вопреки элементарной логике, будто обсуждение этого вопроса «осложнит заседания и принесет серьезный ущерб Организации Объединенных Наций».

Однако многим официальным лицам в Великобритании такая позиция казалась явно ненормальной. Английский посол в США Мейкинз говорил, что расхождения США и

¹ «Daily Herald», 12. VI. 1957.

Англии по данному вопросу все больше углубляются. «США не могут рассчитывать на бескомпромиссную поддержку Англией политики отказа допустить коммунистический Китай в ООН. В мире все время усиливается мнение, что это нереалистическая политика»¹. Э. Бивен заявил 27 июня 1957 г., что допущение Китая в ООН должно быть естественным актом после смягчения ограничений на торговлю с ним.

Позиция Англии в отношении восстановления прав народного Китая в ООН подвергалась острой критике со стороны стран британского содружества. Особенно углублялись расхождения по этому вопросу с Индией.

Недружелюбная позиция лондонского правительства проявлялась также в том, что его дипломаты подхватили тезис, будто, согласно международному праву, Тайвань не является территорией Китая, его статус еще должен быть определен. Британский поверенный в делах в Пекине в неоднократных беседах в министерстве иностранных дел КНР пытался оправдать позицию США и оказать нажим на китайское правительство². Английские дипломаты давали понять: если правительство КНР откажется от Тайваня, то Великобритания не возражала бы против освобождения прибрежных островов Цзиньмыньдао, Мацзудао и др. Они представили следующий план:

КНР воздерживается от применения силы для освобождения Тайваня;

американские и чанкайшистские войска эвакуируются с прибрежных островов;

после этого в международном порядке рассматриваются вопросы о представительстве КНР в ООН и о будущем Тайваня.

Китайское правительство отклонило этот план.

Нормализации англо-китайских отношений мешали и другие враждебные акции британских властей.

Сянган (Гонконг) стал не только своеобразным питомником китайских реакционеров, но и превратился в крупный шпионский и диверсионный центр. Под различными «безобидными» названиями там свили гнезда американские, английские, японские, чанкайшистские шпионские и диверсионные организации. Они собирали информацию и готовили агентуру для засылки в Китай.

31 января 1956 г. на сянганском аэродроме приземлился гоминьдановский реактивный истребитель, совершив-

¹ «News Chronicle», 12. VI. 1957.

² АВП СССР.

ший налет на территорию КНР. В ноте от 1 февраля 1956 г. китайское правительство потребовало задержать самолет и пилота. Английские власти разрешили летчику вернуться на Тайвань.

В октябре 1956 г. чанкайшисты использовали в качестве предлога отказ китайского населения Сянгана вывесить гоминьдановские флаги и спровоцировали кровавые погромы, которые продолжались несколько дней. Сотни людей были убиты или ранены. Английские власти попустительствовали бесчинствам.

Китайское правительство в ноте от 13 октября 1956 г., врученной поверенному в делах Англии О'Нейлу, заявило решительный протест против беспорядков и потребовало принять меры для защиты китайских граждан, их организаций и предприятий¹. 19 октября 1956 г. заместитель министра иностранных дел КНР Чжан Ханьфу передал О'Нейлу ноту, где снова выразил протест в связи с потворством английских властей преступным действиям чанкайшистских агентов. Чжан Ханьфу обратил внимание английского правительства на то, что Сянган превращен в базу диверсий и провокаций против Китайской Народной Республики².

Нидерланды занимали в отношении КНР позицию, сходную с английской. Их власти весьма активно поддерживали проекты о Тайване, по существу, солидаризировались с линией Вашингтона в вопросе представительства Китая в ООН. Нидерландская печать охотно распространяла различные вымыслы о КНР. Колониалистская политика правящих кругов Нидерландов, особенно враждебные акты в отношении Индонезии, тоже не способствовали расширению сотрудничества между двумя странами.

Другие западноевропейские государства не имели дипломатических отношений с Китаем.

Премьер-министр Франции во время Женевского совещания в 1954 г. дал понять, что его правительство примет меры к установлению официальных отношений с КНР. Однако такие действия французского правительства, как колониальная война в Алжире, подписание соглашения о западноевропейском союзе, участие в агрессии против Египта, провокационная деятельность во время венгерских событий, не создавали условий для нормализации франко-китайских отношений. Правящие круги Франции к тому же не намеревались отзываться свое посольство

¹ «Жэньминь жибао», 14.X. 1956.

² «Жэньминь жибао», 20.X. 1956.

из Тайбэя. Более того, в 1957 г. один из правых деятелей — Пинэ посетил Тайвань. Французский премьер-министр посылал в Тайбэй члена парламента Жакино в качестве своего представителя.

Правительства Италии, Греции, Бельгии, нейтральной Австрии тоже не решались действовать вразрез с линией США в вопросе признания и установления дипломатических отношений с КНР.

* * *

Китайская Народная Республика принимала активные меры к налаживанию отношений со странами Латинской Америки. Ее руководство учитывало, что это трудное дело, и стремилось завязать связи по линии общественных и культурных организаций, банков, торговли.

КНР осудила расправу американских колонизаторов над Гватемалой, когда в 1954 г. ее народ попытался освободиться от кабалы «Америкэн фрут компани» и других монополий. Китайский народ заявил о солидарности с борьбой Кубы против тирании американского ставленника Батисты.

Страны Латинской Америки, испытывая экономические трудности и нуждаясь в рынках для сбыта своих товаров, тоже проявляли интерес к сотрудничеству с Китаем.

По приглашению китайских общественных организаций страну посетили парламентарии Бразилии, Чили, делегации Мексики, Уругвая, известные общественные деятели Ж. Амаду, П. Неруда, бывший мексиканский президент Карденас и многие другие.

Вслед за этими первыми контактами наметились торговые связи. Министр финансов Бразилии Ж. М. Алкимин сообщил в июне 1957 г., что изучается вопрос о торговле с КНР. Он высказался за развитие деловых отношений между банками обоих государств.

В 1957 г. китайское правительство послало делегацию Народного банка в Аргентину, Уругвай и Бразилию для заключения платежных соглашений. КНР начала закупать непосредственно или через гонконгские фирмы хлопок в Бразилии, шерсть и топсы в Уругвае, квебраховый экстракт в Аргентине. Она заявила о желании приобрести селитру в Чили, нефть в Мексике и т. д.

Вашингтон всячески препятствовал установлению связей латиноамериканских стран с КНР, вынуждая их поддерживать контакты с кликой Чан Кайши.

Успехи в развитии народного хозяйства убедительнее всего свидетельствовали о том, что эмбарго не смогло замедлить социалистическое строительство в КНР. Вместе с тем блокада Китая усугубила экономические трудности тех капиталистических стран, чьи правительства подчинились диктату США.

В 1954—1956 гг. состоялся ряд совещаний, где союзники потребовали от США ослабить эмбарго. Политика США не могла остановить закономерного процесса развития международной торговли, тем более что она не отвечала жизненным интересам самих капиталистических государств. Во время переговоров с Эйзенхауэром в 1956 г. английский премьер-министр Иден настаивал на сокращении ограничений на торговлю с КНР. Было решено, что британские и американские эксперты пересмотрят списки запрещенных товаров. Но переговоры экспертов не дали практических результатов.

Английская общественность все настойчивее требовала восстановления деловых связей с Китаем. «Дейли уоркер» писала, что эмбарго обостряет «холодную войну» и увеличивает трудности во внешней торговле Великобритании. Правительство Англии объявило летом 1956 г. о своем решении, применяя метод исключений, продавать КНР те товары из списка запрещенных, которые не считает стратегическими.

Во время совещания на Бермудских островах в марте 1957 г. премьер-министр Великобритании предложил Эйзенхауэру сократить ограничения на торговлю с Китаем до уровня, предусмотренного для СССР и европейских стран народной демократии.

В апреле 1957 г. в Париже по требованию союзников США началось совещание так называемого «китайского комитета». Многие участники, и прежде всего Англия, настаивали на пересмотре политики эмбарго в отношении КНР. Британские деловые круги соглашались считать запрещенными товарами лишь вооружение и стратегические материалы, продажа которых могла бы угрожать безопасности западных стран. США заняли непримиримую позицию.

В связи с этим Англия заявила: если ее требование не будет удовлетворено, она выйдет из «китайского комитета». «В деловых кругах крепнет мнение,— писала «Файнэншл таймс»,— что Англия способна осуществить свою

угрозу». Газета подчеркивала 21 мая 1957 г., что «до последнего времени правительство Англии соглашалось проводить политику США в ущерб интересам британских промышленников исключительно из желания сохранить англо-американскую солидарность».

30 мая 1957 г. министр иностранных дел Англии Ллойд информировал палату общин о решении ослабить ограничения на торговлю с КНР. Он заявил, что правительство будет придерживаться одинаковых списков как для Китая, так для СССР и стран народной демократии Европы. В тот же день министерство иностранных дел сообщило список товаров, которые должны экспортироваться без лицензий, и срок вступления в силу решения об ослаблении ограничений на торговлю с КНР (5 июня 1957 г.). Китайско-английский комитет по торговле от имени ассоциации британских торговых палат, от так называемой китайской ассоциации, федерации британских промышленников, национального союза промышленников и лондонской торговой палаты направил 4 июня 1957 г. правительству КНР телеграмму. Он просил принять английскую торговую делегацию, а для знакомства с британскими предприятиями направить своих представителей.

Решение Лондона было с удовлетворением встречено в капиталистических странах Европы. Французская газета «Либерасьон» писала: этот акт даст Англии существенные экономические выгоды. «Франтирер» указывала, что решение английского правительства поставит США в весьма затруднительное положение и что оно рассматривается в правящих кругах Вашингтона как провал политики изоляции Китая.

И действительно, вскоре началась «цепная реакция» отказов от соблюдения эмбарго. 6 июня 1957 г. правительство Дании опубликовало заявление об ослаблении ограничений на торговлю с Китаем. 15 июня Бельгия, 18 июня Федеративная Республика Германии, затем Италия, Франция, Норвегия, Австралия, Люксембург приняли аналогичные решения.

Вашингтон пытался предотвратить полный развал системы эмбарго. Для оказания нажима на Англию он ограничил ввоз ее товаров. Министры иностранных дел и внешней торговли Англии указали, что их страна, в свою очередь, уменьшит импорт пшеницы, табака и фильмов из США. В связи с пиратскими действиями тайваньского флота военно-морское министерство Англии заявило, что британские суда будут сопровождать крейсера, и если какой-

либо корабль чанкайшистов попытается помешать плавание торговых судов, то будет потоплен.

13 июня 1958 г. английская палата общин единогласно приняла резолюцию с требованием максимально сократить списки «стратегических ограничений» на торговлю с Востоком. Многие указывали, что политика эмбарго ведет к окончательной потере Англией традиционных рынков. В ходе дебатов отмечались ненужность и несостоятельность эмбарго, которое способствовало активизации экономического развития социалистических стран.

20 июня 1957 г. было принято решение об общих принципах торговли с Китаем. Оно предусматривало применение так называемых глобальных квот при отгрузке в социалистические страны товаров, входящих в список «Б». Он включал многие виды оборудования и металлорежущих станков. Опубликования каких-либо товарных списков с указанием квот не предполагалось. Каждое правительство могло отказывать экспортерам в предоставлении лицензий для вывоза товаров в КНР, если квота исчерпана.

Объем внешнеторгового оборота Китая рос с каждым годом:

(в млрд. юаней)			
1950 г.	1953 г.	1955 г.	1958 г.
4,16	8,09	10,99	11,8

В 1954 г. КНР торговала с 47 государствами и районами, а в 1958 г. — уже с 94. На долю Советского Союза и других братских стран приходилось 75% ее внешнеторгового оборота. Политика эмбарго терпела фиаско.

КНР И ЗАДАЧА БОРЬБЫ ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Позитивную и конструктивную позицию занимала в то время Китайская Народная Республика в вопросе борьбы за обуздание гонки вооружений. Она выдвигала свои идеи обеспечения безопасности в Азии и на Тихом океане.

Принимая во внимание, что любые меры по прекращению гонки вооружений и сокращению вооруженных сил имеют важное значение для дальнейшего ослабления международной напряженности и укрепления мира, правительство КНР демобилизовало после победы революции более 5 млн. человек.

Хотя в результате политики западных держав Китай был устранен от участия в работе комиссии ООН по разоружению, его правительство заявило о своей готовности присоединиться к решениям о разоружении, которые могут быть приняты, и взять на себя обязательства наряду с другими государствами.

30 июля 1955 г. КНР внесла предложение о том, чтобы страны Азии и района Тихого океана, в том числе и США, заключили пакт коллективного мира, который бы занял место антагонистических военных блоков в этой части земного шара. Его подписание создало бы обширную «зону мира», обеспечило бы прочный мир на Востоке.

Развивая тезис о коллективном мире на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана, премьер Государственного совета Чжоу Эньлай говорил японским корреспондентам 17 августа 1955 г., что пакт коллективной безопасности, который отстаивала КНР, полностью соответствует Уставу ООН. Его цель состоит не в том, чтобы вызвать раскол и вражду между государствами, а побудить страны жить вместе в условиях мира и дружественного сотрудничества.

Инициатива правительства КНР была активно поддержана социалистическими государствами, а также Индией. «Идея замены антагонистических военных блоков коллективным миром, не исключаящим ни одну страну,— говорил премьер Государственного совета на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей 28 июня 1956 г.,— приобретает все более и более реальное значение»¹.

Предложение КНР о коллективном мире на Дальнем Востоке не было претворено в жизнь потому, что на него не откликнулись Вашингтон, а также правительство Японии.

18 января 1957 г. СССР и КНР заявили, что все замкнутые военные группировки должны быть заменены системой коллективного мира и коллективной безопасности. Североатлантический и Варшавский, а также Манильский и Багдадский пакты² должны быть ликвидированы и уступить место договорам коллективной безопасности³.

¹ «Материалы третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей». М., 1956, стр. 154.

² Этот пакт, как известно, был вынужден срочно поменять вывеску на СЕНТО ввиду того, что он оказался выдворенным из города, в котором родился.

³ См. «Правда», 19 января 1957 г.

Правительство КНР выступало против размещения Соединенными Штатами ядерного и ракетного оружия в любом районе Азии. В марте 1958 г. оно высказалось за создание на континенте мирной зоны, свободной от атомного оружия. Поясняя предложение о безатомной зоне, Го Можо писал, что образовать такую зону — значит не допустить строительства Соединенными Штатами Америки баз ядерного оружия на азиатской территории. Страны не должны разрешать США размещать ядерное оружие на своих землях. Если народы станут решительно выступать против баз американского ядерного оружия, то идея безатомной зоны в Азии будет претворена в жизнь. Го Можо предложил созвать в подходящее время конгресс сторонников мира стран Азии и Тихого океана для обсуждения вопроса о безатомной зоне не только в Азии, но и во всем районе Тихого океана, включая Австралию, Новую Зеландию и Латинскую Америку.

Руководители Китая указывали на необходимость придерживаться политики мирного сосуществования. «Мы имеем возможность... принудить империалистический агрессивный блок принять принципы мирного сосуществования», — сказал премьер Госсовета КНР на сессии Всекитайского собрания народных представителей в июне 1957 г. «Вопрос — война или мирное сосуществование — стал коренной проблемой мировой политики», — говорилось в резолюции второй сессии VIII съезда КПК, состоявшейся в 1958 г. Верность КНР политике мирного сосуществования подчеркивалась в многочисленных совместных заявлениях, подписанных ее руководителями с лидерами других государств.

* * *

Китайская Народная Республика в семье социалистических государств успешно двигалась по пути строительства социализма. В 1957 г. завершилось кооперирование крестьянства; велось социалистическое преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли. Промышленное производство за пять лет почти удвоилось, ежегодный прирост продукции составлял более 19%, в строй вошли сотни новых предприятий. В республике появились крупная машиностроительная промышленность и новые отрасли производства. Несколько медленнее развивалось сельское хозяйство. VIII съезд КПК (осень 1956 г.) утвердил директивы по второму пятилетнему плану. Ставилась задача создать крепкую основу индустрии, увеличить

в 2 раза промышленное производство и значительно повысить сельскохозяйственное.

Но уже в 1953—1958 гг. во внешней политике КНР проявлялись элементы великодержавного шовинизма и авантюризма. Это находило выражение в двуличии Мао Цзэдуна в отношении СССР, в попытках вмешательства во внутренние дела других государств, в стремлении командовать некоторыми социалистическими странами, в злобещей «теории» насчет полезности ядерной войны для революции, в выдвигании территориальных притязаний. В 1954 г. в книге «Краткая история современного Китая» была помещена карта «Китайские территории, отторгнутые империалистами». К ним отнесены часть территории СССР, МНР, Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Бирма, Малайя, Таиланд, часть территории Индии, принадлежащие Японии острова Рюкю, филиппинские острова Сулу и т. д. Это была опасная заявка на чужие земли. Все активнее пропагандировался тезис: «Ветер с Востока дует над ветром с Запада». Он звучал двусмысленно, но в Китае вкладывали в него один смысл, подчеркивая пересечение центра революционных движений в Пекин. Высказавшись на VIII съезде КПК одобрительно о XX съезде КПСС, Мао Цзэдун и его сторонники, не желая отказываться от порядков и методов, связанных с нарушением законности и попранием принципов коллективного руководства, с самого начала заботливо «оберегали» народ и коммунистов Китая от идей XX съезда КПСС. Они спекулировали на трудностях в международном коммунистическом движении (венгерские события и пр.), чтобы подрывать авторитет КПСС и выставлять себя в качестве «хранителей революционных традиций». Все это преследовало, по существу, одну цель: поставить Коммунистическую партию Китая в положение лидера международного коммунистического движения, изобразить Мао Цзэдуна в качестве «вождя и учителя всех народов».

Нередко спрашивают: неужели руководители других коммунистических партий, друзья китайского народа не видели националистических, авантюристических устремлений Мао Цзэдуна и его окружения? Видели. Но исходили из того, что здоровые, интернационалистские силы не дадут хода националистам, что последние будут «растворены» в общем потоке социалистического строительства в Китае.

НАЧАЛО ОТКРЫТОГО ПОВОРОТА ВЛЕВО 1958—1962 гг.

С 1958 г. в политике китайского руководства усилились шовинистические, авантюристические тенденции. Новые и новые факты свидетельствовали об обострении борьбы в самом руководстве, о грубом игнорировании Мао Цзэдуном и его сторонниками теории и практики марксизма-ленинизма. Раньше националистическое крыло было вынуждено действовать в соответствии с историческими задачами революционного движения в Китае. В обстановке же больших побед, одержанных китайским народом с помощью СССР и других социалистических стран в период восстановления экономики и первой пятилетки, маоисты пришли к выводу, что настало время начать реализацию честолюбивых планов.

В своих виршах, написанных в то время, Мао Цзэдун вспоминал о том, как легендарный герой одолел свирепого тигра, и неожиданно заключал: ныне среди великих храбрцев не найдется никого, кто испугался бы гималайского и бурого медведей. Он воспел золотую обезьяну Сун Укун — образ из средневекового китайского романа. Она умнее всех и покоряет оборотней, а также прочих врагов. Бумажный тигр лишь внешне грозен (его можно проткнуть пальцем). Под бурым медведем, который будто бы угрожает Китаю, подразумевался Советский Союз, под гималайским — Индия. Оборотни, крысы и муравьи — это, по мнению автора, другие народы и их руководители. Кто аллегорически выступал в образе мудрой обезьяны, читатели должны были догадаться сами.

Образы, фигурировавшие в стихах, раскрывали основные направления новой внешней политики китайского руководства.

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК» И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

С лета 1958 г. китайские руководители отбросили второй пятилетний план, намеченный VIII съездом КПК. Они запялись бессмысленными экспериментами, перечеркнули опыт братских стран, а закону планомерного, пропорционального развития противопоставили свой «закон» скачкообразного подъема экономики. Было объявлено, что в дальнейшем КНР станет развиваться под «тремя красными знаменами». Первое знамя — генеральная линия; она требовала, напрягая все силы, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее. Второе — «большой скачок». Третье — народные коммуны.

Основным методом развития экономики объявили «большой скачок». За пятилетие решили выплавку стали довести с 5 до 80—100 млн. т, промышленное производство увеличить в 6,4, а сельскохозяйственное — в 2,5 раза. Эти задания не имели под собой экономического основания. Революционный дух масс, физическая сила тружеников должны были заменить новую технику и научный прогресс. На предприятиях игнорировались всяческие нормативы, из станков старались выжать больше, чем предусматривал запас прочности. Отделы технического контроля были упразднены. Страна покрылась крохотными печами для выплавки чугуна, мелкими шахтами и рудниками. 100 млн. крестьян, десяткам миллионов городских жителей пришлось заняться выплавкой чугуна и стали, добычей угля и руды, строительством кустарных мастерских. Китайская печать делала намеки, будто применение в СССР ленинского принципа материальной заинтересованности является уступкой буржуазии. Нормированный рабочий день был отменен.

В деревне, а затем в городе начали создавать народные коммуны. Обобществлялось все, вплоть до кухонной утвари. Детей забирали в интернаты, стариков — в «дома счастья». Работоспособных мужчин и женщин объединили в полувоенизированные бригады. Принцип оплаты по труду был отброшен. В коммунах перешли к уравнительному распределению. Китайские руководители всерьез утверждали, что такие меры служат переходом к коммунизму. Даже был выдвигнут лозунг «Несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья». Но этот «казарменный коммунизм» ничего общего не имел с марксистско-ленинским учением.

Во время «большого скачка» советские специалисты, работавшие на предприятиях КНР, возражали против нарушения технических норм, не рекомендовали создавать так называемую мелкую металлургию. Советские руководители высказали сомнение относительно народных коммун. Коммунистическая партия Советского Союза решила задачу социалистического переустройства сельского хозяйства на путях ленинского кооперативного плана.

Вдохновители экспериментов не захотели принять во внимание эти соображения. Пекинские пропагандисты приклеивали советским людям ярлыки «консерваторов», «обывателей». Делались язвительные замечания по поводу того, будто СССР слишком долго задержался на этапе социалистического строительства, а Китай, дескать, чуть ли не одним рывком построят коммунизм.

Как и следовало ожидать, «большой скачок» нарушил работу многих предприятий и дезорганизовал производство. Образовалась громадная диспропорция: значительная часть заводов и фабрик была остановлена, другие оказались недогруженными. Коммуны в деревне привели к падению трудового энтузиазма, резкому сокращению производства. В 1958 г. планировалось собрать 360 млн. т продовольственных культур вместо 185 млн. т в 1957 г., а в 1959 г. — до 525 млн. т. Как сообщала печать, производилось же 185—190 млн. т.

Политика «скачка» и экономические трудности, бессмысленное растрачивание энергии народа и ресурсов страны обострили борьбу в КПК. На Лушаньском (VIII) пленуме ЦК КПК в августе 1959 г. группа видных руководителей (Пын Дэхуай, Чжан Вэньтянь и др.) выступила с открытой критикой курса «великого кормчего». Мао Цзэ-дуну и его сторонникам удалось дискредитировать критиков и устранить их, но ему тоже пришлось на время уйти в тень. На первой сессии ВСНП второго созыва председателем КНР был избран Лю Шаоци. Тем не менее в руководстве КПК не было единого мнения о дальнейших путях развития страны. Поэтому сохранялась почва для нового обострения разногласий. В начале 1961 г. IX пленум, вопреки «линии Мао Цзэдуна», принял новую экономическую политику, получившую название курса на регулирование. Но ликвидировать последствия «большого скачка» и «народных коммун» было нелегко. В 1962 г. Лю Шаоци подчеркивал, что экономика находится на грани краха, а ЦК КПК недооценил серьезность обстановки; трудности созданы на 70% людьми, и надо сделать выводы

из исторического урока, каким явились «три красных знамени»; потребуется не менее шести-семи лет, чтобы восстановить истощенные ресурсы.

Это был спор о путях и способах превращения Китая в могучую мировую державу и о темпах строительства социалистического общества. Многие высказывались за рациональные методы развития народного хозяйства с учетом опыта других социалистических стран. Группа, возглавляемая Мао Цзэдуном, настаивала на волюнтаристских методах форсирования темпов экономического строительства. Развитие событий после провала политики «большого скачка» привело к тому, что те, кто вместе с Мао выступал в 1959 г. против Пын Дэхуая, Чжан Вэньтяня, Хуан Кэчэна, постепенно стали расходиться с ним в определении путей и средств достижения великодержавных целей.

Со времени бланкизма, возникшего почти 100 лет назад, и вплоть до наших дней пролетариату, марксистам не раз приходилось иметь дело с сорняками «левого» оппортунизма. «Революционная фраза,— писал В. И. Ленин,— чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы»¹.

В переходный период от капиталистических и докапиталистических отношений к социализму в Китае стало все острее выявляться расхождение Мао Цзэдуна, мелкобуржуазного крыла в руководстве КПК с ранее припаятым основным курсом Коммунистической партии Китая, с международным коммунистическим движением. Это следствие не отдельных ошибок, а порочной философии и политической линии мелкобуржуазного авантюризма.

Еще в 1942 г. Мао Цзэдуна говорил: «Китай — страна с чрезвычайно многочисленной мелкой буржуазией, и наша партия находится в окружении этого огромного социального слоя. Да и очень многие члены нашей партии сами вышли из мелкобуржуазной среды, и каждый из них неизбежно притащил с собой в партию более или менее длинный мелкобуржуазный хвост»². Эта характеристика относилась и к самому Мао Цзэдуну; он и многие его сто-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 343.

² Мао Цзэдуна. Избр. произв., т. 4. М., 1953, стр. 96.

ронники «не варились в промышленном котле», почти три десятилетия вели работу среди крестьян, и крестьянская, мелкобуржуазная идеология возобладала над их поверхностным знанием марксизма-ленинизма.

Эта идеология предопределяет непоследовательность китайского руководства, шараханье из одной крайности в другую в практической деятельности. Особенно неожиданные повороты можно ожидать от носителей мелкобуржуазной идеологии тогда, когда те заболевают «революционной чесоткой». В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин указывал: «...мелкий собственник, мелкий хозяйчик... легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это — социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно»¹.

Мелкобуржуазная психология привела к «большому скачку». Пекинские руководители фактически перечеркивали сказанное К. Марксом и В. И. Лениным о путях строительства коммунистического общества. Они утверждали, что перейдут к коммунизму быстро, перепрыгнув через целый исторический этап социалистического строительства. И это в крайне отсталой стране, где уровень производства чрезвычайно низок, а техническая оснащенность хозяйства незначительна! Там не только не было изобилия продуктов, но строго регламентировалось снабжение населения товарами первой необходимости. Коммунистическое общество пытались создать несмотря на то, что люди морально и идейно не подготовлены к этому. Огромная масса населения продолжает испытывать влияние мелкобуржуазной идеологии, ибо в Китае существует значительная прослойка буржуазии, получающая немалые средства от государства.

Еще Ф. Энгельс писал: «...необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключаяющий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма...»². Мелкобуржуазная психология Мао Цзэдуна и его группы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 14—15.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 500.

определила усиливавшиеся националистические, великодержавные устремления Пекина.

В свое время КПК настоятельно указывала на опасность великодержавного шовинизма и необходимость борьбы с ним. В декабре 1956 г. в редакционной статье «Жэньминь жибао» отмечалось: «Нам, китайцам, надо особенно помнить, что в периоды династий Хань, Тан, Мин и Цин наша страна тоже была великой империей, хотя в течение примерно ста лет, со второй половины XIX в., наша страна, став объектом агрессии, была превращена в полуколонию; хотя наша страна в настоящее время все еще является отсталой в экономическом и культурном отношениях, но, когда изменятся условия, тенденция к великодержавному шовинизму, несомненно, станет серьезной опасностью, если всячески не предотвращать ее. Следует также указать, что в настоящее время такая опасность уже начала проявляться среди некоторых наших работников. Поэтому как в резолюции VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, так и в заявлении правительства Китайской Народной Республики от 1 ноября 1956 г. перед нашими работниками поставлена задача борьбы с тенденцией великодержавного шовинизма». Эта правильная установка была отброшена очень скоро.

В начале 60-х годов в КНР было опубликовано много статей, предназначенных обосновать территориальные претензии ко всем соседним государствам. Поскольку Китай еще слаб и не мог подкрепить свои захватнические устремления военной силой, упор был сделан на «моральные средства». Для начала Пекин попытался навязать мировой социалистической системе, международному коммунистическому и национально-освободительному движениям идеи Мао Цзэдуна, представляя их как вершину марксизма-ленинизма, как ключ к «революционной» перестройке мира.

В китайском учебнике философии, изданном в 1962 г., указывалось: идеи Мао Цзэдуна, которые «представляют собой новое развитие марксизма-ленинизма о революциях в колониальных и полуколониальных странах», являются «едиственной истиной собственного освобождения колониальных и полуколониальных народов», превращаются в «марксизм-ленинизм эпохи, когда империализм идет к упадку, а социализм идет к победе».

Мао и его сторонники следующим образом оправдывали свои авангардистские устремления: «Ветер с Востока дует над ветром с Запада». Зона будущих революцион-

ных бурь — Азия, Африка, Латинская Америка. В этих отсталых крестьянских районах революции станут развиваться по образцу китайской. Центр мировой революции передвинулся дальше на восток — в КНР. Пекин изображался в виде некоего подобия новой Мекки для всех «правовверных» последователей линии китайского руководства, а Мао Цзэдун — «вождем» мировых революционных сил.

Если судить по опубликованным в ходе «культурной революции» материалам, раздувание культа Мао вызывало возражение даже в руководстве КПК. Отвечая Линь Бяо, который сказал, что идеи Мао Цзэдуна — это вершина марксизма-ленинизма, Лю Шаоци отметил в конце 1961 г.: такое утверждение является антинаучным. Как заявляли позднее хунвэйбины, Лю Шаоци выступал против подмены марксизма-ленинизма «идеями Мао». Он подчеркивал необходимость овладения марксистско-ленинской теорией и изучения зарубежного опыта в деле революции и социалистическом строительстве.

«Большой скачок», таким образом, сопровождался поворотом во внешней политике. Мао и его группа поставили четыре ключевые задачи:

подчинить своей гегемонии страны социализма и мировое коммунистическое движение, сделать их инструментом расширения зоны китайского влияния;

навязать свой курс народам Азии и Африки и сколотить из них блок под эгидой КНР;

обострить международную напряженность, вызвать ряд локальных войн и, оставаясь в стороне от них, в конечном счете спровоцировать ракетно-ядерную войну между СССР и США;

не отказываться от сделок с империализмом, если того требуют националистические интересы Китая.

Однако не сразу националисты в китайском руководстве стали действовать напрямик. В течение еще нескольких лет они вели двуличную политику. Сотрудничество и саботаж, уверения в дружбе и подрывная работа, декларации об интернационалистской солидарности и раскольничья деятельность, заявления об уважении независимости, суверенитета государств и попытки вмешательства в их внутренние дела, в первую очередь в дела социалистических и соседних стран, — все это переплеталось в противоречивой, скачкообразной, авантюристической политике той группы, что брала верх в Пекине.

ПОПЫТКИ ПОДЧИНИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

В 1958—1959 гг. советско-китайские отношения продолжали развиваться. Происходил обмен визитами на высоком уровне, подписывались новые совместные коммюнике и соглашения. В то же время руководители КНР все упорнее требовали передать им новейшие виды оружия, в том числе образец атомной бомбы, усиливались их попытки навязать свою платформу и решения. В дальнейшем пажем стал настойчивее, чаще делались выпады против СССР и КПСС, правда сначала завуалированно.

Мао Цзэдун и его сторонники, не располагая материальными, моральными или политическими возможностями, пытались своей авантюристической политикой влиять в нужном им направлении на мировую ситуацию, особенно на взаимоотношения СССР и США. Искусственно создавая очаги напряженности, они хотели взять под свой контроль внешнеполитическую деятельность всего социалистического содружества. Расчет строился на предположении, что ресурсы социалистического содружества должны быть поставлены на службу правящей группировке в Китае, которая замышляла добиться гегемонии.

Отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой тогда внешне казались нормальными. Однако шли какие-то подспудные процессы, смысл которых еще трудно было разгадать. Китайские руководители становились более капризными. Они болезненно реагировали на некоторые инициативы СССР по вопросам сотрудничества, крикливо отклонили предложения о постройке в общих оборонных целях специальной радиостанции в КНР и предоставлении советским боевым кораблям права захода в ее порты; обижались, когда советская сторона не считала целесообразным или не была в состоянии пойти навстречу китайским властям, выдвигавшим явно нереальные идеи, например о постройке для КНР грандиозного флота атомных подводных лодок. Отрицательное отношение вызывали также предложения Советского правительства поручить делегациям двух стран обменяться мнениями и выработать приемлемые решения по возникшим проблемам. В связи с этим прибыл в Китай Председатель Совета Министров СССР. 31 июля — 3 августа 1958 г. в Пекине состоялась по инициативе советской стороны встреча Председателя Совета Министров СССР и председателя КНР.

В ходе переговоров китайским руководителям были разъяснены взгляды Советского правительства по этим вопросам. Мао Цзэдун заявил, что недоразумение устранено. Впоследствии пропаганда КНР утверждала, будто Советский Союз хотел поставить Китай под военный контроль.

Интересна такая деталь. Рассуждая о будущей войне на бортике бассейна, в котором купались участники беседы, Мао Цзэдун высказывал свое мнение о том, сколько дивизий могут выставить стороны в такой войне, и заключил: Китай и СССР будут иметь намного больше дивизий. Когда ему было сказано о необходимости учитывать характер ядерного оружия, Мао Цзэдун ответил, что он привык к партизанским сражениям, в которых винтовки и штыки, более чем пулеметы и бомбы, играли главную роль.

Во время этого визита состоялся обмен мнениями по ряду вопросов советско-китайских отношений и международного положения. 4 августа 1958 г. было опубликовано соответствующее коммюнике.

СССР и КНР сурово осудили агрессивные действия США и Англии в районе Ближнего и Среднего Востока. Они потребовали безотлагательно созвать совещание глав правительств великих держав для обсуждения положения в этой части земного шара, а также настаивали на немедленном выводе американских войск из Ливана и английских — из Иордании. Была достигнута полная договоренность относительно мероприятий против агрессии и для сохранения мира¹.

Участники встречи в Пекине констатировали единство взглядов и в оценке задач, стоящих перед коммунистическими партиями обеих стран. Они выразили решимость обеспечить дальнейшее всестороннее сотрудничество двух народов, еще больше укрепить единство социалистического лагеря, сплоченность со всеми миролюбивыми государствами и народами.

Делегация КПК приняла участие в XXI съезде КПСС. «Со времени Московских Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 году сплоченность социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, и сплоченность международного коммунистического движения, центром которого является Коммунистическая партия Советского Союза, значительно окрепли, — говорилось в приветствии ЦК КПК. — Это сказалось как в области защиты и развития марксизма-ленинизма, так и во

¹ См. «Правда», 4 августа 1958 г.

взаимной поддержке и воодушевлении в ходе борьбы, во взаимной учебе и обмене опытом. Социалистические страны и коммунистические партии всего мира добились немалых новых успехов в своей работе и борьбе. Несмотря на то, что империалисты и современные ревизионисты своими темными замыслами все еще стремятся подорвать интернациональную солидарность пролетариата, их замыслы, как и в прошлом, неизбежно потерпят позорный крах»¹. В своем выступлении на съезде Чжоу Эньлай отметил: «Советский Союз и Китай являются братскими социалистическими странами. Марксизм-ленинизм тесно сплачивает воедино обе наши страны и все социалистические государства. Народы наших двух стран являются самыми близкими соратниками, прошедшими через длительные испытания. У нас общая судьба, наши интересы едины. Тесная дружба народов наших двух стран вечна и нерушима»².

Осенью 1958 г., когда возникла опасность крупного столкновения в Тайваньском проливе, СССР, чтобы удержать американскую военщину от удара по КНР (вопрос о применении ядерного оружия рассматривался в Вашингтоне вполне серьезно), указал в послании президенту США, что Китай не одинок, у него есть верные друзья, в любой момент готовые прийти на помощь в случае агрессии. В КНР высоко оценили поддержку со стороны Советского Союза, его непоколебимую верность принципам пролетарского интернационализма и союзническому долгу. В письме от 15 октября 1958 г. Мао Цзэдун отмечал: «Мы глубоко тронуты вашей безграничной преданностью принципам марксизма-ленинизма и интернационализма. Я от имени всех товарищей — членов Коммунистической партии Китая выражаю вам сердечную благодарность... Мы полностью уверены в том, что в случае, если ход событий на Тайване дойдет до войны между Китаем и США, Советский Союз непременно будет всеми силами оказывать нам помощь. На деле в нашей борьбе с американцами мы сейчас получили уже мощную поддержку со стороны Советского Союза».

7 февраля 1959 г. Председатель Совета Министров СССР и премьер Государственного совета КНР подписали соглашение о дальнейшем расширении экономического и технического сотрудничества³. Советский Союз согласился

¹ «Приветствия коммунистических и рабочих партий внеочередному XXI съезду КПСС». М., 1959, стр. 12—13.

² Там же, стр. 11.

³ См. «Правда», 8 февраля 1959 г.

помочь в строительстве еще 78 крупных предприятий, в том числе 9 объектов черной металлургии общей мощностью по выпуску стали 21,3 млн. т в год, 11 предприятий цветной металлургии, 14 тепло- и гидроэлектростанций общей мощностью 5,9 млн. квт, 31 завода машиностроительной, радио- и электротехнической промышленности и приборостроения, 5 предприятий нефтяной промышленности, из них 4 нефтеперерабатывающих заводов общей мощностью по переработке 4 млн. т сырой нефти в год, 4 объектов химической промышленности и др.

Общая стоимость поставок советского оборудования, проектных работ и других видов технической помощи, предусматриваемых соглашением, превышала 1,2 млрд. руб. Оплата оборудования и технической помощи должна была производиться китайской стороной путем поставок товаров, имеющих важное народнохозяйственное значение для СССР¹.

С учетом этого соглашения Советский Союз взял на себя обязательства содействовать КНР в восстановлении, реконструкции, строительстве 420 промышленных предприятий, отдельных цехов и других объектов, в том числе 12 металлургических комбинатов с общей производительной мощностью 30 млн. т стали, 28 млн. т чугуна, 25 млн. т проката.

Главной формой экономических связей являлась торговля. Товарооборот между КНР и СССР, составлявший 1154 млн. руб. в 1957 г., в 1959 г. достиг 1849 млн. руб.² Это был наивысший уровень их торговли.

В июле 1959 г. в Пекине представители двух стран заключили консульский договор, в ноябре — соглашение о сотрудничестве между Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей и Обществом советско-китайской дружбы, с одной стороны, и Обществом китайско-советской дружбы — с другой.

Советский народ широко отмечал 10-летие Китайской Народной Республики. В СССР проводились торжественные собрания и вечера дружбы, на предприятиях, в колхозах, учреждениях устраивались лекции и доклады, посвященные народному Китаю. В приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР подчеркивалось: «Советские люди и впредь будут делать все необходимое для развития и углубления братской дружбы между народами наших стран, для даль-

¹ См. «Правда», 8 февраля 1959 г.

² Пересчитано по курсу рубля 1961 г.

нейшего укрепления и расцвета дружбы всех народов мировой социалистической системы»¹.

В торжествах в Пекине участвовала партийно-правительственная делегация СССР. Советская сторона предложила по-товарищески обсудить важнейшие вопросы отношений двух стран. Речь шла о том, чтобы осуществить меры по дальнейшему развитию и укреплению связей между СССР и КНР. Делегация была встречена Мао Цзэдуном и его сторонниками весьма холодно. В ходе бесед китайские руководители выражали недовольство поездкой главы Советского правительства в США, хотя в публичных заявлениях одобряли визит. Особенно рассердило их то, что СССР не поддержал КНР в пограничном конфликте с Индией. С советской стороны было сказано, что переговоры в США велись в соответствии с общей линией социалистических стран на разрядку международной напряженности и мирное сосуществование. В отношениях же с Индией, самой крупной развивающейся страной, нужно соблюдать такт и выдержку, чтобы закрепить ее на позициях неприсоединения, содействовать сближению освободившихся государств с социалистическим содружеством. Именно такими соображениями было продиктовано заявление ТАСС о китайско-индийском военном конфликте на границе в Гималаях².

Проводы делегации были еще более холодными.

Между тем СССР продолжал активно отстаивать права КНР на международной арене, добивался изгнания чап-кайшистов из ООН, разоблачал попытки создать ситуацию «двух Китаев», т. е. отторгнуть Тайвань от КНР.

Советское правительство выступило против обсуждения в ООН вопроса о положении в Тибете. Оно подчеркивало, что Тибет принадлежит КНР и никто не имеет права вмешиваться в ее внутренние дела.

СССР консультировался с правительствами братских стран, в том числе с китайским, перед тем как выдвинуть свои предложения по вопросам разоружения. И до 1960 г. правительство КНР активно поддерживало их.

Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей заявил 14 октября 1959 г., что полностью одобряет декларацию и конкретные предложения о всеобщем и полном разоружении, выдвинутые Советским правительством. Эти новые предложения отвечают настоящим чаяниям и коренным интересам народов всех

¹ «Правда», 29 сентября 1959 г.

² «Правда», 10 сентября 1959 г.

стран. В резолюции Постоянного комитета подчеркивалось, что претворение их в жизнь приведет к решительному изменению всей международной обстановки и тем самым создаст надежную гарантию мира на земле. Вместе с Советским Союзом, миролюбивыми странами и народами КНР будет и впредь всемерно бороться за всеобщее и полное разоружение.

21 января 1960 г. на расширенном заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей было обсуждено обращение Верховного Совета СССР к парламентам и правительствам всех государств по вопросу о разоружении от 15 января 1960 г. Постоянный комитет приветствовал и поддержал эту мирную инициативу Советского Союза. Постоянный комитет заявил, что Китай готов взять обязательства в вопросе о всеобщем разоружении. Однако международные соглашения о разоружении, в заключении которых КНР официально не участвовала и которые не подписали ее представители, не могут иметь обязательной силы для Китая¹.

Таким образом, наряду с демонстрацией желания сотрудничать с СССР китайские руководители предпринимали антисоветские действия. Начиная с 1960 г. маоисты стали вести в партии, а затем и среди населения работу, призванную искоренить чувства дружбы к СССР и подготовить условия для резкого поворота во внешней политике. Через закрытые бюллетени «Цанькао цзыляо» и «Цанькао сяоси» агентство Синьхуа распространяло по стране небывшие, сфабрикованные буржуазной прессой о СССР.

ЦК КПСС и Советское правительство, превыше всего ставя единство социалистического содружества и мирового коммунистического движения, пытались путем переговоров устранить недоразумения. 6 февраля 1960 г. ЦК КПСС сообщил ЦК КПК о своей готовности к товарищескому обсуждению неясных вопросов, ибо можно найти решение, соответствующее интересам общего великого дела. 5 апреля посол СССР в КНР передал приглашение партийно-правительственной делегации во главе с Мао Цзэдуном в 1960 г. посетить Советский Союз. Пекинское руководство не пожелало воспользоваться приглашением, чтобы стимулировать процесс улучшения советско-китайских отношений.

Интернациональный долг каждого коммуниста, каждого революционера — беречь и крепить единство социали-

¹ «Жэньминь жибао», 22. I. 1960.

стического содружества, ибо оно является величайшим завоеванием мировых революционных сил, главным оплотом прогресса и мира. Еще в тезисах В. И. Ленина ко II конгрессу Коминтерна и в резолюции указано, что в противовес мелкобуржуазному национализму, который интернационализмом объявляет признание равноправия наций, и только, сохраняя неприкосновенным национальный эгоизм, пролетарский интернационализм требует: во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала¹.

Мао и его окружение стали направлять усилия на то, чтобы расшатать единство братских стран, подорвать организационно-политические основы, которые сплачивают и объединяют народы социалистического содружества.

В апреле 1960 г. в КНР были опубликованы статьи, приуроченные к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина (позже их объединили в сборник «Да здравствует ленинизм!»): редакционные статьи в журнале «Хунци» «Да здравствует ленинизм!» и в «Жэньминь жибао» «Вперед, по пути, указанному великим Лениным», а также доклад Лу Дини на торжественном собрании, посвященном знаменательной дате.

В этих материалах и последующих выступлениях китайских деятелей излагались особые взгляды руководства КПК по важнейшим вопросам международного положения, стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий.

Маоисты отвергли тезис о том, что в центре современной эпохи стоят международный рабочий класс и его главное детище — мировая система социализма, а основным противоречием остается противоречие между двумя системами — капиталистической и социалистической. Они утверждали, будто основное противоречие — это противоречие между национально-освободительным движением и империализмом. Другими словами, главной силой, выступающей против капитализма и империализма, Мао и его сторонники считали не рабочий класс и его авангард — социа-

¹ См. «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 128.

листическую систему, а мелкобуржуазные массы в зоне Азии и Африки.

Китайская пропаганда отрицала и ту истину, что самой жгучей проблемой современности является проблема войны и мира. Она выражала скептицизм насчет возможности предотвратить мировую войну и оспаривала положение о том, что нет фатальной неизбежности ее. Пока, дескать, существует империализм, мировая война неминуема; мирное сосуществование стран с различными социальными системами — иллюзия и может рассматриваться как временное тактическое средство; борьба за мир мешает революционному движению народов, тогда как усиление международной напряженности благоприятствует борьбе за победу социализма. Напротив, подготовка к войне и даже при известных обстоятельствах развязывание ее с использованием всех средств должны ускорить мировой революционный процесс, уничтожение капиталистической системы и утверждение социализма в мире.

28 июня 1960 г. правительство КНР устами заместителя председателя Всекитайской федерации профсоюзов Лю Чаншэна впервые заявило: «В настоящее время некоторые считают, что предложения о всеобщем разоружении могут быть реализованы при условии существования империализма и что можно будет устранить опасность войны путем этих предложений. Это не соответствующая действительности иллюзия». По сути дела, заявление опровергло все ранее сказанное китайскими лидерами о разоружении и означало коренное изменение их точки зрения в данном вопросе.

В Советском Союзе задумывались над тем, что все это означает: временные заблуждения или новый внешнеполитический курс? До июня 1960 г. ЦК КПСС не поднимал вопроса о содержании статей в сборнике «Да здравствует ленинизм!», а также о некоторых выступлениях лидеров КПК. Советская печать воздерживалась от полемики. КПСС рассчитывала, что возникшие расхождения должны быть рассмотрены во время встреч руководящих деятелей обеих партий.

Китайские же руководители продолжали раскольническую деятельность. Совершенно неожиданно для братских партий на проходившей в Пекине (начало июня 1960 г.) сессии Генерального совета Всемирной федерации профсоюзов представители КНР выступили по ряду важных партийных вопросов. Они выдвинули положения, которые шли вразрез с марксистско-ленинской линией миро-

вого коммунистического движения. Перед открытием заседания Генсовета китайские делегаты созвали совещание коммунистов — участников сессии. Член ЦК КПК Лю Нини изложил взгляды пекинских деятелей по проблемам войны и мира, мирного сосуществования, а также открыто заявил о несогласии с линией КПСС. Руководящие деятели ВФП — А. Новелла, В. В. Гришин, Б. Фрашон и другие — дали решительный отпор. Тогда китайские лидеры 6 июня 1960 г. пригласили около 40 коммунистов — руководителей зарубежных профсоюзов на ужин, после чего устроили совещание. Открывая его, заместитель председателя ЦК КПК Лю Шаоци заявил, что между коммунистическими партиями имеются разные мнения по некоторым важнейшим теоретическим проблемам и руководство КНР считает нужным прямо сказать о них. Китайские делегаты намеревались выступить на сессии с докладами по ряду вопросов. Присутствовавшие на совещании коммунисты заявили о своем несогласии с такой критикой и такими методами руководителей КПК. Тогда китайские представители стали на открытых заседаниях и в комиссиях, где находилось много беспартийных профсоюзных деятелей, критиковать КПСС и братские партии. По существу, это была апелляция к международной непартийной организации, попытка вовлечь ее в борьбу против КПСС и других коммунистических партий.

21 июня 1960 г. ЦК КПСС направил братским партиям информационную записку, составленную в товарищеской форме. Это был ответ на нападки маоистов, выступивших с критикой в адрес КПСС и других партий. Проанализировав теоретические позиции китайских руководителей, ЦК КПСС показал их ошибочность и вредность.

Проявляя глубокую заботу о единстве социалистического содружества и мирового коммунистического движения, ЦК КПСС считал необходимым встретиться с руководителями КПК для принципиального обсуждения возникших вопросов.

В середине июня 1960 г. по пути в Бухарест на III съезд Румынской рабочей партии китайская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПК Пын Чжэнем была принята в ЦК КПСС. Во время откровенной беседы было сказано, что ЦК КПСС считает неправильными действия китайских представителей на заседаниях сессии Генерального совета ВФП, а также те взгляды, какие они пропагандировали среди ее участников. Представители КПСС сообщили также основные положения информационной за-

писки от 21 июня 1960 г. Китайские делегаты не согласились с изложенными соображениями и продолжали отстаивать ошибочную позицию ЦК КПК. Вместе с тем они заявили, что китайская сторона готова признать и исправить ошибки, если они будут доказаны.

На Бухарестском совещании 24—26 июня, где присутствовали посланцы 51 коммунистической и рабочей партий, позиция руководства КПК была единодушно осуждена. Почти все делегации говорили, что метод закулисных интриг против КПСС и других партий во время сессии Генсовета ВФП совершенно недопустим. Они подчеркнули необоснованность этих нападок. Обмен мнениями на совещании ясно показал расхождения руководства КПК по ряду важнейших вопросов не только с КПСС, но и со всем международным коммунистическим движением, а также его явный отход от основных принципов Декларации и Манифеста мира 1957 г.

Учитывая настроения представителей других партий, делегация КПК вынуждена была подписать «ради единства» коммюнике о Бухарестской встрече. В нем указывалось, что коммунистические и рабочие партии будут и впредь укреплять сплоченность стран мировой социалистической системы и как зеницу ока хранить единство в борьбе за мир и безопасность всех народов, за торжество великих идей марксизма-ленинизма. Было принято решение создать редакционную комиссию по подготовке международного Совещания коммунистических и рабочих партий, намеченного на осень 1960 г.¹

Несмотря на то что Бухарестское совещание осудило китайские пропагандистские материалы, в том числе сборник «Да здравствует ленинизм!», как антимарксистские, руководство КПК по-прежнему распространяло их за границей, за спиной коммунистических партий. В передовых статьях «Жэньминь жибао» за 29 июня и 13 августа 1960 г. позиция братских партий на Бухарестском совещании подвергалась открытым нападкам.

Представители КНР предприняли попытку пропагандировать свои раскольнические взгляды в СССР. В журнале «Дружба», издававшемся Обществом китайско-советской дружбы на русском языке и распространявшемся в нашей стране и среди советских специалистов в Китае, они стали публиковать статьи и материалы, где пропагандировали особые взгляды, противоречащие линии КПСС.

¹ См. «Правда», 28 июня 1960 г.

и других братских партий. Китайское посольство в Москве начало широко рассылать по нашей стране пропагандистскую литературу на русском языке.

В июле 1960 г. советское посольство в Пекине сообщило ЦК КПК о решении прекратить распространение в СССР журнала «Дружба» и выпуск для КНР журнала «Советско-китайская дружба». Печатавшиеся в журнале «Дружба» материалы шли вразрез с известными документами мирового коммунистического движения, а это противоречило не только основным принципам, на каких строятся межгосударственные и межпартийные отношения обеих стран, но и тем установкам, которые китайская сторона, приступая к изданию журнала, сама положила в основу его деятельности.

Китайские руководители стали на путь отрицания фактов и оправдания недружественных в отношении советских людей действий. В июле 1960 г. Министерство иностранных дел СССР после неоднократных устных представлений предложило посольству КНР в Москве прекратить распространение в нашей стране материалов, содержащих особые взгляды ЦК КПК, и отозвать сотрудника посольства, который ведал подрывной работой.

Серьезные изменения произошли и в освещении китайской печатью внешних и внутривополитических мероприятий СССР. Значительно сократилась информация о нашей стране (это было особенно заметно в период с июля по октябрь, т. е. до начала Совещания братских партий). Важнейшие выступления руководителей и ряд мер Советского правительства по смягчению международной напряженности не находили должного отклика ни со стороны официальных лиц, ни в прессе КНР. Сведена была до минимума пропаганда опыта партийного и государственного строительства СССР, идеологической работы КПСС, советской демократии, экономической и хозяйственной деятельности предприятий и колхозов. В КНР практически перестали говорить о бескорыстной советской помощи.

Новой атакой на позиции КПСС и других марксистско-ленинских партий явилось письмо ЦК КПК от 10 сентября 1960 г. Его представили в качестве ответа на информационную записку ЦК КПСС от 21 июня 1960 г. В высокомерном, оскорбительном тоне высказывались надуманные обвинения в адрес КПСС.

Руководство КПК стало распространять письмо среди коммунистических партий, желая посеять у коммунистов сомнение в правильности генеральной линии КПСС.

ЦК КПСС продолжал искать пути для ликвидации разногласий и упрочения единства международного коммунистического движения. В сентябре 1960 г. ЦК КПК наконец принял предложение о переговорах и направил в Москву делегацию. Его представители постарались, нагромождая всевозможные обвинения в адрес ЦК КПСС, уйти от обсуждения главных спорных проблем современности, стратегии и тактики революционной борьбы. По вине китайской стороны встреча оказалась безрезультатной.

Новая попытка урегулировать отношения с КПК была сделана в октябре, когда работала комиссия по подготовке проекта документа для ноябрьского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. И опять руководство КПК не проявило желания пойти навстречу инициативе ЦК КПСС.

5 ноября 1960 г., накануне международного Совещания, ЦК КПСС обратился к китайскому руководству с письмом. Это был ответ на письмо ЦК КПК от 10 сентября 1960 г. В письме ЦК КПСС показана несостоятельность теоретических позиций маоистов, недружественный характер их политики в отношении СССР. Центральный Комитет КПСС указывал ту принципиальную основу, на какой можно преодолеть разногласия. Было бы серьезной ошибкой, чреватой тяжелыми последствиями для всего коммунистического движения, говорилось в письме, ждать «приговора истории», которая, мол, рассудит, кто прав, а до той поры КПК, с одной стороны, и огромному большинству братских партий — с другой, оставаться при своем мнении. Коммунисты не имеют права возлагать решение спора по важнейшим вопросам теории и политики, стратегии и тактики коммунистического движения на историю. Их задача — помогать народам творить историю, направлять историческое развитие по пути к коммунизму. Наш долг перед трудящимися всего мира — добиться быстрее и окончательного преодоления разногласий на принципиальной основе марксизма-ленинизма.

Письмо ЦК КПСС было разослано братским партиям и сыграло важную роль в подготовке международного Совещания коммунистических и рабочих партий и выработке марксистско-ленинских позиций по коренным проблемам современности.

Дискуссию Совещанию навязала сама делегация КПК. В первом же выступлении китайский представитель, по сути дела полностью перечеркнув то, о чем договорились делегации братских партий в редакционной комиссии,

вновь поднял те вопросы, по которым у руководителей КПК имелись разногласия с мировым коммунистическим движением. Ревизуя Декларацию 1957 г., делегат КПК, частности, выразил несогласие с ее тезисом о том, что международный рабочий класс и мировая система социализма играют решающую роль в мировом революционном процессе.

Выступления китайской делегации на Совещании были направлены на подрыв самих основ генеральной линии международного коммунистического движения, против принципов марксизма-ленинизма. Ей пришлось выслушать критику со стороны многих партий по поводу позиции относительно вопроса о войне и мире, термина «бумажный тигр» применительно к ядерной бомбе, концепции «ветер с Востока довлеет над ветром с Запада», попыток навязать другим партиям практику «большого скачка» и коммун, фракционной деятельности. Руководство КПК было вынуждено отступить и подписать общее заявление, хотя многие положения были направлены против его ошибочных позиций. Это, безусловно, результат принципиальной и гибкой линии марксистско-ленинских партий.

После совещания делегация КПК во главе с Лю Шаоци осталась с официальным визитом в СССР. Ей был устроен дружеский прием. В беседах советские руководители подчеркивали неизменность курса ЦК КПСС и правительства СССР на сплоченность с КПК и КНР, на всемерное укрепление и развитие советско-китайских межпартийных и межгосударственных отношений. Члены китайской делегации выступили с речами, в которых отмечали успехи СССР, подчеркивали важность укрепления сотрудничества двух государств.

Наша страна стремилась развивать контакты с КНР по различным линиям и на разных уровнях. Было дано согласие на визит в Китай Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева (визит не состоялся не по вине советской стороны). Руководящим деятелям КПК направлялись приглашения приехать для отдыха, лечения и ознакомления со страной.

Об искреннем желании укреплять отношения с Коммунистической партией Китая свидетельствует и такой факт: ЦК КПСС задолго до созыва XXII съезда и до опубликования в советской печати направил ЦК КПК проект новой Программы КПСС для ознакомления и пригласил делегацию КПК на съезд. Китайские лидеры не высказали за-

чаний по проекту Программы КПСС, но позже обрушился на нее с клеветой.

На XXII съезде КПСС глава китайской делегации допустил недружественные высказывания в адрес КПСС, призвал делегатов и гостей следовать взглядам руководства КПК. По возвращении в Пекин делегации устроили помпезную встречу с участием Мао Цзэдуна. Это должно было показать, что руководители КПК намерены продолжать и усиливать борьбу против КПСС и других братских партий, отвергающих их ошибочные взгляды и националистические претензии. В дни работы XXII съезда КПСС и сразу же после него маоисты развернули в Китае и за рубежом широкую антисоветскую кампанию.

22 февраля 1962 г. Центральный Комитет нашей партии направил ЦК КПК письмо. Он высказал свою озабоченность по поводу того, как складываются отношения между двумя партиями, и отметил ущерб, который нанесло существование и углубление расхождений. Коренные интересы дела социализма и коммунизма, говорилось в письме, требуют, чтобы партии поднялись выше имеющихся разногласий и, как прежде, проводили в принципиальных вопросах согласованную линию. ЦК КПСС призвал проявить добрую волю и прекратить ненужные споры, отказаться от публичных заявлений, способных лишь усугублять расхождения, и не переносить разногласия в область сотрудничества социалистических стран. Советская сторона подтверждала ранее сделанные предложения относительно развития связей между двумя государствами по всем основным линиям и выражала готовность по-товарищески устранять возникающие разногласия, не накапливая и не увеличивая их. Подчеркивалось, что единство двух партий имеет важнейшее значение для коммунистического движения в целом.

Ответ ЦК КПК последовал 7 апреля 1962 г. Предложения ЦК КПСС не были приняты. Уцепившись за «албанский вопрос», китайское руководство попыталось тенденциозно раздуть тезис о «культе ведущей партии». Вместе с тем искусственно преувеличивая значение частных вопросов, оно хотело увести коммунистическое движение в сторону от крупных международных проблем, по которым очевидной была непопулярность позиций КПК.

31 мая 1962 г. ЦК КПСС адресовал ЦК КПК еще одно письмо. Снова подчеркивалась особая необходимость крепить единый фронт борьбы против империализма. ЦК КПСС выдвинул предложение относительно совместного

отпора наиболее злостным выпадам враждебной пропаганды. Это показало бы, что попытки найти щель в советско-китайской дружбе обречены на провал. Поднимался вопрос об улучшении обмена внешнеполитической информацией, согласовании мероприятий братских партий на мировой арене.

Инициатива ЦК КПСС поставила китайских руководителей перед выбором: либо пойти на улучшение отношений, либо остаться на старых позициях. Однако они не пожелаали избрать правильный путь и усилили борьбу против КПСС.

Новая политическая линия Пекина отразилась и на экономических связях с социалистическими странами. В феврале — июне 1961 г. на переговорах по экономическому и научно-техническому сотрудничеству (закончились подписанием соглашения от 19 июня) китайские представители отказались, вопреки интересам своего народа, от дальнейшей помощи Советского Союза в строительстве 89 объектов. Они оговаривали помощь для 66 объектов, которые были чрезвычайно важны для развития гражданской и особенно оборонной промышленности страны.

Делегация КНР пыталась объяснить сокращение экономического сотрудничества с СССР такими причинами: «Во-первых, благодаря помощи Советского Союза в Китае созданы предварительные основы современной промышленности и техники, поэтому в дальнейшем строительство и проектирование большинства объектов будет вестись собственными силами, хотим облегчить усилия СССР в отношении помощи Китаю. Однако и впредь нам будет необходимо обращаться за помощью к СССР по тем объектам, которые мы не сможем проектировать, строить и оборудовать сами.

Во-вторых, ЦК КПК и китайское правительство признали необходимым сконцентрировать силы на строительстве важнейших объектов, сократив общее число объектов капитального строительства и объектов, не являющихся срочными, с тем чтобы успешнее осуществить принцип строительства социализма в КНР: «Лучше, больше, быстрее и экономнее». Масштабы строительства в стране и впредь будут большими, а темпы высокими.

В-третьих, в результате имевших место за последние два года стихийных бедствий в сельском хозяйстве возникли определенные трудности в отношении платежного баланса, поэтому, сократив число объектов, строящихся с по-

мощью Советского Союза, мы надеемся создать условия для более благоприятного сотрудничества между нашими странами» (из заявления руководителя правительственной делегации КНР Гу Чжосиня во время советско-китайских переговоров 10 февраля 1961 г.).

Через два месяца, 15 августа, правительство КНР заявило о новом сокращении ввоза оборудования из СССР, по-прежнему мотивируя это «трудностями» в своей стране. Советское правительство и на сей раз с должным вниманием отнеслось к пожеланию и отсрочило поставку комплектного оборудования. Между тем большая его часть (на многие десятки миллионов рублей) находилась в стадии изготовления или была заказана в третьих странах.

В начале декабря 1961 г. китайская сторона заявила о полном отказе от импорта советского комплектного оборудования в 1962—1963 гг. Таким образом, менее чем за полгода правительство КНР в одностороннем порядке трижды меняло условия действовавших соглашений и контрактов, не считаясь с материальным ущербом, который наносило советским промышленным предприятиям, выполнявшим китайские заказы.

Главным мотивом таких действий явились политические соображения, вытекавшие из общей линии лидеров КПК на обострение отношений с СССР.

Под флагом борьбы со «слепой верой в иностранные авторитеты» китайские власти предложили руководителям предприятий и строкам игнорировать технические рекомендации наших специалистов. Нередко это приводило к тяжелым последствиям и даже человеческим жертвам.

За советскими специалистами установили слежку. Одновременно их пытались подвергнуть идеологической обработке, чтобы настроить против КПСС и Советского правительства. 19 мая 1960 г. начальник канцелярии научно-исследовательского института электропромышленности в Гуанчжоу призывал советских специалистов обсудить вопросы, затронутые в сборнике «Да здравствует ленинизм!», и высказать свое мнение. Заместитель начальника генштаба Ян Чэну и начальник управления пропаганды НОАК Фу Чжунь использовали совещание группы советских военных специалистов для обоснования собственных взглядов по вопросам войны и мира, противоречивших марксистско-ленинской точке зрения.

Таким образом, для наших специалистов были созданы невыносимые условия. Правительству СССР не оставалось ничего иного, как удовлетворить их настоячивые требова-

ния о немедленном отзыве. Они выехали из КНР в июле 1960 г.

Пекинское руководство формально высказало протест, а на деле ничего не сделало для урегулирования проблемы. Об этом свидетельствовал хотя бы такой факт. Ответ на советскую ноту об отзыве специалистов был получен через две недели после того, как МИД КНР был информирован о начале их отъезда. Китайские власти стремились ввести в заблуждение общественное мнение внутри страны и за рубежом, выставить себя в качестве «невинно пострадавшей» стороны. Они обвиняли СССР в том, будто отзыв специалистов нанес ущерб социалистическому строительству в КНР и народ из-за этого переживает экономические трудности.

Такие измышления смехотворны. Как известно, наибольшие трудности имеются в сельском хозяйстве КНР, где не было ни одного нашего специалиста. Что касается промышленности, то причина застоя — в отходе китайских руководителей от нормальных принципов социалистического хозяйствования, в опасных экспериментах и экономической неграмотности. Отъезд специалистов, конечно, не мог не сказаться на социалистическом строительстве в КНР. Но ответственность за это целиком ложится на правительство Китая.

Несостоятельны были и попытки объяснить незавершение ряда объектов отъездом советских специалистов. В Китае действительно были законсервированы важные промышленные стройки. Это было связано с так называемым курсом «сельское хозяйство — основа», когда главные средства и силы были переключены в данную отрасль. На необходимость «дальнейшего сокращения фронта капитального строительства», в частности, указывал Чжоу Эньлай на III сессии ВСНП второго созыва.

Уместно напомнить, что Советский Союз неоднократно выражал готовность вновь направить специалистов. В ноябре 1960 г. правительство СССР заявило: если в КНР будут созданы нормальные условия, то они возвратятся. Об этом же было сказано Чжоу Эньлаю во время XXII съезда КПСС. Впоследствии дважды официально сообщалось, что если китайское правительство нуждается в помощи наших специалистов, то СССР согласен вести переговоры. Но вопрос о советских специалистах нужен был Пекину для политических спекуляций.

Несмотря на враждебные действия китайского руководства, СССР выполнял свои обязательства и продолжал

строить в КНР 80 промышленных предприятий. В Советской стране по-прежнему проходили производственную практику и обучались инженерно-технические работники, ученые и студенты из КНР. Когда в 1960—1961 гг. Китай испытывал особенно острую нехватку продовольствия, Советское правительство предложило взаимнообразно 1 млн. т зерна и 500 тыс. т сахара. Тогда же была предоставлена рассрочка на пять лет в погашении 288 млн. руб. задолженности по торговым расчетам.

В общей сложности Советский Союз предоставил КНР на льготных условиях кредиты на 1816 млн. руб.¹ и оказал техническую помощь в сооружении свыше 250 крупных современных промышленных предприятий и других объектов; кредиты давались на чрезвычайно льготных условиях — 1—2% годовых. Построенные при содействии СССР предприятия могли производить 8,7 млн. т чугуна, 8,2 млн. т стали. На их долю приходилось 70% производства олова, 100% — синтетического каучука, 25—30% — электроэнергии, 80% — грузовых автомобилей и тракторов. С помощью СССР за короткий срок были созданы авиационная, автомобильная, тракторная, радиоэлектронная и другие современные отрасли промышленности. В 1950—1960 гг. в КНР было командировано более 10 тыс. советских специалистов, а в СССР получили высшее образование более 11 тыс. китайских юношей и девушек; свыше 10 тыс. инженеров, техников, рабочих прошли практику на советских предприятиях. СССР безвозмездно передал более 24 тыс. комплектов научно-технической документации, включая проекты 1900 крупных предприятий.

Теперь же экономические, научно-технические и культурные связи быстро свертывались.

Руководители КНР отвергли или оставили без внимания советские предложения о расширении товарообмена и оказании Китаю помощи в сооружении промышленных и других народнохозяйственных объектов, о совместном использовании водных ресурсов Амура, Аргуни, Уссури, озера Ханка, о водохозяйственном строительстве в пограничных районах и т. п. Они игнорировали обращение заключить новые соглашения об обмене студентами и аспирантами, о сотрудничестве в области радио и телевидения.

Торговый обмен сократился в 1962 г. более чем на 60% по сравнению с 1959 г. Китайская сторона резко умень-

¹ По курсу рубля 1961 г.

шила вывоз в СССР олова, ртути, вольфрамового и молибденового концентратов. Экспорт этого сырья в империалистические страны значительно вырос.

Объем культурного сотрудничества в 1961 г. упал до самого низкого уровня за все годы существования КНР. По числу мероприятий план на 1961 г. был почти на 30% меньше, чем в 1960 г., а после снятия (по предложению китайской стороны) ряда пунктов в ходе его исполнения сократился еще почти на 10%.

В 1961 г. отделения Общества китайско-советской дружбы в провинциях и крупных городах фактически прекратили работу; ее свели к эпизодическим мероприятиям по случаю национальных праздников и юбилейных дат. Хотя целью ОКСД должно быть ознакомление китайского народа с жизнью Советского Союза, оно следовало линии руководства КПК и в конце 1961 г. выступило с предложением о дальнейшем свертывании сотрудничества.

Курс Пекина на ухудшение отношений с СССР дал себя знать и в пограничных инцидентах.

Вплоть до 1960 г. не возникало никаких вопросов о границе. Напротив, СССР и КНР сотрудничали: совместно произвели комплексное обследование бассейна Амура, взаимно оказывали помощь при тушении лесных пожаров, проводили согласованные мероприятия в области судоходства и рыболовства, использования пастбищ, перегона скота и т. п.

Советско-китайская граница на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, как она существует теперь, сложилась много поколений тому назад и пролегает по естественным рубежам, разделяющим территории двух стран. Граница юридически была оформлена договорными документами. Подлинники документов имеются как у СССР, так и у КНР.

Положения по территориальным вопросам, зафиксированные в этих договорах, а также в протоколах, картах и описаниях, полностью сохраняют и поныне свою силу. Советское правительство стоит на позиции строгого и неуклонного их выполнения сторонами. Когда КНР придерживается аналогичной позиции, то почвы для трений и конфликтов на советско-китайской границе не имеется.

После победы Великого Октября Республика Советов торжественно заявила о своем отказе от неравноправных и тайных договоров с Китаем, от сфер влияния царской России, от права экстерриториальности и консульской

юрисдикции; она передала на нужды просвещения в Китае русскую долю контрибуции, навязанной империалистическими государствами после подавления так называемого «боксерского» восстания, ликвидировала бывшие русские концессии, возвратила полосу отчуждения КВЖД. Отмена указанных договоров была юридически оформлена соглашением об общих принципах для урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китаем от 31 мая 1924 г. Это соглашение не относилось к русско-китайским договорам, определяющим государственную границу, к числу неравноправных или тайных.

В конце июня 1960 г., когда руководство КПК выступило против ленинского курса КПСС и других братских партий, произошел инцидент на западном участке китайско-советской границы, в районе к северу от перевала Буз-Айгыр. Китайские скотоводы перешли государственную границу и вторглись на советскую территорию. Несмотря на требования наших пограничников, они отказались уйти и продолжали пасти скот, пока не выпал снег. На вопрос советских пограничников, почему же теперь, когда нечем кормить животных, китайские скотоводы не уходят домой, старший среди них, председатель народной коммуны, признался: переход совершили по приказу властей и боятся без их разрешения возвращаться обратно. Инцидент был урегулирован благодаря дружественной и терпеливой позиции правительства СССР.

Министерство иностранных дел КНР, стремясь оправдать нарушителей границы, заявило о необходимости консультаций для решения спорных вопросов. Оно утверждало, будто некоторые участки границы «не установлены», а «установленная часть тоже не была заново обследована китайской и советской сторонами после образования КНР». В советской ноте, врученной МИД КНР 29 октября 1960 г., говорилось: правительство СССР не возражает против дружественных консультаций через дипломатические каналы, если КНР настаивает, но оно не считает спорным вопрос о принадлежности СССР района к северу от перевала Буз-Айгыр.

С июня 1962 г. китайские власти начали систематические провокации на советско-китайской границе. Явочным порядком осваивались отдельные советские участки и острова. В различных местах границу массами переходили китайские граждане и военнослужащие. На требования советских пограничников вернуться на свою территорию нарушители отвечали оскорблениями. На чужой земле они

пытались возводить постройки, косить траву, рыть каналы, ловить рыбу, заготавливать топливо.

Эти провокационные действия были инспирированы властями КНР. 26 октября 1962 г. народный комитет провинции Хэйлунцзян направил пограничным постам, уездным и городским народным комитетам закрытую директиву о том, что рыбаки должны вести лов на принадлежащих СССР водных участках. Когда советские пограничники будут показывать географические карты, не признавать их. Власти КНР ни в коем случае не должны снимать рыбаков с островов на реках Амур и Уссури. Если советская сторона примет меры к их выдворению, то китайские представители должны заявить, что она вносит разлад в дружбу с КНР и действует противозаконно.

Для обострения отношений с СССР руководство КПК пыталось использовать события, происшедшие в Синьцзяне. Весной 1962 г. в СССР перешли многие из проживавших там советских граждан, а также выходцы из России, главным образом казахи и уйгуры. Они не выдержали тяжелых условий жизни, национальной дискриминации и преследований со стороны китайских властей.

Как свидетельствуют факты, руководители КНР знали истинные причины массового бегства. Видимо, решив, что применение силы скомпрометирует их, они избрали иную тактику. Власти в Кульдже и Чугучаке говорили гражданам, требовавшим разрешения на выезд в СССР, что те могут обойтись без виз, т. е. самовольно перейти границу. Даже были организованы продажа билетов на автотранспорт до приграничных пунктов и доставка багажа на почтовых машинах. В конце мая 1962 г. только из Кульджи ежедневно отправлялось 10—12 грузовиков по 40—50 человек в каждом. В нескольких километрах от границы пассажиров высаживали, и те пешком продолжали путь. Одновременно китайские руководители наставляли, чтобы советские власти прибегли к насилию в отношении лиц, переходивших границу. Расчет строился так: толпы стариков, женщин и детей будут встречены штыками и пулями и возвращены в КНР, а это посеет в сердцах простых людей ненависть к СССР.

Еще в апреле 1962 г., когда первая группа появилась на нашей территории и стало известно о намерении многих жителей Синьцзяна последовать ее примеру, Советское правительство предложило КНР принять необходимые меры и направить представителей для переговоров с беженцами. Китайские же власти требовали от СССР применить силу.

На это советская сторона, разумеется, не пошла. Тогда китайские власти начали обвинять ее в «подрывной деятельности в пограничных районах Китая», «подстрекательстве национальных меньшинств к отделению от Китая».

Последовала серия провокационных действий в отношении работников консульств СССР в Синьцзяне, включая задержание и обыск наших дипломатов. Были запрещены общества местных советских граждан, их руководители арестованы по ложным обвинениям в «антиправительственной деятельности» и нарушении законов. В Синьцзяне усилилась антисоветская пропаганда. В таких условиях правительство СССР было вынуждено принять решение закрыть генеральное консульство в Урумчи и консульство в Кульдже. Вслед за тем по настоянию китайской стороны было ликвидировано отделение торгпредства СССР в Урумчи.

В сентябре 1962 г. власти в Харбине опечатали помещения и объекты, принадлежавшие обществу местных советских граждан. Членов его правления и сотрудников как в самом городе, так и на периферии арестовали. Их подвергли оскорбительным допросам с применением физического воздействия, два человека умерли в заключении. Одновременно китайская охрана блокировала генеральное консульство СССР в Харбине, доступ туда местным советским гражданам был закрыт. Как и следовало ожидать, попытки маоистов создать в Харбине нужную им ситуацию и «доказать» тезис о «подрывной деятельности» советских представительств оказались безрезультатными. Их обещания предъявить «факты», подтверждающие голословные обвинения, так и остались невыполненными. В связи со сложившейся обстановкой Советское правительство осенью 1962 г. закрыло консульства и отделения торгпредства СССР в Китае.

Спустя некоторое время правительству КНР пришлось обратиться к СССР с просьбой ввести упрощенный порядок въезда в нашу страну. В течение нескольких месяцев Синьцзян покинули более 46 тыс. жителей. В конечном итоге Советское правительство сочло необходимым предложить властям КНР восстановить обычный визовый порядок, ибо поток репатриантов не прекращался и надо было позаботиться об их размещении и трудоустройстве.

Советские государственные органы вели разъяснительную работу среди лиц, самовольно перешедших границу, и убеждали вернуться в Китай. Несколько сот человек

пзъявили такое желание. Их отъезд мог положить начало для постепенного возвращения части беженцев. Однако китайские власти отказались принять их; они хотели использовать вопрос о беженцах в борьбе против Советского Союза.

Отношения КНР с СССР продолжали ухудшаться. «Нас радует возникновение этих разногласий», — заявил 14 января 1962 г. бывший президент США Эйзенхауэр. В инструкции своим послам Белый дом указывал: «Хотя Соединенные Штаты ничего не могут сделать, чтобы углубить этот раскол, мы должны по крайней мере избегать шагов, которые могли бы содействовать его устранению».

* * *

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун, выступая в Московском университете, сказал: все, дескать, имеет свою голову, и СССР является главой социалистического лагеря, а КПСС — главой мирового коммунистического движения.

Теперь Мао Цзэдун и его группа бросили клич: бей по голове, а остальное само развалится. Что касается других социалистических стран, то во взаимоотношениях с ними предусматривался дифференцированный подход. Сотрудничество продолжалось как бы по инерции, но руководители КНР вносили в отношения с каждой страной новые элементы, стремясь навязать свои позиции.

Китайское правительство, продолжая еще по некоторым вопросам выступать вместе с другими социалистическими странами, солидаризировалось с советским предложением, касавшимся Западного Берлина. 21 декабря 1958 г. правительство КНР заявило: «Это предложение является важным и крупным мероприятием Советского правительства, содействующим мирному урегулированию германского вопроса и ослаблению напряженности в Европе и во всем мире»¹.

КНР откликнулась на советское предложение от 10 января 1959 г. о созыве конференции для рассмотрения и заключения германского мирного договора. Она указала, что Китай, участвовавший в войне против гитлеровского фашизма, считает своим долгом содействовать его заключению в интересах быстрее урегулирования германских дел. КНР выразила согласие с советским проектом мирного договора².

¹ «Жэньминь жибао», 22. XII. 1958.

² «Жэньминь жибао», 22. I. 1959.

В совместном заявлении, подписанном министром иностранных дел КНР Чэнь И и Председателем Совета Министров ГДР Отто Гротеволем в Пекине 27 января 1959 г., правительства КНР и ГДР отметили, что заключение мирного договора имело бы чрезвычайно важное значение для обеспечения безопасности народов. Он явился бы эффективным средством перевести развитие ФРГ на мирные рельсы. Обе стороны приветствовали предложение Советского правительства о заключении мирного договора и немедленном созыве мирной конференции, выдвинутое 10 января 1959 г.¹

Китайское правительство подчеркнуло, что будет рассматривать любое нападение на ГДР как нападение на социалистический лагерь в целом и всеми средствами поддержит ее в отражении агрессии².

С некоторыми социалистическими странами КНР заключила важные договоры. 6 мая 1959 г. в Пекине был подписан с ВНР договор о дружбе и сотрудничестве, аналогичный договорам с ЧССР и ГДР. 31 мая 1960 г. КНР оформила договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с МНР, 11 июля 1961 г. — с КНДР.

В то же время китайские руководители, воспользовавшись обстановкой в Албании, начали подогрывать и культивировать антисоветские настроения в ее руководстве. Уже в июне 1960 г. они склоняли его выступить против СССР. Подстрекательством китайские представители занимались и во время международного Совещания 1960 г. Они, отметили многие делегаты, хотели спровоцировать албанское руководство на развертывание антисоветской деятельности.

В 1962 г. в печати КНР появились статьи с выпадами против ряда социалистических стран. В «Жэньминь жибао» после XII съезда Коммунистической партии Чехословакии была помещена статья под лицемерным заголовком «Вспоминая завещание Фучика». Прикрываясь звонкими псевдореволюционными лозунгами, автор протаскивал идею подталкивания революции с помощью мировой войны. Он поучал: «На агрессию, гнет, угрозы, обман и другого рода преступные действия империалистов у революционеров есть четкий и ясный ответ: «Лучше разбитый нефрит, чем целая черепица!»»

Китайское руководство с целью нажима на социалистические страны аннулировало ряд контрактов, свернуло

¹ «Жэньминь жибао», 28. I. 1959.

² Там же.

экономические связи. Объем торговли КНР с европейскими социалистическими странами уменьшился в 1962 г. на 60 % по сравнению с 1959 г.

КНР отказалась от значительного количества промышленного оборудования, изготовленного по ее заказам, и тем самым вызвала некоторые экономические трудности в ЧССР. В 1961 г. китайские организации не приняли заказанные ими в ПНР 4 судна (поставлялись в кредит на льготных условиях), но приобрели не менее 10 судов такого же типа в капиталистических странах.

Крупной вехой в отношениях между КНР и МНР было заключение в декабре 1962 г. договора о границе и последующая ее демаркация.

Сначала лидеры КНР сами предлагали помощь для развития экономики МНР. Затем начались затяжки с выполнением взятых обязательств, приостановилось строительство ряда промышленных и хозяйственных объектов. Китайские рабочие, приглашенные в свое время правительством МНР, устраивали забастовки, прибегали к угрозам и саботажу, вели себя так, словно находились в завоеванной стране.

Одновременно Мао Цзэдун и его группировка старались спровоцировать трения и разногласия среди братских стран. Для этого усиленно пропагандировалась теория «опоры на собственные силы».

Как известно, для скорейшего прогресса социалистического содружества нужно, чтобы максимально использовались внутренние ресурсы всех его членов. Но это осуществимо только при условии, если каждая страна будет опираться на преимущества социализма как мировой системы. Государства, вступившие на путь социализма после второй мировой войны, провели индустриализацию при поддержке братских стран. Такая взаимопомощь способствует выравниванию уровней развития их народного хозяйства. Нельзя игнорировать и задач экономического соревнования с капиталистическими государствами. Выиграть его можно в том случае, если налажено широкое и глубокое производственное сотрудничество, которое позволяет быстрыми темпами внедрить новейшую технику, быть на уровне мирового научно-технического прогресса.

Группа Мао изображала социалистическое разделение труда как «навязывание воли одной страны другим, ущемление независимости и суверенитета», как «перенесение практики, существующей во взаимоотношениях между

капиталистическими странами». Нелепость подобных утверждений очевидна: каждая страна добровольно принимает решение об участии в специализации и кооперировании производства.

Теорию «опоры на собственные силы» китайские руководители поставили на службу своей политической борьбе. Они преследовали далеко идущие цели: развести страны по национальным квартирам и тем самым развалить социалистическое содружество.

Политика Пекина в отношении социалистических стран становилась все более провокационной.

КУРС НА ГЕГЕМОНИЮ НАД НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

В 1958—1962 гг. китайское руководство постепенно начало проводить гегемонистскую политику в отношении развивающихся стран.

Одной стороной такой политики был нажим на Индию, другой — заигрывание с некоторыми государствами, стремление втереться к ним в доверие, убедить в «бескорыстной» дружбе и общности интересов, вовлечь в свою орбиту. Правда, в тот период у китайского руководства еще не было развернутой теоретической платформы по вопросам национально-освободительного движения.

18 сентября 1958 г. Индия сделала представление по поводу строительства Китаем шоссейной дороги в Аксайчине без согласования с ней. Правительство КНР ответило, что дорога проходит по территории Китая. Между правительствами двух стран началась интенсивная переписка.

В 1959 г. китайско-индийские отношения крайне обострились. 25—26 августа произошло столкновение воинских частей в районе Лангджу и 20—21 октября — на западном участке в районе перевала Конгка.

Конфликт в Гималаях находился в остром противоречии с общей линией мирового коммунистического движения на укрепление нейтралитета молодых государств, включение их в объединенный фронт борьбы против империализма и войны, за социальный прогресс и мир. Он вызвал заметный крен в политике Индии в сторону сближения с империалистическими державами. Правые силы ухватились за случай, чтобы усилить репрессии против

Коммунистической партии Индии. Правящие круги ряда западных стран воспользовались конфликтом, чтобы попытаться опорочить идею мирного сосуществования, еще больше испортить китайско-индийские отношения, сбить Индию с позиций неприсоединения.

Советское правительство стремилось помочь уладить конфликт. В заявлении ТАСС от 8 сентября 1959 г. оно указало на ущерб, который наносится отношениям между Китаем и Индией, и призвало урегулировать спор в духе традиционной дружбы¹.

8 сентября 1959 г. премьер Государственного совета КНР направил премьер-министру Индии послание, где изложил позицию своего правительства относительно границы на Гималаях. Китай раньше не признавал и теперь не признает так называемой линии Макмагона.

Премьер-министр Индии в письме от 9 сентября указал, что так называемая линия Макмагона представляет собой границу, а обсудить следует уточнения в тех местах, где она отходит от географических ориентиров².

В письме на имя Дж. Неру от 7 ноября премьер Госсовета КНР предложил отвести воинские части обеих сторон на 20 км от линии фактического разграничения и в ближайшее время устроить встречу глав правительств для рассмотрения вопроса о границе и других проблем взаимных отношений. 16 ноября премьер-министр Индии ответил, что трудно создать новую линию аванпостов в тылу в 10 или 20 км от границы. Он предложил вывести китайские войска из Лапгджу, который, по мнению индийской стороны, находится к югу от линии Макмагона. В районе Ладакха переместить индийские войска к западу от линии, обозначенной на китайских картах 1956 г. как международная граница. Что касается других участков границы, то премьер рекомендовал прекратить посылку патрулей. Встреча двух премьер-министров для обсуждения спорных вопросов, заявил Дж. Неру, могла бы состояться после того, как будут сделаны предварительные шаги и достигнуто временное взаимопонимание.

В апреле 1960 г. Чжоу Эньлай во время беседы с Дж. Неру в Дели предложил сохранить на границе статус-кво и вернуться к этому вопросу в будущем. Индийское правительство считало нужным договориться о линии гра-

¹ «Правда», 10 сентября 1959 г.

² См. «Правда», 12 сентября 1959 г.

ницы. Это было поручено экспертам, которые так и не смогли выработать согласованное предложение.

Летом 1962 г. произошли столкновения в районе реки Галвап, имелись жертвы с обеих сторон. 8, 20 и 21 сентября 1962 г. велась перестрелка на восточном участке границы. 10 октября разгорелся бой в районе Чедонга (Дхола), погибло свыше 100 человек. С 20 октября началось настоящее сражение на всем участке границы. Китайские войска продвинулись на юг от линии Макмагона и заняли ряд населенных пунктов, которые находились в 80—100 км от нее. На западном участке индийские части вынуждены были временно оставить 43 пункта. С 20 по 25 октября было убито 2,5 тыс. индийских солдат, китайские власти не публиковали сведений о потерях.

Показательно, что руководители КНР развернули военные операции в Гималаях во время карибского кризиса. По их мнению, кризис настолько приковал к себе внимание правительств и общественности многих стран, что военная акция против Индии не должна вызвать международного осуждения. Но они просчитались. Советский Союз оказал поддержку Индии. Вашингтон дал понять, что может предоставить ей военную помощь.

24 октября правительство Индии выразило надежду, что обе стороны будут уважать линию фактического контроля на всем протяжении границы и отведут войска соответственно на 20 км от этой линии. Китайское правительство, понимая, насколько опасны международные последствия дальнейшего продвижения его войск, согласилось с этим предложением.

Между тем пропаганда КНР все интенсивнее втягивалась в полемику с правой прессой Индии. Вместо того чтобы проявить сдержанность и способствовать договоренности, китайская печать стала называть Индию орудием империализма, навешивать оскорбительные ярлыки на ее руководителей.

В 1958 г. во главе правительства Бирмы стал генерал Не Вин. Его кабинет продолжал поиски путей урегулирования вопроса о границе с Китаем. 4 июля 1959 г. в Пекин были направлены уточненные предложения бирманского правительства, которые в основном совпадали с предложениями, содержащимися в письме Чжоу Энляя от 26 июля 1957 г., и сводились к следующему:

1. Бирманское правительство согласно передать КНР район Пьяньма, Канфан и Каолунь площадью 56 кв. миль. На остальных же участках северного сектора граница

должна проходить по традиционной линии, совпадающей с линией водораздела наиболее крупных рек этого района.

2. В обмен на район Мэнмао бирманская сторона согласна передать КНР район проживания племен баньхун и баньялао; за этим исключением, на южном участке граница должна пройти по линии 1941 г.

3. КНР предлагалось отказаться от права участия в разработке горнорудных месторождений в Луфане, предоставленного по условиям обмена нотами между правительствами Великобритании и Китая от 18 июня 1941 г.¹

Правительство КНР сообщило 24 сентября 1959 г., что бирманские предложения от 4 июня 1959 г. и китайские предложения от 30 июля 1958 г. (повторение условий письма Чжоу Энляя от 26 июля 1957 г.) создают «хорошую основу для дальнейших переговоров между делегациями, назначенными обоими правительствами»².

Конкретные вопросы пограничного урегулирования были решены лишь в конце 1959 г.— начале 1960 г. В 1960 г. в Пекине было подписано соглашение Бирманского Союза и КНР о границе между двумя странами. Одновременно был заключен договор о дружбе и взаимном ненападении.

Стороны обязались уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность друг друга, разрешать все спорные вопросы путем переговоров, не прибегая к силе, не совершать актов агрессии против другой стороны и не участвовать в каком-либо военном союзе, направленном против другой договаривающейся стороны. КНР и Бирманский Союз заявили, что будут развивать и укреплять экономические и культурные связи в соответствии с принципами равенства, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Договор вступал в силу немедленно после обмена ратификационными грамотами, срок действия определялся в 10 лет. Если за год до истечения срока ни одна из сторон не выразит желания прекратить действие договора, он останется в силе до тех пор, пока один из участников не передаст другой стороне официального уведомления о прекращении его действия.

Соглашение о границе, носившее характер временного, определяло принципы, которых будут придерживаться стороны при окончательном решении вопроса:

¹ «Burma Weekly Bulletin», 5. V. 1960.

² D. Woodman. The Making of Burma, p. 536.

1. На северном участке пограничная линия пройдет в соответствии с традиционной границей провинции Юньнань, т. е. по водоразделу бассейнов рек Иравади и Салуи, а далее — по водоразделу рек Тарон и Чаюй, с одной стороны, и бассейном верхнего течения реки Иравади — с другой. Район Пьяньма, Канфан, Каолунь передается Китаю.

2. В целях аннулирования «вечной аренды» треугольника Мэнмао (Намванский выступ) китайское правительство согласилось передать этот район Бирме. В качестве компенсации правительство Бирмы согласилось передать КНР районы, находящиеся под юрисдикцией племен баньлао и баньхун и расположенные западнее линии 1941 г.

3. На южном участке граница должна быть сохранена в соответствии с линией 1941 г., исключая участок, проходящий по району расселения племен баньлао и баньхун.

КНР и Бирма согласились немедленно создать совместную пограничную комиссию, на которую возлагались задачи решения всех практических вопросов подготовки текста нового договора и карты прохождения границы¹.

С июня по октябрь 1960 г. состоялись четыре сессии совместной комиссии, одновременно велось обследование границы. В ходе работы комиссии КНР согласилась на бирманские предложения относительно размеров передаваемой территории.

1 октября 1960 г. в Пекине Чжоу Эньлай и У Ну (вновь стал премьер-министром) подписали договор о границе. К КНР отходил район Пьяньма, Канфан и Каолунь площадью 56 кв. миль. Бирма получила район Мэнмао площадью 85 кв. миль в обмен на район проживания племен баньхун и баньлао площадью 73 кв. мили. Китай отказался от своего права на участие в эксплуатации горно-рудных месторождений в Луфане. На остальных участках граница устанавливалась в соответствии с условиями соглашения по вопросу о границе от 28 января 1960 г.²

Со вступлением в действие договора о границе все соглашения и ноты, которыми обменялись оба правительства по вопросу о границе, потеряли силу. После подписания договора китайско-бирманская комиссия должна была продолжить обследование границы, установить пограничные знаки и составить заключительный протокол и карту в качестве приложения к договору о границе.

¹ «Жэньминь жибао», 1. XI. 1960.

² Там же, 2. X. 1960.

4 января 1961 г. произошел обмен ратификационными грамотами.

5 июня 1961 г. было опубликовано совместное коммюнике правительств КНР и Бирмы об обмене территорий, указанных в договоре, и об установлении пограничных знаков¹. Однако участок у стыка границ Бирмы, КНР и Индии остался педелимитирован ввиду возражений индийского правительства относительно его прохождения. 29 июня 1961 г. оно направило по этому поводу ноту протеста Бирме и КНР². Бирманское правительство заявило, что не возьмет на себя никаких обязательств относительно западной оконечности китайско-бирманской границы, пока Индия и КНР не достигнут соглашения о прохождении границы на этом спорном участке.

13 октября 1961 г. пограничное урегулирование завершилось подписанием в Пекине соответствующего протокола между правительствами Бирманского Союза и КНР³. Это, однако, не привело к спокойствию на границе. Продолжалась инфильтрация людей из Китая в Бирму и создание поселений в ее северной части; китайские власти по-прежнему вооружали, обучали и поощряли повстанческое движение, образование «опорных баз».

Стараясь создать максимальные трудности для Индии, Пекин стал играть на ее разногласиях с Пакистаном, желая вовлечь его в свою орбиту. Чтобы добиться расположения Пакистана, китайские власти стали утверждать, что Кашмир принадлежит Пакистану. В мае 1962 г. начались китайско-пакистанские переговоры о границе, закончившиеся подписанием в марте 1963 г. договора. По этому соглашению КНР уступала 750 кв. миль территории, прежде находившейся под ее контролем⁴. Это была еще одна демонстрация враждебности к Индии, поскольку речь шла о районе, относящемся к северной части Кашмира. Индия объявила соглашение незаконным.

Китайское правительство всячески расширяло связи с Непалом, рассчитывая добиться охлаждения его отношений с Индией. По его приглашению в марте 1960 г. в Пекин приезжал премьер-министр Кайрала, а в апреле Чжоу Эньлай нанес ответный визит в Непал. В октябре 1961 г. КНР посетил король Махендра. Во время визита

¹ «Nation», 6. VI. 1961.

² Ibid., 30. VI. 1961.

³ Ibid., 14. X. 1961.

⁴ «Twenty Years of Pakistan. 1947—1967». Karachi, 1967, p. 674—675.

Кайрала в Пекине было подписано соглашение о границе. Стороны определили границу на спорных участках, проведя ее по естественным рубежам (водоразделам, вершинам гор и т. д.). Джомолунгма была поделена, линия границы прошла через ее вершину. Было также решено не направлять войска в пограничные районы в пределах 20 км в обе стороны от линии границы, там будут только административный персонал и полиция¹. К августу 1961 г. демаркация границы была завершена, и 5 октября 1961 г. был подписан договор о границе.

Делегация КНР приняла участие в Женевском совещании по Лаосу, созванном в 1961 г. по предложению советского и английского сопредседателей. Вместе с делегациями СССР, ДРВ и ПНР она содействовала подписанию в июне 1962 г. соглашений, в соответствии с которыми создавалось коалиционное правительство, прекращалась гражданская война и Лаос объявлялся нейтральной страной. Уже в ходе совещания было ясно, что китайские представители рассматривали достигнутые соглашения как временный маневр. 7 сентября 1962 г. КНР установила дипломатические отношения с Лаосом. Она согласилась предоставить долгосрочный заем для сооружения некоторых промышленных объектов, поставить для них оборудование и оказать техническое содействие их пуску. По просьбе лаосской стороны шоссейную дорогу, связывающую китайскую провинцию Юньнань с Фонгсали, которая строилась КНР безвозмездно, решено было продолжить до города Намтха. Компетентным представителям было поручено договориться по вопросам экономического и технического сотрудничества и торговли.

19 декабря 1960 г. были заключены китайско-камбоджийский договор о дружбе и взаимном ненападении, соглашение о дополнительной помощи (в размере 11,1 млн. долл.) для строительства металлургического и механического заводов, а также разведки железной руды и угля.

Активнее становились связи с Индонезией. Во время визита ее министра иностранных дел в Китай было подписано 11 октября 1959 г. совместное коммюнике. Все вопросы, которые могут вызвать отчужденность между странами Азии и Африки, говорилось в нем, должны решаться дружественным путем в соответствии с принципами Бандунгской конференции. Стороны сообщили, что

¹ «Сборник документов по внешней политике КНР», т. 3. Пекин, 1958, стр. 49—50.

разрабатывают планы дальнейшего укрепления контактов в области экономики и культуры¹.

1 апреля 1961 г. оба государства заключили договор о дружбе. В декабре КНР открыла Индонезии кредит на 30 млн. долл. Китайская пропаганда стала все более возмечивать Сукарно. Пекин и Джакарта вели совместную подготовку к созыву II Бандунгской конференции.

По мере освобождения стран Африки Китай начал придавать большее значение отношениям с ними. Молодые государства становятся главным местом приложения основных идеологических доктрин Мао и его группы. В Пекине считали, что с пачала 60-х годов в Африке существуют благоприятные условия для демонстрации эффективности концепции «народной войны», а следовательно, утверждения идеологического руководства.

КНР установила дипломатические отношения 1 ноября 1958 г. с Марокко, 20 декабря 1958 г. — с временным правительством Алжира, 4 февраля 1959 г. — с Суданом, 4 октября 1959 г. — с Гвинеей, 5 июля 1960 г. — с Ганой, 27 октября 1960 г. — с Мали, 14 декабря 1960 г. — с Сомали, 12 декабря 1961 г. — с Танганьикой, 18 октября 1962 г. — с Угандой.

Некоторая помощь оказывалась освободительному движению в Алжире. В КНР приезжали лидеры временного правительства. Китайские теоретики пытались победу освободительной борьбы в Алжире представить как важное доказательство необходимости применять в Африке испытанные в Китае формы вооруженной борьбы. Навязчивость пекинских представителей в конечном счете вызвала настороженность алжирских руководителей, и они стали контролировать деятельность китайцев в стране.

В качестве другой опорной базы лидеры КНР наметили Гвинею. Оттуда они устанавливали связи с оппозиционными силами в Камеруне, в Конго; стремились убедить гвинейских руководителей, что китайская политика, в отличие от советской, якобы воплощает «истинную дружбу» с африканскими народами. Тогда же был подписан договор о дружбе с Гвинеей. В 1960 г. ей предоставили беспроцентный кредит в сумме 25 млн. долл. на 10 лет, а в 1961 г. — безвозмездную помощь в виде поставок риса на 1,4 млн. долл.

Конго (Киншаса) рассматривалась третьей базой. После убийства П. Лумумбы китайские теоретики утверж-

¹ «Жэньминь жибао», 12. X. 1959.

дали, будто мирный путь революции там обанкротился и единственным выходом является развертывание партизанской борьбы.

С 1961 г. Китай стал помогать Мали в строительстве нескольких предприятий и развитии сельского хозяйства, например в выращивании сахарного тростника.

Одновременно Пекин искал связи как с революционными силами, так и с правящими кругами стран Латинской Америки, прежде всего Аргентины, Бразилии, Мексики, Чили, Уругвая и др.

В 1959 г. в латиноамериканские страны ездила пресс-группа Китая. В Аргентине, Бразилии, Мексике, Чили были созданы корреспондентские пункты Синьхуа, которые зачастую выполняли дипломатические функции.

После установления в сентябре 1960 г. дипломатических отношений с Кубой китайские руководители резко активизировали работу в Латинской Америке. По случаю 11-й годовщины КНР в Пекин приехало 11 делегаций из Латинской Америки. В ноябре 1960 г. Китай принимал писателей и юристов из Эквадора. В 1961 г. визит нанес вице-президент Бразилии Жоао Гуларт, выступавший за нормализацию отношений с КНР. В ряд государств были посланы китайские торговые миссии.

Если представителей правящих кругов китайские руководители старались поразить «успехами КНР, благоразумием ее политики и хорошими перспективами развития деловых отношений», то посланцам революционных сил пытались навязать свою платформу и направить развитие революции в Латинской Америке по китайскому компасу «народной войны».

Уже тогда пекинская верхушка стремилась отгородить революционные силы Азии, Африки, Латинской Америки от СССР. Таким образом, рассчитывала она, легче будет их подчинить своему руководству. В декабре 1961 г. на сессии исполкома Организации солидарности народов Азии и Африки китайский представитель Ляо Чэнчжи заявил, что созывать и готовить конференции солидарности могут только антиимпериалистические народные организации Азии, Африки, Латинской Америки, а не других районов. Он требовал, чтобы Советский Союз не посылал своих делегатов на конференцию.

Для воздействия на обстановку Пекин во многих освободившихся странах пытался использовать хуацяо (китайские эмигранты). Лиц китайского происхождения особенно много в странах Юго-Восточной Азии: 4 млн. в Таи-

ланде, 5 млн. в Малайзии, 1,7 млн. в Сингапуре, 10 млн. в Индонезии, несколько сот тысяч в Бирме, Камбодже, Лаосе. Играя на понятном уважении этих людей к родине предков, Пекин пытался сделать их своей «пятой колонной». Он развернул националистическую пропаганду, создавал землячества, торговые палаты, заключал с ними выгодные контракты, открывал китайские школы, университеты.

ОТНОШЕНИЯ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Заняв по вопросам войны и мира, революционного и национально-освободительного движений левоэкстремистские позиции, китайские власти по мере ухудшения отношений с СССР, другими социалистическими государствами стремились наладить связи с империалистическими державами. Те, в свою очередь, старались подогреть наметившиеся тенденции к разрыву КНР с социалистическим содружеством.

Наибольший интерес проявляли в Пекине к отношениям с Японией. Всячески рекламируя «боевую дружбу» с прогрессивными силами, китайские националисты именно в эти годы стали ориентироваться на сближение с правящей партией и монополистическим капиталом. В конце 1959 г. были установлены прямые контакты с видными деятелями либерально-демократической партии Т. Исибаси и К. Мацумура. Уже тогда китайские лидеры заговорили о принадлежности народов Китая и Японии к одной расе и культуре как об основе «взаимопонимания» между двумя странами¹.

Именно в расчете на сближение с правящими кругами Японии китайская администрация пошла на отказ от своих ультимативных установок и требований в области как политики, так и торговли, выдвинутых в 1958—1959 гг. Первым шагом было провозглашение Чжоу Энляем в августе 1960 г. так называемых трех торговых принципов. Это означало, что КНР готова возобновить торговлю с Японией при условии заключения: 1) межправительственного торгового договора; 2) частного торгового договора; 3) отдельных контрактов с той или иной фирмой.

¹ «Тюо корон», 1962, № 11.

Китайские делегаты на 8-й Международной конференции за запрещение ядерного оружия Чжао Аньбо и Сун Пинхуа в августе 1962 г. встречались с бывшим премьер-министром Тандзан Исибаси. Вскоре после этого, 4 сентября 1962 г., другой видный деятель либерально-демократической партии Кэндзо Мацумура получил официальное приглашение посетить Китай. И Исибаси, и Мацумура до и после поездки встречались с премьером Икэда и обсуждали с ним проблемы развития связей с КНР.

В ходе переговоров с К. Мацумура китайское руководство открыто заявило о готовности достигнуть «взаимопонимания» с правящим лагерем Японии на расово-националистической, геополитической основе. «В мире часто говорят, — заявил Чжоу Эньлай, — что Восток есть Восток, Запад есть Запад. И мы, две восточные державы, из поколения в поколение должны мирно идти рука об руку на основе сосуществования и сопроцветания»¹.

В итоге переговоров японо-китайские отношения были выведены, по выражению Мацумура, на «столбовую дорожку» сотрудничества на основе культурной и расовой общности. «В многочисленных беседах с нами премьер Чжоу Эньлай и его заместитель Чэнь И заявляли, что Азия по-прежнему остается Азией и что именно азиаты должны изменить историю мира. В теснейшем взаимодействии мы должны крепить узы, основанные на культурной общности и расовом единстве»² — так охарактеризовал К. Мацумура суть достигнутого взаимопонимания с Пекином.

Контакты между китайскими лидерами и правящим лагерем в Токио продолжали крепнуть, дав повод японской печати утверждать, что в вопросе о нормализации отношений пекинское руководство стало опираться на прогрессивные силы меньше, чем на влиятельные круги либерально-демократической партии.

За 1958—1962 гг. значительно увеличился объем торговли КНР с Англией, Францией, Италией.

Пекин осуждал Англию за поддержку действий США в Тайваньском проливе, за интервенцию в Иордании. Но критика постепенно слабела, и в 1960 г. британская печать, в свою очередь, откликнулась призывами к улучшению отношений с КНР и даже указывала на возможность приглашения Мао Цзэдуна в Лондон. «Мы должны все

¹ «Сборник материалов по японо-китайским отношениям. 1945—1966». Токио, 1967, стр. 107.

² Там же.

признать, — отмечала английская газета, — что то, что нас объединяет, намного важнее того, что нас разъединяет»¹. В 1960 г. Китай посетил престарелый копсерватор фельд-маршал Монтгомери, он был принят Мао Цзэдуном и Чжоу Энляем. Ему было сказано, что единственным препятствием на пути развития отношений между двумя странами является позиция Лондона по вопросу восстановления прав Китая в ООН². На Женевском совещании по Лаосу состоялись беседы министров иностранных дел КНР и Великобритании, в ходе которых Чэнь И соглашался на обмен послами (это предлагал Хьюм), если Англия изменит свою позицию в ООН. В сентябре 1961 г. в Пекин вновь прибыл Монтгомери. Его поблагодарили за усилия в деле «ознакомления народов Англии и других стран с положением в Китае»³.

Китайские власти искали контактов с Парижем, им импонировало то, что Франция нередко выступала с критикой политики США. Мао Цзэдун не раз высоко отзывался о де Голле.

Правые силы в ФРГ внимательно следили за отходом КНР от социалистического содружества, полагая, что в будущем она могла бы стать в какой-то мере противовесом Советскому Союзу. Тем не менее, не желая причинять неприятностей США, официальные круги Бонна не шли на контакты с Пекином, отклонили предложение о заключении торгового соглашения. Торговля между двумя странами велась на частной основе, ее объем составил в 1962 г. 55 млн. долл. (объем торговли Китая с Англией — около 90 млн., с Францией — свыше 60 млн.).

С другими странами Западной Европы отношения были пассивными. Торговый обмен КНР с Италией в 1962 г. равнялся 34,4 млн. долл., с Швецией — 10 млн., с Бельгией — около 13 млн., с Голландией — 17,3 млн., с Финляндией — свыше 7 млн. долл.

ОБОСТРЕНИЕ ОБСТАНОВКИ В ТАЙВАНЬСКОМ ПРОЛИВЕ

Смягчив критику Японии и западноевропейских держав, налаживая отношения с ними, Пекин одновременно усиливал конфронтацию с США. Мао и его группа хотели продемонстрировать свою «решимость» в борьбе с импе-

¹ «Sunday Express», 3. I. 1960.

² «Жэньминь жибао», 5. XI. 1960.

³ Там же, 8. IX. 1961.

риализмом, задираясь с США, попытаться столкнуть их с Советским Союзом; вместе с тем, нанося Вашингтону раздражающие уколы, побудить его к изменению позиции в вопросах об ООН и Тайване.

С началом «большого скачка», в августе и сентябре 1958 г., китайская артиллерия предприняла интенсивный обстрел прибрежных островов Мацзу и Цзиньмынь, где окопались чанкайшисты. Можно было предположить, что ведется подготовка к их освобождению. Чанкайшисты даже собирались бежать. Но китайское руководство не намеревалось высаживать десанты. Оно заявляло, что острова должны быть возвращены одновременно с Тайванем.

Зачем же тогда понадобились военные действия? Мао Цзэдун, объясняя мотивы этой акции, сказал в беседе с А. А. Громыко в начале сентября 1958 г.: если брать вещи и явления в сравнении, то международная напряженность сейчас, особенно в связи с событиями в районе Тайваня, более выгодна — для наших стран и менее выгодна империалистам. «Раз в мире существует капитализм, — философствовал он, — войну нельзя в определенном смысле не любить, надо к ней готовиться и готовить народ, больше показывать ее в искусстве, в частности в кино, опере и литературе». Запад полагает, говорил Мао Цзэдун, будто «холодная война» выгодна только ему, однако она «более выгодна нашим странам».

Бессмысленная акция КНР создала угрозу военного столкновения в районе Тайваньского пролива.

События развивались быстро и носили весьма драматический характер. 4 сентября 1958 г. правительство КНР опубликовало декларацию о территориальных водах Китая. Ширина территориальных вод устанавливалась в 12 морских миль. Это положение относилось ко всем территориям КНР, включая материковую часть, прибрежные острова и другие, которые отделены от материка открытым морем. Иностранным судам военного назначения и летательным аппаратам запрещалось входить в территориальные воды КНР и в воздушное пространство над ними без разрешения ее правительства¹.

США, Англия, Япония и некоторые другие государства пытались оспаривать право КНР устанавливать 12-мильные территориальные воды. Советское правительство поддержало акт КНР, находящийся в полном соответствии с международным правом и обычаями. 9 сентября

¹ «Жэньминь жибао», 4. IX. 1958.

посольство СССР в Пекине уведомило китайское правительство о том, что Советский Союз принял к сведению и будет полностью уважать декларацию о территориальных водах КНР. Соответствующим организациям СССР были даны указания о точном соблюдении границ 12-мильных территориальных вод¹.

6 сентября 1958 г. премьер Государственного совета выступил с заявлением, где подчеркнул, что освобождение Тайваня и других островов — суверенное право КНР. Поэтому китайское правительство может наносить решительные удары и предпринимать необходимые военные действия по отношению к чанкайшистским войскам, окопавшимся на прибрежных островах. Любое вмешательство извне будет рассматриваться как преступный акт, посягательство на суверенитет КНР. Премьер Госсовета подчеркнул: решимость народа освободить свои земли непоколебима, и никакие военные угрозы не смогут его запугать. При этом правительство КНР выразило готовность возобновить китайско-американские переговоры на уровне послов².

США реагировали на действия Китая агрессивно. В Тайваньский пролив было направлено около 130 американских военных кораблей, в том числе 7 из 13 имевшихся тогда у США авианосцев, 3 тяжелых крейсера, 40 эсминцев. На Тайвань были переброшены крупные соединения военной авиации США и пополнения морской пехоты с Филиппин и американских баз в Японии. Вопреки многократным предупреждениям, американские военные суда систематически нарушали территориальные воды, а самолеты вторгались в воздушное пространство Китая. На Тайване в спешном порядке были построены площадки для запуска ракет.

Командующий американскими вооруженными силами на Тайване вице-адмирал Смут публично заявил о намерении США совместно с чанкайшистами «нанести поражение коммунистическому Китаю» и даже пообещал «сместить» его. Нашлись и такие деятели, которые угрожали атомным оружием.

СССР принял срочные меры, чтобы сдержать американских империалистов и предотвратить крупный военный конфликт. Советское правительство предупредило президента США, что нападение на КНР — это нападение

¹ См. «Правда», 10 сентября 1958 г.

² «Жэньминь жэпбао», 7. IX. 1958.

на Советский Союз. Верная своему долгу, Советская страна сделает все для того, чтобы вместе с народным Китаем отстоять безопасность обоих государств, интересы мира на Дальнем Востоке, интересы мира во всем мире¹. Во втором послании от 19 сентября Советское правительство также предупредило любителей угрожать ядерным оружием: в случае атомного нападения на КНР агрессор немедленно получит отпор теми же средствами².

Первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт заявил 9 сентября 1958 г.: население Германской Демократической Республики глубоко солидарно с китайским народом, борющимся за справедливое дело. Посол США в Праге был приглашен 8 сентября 1958 г. в министерство иностранных дел, и ему было объявлено, что правительство Чехословакии считает присутствие американских войск в Тайваньском проливе и вмешательство США во внутренние дела Китая актом агрессии. Правительство Чехословакии заявило о своей поддержке законных прав китайского народа на его исконную территорию.

В этих условиях правительство Соединенных Штатов решило возобновить контакты с КНР. 15 сентября 1958 г. в Варшаве начались переговоры между китайским послом Ван Бицнанем и послом США Дж. Бимом. Американский представитель сразу же потребовал «прекратить огонь», ибо только при таком условии возможно продолжение переговоров.

Д. Ф. Даллес утверждал на пресс-конференции 30 сентября, что Соединенные Штаты готовы пойти на «важное» изменение своей позиции, если Китай согласится с их требованием о прекращении огня. Создавая впечатление, будто Белый дом придерживается «гибкой» позиции в интересах «сохранения мира», он заявил: США согласны на то, чтобы прекращение огня было достигнуто де-факто, а последующий отказ от применения силы в районе Тайваня должен быть «взаимным», т. е. распространяться как на КНР, так и на Тайвань. По моему мнению, сказал госсекретарь, было «глупо» сосредоточивать на прибрежных островах крупные силы чанкайшистов, и эти войска могут быть выведены с прибрежных островов, если состоится «надежное» соглашение о прекращении огня. Между тем прекращение огня и отказ КНР от принципа «применения силы» в решении тайваньского конфликта США

¹ См. «Правда», 9 сентября 1958 г.

² См. «Правда», 20 сентября 1958 г.

не станут рассматривать как снятие ее «претензий» на Тайвань¹.

Министр иностранных дел КНР заявил 20 сентября, что между Китаем и США нет войны и поэтому не возникает вопроса о «прекращении огня». Китайский народ ведет гражданскую войну против остатков чанкайшистской клики, окопавшейся на некоторых островах. Эта война является внутренним делом. Она длится много лет и не вызывала международной напряженности. Напряженность же в Тайваньском проливе возникла потому, что США пытаются вмешиваться во внутренние дела Китая. Таким образом, ключом к ликвидации кризиса на Дальнем Востоке является немедленный вывод американских вооруженных сил с Тайваня и других китайских островов, уход американского флота из Тайваньского пролива и отказ США от политики вмешательства во внутренние дела КНР².

6 октября министр обороны Пын Дэхуай выступил с обращением к соотечественникам на Тайване и других островах, оккупированных США. Он указал, что Тайвань, Пэнхуледао и прибрежные острова являются китайской территорией. Это не отрицают и чанкайшисты. Правительство КНР не признает военного соглашения, подписанного Вашингтоном с Чан Кайши, его следует аннулировать. Война между китайским народом и чанкайшистами — внутреннее дело Китая, и США не должно быть позволено вмешиваться.

Министр обороны КНР отдал приказ с 6 октября прекратить на неделю артиллерийский обстрел Цзиньмыньдао при условии, если американцы не будут сопровождать суда, доставляющие туда людей и грузы. А чанкайшистскому руководству было предложено начать переговоры с целью мирного урегулирования, чтобы покончить с гражданской войной³.

13 октября 1958 г. министр обороны КНР распорядился продлить срок прекращения огня еще на две недели. Чанкайшистов вновь призвали приступить к переговорам. «Если вы не хотите мирных переговоров, — заявил министр, — то военные действия неизбежны».

Правительство КНР опять предупредило США против вмешательства в гражданскую войну. В приказе министра обороны говорилось: если американцы будут осуществлять

¹ «New York Times», 1. X. 1958.

² «Жэньминь жибао», 21. IX. 1958.

³ См. «Правда», 7 октября 1958 г.

эскадронные операции в водах Цзиньмыньдао, то немедленно возобновится обстрел.

Вопреки многократным китайским предупреждениям, американские суда продолжали нарушать территориальные воды КНР, сопровождая чанкайшистские корабли. В связи с этим 20 октября части Народно-освободительной армии возобновили обстрел Цзиньмыньдао.

20—23 октября 1958 г. в Тайбэе велись переговоры между Даллесом и Чан Кайши. В результате было подписано совместное коммюнике. В нем указывалось, что переговоры в основном касались «военных аспектов положения» в районе Тайваня и Тайваньского пролива. Авторы коммюнике заявили: «В нынешних условиях оборона Цзиньмыньдао и Мацзудао тесно связана с обороной Тайваня и островов Пэнхуледао»¹.

Как только Даллес отбыл, министр обороны КНР обратился к населению острова. Правительство КНР, сказал он, знает, что большинство китайцев на Тайване любит родину и лишь немногие хотят быть рабами американцев. Министр сообщил о своем приказе войскам не обстреливать на Цзиньмыньдао аэродромы, пристани, набережные и суда по четным дням. Он снова потребовал, чтобы чанкайшисты не пользовались американским конвоем.

В дальнейшем обстрел позиций чанкайшистов время от времени возобновлялся.

* * *

В начале 60-х годов политика китайского руководства становилась все более великодержавной, шовинистической и авантюристической. «Переходный» этап завершился. Маоисты подошли к новому рубежу в своей политике — к оголтелому антисоветизму, к открытой борьбе против социалистического содружества и коммунистических партий, попыткам изолировать национально-освободительное движение от других революционных сил и подчинить его своему контролю. Одновременно они стали настойчивее искать урегулирования отношений с империалистическими державами.

¹ «New York Times», 24.X. 1958.

ВСЕ ДАЛЬШЕ
ПО ПУТИ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО
ШОВИНИЗМА И АВАНТЮРИЗМА
1962—1966 гг.

К концу 1962 г. в общем сложился шовинистический, авантюристический, антисоветский курс группы Мао. Она открыто и ожесточенно выступала против генеральной линии международного коммунистического движения. То, что вначале еще можно было принять за теоретическую дискуссию, за спор о толковании отдельных положений, превратилось в поход китайских националистов против марксистско-ленинского учения, единства мировых революционных сил, борьбы за мир.

Дальнейший поворот обозначился во время карибского кризиса в конце 1962 г. В момент наибольшего обострения руководители КНР не оказали поддержки Кубе; они вели себя очень тихо, ждали, во что же выльется кризис. Когда прямая угроза термоядерной войны была снята, маоисты стали разжигать страсти вокруг кубинского вопроса, обрушились с грубыми нападками на нашу страну, провоцировали войну между СССР и США. Как раз в то время китайские войска предприняли широкие военные операции в Гималаях, глубоко вторглись на территорию Индии. Это частично отвлекало внимание мировой общественности от провокаций США против Кубы.

Вследствие политики, навязанной группой Мао, Китай быстро отдалялся от социалистического содружества. Все более открытые формы принимала борьба против СССР и попытки перетянуть на свою сторону другие социалистические государства. Маоисты звали к «революционной войне» с целью обеспечения скорейшей победы социализма в мировом масштабе, настойчиво старались подчинить гегемонии Пекина освободившиеся страны.

ПОПЫТКИ РАЗРУШИТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО

В 1958—1962 гг. Мао Цзэдун и его группа немало сил тратили на то, чтобы добиться руководящего положения в международном коммунистическом движении. Они хотели сначала завоевать идеологическое руководство, противопоставляя собственную платформу марксистско-ленинским взглядам на войну и мир, мировой революционный процесс и другие важнейшие проблемы современности. Расчеты на превращение социалистических стран в младших партнеров КНР, в промышленную и военно-стратегическую базу для реализации великодержавных замыслов не оправдались. И китайские лидеры перешли к новой тактике, стремясь расколоть социалистическое содружество. Огонь всех орудий пропаганды был сосредоточен на СССР и КПСС.

Во время и после карибского кризиса в китайской печати появилось множество материалов, призванных обосновать позицию Мао Цзэдуна и его группы в вопросах, по которым те расходились с коммунистическими партиями. В учреждениях и учебных заведениях проводились собрания и политзанятия, посвященные разбору таких вопросов с целью критики и осуждения партий, не согласных с линией КПК. Распространялась чудовищная клевета на Советский Союз: группа Мао внушала членам партии и народу, будто КПСС отошла от принципов марксизма-ленинизма и заигрывает с империализмом; на нее же пытались свалить вину за громадные провалы в экономике КНР, вызванные «большим скачком» и созданием народных коммун, малограмотной политикой китайских руководителей. Затем начали проводить собрания, участники которых должны были выступать с руганью в адрес СССР.

Китайский коммунист, подписавшийся Чи Цзи, с горечью отмечал в своем письме, присланном в Москву по поводу статьи «Пролетарии всех стран, соединяйтесь, боритесь против нашего общего врага!» («Жэньминь жибао», 15. XII. 1962): «Для китайских коммунистов появление этой редакционной статьи не являлось чем-то неожиданным, ибо в течение нескольких лет в КПК как сверху до низу, так и от центра к периферии распространялось немало разного рода раскольнических взглядов, поддерживающих руководителей Албании и обстреливающих КПСС и другие братские партии, которые осуществляют

сейчас линию ленинизма». «Ведь получается, что мы критикуем, а иногда и ругаем наших друзей — СССР и социалистические страны Восточной Европы — больше, чем наших врагов», — рассказывал в письме от 31 января 1963 г. другой участник таких собраний.

В обстановке активизации наступления руководителей КПК на идеологические позиции марксистско-ленинских партий ЦК КПСС предпринял новые усилия для прекращения открытой полемики.

3 января 1963 г. в ходе беседы в ЦК КПСС с только что прибывшим в Москву послом Папъ Цзыли было еще раз заявлено: КПСС искренне стремится к восстановлению дружественных советско-китайских отношений.

7 января 1963 г. ЦК КПСС выступил на страницах «Правды» с призывом крепить единство коммунистического движения во имя торжества мира и социализма. Газета подчеркнула, что разногласия между отдельными компартиями по тем или иным вопросам не имеют глубоких корней в социальном строе социалистических стран, не имеют объективной основы, а носят прежде всего субъективный характер. «Стало быть, — писала «Правда», — имеются все основания для того, чтобы успешно преодолеть разногласия. Нужно исходить из высших целей и интересов международного коммунистического движения и искать пути сближения, пути сотрудничества и единства».

16 января 1963 г. делегация КПСС на VI съезде СЕПГ отметила: «Центральный Комитет нашей партии считал бы полезным прекратить сейчас полемику между коммунистическими партиями, критику других партий внутри своей партии». Это предложение, поддержанное многими марксистско-ленинскими партиями, могло служить отправной точкой для постепенного налаживания нормальных отношений КПК с КПСС и другими братскими партиями. Однако выступление на съезде СЕПГ 18 января 1963 г. делегации КПК показало, что Мао Цзэдун и его группа не проявляли заинтересованности в этом; китайский представитель повторил нападки на КПСС.

21 февраля 1963 г. ЦК КПСС обратился к КПК с письмом, где вновь предлагал прекратить публичную полемику между братскими партиями. «Открытая, все более обостряющаяся полемика, — подчеркивалось в письме, — расшатывает единство братских партий, наносит серьезный ущерб нашим общим интересам. Споры, возникшие в рядах международного коммунистического движения, мешают активизации борьбы против империализма, ослаб-

ляют усилия социалистических стран на международной арене, отрицательно сказываются на деятельности братских партий, особенно тех капиталистических стран, где имеется сложная внутривластная обстановка».

В Пекине и на этот раз проявили полную незаинтересованность в нормализации отношений и прекращении полемики. Если полемика началась, заявил Мао Цзэдун послу СССР 23 февраля 1963 г., то разве обвалится небо или перестанет расти трава на западных горах Китая? Нет! Небо не обвалится, трава и деревья по-прежнему будут расти, женщины по-прежнему будут рожать детей, а рыба плавать в воде.

Уже через пять дней после призыва ЦК КПСС прекратить полемику, 26 февраля 1963 г., «Жэньминь жибао» перепечатала антисоветскую статью из албанской газеты «Зери и популит». За этим последовала серия уже собственных статей с нападками на позиции КПСС и других марксистско-ленинских партий.

9 марта 1963 г. ЦК КПК ответил на письмо ЦК КПСС от 21 февраля 1963 г. Китайские лидеры лицемерно заявили о своем желании прекратить открытую полемику, но не сделали этого. Фактически заявление предназначалось только для того, чтобы ввести в заблуждение КПСС и другие братские партии, о чем свидетельствовали упорные требования опубликовать советское и китайское письма. Это как нельзя лучше выдавало стремление группы Мао продолжать открытую полемику. По настоянию ЦК КПК 14 марта 1963 г. оба письма были опубликованы в КНР и в СССР.

Китайские власти использовали любую возможность для распространения антисоветских материалов. Самолеты, поезда, суда, отправлявшиеся за границу, в пзобилии снабжались антисоветской литературой для бесплатного распространения. Нередко к китайским журналам, направляемым подписчикам за границу, в качестве бесплатного приложения давались пропагандистские статьи с указанием, что они «посылаются по просьбе читателей».

В письме от 21 февраля 1963 г. ЦК КПСС наряду с предложением прекратить открытую полемику выступил с инициативой провести двустороннюю встречу представителей КПСС и КПК на высоком уровне. Во время встречи, указывалось в письме, «можно было бы пункт за пунктом обсудить все важнейшие вопросы, интересующие обе партии». «Наши партии, — подчеркивал ЦК КПСС, — обязаны найти выход из создавшегося положения, смело и решительно».

тельно пойти на расчётку того, что мешает нашей дружбе».

В ответном письме ЦК КПК от 9 марта 1963 г. давалось формальное согласие на двустороннюю встречу, хотя одновременно, как говорилось выше, усилились нападки на КПСС. Это, естественно, мешало успешной подготовке к встрече.

30 марта 1963 г. было направлено ЦК КПК новое письмо. В нем выдвигалось предложение провести в середине мая двустороннюю встречу и высказывалось мнение по кругу проблем, какие следовало бы обсудить. ЦК КПСС подчеркнул: «Мы предлагаем вам встречу не для обострения борьбы, а для достижения взаимопонимания по важнейшим вопросам, возникшим в международном коммунистическом движении». ЦК КПСС подтвердил свое приглашение председателю ЦК КПК Мао Цзэдуну приехать с визитом в СССР, сделанное еще 12 мая 1960 г.

Только 9 мая 1963 г., т. е. более чем через месяц после получения письма ЦК КПСС, заместитель председателя ЦК КПК Чжоу Эньлай в беседе с послом СССР сообщил о решении направить в Москву делегацию. Одновременно он предложил перенести срок встречи на вторую декаду июня и ограничить продолжительность переговоров.

После дополнительного обмена мнениями проведение двусторонней встречи было окончательно назначено на 5 июля 1963 г.

14 июня 1963 г. руководители КПК под видом ответа на письмо ЦК КПСС от 30 марта 1963 г. опубликовали документ, претенциозно озаглавленный «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения» (так называемые «25 пунктов»). Мао Цзэдун и его группировка давали понять, что их не удовлетворяет стратегическая линия, сформулированная международными форумами коммунистических партий. И они поставили вопрос о ее замене своей националистической платформой. Смысл «25 пунктов» сводился к следующему:

отрицание все более решающего воздействия системы социализма на ход мирового развития;

пренебрежительное отношение к борьбе рабочего класса в капиталистических странах;

противопоставление национально-освободительного движения мировой системе социализма и рабочему движению;

авантюризм во внешней политике и сохранение обстановки «холодной войны»;

сектантство и путчизм в вопросах революции;
защита и сохранение осужденных коммунистическим движением методов и порядков культа личности;
оправдание фракционной борьбы в коммунистическом движении.

Всем, кто не признает китайскую «генеральную линию», паклеивались ярлыки «немарксистов».

Письмо ЦК КПК от 14 июня 1963 г. не оставляло сомнений в том, что маоисты упорно держали курс на расшатывание единства рядов мирового коммунистического движения, на всемерное обострение советско-китайских межпартийных и межгосударственных отношений. Учитывая это, ЦК КПСС счел необходимым информировать пленум ЦК КПСС о раскольнических действиях группы Мао. Пленум принял постановление «О предстоящей встрече представителей ЦК КПСС с представителями ЦК КПК»; он полностью и единодушно одобрил политическую деятельность Президиума ЦК КПСС по дальнейшему сплочению сил мирового коммунистического движения. Пленум поручил Президиуму ЦК на встрече с представителями ЦК КПК неуклонно проводить линию, принятую нашей партией на ее последних съездах, на международных совещаниях коммунистических партий, изложить и отстаивать позицию КПСС по принципиальным вопросам мирового коммунистического и рабочего движения, разъяснить позицию КПСС по коренным вопросам коммунистического строительства в СССР.

Письмо ЦК КПК от 14 июня 1963 г. явно было рассчитано на то, чтобы ухудшить и без того неблагоприятную обстановку для проведения советско-китайской встречи. Поэтому ЦК КПСС счел нецелесообразным в тот момент публикацию письма в советской печати. В заявлении ЦК КПСС от 18 июня 1963 г. указывалось: «ЦК КПСС считает, что опубликование в настоящее время в советской печати письма ЦК КПК от 14 июня 1963 г. потребовало бы публичного ответа, что повело бы к дальнейшему обострению полемики, не соответствовало бы достигнутой договоренности и противоречило бы мнению братских партий по этому вопросу. Этого тем более не следует делать в связи с предстоящей 5 июля с. г. встречей представителей КПСС и КПК».

Однако китайская пропаганда изобразила позицию ЦК КПСС, продиктованную заботой о единстве, как намерение «скрыть» от коммунистов, от советского народа взгляды руководителей КНР. Приняв выдержку ЦК КПСС

за слабость, Мао и его группа со все возрастающей назойливостью начали, вопреки нормам отношений между братскими странами, через свое посольство противозаконно распространять в Москве и в других наших городах письмо ЦК КПК от 14 июня 1963 г. и прочие антисоветские материалы, отпечатанные массовыми тиражами на русском языке.

17 июня 1963 г. МИД СССР потребовал от посольства КНР прекратить действия, несовместимые со статусом и функциями дипломатического представительства. Китайская сторона не сделала надлежащих выводов. 24 июня 1963 г. в МИД СССР еще раз заявили послу КНР, что подобного рода действия работников посольства и других китайских граждан, пользующихся нашим гостеприимством, нельзя рассматривать иначе как нарушение суверенитета Советского государства, как вызывающее пренебрежение к действующим у нас правилам и порядкам, установленным для иностранных дипломатических представительств и граждан.

Однако китайские представители в СССР продолжали свою противозаконную деятельность. Дело доходило до того, что китайские бригады поезда Москва — Пекин разбрасывали антисоветские материалы на русском языке из окон вагонов. Правительство СССР вынуждено было выдворить нескольких граждан КНР, особенно активно занимавшихся подобной деятельностью.

Откровенно раскольнические действия, настойчивое стремление китайских лидеров извратить позицию нашей партии побудили ЦК КПСС опубликовать письмо ЦК КПК от 14 июня 1963 г. и дать ему оценку. Одновременно ЦК КПСС выступил с открытым письмом партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза. Оно разъясняло ряд вопросов, которые в извращенном виде освещались в китайской печати. ЦК КПСС подчеркивал значение защиты чистоты марксизма-ленинизма, сплоченности рядов мирового коммунистического движения. В письме выражено искреннее стремление нашей партии к нормализации советско-китайских отношений, к укреплению единства всех революционных сил: «Центральный Комитет КПСС перед лицом партии, всего советского народа со всей ответственностью заявляет, что мы делали и будем делать все, что в наших силах, для укрепления единства с Коммунистической партией Китая, для сплочения мирового коммунистического движения под знаменем Ленина, для сплочения стран мировой системы социа-

лизма, для действительной помощи всем народам, борющимся против колониализма, для укрепления дела мира и победы великих идеалов коммунизма на всей земле»¹.

Несмотря на напряженную обстановку, в которой началась и проходила двусторонняя встреча (5—20 июля 1963 г.), советская сторона сделала все от нее зависящее, чтобы преодолеть разногласия, нормализовать отношения двух стран. Она внесла конкретные предложения по развитию советско-китайского сотрудничества в различных областях, еще раз предложила рассмотреть вопрос об активизации взаимной торговли, расширении научно-технических контактов и других форм экономических связей, обсудить перспективы их развития на длительный срок, заключить долгосрочное торговое соглашение в интересах обеих стран и всего социалистического содружества, обмениваться информацией по вопросам торгово-валютной политики на мировом рынке.

Переговоры показали, что у лидеров КПК были иные намерения. Они использовали встречу для дальнейшего обострения разногласий, расширения круга спорных вопросов и просто ругани. Выступления представителей КПК еще раз подтвердили, что в основе позиции Мао Цзэдуна и его группировки лежали отнюдь не отдельные ошибки и заблуждения, а целая политическая линия, которая противоречила генеральной линии мирового коммунистического движения, принципам марксизма-ленинизма. Что же касается конкретных советских предложений, то делегация КПК просто обошла их молчанием.

20 июля 1963 г. двусторонняя встреча была прервана по настоянию китайской делегации. В совместном коммюнике указывалось, что место и время ее продолжения «будут согласованы дополнительно путем консультаций между ЦК КПСС и ЦК КПК».

ЦК КПСС вновь предложил прекратить публикацию статей, заявлений и материалов, а также трансляцию радиопередач, содержащих взаимную критику, и тем самым способствовать успешному продолжению двусторонней встречи. Советская сторона выразила готовность принять на себя соответствующее обязательство в случае договоренности по данному вопросу. Руководство КПК отвергло и это предложение, о целесообразности которого не могло быть двух мнений у всех, кто действительно заинтересован в улучшении советско-китайских отношений.

¹ «Правда», 14 июля 1963 г.

И в момент фактического срыва пекинским руководством двусторонних переговоров ЦК КПСС не упускал ни малейшей возможности направить развитие советско-китайских отношений в русло нормализации. Но Мао Цзэдун и его группировка упорно шли своим раскольничьим путем. Как только была прервана встреча делегаций КПСС и КПК, китайская верхушка усилила антисоветскую кампанию. Поводом для нападок на КПСС и другие марксистско-ленинские партии она избрала Московский договор о прекращении ядерных испытаний в трех средах. Китайская сторона трижды (31 июля, 15 августа и 1 сентября 1963 г.) публиковала официальные заявления, в которых обрушивалась с клеветническими нападками на СССР и КПСС. По неполным подсчетам, летом 1963 г. одна «Жэньминь жибао» напечатала около 500 антисоветских материалов.

Атакуя Московский договор, китайские руководители выступали против не только Советского Союза, но и согласованной позиции подавляющего большинства социалистических государств, чье коллективное мнение по поводу прекращения ядерных испытаний было выражено в решении совещания первых секретарей Центральные Комитетов коммунистических и рабочих партий и глав правительств государств — участников Варшавского Договора. «Достижение договоренности по вопросу о запрещении ядерных испытаний, — говорилось в этом документе, — является результатом последовательного миролюбивого внешнеполитического курса Советского Союза и всех социалистических стран, успехом ленинской политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Совещание считает, что этот Договор будет способствовать разрядке международной напряженности и явится положительным фактором в борьбе народов за мир и против угрозы новой мировой войны».

Действия руководителей КНР были продиктованы не чем иным, как стремлением воспользоваться заключением договора, чтобы опорочить Советский Союз, сорвать проводимую им и другими социалистическими государствами миролюбивую внешнюю политику, создать условия для реализации своих милитаристских планов.

Многочисленные антисоветские выпады Пекина не могли остаться без решительного отпора. В августе и сентябре 1963 г. правительство СССР опубликовало заявления, где разоблачило антисоветскую направленность

позиции руководства КПК в отношении Московского договора и показало ее вредность для дела мира и социализма. Недопустимо переносить расхождения по идеологическим вопросам, разногласия, возникающие между партиями, на отношения между социалистическими государствами, использовать разногласия как источник разжигания национализма и шовинизма, недоверия и розни между братскими народами.

Советский Союз проявлял выдержку и добрую волю к нормализации советско-китайских отношений. В заявлении правительства СССР от 21—22 сентября 1963 г. вновь содержался призыв прекратить полемику, выражалась готовность использовать все возможности для преодоления возникших разногласий. Руководители КНР продолжали нападать на СССР.

В атмосфере враждебности к СССР, нагнетавшейся китайской пропагандой, 7 сентября 1963 г. произошел возмутительный инцидент на советской пограничной станции Наушки. Следовавшие поездом из Пекина китайские граждане допустили хулиганские выходки, когда таможенники изъяли у них запрещенную к ввозу в СССР враждебную литературу. Они задержали отправку состава, бесчинствовали на вокзале, оскорбляли советских официальных представителей. Это была вспышка чувств вражды к СССР, которые уже привила китайская пропаганда части молодежи, своего рода репетиция последующих хунвэйбинских оргий. Действия китайских граждан на станции Наушки по советским законам караются в уголовном порядке. Но, руководствуясь стремлением не допускать обострения отношений, Советское правительство решило ограничиться выдворением указанных лиц с нашей территории.

25 октября 1963 г. советская сторона вновь предложила прекратить открытую полемику. Печать СССР в одностороннем порядке перестала публиковать материалы, разоблачающие особые взгляды и раскольнические действия китайского руководства.

Коммунистическая партия Советского Союза никогда не отрицала пользы плодотворных дискуссий коммунистов-единомышленников. Однако никакие разногласия не могут оправдать приемов борьбы, наносящих ущерб интересам международного коммунистического движения. Прекращение нашей партией открытой полемики ни в коей мере не означало отказа от защиты и пропаганды своих теоретических позиций, ослабления борьбы против

любого отступничества от марксизма-ленинизма, против всякого оппортунизма. КПСС твердо убеждена, что единства международного коммунистического движения нельзя достигнуть уступками по принципиальным вопросам. Напротив, только последовательное и вместе с тем гибкое проведение генеральной линии, основанной на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, может в конечном счете обеспечить подлинное сплочение.

В Пекине полностью игнорировали одностороннее прекращение открытой полемики, цинично называя это «уловкой», «трюком» и т. п. Китайская печать не только скрыла от своих читателей действия ЦК КПСС, но и продолжала публикацию антисоветских материалов. В «Жэньминь жибао» в ноябре — декабре 1963 г. их было помещено более двухсот.

Свой антисоветский курс Мао Цзэдун и его сторонники постарались закрепить на четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей, проходившей 17 ноября — 3 декабря 1963 г. Даже крайне скудные материалы, появившиеся в печати, позволяли судить, что сессия от начала до конца имела откровенно антисоветскую направленность. Группа Мао использовала заседания верховного государственного органа КНР для разнузданной клеветы на Советский Союз, попыталась всю вину за экономические трудности взвалить на «советские власти» и тем самым «обосновать» и «оправдать» линию на отказ от сотрудничества с СССР и другими братскими странами, на усиление раскольнической, подрывной деятельности среди стран социалистического содружества. Группировка Мао Цзэдуна показала всему миру, что антисоветский курс она поднимает на уровень государственной политики.

Несмотря на беспрецедентную по размаху и упорству антисоветскую кампанию, Центральный Комитет КПСС 29 ноября 1963 г. принял решение еще раз направить ЦК КПК письмо с предложением прекратить открытую полемику, совместно разработать и осуществить меры по устранению разногласий и нормализации советско-китайских отношений. Наша партия и на этот раз не ограничилась простыми призывами к единству, а выдвинула конкретные предложения. ЦК КПСС считал необходимым поставить в центре советско-китайских отношений развитие сотрудничества в интересах дружбы между СССР и Китаем, между всеми социалистическими странами и брат-

скими марксистско-ленинскими партиями. Советская сторона предложила увеличить товарообмен, выражала готовность договориться о расширении советского технического содействия КНР в строительстве промышленных предприятий на условиях, благоприятных для обеих стран, вновь подтвердила согласие направить советских специалистов, если имелась такая необходимость. Поскольку в СССР разрабатывался очередной пятилетний план (на 1966—1970 гг.), а в Китае — третий пятилетний план, советская сторона предложила обсудить возможности развития торговых и других связей, предусмотреть для этого соответствующие меры в народнохозяйственных планах обеих стран. Было выражено пожелание расширять научно-техническое сотрудничество и разносторонние культурные связи.

Три месяца не поступал ответ из Пекина. Почти ежедневно страницы печати КНР заполнялись откровенно антисоветскими материалами. Пропаганда негативно реагировала на каждую внешнеполитическую акцию СССР, протаскивая, рассудку вопреки, тезис о советско-американском сговоре, о каких-то кознях против Китая. Программу преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические, полного удовлетворения материальных потребностей народа СССР китайские пропагандисты изображали как программу «усиления буржуазных факторов внутри страны».

Что же противопоставлялось политике КПСС? Всякую заботу о материальном благосостоянии китайские руководители объявляли «низменным чувством», проявлением «буржуазного эгоизма и индивидуализма». Хорошее питание, красивая и удобная одежда, улучшение жилищных условий рассматривались как «засахаренные снаряды буржуазии» и «современных ревизионистов». Журнал «Чжунго циннянь» писал: «Рыба, мясо, папиросы через несколько часов превращаются в отбросы, одежда через несколько дней тоже изнашивается. Лишь моральная высота и чистота сердца никогда не исчезнут».

Полтора десятка лет спустя в Пекине, где не будут уже заботиться о том, как оправдать вражду к СССР, назовут все это чушью и, в свою очередь, начнут говорить о необходимости повышения благосостояния народа. Но тогда именно с таких позиций пропаганды нищеты велась критика жизни советских людей. Поведение руководства КПК было похоже на поведение, как писала венгерская газета «Непсабадшаг», «дуэлянта, оружие которого дало

осечку, и теперь он в своем слепом бешенстве бросает в противника все, что попадаетея под руку: грязь, камни и тому подобное».

Реакционные органы печати западных стран целиком перешли на использование антисоветских материалов, которыми в изобилии снабжали местные отделения агентства Синьхуа. Буржуазный пропагандистский аппарат рекламировал и перепродавал расколыническую литературу Пекина. Газеты ФРГ летом 1963 г. напечатали рекламное объявление с адресом, где можно было получить китайские памфлеты на немецком языке. В конце 1963 г. из Дюссельдорфа поступило сообщение о том, что западно-германское «ведомство по охране конституции» финансировало и организовывало распространение китайских пропагандистских материалов, направленных против СССР и других социалистических стран. Во главе некоторых отделов и управлений ведомства стояли бывшие гестаповцы; пост вице-президента занимал не кто иной, как полковник гитлеровского генерального штаба Альберт Радке, он же Рюдигер, подвизавшийся во времена фашизма в военной контрразведке. С такой компанией и сошлись «на деловой почве» китайские руководители!

Через три месяца пекинские лидеры ответили на письмо ЦК КПСС от 29 ноября 1963 г. Они отвергли его конструктивные предложения, в том числе и о прекращении открытой полемики.

Тем временем маоисты стали подбрасывать тезис: СССР, подобно США, является противником Китая. Как сообщала «Таймс», в беседе с французскими парламентариями в конце февраля 1964 г. Мао Цзэдун говорил о советских руководителях в резко враждебном тоне, не брезгуя ругательствами. «Врагами красного Китая» он назвал СССР и США. Исходя из этого, «Таймс» подводила своих читателей к выводу, что к антиимпериалистической фразеологии Пекина не следует относиться как к какому-то нерушимому принципу, поскольку он хочет сколотить блок из ряда империалистических государств с участием КНР¹.

7 марта 1964 г. ЦК КПСС вновь призвал КПК прекратить полемику, принять меры для сплочения мирового коммунистического движения на принципиальной марксистско-ленинской основе. ЦК КПСС предложил организовать встречу двух делегаций в мае 1964 г., а встречу пред-

¹ «Times», 6. III. 1964.

ставителей компартий — участников редакционной комиссии по подготовке московского Совещания 1960 г. провести в июне — июле, совещание всех братских партий — осенью 1964 г.

В ответ группа Мао повела полемику с еще большим ожесточением. Со второй половины марта 1964 г. китайская пропаганда усилила нападки на КПСС и СССР, братские страны и партии, которые отвергают особый курс Пекина. Около посольства СССР в Пекине была устроена враждебная демонстрация. «Жэньминь жибао» и «Хунци» напечатали редакционную статью, которая от первой до последней строки являлась клеветой на нашу партию и народ.

В связи с этим ЦК КПСС опубликовал материалы февральского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС, в которых была дана оценка политики КНР, и решил выступить с критикой антиленинской платформы и раскольнической деятельности маоистов. Этого требовали интересы борьбы за чистоту марксистско-ленинской революционной теории, за генеральную линию международного коммунистического движения, которая выражена в Декларации и Заявлении московских совещаний. В постановлении Пленума отмечалось: руководители КПК, отойдя по основным вопросам стратегии и тактики от ленинской линии мирового коммунистического движения, провозгласили свой особый курс. В нем сливаются мелкобуржуазный авантюризм и великодержавный шовинизм. Китайское руководство взяло на вооружение троцкистские методы борьбы против марксистско-ленинских партий, в различных странах сколачивает фракционные группки.

В письме от 7 мая руководство КПК отвергло предложения КПСС и других братских партий, имевшие целью преодоление трудностей в коммунистическом движении, и отказалось встретиться для переговоров. Оно рекомендовало отложить совещание коммунистических и рабочих партий на четыре-пять лет или вовсе не созывать его. Согласие на двустороннюю встречу с представителями КПСС китайские лидеры обставили оговорками, сделавшими ее невозможной. Вместе с тем они предложили подписать соглашение о продолжении полемики.

После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС предпринял новые усилия для нормализации советско-китайских отношений. Наша партия продемонстрировала искреннее стремление повернуть их развитие в сторону терпеливого и настойчивого урегулирования.

Позиция Пекина носила лицемерный характер. Китайские руководители на короткое время приглушили наиболее грубые антисоветские выступления, но с прежней настойчивостью продолжали добиваться осуществления своих целей, враждебных нашей партии и стране. Уже в последней декаде октября в КНР вновь широко распространялись клеветнические публикации. Внешнеторговые организации оптом продавали антисоветскую литературу, издаваемую на различных языках, буржуазным фирмам на Гуанчжоуской ярмарке экспортных товаров. Продолжалась антисоветская деятельность китайских учреждений и в третьих странах. С нападками на СССР выступили делегации КНР на состоявшихся во второй половине октября 1964 г. заседаниях ряда международных демократических организаций.

Несмотря на неблагоприятные маневры маоистов, ЦК КПСС пригласил партийно-правительственную делегацию КНР на празднование 47-й годовщины Великого Октября. Имелось в виду использовать возможность контактов с китайскими лидерами для поисков путей к оздоровлению обстановки в коммунистическом движении и социалистическом содружестве. Наша партия шла на переговоры с доброй волей и с самого начала стремилась придать им деловой, конструктивный характер.

Руководство КПК, направляя делегацию во главе с Чжоу Эньлаем, преследовало иные цели; оно заранее спланировало срыв любой договоренности, выдвинув ультимативные требования кардинального изменения политики КПСС. Не случайно на ноябрьских встречах в Москве, как и на других ответственных переговорах начиная с 1960 г., присутствовал подручный Мао Цзэдуна Кан Шэн, включенный в состав делегации. Он давно прослыл главным специалистом по провоцированию раздоров с СССР. Опираясь на свой богатый опыт махрового антисоветчика, Кан Шэн искусственно создавал предлоги для того, чтобы отравить атмосферу переговоров. Группа Мао считала, что ради самосохранения она должна любыми средствами не допускать потепления в отношениях между КПК и КПСС.

Линия ЦК КПСС на ноябрьских переговорах была ясной и четкой. В интересах дела КПСС и КПК в своих отношениях должны исходить из того, что их объединяет, а не разъединяет; существо проблемы в том и состоит, чтобы положить начало нормализации обстановки при наличии разногласий. Что касается принципиальных спорных

вопросов, то надо создать условия для их спокойного и делового обсуждения, а для этого следует дать возможность поработать времени, практике. Поэтому советская сторона предлагала прекратить открытую полемику и обсудить, какие совместные шаги могли бы предпринять КПСС и КПК для укрепления антиимпериалистического фронта, а также обменяться мнениями по проблемам межгосударственных связей.

Позицию нашей партии определяло не то, что ей нечего сказать в споре с лидерами КПК: ошибочность и порочность курса китайского руководства слишком очевидны. Как считала КПСС, в создавшихся условиях нужно сделать еще одну попытку ввести обсуждение спорных вопросов в рамки товарищеской дискуссии. Добиваясь нормализации отношений, подчеркивала советская сторона, КПСС никогда не поступится своими принципиальными позициями, определенными ее съездами и Программой, не отойдет от общего курса международного коммунистического движения. СССР никогда не станет на путь авантюризма во внешней политике и не откажется от борьбы за мир. Не может быть и речи также о том, чтобы наша партия свернула планы коммунистического строительства, развития демократии, повышения жизненного уровня советского народа.

Делегация КПК уклонилась от обсуждения позитивных предложений, не согласилась с предложением прекратить открытую полемику. Более того, она заявила: если КПСС будет осуществлять нынешний курс, следовать Программе своей партии, то китайская сторона не прекратит борьбы против нее. Не проявила делегация и желания рассмотреть вопросы межгосударственных связей.

В ходе бесед советская сторона выступила с новой инициативой: встретиться представителям двух партий на высоком уровне и обсудить самые важные вопросы советско-китайских отношений. Встречу можно провести в любое время и в любом месте, открыто или закрыто.

Делегация КПК не поддержала и этого предложения.

После ее возвращения антисоветская деятельность Мао Цзэдуна и его группировки еще более активизировалась. 21 ноября 1964 г. в журнале ЦК КПК «Хунци» появилась передовая статья, которая положила начало новому туру злобных выступлений против нашей партии и страны.

Для развертывания антисоветской пропаганды правящая верхушка КПК вновь использовала трибуну Всеки-

тайского собрания народных представителей, открывшегося 20 декабря 1964 г. Доклад премьера Государственного совета Чжоу Эньлая изобилует измышлениями в адрес СССР.

Хорошую возможность для обмена мнениями между правительствами СССР и КНР представляла поездка в феврале 1965 г. через Пекин в Демократическую Республику Вьетнам делегации СССР во главе с Председателем Совета Министров СССР. А. Н. Косыгин имел встречи с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем. Он сообщил ЦК КПК о новом подходе братских партий к мерам по подготовке международного совещания: было решено не созывать редакционную комиссию, против чего категорически возражали китайские руководители, а провести консультативную встречу для предварительного обмена мнениями. Тем самым устранялся предлог, на который китайское руководство ссылалось как на одно из серьезных препятствий для преодоления разногласий с КПСС и другими коммунистическими партиями.

Советская сторона проявила инициативу, поставив важные проблемы для обмена мнениями: преодоление трудностей в мировом коммунистическом движении, прекращение полемики и фракционной деятельности среди братских партий. Она внесла предложение о совместном выступлении ДРВ, КНР, СССР, КНДР и других социалистических стран с заявлением, которое разоблачало бы нарушение Соединенными Штатами Женевских соглашений, гарантировавших независимость и безопасность ДРВ и предусматривавших вывод всех иностранных войск из Индокитая.

По всем этим вопросам Мао Цзэдун занял отрицательную позицию. Как и на московской встрече в ноябре 1964 г., лидеры КПК вновь заявили, что и впредь намерены вести непримиримую борьбу против идейных позиций КПСС и других братских партий. Они отклонили предложение об объединении усилий коммунистических партий и социалистических стран для отпора проискам империализма. Именно в тот период, когда начались американские бомбардировки ДРВ, такое единство сыграло бы крайне важную роль в сдерживании агрессора.

Китайские руководители опять отвергли предложение ЦК КПСС о двусторонней встрече представителей двух партий на высоком уровне. Они заявили, что «еще не созрело» время для подобных консультаций.

В Пекине упорно продолжали выдвигать в качестве условия снятия разногласий абсурдное требование — отказ КПСС от решений XX и XXII съездов. Мао Цзэдун заявил А. Н. Косыгину, что полемика является лишь «бумажной войной», в ходе которой не стреляют и никто не гибнет, и что она может продолжаться десять тысяч лет. На реплику А. Н. Косыгина, нельзя ли сократить срок, Мао Цзэдун ответил: «Десять тысяч лет». (В дальнейшем он назвал восемь тысяч.) Увы, прошло четыре года, и «бумажная война» вылилась в стрельбу китайских солдат по советским пограничникам!

1—5 марта 1965 г. в Москве проходила консультативная встреча представителей коммунистических и рабочих партий 18 государств. ЦК КПК отказался направить своих представителей.

Участники консультативной встречи обсудили вопрос об основных тенденциях международного развития и активизации борьбы против империализма и колониализма, в поддержку национально-освободительного движения, о путях преодоления возникших в рядах коммунистического движения трудностей.

Присутствовавшие на совещании партии отметили, что следует проявлять твердость и непреклонность в борьбе против империалистической агрессии. Они гневно осудили американскую агрессию и заявили о солидарности с героическим народом, Партией трудящихся Вьетнама. Компартии подчеркнули свою верность генеральной линии, определенной международными Совещаниями 1957 и 1960 гг., а также необходимость продолжать двусторонние и многосторонние встречи, подготовить совещание всех коммунистических и рабочих партий. Для обсуждения вопроса о новом совещании было решено провести встречу представителей 81 партии, участвовавшей в Совещании 1960 г.

Руководители КПК резко отрицательно реагировали на консультативную встречу и отвергли ее рекомендации. «Жэньминь жибао» и «Хунци» выступили со статьей, авторы которой заявили, будто борьба в мировом коммунистическом движении вступает в новый этап¹. В то же время Мао и его группировка провозгласили тезис: не может быть и речи о преодолении разногласий, ибо они выходят «за рамки единого течения» и являются расхождениями между «двумя враждебными классами — пролета-

¹ «Жэньминь жибао», 22. III. 1965.

риатом и буржуазией», между «революцией и контрреволюцией». Китайская пропаганда начала усиленно «разрабатывать» тему о «буржуазном перерождении» КПСС и Советского государства. Из Пекина все громче раздавались призывы к советским людям совершить еще одну «народную революцию», после чего якобы появятся условия для улучшения отношений с КНР.

ЦК КПСС в очередном письме китайскому руководству от 28 ноября 1965 г. выразил глубокую озабоченность по поводу такой политики и указал на ее пагубные последствия как для советско-китайских отношений, так и для социалистического содружества и международного коммунистического движения в целом. 7 января 1966 г. ЦК КПК дал подчеркнуто враждебный ответ, повторив свои клеветнические измышления.

В течение 1966 г. ЦК КПСС наиболее важные шаги по нормализации советско-китайских отношений сделал в связи с XXIII съездом. На съезд пригласили делегацию КПК. Китайские руководители ответили отказом. ЦК КПСС вновь подтвердил свою готовность в любой момент рассмотреть с руководством КПК разногласия, чтобы найти способы преодолеть их на принципах марксизма-ленинизма. В Отчетном докладе ЦК КПСС говорилось: «Мы выражаем глубокое сожаление по поводу того, что разногласия, из которых извлекают выгоду только наши общие противники, до сих пор не преодолены. По нашему мнению, это не отвечает интересам ни одной из братских партий, ни общим интересам мирового коммунистического движения. КПСС считает, что долг всех коммунистов — содействовать сплочению рядов нашего движения. ЦК КПСС глубоко уверен, что, чем крепче солидарность всех отрядов коммунистического движения, тем сильнее международный антиимпериалистический фронт, тем успешнее будет развиваться мировой революционный процесс»¹.

Китайские лидеры обрушились с клеветническими нападками на высший форум нашей партии. Их пропаганда стала настойчиво твердить об угрозе «с севера», т. е. со стороны СССР, о каком-то сговоре США, Индии и Советского Союза против КНР. В мае 1966 г. Чэнь И сказал буржуазным корреспондентам: СССР относится к числу «опасных друзей», без которых Китай «чувствует себя в большей безопасности».

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 281—282.

Злобные выпады усиливались по мере роста успехов Советского Союза и дискредитации авантюристического курса Мао Цзэдуна и его группировки.

Пекин упорно свертывал экономические, научно-технические и культурные связи. Общий объем советско-китайского экономического сотрудничества в 1965 г. составил примерно 1,5% от уровня 1959 г., а в 1966 г., по сути, равнялся нулю. Удельный вес советско-китайского товарообмена во внешней торговле КНР упал с 50% в 1959 г. до 7% (менее 300 млн. руб.) в 1966 г. Прекратились контакты по линии науки и культуры.

Продолжались провокации на границе. Китайские власти стали открыто выдвигать притязания на значительную часть территории СССР на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Советское правительство предприняло немало конструктивных шагов для того, чтобы предотвратить разрастание пограничных трений, снять их остроту. 17 мая 1963 г. оно предложило провести двусторонние консультации. Они начались в феврале 1964 г. в Пекине. Делегацию СССР возглавлял полномочный представитель в ранге заместителя министра П. И. Зырянов, китайскую — заместитель министра иностранных дел Цзэн Юнцюань.

Делегация СССР выступила с инициативой проверить всю границу и, если где-то она не соответствует договорным документам и исторически сложившейся линии, внести уточнения.

Делегация же КНР пыталась поставить под сомнение исторически сложившуюся и закрепленную договорными документами государственную границу, выдвигала притязания на несколько десятков тысяч квадратных километров советских земель.

Консультации в Пекине не были закончены, удалось рассмотреть только восточную часть границы. В принципе была достигнута договоренность продолжить их в Москве 15 октября 1964 г. Несмотря на неоднократные напоминания советской стороны, правительство КНР уклонялось от завершения консультаций.

Между тем не составляло большого труда договориться и исключить на будущее кривотолки и недоразумения. Требовалась лишь добрая воля с китайской стороны и желание действовать в соответствии с некоторыми ее собственными заявлениями. Речь идет, в частности, о заявлении премьера Госсовета 28 апреля 1960 г. на пресс-конференции в столице Непала — Катманду. Отвечая на вопрос

одного из корреспондентов о том, имеются ли «участки не-установленной границы между СССР и КНР», Чжоу Эньлай подчеркнул: «На картах есть незначительные расхождения. Очень легко их мирно решить».

Однако достижение договоренности не входило в планы группы Мао Цзэдуна. Она вынашивала территориальные притязания на советскую территорию. Ей нужна была искусственно созданная «территориальная проблема», которую можно использовать для обработки населения в духе вражды к Советскому Союзу. Насколько разгорелись ее захватнические аппетиты, показывает заявление «великого кормчего» группе японских социалистов 10 июля 1964 г. «Примерно сто лет назад,— объявил он,— район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру».

На каком основании выдвигались притязания на земли, которые не принадлежали Китаю? Аргументы сводились к следующему: много сотен лет назад туда приходили китайские войска, а богдыхан собирал дань с местных жителей. С помощью подобных доводов можно сказать, что граница КНР должна пролегать вдоль Великой китайской стены, находящейся менее чем в 100 км от Пекина, ведь когда-то там действительно была граница Китая, о чем свидетельствует сама стена.

Даже если принять ссылки на «исторические права» всерьез, то в данном случае они не соответствуют фактам. В середине XVII в. китайские владения простирались лишь до Хинганского хребта, т. е. значительно южнее Амура и Аргуни. Территорию к северу от Хингана населяли эвенки, дауры и другие местные племена, подвергавшиеся набегам маньчжур. Коренного маньчжурского и китайского населения в Приамурье не было. С освоением Россией северной половины бассейна Амура и Приморья, а Китаем — южной происходил процесс размежевания и определения границ. Как уже отмечалось, такое состояние границы было закреплено Айгунским, Тяньцзиньским и Пекинским договорами.

СССР — государственное образование, возникшее в результате добровольного объединения советских республик, которые были созданы на обломках царской империи. Границы Советского Союза сложились в результате волеизъявления народов на основе принципа самоопределения наций. Народы, вошедшие в его состав, никому не позволят

посягать на их право самим решать собственную судьбу. В. И. Ленин говорил: «...Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький»¹.

Небезынтересно отметить, что в США сразу же признали за Китаем «исторические основания» для предъявления СССР территориальных претензий. Истинные цели пропагандистских маневров американских внешнеполитических стратегов приоткрыла газета «Нью-Йорк таймс». В статье «Конфликт на Амуре?» предсказывалась возможность инцидентов на советско-китайской границе в связи с введением правительством КНР новых навигационных правил плавания по пограничным рекам. Авторы заявляли: «Из стычек на таком низком уровне могут возникнуть гораздо более опасные раздоры»².

Действия Мао Цзэдуна и его группы грубо противоречили Договору о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Они старались отмежеваться от собственных обязательств по этому договору. Стороны обязались совместно принимать меры против повторения агрессии со стороны Японии или другого государства, которое прямо или косвенно объединилось бы с ней в актах агрессии. Министр иностранных дел КНР Чэнь И цинично заявил в декабре 1963 г.: «Советская защита ничего не стоит для нас». Свою же помощь в случае агрессии против СССР власти КНР поставили в зависимость от того, сочтут ли они сопротивление агрессору достаточно «решительным».

В договоре имелось и обязательство сторон участвовать в международных действиях с целью укрепления мира и консультироваться друг с другом по внешнеполитическим вопросам, которые затрагивают их интересы. Руководители КНР выступили против любых мер Советского Союза по разрядке международной напряженности. В то время как страны — члены Варшавского Договора регулярно проводили консультации, правительство КНР отвергало такого рода встречи, оно предпочитало не связывать себе руки. Его представители игнорировали приглашения и не участвовали в совещаниях руководителей социалистических государств. В то же время Китай, проводя те или иные акции, которые затрагивали интересы других социалистических стран, не считал нужным не только посоветоваться, но хотя бы заранее поставить их в известность,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 303.

² «New York Times», 25. IV. 1966.

Советско-китайский договор предусматривал всемерное развитие и упрочение экономических и культурных связей СССР и КНР в соответствии с принципами равноправия, взаимных интересов, уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, равно как невмешательства во внутренние дела. Руководители Китая нарушили принцип равенства. В одностороннем порядке они перечеркнули десятки соглашений и контрактов. Пекин пренебрег также принципом взаимных интересов и продолжал сотрудничество в тех или иных областях в зависимости от корыстных расчетов и выгоды. Лидеры КНР попрали и принцип уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, совершая провокационные акты на советской границе и выдвигая территориальные притязания. Они отбросили принцип невмешательства в дела другой страны и пытались вести в СССР подрывную деятельность.

* * *

В отношении коммунистических партий и социалистических стран, которые не пожелали пойти за Пекином, применялись такие методы, как злобные нападки, попытки посеять семена раздора, пренебрежение элементарными нормами международного права, вмешательство во внутренние дела, игнорирование государственного суверенитета, великодержавное шовинистическое высокомерие, экономическое давление.

Летом 1963 г. пресса КНР печатала сфабрикованные в Пекине «письма» из Болгарии и некоторых других социалистических стран. Она хотела создать впечатление, будто там преследуют «честных коммунистов». Китайские представители стали навязывать населению свою раскольническую макулатуру, вести подрывную работу за спиной правительств социалистических государств. Болгарское правительство потребовало прекратить эту деятельность.

В июле 1963 г. правительство Чехословакии предложило не направлять в Прагу заведующего отделением агентства Синьхуа и его жену (корреспондент того же агентства) и срочно отозвать еще одного китайского журналиста: они, как указывалось в сообщении ЧТК, «недопустимо нарушали предписания, обычаи и интересы страны, в которой аккредитованы, и тем самым перешли границы деятельности телеграфного агентства».

В МИД Венгрии пригласили китайского дипломата и высказали требование прекратить в стране распространение письма ЦК КПК от 14 июня 1963 г. Характеризуя об-

раз действий Мао и его сторонников, Янош Кадар в речи на митинге в Будапеште 5 августа 1963 г. подчеркнул: «Хотя братская партия Китая — мощная партия в отношении ее численности, китайским руководителям также нужно знать, например, где кончается их партия и где начинается партия рабочего класса другой страны. Китайские руководители не должны стремиться брать на себя дело марксистской подготовки членов Венгерской социалистической рабочей партии, так как из этого ничего хорошего не получилось бы».

Серьезные представления руководству КНР были сделаны Польшей и МНР. Товарищам в ГДР пришлось принять административные меры в связи с распространением китайскими представителями враждебных материалов в дни Лейпцигской ярмарки 1966 г.

Грубые угрозы раздавались в адрес тех государств, которые старались поддерживать нормальные отношения с Китаем и одновременно сотрудничали с СССР. Их обвиняли в том, будто они пытаются «сидеть на двух стульях». В ультимативной форме ставилось условие — «Китай или Советский Союз».

За 1961—1967 гг. товарооборот КНР с социалистическими странами уменьшился в 3 раза. Объем торговли с МНР сократился более чем в 200 раз, с ЧССР — в 6,3, с Венгрией — более чем в 6, с ГДР — почти в 3, с Польшей — в 2 раза. КНР продолжала свертывать торговлю с Кубой. Доля социалистических стран в китайской внешней торговле упала с 64% в 1960 г. до 22% в 1967 г.

Пытаясь заставить кубинское правительство занять прокитайские позиции, Мао Цзэдун и его группа применили экономический шантаж; они сознательно затягивали подписание торгового соглашения на 1966 г., угрожая резко сократить поставки риса. Как сообщала газета «Гранма», представители КНР пытались установить прямые контакты с кубинскими офицерами, рассчитывая завербовать их либо для того, чтобы обратить в свою веру, либо получать через них информацию. «Это был поистине недопустимый факт, с каким не может мириться ни одно суверенное государство, ни одно уважающее себя правительство, — указывала «Гранма». — Это было вопиющим нарушением самых элементарных норм уважения, которые должны существовать в отношениях между социалистическими и даже несоциалистическими странами»¹.

¹ «Granma», 2. II. 1966.

Премьер-министр Кубы Ф. Кастро в начале 1966 г. так охарактеризовал позицию группы Мао: «Китайское правительство осуществило преступный акт экономической агрессии, направленный против нашей страны, в тот год, когда мы испытывали серьезные трудности климатического характера, когда цены на мировом рынке на наш основной продукт экспорта были исключительно низкими и когда империалисты установили строгую экономическую блокаду, затруднявшую или препятствовавшую нашему торговому обмену с большей частью стран мира. Китайское правительство не могло выбрать более подходящего, более удобного момента, чтобы нанести чувствительный удар нашему народу, и, что еще более серьезно, это произошло именно тогда, когда должна была начаться Конференция солидарности народов трех континентов. Над этим действительно стоит серьезно поразмыслить».

Пекин отказывался от участия в коллективных организациях социалистических стран. Он отозвал своих ученых из Объединенного института ядерных исследований в Дубне, денонсировал соглашение пяти социалистических стран об океанологических и лимнологических работах в районе Тихого океана, отклонил предложение о совместном изучении и использовании космоса.

Мао Цзэдун утверждал, будто СССР завладел какими-то землями Японии, Китая, Монголии, Польши, Румынии, Финляндии. Таким путем маоисты хотели спровоцировать вражду между государствами, в первую очередь между СССР и другими странами социалистического содружества. Газета «Нойес Дойчланд» (ГДР) указывала: экспансионистские устремления китайских руководителей являются неслыханными притязаниями, а рассуждения Мао Цзэдуна о «несправедливом распределении территории» не что иное, как «новое издание жизненного пространства». Ныне стало совершенно очевидно, подчеркивала венгерская «Непсабадшаг», что китайские лидеры ведут откровенно великодержавную, шовинистическую линию.

Зато подстрекательство со стороны Мао Цзэдуна пришлось по душе милитаристам ФРГ. Выступая на собрании реваншистского «Союза изгнанных», Штраус заявил, что боннская политика должна обратить внимание на оспаривание Китаем происшедших на карте Европы изменений.

Коммунистические и рабочие партии социалистических стран давали отпор идеологическому наступлению и подрывной деятельности маоистов. В докладе ЦК ПОРП

IV съезду в июне 1964 г. говорилось: «Все поведение КПК свидетельствует о том, что она начала спор с другими партиями и выдвинула свою обособленную платформу не для того, чтобы дойти до правды и добиться согласованной позиции всех партий, а для того, чтобы привести к расколу... Руководители КПК предприняли попытку сколотить собственную, обособленную от социалистического лагеря, группировку государств, складывающуюся из некоторых социалистических и некоторых несоциалистических государств Азии и Африки».

ЦК Компартии Чехословакии 21 июля 1963 г. указал в заявлении: нынешнюю концепцию и действия руководства КПК во время международных обсуждений вопросов о роли и развитии мировой социалистической системы, стратегии и тактики мирового рабочего движения и национально-освободительной борьбы, при всем уважении к традициям китайских коммунистов, нельзя расценивать иначе как раскольническую деятельность и как отпетый авантюризм. Обращалось внимание руководителей КНР на ущерб, который их действия причинили народному хозяйству социалистических стран, в том числе Чехословакии. 12 апреля 1964 г. в новом заявлении ЦК КПЧ отмечал: «Руководящие деятели Коммунистической партии Китая, ослепленные манией величия, потеряли рассудок и не останавливаются ни перед чем. Они несут всю ответственность за ослабление единства и раскол международного коммунистического движения».

29 августа 1963 г. правительство ГДР выразило надежду, что КНР возвратится на общий путь социалистических государств и тогда в совместной борьбе за сохранение мира, за социализм, против западногерманского милитаризма отношения между ГДР и КНР упрочатся и расширятся. В заявлении от 23 апреля 1964 г. ЦК СЕПГ отметил, что обработка китайского народа в антисоветском духе находится в глубочайшем противоречии с пролетарским интернационализмом.

3 апреля 1964 г. было опубликовано решение ЦК ВСРП по поводу новых раскольнических шагов маоистов. На расширенном заседании ЦК ВСРП отверг и осудил эти действия, в том числе вмешательство во внутренние дела стран — участниц СЭВ.

ЦК Болгарской коммунистической партии в решении пленума от 21 марта 1964 г. отмечал: идеологические расхождения Мао Цзэдуна и его группа перенесли на отношения между социалистическими странами и продолжают

ухудшать их. По вине китайского руководства резко сократились взаимопомощь и сотрудничество между КНР и другими странами социализма.

Пленум ЦК Монгольской народно-революционной партии с возмущением констатировал в постановлении от 22 декабря 1963 г., что в последние годы руководители КПК, начав разногласия с марксистско-ленинскими партиями по важнейшим вопросам современности, открыто перешли к развернутому наступлению против совместно разработанной и изложенной в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. генеральной линии. ЦК МНРП направил 12 июня 1964 г. ЦК КПК письмо. Китайские руководители своей раскольнической и подрывной деятельностью, подчеркивалось в нем, наносят огромный вред единству социалистических стран и международного коммунистического движения, отвлекают внимание и силы коммунистов и рабочего класса от борьбы против империализма, создают новые трудности для победы социалистических и национально-освободительных революций в различных странах. Монгольские коммунисты считали своим долгом сказать, что реакционный курс руководства КПК не только задержит социалистическую поступь китайского народа, но и при определенных условиях поставит под серьезную угрозу его революционные завоевания. Логика событий может привести к тому, что Китай не будет иметь иного выхода, кроме как пойти на уступки империалистам на том или ином участке экономической и политической жизни.

Как далеко пошли руководители китайской внешней политики в стремлении разъединить братские страны, помешать их коллективным действиям, показывает позиция Пекина во вьетнамском вопросе. В связи с испытанием ядерного оружия в Китае и программой создания ракетных средств его доставки со стороны наиболее реакционных кругов США начали раздаваться призывы нанести превентивные удары по атомным центрам КНР, чтобы предупредить создание ею ядерного потенциала. Напуганные такой перспективой, руководители Китая, по существу, обещали империалистам Соединенных Штатов невмешательство в «американо-вьетнамский конфликт». По этой причине они отказались от совместных действий социалистических государств в деле оказания помощи Вьетнаму.

Когда в феврале 1965 г. США начали бомбардировки, правительство ДРВ обратилось к членам социалистического содружества с просьбой совместно осудить агрессию

и заявить о поддержке вьетнамского народа. Пекинские руководители воспротивились и тем самым сорвали важную коллективную акцию. Начиная с февраля 1965 г. Советский Союз неоднократно предлагал китайскому правительству предпринять общие действия в поддержку Вьетнама и провести трехстороннюю встречу (СССР, КНР, ДРВ) на высоком уровне для выработки мер с целью оградить безопасность социалистической страны. На XXIII съезде КПСС вновь прозвучал призыв к коммунистам всех стран теснее сплотить ряды в условиях расширения агрессивных происков империализма. В апреле 1967 г. на Конференции европейских коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев заявил, что ЦК КПСС и Советское правительство готовы к единству действий с КНР при планировании и практическом осуществлении помощи борющемуся Вьетнаму.

Другие братские партии тоже принимали меры с целью укрепления единства социалистических стран и коллективного отпора американской агрессии. В ноябре 1965 г. ЦК ПОРП выступил с важной инициативой — согласовать действия для оказания помощи ДРВ и созвать совещание на высшем уровне. Ее поддерживали коммунистические партии Болгарии, Венгрии, ГДР, МНР, СССР и ЧССР. Государства — участники Варшавского Договора подчеркнули в Бухарестском заявлении от 6 июля 1966 г. и Софийском заявлении от 7 марта 1968 г. необходимость единства действий социалистических государств во имя победы вьетнамского народа. Нет надобности доказывать, насколько эффективной была бы поддержка, если бы агрессор встретил коллективный отпор. Без КНР совместные действия были затруднены, ибо только она непосредственно граничит с Вьетнамом.

Китайские руководители отвергли координацию усилий социалистических государств для оказания помощи Вьетнаму. В ноябре 1965 г. в «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» появилась пространная редакционная статья, где заявлялось: между КПК и КПСС «существует то, что противопоставляет, и нет того, что было бы общим». Их единство действий, мол, невозможно, поскольку обе партии стоят «на диаметрально противоположных позициях».

В Китае сыпались проклятия в адрес империалистов США, организовывались шумные демонстрации. Его правительство снова и снова заявляло, будто оно подготовилось и само знает, как ему поступить в отношении помощи

ДРВ. Одновременно по различным каналам Пекин доводил до сведения Вашингтона о своем намерении «стоять в стороне». «Китайцы будут воевать лишь в том случае, если США нападут на Китай... Китайцы слишком заняты своими внутренними делами» — так Мао Цзэдун говорил в январе 1965 г. американскому литератору Э. Сноу¹. Через месяц, после того как интервью Мао Цзэдуна обошло мировую печать, США приступили к бомбардировкам ДРВ.

Группа Мао отказалась от тезиса «агрессия против ДРВ есть агрессия против КНР». Как сообщала «Вашингтон пост», имели место американо-китайские контакты в целях разъяснить «ограниченный характер американских обязательств во Вьетнаме» и показать, будто они «не направлены против КНР». Как сообщил высокопоставленный представитель Белого дома, «китайцы, по сути дела, заявили Соединенным Штатам: «Если вы оставите нас в покое, то и мы оставим вас в покое»».²

Дело не ограничивалось этим.

Власти КНР чинили препятствия перевозке боевой техники и специалистов из СССР в ДРВ, пытались приуменьшить значение советской помощи. И это делалось в то время, когда из СССР поступали ракеты, артиллерия и другое современное оружие, боеприпасы, радиотехнические средства, автомашины, суда, промышленное оборудование, продовольствие, медикаменты. Вьетнамские товарищи высоко оценивали советскую помощь, игравшую, как они отмечали, огромную роль в укреплении обороноспособности ДРВ и отражении американской агрессии.

Позиция Мао и его группы, по сути дела, поощряла империалистов США на расширение войны в Индокитае. Белый дом при формировании своей политики учитывал их раскольническую деятельность. Джон Скотт писал в журнале «Мэгэзин оф Уолл-стрит энд бизнес энэлист» от 3 апреля 1965 г.: «Способность США поддерживать крайне твердую позицию во вьетнамском конфликте в немалой степени зависела от постоянно усиливающегося раскола между Россией и красным Китаем». В марте 1966 г. в конгрессе США специально обсуждался вопрос, как лучше воспользоваться антисоветскими устремлениями Мао Цзэдуна и его группы.

¹ «New Republic», 27. II. 1965, p. 22.

² «Washington Post», 23. VIII. 1967.

Печальной памяти Д. Ф. Даллес, много сил отдавший политике «с позиции силы» и «балансирования на грани войны», когда убедился в ее провале, стал искать иные способы борьбы против социалистического содружества и мирового коммунистического движения; незадолго до смерти он высказывал мысль, что Западу нужно попытаться изнутри взорвать мировую систему социализма. И вот в роли подрывников выступили пекинские националисты.

НОВЫЕ МАНЕВРЫ С ЦЕЛЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ГЕГЕМОНИИ НАД НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

После того как большинство колониальных стран завоевало суверенитет, центр тяжести национально-освободительной борьбы перемещается в область достижения ими экономической самостоятельности и социального освобождения народов.

Интересам освободительного движения в одинаковой степени вредны как попытки под предлогом уважения национальной специфики раздробить его на отдельные отряды и группы, развести их по национальным квартирам, так и стремление принизить роль марксистско-ленинского учения, революционного опыта международного рабочего движения, обосновать «универсальный» характер его в одной стране и навязать национально-освободительным силам шаблонную тактику, выдвигаемую без учета конкретных условий.

Внешняя политика стран социализма, если она является интернационалистской, должна исходить из общих интересов социалистического содружества, мировых революционных сил, способствовать активизации и углублению национально-освободительного движения, сплочению всех могучих революционных потоков современности в едином антиимпериалистическом фронте.

Именно так поступают СССР и многие другие социалистические страны. Это и есть практический вклад социализма в ускорение национально-освободительных процессов.

В 1963 г. на московских переговорах китайские руководители выступили с развернутой «теоретической» плат-

формой, где изложили особые взгляды по основным вопросам современности, в том числе о роли национально-освободительного движения. Так называемая генеральная линия КПК в междупародном коммунистическом движении, теоретические статьи по отдельным вопросам, письма, выступления руководителей КПК и т. д. знаменовали собой значительное усиление пропагандистской и практической работы с целью дискредитации СССР и других социалистических стран в Азии и Африке. Это были шаги по сколачиванию «афро-азиатского сообщества», полностью изолированного от социалистического содружества. Группа Мао Цзэдуна перешла к открытой раскольнической деятельности в коммунистическом движении стран Азии и Африки, в Организации солидарности народов этих континентов. Она стала активно выдвигать расистские концепции.

Пекин продолжал нажим на Индию. Китайские войска в любой момент могли вновь прийти в движение на границе с ней. Власти КНР подстрекали выступления против правительства Индии.

Национально-освободительному движению, прогрессивным силам молодых государств Азии и Африки, их солидарности был причинен огромный ущерб. Тем самым была оказана большая услуга силам империализма и колониализма. Империалистические державы никогда не смогли бы так дискредитировать принцип «панча шила», как это сделали руководители КПК своими раскольническими действиями в отношении Индии. Западная пресса не скрывала удовлетворения по этому поводу, имея в виду прежде всего то соображение, что отныне любые совместные действия стран Азии против империализма будут сильно затруднены. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн», злорадствуя в связи с кровопролитием в Гималаях, заявляла, что теперь новые государства Азии «должны понять, что ни коммунизм, ни нейтрализм не могут служить гарантией против войны»¹.

В январе 1963 г. по инициативе премьер-министра Цейлона Сиримаво Бандаранайке руководящие деятели шести неприсоединившихся стран (Цейлон, ОАР, Гана, Бирма, Индонезия, Камбоджа) выработали на конференции в Коломбо предложения для мирного урегулирования этого конфликта. Они выразили надежду, что предложения «могут содействовать упрочению перемирия и в случае, если бу-

¹ «New York Herald Tribune», 29. X. 1962.

дут претворены в жизнь, проложат путь для переговоров между представителями обеих стран». Характерно, что участники конференции сочли необходимым обратиться именно к Китаю с призывом отвести войска на 20 км от линии, на которой те оказались в результате крупных военных действий осенью 1962 г.

Индия без всяких оговорок приняла предложения конференции и выразила готовность начать переговоры. Правительство КНР заявило об одобрении предложений «только в принципе». Однако 1 марта 1963 г. было опубликовано сообщение, что китайские войска отведены на 20 км от линии фактического контроля на 7 ноября 1959 г.

Пекин старался изолировать Индию, настроить против нее соседние государства. Именно поэтому он поддержал Пакистан в конфликте с Индией в сентябре 1965 г. Чтобы сковать ее силы, правительство КНР в дни конфликта предъявило Индии ультимативное требование снять укрепления на границе¹. Китайская пропаганда яростно обрушилась на Ташкентское соглашение о мирном урегулировании, достигнутое в январе 1966 г. Индией и Пакистаном при посредничестве СССР².

Можно было бы ожидать, что в споре между социалистической страной и большим нейтралистским государством руководители КНР проявят мудрость и примут меры для урегулирования конфликта. Они не сделали этого, ибо стремились вызвать дополнительные трудности в Индии, скомпрометировать своего соперника за лидерство в Азии и Африке. Скомпрометированными же оказались сами.

В борьбе за обособление национально-освободительного движения маоисты пытались использовать Индонезию. Не без их влияния Сукарно стал выступать с нападками на политику неприсоединения. Подталкиваемый китайскими лидерами, он объявил 7 января 1965 г. о выходе Индонезии из ООН. Пекин тут же назвал это решение «самым смелым, самым революционным шагом» и призвал создать «революционную Организацию Объединенных Наций». Маоисты ловко играли на стремлении Сукарно созвать конференцию новых нарождающихся сил (КАНЕФО). Лидеры КНР считали, что они будут задавать тон на конференции, а президенту Сукарно придется довольствоваться ролью младшего партнера; они призывали индонезийских деятелей к антисоветским выступлениям. Чтобы привязать

¹ «ИБАС», 19. IX. 1965, стр. 6.

² «Жэньминь жибао», 2. II. 1966.

Индонезию к Китаю, Пекин всемерно подталкивал ее на противоборство с Малайзией. В совместном китайско-индонезийском коммюнике от 3 декабря 1964 г. указывалось, что «правительство и народ Китайской Народной Республики полностью поддерживают борьбу правительства и народа Индонезии за разгром Малайзии»¹.

Для завоевания популярности в развивающихся странах в Пекине решили организовать поездку премьера Государственного совета Чжоу Эньлая и министра иностранных дел Чэнь И по странам Азии и Африки. Основной упор делался на посещение африканских стран. Пекин хотел, кроме того, заручиться их поддержкой в деле созыва второй, подобной Бандунгской, конференции афро-азиатских государств. Добиться этого было нелегко, особенно учитывая авантюристическую позицию Пекина в вопросе о войне и враждебность к СССР.

Вояж Чжоу Эньлая начался 14 декабря 1963 г. Он посетил 10 африканских стран, три азиатские и одну европейскую (Албанию). Будучи в ОАР, Алжире, Марокко, Судане, Мали и других странах, китайский премьер старался быть максимально осторожным при высказывании своих суждений по всем вопросам мировой политики. Он придерживался, по сообщению «Нью-Йорк таймс» от 22 декабря 1963 г., «мягкого метода» как на переговорах с главами правительств и государств, так и на пресс-конференциях. Это были совсем другие выступления, которые резко контрастировали с грубыми речами пекинских представителей в Организации афро-азиатской солидарности или теоретиков и пропагандистов из «Жэньминь жибао». Вместе с тем заявления китайского премьера значительно отличались и от его последующих речей, особенно в период «культурной революции».

Чжоу Эньлай учитывал, что в африканских странах мало желающих слушать клеветнические измышления о внешней и внутренней политике Страны Советов. Поэтому была проявлена максимальная осторожность, прежде всего при оценке характера разногласий с СССР. На пресс-конференции в Каире 20 декабря 1963 г. Чжоу Эньлай заявил: между КПК и КПСС есть идеологические разногласия, но они будут ликвидированы. «Страны, которые используют эти разногласия, должны знать, что две социалистические державы входят в социалистический лагерь и что, согласно Договору о дружбе, союзе и взаимной

¹ «Жэньминь жибао», 4. XII. 1964.

помощи, заключенному между СССР и КНР в феврале 1950 г., их отношения являются отношениями союзников...» Сказано, разумеется, хорошо! На деле же позиция руководителей КПК и КНР уже в то время была в полной мере антисоветской, что тревожило многие развивающиеся страны. Поэтому-то Чжоу Эньлай тщательно выбирал слова, когда речь шла о Советском Союзе.

Одновременно китайские эмиссары подчеркивали идею обособления народов Азии и Африки.

В тот период были демагогически провозглашены принципы предоставления КНР экономической помощи развивающимся странам: равенство и взаимная выгода, уважение суверенитета, поставка лучшего оборудования и материалов китайского производства, содействие в овладении этой техникой, оплата труда китайских специалистов на уровне местных работников соответствующей квалификации и др.

В декабре 1963 г. правительство КНР особо объявило о принципах отношений с арабскими странами: поддержка их борьбы против империализма, за национальную самостоятельность, мир, нейтралитет и неприсоединение, стремления арабских стран сплотиться и выбрать единый путь, их усилий к разрешению споров между ними с помощью консультаций, а также уважение их суверенитета всеми государствами, недопущение посягательства и интервенции с какой-либо стороны¹.

В феврале 1964 г. КНР провозгласила пять принципов отношений с африканскими странами. Она, дескать, поддерживает борьбу их народов против империализма, нового и старого колониализма, за достижение и сохранение национальной независимости, мирную и нейтральную политику неприсоединения, проводимую африканскими странами, их стремление к единству и сплоченности, их усилия разрешать споры путем мирных консультаций; выступает за то, чтобы суверенитет этих стран пользовался уважением у остальных государств, против посягательства и агрессии с какой бы то ни было стороны².

Жизнь показала, что эти принципы были провозглашены лишь на словах и Пекин не собирался их соблюдать.

За первой поездкой Чжоу Эньлая и Чэнь И последовали визиты заместителя министра внешней торговли Лу Сюйчжана (конец 1963 — начало 1964 г.) в семь африкан-

¹ «Жэньминь жибао», 23. XII. 1963.

² «Жэньминь жибао», 6. II. 1964.

ских стран, Чэнь И (1965 г.), Чжоу Эньлай (март — апрель 1965 г.) в Алжир и ОАР, а позднее в Танзанию.

В 1964—1965 гг. КНР посетили президенты Мали, Танзании, Конго (Браззавиль).

Антиимпериалистическая фразеология, декларации о всемерной поддержке усилий молодых государств по преодолению отсталости, социальному и экономическому развитию позволили Китаю установить официальные отношения с Конго (Браззавиль), Замбией, Центральноафриканской Республикой, Дагомеей, Тунисом, Мавританией. КНР удалось наладить тесные политические и экономические связи с Индонезией, Камбоджей, Пакистаном, Танзанией, Мали и некоторыми другими развивающимися странами.

Эти успехи послужили отправным пунктом для усиления наступательной тактики и экстремистского курса китайских лидеров в Азии и Африке. Основную ставку они сделали на резкое обострение международной напряженности, на открытое провозглашение и навязывание доктрины «народной войны», «окружения города деревней», создания революционных баз в сельских районах, опоры на крестьян. Пекинские стратеги развивали и протаскивали тезис о назревании революционных взрывов в глобальном масштабе, пытались подтолкнуть революционные процессы, возглавить их и одновременно заставить США считаться с КНР как с ведущей силой в Азии.

Китайские руководители стремились провести вторую конференцию афро-азиатских стран в Алжире таким образом, чтобы создать изолированный блок под эгидой Пекина и оформить самостоятельную организацию в противовес ООН. Лидеры КПК пытались сколотить «ось Джакарта — Пекин» для проведения своего авантюристического курса в Азии и в связи с этим подготавливали переворот в Индонезии.

Вмешательство группы Мао в дела иностранных государств привело к разрыву или прекращению в 1965 г. дипломатических отношений КНР с Бурунди, ЦАР, Дагомеей, а в 1966 г. — с Ганой. Вполне естественно, что империалистические державы, в первую очередь США, широко использовали противоречия Китая со странами Азии и Африки. Они не только «обеспечили» проведение переворотов в ряде стран, но и приложили немало усилий по вытеснению оттуда Китая. Поэтому тактика Пекина несколько изменилась.

Если до этого политика КНР была направлена на то, чтобы проникнуть и закрепиться в большем количестве

африканских стран, то отныне особое внимание уделяется некоторым из них.

В Азии такая тактика применялась к Пакистану. Спекулируя на его обостренных отношениях с Индией, Китай стремился сделать его союзником в борьбе против Индии. Пакистану были предоставлены кредиты, открыто авиационное сообщение между двумя странами. Пекин разжигал столкновения между Пакистаном и Индией, пытался помешать нормализации отношений между ними на основе Ташкентской договоренности. В марте 1966 г. в Пакистан прибыли Лю Шаоци и Чэнь И. Они обещали поддержку в борьбе против Индии.

Авантюристический курс Пекина привел к ряду крупных провалов и росту недоверия к группе Мао Цзэдуна в Азии и Африке. Нигерийская газета «Уэст африкэн пайлот» указывала: «Мы можем обнаружить, что оказались в объятиях спрута, из которых нельзя будет вырваться... Африканские страны обеспокоены... Китайцы хотят приобрести влияние в Африке. Они проникают сюда и готовы пойти на что угодно, чтобы окопаться здесь»¹.

* * *

Задачу коммунистов в угнетенных странах В. И. Ленин видел в том, чтобы создать революционные партии «не только по названию»², осуществлять связь трудящихся и эксплуатируемых масс этих стран с мировым пролетариатом. «...Пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран». При этом коммунистам Востока «придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание»³.

Первостепенное значение В. И. Ленин придавал связи национально-освободительного движения с международной борьбой пролетариата, являющегося «единственным союз-

¹ «West African Pilot», 17. VI. 1964.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 167.

³ Там же, т. 39, стр. 330.

ником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока»¹.

Ориентируя коммунистов на необходимость правильной классовой оценки национально-освободительных движений, В. И. Ленин отмечал: «...большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета». Он обращал внимание на важность использования опыта победоносного российского пролетариата, который, «сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся», покончил со средневековым гнетом².

Обобщая опыт России, В. И. Ленин пришел к выводу, что огромная масса трудящихся совершает поворот в сторону пролетариата по мере того, как он расширяет общедемократические и социалистические завоевания революции. Перед коммунистами Востока стоит задача, аналогичная той, которую решили российский пролетариат и его коммунистическая партия (но большего масштаба), — задача сплочения трудящихся масс отсталых стран вокруг мирового пролетариата в борьбе против империализма и средневекового гнета³.

Маоисты же пытались изолировать молодые государства, национально-освободительное движение от социалистического содружества и пролетарского движения в капиталистических странах, а себя выдать за «самых близких», «самых надежных» друзей народов Азии, Африки и Латинской Америки. В письме ЦК КПК в адрес ЦК КПСС от 14 июня 1963 г. прямо утверждалось: центром противоречий современного мира, «главной зоной бурь мировой революции являются обширные районы Азии, Африки, Латинской Америки». В редакционной статье «Жэньминь жибао» и «Хунци» говорилось: «Национально-освободительная революция в Азии, Африке и Латинской Америке ныне выступает как самая важная сила, непосредственно наносящая удар по империализму»⁴. Здесь явно ревизовалось марксистско-ленинское учение об исторической роли рабочего класса, принижалось мировое коммунистическое движение. Что касается социалистической системы,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 330.

² См. там же, стр. 329.

³ См. там же, стр. 329—331.

⁴ «Жэньминь жибао», 22. X. 1963.

то китайские теоретики отводили ей роль «опорной базы» для поддержки и развития революции угнетенных наций и народов.

Как известно, в национально-освободительном движении наиболее массовую силу представляет крестьянство. В. И. Ленин настойчиво призывал учитывать, что «главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства... Было бы утопией думать, что пролетарские партии, если они вообще могут возникнуть в таких странах, смогут, не находясь в определенных отношениях к крестьянскому движению, не поддерживая его на деле, проводить коммунистическую тактику и коммунистическую политику в этих отсталых странах»¹.

В Китае крестьянство сыграло огромную роль в ходе революции. Компартия смогла успешно использовать революционные возможности многомиллионного крестьянства в антиимпериалистической, антифеодальной революции. Мао Цзэдун сделал из этого совершенно необоснованный вывод, будто и на социалистическом этапе революции сохранится такая же расстановка движущих сил, как и на демократическом. Иными словами, социалистический переворот придет из деревни в город. Исходя из такой предпосылки, он изображал перспективу развития международного революционного движения следующим образом: восставшая «мировая деревня» окружит «мировой город», крестьянские восстания в странах Азии, Африки, Латинской Америки окружают Северную Америку, Западную Европу и уничтожат мировой империализм. В противовес ленинской идее союза рабочего класса и крестьянства в мировом масштабе, китайские теоретики деревню противопоставляли городу, Восток — Западу.

Изо дня в день китайские лидеры твердили: Азия и Африка созрели для революции и повсеместно надо развешивать народную войну. В таком духе выступили Чжоу Эньлай в Дар-эс-Саламе летом 1965 г., Линь Бяо в своей статье «Да здравствует победа народной войны», опубликованной в том же году.

В молодых государствах обстановка складывалась по-разному. В ОАР, Бирме, Алжире, Сирии, Гвинее, Конго (Браззавиль) проводились серьезные социальные и экономические преобразования. В других к власти пришла национальная буржуазия, стоящая в общем на антиимпериалистических позициях. Некоторые страны, хотя формально

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 243.

и получили политическую независимость, из-за марионеточных коррумпированных режимов или участия в империалистических блоках практически не стали самостоятельными. Наконец, в ряде государств еще сохранялись колониальные порядки и шла борьба за их уничтожение. Перед народами каждой из этих групп стран стояли разные задачи, и они применяли различные средства в борьбе за полную независимость, социальный и экономический прогресс.

Пекин же призывал всех подниматься на народную войну, формировать крестьянские армии, создавать освобождаемые районы и с помощью оружия свергать правительства. Он утверждал, будто известный тезис Мао Цзэдуна о том, что «винтовка рождает власть», оказывал глубокое и огромное влияние на национально-освободительное движение в Азии, Африке, Латинской Америке¹. «Военная мысль Мао Цзэдуна — это магическое средство победы революционных войн», — провозглашала «Жэньминь жибао» в декабре 1966 г.

Характеризуя важнейшие особенности «народной войны», Линь Бяо писал в упоминавшейся статье: «Опора на крестьянство, создание опорных баз в деревне, окружение города деревней и взятие, наконец, городов — таков победоносный путь, пройденный китайской революцией». Линь Бяо хотел распространить этот специфический китайский путь на весь мировой революционный процесс. Ход его рассуждений в данном случае таков: если рассматривать вопрос в мировом плане, то Северная Америка и Западная Европа могут быть названы «мировым городом», а Азия, Африка и Латинская Америка — «мировой деревней». В известном смысле, продолжал министр обороны КНР, нынешнюю обстановку в мировой революции можно охарактеризовать как обстановку окружения города деревней.

Линь Бяо противопоставлял, таким образом, население одной части земного шара населению другой части без какого бы то ни было классового анализа. Главное для новоявленных «теоретиков» — навязать абсолютизированный китайский опыт всему миру.

Марксисты-ленинцы поддерживают вооруженные восстания против колонизаторов и тиранических режимов, освободительные войны угнетенных народов. Вместе с тем они выступают против тактики, выдвигаемой без учета кон-

¹ «Жэньминь жибао», 20. VI. 1966.

кретных условий. Пекинские теоретики стремятся навязать именно такие шаблонные схемы и методы борьбы. Против кого же нужно было поднимать оружие в странах, где к власти пришли революционно-демократические силы? Свержения правительств, которые боролись за укрепление экономической самостоятельности и проведение социально-экономических преобразований, добивались местные реакционные и империалистические круги. Практически с ними смыкались руководители Китая.

Не имея официальных дипломатических отношений с капиталистическими странами Латинской Америки, власти Китая рассчитывали укрепить там свои позиции через коммунистические партии. До 1963 г. китайские лидеры надеялись, что им удастся повести за собой все латиноамериканское коммунистическое движение. При этом они делали ставку на связи, существовавшие в 50-е годы между компартиями Латинской Америки и КПК, на тех коммунистов, кто бывал в КНР, учился в ее партийных школах, работал в обществах дружбы с Китаем.

К середине 1963 г. Пекину стало ясно, что латиноамериканские компартии не пойдут у него на поводу. На своих съездах и пленумах коммунистические партии выразили твердое стремление сохранять верность генеральной линии, принятой на международных Совещаниях 1957 и 1960 гг. Коммунисты Латинской Америки оказали решительную поддержку позиции ЦК КПСС и осудили антисоветскую пропаганду китайского руководства.

В ответ маоисты потребовали от своих сторонников в латиноамериканских компартиях создать фракционные группировки и открыто выступить против коллективно разработанных документов. Раскольники попытались захватить руководство в партиях. Когда их исключили за антипартийную деятельность, они сколотили свои группы, лицемерно назвав их «истинными марксистско-ленинскими партиями».

В борьбе против компартий Латинской Америки правители Китая пользовались поддержкой и помощью со стороны североамериканского империализма и местной реакции. Так, перуанские реакционеры арестовали руководителей компартии и позволили «лево»-оппортунистическим раскольникам использовать буржуазную прессу для клеветы на Коммунистическую партию Перу. На Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСХ Х. дель Прадо подчеркнул: «...особенно отрицательно сказалась на нашей

беспособности подрывная деятельность врага, осуществлявшаяся с помощью «лево»-оппортунистических раскольников, поощряемых, организуемых и руководимых маоистами».

Развитию контрреволюции после переворота 4 ноября 1964 г. в Боливии способствовали действия пекинских раскольников и других антипартийных групп мелкобуржуазного толка.

Китайское руководство стремилось прежде всего ослабить влияние тех латиноамериканских компартий, которые наиболее активно выступают за укрепление единства международного коммунистического движения, за развитие братских отношений со всеми коммунистическими партиями, особенно с компартиями стран социализма.

Как и повсюду, китайский опыт, вооруженная борьба и доктрина «народной войны» были главным стержнем пекинской пропаганды в Латинской Америке. Тенденциозная информация о ходе партизанской борьбы в некоторых странах, многочисленные заявления в поддержку этой формы борьбы, противопоставление ее «мирному пути ревизионистов» стали неотъемлемой частью китайских печатных материалов на испанском языке. Однако на деле в 1963—1966 гг., в период развертывания вооруженной борьбы в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Боливии, промаоистские группировки не только не организовали сами вооруженных выступлений, но даже не поддерживали борьбы, которая уже велась. Так, навязывая вооруженные методы борьбы перуанскому народу и провозгласив наличие в стране революционной ситуации, прокитайская фракция встала на путь сохранения своих сил. Когда осенью 1965 г. некоторые левые организации начали партизанские действия в стране, фракция не присоединилась к ним. Более того, ее руководство запретило своим сторонникам участвовать в партизанском движении. Оно отдало распоряжение пропагандистам, проводившим политическую работу в сельских районах, полностью прекратить ее до отмены чрезвычайного положения, которое правительство ввело для облегчения борьбы против партизан.

Фракционеры не опубликовали ни одной декларации хотя бы о формальной солидарности с вооруженной борьбой перуанского крестьянства. Они продолжали полемизировать о методах ее ведения. «Лишь только путем народной войны можно разгромить врага революции», — советовали «теоретики» вооруженного пути.

Аналогичная ситуация сложилась в Колумбии, где про-

китайские элементы не присоединились к вооруженной борьбе.

Таким образом, в условиях Латинской Америки маоисты, отстаивая на словах тезис «народной революции», на практике удерживали своих сторонников от участия в вооруженной борьбе. Они стремились увести из-под удара и сохранить эти группы как центры распространения своего влияния и антисоветской пропаганды на всем континенте.

Попытки Пекина форсировать революции без учета конкретной обстановки, степени готовности масс к ней, навязывание методов и форм борьбы, которые по ряду причин смогли сыграть свою роль в Китае, но не подходят другим странам, — все это имело трагические последствия. Известно, чем закончились предпринятые в 40-х годах под влиянием КПК вооруженные выступления и попытки создать освобожденные районы в Малайе, на Филиппинах, в Бирме. Мао Цзэдун и его группа несут ответственность за разгром Коммунистической партии Индонезии. Некоторым руководителям КПИ они навязали свою авантюристическую тактику и спровоцировали в 1965 г. попытку военного переворота. Этими ошибками воспользовались правые, и прогрессивные силы Индонезии были разгромлены. Маоисты стремились вызвать сепаратистские движения в Бутане, Сиккиме, вмешивались во внутренние дела ОАР, Танзании, Судана, Кении и других стран.

Кроме «левых» фраз о вооруженной борьбе, китайским деятелям нечего сказать народам освободившихся стран о путях построения лучшего будущего. У них не было позитивных идей, которые помогли бы прогрессивным силам в бывших колониях бороться за социализм.

Группе Мао Цзэдуна, пытавшейся вслед за буржуазными идеологами убедить патриотов-революционеров в молодых странах, что-де марксизм-ленинизм применим только в Европе, не удалось дискредитировать великое учение. Даже ряд непролетарских партий в Азии, Африке и Латинской Америке объявляют своей идейной платформой марксизм-ленинизм. Среди них и партии, руководящие строительством новой жизни в своих странах. «Марксизм, — писал нигерийский журнал «Эфрикэн стейтсмен», — представляет собой цельную теорию мирового развития, направленную на освобождение человечества от всех форм угнетения. Африка — неотъемлемая часть сегодняшнего мира, и она очень заинтересована в том, чтобы на объективной и научной основе применить марксистское учение для решения своих проблем».

О стремлении правящей верхушки в Китае противопоставить национально-освободительное движение социалистическому содружеству и международному рабочему классу свидетельствовала превращенная впоследствии в теорию о «трех мирах» концепция «промежуточной зоны».

Еще в 1946 г. Мао Цзэдун высказал соображения относительно «промежуточной зоны». Он делил земной шар на три части, или зоны. Первая — американский империализм, вторая — СССР и другие социалистические государства, между ними — страны Азии, Африки и Латинской Америки. В дальнейшем Мао Цзэдун придал этой идее иное содержание. В беседе с представителями Социалистической партии Японии 10 июля 1964 г. он заявил, будто СССР «вступил в сговор с США для борьбы за мировое господство». Теперь появились уже две «промежуточные зоны». Одна — страны Азии, Африки и Латинской Америки. Поскольку маоисты ищут богатых экономических партнеров и потенциальных союзников, то целая группа империалистических держав была зачислена во вторую «промежуточную зону».

Итак, СССР был поставлен в один ряд с США, а им противостояла КНР. В «промежуточные зоны» китайские стратеги включили Анголу, боровшуюся против португальских колонизаторов, и салазаровскую Португалию, испанские колонии и фашистскую Испанию, народы, которые стремились к сохранению мира, и реваншистов из ФРГ. Концепция «промежуточных зон» показывала, насколько легко пекинские стратеги отказывались от принципов, если требовалось приспособить идеологию к нуждам текущей политики.

Оппортунистический характер концепции «промежуточной зоны» подметила даже газета социал-демократической партии ФРГ «Форвертс»¹. Высмеивая беспринципность политики Китая в отношении как Запада, так и Советского Союза, газета писала, что в прошлом политическая концепция Пекина была чрезвычайно проста: США объявлялись врагом номер один, а ФРГ — реваншистским и империалистическим филиалом Соединенных Штатов в Европе. Когда начались трения с СССР, появилась версия Мао Цзэдуна насчет стремления СССР и США к мировому господству. Включив в «промежуточную зону» и ФРГ, китайское руководство рассчитывало за «эту коррективу»

¹. «Vorwärts», 3. X. 1964.

получить от Бонна по крайней мере согласие на подписание торгового договора. «За это Мао был готов,— отмечала газета,— признать принадлежность Западного Берлина Федеративной республике и ограничить свои дипломатические отношения с ГДР обменом поверенными в делах». Мюнхенская неофашистская газета «Дойче националь-цайтунг унд зольдате́нцайтунг» с циничным ехидством заявила в сентябре 1966 г.: «Это необычное для нас событие — нас причисляют не к империалистам, а к миролюбивой части мира».

Пытаясь сколотить свой блок, Мао Цзэдун и его помощники стали настойчиво пропагандировать тезис: только Китай способен правильно понять нужды афро-азиатских народов и быть их другом. «Собственно говоря, мы, все народы стран Азии, Африки и Латинской Америки,— братья одной семьи»,— заявил министр иностранных дел КНР Чэнь И на митинге, посвященном 7-й годовщине Бандунгской конференции.

В Пекине выдвинули лозунг объединения «цветных» и «бедных» против «белых» и «богатых», причем к последним причисляли СССР, другие социалистические страны Европы. Китайских лидеров несколько не смущало то, что их «родственные чувства» не новы и не оригинальны. В свое время японские империалисты, стремясь подчинить народы Азии, придумали «сферу совместного процветания», а экспансионистские планы прикрывали расово-географическими теориями.

На подготовительном совещании конференции журналистов стран Азии и Африки в Джакарте делегация КНР выступила против полноправного участия в ней представителей советских азиатских республик. Ту же политическую линию китайские представители проводили и на других международных конференциях, в частности в Никозии на сессии исполкома Организации афро-азиатской солидарности (сентябрь 1963 г.), на 9-й Всемирной конференции за запрещение атомного и водородного оружия в Хиросиме (август 1963 г.). На IV сессии Организации экономического сотрудничества стран Азии и Африки (Карачи, декабрь 1963 г.) делегаты КНР высказались против приема в организацию Узбекистана. На следующей сессии, в мае 1966 г., в Рабате они требовали изгнать представителей советских азиатских республик, присутствовавших в качестве наблюдателей. Один из участников VI сессии Совета движения афро-азиатской солидарности (Алжир, март 1964 г.) рассказал, что китайская делега-

ция обещала ему крупную сумму денег, если проголосует вместе с ней. Когда же он спросил, по какому вопросу надо разделять ее точку зрения, последовал ответ: «Это вам не нужно знать, просто голосуйте вместе с нами».

В апреле 1964 г. в Джакарте представители 22 государств Азии и Африки обсуждали вопрос о подготовке второй афро-азиатской конференции на уровне глав государств и правительств. Индийский делегат Сваран Сингх предложил, чтобы в конференции обязательно участвовал СССР, который неизменно оказывает огромную помощь афро-азиатским народам. За приглашение Советского Союза выступил также делегат Цейлона. Предложение вызвало злобные нападки Чэнь И, который пригрозил: китайская делегация покинет Джакарту, если Индия и Цейлон не снимут своего предложения.

Во время поездок по странам Азии и Африки Чжоу Эньлай и Чэнь И пытались убедить их в нецелесообразности участия СССР в конференции. Однако посланцам Пекина самим пришлось выслушивать упреки лидеров ряда государств по поводу того, что Китай не подписал Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, выступал против политики мирного сосуществования и вмешивался в дела других стран. Некоторые из них осудили попытки маоистов противопоставить континенты и разделить народы по расовому признаку. В ряде стран гостям было заявлено, что они не должны осложнять их отношения с СССР и другими государствами. В результате в совместных коммюнике были зафиксированы задачи борьбы за мир и мирное сосуществование, за разоружение, за социальный прогресс.

Правительства азиатских и африканских стран обрабатывались и по дипломатическим каналам. Перед ними заискивали и им грозили.

Вопрос об участии СССР приобрел острый характер, в связи с чем Советское правительство сделало два заявления: 5 мая и 14 августа 1964 г. В последнем подчеркивалось, что независимо от того, как будет решен этот вопрос, для Советского Союза возможен один курс, которого он последовательно придерживается. «Это — курс собирания воедино и сплочения всех прогрессивных, свободолюбивых сил мира без различия рас, национальностей, географического расселения»¹.

В ходе подготовки этого форума большинство стран вы-

¹ «Известия», 14 августа 1964 г.

сказались за приглашение СССР. Конференция, однако, была снова отложена. На этот раз причиной послужили события в Алжире (19 июня 1965 г.), приведшие к смене руководства государством. Подготовительный комитет назвал вместо 29 июня новую дату — 5 ноября 1965 г.

Правительство КНР тщательно готовилось к новой встрече, рассчитывая использовать ее для того, чтобы навязать странам Азии и Африки свою платформу. Когда же стало ясно, что такие расчеты построены на песке, оно отказалось участвовать в конференции, о чем заявило 26 октября. Отказ мотивировался тем, что созыву конференций не благоприятствует-де обстановка.

Совещание министров иностранных дел стран — участниц конференции состоялось в Алжире в конце октября — начале ноября без представителя КНР. 45 министров решили отложить конференцию, не назвав даты ее созыва. Было лишь отмечено, что местом проведения предстоящей встречи глав правительств и государств Азии и Африки остается Алжир.

Министр иностранных дел Алжира заявил на совещании: «Деликатная проблема расширения списка участников была одним из вопросов, который занял самое большое внимание на этой конференции. Я уверен, что выражу общее чувство, сказав, что позиция была занята в пользу участия Союза Советских Социалистических Республик. Это стремление совещания логически вытекает из нашего несомненного желания благоприятствовать единству сил прогресса, свободы и мира во всем мире. Только что принятая резолюция не оставляет никаких поводов для спекуляций наших противников»¹.

Неудача созыва «второго Бандунга», несомненно, нанесла серьезный ущерб афро-азиатской солидарности. Китайские раскольники сделали свое черное дело. Ливанская газета «Аль-Ахрар» в те дни писала: «политика КНР в отношении алжирской конференции льет воду на мельницу империалистической пропаганды и наносит ущерб самому Китаю и интересам афро-азиатской солидарности». Действительно, империалистические круги сразу же предприняли кампанию с целью убедить мировое общественное мнение в том, что с афро-азиатским единством покончено. Корреспондент агентства Рейтер в телеграмме из Алжира сделал тогда такое категорическое заключение: «Отсрочка уже дважды откладывавшейся второй конференции афро-

¹ «Известия», 2 ноября 1965 г.

азиатских стран в верхах будет означать конец бандунгским конференциям как общему афро-азиатскому институту»¹.

Китайская же пропаганда попыталась представить срыв конференции как «решение», якобы отвечающее чаяниям двух миллиардов человек в Азии и Африке, как «победу стран и народов, защищающих антиимпериалистическую солидарность, и поражение американского империализма и его последователей, тщетно пытавшихся расколоть афро-азиатские страны»².

Ареной очередных раскольнических действий стала четвертая конференция солидарности народов Азии и Африки. Она проходила в ганском городке Виннебе в мае 1965 г. Китайские делегаты, следуя раскольническому курсу своего руководства, клеветали на внешнюю политику СССР и других социалистических государств, пытались поставить под сомнение их усилия, направленные на оказание поддержки национально-освободительным войнам на Африканском континенте. Отповедь китайским представителям дал председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) А. Нето. Рассказав о героической борьбе ангольских партизан против португальских колонизаторов, он заявил: «Я хочу подчеркнуть здесь жизненную важность солидарности и помощи стран социалистического лагеря, особенно Советского Союза, безоговорочная моральная, политическая и материальная помощь которого борющемуся ангольскому народу является главным фактором нашей национально-освободительной борьбы. Мы глубоко тронуты этим выражением братской помощи и приносим нашу глубокую благодарность».

Такого же мнения были многие общественные деятели, выступавшие в Виннебе. По их предложению, вопреки раскольнической линии Пекина, конференция приняла специальное решение: на последующие форумы афро-азиатской солидарности приглашать в качестве наблюдателей представителей всех социалистических стран.

Четвертая конференция одобрила предложение кубинской делегации о проведении широкой встречи представителей народов Азии, Африки и Латинской Америки. Это приобрело огромное политическое значение как выражение решимости расширять международный антиимпериалистический фронт. Форум трех континентов был намечен на 1966 г. В связи с этим наряду с Организацией афро-азиат-

¹ «За рубежом», 1965, № 45, стр. 9.

² «Жэньминь жибао», 4. XI. 1965.

ской солидарности была создана Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки.

В январе 1966 г. в Гаване состоялась первая конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. В ней участвовало свыше 500 делегатов из 82 стран и более 100 наблюдателей от демократических организаций разных стран мира и социалистических государств Европы. Китайские представители использовали ее трибуну для клеветы на Советский Союз и другие социалистические страны, для проповеди раскольнических концепций Мао Цзэдуна, для создания новых помех в деятельности международного антиимпериалистического фронта. Тем не менее гаванская встреча продемонстрировала крепнущую солидарность всех революционных сил, и в первую очередь мирового социализма и национально-освободительного движения. Резолюции, принятые в Гаване, вопреки позиции Пекина ориентировали на всемерное укрепление солидарности и в будущем. Резолюция о мирном сосуществовании и другие решения конференции, в разработке которых активную роль играла советская делегация, снова раскрыли перед революционными силами трех континентов раскольнический характер клеветнических обвинений СССР в «сговоре» с американским империализмом.

Убедившись в невозможности поставить себе на службу движение солидарности народов, пекинские деятели стали подрывать его изнутри.

В связи с провокационными действиями маоистов многие деятели и организации выступили против проведения конференции солидарности народов Азии и Африки в Пекине, как постановила четвертая конференция в Виннебе в мае 1965 г. В начале февраля 1967 г., сообщала каирская газета «Аль-Маса», свыше 20 стран потребовали пересмотреть принятое в Виннебе решение. Однако секретариат, соблюдая устав организации, отложил этот вопрос до никозийской сессии Совета.

Группа Мао, боясь остаться в изоляции, попыталась сорвать встречу в Никозии. 4 февраля агентство Синьхуа распространило «заявление китайского комитета солидарности народов Азии и Африки», где сессию именовали «большим заговором», а ее участников — «кровопийцами и гадами». Однако Пекин отправил туда своих представителей под видом корреспондентов агентства Синьхуа. На пресс-конференциях они произносили длинные монологи о «борьбе с современным ревизионизмом», о «притягательной силе идей Мао Цзэдуна» и т. п. Эмиссары Пекина пыта-

лись обработать некоторых делегатов и, как сообщала печать, попросту подкупить их. Они распространяли клеветнические слухи, мешали работе сессии. В конце концов ее председатель, делегат Кипра, вынужден был удалить их из зала заседания.

Сессия постановила очередную конференцию провести в Алжире. В Пекине это решение встретили грубой бранью и оскорбительными выпадами на движение солидарности.

Из-за безответственной, авантюристической политики Мао Цзэдуна и его группы КНР понесла тяжелые потери на международной арене. Поэтому они, желая «сохранить лицо», обратились к традиционному методу китайской дипломатии — стали заниматься самовозвеличением с помощью «вассалов». Лидеры КНР пытались движение солидарности стран Азии и Африки подменить театром марионеток, находящихся у них на содержании. В создаваемые ими «международные организации» в качестве «представителей» Азии и Африки включались эмигранты, проживавшие в Китае, а также политические союзники из раскольнических фракций националистических партий в некоторых странах.

В противовес решению никозийской сессии Совета Организации солидарности народов стран Азии и Африки, китайские власти объявили о создании китайского комитета по подготовке пятой конференции в Пекине. Они захватили контроль над секретариатом Ассоциации журналистов стран Азии и Африки. В 1966 г. маоисты раскололи афро-азиатскую писательскую организацию и сформировали пекинское бюро.

Для этих «организаций» в Пекине имелись статисты, готовые служить хозяевам. В свою очередь китайская пресса превозносила марионеток из Бирмы или Таиланда, из Индонезии или Новой Зеландии, находившихся на изживании КНР и давно оторвавшихся от своих народов. Роль статистов для возвеличения Мао отводилась также раскольническим группировкам в отдельных компартиях.

* * *

Вознамерившись отколоть национально-освободительное движение от социалистического содружества, Пекин требовал, чтобы борющиеся за независимость народы отказались от сотрудничества с социалистическими странами и их помощи, перешли на националистические рельсы «опоры на собственные силы». Марксистско-ленинское учение о взаимопомощи ни в коей мере не предполагает

культивирования духа и жизни. Оно исходит из необходимости максимального использования каждым народом внутренних ресурсов своей страны. Однако руководство КПК выдвинуло концепцию «опоры на собственные силы» совсем по иным соображениям: чтобы дискредитировать политику СССР в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки, поссорить их с социалистическим содружеством.

Усиленно распускавшиеся пропагандистскими изданиями и посольствами КНР небылицы о помощи СССР и других социалистических государств не находили потребителей. В Азии, Африке и Латинской Америке помнили, что в прошлом говорили сами же китайские руководители о советской помощи. Член Политбюро ЦК КПК Ли Фучунь так характеризовал значение содействия СССР в экономическом строительстве КНР: «Наша оценка, причем это твердая оценка, такова: предприятия, запроектированные и построенные у нас при помощи Советского Союза, действительно являются воплощением всего современного и всего лучшего, чем располагает Советский Союз. Эти предприятия — костяк нашей промышленности, костяк не только по объему, но и по уровню современной передовой техники... Факты подтверждают, что все советские специалисты и проектные организации действительно стремились к тому, чтобы предприятия воплотили в себе опыт Советского Союза и были лучшими в мире. И они успешно добились этого». Премьер Государственного совета Чжоу Эньлай на VIII съезде КПК говорил: «...в период восстановления народного хозяйства и в период первого пятилетнего плана развития народного хозяйства наша страна во всех областях получала огромную и искреннюю помощь со стороны Советского Союза, а также большую помощь братских стран. Такая помощь содействовала преодолению нами многих трудностей, позволила нашей стране довольно высокими темпами двигать вперед дело социалистического строительства»¹.

Народам Азии и Африки были хорошо известны масштабы и дружественный характер помощи Советского Союза и других социалистических государств. СССР имел соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве с 40 развивающимися странами. Они предусматривали при советской помощи построить и реконструировать около 700 промышленных предприятий и других объек-

¹ «Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая», стр. 164.

тов; 300 объектов уже были сданы в эксплуатацию, среди них такие гиганты, как Асуанский комплекс, металлургический завод в Бхилаи. СССР предоставил на экономические и научно-технические нужды кредиты на сумму в 5 млрд. руб. Сооружению более 400 промышленных и иных объектов содействовали Польша, ГДР, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния.

Экономическое сотрудничество включало не только прямую, но и огромную косвенную помощь освободившимся странам. Деловые связи с социалистическими государствами позволяли им противостоять нажиму концернов, а монополистов принуждать идти на уступки. Провал планов блокады Кубы, ОАР, Гвинеи и других стран свидетельствовал о том, что империалисты уже были не в состоянии экономически задушить молодые государства. Гамаль Абдель Насер говорил 24 мая 1964 г.: «Я особенно хочу отметить влияние Советского Союза на национальное революционное движение и борьбу против империализма и отсталости, которые развернулись и бушуют в Азии, Африке и Латинской Америке. Советский Союз за этот период стал эффективной силой, способствующей борьбе с империалистическим гнетом. И он оказывает помощь народам, борющимся против происков империалистов, помогает им активно выступать за освобождение от колониального гнета, вселяет в них уверенность, что они не одиноки в своей борьбе».

Даже откровенный антикоммунист Филипп Мосли, считающийся на Западе «специалистом» по СССР, отмечал, что особенно привлекательной чертой советской помощи развивающимся государствам являлось то, что ее предоставляли без каких-либо «политических ограничений путем выдачи долгосрочных займов при низких процентах и с условием выплаты платежей экспортом излишков страной, получающей помощь».

Освободившиеся страны в свою очередь оказывали поддержку СССР и другим социалистическим государствам. Они не только поставляли необходимые товары, но и выступали общим фронтом против империализма, его политики диктата и дискриминации в международных экономических отношениях и т. д.

Какую же помощь развивающимся странам предоставлял Китай?

КНР имела соглашения об экономической и технической помощи с 11 азиатскими государствами. Из общей суммы кредитов, обещанных китайским правительством, на

страны Азии приходилось около 700 млн. руб. КНР обязалась построить свыше 80 объектов. Главное место занимали предприятия легкой и пищевой промышленности, строительных материалов, бумажные и фанерные фабрики, 3 сахарных завода, 4 сигаретные и спичечные фабрики, 5 рисоочистительных и мукомольных заводов и др. Из предприятий тяжелой промышленности Китай обещал помочь в сооружении 5 электростанций, 2 заводов металлорежущих станков, 3 механических, 3 деревообрабатывающих, 8 цементных заводов, 1 кирпичного и 2 заводов сельскохозяйственных орудий. Он не содействовал строительству предприятий таких отраслей, как металлургическая, угольная, нефтеперерабатывающая, а также тепловых электростанций, где требуется использование сложной техники.

Реализовывалась же китайская помощь крайне медленно. В Камбодже до переворота были построены текстильная фабрика с годовой производительностью 1450 т хлопчатобумажной пряжи и 5 млн. м ткани, бумажная фабрика мощностью 5 тыс. т бумаги в год, фанерная фабрика мощностью 900 тыс. м в год, цементный завод мощностью 50 тыс. т в год, завод азотных удобрений, стекольный завод, 3 больницы, несколько мостов, школьных зданий и животноводческие фермы. Большинство предприятий работало нерентабельно, особенно фанерная и бумажная фабрики. В Бирме были сооружены текстильная фабрика и сахарный завод, мост и сельскохозяйственная ферма, в Индонезии — 2 текстильные фабрики, в Непале — коженно-обувная фабрика производительностью 30 тыс. пар обуви в год, кирпично-черепичный завод, шоссе, дорога протяженностью 129 км, склад, в Лаосе — шоссе, дорога (82 км).

Из средств, которые КНР обещала развивающимся странам Азии, за 10 лет было реализовано немногим более 200 млн. руб.; лишь 100 млн. руб. было израсходовано на строительство промышленных и других объектов, остальная часть ушла на поставку товаров и оплату кредитов.

КНР систематически нарушала свои обязательства в отношении сроков поставок и качества оборудования, а также строительства. Не были полностью использованы в предусмотренных соглашениями сроки кредиты, выделенные Цейлону, Бирме, безвозмездная помощь Непалу, Камбодже и Цейлону.

Китайские обязательства по помощи африканским государствам немного превышали 700 млн. руб. В соответствии с соглашениями и протоколами КНР должна была

оказать экономическую и техническую помощь в строительстве свыше 50 промышленных и ряда объектов культурно-бытового назначения, среди них 7 предприятий текстильной промышленности, 3 бумажных, 2 табачные и 2 спичечные фабрики, 2 сахарных завода, 2 керамические фабрики, 2 завода по производству строительных материалов, 2 чайные фабрики. Имелась договоренность о сооружении небольших химических предприятий, 3 заводов сельскохозяйственного инвентаря, нескольких электростанций, шоссейных дорог, об организации производства таких сельскохозяйственных культур, как чай, рис, хлопчатник, а также животноводства, рыболовства, шелководства.

В Мали были сданы в эксплуатацию сахарный завод, рассчитанный на выпуск 4 тыс. т продукции в год, сигаретно-спичечный комплекс проектной мощностью 25 млн. пачек, текстильная фабрика и радиостанция, заложены чайная плантация и плантация сахарного тростника; в Танзании — 2 типографии; в Конго (Браззавиль) — радиостанция; в Гане — фабрика по изготовлению плетеных изделий из травы, 4 фабрики по переработке кокосовой копры, фабрика изделий из бамбука; в Гвинее — сигаретная и спичечная фабрики. К концу 1967 г. было реализовано около 15% обещанных КНР кредитов странам Африки.

Таким образом, Китай не создавал в освободившихся странах многоотраслевого хозяйства, комплексных промышленных объектов, как это декларировали его пропагандисты. Пекин с готовностью давал обещания, но не всегда их выполнял. Летом 1967 г., когда правительство Бирмы пресекло бесчинства местных хупвэйбинов, КНР прекратила поставки оборудования, а ее специалисты перестали являться на работу (в конце октября их вовсе отозвали). Танзанийская газета «Нгурумо» писала 1 декабря 1967 г.: «Китай не выполнил своего обещания предоставить Кении 3 млн. долл., а о 15-миллионном беспроцентном займе, обещанном Китайской Народной Республикой, тоже ничего не слышно... Китайцы заморозили кредиты, мотивируя это отказом разрешить китайцам проводить свою деятельность в Кении... Вместо того чтобы посылать учебники и техническую литературу, китайцы настойчиво рассылали по почте произведения Мао».

* * *

Какой бы аспект политики КНР в отношении стран Азии и Африки ни взять, исходной основой являются националистические, сугубо конъюнктурные интересы.

Китайские лидеры болезненно реагировали, когда индонезийские власти ограничивали деятельность иностранцев в деревне. Эти меры коснулись прежде всего коммерсантов и ростовщиков из числа китайских эмигрантов. Состоялся острый диалог двух правительств. Пекин направил резкие ноты. 11 декабря 1959 г. министр иностранных дел Индонезии ответил: среди китайских эмигрантов имеются лица, которых колонизаторы использовали для борьбы против национально-освободительного движения, другие же путем контрабанды и спекуляции мешают развитию и стабилизации экономики страны. Руководители КНР прибегли к аналогичным приемам и после трагических событий в Индонезии (1965 г.). Ультимативные ноты и категорические протесты показали, что Пекин волновала не столько судьба сотен тысяч прогрессивных деятелей в Индонезии, поставленных под удар авантюристической линией Мао Цзэдуна и его единомышленников, сколько судьба китайских торговцев и ростовщиков, проживавших там.

Чего стоят разглагольствования группы Мао о борьбе против империализма и колониализма, показывало их отношение к Гонконгу и Макао. Почему китайские руководители мирились с колониями на собственной территории и запрещали живущим там китайцам выступать за воссоединение с родиной? Причина в долларах, которые Пекин получал от операций с Гонконгом и Макао. Видный африканский общественный деятель Джофер Куртис писал 14 июня 1967 г. в газете «Эдванс»: «Если бы Пекин дорожил своей честью в глазах африканцев, он не стал бы клеветать на Москву, а освободил бы от колониального ярма свои три территории — Тайвань, Гонконг и Макао, тем более что Мао и его последователи называют всех империалистов бумажными тиграми».

Стремясь внедриться в страны Азии и Африки, китайские лидеры играли на националистических настроениях государственных и общественных деятелей, использовали реакционные стороны идей панарабизма, панафриканизма и негритюда.

Пренебрегая суверенитетом народов этих континентов, маоисты создавали пропекинские группы, мало тревожась по поводу того, что зачастую оказывались на стороне контрреволюционных и реакционных сил. Когда в 1963 г. крайне правые элементы из партии Баас в Ираке совершили переворот и развязали кровавый антикоммунистический террор, оказалось, что контакты с ними поддерживают маоисты. Иракская коммунистическая партия высту-

пила позднее с заявлением, где говорилось: постыдная позиция китайских руководителей «в отношении освободительного курдского движения не оставила никакого сомнения относительно их обмана и лицемерия... Они начали вербовать самых грязных подошвок общества, выдавая их сборище за «освободительные движения»».

В Сирии китайские дипломаты искали сближения с правыми элементами баасистской партии, в Ливане смыкались с фашистской группой «Народная социальная партия», в ОАР — с руководителем антиправительственного заговора Мустафой Ана.

Национализм и интернационализм — антиподы. Интернационализм — идеология рабочего класса, а национализм — идеология буржуазии. Исключение составляет национализм угнетенных наций, которому присуще общедемократическое содержание, направленное против угнетения. И коммунисты поддерживают его, считая это исторически оправданным на определенном этапе. В. И. Ленин требовал железной метлой вымести мусор буржуазного национализма. Он предостерегал: ««Кто сказал А, должен сказать и Б» — кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение, того не смущает даже и то, что стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе, того не смущает даже, что своей тактикой разъединения и раздробления он превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков»¹.

Вначале кое-кто в Азии и Африке был склонен считать, что лидеры КНР действительно озабочены революционной борьбой народов. Затем народы этих континентов, разгадав суть их политики, стали отворачиваться от Пекина. Они убедились, что в затяжке и обострении конфликта с Индией виноваты руководители КНР, и все больше стран оказывалось на стороне Индии. Многих насторожили отказ китайского правительства подписать Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах и проведение им ядерных испытаний вопреки возражениям большинства стран Азии и Африки. Обратили на себя внимание подстрекательская, провокационная позиция Мао Цзэдуна и его группы во время индо-пакистанского конфликта и нападки на Ташкентскую декларацию.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 325.

Китай продемонстрировал полное пренебрежение интересами народов, сорвав в 1965 г. вторую конференцию стран Азии и Африки. Все более грубо маоисты стали вмешиваться в дела этих стран.росло недовольство позицией Пекина в связи с агрессивней США во Вьетнаме, отказом объединить усилия с другими социалистическими государствами для отражения империалистического нападения на ДРВ. Тревожили авантюризм и безответственность китайского руководства в вопросах войны и мира, их стремление обострить международную обстановку. Для всех совершенно очевидным стал злонамеренный и клеветнический характер попыток китайских националистов опорочить СССР и другие социалистические государства, отгородить освободившиеся страны от социалистического содружества.

Престиж КНР в Азии и Африке быстро падал. Верно писал в свое время Сервантес: «На фундаменте глупости не возведешь здания ума».

ЕСЛИ БЫ ТИГРЫ ПОДРАЛИСЬ...

На коренной вопрос современности — о войне и мире — международное коммунистическое движение дало ясный ответ: в настоящее время не существует фатальной неизбежности новой мировой войны, борьбу против угрозы термоядерной войны возглавили коммунисты, стремящиеся построить общество, «международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд»¹.

Силы мира, чьим главным оплотом является могучее содружество социалистических государств, могут объединенными действиями предотвратить новую мировую войну. Этот важнейший вывод основан на строгом учете изменения соотношения сил на мировой арене. Революционный оптимизм коммунистов зиждется на их непоколебимой уверенности в том, что можно обуздать агрессивные силы и избежать термоядерного побоища. В мирной обстановке все шире и успешнее будет развиваться революционный процесс.

Даже часть наиболее трезво мыслящих представителей буржуазии реально оценивают соотношение сил и возможные последствия войны. Они уже не могут считать ракетно-ядерную войну подходящим средством для достижения определенных политических и экономических целей.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 5.

Могущество СССР, других социалистических стран создает реальный противовес агрессивным силам империализма, выступает как важнейший фактор в борьбе за мир. Большую роль в ней играет внешняя политика стран социализма. Ее неотъемлемая часть — курс на мирное сосуществование государств с различным общественным строем.

Мирное сосуществование — особая форма классовой борьбы. Оно не только исключает, но создает более благоприятные условия для освободительных, народно-демократических, пролетарских революций. Оно преследует цель максимально мобилизовать силы для укрепления и развития мировой социалистической системы, для ликвидации остатков колониализма, для упрочения независимости молодых государств и их развития по пути демократии, роста и влияния коммунистических и рабочих партий, борющихся за социальное обновление общества.

С конца 1962 г. китайские деятели стали публиковать и миллионными тиражами распространять по всему свету серию статей с нападками на ряд братских партий за их позицию по коренным проблемам современности. Много места в статьях отводилось вопросу о войне и мире. «Безусловно, мирное сосуществование, — писал «Хунци» (№ 5) в 1962 г., — является ошибочным, антимарксистским, антиленинским, ибо в действительности оно означает непрерывное угождение, непрерывные компромиссы, непрерывные уступки империализму. Результатом этого может быть лишь превращение мирного сосуществования в свою противоположность». Вопреки фактам, в Пекине пустили в ход выдумку, будто КПСС и другие братские партии, выступая против угрозы ракетно-ядерной войны, тем самым отказываются от классовой борьбы, «пытаются подменить мирным сосуществованием и мирным соревнованием революционную борьбу народных масс различных стран», а значит, и национально-освободительное движение.

В концентрированном виде «кредо» маоистов было изложено редакциями газеты «Жэньминь жибао» и журнала «Хунци». В статье «Две диаметрально противоположные политики мирного сосуществования» утверждалось: руководство КПК проводит «подлинно ленинско-сталинскую политику мирного сосуществования» и «добилось в этом больших успехов». Китайские лидеры, дескать, «обогатили содержание ленинской политики мирного сосуществования». Никаких двух политик мирного сосуществования, конечно, нет. Единодушное осуждение международным ком-

мунистическим движением и всеми сторонниками мира вредных взглядов на политику мирного сосуществования вынудило маоистов маневрировать, вести двойную бухгалтерию.

Антиимпериализм не был и не является монополней какой-либо одной коммунистической партии. Коммунисты неизменно исходили и исходят из того, что империализм был и остается опасным хищником. В Заявлении совещания представителей коммунистических и рабочих партий (1960 г.) записано: «Агрессивная природа империализма не изменилась». Пока сохраняется империализм, будет оставаться почва для агрессивных войн.

Но если признать, что источником войны служит империализм, то надо вести борьбу с потенциальным агрессором, чтобы своевременно обуздать его. Изображать империализм «бумажным тигром», как делал «великий кормчий», — значит демобилизовывать и идейно разоружать народы. Вести настоящую борьбу против империализма, считают марксисты-ленинцы, — значит надо подрывать позиции этого лютого врага человечества, а главное, изо дня в день крепить экономическую, политическую и военную мощь, сплоченность стран социалистического содружества, а также единый фронт всех революционных сил.

Не только на словах, но и на практике китайские лидеры грубо растоптали принцип мирного сосуществования. Об этом свидетельствовали их политика в отношении Индии, позиция в связи с индо-пакистанским конфликтом, попытки спровоцировать, где удастся, военные столкновения.

В выступлениях руководителей и печати КНР настойчиво пропагандировалась идея непримиримой борьбы с империализмом, без всяких компромиссов, вплоть до развязывания войны. В статье «Две линии в вопросе войны и мира», опубликованной «Жэньминь жибао», выдвигалось требование в борьбе за мир руководствоваться курсом «острием против острия», который Мао Цзэдун провозгласил в ходе китайской революции. Авторы утверждали: «Только опираясь на народные массы и действуя острием против острия в борьбе против империалистической политики агрессии и войны, можно эффективнее отстоять мир. Таков правильный курс». Приводились слова Мао Цзэдуна о том, что в отношении Чан Кайши коммунисты действовали по принципу «платить ему той же монетой»¹.

¹ «Жэньминь жибао», 10. XI. 1963.

Если бы социалистические государства приняли пекинский рецепт, то должны были бы или копировать действия империализма, или предоставить ему инициативу в выборе средств, а самим занять пассивную позицию обороняющейся стороны. Это означало бы их отказ от политики обновления мира и укрепления международной безопасности. Империалисты же получили бы возможность в выгодный момент навязать странам социализма политику войны. Собственно говоря, это и было бы капитулянтством перед империализмом, следование у него на поводу.

Решение спорных вопросов мирным путем и гибкость при урегулировании международных проблем в Пекине называли трусостью, капитулянтством. Сами же китайские правители не следовали политике, которую проповедовали. Рассчитывая, «сидя на горе, наблюдать за битвой двух тигров», Мао Цзэдун и его группа пытались столкнуть СССР и США, разжечь конфликты то в одном, то в другом месте.

Выше уже говорилось, что позиция Мао Цзэдуна и его группы в связи с агрессией США во Вьетнаме, отказ от коллективных действий объективно поощряли американский разбой, наносили громадный вред освободительной борьбе вьетнамского народа. Можно было бы спросить у китайских лидеров, изображавших себя «самыми решительными защитниками» народов: что они предприняли, когда империалисты устраивали военные демонстрации против молодой Республики Занзибара и Пембы, когда Англия ввела войска в Уганду, Танганьiku и Кению, а над Республикой Кипр нависла угроза интервенции со стороны агрессивного блока НАТО? Они заняли роль стороннего наблюдателя, ограничившись скромным изложением событий в печати. Весьма примечательной была позиция Пекина в период карибского кризиса. Тогда он предпочел не вспоминать о том, что американские военные корабли курсировали в территориальных водах Китая, а военные самолеты постоянно нарушали его воздушное пространство. Руководство КНР чаще стреляло по кораблям и самолетам США не снарядами, а «самыми серьезными предупреждениями».

Это лишь некоторые примеры беспринципности и лицемерия, противоречивости и эгоизма китайских руководителей. Такие «особенности» их внешней политики подчеркивали даже буржуазные наблюдатели. Французская газета «Насьон» 3 марта 1964 г. писала: «По правде говоря, политика Пекина чаще всего предстает перед миром в

противоречивой форме. Идет ли речь об отношениях с империализмом или об идее сосуществования, всегда кажется, что китайцы делают противоположное тому, что проповедуют...» Журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в 1967 г. отмечал: «Еще со времени корейской войны Китай воздерживается от крупного конфликта, несмотря на его шумные, но пустые угрозы. Если только дело доходит до прямого столкновения, как это было при событиях в Тайваньском проливе, верх берет осторожность».

Чего добивались хозяева Тяньаньмыня, нагнетая международную напряженность? В меру своих сил пытались толкнуть человечество к войне. Они считали, что термоядерный смерч, если бы он прокатился по ряду стран, отвечал бы их великодержавным устремлениям. Один китайский руководитель в интервью главному редактору австрийской газеты «Курир» сказал: война в Юго-Восточной Азии не была бы такой уж плохой. Если бы он находился в США, то голосовал бы за Голдуотера, который был бы хорош для США и всего мира, поскольку обострил бы внутреннее положение в США.

Если сопоставить внешнюю политику средневекового государства и сегодняшнего Китая, можно обнаружить много схожего, ибо группа Мао Цзэдуна продолжала идти в фарватере традиционного курса богдыханов. Идеология милитаризма, широко проповедовавшаяся в КНР, восходила к древнекитайской философской школе законников («фа цзя»). Подобно Шан Яну, жившему в IV в. до н. э., Мао проповедовал неизбежность войны, доказывая это с помощью традиционных методов китайской софистики. Шан Ян писал: «Если войной можно уничтожить войну, то позволительна даже война; если убийством можно уничтожить убийство, то разрешимы даже убийства; если наказаниями можно уничтожить наказания, то допустимы даже суровые наказания». А вот что говорил Мао Цзэдун: «...уничтожить войну можно только через войну. Если хочешь, чтобы винтовок не было, берись за винтовку».

Коммунисты отвергают теорию подталкивания революции с помощью войны. Для победы революции в каждой капиталистической стране нужны определенные объективные и субъективные предпосылки. Если бы коммунисты во имя победы революции в мировом масштабе начали содействовать развязыванию термоядерной войны, это было бы предательством интересов рабочих, крестьян, огромных масс трудовых людей земли.

Между прочим, выдвинув установку на войну как ускорителя революции, Мао Цзэдун не был оригинальным. Еще в августе 1930 г. «левый» оппортунист Ли Лисань выступил с программой развязывания мировой войны с участием в ней Советского Союза. Она должна перерасти в мировую революцию и обеспечить ей победу на всей нашей планете, а значит, и в Китае. Он заявлял: «Наша стратегия должна заключаться в том, чтобы вызвать международную войну». Началом такой войны должно было послужить восстание в Северо-Восточном Китае с последующим вооруженным конфликтом между СССР и Японией.

Мао Цзэдун считал: если погибнет даже половина человечества и 300 млн. китайцев — это не страшно, ведь империализм будет стерт с лица земли; уцелевшие люди, мол, быстрыми темпами создадут на развалинах в тысячу раз более высокую цивилизацию. О таком отношении к термоядерной войне не раз говорили китайские лидеры. Или вот еще заявление, сделанное одним из китайских руководителей чехословацкому журналисту: «В случае истребительной войны малым странам, входящим в социалистический лагерь, придется подчинить свои интересы общим интересам лагеря в целом». Ответственный чиновник из КНР в беседе с советскими представителями утверждал: Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии П. Тольятти не был прав, когда ссылался на то, что в случае термоядерной войны вся Италия, видимо, окажется разрушенной. «Но останутся другие народы, — заявил чиновник, — а империализм будет уничтожен...»

Внешнеполитический обозреватель А. Гуэрриэро в журнале «Эпока» (№ 1) за 1963 г. причины воинственности Пекина подал следующим образом: «Если бы возник атомный конфликт, то Америка и Россия взаимно уничтожили бы друг друга. Каждая из воюющих сторон стремилась бы только к тому, чтобы разгромить ракетные базы на территории противника, а китайцы бы оставались в стороне. В конце концов Китай был бы единственной великой державой, пережившей этот конфликт, и стал бы властителем превращенного в развалины мира».

Коммунизм, по известным марксистским воззрениям, равен гуманизму, есть практический, положительный гуманизм. Кто же дал Мао Цзэдуну и его группе право по своему распоряжаться судьбами народов? Кто дал китайским «стратегам» право порочить конечную цель международного рабочего движения — победу труда над капиталом — утверждениями, будто к ней можно прийти через

мировую термоядерную войну и стоит, мол, пожертвовать половиной населения земного шара ради того, чтобы на трупах и развалинах воздвигнуть более высокую цивилизацию? Эта концепция ничего общего не имела с марксизмом-ленинизмом.

Авантюризм китайских лидеров во внешнеполитических вопросах, их нежелание содействовать упрочению мира особенно ярко видны на примере того, как они относятся к оздоровлению международной атмосферы, к борьбе за разоружение.

Можно ли вынудить империалистические государства разоружиться? В Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. отмечалось: «Активной, решительной борьбой социалистических и других миролюбивых государств, международного рабочего класса, широких народных масс всех стран можно... заставить империалистов пойти на соглашение о всеобщем разоружении».

Китайские же руководители, изыскивая аргументы в пользу своей особой позиции, стремились доказать, будто разоружение не соответствует интересам борющихся за национальную независимость народов, поскольку те останутся безоружными перед лицом империализма. Идею всеобщего и полного разоружения они атаковали и по другим направлениям. Так, с ходу категорически отвергли предложение об оказании помощи экономически слаборазвитым странам за счет средств, которые высокоразвитые государства тратят на вооружение. «План всеобщего и полного разоружения можно осуществить только после того, как будет покончено с империализмом, капитализмом и всей системой эксплуатации», — заявляли пекинские руководители. Вести пропаганду всеобщего и полного разоружения значило, по их мнению, «обманывать народы всего мира и действовать в ущерб борьбе за мир во всем мире».

Более 80 лет назад, когда господство капитала было безраздельным, Ф. Энгельс призывал коммунистов бороться за разоружение. «Вот уже двадцать пять лет, как вся Европа вооружается в неслыханных до сих пор размерах. Каждая великая держава стремится обогнать другую в отношении военной мощи и готовности к войне. Германия, Франция, Россия напрягают все силы, чтобы превзойти друг друга», — писал Энгельс в статье «Может ли Европа разоружиться?». «Не глупо ли при таких обстоятельствах говорить о разоружении?» — спрашивал он и отвечал:

«Я утверждаю: разоружение, а тем самым и гарантия мира, возможно»¹.

Уже тогда Ф. Энгельс видел те широчайшие общественные силы, которые поднимаются против войны. Разве можно теперь говорить о разоружении как о «несбыточной иллюзии», когда за него выступает все прогрессивное человечество, — имеющее могучую опору в лице социалистических стран.

Особенно разительна непоследовательность взглядов китайского руководства в одном из конкретных вопросов разоружения — о запрещении ядерных испытаний. Известно, каким яростным нападкам они подвергли Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Пропаганда КНР утверждала, будто США, Англия и СССР, заключив договор, «пытаются распоряжаться судьбами ста с лишним неядерных государств». Из рассуждений китайских политиков вытекало: если бы ядерное оружие распространилось по всему миру, в том числе и в ФРГ, если бы одна серия ядерных взрывов, производимая десятками государств, сменяла другую, то это отвечало бы интересам мира, уменьшило бы опасность войны. Нет, дело обстояло как раз наоборот!

Договор создал известные препятствия для гонки ядерных вооружений, оградил человечество от отравления и гибели вследствие заражения атмосферы, воды и космического пространства радиоактивными веществами. Как первый конкретный успех на пути устранения ядерной опасности он усилил позиции сторонников мира в борьбе против угрозы новой войны. Никто не утверждал, будто соглашение о запрещении ядерных испытаний — последний шаг на пути к всеобщему миру. Это только начало.

Несмотря на атаки Пекина против договора о запрещении ядерных испытаний, государства Азии, Африки и Латинской Америки одно за другим подписывали его.

Новым важным шагом на пути разрядки напряженности явился Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Он запретил создавать в космосе ракетные базы, запускать на околоземные орбиты атомные устройства военного характера. Мировая общественность рассматривала договор как успех прогрессивных сил и Советского Союза, который последо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 387.

вательно боролся за заключение соглашения, ограничивающего возможность превращения космоса в источник международных трений. Газета «Журнал ду Бразил» в редакционной статье отмечала: договор послужит укреплению «фронта стран, наиболее заинтересованных в сохранении мира». Как писала тунисская независимая газета «Ас-Сабах», новый договор — это этап, который должен привести к решению ядерной проблемы в целом. Руководство же КНР выступило в одном хоре с теми империалистическими силами, чьим плапам и интересам договор противоречит. Китайская пропаганда квалифицировала выработку и одобрение сессией Генеральной Ассамблеи ООН договора как попытку приукрасить агрессивную физиономию американского империализма. Агентство Синьхуа 3 января 1966 г. назвало договор «новым капитулянтским и продажным актом», «еще одним важным шагом во всестороннем сговоре США и СССР».

В поисках различных средств, которые приблизили бы договоренность по вопросу разоружения, миролюбивые государства добились в ноябре 1965 г. решения XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН провести всемирную конференцию по разоружению. В «Жэньминь жибао» от 20 июня 1966 г. и меморандуме, направленном в конце сентября ряду стран, Китай объявлял, что не примет участия ни в какой всемирной конференции по разоружению.

* * *

«В настоящих условиях, — писала одна из троцкистских газет в Японии, — самой важной международной задачей является не защита мира, а ликвидация монополистического капитала и капитализма, борьба за мировую коммунистическую революцию». В документах V конгресса «IV интернационала» (1957 г.) и конференции троцкистов-кэмпонистов (1958 г.) заявлялось, что миролюбивая политика СССР и стран народной демократии, коммунистических и рабочих партий якобы препятствует «осуществлению исторического процесса переустройства человеческого общества». В «манифесте» и в «политическом заявлении», принятых на этих собраниях троцкистов, утверждалось, будто мирное сосуществование государств с различным социальным строем «не только невозможно, но и вредно для рабочего класса всех стран», поскольку, мол, «тормозит развитие мировой пролетарской революции». «Нам, — повторял один из вожakov современного троцкизма, М. Пабло, на пленуме исполкома «IV интернационала»

28 ноября 1959 г., — нужно не сосуществование, а переход непосредственно к революционным действиям». «Курс на осуществление мирного сосуществования грозит бессилием, — вторят ему японские троцкисты. — Надо вернуться к мировой революции путем отказа от сосуществования». В одном из заявлений, сделанном в январе 1963 г. от имени так называемого международного секретариата «IV интернационала», отмечалось: «Строительство социализма и весь имеющийся опыт говорят о том, что «мирное сосуществование» и «мирное соревнование» не являются тем путем, по которому надо идти... Необходимо обсудить вопрос о неизбежности мировой войны и вопрос о превентивной войне, как их ставят Коммунистическая партия Китая и IV интернационал».

А вот еще одно заявление: «Мирное сосуществование отвечает нуждам империализма... означает подмену классовой борьбы классовым сотрудничеством в мировом масштабе; это подмена мировой пролетарской революции пацифизмом и отход от пролетарского интернационализма». Цитата взята не из решений троцкистского «IV интернационала», а из статьи, опубликованной в «Хунци» и «Жэньминь жибао».

Стоит ли удивляться, что один из главарей троцкистов, Посадас, обращаясь в июле 1963 г. к руководству КПК, сказал: «Товарищи китайцы, вы не можете утверждать, что все вопросы, которые выдвигаете в качестве революционных выводов, являются результатом только ваших работ. Это — выводы IV интернационала». Объединенный секретариат троцкистского «интернационала» в 1964 г. высказал предположение: дальнейшее развитие позиций руководства КПК приведет ко все большему усвоению им троцкистских идей.

Троцкисты активно поддержали раскольническую, авантюристическую линию группы Мао. Троцкист Пэп Шуцзэ, исключенный в 1929 г. из КПК, опубликовал в сентябре 1960 г. памфлет, который затем перепечатали троцкистские журналы. Он писал: «В известной степени мы поддерживаем сегодня Мао, не будучи маоистами... Конфликт между Москвой и Пекином представляет собой начальную, но ни в коем случае не конечную стадию процесса международной перегруппировки революционного движения». В Аргентине троцкисты обратились с призывом к рабочим «выступать на собраниях в поддержку 25 пунктов китайской программы». В некоторых странах пропекинские раскольнические элементы и троцкисты об-

разовали объединенные группки. Троцкисты охотно представляли маоистам свои издания для публикации их материалов.

Разве все эти факты не говорили о том, что китайские раскольники сомкнулись со злейшими врагами марксизма-ленинизма — троцкистами, которые являются агентурой империализма в мировом революционном движении?

РАСШИРЕНИЕ КОНТАКТОВ С ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ

Несмотря на воинственные призывы и антиимпериалистические декларации, Мао и его группа пошли на значительное расширение своих связей с империалистическими державами в ущерб социалистическим странам. О тенденции КНР к сближению с Западом недвусмысленно заявил Чжоу Эньлай в беседе с корреспондентом Ассошиэйтед Пресс оф Пакистан 31 марта 1963 г.: «Меняются и отношения между Китаем, с одной стороны, и Японией, Англией и некоторыми другими государствами — с другой». Американский профессор С. Х. Пак писал, что руководители КНР, несмотря на воинственность, «повернулись лицом к империалистам», поэтому путь к возвращению в Китай лежит через всемерную поддержку Западом китайского национализма-антисоветизма¹.

В Пекине справедливо возмущались тем, что американские империалисты удерживали Тайвань и препятствовали восстановлению прав КНР в ООН. Китайские руководители же все время давали понять, что не прочь сговориться с Вашингтоном, попустительствовали американской агрессии, особенно против других стран. Хозяева Тяньаньмыня в свойственной им манере слали сигналы о готовности пойти на улучшение отношений с США. Датская газета «Политикен» в январе 1964 г. опубликовала серию статей банкира Раймонда Шейвена о поездке в Китай. По его словам, премьер Госсовета КНР во время беседы 20 августа 1963 г. говорил, что правительство может вести переговоры с Соединенными Штатами по всем спорным вопросам, выдвигая при этом единственное условие: Вашингтон должен заявить о готовности удалить свои войска и флот с Тайваня и из Тайваньского пролива. Как и когда будут выведены войска — это другой вопрос, который может быть предметом переговоров.

¹ «New Republic», 17. VIII. 1963.

Чтобы подогреть антисоветские тенденции в политике Пекина и вместе с тем побудить его проявлять сдержанность в связи с интервенцией США во Вьетнаме, американская печать, которая раньше требовала проводить «самую жесткую линию» в отношении КНР и горой стояла за Чан Кайши, постепенно начала снижать тон. Такая же метаморфоза произошла среди влиятельных бизнесменов, сенаторов и государственных деятелей. В ноябре 1964 г. тогдашний помощник государственного секретаря Р. Хилсман выдвинул широкую программу развития американо-китайских отношений: снять ограничения на поездки и торговлю, включить КНР в число участников совещания по разоружению в Женеве. 30 декабря 1964 г. президент Л. Джонсон заявил, что его администрация хотела бы достичь известного взаимопонимания с Китаем.

18 апреля 1965 г., вскоре после начала налетов американской авиации на территорию ДРВ, около тысячи бизнесменов, собравшихся на съезд крупнейшей организации монополистов — торговой палаты США, призвали правительство «изучить шаги, которые привели бы к более эффективному открытию каналов связи» с КНР. Через несколько недель был предан гласности специальный доклад подкомиссии по делам Дальнего Востока и Тихого океана при комиссии по иностранным делам палаты представителей. Подкомиссия рекомендовала правительству «подумать о том, чтобы в подходящее время выступить с инициативой в деле восстановления прямых контактов с красным Китаем». За «более гибкий подход» к КНР начали ратовать многие из тех, кто считался сторонником «жесткой линии», в частности столпы «тайваньского лобби» Аллен Даллес и сенатор Джавитс. Губерт Хэмфри предлагал проводить курс «сдерживания без изоляции». Сенатор Мэнсфилд, некогда уверявший, будто политику изоляции КНР поддерживает большинство американского народа, рекомендовал встречу государственного секретаря США и министра иностранных дел КНР. Даже «старое китайское лобби», — писала в мае 1965 г. газета «Вашингтон пост», — по-видимому, действительно испускает дух, и Соединенные Штаты могут теперь позволить себе любой шаг в отношении КНР, какой сочтут отвечающим своим национальным интересам». В мае 1966 г. конгрессмен Эшбрук заявил в палате представителей, что в Вашингтоне сложилось и активно действует «лобби красного Китая».

Новый подход к Китаю предлагали американские ученые. Профессор Доук А. Барнетт в сенатской комиссии по

иностранным делам конгресса США в марте 1966 г. рекомендовал найти «творческий и конструктивный подход к вопросам о том, как выработать политику, которая могла бы оказывать смягчающее влияние на пекинских руководителей, как приноравливаясь к законным интересам Китая как великой державы, как восстановить разумную основу для контактов и общения между США и КНР, как добиться более широкого согласия между некоммунистическими странами в том, что касается разумных подходов в отношениях с китайцами». Предлагалось применять в отношении КНР политику сдерживания, а не изоляции. Такая политика, с одной стороны, удерживала бы Пекин от военных и подрывных угроз и акций, а с другой — способствовала бы установлению максимальных контактов с КНР и максимальному вовлечению ее в «международное сообщество». На мировой арене, писал Джордж Кэннан, для США появился «самый обнадеживающий факт за последние 20 лет... С нашей стороны было бы глупо сидеть сложа руки... полностью игнорировать конфликт Китая с Советским Союзом и не воспользоваться благоприятными последствиями, какие он может иметь».

От внимания творцов внешней политики США не ускользнул и тот факт, что Пекин наотрез отказался от единых действий с социалистическими странами по оказанию помощи ДРВ. Китайские руководители, отмечала газета «Нью-Йорк таймс», «решили превратить Советский Союз в главного публичного врага Китая в разгар эскалации войны во Вьетнаме».

Бывший посол США в Таиланде и представитель в СЕАТО К. Янг в книге «Дипломатия и сила в отношениях между Вашингтоном и Пекином. 1953—1967», опубликованной в Чикаго в 1967 г., писал: несмотря на официально выражаемую враждебность к США и отсутствие дипломатических отношений, КНР в течение последних 14 лет стремилась поддерживать с ними постоянные дипломатические контакты. Пекин и Вашингтон «имеют между собой гораздо более частые и широкие контакты, чем те, о которых известно». Обсуждение на переговорах послов в Варшаве таких тем, как кризис в Лаосе и во Вьетнаме, по словам автора, позволило правительствам США и КНР узнать о намерениях друг друга, «установить определенные пределы и избежать ошибок в расчетах». «Необъявленным результатом» переговоров было «установление пределов» в отношении политических и военных аспектов войны во Вьетнаме. Переговоры послов являются «наибо-

лее длительным и наиболее непосредственным диалогом между какой-либо из крупных наций Запада и Китаем». Этот диалог более плодотворный, чем тот, на какой США могли бы рассчитывать в случае оформления дипломатических отношений.

В свою очередь министр иностранных дел КНР Чэнь И в беседе с представителями японской либерально-демократической партии высоко оценил американо-китайские контакты в Варшаве и подчеркнул, что не обязательно исключает мысль о переговорах с США. «Китай обостряет свой конфликт с Советским Союзом, — комментировало его заявление агентство Франс Пресс, — чтобы подготовить путь к прямым переговорам с США».

* * *

С западноевропейскими державами политические связи были незначительными, но быстро расширялась торговля. В 1964 г. объем торговли КНР с развитыми капиталистическими странами превысил объем торговли с социалистическими государствами. Удельный вес стран социализма в торговле с КНР составил в 1967 г. 22%, а других стран — 78%.

Многочисленные китайские миссии посетили Англию и проявили интерес к закупке стали, промышленного оборудования, автомобилей, локомотивов, самолетов. В сентябре 1963 г. в КНР приезжала группа британских промышленников, которые убедились, что «потенциальные возможности англо-китайской торговли значительны». В 1964 г. в Пекине была организована английская промышленная выставка. Объем торговли Китая с Англией увеличился со 159 млн. в 1960 г. до 190 млн. долл. в 1967 г.

Во внешней торговле КНР, особенно экспорте, важное место занимал Гонконг. В 1966 г. она закупила там товаров примерно на 11 млн. ам. долл., а поставила более чем на 480 млн. долл. На долю КНР приходилось около 27% гонконгского импорта, и она зарабатывала при этом свыше 450 млн. долл.¹

Доходы от вывоза товаров не единственный способ приобретения твердой валюты. Ежегодно Китай получал более 300 млн. долл. из других источников. Как сообщала печать, КНР осуществляла в Гонконге обширную программу строительства отелей, магазинов, ресторанов и банков. На его внутренний рынок широким потоком по-

¹ «New York Times», 10. II. 1967.

ступали китайские товары и продовольствие, продажа которых была сосредоточена в четырех универсальных и множестве мелких магазинов, принадлежавших КНР. Чтобы привлечь покупателей, главным образом иностранных туристов и американских военнослужащих, цены на товары были низкие. «Гонконг не смог бы существовать без Китая, так как китайский рис, свинина, рыба, овощи и даже вода, подаваемая по трубам через границу, питают население этой английской колонии»¹, — отмечала «Вашингтон пост». «Американским законом запрещено покупать товары, изготовляемые в коммунистическом Китае, — писала «Нью-Йорк таймс». — Однако в связи с тем, что большинство ресторанов Гонконга пользуется продуктами, привезенными из КНР, а магазины, принадлежащие коммунистам, предлагают слишком заманчивые сделки для многих туристов, эмбарго фактически забыто»². По сообщению «Уорлд дженерал трибюн», около четверти миллиона американских военнослужащих в 1966 г. посетили Гонконг, который рассматривали в качестве «игровой площадки и торгового центра». Они истратили там за неполный год 112 млн. долл. В порт заходили в течение того же года 360 американских военных кораблей. Военные ведомства США содержали в Гонконге постоянные учреждения по закупке товаров³.

Группа Мао настолько цеплялась за выгодные экономические связи с Гонконгом, что попыталась спустить на тормозах выступление китайского населения против английских колониальных властей. Но об этом речь пойдет ниже.

Свернув торговлю с ГДР и аннулировав многочисленные заказы на промышленное оборудование, Китай расширил связи с ФРГ. Он стал одним из главных ее торговых партнеров в Азии. Объем торговли КНР с ФРГ в 1967 г. был немногим меньше 300 млн. долл., что в 6 раз превышало объем торговли с ГДР. Близкая к ХДС газета «Рейншпе пост» предлагала искать возможности извлекать выгоды из раскольнической деятельности группы Мао⁴. Западногерманский неонацист Михаэль Хинтервальд в статье «Долгий путь в Пекин» призывал установить прямое сотрудничество ФРГ с КНР. Только опираясь на неисчерпаемый потенциал Китая, подчеркивал он, ФРГ может успешно противостоять Советскому Союзу и быть полноправным парт-

¹ «Washington Post», 12. XII. 1965.

² «New York Times», 15. X. 1966.

³ «World General Tribune», 22. I. 1967.

⁴ «Reinishe Post», 21. XI. 1963.

пером по отношению к западным державам. При этом Хинтервальд считал обнадеживающим тот факт, что пекинские руководители начали воздерживаться от выпадов против западногерманского милитаризма и реваншизма, особенно после того, как официально причислили ФРГ к странам «промежуточной зоны». Надо учитывать, заявил он, что «два различных коммунизма, конкурирующие между собой и даже способные, возможно, обрушиться друг на друга, представляют нечто совершенно иное, чем монолитный коммунизм». Руководствоваться только моральными и идеологическими критериями в отношении к двум коммунистическим режимам, рассматривая обоих как одинаково опасных врагов, значило бы «способствовать замазыванию трещины между ними». Исходя из этого, Хинтервальд считал, что следует использовать менее опасного на данном этапе врага, т. е. Китай, чтобы принудить врага номер один к уступкам.

В 2 раза возрос товарооборот Китая с Францией, Италией, в 7 раз — с Канадой, в 8 раз — с Австралией. Объем торговли с Францией, а также с Италией превысил 100 млн. долл. соответственно. КНР подписала контракт на поставку из Канады до 5 млн. т зерна, в Австралии закупила пшеницу и прокат.

* * *

Мао Цзэдун и его группа особенно заискивали перед Японией и даже намекали на возможность альянса на основе расовой общности. Чжоу Эньлай в беседе с японским деятелем Мацумура Кэндзо в сентябре 1963 г. заявил: Китай и Япония, «имеющие одинаковую письменность и расовые признаки, должны сплотиться...». Чэнь И пошел еще дальше, сказав, что «Китай прекрасно понимает, что Япония не может в настоящее время разорвать отношения с Тайванем»¹. «Самым важным в переговорах Чжоу Эньлая с Мацумура является то, — писала в связи с подобного рода высказываниями газета «Асахи», — что Китай в значительной степени смягчил свое отношение к Японии, особенно в вопросе о японо-тайваньских связях»².

На встрече с японскими представителями 21 августа 1964 г. Мао Цзэдун с необычным вдохновением говорил: «Японская нация — великая нация, она вела войны с США. Воевала с Англией и Францией. Совершила нападение на

¹ «Нитю канкэй сирёсю» (Сборник материалов по вопросам японо-китайских отношений). Токио, 1967, стр. 108.

² «Асахи», 21. IX. 1962.

Пирл-Харбор; оккупировала Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Малайю, Индонезию. Ее наступление распространилось до восточной части Индии». Он объявил великими агрессивными походы самураев, которые народ Японии считает национальным позором. Пекин поддержал притязания на Южные Курилы.

На базе этого «смягчения» позиции пекинского руководства началось столь быстрое развитие торговых связей, что маопсты, вопреки всякой логике, стали утверждать, будто «единственным различием между нынешним положением и наличием нормальных дипломатических связей является лишь то, что наши страны (КНР и Япония) не обменялись послами»¹. Пекинское руководство уделяло большое внимание обмену делегациями. В 1965 г., например, из Японии в КНР прибыло в составе делегаций (без туристов!) 4513 человек (в 1964 г. — 1758).

Товарооборот Китая с Японией постоянно увеличивался и в 1967 г. достиг 500 млн. долл.

Развитие экономических связей, на которые охотно шел Пекин, и различные контакты между его представителями и правящими кругами Японии приняли столь широкий размах, что политические обозреватели не без оснований стали высказывать предположения о возможности использования группой Мао именно этой страны для установления контактов с Вашингтоном. Это было тем более вероятно, что, судя по многим фактам, США приветствовали бы такого рода «добрые услуги» со стороны Токио.

Учитывая эти тенденции, японские и американские государственные деятели заговорили о том, что Япония может сыграть роль моста между КНР и США. Прямые связи с Вашингтоном, дескать, затруднены для пекинских руководителей в свете их утверждений о намерении вести непрерывную борьбу с «американским империализмом». Бывший директор Управления экономического планирования Айитиро Фудзияма выразил на заседании кабинета министров уверенность в том, что в скором времени «Япония может стать мостом между Соединенными Штатами и коммунистическим Китаем»².

Разумеется, установление нормальных отношений между государствами, развитие равноправных, деловых и взаимовыгодных связей являются важными элементами мирного сосуществования. Однако Китай расширял связи с империалистическими государствами за счет отношений

¹ «Асахи», 29. X. 1963.

² «Japan Times», 17. IX. 1966.

с социалистическими. Свои узконационалистические интересы маоисты поставили выше интернационального долга Коммунистической партии Китая. Американская газета «Нью рипаблик» отмечала 17 августа 1963 г., что со времени «большого скачка», несмотря на свою воинственную идеологию, они повернулись лицом к империалистам.

* * *

«Скачок» и коммуны, дезорганизация хозяйства, серьезные продовольственные трудности, многочисленные эксперименты более мелкого масштаба сбили с толку и обескуражили народные массы КНР. Никак не удавалось восстановить прежний трудовой энтузиазм и поднять дисциплину. Производство, особенно сельскохозяйственное, росло крайне медленно.

Не оправдались также попытки китайских руководителей компенсировать внутренние провалы за счет «больших успехов» на мировой арене, в коммунистическом и национально-освободительном движениях; не сумели маоисты спровоцировать и войну между СССР и США. Стремление возродить былое могущество Китая согласно модернизированным и расширенным традициям китаецентризма и феодально-шовинистическим установкам, которые культивировались в течение многих веков, не соответствовало объективным возможностям страны, в первую очередь экономическим и военным. Рулевые китайского государственного корабля старались компенсировать это, применяя шантаж, провокации, двурушничество, вмешательство во внутренние дела других стран и народов, заведомую клевету. Как писала «Юманите», «социализм — это не милитаризация всего общества, это не организованная клевета, это не публичное унижение, возведенное в метод правления, это не культ личности, доведенный до психоза, это не отрицание культуры, это не антисоветизм»¹. Газета подчеркивала, что китайская руководящая группа старается дискредитировать подлинный социализм.

Страна с умным и талантливым народом в результате шовинистической и авантюристической политики группы Мао Цзэдуна оказалась окруженной стеной недоверия со стороны других народов мира.

¹ «L'Humanité», 26. I. 1967.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПОЛИТИКА КИТАЙСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ

Самые различные слои населения, коммунисты серьезно задумывались над тем, как и почему страна оказалась в состоянии перманентного кризиса. Росло недовольство, острее становилась критика, открытая и высказываемая эзоповским языком, идей и практики Мао Цзэдуна и его единомышленников. Во время «культурной революции» были опубликованы материалы, из которых явствовало, что многие партийные деятели, работники культуры видели причину трудностей в «большом скачке» и других неудачных экспериментах, отсутствии у крестьян заинтересованности в труде. Ряд членов Политбюро высказывали недовольство пазойлчивым вмешательством Мао Цзэдуна в дела, в которых он не разбирался.

Ученые призывали восстановить принцип хозрасчета на предприятиях, не пренебрегать материальной заинтересованностью и для строительства социализма широко использовать товарно-денежные отношения.

Организаторы «культурной революции» усмотрели критику Мао Цзэдуна в газете «Бэйцзин ваньбао» от 26 ноября 1961 г., где говорилось о «хвастунах, от которых шуму много, а толку мало»; хвастуны полагали, будто могут сделать все, но в итоге расшибли себе лбы перед лицом фактов и окончательно обанкротились. Группа Мао считала, что в статье Дэн То «Судьбы двух храмов» под «процветающим храмом» подразумевался СССР, а под «храмом, пришедшим в упадок», — Китай.

Зародившееся в 1959—1961 гг. недовольство усилилось в связи с банкротством политики Мао Цзэдуна и его группы в отношении социалистических стран и коммунистического движения, крушением их планов в Индонезии и неудачей с созывом конференции стран Азии и Африки.

Еще В. И. Ленин писал: «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и верней-

ших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*»¹.

В Пекине избрали другой путь.

ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА

Как отмечал Карл Маркс, цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель. Группа Мао, по существу, произвела военный переворот: поставила армию на место партии и даже над партией и стала создавать военно-бюрократический режим. Потом маоисты начали формировать штурмовые отряды из 11—18-летних юнцов. Их уже воспитали во враждебном к КПСС и другим коммунистическим партиям духе, напичкали цитатами из статей «великого кормчего» и внушили мысль о какой-то исключительной их миссии в государстве. Отряды возглавили офицеры из армии и органов безопасности. Впоследствии заместитель председателя КПК, министр обороны Линь Бяо, ставший во время «культурной революции» руководителем номер два в Китае, будет объявлен предателем, штрейкбрехером; главные барабанщики «культурной революции» — Ван Хунвэнь, избранный на X съезде заместителем председателя ЦК КПК, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин и Яо Вэньюань, ставшие на IX съезде членами Политбюро ЦК КПК, будут арестованы и изобличены как «банда четырех», повинная в терроре против старых кадров, избииении творческой интеллигенции, в дезорганизации народного хозяйства. При этом будут стараться, свалив все грехи на других, вывести из-под критики Мао Цзэдуна. А пока что опричники, вдохновляемые Мао, его женой Цзян Цин и ее подручными, такими сторонниками, как Кан Шэн и другими, в свое время уже истреблявшими партийные кадры, должны были разбить «собачьи головы» врагов председателя и водрузить знамя его «идей» во всем Китае.

XI пленум ЦК КПК, проведенный в августе 1966 г. под

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 40—41.

личным руководством Мао Цзэдуна, принял постановление о так называемой «великой пролетарской культурной революции». Пленум сделал ряд заявлений по проблемам международного коммунистического движения и в этой связи выступил с клеветническими пападками на КПСС. Официально было подтверждено намерение руководства КПК и впредь проводить особый курс, противопоставляя его марксистско-ленинской линии, выработанной братскими партиями на Совецаниях 1957 и 1960 гг. Мао и его группа оформили одобрение своей антисоветской линии в качестве официальной политики партии. Пленум отверг предложение КПСС и других братских партий о совместных действиях в борьбе против империализма, в том числе против агрессии США во Вьетнаме.

Характеризуя решения пленума, ЦК КПСС заявил 1 сентября, что антисоветские действия и официальные выступления руководящего органа КПК наносят ущерб единству международного коммунистического движения, борьбе за социализм, национальное освобождение, за мир и безопасность народов. Такой шаг оказывает особенно большую услугу империализму и реакции, которые усиливают атаки против революционного движения и расширяют грязную войну во Вьетнаме. ЦК КПСС подчеркнул: Коммунистическая партия Советского Союза будет и впредь решительно отстаивать генеральную линию мирового коммунистического движения, принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма¹.

Французский публицист Жан Видаль указывал, что «культурная революция» ставила своей целью подавить всякое сопротивление «идеям Мао» и заставить народ примириться с политикой, которую он отверг в 1958 г. Она была зловещей операцией против самой КПК, ее осуществление Мао Цзэдун поручил непосредственно армии².

Первыми жертвами «чисток» тотального характера стали работники идеологического фронта, деятели литературы, театра и кино, изобразительного искусства, которые на протяжении десятилетий отдавали свой талант делу революции и освобождению народа. Таким образом, руководящая группировка исключила из активной общественной жизни многих политически сознательных, преданных социалистическим идеалам людей. Их «вина» заключалась в том, что они не приняли абсурдных «доктрин»

¹ См. «Правда», 1 сентября 1966 г.

² См. Жан Эмиль Видаль. Куда ведет Китай группа Мао Цзэдуна? М., 1967, стр. 8, 65.

Мао Цзэдуна, пассивно (некоторые активно) сопротивлялись курсу на конфронтацию с СССР.

Наряду с гонениями на творческую интеллигенцию маоисты организовали кампанию против классической литературы, поэзии и театра Китая. Издавна любимые народом произведения порочились за то, что несут в себе заряд гуманистических идей. Такие же «обвинения» предъявлялись и корифеям мировой литературы и музыки — Толстому и Рабле, Шекспиру и Бальзаку, Роллану и Чехову, Бетховену и Верди, а также многим другим. Предавая анафеме эти имена, китайская печать заявляла: преступно «воспевать гуманность, свободу, равенство, братство, так как именно эти настроения воспринимает та часть молодежи, которая отравлена ядом буржуазной идеологии», т. е. молодежь, не созревшая для восприятия «идей» председателя Мао.

С полок магазинов и библиотек были изъяты книги, подпадавшие под определение «вредная литература». Хунвэйбины, как в свое время гитлерюгенд, устраивали костры из книг. Советская художественная и общественно-политическая литература фактически была запрещена. С китайских экранов исчезли и советские кинофильмы.

В ноябре 1966 г. по личному указанию Мао Цзэдуна «культурная революция» начала перерастать в политическую, организационную, идеологическую чистку партийного аппарата, органов образования, культуры, пропаганды и т. п. Тон задавала армейская газета «Цзефанцзюнь бао». Членам партии предписали учиться у армии «выполнять приказы решительно, быстро, точно, не вступая в пререкания и не торгуясь».

С конца 1966 г., когда маоисты поставили своей задачей «полный захват всей партийной, государственной и хозяйственной власти», начали создаваться отряды цзаофаней («смутьянов»). Туда входили одурманенные маоистской пропагандой рабочие, служащие, рядовые деятели партийно-государственного аппарата. Им поручалось «захватывать власть» и громить партийные и государственные органы в центре и на местах. Эти отряды служили прикрытием при установлении в стране военно-террористической диктатуры.

«Цзефанцзюнь бао» стала публиковать статьи с резкими обвинениями в адрес тех, кто якобы «выступал против социализма», «защищал правых оппортунистов» и т. п. Газеты развернули истерическую кампанию запугивания угрозой «реставрации капитализма», «дворцово-

го переворота», «восстановления монархии» и «перерождения в духе современного ревизионизма». По почину «Цзефанцзюнь бао» началась проповедь фанатической преданности «идеям Мао». И без того доведенный до крайности, культ вождя превратился в религиозное поклонение божеству. Центральные и провинциальные органы печати обрушили на «врагов идей Мао» поток проклятий и угроз: «растопчем», «сметем с лица земли», «сотрем в порошок», «палками уничтожим авторитеты» и т. п.

С еще большим рвением, чем когда-либо, руководители КНР и хунвэйбины пытались обосновать «универсальный» характер «идей» Мао Цзэдуна, абсолютизировать опыт китайской революции, особенно партизанской войны, и вывести из него «общие законы», якобы применимые для любых стран и народов.

Основоположники науки о коммунизме неоднократно подчеркивали, насколько серьезный вред способно нанести преувеличение национального опыта, стремление утвердить его в качестве всеобъемлющего рецепта для различных отрядов революции. Успехи коммунистического движения достигнуты благодаря тому, что марксистско-ленинские партии, опираясь на коллективный опыт, творчески осваивали и применяли общие принципы революционной теории с учетом особенностей своей страны.

Несмотря на некоторые вариации, предъявлявшиеся в ходе «культурной революции» обвинения сводились к следующему: критика «трех красных знамен» и «идей Мао Цзэдуна», несогласие с линией на раскол мирового коммунистического движения и разрыв с СССР, организация заговора с целью устранения «великого кормчего». Идейным противникам Мао Цзэдуна навешивались ярлыки «врагов народа», «предателей революции», «бандитов», «нечисты» и т. п. Был разгромлен столичный горком КПК и назначено новое руководство. Подобная участь постигла и парткомы крупнейших вузов, партийных и государственных учреждений. Затем удары посыпались на провинциальные комитеты КПК.

Хунвэйбины встречали отпор со стороны рабочих и крестьян, многих партийных организаций. Представители 33 промышленных предприятий и учреждений Цзиньхуа (провинция Чжэцзян) писали в листовке: «Мы заявляем самый решительный протест против фашистских, незаконных, преступных действий контрреволюционеров». Они сообщали, что хунвэйбины из педагогического института «разгромили партийные органы, зверски, как фашисты,

избили 40 старых революционеров, тяжело ранив троих». Схватка между рабочими-железнодорожниками и бандами «смутьянов» в Нанкине, крупные забастовки в Гуанчжоу, Ухани, Шанхае и других городах выливались в ряде случаев в кровавые столкновения. В Гуанчжоу, Ухани, Сычуани они приняли форму гражданской войны. Сопротивление было оказано хунвэйбинам во Внутренней Монголии, Синьцзяне, Тибете. События свидетельствовали о том, что трудящиеся не только не принимали «культурной революции», но видели в ней посягательство на свои интересы, обеспеченные социалистической революцией. Стала раскалываться даже армия, вспыхнули бои между воинскими частями.

На некоторых предприятиях рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения бытовых условий. Это была закономерная реакция на падение и без того низкого жизненного уровня, что явилось следствием неразумной экономической политики, хаоса и дезорганизации в системе снабжения, вызванных «культурной революцией». Правящая группировка в ответ на требования рабочего класса провозгласила борьбу против так называемого экономизма. Естественное стремление людей к обеспеченному существованию она объявила «частно-собственническим инстинктом», «забвением революционного духа», «буржуазным и ревизионистским товаром» и т. п.

В борьбе против справедливых требований трудящихся, пожалуй, наиболее ярко проявилась суть мелкобуржуазного авантюризма. Нарушив процесс планомерного экономического развития, Мао и его соратники не находили ничего лучшего, как проповедовать аскетизм, противопоставлять реальным жизненным потребностям «революционный дух». В ход была пущена обойма маоцзедунских цитат («В производстве — стремиться к высоким показателям, в жизни — придерживаться низкого уровня», «Бедность — это хорошо», «Страшно подумать о том времени, когда все люди будут богатыми» и т. д.).

Самое сложное искусство — искусство управлять. Группа Мао явно не овладела им. Хунвэйбины и цзаофани под руководством маоистов попытались насадить и новую систему управления обществом. Сначала коммуна была образована в Пекине, затем в Шанхае. Согласно официальным разъяснениям, такая власть создавалась якобы «по типу Парижской коммуны», а функции управления сосредоточивались у единых «революционных» органов.

Убедившись в непопулярности и нежизненности коммуны, руководители «культурной революции» стали советовать организовать «революционные комитеты» там, где «взята власть». Комитеты представляли собой «сочетание» сил трех сторон — хунвэйбинов, армии, лояльных по отношению к Мао Цзэдуна кадровых работников. Сначала комитеты появились в Шанхае и провинциях Шаньси, Шаньдун, Хэйлунцзян и Гуйчжоу, т. е. в тех пяти районах, где группа Мао Цзэдуна контролировала положение. Затем они были созданы в других местах. Оказавшись на грани экономической катастрофы и полного распада государственного управления, группа Мао была вынуждена поставить вопрос о привлечении в «революционные комитеты» кое-кого из побитых партийных кадров.

Сторонники Мао Цзэдуна рассчитывали с помощью хунвэйбинов, цзаофаней и армии нанести удар противникам, разгромив партийные комитеты, и уже в более спокойной обстановке осуществить «упорядочение» партии и комсомола. Однако сопротивление наступлению на партию, на социалистические завоевания не прекращалось, а в «революционных комитетах» царили раздоры. Тогда маоисты стали прибегать к массовым расстрелам. Политических противников «великого кормчего» казнили сотнями на площадях городов.

Когда дело было сделано, надобность в хунвэйбинах отпала. Длительное время Мао и его группа не могли заставить хунвэйбинов и цзаофаней вернуться на места и не мешать производству. Привыкшие к безделью и погромам, юнцы не торопились сесть за парту или начать работать. Китайский руководитель, говоря его же словами, сумел взобраться на тигра, но никак не мог слезть.

Давление на хунвэйбинов привело к тому, что «безмерная любовь» к «великому кормчему» сменилась чувством горечи, протеста и неприязни. В ряде случаев против них пришлось применять войска.

Многие армейские генералы, особенно в провинции, все меньше были склонны прислушиваться к Пекину, возникла опасность возрождения милитаристских вотчин. Новое руководство, сложившееся в ходе «культурной революции», заявило о том, что грозит опасность полицентризма, тогда как имеется один центр — Пекин — и один вождь.

И вот появилось новое указание Мао Цзэдуна: учиться у рабочего класса, опираться на рабочий класс. Да, не от хорошей жизни он вспомнил рабочий класс, тот класс,

который никогда не понимал, к которому относился с недоверием и презрением и который больше всего пострадал от «культурной революции». Функции рабочего класса сводились, однако, к созданию агитбригад.

Итог «культурной революции» подвели XII пленум ЦК КПК, состоявшийся в октябре 1968 г., и IX съезд, проходивший в апреле 1969 г.

Пленум, явившийся собранием уцелевших членов ЦК КПК (большинство было ошельмовано), участников группы по делам «культурной революции», ответственных работников революционных комитетов, армейских деятелей, одобрил «культурную революцию» и «огонь по штабу». Он пазвал «главного врага» своим именем. Тот самый Лю Шаоци, который в прошлом немало сделал для возвелчепия Мао Цзэдуна и которого само «красное солнце» рекомендовало председателем КНР, был заклеен «provokатором и штрейкбрехером», «цепным псом империализма, современного ревизионизма и гоминьдановской реакции, совершившим массу тягчайших преступлений». Авторы коммюнике пленума поставили на одну доску американский империализм и Советский Союз, разглагольствовали о каком-то их «священном союзе». Не менее лживо прозвучала декларация о том, что Мао и его группа «тврдо отстаивают принципы и политику пролетарского интернационализма, сплачиваются воедино с подлинными марксистами-ленинцами всех стран мира» и т. д.

IX съезд должен был закрепить единоличную диктатуру «великого кормчего», превратить КПК в военно-бюрократическую организацию, руководствующуюся только «идеями Мао», навязать и на будущее Китаю политику вражды к социалистическим странам, политику шовинизма и экспансионизма.

В докладе Линь Бяо IX съезду не сказано доброго слова в адрес ни одного государства, кроме Албании. Доклад был пропитан духом вражды к СССР и изобилдовал угрозами. Если судить по докладу, то социалистического содружества уже не существовало, и даже героическая Демократическая Республика Вьетнам была поставлена в ряд государств с иным общественным строем. Линь Бяо проповедовал вмешательство в дела соседних стран, высказывал экспансионистские претензии.

Решения IX съезда были открытым отказом от решений VIII съезда, изменой марксизму-ленинизму.

Не случайно вооруженный конфликт на советско-китайской границе был спровоцирован в период завершения

подготовки к IX съезду КПК. Взынчивая антисоветскую истерию, разжигая шовинистический угар в стране, пекинские лидеры стремились создать атмосферу, которая позволила бы им закрепить на съезде антисоветский, великодержавный курс как генеральную линию внешней политики КНР.

ЭСКАЛАЦИЯ ВРАЖДЫ

В ходе «культурной революции» происходило дальнейшее нагнетание вражды к СССР. Китайская пропаганда извращала каждый внешнеполитический шаг Советского государства, продиктованный заботой об интересах мира и социализма. Печать и радиостанции КНР клеветали на наш народ и партию. На протяжении многих месяцев звучали призывы водрузить «знамя Мао на Красной площади», установить в СССР «новый порядок» по образцу и подобию того, какой Мао Цзэдун насаждал у себя в стране.

Лживой пропагандой, которая по тону и грязным приемам превосходила все то, на что отваживались враги социализма, дело не ограничивалось. Руководство КПК стало на путь прямых антисоветских действий и провокаций. В начале 1967 г. оно предприняло новые акции для обострения советско-китайских отношений. 25 января 1967 г. группа находившихся в Москве китайских граждан и сопровождавшие их сотрудники посольства КНР устроили грубую антисоветскую провокацию, учинив беспорядки на Красной площади. МИД СССР в тот же день заявил решительный протест посольству КНР по поводу этих возмутительных действий.

Вскоре стало очевидным, что провокация на Красной площади не была простым эпизодом в общей цепи антисоветских деяний руководства КНР. Китайская пропаганда подняла крик о том, что граждан КНР якобы жестоко «избили» в Москве. Эту фальшивку использовали для организации новых бесчинств у посольства СССР в Пекине.

В течение двух недель, начиная с 26 января 1967 г., у его здания днем и ночью не прекращались сборища, демонстрации и шествия, сопровождавшиеся грубой бранью в адрес СССР. Толпа обманутых клеветнической пропагандой людей устраивала оргии с кострами, на которых сжигали изображения советских людей. На территорию посольства бросали горящие предметы.

Дикое зрелище представляли бесчинства хунвэйбинов на аэродроме в Пекине, когда в феврале 1967 г. на родину вылетали жены и дети работников посольства и других советских учреждений в Китае. Озверевшие молодчики били даже малышей. Пострадали многие дипломаты социалистических и других стран, пришедшие проводить советских людей. Такого еще не было в истории международных отношений.

17 августа 1967 г. хунвэйбины ворвались на территорию посольства, учинили погром в помещении консульского отдела, сожгли сторожевую будку и автомашины, угрожали физической расправой сотрудникам. Китайская охрана из полицейских и военнослужащих пальцем не шевельнула, чтобы пресечь бесчинства.

В декабре 1966 г. под провокационным предлогом китайские власти задержали на 20 суток теплоход «Загорск». Они пытались забрать судовые документы, принудить капитана и других членов экипажа признать себя виновными в каких-то проступках. В августе 1967 г. в Дальнем были совершены акты грубого насилия в отношении капитана и экипажа теплохода «Свирск».

Администрация порта не разрешила погрузку советских теплоходов «Туркестан» и «Камчатсклес». 15 августа 1967 г. судам пришлось покинуть Дальний без груза. 27 марта 1968 г. китайские власти в Вампу под надуманным предлогом не выпустили танкер «Комсомолец Украины», доставивший горючее для борющегося Вьетнама, и учинили над командой жестокую расправу. Судно было освобождено лишь 4 апреля в результате мер, принятых Советским правительством.

Китайские власти срывали решение практических проблем, возникавших в отношениях между двумя странами. В июне 1967 г. правительство КНР денонсировало соглашение о сотрудничестве при спасении человеческих жизней и оказании помощи судам и самолетам, терпящим бедствие в море (подписали в 1956 г. СССР, КНР и КНДР). В июле 1967 г. в Харбине было созвано очередное, XIV совещание смешанной комиссии для согласования конкретных вопросов поддержания и улучшения условий судоходства на пограничных участках рек. Представители КНР не пожелали заниматься обсуждением, а выступили с клеветническими заявлениями. Они потребовали «права прохода» китайских судов по советским внутренним водам и передачи китайской стороне обслуживания знаков судоходной обстановки на территории СССР. Делались попыт-

ки навязать дискуссии по не подлежащим компетенции комиссии вопросам прохождения линии границы по рекам. Убедившись в безрезультатности своих действий, представители КНР заявили в одностороннем порядке о закрытии совещания. Маонисты стремились перенести хунвэйбинские методы политического хулиганства на международную арену для борьбы против СССР. Китайские представители, действуя по инструкции Пекина, учинили антисоветские дебоши в Ханое, Париже, Багдаде, Алжире, Пномпене и других городах. Более того, местом одной из провокаций опять были избраны Красная площадь и Мавзолей В. И. Ленина.

Руководители КНР старались создать видимость «народного возмущения» и в антисоветские выступления втягивали в стране тысячи людей. Изо дня в день пропаганда подстрекала толпы подростков и молодежи потребовать «уплаты кровавого долга».

ЦК КПСС, Советское правительство постоянно держали китайские события в поле зрения.

На декабрьском (1966 г.) Пленуме ЦК КПСС обсуждался доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения». В нем было отмечено, что обстановка в Китае и решения XI пленума ЦК КПК свидетельствовали о том, что великодержавная, антисоветская политика Мао Цзэдуна и его группы вступила в новую опасную фазу. Их внешнеполитическая деятельность ничего общего не имела с марксизмом-ленинизмом. Пленум ЦК КПСС подтвердил неизбежность курса нашей партии на дружбу и интернациональную солидарность с КПК и Китайской Народной Республикой. Вместе с тем Пленум пришел к выводу, что надо решительно разоблачать антиленинские взгляды и великодержавную, националистическую политику пекинских руководителей, усилить борьбу в защиту марксизма-ленинизма, генеральной линии, выработанной международными Совещаниями 1957 и 1960 гг.

Июньский (1967 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость вести борьбу против клеветнической кампании и раскольнических действий группы Мао, которые направлены на разъединение антиимпериалистических сил, на подрыв доверия между народами развивающихся, в частности арабских, государств и народами социалистических стран.

Советское правительство сделало ряд представлений по поводу бесчинств хунвэйбиновских налетчиков и провокаций китайских властей против учреждений и граждан СССР. В заявлении от 4 февраля 1967 г. говорилось: как подтверждает история, разнузданный антисоветизм и разжигание вражды и ненависти к СССР никогда и никому не приносили ничего, кроме бесчестия и позора; несомненно, так будет и на этот раз. Советское правительство категорически настаивало, чтобы в соответствии с нормами международного права китайские власти приняли самые срочные меры и обеспечили полную безопасность работникам посольства и других советских учреждений в Пекине, строго наказали организаторов провокаций и дали гарантии, что подобное незаконное не повторится. В противном случае вся полнота ответственности за последствия ляжет на КНР. СССР оставлял за собой право принять меры, какие будут продиктованы обстановкой, для защиты своих граждан и своих законных интересов.

В ноте от 18 августа 1967 г. Советское правительство заявило, что власти КНР устраивали систематические провокации в отношении посольства и других официальных учреждений СССР и их персонала. Вокруг посольства создана совершенно ненормальная, нетерпимая обстановка; не обеспечивались неприкосновенность и безопасность дипломатического персонала; антисоветская истерия доведена до крайних форм грубого произвола и прямых физических посягательств на официальных лиц и граждан СССР; правительство КНР продолжает цинично попирает основные принципы отношений между государствами, не желает пресечь безобразия и соблюдать в отношении посольства и других учреждений СССР элементарные нормы международного права. Правительство СССР потребовало немедленно прекратить незаконное и обеспечить безопасность персонала посольства и других официальных советских учреждений в КНР.

В связи с произволом китайских властей в отношении экипажа «Свирска» Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин направил 12 августа 1967 г. премьеру Государственного совета Чжоу Эньлаю телеграмму. Акты незакония, говорилось в телеграмме, свидетельствуют о том, что китайская сторона преднамеренно ведет дело к дальнейшему осложнению отношений с СССР, ставит под вопрос выполнение заключенных двумя государствами торговых соглашений. Советское правительство ожидает срочных соответствующих мер КНР для обеспе-

чения безопасности экипажа и возвращения капитана и остальных моряков. Вместе с тем должны быть созданы условия для беспрепятственного выхода теплохода из порта Дальний.

20 августа 1967 г. МИД СССР в теле посольству КНР заявил, что действия в отношении советских судов и их экипажей в порту Дальний не могут быть расценены иначе как составная часть кампании, проводимой в КНР для дальнейшего осложнения советско-китайских отношений; в такой обстановке наши суда лишены возможности заходить в порт Дальний. СССР потребовал, чтобы правительство КНР гарантировало нормальные условия для осуществления транспортно-коммерческих операций советских судов в порту Дальний.

Бесчинства китайских властей вынудили наших моряков отказаться заходить в этот порт.

Советское правительство заявило протест по поводу задержания танкера «Комсомолец Украины» и издевательств над его экипажем. Оно указало Пекину, что такие действия преследуют цель создать дополнительные помехи доставке грузов борющемуся Вьетнаму.

Апогеем враждебной СССР политики группы Мао явились вооруженные провокации на советской границе.

Китайские пограничники и хунвэйбины выходили на советские острова, стремились осваивать их, лезли в территориальные воды СССР. В ряде случаев они набрасывались на наших пограничников с холодным оружием, пытались захватить и увести патрулей, таранили сторожевые суда. В декабре 1967 г. и январе 1968 г. китайские власти устроили провокации с применением холодного оружия на острове Киркинском на Уссури, а 26 января 1969 г. — острове Даманском.

Кровопролитные столкновения произошли на острове Даманском в марте. Утром 2 марта 1969 г. пост наблюдения обнаружил нарушение советской границы у острова Даманского примерно 30 китайскими военнослужащими. Группа советских пограничников во главе с офицером направилась к нарушителям с намерением, как это бывало ранее, заявить протест и потребовать, чтобы те покинули чужую территорию. Китайские военнослужащие подпустили пограничников на расстояние нескольких метров, а затем в упор расстреляли. Одновременно из засады на острове Даманском, куда китайские солдаты ранее выдвинулись под прикрытием темноты, и с китайского берега начали стрелять из орудий, минометов и автомати-

ческого оружия по находившейся возле советского берега другой группе наших пограничников. Советские войны приняли бой и при поддержке соседней погранзаставы изгнали нарушителей. С обеих сторон были убитые и раненные.

Несмотря на предупреждения Советского правительства и призыв воздержаться от подобных акций, 14—15 марта в том же районе китайские воинские части вновь вторглись на территорию СССР. Подразделения регулярной армии КНР, поддержанные орудийным и минометным огнем, атаковали пограничные войска, охранявшие остров Даманский. Нападение было решительно отбито.

Пять месяцев спустя китайская сторона организовала крупную провокацию на западной границе. 13 августа 1969 г. несколько групп военнослужащих КНР вновь нарушили советскую государственную границу в районе Семипалатинской области (Казахская ССР), но получили решительный отпор.

Вооруженные вторжения на нашу территорию сопровождались новой волной антисоветской истерии и националистического психоза. На многочисленных собраниях с участием военных раздавались угрозы в адрес нашей страны. Посольство СССР в Пекине осаждали хулиганствующие группы.

СССР решительно реагировал на вооруженные провокации. Китайские власти были предупреждены о тяжелых последствиях провокаций. 29 марта 1969 г. Советское правительство выступило с большим заявлением, где было сказано, что вооруженные провокации китайских властей на реке Уссури в районе острова Даманского не случайные инциденты. Эти действия, как и нагнетание напряженности на советско-китайской границе, наносят серьезный ущерб делу социализма и мира, общему фронту антиимпериалистической борьбы, дружбе советского и китайского народов. Советское правительство указало на необходимость безотлагательно принять практические меры по нормализации обстановки на советско-китайской границе. Оно призвало правительство КНР воздерживаться от действий на границе, могущих вызвать осложнения, а разногласия решать путем переговоров. Правительство СССР высказалось за то, чтобы официальные представители двух стран в ближайшее время возобновили начатые в Пекине в 1964 г. консультации. Было выражено твердое убеждение, что в конечном счете коренные интересы советского и китайского народов позволят преодолеть труд-

ности в их отношениях. СССР вновь заявил, что категорически отвергает любые посягательства на советские земли, а попытки говорить с Советским Союзом и его народом языком оружия встретят должный отпор.

МИД СССР направил посольству КНР несколько нот, в которых предупреждал, что провокации плохо кончатся для их организаторов и что правительство КНР будет отвечать за последствия.

Как же реагировал Пекин?

24 мая 1969 г. правительство КНР выступило с заявлением в ответ на обращение СССР от 29 марта. Оно повторяло необоснованные утверждения насчет того, что остров Даманский якобы является китайской территорией и инцидент «преднамеренно спровоцирован» советской стороной. Власти КНР ставили под сомнение правовую основу нынешней линии границы, будто бы определенной «неравноправными договорами». Они заявили, что между Китаем и СССР-де существует «вопрос о границе», и высказали притязания на часть советской территории. Правительство КНР демагогически отвечало, что «выступает за мирные переговоры, против применения военной силы», изъявило готовность на основе «неравноправных договоров» определить прохождение границы, но территория одной из сторон, занятая другой стороной в нарушение договоров, должна быть полностью и безоговорочно возвращена. Пекин не высказал предложений о начале консультаций (считал, что речь должна идти не о консультациях, а о переговорах), рекомендовав, чтобы стороны договорились через дипломатические каналы о месте и дате переговоров о границе.

Хотя в заявлении правительства КНР было сказано, что стороны должны «сохранить существующее положение границы, не продвигать вперед каким бы то ни было путем линию фактического контроля на границе», не прекращались нарушения китайскими военными служащими границы, определенной русско-китайскими договорами и сложившейся исторически. Печать и радио КНР раздували шовинистический угар и вели яростную антисоветскую кампанию.

На IX съезде КПК Линь Бяо обоспывал пекинскую версию происходивших на границе событий. Делегатам старались внушить ненависть к нашей стране, связать на будущее «кровавым счетом», который надо «предъявить ей».

Чем же объяснялись новые вспышки антисоветской истерии?

Этот психоз был предназначен для того, чтобы создать обстановку, при которой маоистам легче было бы помыкать своим народом, отгородить население КНР от подлинного марксизма-ленинизма, от настоящего социализма, возведя китайскую стену лжи, помешать его благотворному воздействию на Китай. Некоторые китайские руководители, пытаясь отравить душу народа антисоветизмом и шовинизмом, надеялись развести советский и китайский народы настолько, чтобы нескоро удалось преодолеть эту пропасть. И наконец, антисоветский психоз преследовал еще одну цель: провозглашение курса вражды в отношении СССР было своеобразным векселем, выдаваемым Пекином империалистам. Мао Цзэдун как бы заверял их, что он — враг СССР, самой мощной социалистической державы, что примирения не будет. И империалистические круги оценили действия Мао и его группы.

Наряду с раздуванием антисоветского психоза маоисты нападали на другие социалистические страны. Они обвиняли их в «перерождении» и «возвращении на путь капитализма», в сговоре с империализмом, угрожали водрузить в их столицах знамя Мао Цзэдуна. Высказывались территориальные притязания к соседним государствам. У посольств социалистических стран устраивались враждебные провокации, а дипломаты нередко становились объектами издевательств.

26 января 1967 г. был задержан автомобиль, где находились два чехословацких представителя. Несмотря на протест МИД ЧССР, китайские власти допустили новые серьезные провокации, в частности нападение на машину посла. С автомобиля сорвали государственный флаг, а посла подвергли грубым оскорблениям. 9 февраля МИД ЧССР потребовал немедленно прекратить провокации и обеспечить безопасность его представителям. 28 июля последовало новое представление правительству КНР.

Хунвэйбины выкрикивали оскорбления и вымазали краской машины, в которых находились временный поверенный в делах ГДР в Пекине и другие дипломаты, направлявшиеся в аэропорт. 30 мая они задержали и подвергли допросу двух сотрудников посольства ГДР. 3 февраля 1967 г. МИД ГДР потребовал от китайских властей обеспечить нормальные условия для работы посольства и гарантировать его персоналу безопасность в соответствии с международными правилами. 1 июня МИД ГДР заявил новый протест посольству Китая.

27 января 1967 г. была захвачена машина посла Вен-

грии. С нее сорвали государственный флаг, выбили стекла. МИД ВНР сделал резкое представление китайскому послу в Будапеште.

Издавательствам подверглись посол и сотрудники болгарского посольства и корреспондент БТА, были уничтожены номера журнала «Болгария». 11 июня хунвэйбины устроили бесчинства возле посольства. 13 июня правительство НРБ резко осудило злостную антиболгарскую кампанию и отказ китайских властей пресечь ее.

5 февраля хунвэйбины напали на посла ПНР и сопровождавших его дипломатов. Толпа задержала их на несколько часов, осыпала бранью. Автомобиль под польским флагом облили краской и оклеили плакатами. МИД Польши выразил китайскому послу глубокое возмущение и потребовал, чтобы КНР срочно приняла меры для обеспечения личной неприкосновенности и соблюдения дипломатического иммунитета польских представительств и их сотрудников.

Враждебные акты были совершены против КНДР. В газетах, дацзыбао и листовках говорилось, будто там произошел «переворот» и начались политические волнения, допускались оскорбительные выпады в адрес корейского руководства. Центральное телеграфное агентство Кореи заявило протест и потребовало пресечь клеветническую пропаганду. Имели место провокации на границе КНДР, хунвэйбины вторгались на территорию страны, избивали корейцев, похищали имущество. Эти налеты не приводили к кровопролитию лишь благодаря выдержке корейской стороны.

Были предприняты недружественные действия и в отношении Демократической Республики Вьетнам. В Китае распространялись листовки с нападками на ее руководителей. Состоялись антивьетнамские демонстрации у консульств ДРВ на юге Китая. В Ханое китайцы организовали антисоветское собрание и выкрикивали оскорбительные заявления в адрес борющегося Вьетнама.

На протяжении ряда лет в Пекине постоянно квалифицировали требования прекратить налеты американских стервятников на ДРВ как «совместный заговор Советского Союза с империализмом США, представлявший собой попытку задуть вьетнамскую революцию»¹.

Самые крикливые выпады приберегла «Жэньминь жибао» по поводу предложений правительства ДРВ от 28 ян-

¹ «Жэньминь жибао», 23. X. 1966.

варя 1967 г. относительно прекращения американских бомбардировок. «Неужели гвоздь вьетнамского вопроса, — вопрошала газета, — заключается в каком-то (1) прекращении бомбардировок Севера? Абсолютно нет!». Газета, по существу, выступила за «затяжную войну», утверждая, будто это в интересах вьетнамского народа. 27 марта 1967 г. «Жэньминь жибао» заявила: «Вьетнамский народ может сражаться с врагом на своей родной земле из поколения в поколение». Словом, в духе «учения» Мао Цзэдуна кровопролитие выдавалось за «высшую добродетель».

Глубокий резонанс во всем мире вызвали заявление министра иностранных дел ДРВ Нгуен Зуи Чиня от 29 декабря 1967 г. и его интервью корреспонденту агентства Франс Пресс 8 февраля 1968 г.; он сказал, что ДРВ будет готова вступить в переговоры с США, как только прекратятся бомбардировки Северного Вьетнама и другие акты агрессии. Пекину не понравились политические акции правительства ДРВ, и он замолчал их.

Согласие правительства ДРВ назначить представителя для контактов с дипломатом США в Париже по вопросу безоговорочного прекращения американских бомбардировок и других актов войны, чтобы можно было начать переговоры, явилось гибкой и наступательной тактикой. Пекин не только не поддержал инициативы ДРВ, но, как вытекало из выступления «Жэньминь жибао» 6 апреля 1968 г., настаивал на решении вьетнамского вопроса оружием, на продолжении войны. Соглашение, достигнутое в Париже, о прекращении с 1 ноября 1968 г. бомбардировок и других актов войны США против ДРВ и начале четырехсторонних переговоров, явившееся крупной победой вьетнамского народа, было обойдено в Китае молчанием. В дальнейшем он не выступал открыто против переговоров, но и не заявлял о поддержке позиции ДРВ и НФО на совещании в Париже.

IX съезд КПК не сделал заявления в поддержку освободительной борьбы вьетнамского народа. Не были одобрены Пекином и 10 пунктов программы урегулирования, которые выдвинул НФОЮВ в мае 1969 г.

Объектом нажима и циничных провокаций маоисты избрали также Монгольскую Народную Республику и ее посольство в Пекине. 26 января 1967 г. хунвэйбины напали на дипломатическую машину и повредили ее. Утром 27 и 28 января толпа бесчинствовала около посольства МНР. 18 февраля это повторилось. 21 мая китайские преподаватели и работники посольства КНР устроили провокацион-

дую потасовку на вокзале в Улан-Баторе. Вслед за этим хунвэйбины несколько дней осаждали посольство МНР. 9 августа они учинили расправу над водителем автомобиля посольства якобы за то, что он бросил предложенный ему портрет Мао. Атташе и переводчика, прибывших на место происшествия, зверски избили. Спустя три часа хулиганы ворвались на территорию посольства и избили его сотрудников. Погромщики выкрикивали через громкоговорители ругань в адрес МНР и МНРП, призывали к расправе над руководителями страны и ее официальными представителями в Пекине. Печать и радио КНР вели антимонгольскую кампанию угроз.

28 января 1967 г. посольство МНР заявило министерству иностранных дел Китая протест. Монгольское правительство неоднократно требовало обеспечить необходимые условия для работы посольства и безопасности его сотрудников. 10 августа оно выступило со специальным заявлением, где подчеркивало, что методы и приемы пекинских провокаторов не новы. «Злостные намерения и несбыточные потуги маоистов унаследованы от маньчжурских завоевателей и реакционной чанкайшистской клики, как это неоднократно было подтверждено публичными высказываниями самого Мао Цзэдуна и его сторонников относительно государственного суверенитета и национальной независимости Монгольской Народной Республики». Китайские провокаторы должны знать, что монгольский народ не поддастся никаким угрозам и шантажу, не потерпит посягательства на честь и достоинство своей свободной родины. Правительство МНР настаивало, чтобы в соответствии с общепринятыми нормами международного права КНР приняла срочные меры и обеспечила условия для нормальной деятельности монгольского посольства в Пекине и полную безопасность его сотрудников, а также возместила убытки. Незамедлительно должна быть дана гарантия, что впредь такие действия не будут допускаться. Монголия оставляла за собой право осуществить меры для защиты своих законных интересов.

Действия Мао и его группы вызвали горечь и осуждение в социалистических странах. «Трибуна люду» писала 29 сентября 1966 г.: «Революционная фразеология, которой уже ряд лет пользуется КНР, в свете практики не может прикрыть суть ее политики, противоречащей основным принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма». Орган польских коммунистов подчеркивал, что для США реальное значение имеют не гром-

кие антиимпериалистические слова китайской пропаганды, а все более острый антисоветский курс КНР, который углубляет раскол в социалистическом лагере и тем самым облегчает им интервенцию и агрессию в Азии и других частях света.

10 февраля 1967 г. «Руде право» отмечала: маоисты, разжигая ненависть к СССР и другим социалистическим странам, стремятся изолировать КНР от них, а это объективно на руку империалистам.

«Нойес Дойчланд» 11 февраля писала, что безумные действия против дипломатов и граждан социалистических стран — проявление растущей внутриполитической и внешнеполитической изоляции группы Мао, безвыходности ее авантюристического курса, отмеченного печатью великодержавного шовинизма.

IX съезд Болгарской коммунистической партии осудил антисоветскую кампанию маоистов. Их деятельность наносит удар по единству мировой социалистической системы, сплочению международного коммунистического и национально-освободительного движения, подрывает активность прогрессивных сил во всем мире, поощряет империализм на новые агрессивные действия.

IX съезд ВСРП дал принципиальную и развернутую оценку антиленинской линии руководства КПК. Первый секретарь ЦК ВСРП Янош Кадар сказал, что политика китайских руководителей помогает империалистам.

* * *

Творцы китайской политики зашли настолько далеко в своем предательстве, что были готовы на все, лишь бы причинить ущерб Советскому Союзу, социалистическому содружеству. Об этом свидетельствовало их отношение к событиям в Чехословакии.

23 августа 1968 г. Синьхуа попыталось изобразить решение союзных стран об оказании помощи чехословацкому народу как результат их «прямого сговора» с американским империализмом. Одновременно агентство Синьхуа облило грязью Коммунистическую партию Чехословакии и призвало чехов и словаков к вооруженной борьбе, попутно обругав их за то, что до сих пор не занялись ею. В тот же день на приеме в посольстве Румынии Чжоу Эньлай выступил с большой речью, в которой осыпал самыми чудовищными ругательствами СССР и другие социалистические государства, пришедшие на помощь чехословацкому народу. Он повторил уже провозглашенные агент-

ством Синьхуа подстрекательские призывы. Попутно китайский деятель обрушился на «ревизионистскую правящую клику Чехословакии, открыто призвавшую народ к несопротивлению».

Китайские правители, стремясь раздуть политическую истерию, выступили с грубым провокационным заявлением, будто «угроза иностранной интервенции и агрессии нависла также над Румынией», и звали ее к «долгой борьбе».

Заняв такую позицию, китайские руководители еще раз продемонстрировали, чего на деле стоили их громкие антиимпериалистические тирады. На словах они ругали империализм, а в действительности поддерживали акции, организованные его агентурой против социалистического содружества. Пекинская группа выступила в одном хоре с американскими империалистами, реваншистами ФРГ и всей международной реакцией.

* * *

Продолжая курс на раскол международного коммунистического движения, китайские руководители в грубой форме отвергли приглашение ЦК ВСРП участвовать в консультативной встрече представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшейся в 1968 г. Пекинская пропаганда обрушилась 18 марта 1968 г. с оскорблениями и клеветой на партии, чьи представители участвовали в консультативной встрече. Она попыталась извратить четко сформулированные цели и повестку совещания. Это означало, что в Пекине отвергают еще одну возможность вернуться на путь пролетарского интернационализма, включиться в общую борьбу коммунистов против империализма и содействовать сплочению мирового коммунистического движения.

5—17 июня 1969 г. в Москве проходило Совещание 75 коммунистических и рабочих партий. Оно приняло документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». В нем показана расстановка сил в мире, решительно подчеркнута необходимость единства действий коммунистов, всех антиимпериалистических сил, чтобы, максимально используя новые возможности, развернуть более широкое наступление на империализм, на силы реакции и войны.

В специальном Обращении «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!» участники Совещания выразили восхищение героической борьбой вьетнамского народа и заявили,

что в этой борьбе они твердо стоят и будут стоять на его стороне; Совещание горячо приветствовало создание Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам.

В выступлениях руководителей коммунистических партий Л. И. Брежнева, В. Ульбрихта, Я. Кадара, Т. Живкова, Г. Гусака, Ю. Цеденбала, В. Роше, М. Реймана, руководителей многих других компартий были проанализированы теория и практика Мао и его сторонников, отмечалось, что курс пекинских руководителей не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, враждебен социализму и что соединение политического авантюризма с постоянно нагнетаемой атмосферой военной истерии осложняет всю международную обстановку.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЛА ОСВОБОДИВШИХСЯ ГОСУДАРСТВ

Одержимая идеей великодержавного шовинизма, группа Мао попыталась экспортировать «культурную революцию» в развивающиеся страны, позабыв на какое-то время о маскировке своих гегемонистских устремлений. Хунвэйбины клялись водрузить «знамя Мао» во всем мире.

В разгар «культурной революции» Китай предпринял ряд враждебных акций против Индии. Происходили вооруженные столкновения на границе в Гималаях. 16 июня 1967 г. был совершен налет на посольство Индии в КНР. Хунвэйбины избили сотрудников, повредили служебные здания, сожгли автомобили. Оргии продолжались несколько дней. Из Китая были высланы два индийских дипломата, над которыми даже пытались устроить судилище. Население Дели, в свою очередь, организовало демонстрацию протеста возле посольства КНР. Правительство Индии выслало китайского дипломата.

Печать Индии писала о том, что Пекин засылал в их страну специально обученных людей для организации восстаний. 30 мая 1967 г. индийское информационное агентство сообщило: в Нагаленд вернулась из Китая группа лиц из племени нага, которые обучались там ведению партизанской войны. Отмечалось также, что в Нагаленде обнаружена группа китайцев, вооруженных для боев в джунглях.

В июне 1967 г. произошли столкновения между китайцами, проживающими в Рангуне, и бирманцами. При-

чиной послужила попытка посольства КНР подбить местных китайцев на антибирманские выступления. Для давления на Бирму маоисты применяли свои стандартные приемы. 29 июня в Пекине у здания бирманского посольства была устроена демонстрация. В Рангун направлялись ноты, составленные в паглом и оскорбительном тоне, в каком с Бирмой, очевидно, говорили маньчжурские захватчики 200 лет назад. Пекин активизировал деятельность разношерстных группок «повстанцев», в их рядах сражались посланные из Китая воинские подразделения. Маоисты помогали не только «ульtralевым» мятежникам, но и реакционным сепаратистам в Шанском и Качинском автономных государствах, о чем писала бирманская газета¹.

Не избежало грубого вмешательства, организованных маоистами беспорядков и маленькое гималайское государство Непал, над которым Пекин, по сути дела, хотел установить свой протекторат. Это вызвало возмущение в стране, где состоялись демонстрации протеста. «Мы протестуем против китайских оскорблений в адрес нашей политики нейтралитета, в адрес нашего правительства и нашей честности,— писала газета «Коммонер».— Мы протестуем против попыток китайской пропаганды подорвать наше национальное единство. Никто здесь не хочет, чтобы Китай экспортировал в Непал свою «культурную революцию»».

Хунвэйбины выступили с угрозами и в адрес Лаоса. Они утверждали, будто он «готовится напасть на Китай», и обещали наказать его за это. Общественность Юго-Восточной Азии расценила их действия как примитивный повод для шантажа в отношении малого государства. Китайские войска без согласия властей Лаоса начали строить на севере страны шоссе и дороги.

Правительство Камбоджи и лично Нородом Сианук проводили в отношении Китая дружественную политику. Сианук даже называл Пекин первым другом его страны. Однако посольство КНР вело активную работу среди китайских эмигрантов, пытаясь с их помощью протаскивать «идеи Мао». Оно подкупало журналистов и государственных деятелей Камбоджи, устраивало беспорядки. Ассоциация кхмеро-китайской дружбы служила каналом для широкой идеологической диверсии в стране.

Атаки были предприняты и против Цейлона. Посоль-

¹ «Людю пиду нейзин», 9. X. 1967.

ство КНР направило его правительству несколько нот, где выражало возмущение тем, что оно не согласилось на ввоз значков с изображением Мао. «Передача в дар китайским посольством дружественному цейлонскому народу таких значков,— говорилось в ноте от 1 сентября 1967 г.,— является совершенно нормальной деятельностью, направленной на содействие дружбе между народами двух стран». И дальше: «Китайский народ никак не может терпеть такого серьезного провокационного антикитайского акта. Ваша боязнь значков с портретом председателя Мао Цзэдуна и его блестящих идей говорит лишь о вашей слабости и лишний раз обнажает вашу подлинную физиономию как антикитайского клоуна империалистов, ревизионистов и реакционеров».

Комментируя образ действий группы Мао, цейлонская «Дейли ньюс» отмечала: «Китай находится в войне со всем миром. Он в той или иной форме нападает на многие страны, начиная с СССР и кончая Цейлоном».

Поставщики «идей Мао» и значков не остановились у берегов Индийского океана. Они переплыли в Африку и попытались там сбыть свой товар. Выступая перед китайскими дипломатами в Африке, Цзян Цин поставила задачу — привить воинствующий дух Мао новым африканским региональным и национальным организациям и помочь создать единый фронт под «великим знаменем революционных идей Мао». Лидеры Пекина дали своим дипломатам директиву формировать отряды хунвэйбинов.

По примеру КНР были образованы отряды «красных охранников» в Гвинее, «зеленая гвардия» в Танзании. Результатом идеологической пропаганды маоистов явилось создание в Восточной Африке прокитайской организации, названной «лигой восточноафриканских друзей Китая»; в нее вошли «друзья Китая в Кении», «революционный комитет молодежной лиги ТАНУ», партия «движение за культурную революцию в Судане», «революционный комитет Уганды», «союз национальной гвардии Замбии». В распространенном лигой документе говорилось: «Цель организации — сплотить народы в защиту идей Мао Цзэдуна и проявить инициативу в проведении культурной революции и очистки наших стран под руководством замечательных идей Мао».

В тех случаях, когда китайские эмиссары наталкивались на противодействие своей раскольнической политике, группа Мао Цзэдуна прибегала к шантажу. В «Жэньминь жибао» содержались угрозы в адрес кенийского пра-

вительства¹. 3 февраля 1967 г. последовала нота протеста посольства КНР, в которой правительство Кении обвинялось в оскорблении Мао Цзэдуна. Кенийская газета «Дейли нейшн» поместила статью «Отношения с Китаем»; автор указывал, что китайцы развили в стране тайную политическую деятельность, подстрекая население к мятежу против правительства. «Сначала китайцы пытались подкупить отдельных лиц и политические группы. Из этого ничего не вышло... Тогда китайцы стали поддерживать всех недовольных, стремясь подорвать позиции правящей партии»².

В дни агрессии Израиля против арабских государств СССР и другие миролюбивые страны оказывали энергичную поддержку арабским народам и всеми мерами добивались прекращения войны. Пекин же занимался подстрекательством и пытался раздуть военный конфликт. Чжоу Эньлай в послании Каиру настойчиво призывал не идти на прекращение военных действий. Когда СССР установил воздушный мост и перебрасывал в арабские страны оружие и боеприпасы, когда шла сложная борьба за отвод израильских войск с оккупированных ими территорий, маонисты клеветали на арабские народы, на их истинных друзей. Ливанская еженедельная газета «Аль-Ахбар», выражая возмущение их действиями, указывала: «Китайская пропаганда пытается использовать нынешнюю напряженную обстановку на Ближнем Востоке, вызванную израильской агрессией, для клеветы на политику Советского Союза, который оказывал и продолжает оказывать действительную помощь ОАР, Сирии и другим арабским странам в деле развития их экономики и укрепления оборонительной мощи. Что касается Пекина, то он ограничивается лишь пустыми словами да ругательствами в адрес империалистов...»

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МЕРАМ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ВООРУЖЕНИЙ И УКРЕПЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Пытаясь помешать разрядке международной напряженности, творцы китайской политики атаковали договор о нераспространении ядерного оружия. Его подписание, утверждали они, лишило бы миролюбивые силы права

¹ «Жэньминь жибао», 31. III. 1966.

² «Daily Nation», 24. VIII. 1967.

развивать производство ядерного оружия. Таким образом, Пекин вновь выступил за безудержное распространение ядерного оружия.

Китайские власти через «Жэньминь жибао» высказались против предложений об ограничении гонки вооружений, внесенных Советским Союзом в июле 1968 г. Они назвали их «сговором с империализмом», «сговором с США»; был привлечен весь арсенал затасканных ругательств пекинской пропаганды.

Что плохого в том, если бы удалось добиться ограничения и сокращения средств доставки стратегического оружия, запрещения полетов бомбардировщиков с ядерным оружием на борту, сокращения зон плавания подводных ракетноносцев? Это бы резко уменьшило возможности развязывания империалистами новой мировой войны, а также опасность ее вспышки из-за технической ошибки. Что касается Китая, то он получил бы явные военные преимущества: КНР не имела ни межконтинентальных ракет, ни стратегических бомбардировщиков, ни подводных ракетноносцев и не проиграла, если бы удалось заставить империалистические державы принять советские предложения и сократить число ракет и самолетов, зону полетов бомбардировщиков с ядерным оружием и плавания подводных ракетноносцев.

Нелепо было возражать против запрещения применения химического и бактериологического оружия. Американские агрессоры широко использовали газы для борьбы против патриотов в Южном Вьетнаме, и, следовательно, выступать против запрещения химического и бактериологического оружия значило облегчить применение его империалистами США в Южном Вьетнаме и других странах, борющихся за освобождение.

А разве не свидетельствовали об авантюризме и провокационных намерениях Пекина его столь резкие выступления против выдвинутой Советским Союзом идеи коллективной безопасности в Азии?

Можно предположить, что на поведении пекинских лидеров сказывался психологический паралич, в состоянии которого находились вдохновители «культурной революции». Дело не только в этом. Они ратовали за усиление международной напряженности, за «холодную» и «горячую» войну, от которой, однако, рассчитывали остаться в стороне. Поэтому маоисты и встречали в штыки любой шаг, ведущий к разрядке международной напряженности, к укреплению мира между народами.

ЗОНДАЖ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЛУЧШЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ И ЯПОНИЕЙ

От борьбы на «два фронта» — против империализма и СССР — Пекин постепенно стал переходить к поискам путей нормализации отношений с западными державами и Японией.

Несмотря на крикливые заявления в адрес империализма, организаторы «культурной революции» явно пытались ладить с ним. В политике группы Мао в отношении США прослеживалась линия на то, чтобы избегать обострения и даже начать диалог с Вашингтоном. Во время «культурной революции» ругали американский империализм меньше, чем братские социалистические страны, чем Бирму или Кению. Эта линия проводилась твердо, несмотря на агрессию США во Вьетнаме и вторжение их самолетов в воздушное пространство КНР.

Как сообщала «Вашингтон пост», специалисты по Китаю не усматривали в реакции Пекина на американское воздушное вторжение или на бомбардировки северовьетнамских объектов близ китайской границы ничего, что вызывало бы какую-либо тревогу насчет возможности войны с КНР. Один из специалистов заявил: китайцы поняли сделанное президентом Джонсоном замечание, что воздушные удары по объектам в Северном Вьетнаме, расположенным близко к китайской границе, «не должны служить угрозой» и они «фактически не создают никакой угрозы»¹ Китаю. «Нью-Йорк таймс» отмечала: «Китай занят внутренними проблемами, и никто из его политических и военных руководителей не желает пойти на риск прямого столкновения с США до тех пор, пока не появится непосредственная угроза нарушения территориальной целостности КНР»².

Такая оценка подтвердилась и в случае с американским военным кораблем-шпионом «Пуэбло», задержанным в 1968 г. корейскими пограничниками. Когда США сосредоточили у берегов КНДР большой флот и угрожали репрессиями, реакция Пекина, как заметили в Вашингтоне, была весьма умеренной. Это, по общему мнению, явилось еще одним симптомом осторожной позиции Пекина³.

¹ «Washington Post», 23. VIII. 1967.

² «New York Times», 10. IX. 1967.

³ «Washington Post», 29. I. 1968.

Большой сенсацией было заявление 26 ноября 1968 г. представителя отдела печати министерства иностранных дел КНР. Было сообщено, что 25 ноября временный поверенный в делах Китая в ПНР Чэнь Дун «направил послу Соединенных Штатов в Польше господину Уолтеру Стесселу письмо с конкретным предложением назначить заседание китайско-американских переговоров на 20 февраля будущего года». Отдел печати МИД КНР добавил: «К этому времени новый президент США пройдет месячный служебный стаж, и американская сторона, на-верно, сможет уже определить свой курс...»

Особое внимание привлекло предложение о заключении Китаем и Соединенными Штатами соглашения о пяти принципах мирного сосуществования. Вашингтону был брошен упрек в том, что в течение последних 13 лет американское правительство все время отказывалось достичь с китайским правительством соглашения о Тайване и мирном сосуществовании. «Оно,— говорилось в заявлении от 26 ноября,— ставя предмет с ног на голову, упорно цепляется за несущественные вопросы». Что это за «несущественные вопросы», отдел печати МИД не уточнил.

Многие считали весьма показательным, что первая же после длительного застоя дипломатическая инициатива КНР была адресована именно США. В хоре комментаторов, обсуждавших эту тему, с трудом можно было уловить голоса, расценивавшие предложения Пекина как тактический прием или дипломатический маневр. Зарубежные обозреватели указывали на целый ряд обстоятельств, свидетельствовавших о серьезности его намерений. Джеймс Рестон в своем обзоре международной обстановки в «Нью-Йорк таймс» отмечал: «Коммунистический Китай... выступил с конкретным предложением провести 20 февраля в Варшаве беседу с правительством Никсона»¹. Роберт Китли в газете «Уолл-стрит джорнэл» характеризовал инициативу Пекина как публичную просьбу к США и подчеркивал необычный характер такого шага для китайской дипломатии, старающейся избегать гласности в своих отношениях с западными державами. «Пекин разрекламировал эту просьбу в самом Китае, что представляет собой еще один отход от прошлой практики,— писал Роберт Китли.— Он обычно не говорит населению, что проводит секретные встречи с теми-самыми империалистами, кото-

¹ «New York Times», 29. XI. 1968.

рых он так яростно осуждает. Эта внутренняя информация, возможно, служит для самих китайцев сигналом», предвещающим изменения в официальной политике.

Если учесть изменения, происшедшие и в Китае, и в Юго-Восточной Азии, и в мире в целом, то новое предложение о пяти принципах выглядело отнюдь не возвращением к старому. В 50-х годах пекинские деятели говорили о мирном сосуществовании достаточно часто, обращаясь прежде всего к соседним независимым странам Азии. Теперь же Китай проводил иную политику, а просьбу о сосуществовании адресовал в первую очередь США, которые вели в Азии агрессивную войну. Может быть, эта война и имела в виду, когда правительство КНР говорило о «несущественных вопросах», на которые американцам предлагалось не обращать внимания? Так или иначе, но в принципы мирного сосуществования Пекин явно вкладывал в данном случае совсем не тот смысл, какой они имеют на самом деле.

Ссылаясь на мнение «человека, принимавшего большое участие в предыдущих варшавских встречах», газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Пекин снова заявил, что соглашения невозможны, пока Соединенные Штаты не выведут свои войска с Тайваня и не демонтируют имеющиеся там базы. Но, в отличие от предыдущих заявлений, он ничего не говорил о передаче Тайваня материковому Китаю и не потребовал, чтобы Вашингтон отказался от своего договора об обороне с правительством Тайваня. Специалисты разъясняют, что это, возможно, недосмотр или же основа для будущих переговоров»¹.

Едва в государственном департаменте получили текст заявления от 26 ноября, распространенный агентством Синьхуа, как агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл оповестило, что ответ на предложение о встрече 20 февраля «будет положительным». В высоких вашингтонских сферах тут же начались консультации по поводу других пунктов пекинского заявления. «По сообщениям из хорошо информированных кругов, — передавал 27 ноября вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Смит, — высокопоставленные официальные представители правительства Джонсона проявляют большой интерес к тому обстоятельству, что наряду с предложением о встрече в Варшаве Пекин выдвинул предложение о том, чтобы Соединенные Штаты присоединились к «соглашению о пяти

¹ «Wall Street Journal», 2. XII. 1968.

принципах мирного сосуществования». В обсуждении этого вопроса активно участвовал и представитель Никсона Роберт Мэрфи, встретившийся с государственным секретарем Д. Раском и другими правительственными деятелями. Не вдаваясь в подробности, Мэрфи сказал после этих бесед, что «Никсон хочет продолжать выполнение планов, связанных с предполагаемой встречей в Варшаве».

Дальнейшее развитие событий показало, что правительство США не собирается дорого платить за флирт маоистов.

Некоторые либеральные деятели США, например, сенатор У. Фулбрайт, предлагали прекратить военную помощь Тайваню и предоставить самим китайцам разрешить проблему острова. Как настаивал бывший представитель США при ООН А. Гольдберг, «никакие заявления либералов не должны толковаться таким образом, что Соединенные Штаты должны как-то отказаться от своих обязательств в отношении Тайваня в смысле обеспечения его обороноспособности». Артур Гольдберг и сенатор Эдвард Кеннеди предлагали, чтобы Тайвань и континентальный Китай были представлены в ООН.

Таким образом, даже умеренные деятели США предлагали решить тайваньскую проблему через создание ситуации «двух Китаев», явно неприемлемой для Китая. Что касается правительства, то оно готово было пойти на подписание декларации о мирном сосуществовании, а также на договоренность об обмене туристами, журналистами, о мерах по развитию торговли, о восстановлении прямой телеграфной и телефонной связи. США собирались назначить специального посла для регулярных встреч с послом КНР.

В это время произошло неприятное для Пекина событие: бежал в США поверенный в делах КНР в Голландии Ляо Хэшу. Как сообщала западная печать, он много знал о деятельности маоистов и их агентуры в Европе и передал эту информацию американским разведывательным органам. Его бегство вызвало вспышку злобы в Пекине.

Надеждам Мао Цзэдуна и его группы был нанесен еще один удар. Р. Никсон заявил на пресс-конференции 27 января 1969 г., что США будут по-прежнему против принятия КНР в ООН и их политика останется прежней, пока Китай не изменит своего курса.

Поскольку из Белого дома не последовало никаких примирительных сигналов, МИД КНР заявил 19 февраля: по мнению правительства, сейчас нецелесообразно

проводить 135-е заседание послов КНР и США. Пекин решил еще поторговаться.

Отказ от встречи в Варшаве вызвал оживленные комментарии в США. В марте в Нью-Йорке состоялась конференция Американского комитета по вопросам американо-китайских отношений. Делалась попытка сформулировать новый курс по отношению к Пекину. Эд. Кеннеди, выступая на конференции, призывал прекратить оппозицию допуску КНР в ООН, объявить об установлении консульских отношений, начать переговоры о дипломатических отношениях, возобновить встречи послов в Варшаве, привлечь Китай к переговорам по контролю над вооружениями. Сенатор критиковал правительство США за присутствие на Тайване. До тех пор, пока там находятся американские войска, говорил он, трудно ожидать уменьшения враждебности к США. При этом Эд. Кеннеди не предлагал Тайвань вернуть Китаю.

Официальные круги подтвердили прежнюю позицию. Государственный секретарь Роджерс сообщил, что правительство США готово «встретиться с китайскими коммунистами в любое время» и обсудить широкий круг проблем. Он упомянул вопросы «обмена журналистамп, студентами, учеными и научной информацией», а также «соглашения о мирном сосуществовании в соответствии с договорными обязательствами США в Азии». И не больше. Пекин не устраивало это.

* * *

Туго шло дело с Японией. Китайские руководители рассчитывали, что подбрасываемые ими идеи объединения желтой расы и расширение экономических связей с Японией заставят ее порвать с Тайванем и искать сближения с КНР. В Токио поняли это по-своему и стали всемерно поощрять установление широких отношений с Тайванем и настойчиво протаскивать идею «двух Китаев».

«Асахи ивнинг ньюс» писала, что торговля Японии с Тайванем, которая после 1964 г. была меньше торговли с КНР, в 1968 г. превысила ее, достигнув 622 млн. долл. Это более чем на 70 млн. долл. превосходило общий объем японо-китайской торговли в 1968 г., составившей 550 млн. Экспорт Японии на Тайвань в 1968 г. равнялся 472 млн. долл. по сравнению с 328 млн. долл. в 1967 г. Кроме того, многие японские фирмы проникали на Тайвань. Хотя деловые круги смотрели на КНР как на огромный потенциальный рынок, однако свои отношения углубляли с Тай-

ванем. Вот почему они с большим интересом следили за тем, какие шаги сделают США и Япония при успешном во всем мире настроений в пользу признания Китая¹.

Проникновение японских фирм на Тайвань для использования его дешевой рабочей силы заметно активизировалось примерно с 1965 г., продолжала газета. На сентябрь 1968 г. было зарегистрировано 173 случая вложения капиталов в совместные предприятия на общую сумму 24 860 тыс. долл., в частности в производство электроприборов, фармацевтических товаров и пряжи. Даже Японская ассоциация развития внешней торговли, которую правительство считало одним из каналов для поддержания экономических отношений с КНР, в марте 1969 г. впервые открыла свое представительство в Тайбэе².

Наряду с этим появились сообщения, что официальные круги Токко советовали чанкайшистам не прерывать отношений с Италией, Канадой, Австрией и другими странами, если те признают КНР, чтобы таким образом легализовать ситуацию «двух Китаев».

Показательными для путаной и беспринципной политики маоистов являются отношения с Англией.

У Пекина произошла довольно острая схватка с Англией, и то, пожалуй, помимо воли группы Мао. В апреле 1967 г. в Гонконге вспыхнули столкновения местных китайцев с полицией. Руководство КНР, очевидно, решило их использовать для расширения своего влияния в Гонконге. Китайские пропагандисты характеризовали меры британских властей как «фашистские зверства против патриотически настроенных соотечественников, следующих идеям Мао Цзэдуна». 15 мая 1967 г. МИД КНР заявил поверенному в делах Англии протест и потребовал немедленно прекратить преследования участников антианглийских выступлений, освободить арестованных, наказать виновных за репрессии в отношении китайцев, а также возместить ущерб. В тот же день возле миссии Англии в Пекине и ее консульства в Шанхае были организованы массовые демонстрации. 18 мая на 100-тысячном митинге присутствовал Чжоу Эньлай. 22 мая было закрыто британское консульство в Шанхае. Целую неделю не выпускали из порта Дальний торговое судно «Лорд Гладстон». 7 июня был совершен налет на миссию Англии в Пекине. 21 июня был взят под домашний арест корреспондент агентства Рейтер.

¹ «Asahi Evening News», 3. II. 1969.

² Ibidem.

Вместе с тем в Пекине не хотели идти на крайнее обострение отношений с Англией. Там заинтересованы сохранить Гонконг как важный канал экономических и культурных связей с капиталистическим миром, как богатый источник твердой валюты (КНР получала около 800 млн. долл. ежегодно).

Власти КНР рассчитывали, что протесты и демонстрации заставят Лондон пойти на политические уступки. Это успокоит китайских трудящихся в Гонконге, а группа Мао Цзэдуна продемонстрирует свою «революционность» и «мощь». Не случайно пропаганда КНР ни разу не призвала их наращивать борьбу, старательно обходила вопрос об освобождении Гонконга и Коулуна. «Жэньминь жибао» лишь ограничилась угрозами, что «рано или поздно» Гонконг будет возвращен Китаю.

Колониальные власти Гонконга и Коулуна прекрасно знали настроения в Пекине. Они приняли ряд чрезвычайных мер для подавления «мятежников» и «подстрекательских элементов»; были арестованы многие пропекински настроенные журналисты, некоторые сотрудники агентства Синьхуа и закрыты три газеты на китайском языке.

Правительство КНР оказалось в трудном положении: над ее экономическими интересами нависла угроза, из-за учиненных беспорядков многие предприниматели уезжали на Тайвань и в Сингапур, переводили туда капиталы, вместе с тем Мао Цзэдун и его группа боялись «потерять лицо», не оказав поддержки антианглийским выступлениям. 20 августа МИД КНР в ультимативной форме потребовал от Англии в течение 48 часов отменить распоряжение гонконгских властей и возобновить издание трех указанных газет, освободить 53 местных и китайских журналиста. В противном случае она «будет нести ответственность за все серьезные последствия».

Британский поверенный в делах не принял ноту как составленную в оскорбительном тоне. Правительство Англии игнорировало ультиматум Пекина.

Мировая общественность ждала, что же последует далее. Многие полагали, будто КНР потребует ликвидации колониального господства и возвращения Гонконга и Коулуна. Хунвэйбины по указанию Цзян Цин ворвались в британскую миссию, подожгли здание, мебель, автомашины и избили дипломатов. Англия заявила протест, ввела ограничения для миссии и граждан КНР. В Пекине квалифицировали эти меры как «крайне серьезные и безумные». Китайские дипломаты учинили в Лондоне потасов-

ку с полицейскими. Руководители английской политики заговорили об отзыве дипломатов из Пекина. Но остались в английской столице китайские дипломаты. КНР возобновила поставки в Гонконг воды и продовольствия. В конечном итоге китайские и британские власти договорились в ноябре 1967 г. по частному вопросу — о порядке на границе. Маоисты расписывали это как большую победу над английским империализмом.

Прошло еще несколько месяцев, и Пекин стал улучшать отношения с Англией. Агентство Ассошиэйтед Пресс 12 марта 1969 г. указало на следующие признаки изменения позиции китайских властей:

- были отменены многие ограничения на передвижение английских дипломатов, хотя им по-прежнему не разрешалось выезжать за пределы Пекина;

- за последние недели английских должностных лиц принимали в МИДе высокопоставленные дипломаты, а не младшие чиновники, как это было со времени «культурной революции»;

- китайцы начали предоставлять, хотя и ограниченную, информацию об англичанах, которых они держали под арестом, тогда как до начала 1969 г. хранили на сей счет ледяное молчание.

На протяжении всех лет «культурной революции» объем китайской торговли с Англией оставался стабильным: в 1966 г. — 67 млн. ф. ст., а в последующие годы — соответственно 68 и 63 млн.

В конце 1966 г. на другой оккупированной империалистами территории — Макао произошли волнения. Поводом послужили избивание рабочего-китайца и конфликт между населением и властями маленького острова Данцзы. В ходе волнений были убитые и раненые, в связи с чем Ассоциация китайских учащихся в Аомыне потребовала наказать начальника полиции, прекратить репрессии, гарантировать их неповторение в будущем и т. д. В такой обстановке китайские руководители сочли нужным как-то прореагировать на действия колонизаторов. Они заявили «самый резкий протест» и указали, что «китайский народ решительно поддерживает справедливые действия патриотически настроенных соотечественников в Аомыне». 12 декабря 1966 г. португальские власти приняли требования Ассоциации учащихся. На том дело и закончилось.

Многие африканские страны порвали дипломатические отношения с Португалией в знак протеста против ее

колониального разбоя в Анголе, Мозамбике и «португальской» Гвинее. А между Пекином и португальскими властями в Макао поддерживалось «сердечное согласие», хотя юридически оно и не было оформлено.

Группа Мао продолжала заигрывать с западногерманскими реваншистами. Те в свою очередь с удовлетворением следили за парастанием антисоветского психоза в Китае, строили на нем свои расчеты. Примечательна в этом отношении книга «Вызов и ответ» Штрауса, в прошлом министра обороны и министра финансов ФРГ. В главе «Желтая опасность» он писал: «С политической точки зрения русско-китайские противоречия приносят Европе не вред, а пользу, ибо мы, европейцы, должны все еще считать «красную опасность» опаснее «желтой опасности». Дальше Штраус заявлял: «...само собой... Пекин не будет нашим союзником, но из прагматического мышления вытекает, что красный Китай заинтересован в наличии сильной державы на западной границе «социалистического содружества» в Центральной Европе, тогда как мы заинтересованы в том, чтобы Советы были покрепче связаны на их восточной границе в Азии. Поэтому наши и китайские интересы временно и частично совпадают».

* * *

Апофеозом «культурной революции» были разгром партийных комитетов и общественных организаций, убийство или дискредитация многих заслуженных ветеранов партии и армии, подавление творческой интеллигенции, спад производства и экономический хаос. Зато Мао Цзэдуну уже никто не перечил, он стал неограниченным деспотом, новоявленным Цин Шихуанди, управлявшим страной через своих людей, которые поднялись в ходе «культурной революции». Во время «культурной революции» группа Мао выступила с призывом к «народным войнам», изображала КНР «главной» антиимпериалистической силой на мировой арене. Доведя отношения с СССР до вооруженных конфликтов, предприняв акты насилия против ряда других социалистических государств, их посольств, новое китайское руководство, сложившееся во время «культурной революции», все активнее искало контактов с империалистическими державами. Маоисты отвергли классовую оценку соотношения сил в мире и поставили знак равенства между социалистическим содружеством и империалистическим лагерем, назвав их «общими врагами революционных народов». На IX съезде

КПК Мао Цзэдун выдвинул формулу: «Что касается вопроса о мировой войне, то существуют только две возможности: или война приведет к революции, или революция предотвратит войну». Другими словами, борьба за мир и разрядку международной напряженности вообще исключалась из задач внешней политики, и «революция» связывалась только с войной. Образ действий Пекина привел к дальнейшей международной изоляции Китайской Народной Республики.

После смерти Мао Цзэдуна экстремизм и вандализм «культурной революции» свалили на «банду четырех». Это относилось только к внутренней политике. От того, что делалось в области внешней политики, послемаоцзэдуновское руководство не отмежеввалось.

«Культурную революцию», ее итоги приветствовали представители империализма и делали это прежде всего потому, что Китайская Народная Республика была поставлена в позицию конфронтации с Советским Союзом, социалистическим содружеством. «Мы должны поблагодарить председателя Мао за то, что он разбил этот гигантский китайско-советский монолит, который действительно не сулил нам ничего хорошего», — заявил в январе 1967 г. по телевидению США комментатор Макс Франкел. «Официальные лица в Вашингтоне считают, что Мао служит американским интересам, поскольку его усилия по гальванизации китайских масс вовлекают Китай в конфликт с Россией в большей степени, чем с Соединенными Штатами Америки», — писал в феврале 1967 г. обозреватель Дж. Крафт в «Вашингтон пост». Американские официальные лица, по словам обозревателя, «думают даже о том, чтобы культивировать маоизм как средство давления на Москву». «Центральная проблема, которую мы обязаны иметь в виду, — говорил сенатор Г. Джексон, — состоит в том, что мы не должны делать ничего, что могло бы сблизить русских и китайцев... Самое ценное, что мы имеем, — это раскол между Советским Союзом и красным Китаем». Бывший специальный помощник президента Джонсона Мейерс предложил в конце апреля 1968 г. отбросить в сторону «риторику», которой сопровождалась дискуссия в США относительно Китая, и занять «правильную позицию», которая была бы «достаточно мудрой для того, чтобы признавать возможности соглашений» с пекинскими руководителями. Почти в то же время вице-президент Хэмфри призвал к строительству «мирных мостов» между США и КНР.

КРУТОЙ ПОВОРОТ ВПРАВО. ДОКТРИНЫ, ПРИЗВАННЫЕ СЛУЖИТЬ НАЦИОНАЛ-ШОВИНИСТИЧЕСКИМ ЦЕЛЯМ

После IX съезда КПК, в ходе которого Мао Цзэдун и его единомышленники утвердили диктатуру военно-бюрократической группы во главе с «великим кормчим», «культурная революция» была свернута. Однако в новом высшем эшелоне сразу же разгорелась драка за лучшие исходные позиции, которые должны были помочь захвату верховной власти в партии и в стране, когда умрет Мао Цзэдун. Борьба развернулась среди двух основных группировок. Первая — «леваки», или экстремисты, знаменем которых являлась идеология «культурной революции», их лидер — Цзян Цин (так называемая четверка). Для укрепления своих позиций и дискредитации соперников экстремисты организовали кампании критики Линь Бяо и Конфуция, а также романа «Речные заводы», борьбу против «буржуазного права» и «капиталистического перерождения». Вторая группировка — «прагматики», которые выступали за стабилизацию обстановки в стране, быстрое развитие экономики и наращивание военной мощи. Их духовным вождем был Чжоу Эньлай, потом группу возглавил Дэн Сяопин. Самостоятельную группу составили военные, которые действовали в своих интересах и чаще всего поддерживали «прагматиков». На роль их лидера еще при жизни Мао выдвинулся член Политбюро ЦК КПК Е Цзяньин.

Во внешней политике руль все более поворачивали вправо. Социалистический лагерь был объявлен несуществующим, СССР назван врагом номер один, народ запугивался «возможным в любой момент нападением с Севера», активизировались попытки разрушить социалистическое содружество. В то же время Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и некоторые другие, преодолевая сопротивление сторонников более ортодоксальной «революционной» ли-

нии¹, пошли на сближение с империалистическими государствами. Были выработаны новые подходы к развивающимся странам, чтобы привлечь их на сторону Пекина. С целью «теоретического» обоснования этого курса была пущена в оборот доктрина «трех миров».

Полная беспринципность, авантюризм, вмешательство в дела других народов, культ насилия, мессианские претензии — таковы спутники политики, предназначенной как можно скорее осуществить гегемонистские устремления. Главным средством реализации своих чаяний пекинские «стратеги» считали и считают использование «борьбы между социалистической и капиталистической мировыми системами» и, что больше всего устраивало бы маоистов, тотальное столкновение между США и СССР при условии, что сами поджигатели не были бы задеты пламенем войны. Поэтому китайские руководители отчаянно сопротивлялись любому шагу в сторону от войны и провоцировали обострение международной обстановки. Премьер Госсовета КНР, выдавая желаемое за действительное, заявил на сессии ВСНП 13 января 1975 г.: «То, что всюду в мире идут разговоры о разрядке и о мире, как раз свидетельствует о том, что в этом мире нет разрядки, не говоря уже о каком-то прочном мире», «Нынешняя международная обстановка по-прежнему характеризуется колоссальными потрясениями в поднебесной, причем эти потрясения нарастают со все большей силой»². Для поджигательской деятельности Пекин активно использует трибуну Организации Объединенных Наций, куда КНР была допущена в 1971 г.

Сразу же после смерти Мао Цзэдуна действующие лица в руководящей верхушке схватились в смертельной борьбе. При активном вмешательстве армии была арестована «четверка бандитов» — Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань, которых «великий кормчий» считал своими преемниками. По всей стране развернулась чистка «сторонников банды четырех», причем если группа Дэн Сяопина жаждет теперь изгнания активных участников «культурной революции», то Хуа Гофэн и те, кто его поддерживает, согласившись на устранение наиболее оголтелых хунвэйбиновских «потрясателей», упор делают на необходимость сплочения.

¹ В сентябре 1971 г. произошла острая схватка, в ходе которой исчез «ближайший соратник» и «преемник» председателя Линь Бяо.

² «Жэньминь жибао», 21. I. 1975.

В области экономики курс взят на «четыре модернизации» (сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники) и превращение КНР к 2000 г. в сильное, развитое государство. Эксперименты Мао Цзэдуна и его приближенных, которые мешают выполнению этой задачи, отбрасываются. Вместе с тем культ и догмы Мао широко пропагандируются.

Во внешнюю политику принципиальных корректив не внесено, позиции по основным международным вопросам деструктивны и провокационны, о чем говорит агрессия против Вьетнама. Сделан еще больший крен вправо. Новые китайские руководители добиваются развития экономики и создания мощной военной машины при активном участии империалистических держав; выдвинут лозунг создания совместно с империализмом широкого единого международного фронта для борьбы против Советского Союза, социалистического содружества. Как отметила венгерская «Непсабадшаг», «ныне китайские лидеры настолько сомкнулись со стратегами НАТО, что и те и другие подыгрывают друг другу (добавим, что это подыгрывание друг другу было особенно видно в период агрессии Китая против СРВ.— М. К.). Анализ заявлений пекинских лидеров, равно как и деятелей НАТО, показывает, что Североатлантический блок стремится использовать антисоветизм Пекина в своих целях, а китайское руководство надеется, что его услуги будут вознаграждены соответствующей поддержкой НАТО... В мире нет такого района и такого кризисного очага — будь то Ближний Восток, Африканский Рог или юг Африки, — где Китай не выступал бы вместе с кругами НАТО. Стратеги НАТО с пониманием относятся к экспансионистской политике Китая, направленной против социалистического Вьетнама. Голоса экстремистских сил НАТО и нынешних руководителей Китая звучат в унисон, когда речь идет о наращивании гонки вооружений или о срыве любых соглашений в области разоружения. Все чаще совпадают их позиции и даже действия в отношении национально-освободительных движений, особенно там, где эти движения стремятся к социалистическому пути общественного развития. Пекин строит свои гегемонистские планы на обострении международного положения. Он выступает параллельно с кругами НАТО, особенно против стран социалистического содружества. При этом заправилы НАТО, надеющиеся на изменение соотношения сил в мире в свою пользу, выражают готовность

участвовать в модернизации военного потенциала Китая»¹.

Как и предсказывали советские специалисты, Пекин, который на рубеже 50—60-х годов пошел влево, в конечном счете оказался справа, стал активным партнером и союзником империализма.

ПЕКИНСКАЯ ВЫДУМКА О «ТРЕХ МИРАХ». ЧТО ЭТО ТАКОЕ И ДЛЯ ЧЕГО ОНА ПОНАДОБИЛАСЬ?

На XI съезде Коммунистической партии Китая в августе 1977 г. утверждали, будто «теория о делении на три мира наметила общее направление нынешней международной борьбы... такая стратегическая установка соответствует стратегическим требованиям современной борьбы международного пролетариата»².

Впервые концепция «трех миров» была публично изложена 10 апреля 1974 г. в речи главы китайской делегации на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заместителя премьера Госсовета КНР Дэн Сяопина. Не ссылаясь на авторство Мао Цзэдуна, он нарисовал следующую схему расстановки сил на международной арене: «США и СССР составляют первый мир. Развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки и других районов — третий мир. Развитые страны, находящиеся между вышеупомянутыми двумя мирами, — второй мир». Дэн охарактеризовал «первый мир» как самого крупного эксплуататора, угнетателя, а также очаг новой мировой войны, поскольку-де входящие в него «две сверхдержавы» ведут смертельную схватку за гегемонию. Страны же «второго мира» — это, мол, в основном противники «двух сверхдержав», хотя и имеют «определенные противоречия» с развивающимися государствами, а некоторые даже «до сих пор сохраняют в различных формах колониальные отношения» с ними. Многочисленные развивающиеся страны, образующие «третий мир», «представляют собой революционную движущую силу, толкающую вперед колесо мировой истории, а также главную силу в борьбе против колониализма, империализма и осо-

¹ «Непсабадшаг», 10. XI. 1977.

² «Жэньминь жибао», 23. VIII. 1977.

бенно сверхдержав». В этой схеме отведено место и КНР: «Китай — социалистическая страна и вместе с тем развивающаяся страна. Китай относится к третьему миру»¹.

Как следовало из программной статьи «Теория председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм», опубликованной в «Жэньминь жибао» в поябре 1977 г., за два месяца до выступления Дэн Сяопина, сам Мао упомянул о «трех мирах» в беседе с президентом Замбии К. Каундой. «По моему, — говорил он, — США и СССР образуют первый мир. Промежуточные силы, например Япония, Европа и Канада, принадлежат ко второму миру. Мы же с вами относимся к третьему миру». И тут же добавил: «В третьем мире многочисленное население. Азия, за исключением Японии, принадлежит к третьему миру. Вся Африка относится к третьему миру, к третьему миру относится и Латинская Америка»².

В трактовке Дэн Сяопина схема, сконструированная Мао, выглядела несколько иначе. Например, Дэн включил в «третий мир» только развивающиеся страны, а не все страны Азии (помимо Японии), Африки и Латинской Америки. В отличие от Мао Цзэдуна, он зачислил в «третий мир» развивающиеся страны из «других районов» (помимо Азии, Африки и Латинской Америки). Речь шла о каких-то частях Европы, которые Мао целиком относил ко «второму миру». Таким образом, рамки «третьего мира», на лидерство в котором давно претендует Пекин, в схеме Дэна оказались расширены; в этот «клуб» могли войти все государства, которые согласились бы следовать в фарватере политики Пекина.

В статье «Жэньминь жибао» приглушалась откровенно геополитическая и националистическая суть первоначального, маоцзэдуновского варианта и предпринималась попытка интерпретировать саму схему как якобы выражение классово-пролетарского подхода к анализу расстановки сил на международной арене. «Социалистические страны как оплот международного пролетариата вместе с угнетенными нациями, которые подвергаются наиболее серьезному гнету и эксплуатации и составляют большинство населения земного шара, образуют третий мир...», — писала «Жэньминь жибао»³. Что же касается двух других

¹ «Жэньминь жибао», 11. IV. 1974.

² «Жэньминь жибао», 1. XI. 1977.

³ Там же.

«миров», то их толкование вроде бы осталось прежним, с той, однако, существенной разницей, что в формуле «первого мира» СССР поставлен впереди и объявлен «более опасным, чем США, очагом мировой войны», «главным объектом борьбы против гегемонизма».

Таким образом, раскол мира на две противоположные социальные системы подменен антипаучной, субъективистской схемой «деления на три мира». В этой схеме не только не нашлось самостоятельного места для социализма, но, более того, само существование мировой социалистической системы попросту сочтено «ненужным». Если в 1974 г. маоисты объявили социалистический лагерь «не существующим», то теперь пошли еще дальше. «Исторические условия не диктуют необходимости вновь образовывать социалистический лагерь», — утверждала «Жэньминь жибао»¹.

Пекинские лидеры сознавали, что «идей» Мао недостаточно для того, чтобы придать хоть какую-то видимость наукообразия своим концепциям. Поэтому, афишируя последнюю «научную теорию» Мао, они особенно старательно спекулировали на авторитете марксизма-ленинизма. Если на XI съезде КПК Хуа Гофэн представлял схему «трех миров» исключительно как плод «творческого вдохновения» Мао, то авторы программной статьи «Жэньминь жибао» уже пытались обосновать ее как «творческое применение» марксистско-ленинского учения к современным условиям.

Геополитическую концепцию «трех миров», игнорировавшую раскол мира на две социальные системы, маоистские «теоретики» попытались представить как якобы вытекающий из марксистской методологии вариант деления государств на группы, на «миры» со своими «надклассовыми» интересами. Они всячески затушевывали основное классовое противоречие нашей эпохи — противоречие между социализмом и капитализмом, изображая дело таким образом, будто В. И. Ленин вовсе не рассматривал раскол мира на две системы как определяющий фактор мирового развития в новейшее время. Приведя его высказывание о том, что «есть теперь в мире два мира: старый — капитализм... и растущий новый мир...»², и заметив вскользь, что это определение, «разумеется, отражает новое основное противоречие, появившееся в

¹ «Жэньминь жибао», 1. XI. 1977.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 299

мире после Октябрьской революции», они тут же заявляли, что В. И. Ленин никогда не считал, будто в мире нет других основных противоречий. Мошенническая проделка потребовалась для протаскивания старой идейки о множественности основных противоречий современного мира, для того чтобы поставить в один ряд все противоречия, а затем свести их к тому, что выгодно пекинским стратегам.

Выдвигая в качестве критерия «размежевки» государств старый маоистский тезис о делении стран и народов, классов и людей по принципу «мы», «друзья» и «враги», Пекин руководствовался чисто субъективными соображениями. Ссылаясь на «сложность и изменчивость» обстановки «в международной классовой борьбе», он заявлял: «Невозможно раз и навсегда установить вечную и неизменную формулу размежевки политических сил мира (т. е. размежевки на врагов, друзей и нас самих в международной классовой борьбе)». Прикрываясь этой формулой, маоисты произвели соответствующую «классификацию» стран и народов в угоду своим гегемонистским замыслам на международной арене. Неудивительно, что среди «друзей» китайских руководителей оказались неокolonизаторы, заправила военно-промышленных комплексов империалистических держав, натовские генералы, фашисты, реваншисты, американские «ястребы», антисоветчики всех мастей и оттенков.

* * *

Особая роль в схеме «трех миров» отведена «третьему миру». Китайские руководители считают именно «третий мир» той лошадью, которая должна вынести пекинского всадника на такую высоту, где центром мира был бы Китай, а другие страны и народы являлись послушной периферией. Американский профессор М. Окстенберг отмечал: «Китайцы как нация не чувствуют полного удовлетворения двусторонними отношениями среди равных. Хотя Пекин заявляет, что его политика основывается на взаимной выгоде, путь, каким он строит эти отношения, создает сильное ощущение иерархии»¹.

После крупных провалов в Азии и Африке, вызванных «культурной революцией» и беззастенчивым вмешательством маоистов в дела ряда стран, дикими оргиями хунвэй-

¹ «Dragon and Eagle. United States — China Relations: Past and Future», New York, 1977, p. 20.

бинов у иностранных посольств в Пекине, китайская верхушка перестроила свою политику, сохраняя прежнюю стратегическую задачу. Нагнетая антисоветизм, она взяла курс на сближение с империалистическими государствами, параллельно новыми методами стала добиваться утверждения КНР в качестве центра и лидера «третьего мира». Чтобы успокоить правительства стран Азии, Африки, Латинской Америки и не конфликтовать с империалистическими державами, маоисты приглушили (только на время) призывы к народным войнам, заговорили о мирном существовании.

Особенность и коварство политики Пекина в отношении развивающихся стран состоят в том, что, приспособляясь к воле миллионов трудящихся освободившихся государств, осознавших свои цели и место в жизни, приспособляясь к результатам освободительной борьбы, развертывающейся под влиянием Великого Октября, сил мирового социализма, китайское руководство вновь стало прибегать к маскировке «революционной» фразеологией, вновь выдвинуло тезис о Китае как «опорной базе мировой революции». В глазах освободившихся народов Пекин старается выглядеть борцом против империализма, за национальный и социальный прогресс, пытается использовать в своих интересах авторитет революционной теории марксизма-ленинизма, создать впечатление, будто пекинские доктрины основаны на объективных законах.

Китайское руководство выдало свою доктрину «трех миров» за единственно верную концепцию, якобы отражающую «объективную действительность мировой классовой борьбы», дающую «народам мира мощное идеологическое оружие», и подчеркнуто представило ее диаметрально противоположной всем другим воззрениям на международную обстановку: как различным империалистическим концепциям, так и марксистско-ленинской оценке развития мировых событий, марксистско-ленинской характеристике основного противоречия современной эпохи. История появления доктрины и ее истинная сущность наглядно демонстрировали, что, цинично отбрасывая марксистский классовый анализ и паразитируя на мировых противоречиях, на их искусственном обострении, китайское руководство стремится обеспечить себе полную свободу рук для любых политических комбинаций и маневров на международной арене.

С целью оправдания такого поворота вправо было разработано идеологическое обоснование в виде доктрины

«борьбы против гегемонии двух сверхдержав» (позаимствованной, кстати сказать, из арсенала империалистической пропаганды середины 60-х годов), согласно которой весь мир «малых и слабых стран» должен был бороться против «двух сверхдержав». Чем дальше шел Пекин по пути блокирования с империализмом, тем больше эта «теория» становилась помехой, ибо из нее вытекала необходимость одновременной борьбы и против США, и против СССР. Американский империализм стал пужен Пекину в качестве союзника в борьбе с силами мира и прогресса.

С помощью абсурдного тезиса о том, что «социалистический лагерь перестал существовать»¹, китайские лидеры попытались отрицать объективное, независимое от воли Пекина упрочение мировой социалистической системы, возникновение и развитие которой является самым главным из международных последствий Великого Октября, и выдать самим себе разрешение на предательство любых прежних или будущих друзей и на вступление в союз с любыми враждебными социализму силами.

Одновременно борьба против империализма все более сводилась на нет. В материалах XI съезда КПК, в отличие от решений X съезда, снята задача «борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма». Той же цели подчинено и положение о «распаде» империалистического лагеря (раз он «распался», то нет необходимости и бороться против него). В новом варианте «доктрины» Пекин пошел еще дальше. Тезисом об «антигегемонистском потенциале» «второго мира», куда зачислены основные империалистические державы (кроме США), и постулатом о том, что американский империализм движется к упадку, а на смену ему поднимается, дескать, «советский социал-империализм», что США являются «объектом советской экспансии», маоисты подводили к следующему выводу: империализм может стать союзником, в «единый фронт» возможно включение и американского империализма. Заявление Дэн Сяопина генеральному директору агентства Франс Пресс в октябре 1977 г., что в «широчайший единый фронт» должны войти не только «второй» и «третий» миры, но и часть «первого мира» в лице Соединенных Штатов, не оставляло сомнений на сей счет. Пройдет немногим более двух лет, и Дэн Сяопин в Вашингтоне выступит с призывом к созданию фронта США, Японии, государств Западной Европы и Китая против СССР.

¹ «Жэньминь жибао», 11. IV. 1974.

Теоретическая несостоятельность искусственного построения доктрины «трех миров», ее крайне реакционный характер не менее наглядно видны из тех положений, которые затрагивали непосредственно так пазываемый «третий мир». Сознательное запутывание вопроса о силах, входящих в него, потребовалось Пекину для того, чтобы оправдать ставку на реакционные, правонационалистические, а порой и фашистские режимы в некоторых странах. Пресса КНР охотно печатала высказывания пекинской креатуры за рубежом (как это, например, сделала «Жэньминь жибао», поместив статью австралийца Э. Хилла), призывавшие закрывать глаза на фашистскую суть режимов в отдельных государствах Африки и Латинской Америки, которые Пекин зачисляет в разряд «третьего мира».

* * *

Реакционную сущность доктрины «трех миров» выдал с головой и тезис: «Второй мир — сила, с которой можно объединяться», означающий полное отрицание противоречий между угнетенными народами и нациями, с одной стороны, и империализмом — с другой. Сразу же встает вопрос: каким образом «третий мир» может выполнять свою роль «главной силы в борьбе против империализма», если он должен объединяться со «вторым миром», т. е. с империалистическими державами? Как могут выполнять роль «главной антиимпериалистической силы» реакционные или подкупленные империализмом режимы, если они делают все для того, чтобы сохранить и расширить позиции империализма, втянуть развивающиеся страны в империалистические военные блоки? Маоцзэдуновская доктрина на эти вопросы не отвечает. И не случайно.

С помощью доктрины «трех миров» китайское руководство хотело интегрировать развивающиеся страны и империалистические державы в единый, противоестественный по своей сути блок. Пекин прямо заявлял (в лице министра иностранных дел КНР Хуан Хуа в речи на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 30 сентября 1977 г.) о «поддержке усилий» «второго мира» в данном направлении¹. Колониальная и неоколониальная эксплуатация развивающихся стран империализмом выдавалась Пекином в ООН за «диалог» и даже «союз». К тому же он назойливо побуждал эти страны опираться в своих торгово-экономи-

¹ Документы XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, А/32/РV. 13, стр. 56—57.

ческих связях на капиталистический мир в ущерб отношениям с социалистическими государствами. Ориентируя освободившиеся страны на одностороннее сотрудничество с империалистическими державами, китайские лидеры содействовали усилению неоколониализма.

Не случайно империалистические круги, всемерно препятствующие сотрудничеству развивающихся стран с Советским Союзом, социалистическим содружеством в целом, не предпринимали аналогичных шагов в отношении Китая. Претензии на лидерство в «третьем мире» не беспокоили империализм, ибо не подрывали его позиций в протывоборстве с мировым социализмом. Напротив, китайское руководство призывало к сотрудничеству развивающихся стран с империализмом из «второго мира». Его гегемонистские цели вполне терпимы для империалистов, поскольку Пекин не несет в национально-освободительное движение идеи социализма даже в маоистском толковании. Но главное — они мечтают с его помощью добиться того, чтобы в Азии, Африке и Латинской Америке не возрастало влияние реального социализма, которое действительно ведет к сужению сферы господства капитализма. Это обстоятельство отметили антикоммунисты, еще недавно рассматривавшие политику КНР в отношении развивающихся государств как разновидность «коммунистического проникновения». «Большинство наблюдателей сегодня... — писала английская «Гардиан», — значительно спокойнее относятся к политике китайцев, которую они лишили двусмысленности, свойственной ей в 60-х годах». Газета раскрывала причину изменения настроений: «Пекин делает теперь упор на широту «единого фронта», который следует совместно создать Китаю и «третьему миру» против двух сверхдержав, а не на глубину революционных обязательств нескольких авангардных стран или движений, что подчеркивалось ранее»¹.

* * *

Китай не ограничивался призывами к объединению действий с империалистическими силами. Практически он вошел в сговор с ними, чтобы с помощью как бы двойной тяги — пекинской и империалистической — попытаться противостоять прогрессивным тенденциям развития освободившихся народов. Наиболее заметно это проявилось в африканской политике Пекина. «Последние события в

¹ «Guardian», 25. III. 1974.

Африке, — писал индийский еженедельник «Нью эйдж», — наглядно свидетельствуют о том, что пекинские лидеры действуют рука об руку с американскими империалистами, милитаристами НАТО, реакционными арабскими режимами, израильскими правящими кругами, расистами ЮАР».

В ходе освободительной борьбы в Анголе, как известно, КНР выступала единым фронтом с империалистами, расистами и реакционными силами. Кубинская «Гранма» справедливо отмечала: «Против Народной Республики Ангола и ее народа объединились в отвратительном союзе империализм, южноафриканский режим и маоизм»¹.

Помощь оружием, пропагандистские вопли из Пекина не спасли реакцию, расистов и интервентов в Анголе. Они потерпели поражение, явившееся поражением и Китая. Права «Хиндустан таймс», которая указывала: «По мнению некоторых западных наблюдателей, война в Анголе стала беспрецедентным провалом китайской внешней политики»². «Китайская Народная Республика, которая лишь пять лет назад была самой влиятельной коммунистической страной в Черной Африке, — писала «Франкфуртер альгемайне», — подводит теперь плачевный итог своей политики к югу от Сахары, подорванной Москвой... Китай переживает сегодня ошеломляющее крушение того блестящего положения, которое он занимал в 60-х годах»³.

Одним из направлений политики Китая в Африке является поддержка правых режимов. Его руководители одобрили расправу суданских военных властей с левыми силами, приветствовали интервенцию западных держав в Заире с целью подавления восстания в провинции Шабa, в срочном порядке отправили режиму Мобуту оружие. Пекин поддержал выдвинутую западными державами идею сформирования межафриканских сил, которые выполняли бы полицейские функции; это, дескать, «прекрасный пример африканской солидарности в борьбе против гегемонии»⁴.

Китай поддерживает планы сколачивания под фальшивым лозунгом «зоны мира и безопасности» красноморского блока⁵. Китайских руководителей не смущает, что тем самым они потворствуют попыткам реакционных арабских кругов воспрепятствовать прогрессивным преобразованиям

¹ «Granma», 27. I. 1976.

² «Hindustan Times», 3. II. 1976.

³ «Frankfurter Allgemeine», 25. XI. 1976.

⁴ «Жэньминь жибао», 15. VII. 1978.

⁵ «Жэньминь жибао», 4. VIII. 1977.

в странах бассейна Красного моря, вовлечь их в империалистические блоки, подавить революционные национально-патриотические силы.

В Китае не менее, если не более, чем на Западе, торжествовали в связи с решением правительства Сомали прекратить действие советско-сомалийского договора о дружбе и сотрудничестве от 11 июля 1974 г. Одновременно китайские руководители сделали ряд враждебных заявлений в адрес НДРЙ.

Двуличная позиция КНР в отношении Африки уже не может никого обмануть. Нигерийская газета «Дейли экспресс» в статье «Лицемерная политика» писала: «Независимая Африка на своем опыте убедилась в том, что пекинское руководство смыкается с самыми реакционными режимами и его предательский курс ведет к расколу национально-освободительного движения»¹.

Если на Африканском континенте Китай выступает как пособник и союзник империализма и колониализма, то в Азии наглядно проявляется экспансионизм его внешней политики, проводимой опять-таки на параллельных с империализмом курсах. Для его азиатской политики характерны свои средства проникновения в страны, приемы давления на правительственные круги и общественность. Но такой специфический метод Пекина, как декларации о непримиримости к колониализму, а на деле потворство ему равным образом ярко проступает и в Азии, когда он готов не только мириться с существованием колониальных владений на собственной национальной территории — в Гонконге и Макао, но и использует их для извлечения солидных коммерческих выгод.

С одобрением были встречены в КНР сепаратные переговоры Каира с Израилем. Китайская пропаганда оправдывала и поддерживала поездку Садата в Израиль (ноябрь 1977 г.), но обошла молчанием бурную реакцию других арабских стран на капитулянтскую политику президента Египта.

Пекин с неудовольствием встретил апрельскую революцию в Афганистане. Он провоцирует действия враждебных демократической республике сил, контактирует с реакционными, феодальными силами внутри страны в расчете вызвать контрреволюционный путч.

Китайские власти прекратили оказание помощи национально-освободительному движению в зоне Персидского

¹ «Daily Express», 6. V. 1977.

залива (Оман, Бахрейн) и открыто выступили в защиту шахского режима Ирана, противодействовавшего этому движению. Кстати сказать, до последнего дня они оказывали поддержку тирании шаха в Иране¹ и весьма неохотно и не сразу признали новую власть.

Двурушнический характер отличает политику КНР в отношении Южной Азии. С одной стороны, не отягощая себя принципами и строя политику на конъюнктурной основе, Пекин делает вид, будто выступает в поддержку нормализации и развития добрососедских отношений между государствами субконтинента и своих связей с ними, с другой — разжигает споры и противоречия между Пакистаном и Индией, Бангладеш и Индией, Непалом и Индией, нагнетает напряженность. Излюбленным методом политики Китая в этом районе по-прежнему является тайная или явная поддержка разного рода антиправительственных сил и движений, начиная от левоэкстремистов и кончая правыми из числа религиозных фанатиков.

Страны Юго-Восточной Азии рассматриваются как район, который в будущем должен оказаться под китайским контролем. Флиртуя с властями Бирмы, Таиланда, Малайзии, Сингапура, Индонезии, заявив о признании АСЕАН и готовности сотрудничать с ассоциацией, Пекин одновременно готовит армии повстанцев в этих странах, чтобы, когда наступит время, бросить их против правительств, парализовать жизнь и добиться насаждения везде прокитайских режимов; особенно циничный характер носит провоцирование Пекином гражданской войны в Бирме.

Пекин паразитировал на героической борьбе вьетнамского народа против американской агрессии, заранее запланировав руками вьетнамцев заставить США пойти на переговоры с КНР. Когда после освобождения Юга и объединения Социалистическая Республика Вьетнам отказалась подчиниться диктату Пекина, китайские власти натравили на нее клику Пол Пота — Иенг Сари, а затем, сфабриковав проблему «преследования хуацяо», спровоцировали ряд агрессивных актов и, наконец, предприняли 17 февраля 1979 г. вооруженное нападение.

* * *

Зачислив Китай в «третий мир», пекинские руководители стремятся оказывать влияние на движение неприсоединения. С одной стороны, в Пекин приглашаются государственные деятели многих неприсоединившихся государств,

¹ «Жэньминь жибао», 9. II. 1979.

с ними проводится соответствующая работа; китайские представители в свою очередь зачастили в эти страны. С другой стороны, Пекин пытается добиться изоляций в этом движении прогрессивных государств, в первую очередь Кубы и Вьетнама.

Особенно наглядно эти аспекты политики КНР проявились во время подготовки и проведения конференции министров иностранных дел неприсоединившихся стран, состоявшейся в Белграде в июле 1978 г. Пекин, обойдя молчанием борьбу движения неприсоединения за углубление разрядки международной напряженности, прекращение гонки вооружений, устранение военных очагов, урегулирование на Ближнем Востоке, ликвидацию расистских режимов на юге Африки, тщетно пытался подбросить конференции антисоветские тезисы, поучал страны — участницы движения неприсоединения, что «интересы ни одной из великих держав не идентичны чаяниям народов стран Африки»¹. Вновь и вновь китайская пропаганда нападала на Кубу и Вьетнам, которые будто бы перестали быть неприсоединившимися.

Тщетными оказались намерения Пекина в унисон с Вашингтоном скомпрометировать Кубу и сорвать проведение конференции руководителей неприсоединившихся стран в Гаване. Тем с большей злобой китайская пропаганда нападала на Кубу во время VI конференции в сентябре 1979 г.; немало бранных слов было сказано по адресу Вьетнама и Лаоса². Но конференция прошла в антиимпериалистическом духе, дала плодотворные результаты. К явному огорчению Пекина, туда не был допущен представитель бывшего полпотовского режима в Кампучии. «Отличительной чертой VI конференции неприсоединившихся стран, — отмечала сингапурская «Стрейтс таймс» 11 сентября 1979 г., — явилась почти полная изоляция Китая».

* * *

Реакционные круги империалистических держав спокойно отнеслись к появлению теории «трех миров»; они определенно рассматривают преемников Мао как своих военно-политических союзников по борьбе с миром социализма. «Крисчен сайенс монитор» писала: «Выгоды, истекающие для Запада из враждебности между Китаем и Советским Союзом, настолько очевидны и их настолько

¹ «Жэньминь жибао», 31. VII. 1978.

² «Жэньминь жибао», 14. IX. 1979.

хорошо сознают сейчас па Западе, что даже намек на возможное уменьшение этой враждебности вызывает там беспокойство»¹. Бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе генерал А. Хейг назвал Китай «шестнадцатым членом Североатлантического союза». Дэн Сяопин выразил согласие с оценкой Китая как «НАТО Востока», поскольку китайцы «приковывают советские дивизии к советско-китайской границе»².

В то же время воинствующий маоизм и политика провокаций, проводимая им, вызывают тревогу и подвергаются критике в странах, которые Пекин причисляет к «третьему миру», а также в тех, которые относит ко «второму миру». Ф. Кастро в интервью американскому журналу «Пентхаус» отметил: «Китай продолжает проводить политику предательства мирового революционного движения. Это — политика полного сотрудничества с мировым империализмом. Нам прекрасно известно, что китайцы рекомендовали американцам не возвращать нам военно-морскую базу в Гуантанамо и что аналогичным образом они возражали против прекращения экономической блокады. Для тех, кто внимательно изучает позиции Китая в международных вопросах, это выглядит лишь логичным. Китайские лидеры без устали клеветают на Кубу, поддерживают самые тесные связи с режимом Пиночета и другими подобными диктатурами в Латинской Америке»³.

Руководство Албании, до недавнего времени союзника Пекина, заявило, что теория «трех миров» имеет целью «затормозить революционный прогресс и защитить капитализм», а «теоретические» изыскания в попытках выдать «второй мир» за союзника «третьего мира» назвало «псевдоантиимпериалистическими», «оправдывающими и поддерживающими неокolonизаторскую и эксплуататорскую политики империалистических держав»⁴.

Японская «Акахата» охарактеризовала теорию «трех миров» как «неклассовую и ненаучную точку зрения, которая придает забвению противоборство империализма и антиимпериалистических сил, которая оправдывает американский империализм и приукрашивает его»⁵. Французская «Фигаро», говоря о замысле Пекина, выдвинувшего

¹ «Christian Science Monitor», 10. XII. 1976.

² «Известия», 24 мая 1978 г.

³ «Правда», 2 ноября 1978 г.

⁴ «Зери и популит», 7. VII. 1977; выступление министра иностранных дел Албании на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 6 октября 1977 г.

⁵ «Акахата», 23. V. 1978.

концепцию «трех миров», писала в мае 1975 г.: «Китай рассматривает Европу как главную почву для столкновения между Советским Союзом и Соединенными Штатами... Европейская политика Пекина мотивируется только национальными интересами Китая»¹.

Трезво мыслящие ученые и политические деятели в США, которых Пекин призывает включиться в широкий единый международный фронт, предупреждают об опасности политики китайских правителей. Американский профессор А. Д. Барнетт в книге «Китайская политика: старые проблемы и новые вызовы» отмечает, что «интересы безопасности Соединенных Штатов требуют, чтобы первоочередной задачей их политики была забота о предотвращении вооруженного столкновения с Советским Союзом, а это в свою очередь требует поддержания устойчивого стратегического баланса между двумя странами и продолжения поисков средств для дальнейшей разрядки». Таким образом, подчеркивал Барнетт, «улучшение американо-китайских отношений, важное само по себе, не должно проводиться в ущерб основным интересам США, заключающимся в поддержании тесных отношений с Японией и в избежании военного конфликта с русскими»². Американский ученый Дж. Сюн предупреждал: «Прямое вмешательство Вашингтона в китайско-советскую конфронтацию может ударить рикошетом по политике Соединенных Штатов»³. «Вашингтон стар» в статье «Риск ставки на «китайскую карту»» профессора Эдв. Латтуака отмечала: «Можно согласиться, что Запад действительно проигрывает военное соперничество и что необходимо какое-то стратегическое лекарство, чтобы исправить положение. Но «китайская карта» — самое нестратегическое из всех лекарств, — напротив, представляет собой чисто тактическое средство, причем неизбежные последствия ставки на нее будут стратегическими по значению и к тому же крайне невыгодными»⁴.

С конца 1978 г. доктрина «трех миров» стала реже появляться в речах пекинских деятелей и на страницах печати. В связи с нормализацией отношений с США, начиная с 1 января 1979 г., Пекин все громче зовет к созданию «международного фронта» с участием всех империа-

¹ «Figaro», 14. V. 1975.

² A. D. Barnett. China Policy. Old Problems and New Challenges. Washington, 1977, p. 78, 79.

³ «Asian Survey», 1977, vol. 17, N 8, p. 696.

⁴ «Washington Star», 26. X. 1978.

листических держав против СССР, мирового социализма. И доктрина «трех миров» в том виде, как она пропагандировалась в 1974—1978 гг., уже мешает китайским правителям. Они еще продолжают говорить о «третьем мире», причисляя к нему и КНР, но доктрина в целом, видимо, подвергается очередной модификации с учетом новых задач внешней политики пекпняской верхушки.

ТРАКТОВКА ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА

Китай — единственная страна, официальные круги которой публично выступают апологетами мировой бойни. Основной идеологической доктриной, направленной на подстегивание опасного обострения обстановки в мире, является концепция «неизбежности» и «полезности» новой мировой войны. Она непосредственно связана с наследием Мао Цзэдуна. Выступая в мае 1958 г. на второй сессии VIII съезда КПК, он говорил: «Война, ну и хорошо. Быстрее можно будет начисто покончить с империализмом. Полагаю, что с ним можно было бы покончить за три года. При наличии атомных бомб война может продлиться на год меньше, чем раньше. Зато потом не будет больше войн. Будет война, — значит, будут мертвые. Смерть не страшна. Если из 600 млн. человек (население Китая в 1958 г. — *М. К.*) половина погибнет, останется 300 млн. человек... Если во время войны погибнет половина человечества — это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через столько-то лет население снова увеличится»¹.

«Третьей огромной мировой войны не избежать, — утверждал Дэн Сяопин в беседе с японскими журналистами 21 июля 1975 г. — Возможно, в этой войне погибнет столько-то людей. Но эта война облегчит решение вопросов угнетенных наций и человечества. Она не так уж плоха». Хуа Гофэн на XI съезде КПК утверждал, что возникновение мировой войны «не зависит от воли людей»².

Тезис «неизбежности» и «полезности» для народов новой мировой войны стал в Китае предметом фундаментальных теоретических разработок. В уже цитировавшейся статье в газете «Жэньминь жибао» от 1 ноября 1977 г.

¹ «Мао Цзэдун сысян ваньсуй». Пекин, 1967.

² «Жэньминь жибао», 28. VIII. 1977.

была изложена доктрина войны: «В настоящее время факторы войны явно нарастают», «В нынешних исторических условиях прочный мир невозможен, новая мировая война неизбежна»¹.

Ложным теоретически и реакционным политически тезисом о «неизбежности» войны Пекин хотел бы заранее объявить бессмысленной борьбу народов против военной угрозы, за разоружение, «привить,— как писала «Руде право»,— обществу настроения скепсиса и покорности и тем самым ослабить его борьбу за разрядку напряженности, за укрепление международной безопасности»².

Вместе с тем китайское руководство идеологически оформляет и свои попытки доказать желательность войны как блага для народов. После XI съезда КПК усилилась пропаганда положения о том, что, когда война разразится, народы мира окажутся в «выгодном», «благоприятном» положении³. Еще дальше пошел Пекин в статье «Жэньминь жибао» от 1 ноября 1977 г., посвященной «теории трех миров». В ней утверждается: нет ничего плохого в том, что война должна разразиться, ибо «в дальнейшем в ходе войны в различных частях мира... народы разных стран получают широкие возможности организовать войны против агрессии... И народы мира после длительных объединенных усилий окончательно уничтожат поджигателей войны».

Встретив резкое осуждение мировой общественностью поджигательской роли Пекина, китайские руководители несколько подправили свой тезис о «неизбежности» войны. Добавлено положение о возможности ее «отсрочки». «Мировая война,— заявил представитель КНР Чэнь Чу 29 ноября 1977 г. в Первом комитете на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— хотя она и является неизбежной, может быть отсрочена». По утверждению министра иностранных дел КНР Хуан Хуа, «миролюбивые люди могут сделать не более, чем отсрочить развязывание войны»⁴. Одновременно возводится частокол условий, призванных способствовать опять-таки реализации целей Пекина — помешать предотвращению войны. Это призыв к народам всех стран выступить «единым международным фронтом против гегемонии» — против Советского Союза и

¹ «Жэньминь жибао», 1. XI. 1977.

² «Руде право», 8. VI. 1977.

³ «XI Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы)». Пекин, 1977, стр. 34 (на кит. яз.).

⁴ «Globe and Mail», 6. X. 1977.

его миролюбивой политики, подорвать систему международного сотрудничества в торгово-экономической области и иных сферах с СССР. Отвечая на вопрос американской делегации, побывавшей в ноябре 1977 г. в Пекине, как лучше наладить отношения США с КНР, министр иностранных дел Хуан Хуа сказал: «Прекратите политику умиротворения Советского Союза». Хуан Хуа утверждал, что США-де позволяют русским обойти себя в соперничестве за мировое влияние и пора бы Вашингтону одуматься, если он хочет отдалить момент «неизбежности войны», а затем и выиграть эту войну. «Я надеюсь,— ставил точки над «i» в этом вопросе Дэн Сяопин в интервью президенту — генеральному директору агентства Франс Пресс К. Русселю 21 октября 1977 г.,— что в дело борьбы с СССР включится весь мир — «третий мир», «второй мир» и даже «первый мир», то есть Соединенные Штаты».

Китай призывает к расширению материальной и организационной подготовки против «агрессивных войн», «подготовке в плане военной техники», т. е. к усилению гонки вооружений во всемирном масштабе. Он призывает, наконец, бороться против «ложной», «пресловутой» разрядки и «ложного», «пресловутого» разоружения, «не проводить политики умиротворения», «усилить борьбу против политики умиротворения»¹ (так называют в Пекине разрядку), ибо «это может лишь приблизить войну».

Хуа Гофэн счел нужным на сессии ВСНП в июне 1979 г. подчеркнуть, что «международная обстановка в общем характеризуется еще большими волнениями и напряженностью. По-прежнему нарастают факторы угрозы войны»².

Не менее важен и другой аспект «отсрочки войны» до конца текущего столетия. Период «до конца нынешнего века» совпадает со сроком реализации задачи, всемерно подчеркиваемой ныне пекинским руководством,— «превратить к концу века Китай в мощную современную державу», или, если расшифровать истинный смысл ее, превратить в мощное милитаристское государство.

В Китае осуществляется милитаризация всех аспектов его внутреннего развития: промышленного, научно-технического, сельскохозяйственного. В Пекине реально подстрекают к мировой войне, пытаются создать систему союзов и блоков. «Китай и Япония должны объединить свои уси-

¹ Документ ООН А/С. 1/32/RV. 47 от 29. XI. 1977, стр. 16; «Жэньминь жибао», 4. XI. 1977.

² «Жэньминь жибао», 19. VI. 1979.

лия на востоке, а западноевропейские страны и США — на западе, чтобы противостоять Советскому Союзу», — с откровенным цинизмом заявил в марте 1978 г. Дэн Сяопин члену западногерманского бундестага от ХДС Циммерману.

Выдвинув тезис о «неизбежности» и даже «желательности» войны, Пекин начал беспрецедентную подготовку во внутреннем и международном плане на случай мирового конфликта. Внутри страны развернута милитаризация в таких масштабах, о которых не шла речь даже при жизни Мао Цзэдуна. Пропагандистский аппарат изо дня в день вбивает в головы населению мысль о необходимости готовиться к «завтрашней войне». «Скоро разразится крупномасштабная война», — пророчествовал в мае 1977 г. Е Цзяпин. «Война — это состязание в мощи. Если мы будем вести подготовку заранее и в полной мере, то победа гарантирована», — убеждал в июне 1977 г. орган Военного совета ЦК КПК — газета «Цзефанцзюнь бао». «Как следует подготовиться к войне — это неотложная задача», — призывал орган ЦК КПК — журнал «Хунци» в июле 1977 г. «Раньше или позже, в малых или больших масштабах, обычная или ядерная, но война будет развязана», — говорилось в политическом отчете XI съезду КПК. «Заметно нарастают факторы войны, опасность мировой войны все более серьезно угрожает народам мира», — заявил в феврале 1978 г. в докладе о работе правительства на сессии ВСНП Хуа Гофэн.

Всецело подчинена военным приготовлениям поднятая на щит политика «четырех модернизаций». Пожалуй, нет сегодня в Китае такой отрасли экономики, науки и техники, развитие которых не рассматривалось бы исключительно с точки зрения их вклада в наращивание военной мощи страны. «Нам нужно ускорить развитие основных отраслей промышленности с упором на сталь, чтобы создать мощную базу для нашей оборонной промышленности», — говорилось в мае 1977 г. на Всекитайском совещании по вопросам промышленности. «Осуществление модернизации сельского хозяйства, промышленности, науки и техники — это основа и предпосылка в деле модернизации государственной обороны», — подчеркивал в июле 1977 г. журнал «Хунци». «Современные средства обороны — атомные и водородные бомбы и ракеты — не могут существовать в изоляции от науки и техники. В результате развития науки может появиться новая военная техника. Наука нужна для модернизации обороны нашей страны и для обеспечения того, чтобы наша страна... никогда не стала проигры-

вающей стороной», — подчеркивала «Жэньминь жибао» в сентябре 1977 г.¹

Нынешнее руководство КНР требует от народа быть готовым к тому, что «если вспыхнет война, то она будет длительной», «продлится 10 или 20 лет». В милитаристском угаре член Военного совета ЦК КПК Су Юй даже заявил: ради «внесения должного вклада в дело освобождения человечества [так Пекин ныне шифрует достижение мировой гегемонии Китая] мы готовы пойти на самые крупные национальные жертвы». Как писала «Жэньминь жибао», «председатель Мао Цзэдун выработал для нашей страны целый комплекс линий, курсов и политических установок в области международных отношений... Китайский народ будет всегда неукоснительно выполнять эти заветы председателя Мао Цзэдуна»².

Международная напряженность нужна Пекину для мобилизации усилий народа на форсированное наращивание военной мощи КНР при сохранении на длительный период крайне низкого жизненного уровня. Напряженность, в том числе региональная, по замыслам китайского руководства, ослабит глобальные позиции его противников. Например, ближневосточный кризис должен серьезно отвлекать внимание и материальные ресурсы США и СССР, конфликтная ситуация на Южноазиатском субконтиненте, в Бирме — связывать руки Индии как влиятельной силы в Азии и в «третьем мире» в целом. И наконец, по расчетам китайских лидеров, острая военно-политическая напряженность между двумя системами может быть чревата мировой войной, которая в силу демографических особенностей Китая менее всего ослабит его, но подорвет СССР, США, Западную Европу и тем самым расчистит ему дорогу к мировой гегемонии.

Не обходится ни одной встречи лидеров КНР с иностранными представителями, чтобы в их высказываниях не содержалось нападок на разрядку. Упор при этом делается на гостей правого толка, противников разрядки, с расчетом на то, что при их содействии идеи войны получают широкое хождение в прессе, в передачах радио и телевидения западных стран.

Однако усиливается разоблачение и саморазоблачение Китая на международной арене как проповедника новой мировой войны, проводника поджигательской, провокаци-

¹ «Жэньминь жибао», 24. IX. 1977.

² «Жэньминь жибао», 1. XI. 1977.

онной политики, и поэтому его руководство вынуждено несколько сместить акценты. Начиная с XI съезда КПК появился тезис о том, что «мирной международной обстановки хочет и китайский народ», «китайский народ также желает мирного международного окружения, в котором он мог бы в лучших условиях вести строительство в своей стране». Не приходится сомневаться в подобных стремлениях китайского народа. Но лидеры КНР, как и прежде, не выступили ни с одним конструктивным предложением, которое вело бы к достижению действительно мирной международной обстановки и которое подтвердило бы искренность упомянутых заявлений. С июня 1977 г. в стереотипные призывы о подготовке к войне внесены небольшие изменения: «Как следует подготовиться к антиагрессивной войне», «Быть готовыми сражаться против агрессии». Это не меняет сути дела. Во-первых, на Китай никто, и тем более Советский Союз, не собирается нападать. Во-вторых, Пекин учел волну возмущения против откровенного курса на войну и добавил к прежним формулировкам словечко «антиагрессивная».

Китайское руководство, как известно, на всех перекрестках трубит о неизбежности «схватки двух сверхдержав»; оно даже соизволило признать, что «новая война, несомненно, принесет человечеству огромные бедствия»¹. Если Пекин действительно озабочен этим, то должен сделать все, чтобы не допустить подобного развития событий. На практике же китайское руководство не прекращает попыток столкнуть между собой США и СССР. С одной стороны, пропагандируется тезис, что «конфликт между ними нельзя окончательно разрешить мирным путем»². С другой — Пекин усиленно запугивает американцев тем, что СССР «обходит» их в «глобальном соперничестве», причем как бы подбивает США, да и другие империалистические державы, быть «смелее» в развязывании войны, дает ясно понять, что в случае ее возникновения выступит на стороне США. По сообщению агентства Киодо Цусин, во время встречи с группой японских парламентариев в начале сентября 1977 г. Дэн Сяопин в подстрекательском тоне заявлял, что США способны начать мировую войну, но «у них не хватает на это смелости». Об «угрозе» безопасности Соединенных Штатов со стороны СССР, о том, как Вашингтону следовало бы вести дела с СССР, не раз

¹ «Жэньминь жибао», I. XI. 1977.

² Там же.

говорил Дэн и во время визита в США в январе 1979 г. Большие надежды возлагала пекинская верхушка на конфронтацию США и СССР в период агрессии Китая против Вьетнама и была расстроена, что этого не произошло.

Еще с выступления министра иностранных дел КНР на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН Пекин пустил в ход чудовищную ложь о Советском Союзе как «главном источнике мировой войны», «наиболее опасном очаге войны». В этой клевете сплелось многое — и попытка отвлечь внимание от милитаристской, поджигательской политики самого китайского руководства и найти общий язык с мажорной реакцией, и стремление, обелив империалистическую военщину, заставить народы свыкнуться с мыслью о «неизбежности» военных приготовлений как якобы «ответных действий» на «советскую угрозу» и тем самым повести дело к тому, чтобы мир «незаметно» вполз в пучину новой мировой войны.

Позиция КНР по проблемам войны и мира самым непосредственным образом связана со стратегическими целями китайского руководства во внутренней и внешней политике страны: тотальная милитаризация всей жизни государства и превращение Китая в мощную милитаристскую державу. Активно пропагандируемый ныне в Китае лозунг «четырех модернизаций» не равнозначен задаче общего экономического развития, ибо не предусматривает повышения благосостояния народа. Декларации китайского руководства по поводу заботы о повышении жизненного уровня народа нацелены лишь на то, чтобы приглушить недовольство населения. Однако реальные возможности таких маневров в настоящее время и в ближайшей перспективе весьма ограничены из-за слабого развития производительных сил страны и производства средств потребления. К тому же в ходе обсуждения программы модернизации доминирующей оказалась точка зрения военных кругов Китая, требующих подчинения развития промышленности целям форсированного наращивания военного потенциала.

Если на XI съезде КПК и после него, в том числе на сессии ВСНП в феврале — марте 1978 г., вопросы развития экономики КНР ставились в общей форме, то задачи в области милитаризации — весьма конкретно: «...продвинуть вперед и усилить подготовку к войне», «не только усилить, но и ускорить» модернизацию армии, «усилить строительство народного ополчения», «поднять оснащенность армии на новый уровень», в первую очередь в области ракетно-

ядерного оружия, авиации и флота. По существу, любые проблемы народного хозяйства напрямую увязываются с подготовкой к войне. Именно так обсуждались в сентябре 1977 г. вопросы ускорения развития металлургической промышленности: «Мы должны быть готовы в любое время вести войну. Все это требует наличия мощной металлургической промышленности»¹. В декабре 1977 г. — январе 1978 г. в том же духе рассматривались проблемы роста сельскохозяйственного производства и механизации сельского хозяйства.

К различным «доводам» прибегает Пекин с целью оправдать необходимость гонки вооружений, не отличаясь при этом оригинальностью. Как известно, империалистические, реакционные круги, противодействуя стремлению народов к прочному миру, распространяют домыслы о том, будто защите мира служит политика «с позиции силы», а милитаризация необходима для стимулирования хозяйственного развития и научно-технического прогресса, уменьшения безработицы и т. д. В свою очередь, обосновывая милитаризацию Китая, пекинская пропаганда утверждает: «Потребности обороны могут стимулировать развитие экономики... С развитием оборонной промышленности обязательно будут непрерывно выдвигаться все новые требования ко всем отраслям промышленности, науки и техники, тем самым способствуя развитию всего народного хозяйства и повышению научно-технического уровня»².

Нынешнее китайское руководство отдает себе отчет в том, что реальное соотношение военно-экономических потенциалов КНР и промышленно развитых стран неизмеримо. Безусловно, оно учитывает отсталость экономики, относительную слабость страны в военной области. Поэтому реализация установок на войну нереальна в настоящее время. Пекин делает ставку на модернизацию вооруженных сил, на ускорение развития военно-экономического потенциала.

Китайское руководство намеревается осуществить это за счет «собственных сил» и ресурсов военной промышленности в первую очередь натовских государств. Отсюда интерес к «приобретению современных видов вооружений и целых заводов по их производству»³.

¹ «Жэньминь жибао», 14. IX. 1977.

² «К изучению работы «О десяти важнейших взаимоотношениях». Пекин, 1977, стр. 31 (на кит. яз.).

³ «Washington Star», 5. V. 1977.

В связи с задачей модернизации вооруженных сил на страницах печати КНР проводится мысль о необходимости некоторых изменений в маоистской доктрине «народной войны» и переходе от оборонительной стратегической концепции к наступательной, т. е. перенесению войны на территорию других государств. Наряду с модернизацией всех родов войск пекинское руководство уделяет неослабное внимание боеспособности народного ополчения. В статье «О народном ополчении», опубликованной в «Цзефанцзюнь бао» и перепечатанной «Жэньминь жибао», указывалось, что Китай должен иметь мощные вооруженные силы, широко создавать дивизии народного ополчения, обучать каждого китайца воевать, создавать кадровые и резервные отряды ополчения, назначать политкомиссаров, политруков батальонов и рот, обеспечивать ополченцев оружием и т. д.¹

Взят на вооружение призыв Мао Цзэдуна, брошенный им в мае 1975 г.: «Всемерно бороться за создание мощного военно-морского флота». Поставлена задача — создать такой флот, который был бы способен не только прикрывать побережье КНР, но самостоятельно действовать на широких просторах Мирового океана.

Китайские военные круги требуют «добиться того, чтобы у нас было все, что есть у противника, чтобы у нас было и то, чего нет у противника»². Они настаивают на развитии и совершенствовании оружия массового уничтожения. По сообщению агентства Франс Пресс, летом 1977 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа в одном из выступлений говорил, что Китай активно собирает материал о нейтронной бомбе и, если потребуется, создаст специальную научно-исследовательскую организацию для дальнейших работ в этой области. Председатель Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньин опубликовал статью, где указывал: «...мы должны, берясь за установки «упорядочить армию» и «готовиться воевать» как за решающее звено, использовать время, чтобы наладить армейское и оборонное строительство... Мы хотим создать современную оборону, развивать военную технику, усовершенствовать оружие и оснащение армии...»³

¹ «Цзефанцзюнь бао», 20. VI. 1977.

² «Жэньминь жибао», 6, VIII. 1977.

³ «Жэньминь жибао», 15. III. 1978.

ПРОТИВ РАЗРЯДКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ, ЗА ГОНКУ ВООРУЖЕНИЙ

Китайский философ и государственный деятель Шан Ян, живший в IV веке до н. э., писал: «Иметь многочисленное население и не использовать его — все равно что не иметь населения». «Сильных надо сломить, красноречивых — заставить прикусить языки, — советовал он. — Путь к богатству и знатности должен идти только через ворота войны». «Только тот, кто сумеет привить народу любовь к войне, добьется господства в поднебесной». Из этого и подобных постулатов исходят нынешние китайские руководители.

В Пекине считают, что в условиях, близких к «холодной войне», и безудержной гонки вооружений удобнее осуществлять план милитаризации КНР и более вероятным является конфликт между СССР и США. Отсюда и крайне негативный, а зачастую провокационный характер позиции Пекина по коренным проблемам современности. Не случайно в лексиконе китайских дипломатов разрядка и разоружение именуются «ложными», «пресловутыми».

В июле 1972 г. Чжоу Эньлай заявил, что в современных условиях «не может быть и речи о разоружении»¹. 24 октября представитель КНР в ООН сказал во время прений по вопросам разоружения: Китай «против изображения разоружения как крайне актуального вопроса и общих чаяний народов»². Министр иностранных дел КНР на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи утверждал, что «говорить о всеобщем разоружении просто глупо»³. На XXXII сессии Генеральной Ассамблеи китайские представители пошли еще дальше, назвав проблему всеобщего и полного разоружения «чистым обманом»⁴.

За восемь лет пребывания в ООН Китайская Народная Республика не выступила ни с одним конструктивным предложением по упрочению мира. Пекин цинично, с высокомерным пренебрежением относится к международному праву, заявляя, что «соглашения и право являются не чем иным, как пустыми документами». Он считает необязательными

¹ «Жэньминь жибао», 18. VII. 1972.

² «Жэньминь жибао», 27. X. 1972.

³ «Жэньминь жибао», 3. X. 1973.

⁴ Документ ООН A/32/PV.13 от 30. IX. 1977, стр. 53.

для себя многосторонние, универсальные, направленные на поддержание мира международные соглашения, под которыми не стоит подпись КНР. Китайские лидеры противятся международно-правовому признанию принципа неприменения силы в отношениях между государствами. Китай не подписал ни одного международного соглашения по ограничению гонки вооружений, особенно оружия массового уничтожения. Он выступил против разработанного на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН определения агрессии.

Все это лишний раз говорит о том, что пекинское руководство вне зависимости от того, кто находится у кормила власти — Мао Цзэдун с Чжоу Эньлаем, «банда четырех» или нынешние лидеры Китая, — всегда выступало и выступает против самой идеи разоружения.

Новое китайское руководство заявляет, что сохраняет верность внешнеполитической линии Мао Цзэдуна. Последний же не скрывал своих замыслов по перевооружению КНР и связи его с внешней политикой Пекина. «Говорят, — заявлял Мао, — Китай миролюбив. Неправда. На самом деле Китай любит драться» (из беседы с Х. Капо и Б. Балуку 3 февраля 1967 г.)¹. И столь посвященный в свое время в планы китайского руководства человек, как журналист Эдгар Сноу, тоже отмечал, что Мао Цзэдун хотел бы «добиться гегемонии Китая в его традиционной культурно-политической сфере влияния в Восточной Азии»². Ведущееся в приграничных районах войнше строительство вместе с милитаризацией населения лишний раз говорит о том, что «картографическая агрессия» Пекина в любой момент может вылиться в вооруженную провокацию против соседей.

Выдвигая положение «не разоружение, а укрепление обороноспособности», пекинское руководство стремится подогреть гонку вооружений во всем мире и под шумок продолжить собственную программу наращивания наступательных вооружений. Противопоставление им обороноспособности и разоружения надуманно и лживо, поскольку разоружение не лишает народы, как утверждает Пекин, «права на самооборону против агрессии, на достижение национальной независимости». Это право не только предусмотрено статьей 51 Устава ООН, но и полностью учитывается как составной элемент в предложениях Совет-

¹ Цит. по: «О чем умалчивают в Пекине». М., 1972, стр. 55.

² «New Republic», 10. V. 1969, p. 20.

ского Союза по тем или иным аспектам проблемы разоружения. В письме министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на имя генерального секретаря ООН по вопросу о заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях подчеркивалось: как предусматривает проект договора, «любое государство, подвергнувшееся агрессии, может в полном соответствии со своим правом на индивидуальную и коллективную самооборону, закрепленным в статье 51 Устава ООН, оказать отпор такой агрессии и вести борьбу за ликвидацию ее последствий»¹.

Пекин, заявляя, что разоружение-де «должно начаться с разоружения двух сверхдержав», опять-таки преследует цель вывести себя «за рамки» обязательств по разоружению. Это подкрепляется его назойливым стремлением причислить себя к «третьему миру», страны которого, а значит, и КНР должны, когда «две сверхдержавы» начнут, по замыслам пекинских правителей, разоружаться, наращивать свои вооружения в целях «укрепления обороноспособности». Одновременно Китай заявляет, что и разоружения «двух сверхдержав» невозможно добиться, ибо они «соперничают друг с другом» и стремятся «выиграть время у другой стороны и ввести в заблуждение мировую общественность»².

В ходе XXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где впервые присутствовала делегация КНР после восстановления ее прав в ООН, китайские представители с ходу попытались опорочить предложение Советского Союза о созыве Всемирной конференции по разоружению, клеветнически утверждая, будто оно «не отвечает чаяниям народов различных стран». Когда же проект соответствующей резолюции о созыве такой конференции был поставлен на голосование, глава делегации КНР заявил: «Китай не будет принимать участия в голосовании и не возьмет на себя никаких обязательств в отношении результата голосования»³.

Однако, учтя поддержку идеи созыва конференции многими государствами, особенно развивающимися, КНР стала лавировать. Так, на XXVII сессии ее делегация вначале заняла резко негативную позицию, заявив, что «луч-

¹ «Правда», 31 мая 1977 г.

² Документ ООН A/C.1/32/PV.47 от 29. XI. 1977.

³ Сборник «Народы всего мира, сплывайтесь и боритесь за полное запрещение и полное уничтожение ядерного оружия». Пекин, 1971, стр. 13, 19 (на русск. яз.).

ше не проводить конференции», ибо она «не имеет необходимых предпосылок и ясной цели», к тому же от нее будет «больше вреда, чем пользы»¹. Эта позиция не получила одобрения в ООН, и, чтобы не оказаться в одиночестве, китайская делегация все же проголосовала за резолюцию о создании специального комитета для рассмотрения всех мнений и предложений правительств различных стран относительно Всемирной конференции по разоружению и даже согласилась поддерживать с ним контакты. А в заявлении, направленном китайской делегацией генеральному секретарю ООН 9 января 1973 г., было сказано, что Пекин не только отказывается «принять участие в его (комитете. — М. К.) работе», но и «решительно выступает против насильственного [!] сохранения мест для Китая или любых других стран, которые не намерены принять участие в работе специального комитета»². На XXX сессии Генеральной Ассамблеи делегат Пекина вновь заявил, что КНР «решительно выступает против» созыва конференции.

Китай сначала занял отрицательную позицию и в отношении специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. В связи с этим представляет интерес следующее. Кое-где бытует мнение — и китайские представители в ООН всячески поддерживают его, — будто Китай выступает против предложения о Всемирной конференции по разоружению лишь потому, что это инициатива Советского Союза. Предложение о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи было выдвинуто развивающимися странами и подтверждено на V конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г. И выступление Пекина против него еще раз подчеркивает сугубо obstructивный, негативный характер его позиции по проблемам разоружения вообще.

Выступления представителей КНР по вопросу о созыве специальной сессии были приправлены большими дозами лицемерия. В Первом комитете на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 декабря 1976 г. представитель КНР заявил: «Мы вполне понимаем доброе желание и справедливое требование стран «третьего мира» и других миролюбивых стран». Но тут же подверг резкой критике предложение неприсоединившихся стран о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи, утверждая, будто

¹ «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

² «Жэньминь жибао», 11. I. 1973.

оно... инспирировано Советским Союзом как обходный маневр для созыва Всемирной конференции по разоружению, как «составная часть коварного плана мнимой разрядки и мнимого разоружения»¹.

Китай не только не участвовал как великая держава в работе подготовительного комитета по специальной сессии, но и явно демонстрировал великодержавно-пренебрежительное отношение к усилиям членов комитета. В канун XXXII сессии Генеральной Ассамблеи примерно 50 государств в письмах на имя генерального секретаря ООН высказали свои соображения. Пекин не снизошел до такой принятой в дипломатии формы, как ответное письмо. Через своего представителя в ООН он заявил, что его позиция изложена в выступлении делегата КНР на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи и что тот, кто хочет ознакомиться с ней, пусть-де смотрит архивы. На XXXII сессии китайский представитель повторил, что КНР «не присоединится к консенсусу», и отказался принять участие в голосовании за проект резолюции о созыве специальной сессии, соавторами которого были 58 стран².

Занимая столь обструкционистскую и, по существу, беспринципную позицию по отношению к международным форумам, посвященным проблемам разоружения, китайское руководство в то же время пыталось создать видимость «конструктивного подхода» к поискам путей и форм такого обсуждения. Представители Пекина то вспоминали о содержавшемся в заявлении правительства КНР от 16 октября 1964 г. предложении «созвать совещание глав государств мира для обсуждения вопроса о полном запрещении и полном уничтожении ядерного оружия»³, то заявляли (например, на XXX сессии Генеральной Ассамблеи), что Всемирная конференция по разоружению должна иметь ясную цель: «полное запрещение и тщательное уничтожение ядерных вооружений»⁴, то указывали, что не будут рассматривать вопрос о ядерном разоружении «за спиной многочисленных неядерных стран»⁵. При этом пекинские лидеры пытались представить дело так, будто Советский Союз и другие страны противятся данным предложениям.

¹ «Жэньминь жибао», 3. XII. 1976.

² Документ ООН A/C.1/32 PV. 38 от 18. XI. 1977, стр. 32—33.

³ «Жэньминь жибао», 17. X. 1964.

⁴ Документ ООН A/PV. 2363 от 26. IX. 1975, стр. 57.

⁵ Документ ООН A/C. 1/32 PV. 38 от 29. XI. 1977, стр. 14—15.

Но Пекин ломился в открытую дверь. Еще в послании Председателя Совета Министров СССР от 28 декабря 1964 г. премьеру Государственного совета КНР указывалось, что предложение китайского правительства (от 16 октября 1964 г.) «соответствует и линии Советского правительства» и что оно «готово принять участие в международном совещании глав государств для обсуждения вопроса о полном запрещении и полном уничтожении ядерного оружия»¹. Советская инициатива о созыве Всемирной конференции по разоружению с участием всех без исключения стран — и ядерных и неядерных — предполагает обсуждение на этом форуме предложений всех стран, в том числе и КНР, и выработку таким путем реалистических и взаимоприемлемых решений. К тому же в советском предложении ясно подчеркивалось, что первоочередное внимание на конференции можно было бы уделить вопросам запрещения и ликвидации ядерного оружия.

Упор на постановку вопроса о «полном запрещении и полном уничтожении» ядерного оружия призван, по расчетам Пекина, показать, будто китайское правительство проявляет интерес к самому актуальному аспекту проблемы разоружения. Но не может не броситься в глаза следующее. Во-первых, за 15 лет, прошедших после опубликования заявления правительства КНР от 16 октября 1964 г., оно не внесло ни одного конкретного предложения в развитие положений заявления и делало все, чтобы отдалить решение проблемы полного запрещения и уничтожения ядерного оружия. Во-вторых, созыв и предлагаемого Китаем совещания глав государств, и Всемирной конференции по разоружению Пекин обставляет такими условиями, которые лишь способны сорвать проведение любого международного форума по разоружению, особенно ядерному. И наконец, китайское руководство настаивает на том, чтобы не поднимать вопроса о сокращении обычных вооружений, либо дает понять, что такое разоружение не должно относиться к их стране. Отрицательная позиция делегации КНР при обсуждении в ООН советского предложения о неприменении силы в международных отношениях и о запрещении навечно применения ядерного оружия показала, что больше всего китайских руководителей не устраивает тесная взаимосвязь первого обязательства со вторым, ибо такая взаимосвязь,

¹ «Правда», 4 января 1965 г.

ставящая в равные условия все государства — большие и малые, сильные и слабые, обладающие ядерным оружием и не располагающие им, — является серьезной преградой на пути экспансионистских планов Пекина. А он хотел бы иметь свободу рук для провокаций на мировой арене с применением обычного оружия. Другими словами, речь идет о попытках обеспечить Китаю односторонние преимущества, вытекающие из больших потенциальных возможностей для ведения неядерной войны в условиях огромных людских ресурсов.

Понимая, что от самой насущной проблемы современности не отмахнуться, китайские лидеры в бескомпромиссном плане выдвигают предварительные условия как решения проблемы разоружения, так и своего участия в решении.

Еще в заявлении правительства КНР от 16 октября 1964 г. в качестве первого шага предлагалось «достичь соглашения о том, что страны, которые уже овладели ядерным оружием, и страны, которые могут в скором времени овладеть им, берут на себя обязательство не применять ядерного оружия, не применять его в отношении неядерных стран, не применять его в отношении безъядерных зон, не применять его также между собой». Эти условия претерпели за последние годы немало изменений. В заявлении правительства КНР от 30 июля 1971 г. вопрос ставился уже в такой плоскости: не все ядерные державы, а только США и СССР должны «публично взять на себя обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не применять первыми ядерного оружия, ликвидировать все расположенные на чужих территориях ядерные базы и вывезти в пределы своей страны находящиеся на чужих территориях запасы ядерного оружия и войска, оснащенные ядерным оружием». Китай выводился за рамки соответствующих обязательств. Равно не было и речи о государствах, которые могли «овладеть в скором времени ядерным оружием», ибо китайское руководство стало еще настойчивее проводить мысль: чем больше ядерных государств, тем лучше. Чувствуя уязвимость такой постановки вопроса, в 1972 г. (когда состоялась XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН) оно вернулось к формуле о том, чтобы все ядерные страны взяли на себя соответствующие обязательства, хотя и подчеркивало, что в первую очередь это относится к США и СССР.

Китайские власти всячески изворачиваются, чтобы не брать на себя никаких обязательств о прекращении испы-

таний ядерного оружия. Еще на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель КНР в Первом комитете заявил: «Китай готов прекратить свои ядерные испытания в любое время, но это может произойти только в тот день, и не раньше, когда сверхдержавы полностью запретят и полностью уничтожат свое ядерное оружие»¹. Это не что иное, как попытка обеспечить ядерное превосходство Китая: ядерные державы уничтожают свои запасы, а Пекин лишь прекращает испытания, сохраняя в целости накопленный арсенал средств массового уничтожения.

Лживость и лицемерие китайских требований вскрывают и другие факты. Как известно, в ноябре 1976 г. Организация Варшавского Договора выдвинула предложение о заключении странами — участниками совещания в Хельсинки договора о неприменении первыми ядерного оружия друг против друга. Пекин, который 10 с лишним лет требует от других взять обязательства не применять ядерного оружия первыми, поспешил объявить инициативу социалистических стран «новым трюком»² и с удовлетворением отметил, что страны НАТО «с порога» отвергли ее.

Считая наращивание ядерного потенциала основным средством достижения своих великодержавных целей, китайские руководители выступают против запрещения любых средств массового уничтожения, будь то ядерное, химическое, бактериологическое оружие или же новые виды и системы средств массового уничтожения. Суть этой политики: как только удастся добиться насыщения Китая ядерным оружием в результате гонки его производства, прикрываемой разговорами о «самообороне», тогда «можно будет двинуться дальше к уничтожению ядерного оружия». До тех пор, пока у него «очень мало ядерного оружия», Пекин не согласится ни на какие меры в области сокращения вооружений. И КНР — не скрывают ее представители в ООН — будет противиться всем и всяким подобным мерам, ибо они могут «лишь помешать развивать свой ядерный потенциал»³.

Разумеется, наиболее радикальным и эффективным средством предотвращения мировой войны явилась бы полная ликвидация ядерного оружия. Советский Союз выступает за это с того момента, когда над миром выросли

¹ Документ XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН А/С.1/PV. 2095, стр. 37; Документ XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН А/С.1/31/PV. 43 от 26.XI.1976, стр. 44—45.

² «Жэньминь жибао», 23. XII. 1976.

³ «Жэньминь жибао», 5. X. 1972.

первые зловещие силуэты «атомных грибов». «Мы и сейчас, — подчеркивал А. А. Громыко на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи, — подтверждаем нашу готовность в любое время сесть за стол переговоров со всеми другими ядерными державами для того, чтобы рассмотреть проблему ядерного разоружения во всем ее объеме и сообща разработать конкретные пути ее практического решения»¹. Но пока таких переговоров — и не по нашей вине — нет. Однако сидеть сложа руки нельзя. Здесь хороши любые шаги, лишь бы они приближали — пусть даже на немного, пусть постепенно, но неуклонно — к полному устранению угрозы ядерного конфликта.

С трибуны Генеральной Ассамблеи китайская делегация сразу же после своего появления в ООН стала призывать к глобальной атомной гонке. В своей первой речи по проблемам разоружения 24 ноября 1971 г. делегат Киптая заявил, что «в отсутствие полного запрещения и полного уничтожения ядерного оружия нет возможности ожидать, что другие страны, которые подвергаются угрозам со стороны двух ядерных держав, не будут развивать ядерное оружие в целях самозащиты»². Дальше — больше. Со следующей, XXVII сессии Генеральной Ассамблеи — и до сих пор — под тем же надуманным предлогом об «угрозе ядерных сверхдержав» китайский представитель начал выступать за развитие ядерного потенциала, или «ядерной обороноспособности», теми странами, которые «располагают небольшим количеством ядерного оружия или вообще не имеют такового»³.

Другими словами, позиция Пекина состоит в том, что о ядерном разоружении можно разговаривать только тогда, когда все ядерные державы накопят равные по мощи арсеналы, а неядерные создадут «свой оборонительный ядерный потенциал». Это явный абсурд, поскольку гонка ядерных вооружений при таком подходе может продолжаться бесконечно, со всеми вытекающими экономическими, политическими и военными последствиями. Обеспечить стабильность в международных делах при полном равноправии государств может не продолжение гонки, к чему всемерно подталкивает Пекин, а эффективные

¹ «Правда», 28 сентября 1977 г.

² «Жэньминь жибао», 25. XI. 1971.

³ «Жэньминь жибао», 5. X. 1972; Документы XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН А/С.1/31/PV.43 от 26. XI. 1976, стр. 44—45; XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН А/С.1/32/PV.47 от 29. XI. 1977, стр. 13.

меры в направлении полной ликвидации ядерных арсеналов всех обладающих ими государств, что предусматривается соответствующими советскими предложениями, резолюциями Организации Объединенных Наций, поддерживаемыми большинством членов ООН.

Учитывая общие настроения государств — членов ООН, КНР вынуждена была принять участие в специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению (май — июнь 1978 г.). При этом китайские представители пытались доказать, что раз была специальная сессия, то вовсе не нужна Всемирная конференция по разоружению. На сессии Пекин старался проявить внешне «конструктивный», а на деле негативный подход. Его представитель Хуан Хуа утверждал, что многие страны «третьего мира» «не имеют достаточных возможностей для самообороны, нуждаются в усилении их национальной обороны» и поэтому они «не должны сокращать» никакого оружия, «не следует питать иллюзий относительно разоружения». Он доказывал, будто разрядки не существует, а советско-американские переговоры — «преднамеренный обман». Хуан Хуа подтвердил прежнюю китайскую позицию — «все или ничего». Он предъявил следующие ультимативные требования к СССР и США:

1) заявить, что они никогда и ни при каких обстоятельствах не будут угрожать ядерным оружием или применять его против стран, не обладающих ядерным оружием, и зон, свободных от ядерного оружия;

2) вывести все размещенные за границей вооруженные силы и не направлять вооруженные силы любого рода в другие страны, ликвидировать все свои военные и полувосенные базы на иностранных территориях и не стремиться к созданию новых баз;

3) прекратить гонку ядерных и обычных вооружений и приступить к поэтапному уничтожению своих ядерных вооружений и значительно сократить свои обычные вооружения;

4) не размещать больших контингентов войск и не проводить военных учений вблизи границ других стран, не совершать военных нападений, в том числе внезапных нападений, на другие страны ни под каким предлогом;

5) не экспортировать оружия в другие страны в целях установления над ними своего контроля, или разжигания войны, или подстрекательства к войне».

И дальше: «После достижения основного прогресса в деле уничтожения ядерных вооружений сверхдержав и

сокращения их обычных вооружений за ними должны последовать другие ядерные государства и уничтожить все ядерное оружие». В том же духе выдержаны предложения, внесенные Китаем на первой сессии Комиссии ООН по разоружению в мае 1979 г.

Значит, пусть разоружаются остальные, а Китай будет действовать в качестве верховного судьи и вооружаться. Фальшь его позиции и в другом. На XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи Китай выступил против советского предложения заключить международную конвенцию об укреплении гарантий безопасности неядерных государств. Хуан Хуа заявил на сессии 28 сентября 1978 г., что это советское предложение «фактически имеет своей целью связать многочисленные средние и малые страны по рукам и ногам и лишить их способности к самообороне». А ведь не раз, в том числе на специальной сессии по разоружению, китайские представители призывали взять обязательства не применять ядерного оружия против стран, не обладающих таким оружием. Это лишний раз показывает, что для Пекина главное — не допустить никаких соглашений о разоружении.

ПЕКИН — ПРОТИВ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ставкой на войну и стремлением не допустить оздоровления международной обстановки объясняется противодействие мерам по укреплению безопасности и развитию сотрудничества в Европе, а также идее безопасности в Азии на основе усилий государств этого континента.

С середины 60-х годов Пекин занял резко отрицательную позицию в отношении предложений социалистических стран, призванных перевести дело европейского урегулирования на практические рельсы, обеспечить реальные предпосылки для создания системы коллективной безопасности и развития сотрудничества стран Европы. Злобным нападкам были подвергнуты документы встреч руководителей социалистических государств и коммунистических партий Европы, на которых были разработаны предложения об укреплении мира и безопасности на континенте. Пропаганда КНР усмотрела в решениях, принятых на встрече представителей коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах (апрель 1967 г.), намерение «сколотить контрреволюционный «священный союз»,

подавить революционное движение в Европе, стабилизировать порядок в капиталистическом мире»¹. Выступление против программы европейского урегулирования «оправдывалось» демагогическими и клеветническими рассуждениями о стремлении Советского Союза, других социалистических стран «выкинуть в дальнейшем антикитайскую, антикоммунистическую и антинародную комбинацию»².

Руководство КНР приложило немало усилий, чтобы опорочить саму идею созыва общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, с которой выступили Советский Союз и другие социалистические государства. В 1969 г. заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь представил инициативу социалистических стран как попытку «разделить с американским империализмом сферы влияния, контролировать и поработать Восточную Европу». Пекин стремился сорвать созыв общеевропейского совещания, клеветнически называя его -- как, например, сказал глава делегации КНР на XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 г. — «совещанием по небезопасности в Европе». Вопреки этим проискам, совещание начало свою работу.

Большие усилия прилагала пекинская дипломатия, чтобы помешать успешному ходу общеевропейского совещания. Китайские лидеры пытались поставить под сомнение истинные цели социалистических государств, убедить западные державы в том, что для них якобы «опасны» соглашения, ведущие к признанию современных политических реальностей и утверждению принципа мирного сосуществования. Пропаганда КНР стала поддерживать определенные круги при выдвижении ими требований, особенно в вопросе обмена людьми и информацией, которые по замыслам противников разрядки могли затормозить выработку общеприемлемых документов к третьему этапу совещания.

В ходе реализации разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира, в ряде двусторонних договоров между будущими участниками общеевропейского совещания, принадлежащими к различным социально-экономическим системам, были закреплены такие принципы, как нерушимость границ и полное исключение территориальных претензий одних государств к другим, неприменение силы или угрозы ею, решение межгосударственных спо-

¹ «Жэньминь жибао», 11. IX. 1969.

² Там же.

ров исключительно мирными политическими средствами, мирное сосуществование государств двух социальных систем и т. д. На очередь встала задача закрепления этих принципов в международно-правовом порядке на многосторонней, общеевропейской основе. Вот это-то и раздражало маоистов, поскольку еще более ограничивало их попытки раздуть в провокационных целях, ради обострения напряженности территориальные споры в Европе и за ее пределами. Еще в 1964 г. в беседе с группой японских социалистов Мао Цзэдун откровенно высказал сомнение относительно границ, сложившихся в Европе в результате второй мировой войны, и призвал к их изменению. В декабре 1969 г. «Жэньминь жибао» сокрушалась по поводу того, что идея европейской безопасности имеет целью «сохранение статус-кво в Европе».

Такая позиция явилась одной из важнейших причин нападок Пекина на договор между СССР и ФРГ, который содержит, в частности, положения об обязательном в международно-правовом плане признании существующих в Европе границ, прежде всего границы по Одру — Нейсе и границы между ГДР и ФРГ. «Жэньминь жибао» поместила статью, изображающую договор как «предательство интересов германского народа, советского народа и народов всей Европы», «величайший обман», «поощрение западногерманского милитаризма»¹ и т. д. Аналогичным образом Пекин «расценил» и четырехстороннее соглашение по Западному Берлину².

Занимая негативную позицию в отношении договоров СССР, Польши и ЧССР с ФРГ, между ГДР и ФРГ, в отношении четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, китайское руководство, потерпев неудачу в попытках их срыва, стало выискивать другие вопросы для осложнения отношений социалистических стран с ФРГ, для создания новых завалов на пути к международно-правовой фиксации принципа нерушимости границ. Маоисты акцентировали внимание на «ненормальности разделения Германии», подпевая тем, кто выступает за «единую немецкую нацию». В октябре 1972 г. министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй на приеме в честь В. Шееля, занимавшего в то время пост министра иностранных дел ФРГ, заявил: «Несмотря на то, что уже прошло 27 лет после завершения второй мировой войны, все еще не под-

¹ «Жэньминь жибао», 13. IX. 1970.

² «Жэньминь жибао», 9. IX. 1971.

писан мирный договор с Германией, и два германских государства продолжают существовать в ненормальных условиях».

Тезис о «единой германской нации», которую якобы олицетворяет ФРГ, был высказан заместителем премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопином во время приема в Пекине в начале сентября 1974 г. лидера западногерманской оппозиции Г. Коля.

В Пекине учитывали, что наличие в ФРГ и на Западе определенных сил, исходящих из «перешенности» германских дел, таит возможность возникновения взрывоопасной ситуации. А она может привести к резкому усилению международной напряженности, отвечающей долговременной антисоциалистической стратегии Пекина. При этом маоисты старались активизировать деятельность откровенно реваншистских кругов ФРГ, требующих пересмотра итогов второй мировой войны, и в частности послевоенных границ в Европе, уверяли в поддержке их планов восстановления германской империи в границах 1937 г. В то самое «время, когда живущие прошлым круги ФРГ упорно оспаривают реальность существования двух суверенных, независимых друг от друга государств», — подчеркивал Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, — китайские руководители подхватывают реваншистские лозунги о так называемом дальнейшем существовании «единой немецкой нации», о якобы имеющейся «необходимости заключения мирного договора с Германией» и «воссоединении германского народа». В Пекине поют в унисон с теми, кто хотел бы «держат германский вопрос открытым», чтобы использовать его в качестве запала для новых конфликтов в Европе»¹.

КНР форсировала процесс установления дипломатических связей с теми западноевропейскими государствами, с которыми их не было. В 1971 г. были установлены отношения с Австрией, Бельгией, Исландией, в 1972 г. — с Грецией, Люксембургом, Мальтой, ФРГ и в 1973 г. — с Испанией. В 1972 г. был повышен до уровня посольств статус дипломатических представительств Англии и Нидерландов.

Поворот китайского руководства в сторону сближения с Западной Европой выходил далеко за рамки обычного процесса развития межгосударственных отношений. Открывшиеся в результате этого каналы использовались Пе-

¹ «Правда», 7 октября 1973 г.

кином прежде всего для воздействия на правящие круги этих стран в нужном для него направлении.

Пекин хотел бы видеть в Западной Европе силу, которая оказывала бы политическое и военное давление на СССР с западного фланга, облегчая тем самым Китаю проведение экспансионистской политики и установление гегемонии в Азии. Эта линия была сформулирована руководителями КНР еще в 1970 г., когда начали раскрываться истинный смысл и направленность китайского тезиса о борьбе против «двух сверхдержав», пришедшего на смену маоцзэдуновской схеме о так называемых «промежуточных зонах». Если раньше Пекин рассматривал Западную Европу как «объект угнетения со стороны США», а затем стал ставить знак равенства между политикой СССР и США, то с 1970 г. его усилия фактически концентрировались на том, чтобы вызвать противоборство Западной Европы с СССР.

Пекинские лидеры выступили теперь за сохранение американского военного присутствия в Западной Европе и усиление ее военного союза с США. Об этом недвусмысленно заявил Чжоу Эньлай в июле 1972 г. при встрече с американскими сенаторами Х. Богсом и Д. Фордом. Тот же Чжоу Эньлай незамедлительно отреагировал на предложение Г. Киссинджера о «новой атлантической хартии», заявив в июне 1973 г., что «не усматривает никаких причин отвергать этот план, если он направлен на объединение тех, кто придерживается одинаковых мнений относительно обуздания экспансионистской политики Советского Союза».

Обоснованию политики «сдерживания» СССР на Западе служили маоистские вымыслы об «угрозе Китаю с Севера». Тема о «советской угрозе» была неизменным компонентом всех переговоров китайских руководителей с представителями западных стран и, по определению премьер-министра Канады П. Трюдо, являлась «центральной проблемой китайской внешней политики». Пекином распространялись клеветнические измышления о том, что в случае разрядки напряженности между Востоком и Западом «советские войска придут на северную границу Китая», успят давление на него и даже нанесут «превентивный удар». Когда же в западноевропейских странах ни одна из этих лживых версий не была воспринята серьезно, Чжоу Эньлай обрушился на них с упреками, заявив на X съезде КПК, что «Запад только и думает, как бы повернуть советский ревизионизм на Восток, обратить

это зло в сторону Китая, чтобы на Западе было спокойно»¹.

Пекинские лидеры настолько запутались в своих измышлениях, что, забывая, о чем говорили вчера, выступали каждый раз с новыми версиями. Сначала они заявляли, что Советский Союз «угрожает» Китаю, затем — готовится «нанести удар в двух направлениях» — по Китаю и Западной Европе и, наконец, СССР «угрожает больше Западной Европе, чем Китаю»². Заместитель премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопин, беседуя в январе 1974 г. с делегацией либерально-демократической партии Японии, заявил, будто СССР только делает вид, что его мировая стратегия направлена на Восток. На самом деле ее целью является Запад. «Советская агрессия направляется в первую очередь против Западной Европы», — убеждал он Г. Коля в сентябре того года.

В этой связи характерно, что с начала 1974 г. тезис о внезапном нападении на КНР со стороны Советского Союза был приглушен во внешнеполитической пропаганде Пекина. Китайские лидеры взяли на вооружение антикоммунистический вымысел о «советской угрозе Западу», поэтому подчеркивание «угрозы Китаю» вступало в противоречие с их попытками сорвать процесс улучшения отношений СССР с западными державами, остановить успешный ход разрядки в Европе. Отталкиваясь от тезиса о «советской угрозе Западу», маоисты предупреждали капиталистические страны о необходимости быть «сильными» и «бдительными», не принимать предложений социалистических стран, направленных на разрядку напряженности на Европейском континенте. Они дошли даже до утверждений о неизбежном и скором военном столкновении между Советским Союзом и западноевропейскими странами. По сообщению английской газеты «Таймс», Дэн Сяопин заявил делегации западногерманской молодежи, посетившей КНР в апреле 1974 г., что «война в Европе неизбежна», «она только временно откладывается»³. В мае 1975 г. Дэн Сяопин отправился во Францию, чтобы выяснить настроения в Западной Европе, а заодно попытаться осложнить созыв общеевропейского совещания. Рассуждения о положении в Европе, выдержанные в антисоветском духе, не были поддержаны его собеседника-

¹ «X Всекитайский съезд КПК. Документы». Пекин, 1973, стр. 26.

² «Times», 6. IX. 1973.

³ «Times», 3. V. 1974.

ми. Правительство Франции подтвердило свой курс на разрядку.

В превращении Западной Европы в самодовлеющую политическую, экономическую и военную единицу китайские лидеры видели альтернативу общеевропейскому сотрудничеству. Подхватив реакционный лозунг «Европа для европейцев»¹, они солидаризировались с тезисом определенных кругов на Западе «о создании Европы для европейцев, независимой от двух сверхдержав — Соединенных Штатов и Советского Союза»², и тем самым хотели противопоставить одни европейские государства другим.

Целям сохранения раскола Европы подчинена и активно протаскивавшаяся Пекином идея создания микро-европейских объединений, различных группировок в виде «средиземноморского альянса», «балканской группы» и т. д. «Возникает подозрение, — отмечала газета «Берлинер цайтунг», — что активность Китайской Народной Республики, проявленная в последнее время, служит цели сколотить на Балканах блок против социалистических стран. Так как отношение Пекина ко всем политическим силам мира диктуется исключительно собственным стремлением к господству, то и нынешние усилия на Балканском полуострове следует рассматривать как часть великодержавного шовинизма группы Мао... Цель этой политики — вбить клин между странами социализма, добиться разногласий»³.

Пекин изменил свое критическое отношение к ЕЭС. ««Общий рынок» как первый шаг на пути к самостоятельности Европы, возможно, является положительным фактом», — заявил премьер Госсовета КНР в конце 1971 г.⁴ «Новая обстановка в Западной Европе, — писал «Пекин ревью» в связи с вступлением Англии в ЕЭС, — явится серьезным препятствием для Соединенных Штатов и Советского Союза в проведении их политики гегемонии в Европе». В «сплоченной» вокруг «Общего рынка» Западной Европе китайское руководство видело силу, противостоящую СССР, другим социалистическим странам, рычаг, с помощью которого можно было бы подорвать борьбу за оздоровление обстановки на континенте и во всем мире.

Пекин стремился также помешать странам «Общего рынка» развивать взаимовыгодное сотрудничество с со-

¹ «Жэньминь жибао», 16. VII. 1971.

² «Жэньминь жибао», 25. VI. 1971.

³ «Berliner Zeitung», 20. VIII. 1971.

⁴ «Avanti!», 20. XI. 1971.

циалистическими государствами. Чтобы облегчить подрывную работу против социалистического содружества, правительство КНР стало зондировать возможность аккредитования своего представителя при ЕЭС в Брюсселе. Сообщая о том, что Китай скоро признает ЕЭС, югославская газета «Политика» констатировала, что он сделает это «из-за стремления использовать ЕЭС в качестве противовеса» Советскому Союзу. В установлении прямых контактов со странами «Общего рынка» играла важную роль и заинтересованность в получении от западноевропейских стран научно-технической информации, материалов и оборудования стратегического назначения для наращивания военно-промышленного потенциала КНР.

Китайские власти настойчиво внушали западноевропейским политикам мысль о том, что они не добьются своих целей, если будут ограничиваться сотрудничеством только в экономической и политической областях, что «тенденция к укреплению сотрудничества и единства Западной Европы» должна распространяться и на военную область. Чжоу Эньлай в октябре 1973 г. открыто высказался за то, чтобы «НАТО и Западная Европа оставались сильными», объявив, что НАТО — это «оборонительный союз против ставшего агрессивным Варшавского Договора». В ходе визита лидера английских консерваторов Хита в КНР в мае 1974 г. Чжоу Эньлай торопил с реализацией идеи о «совместной организации обороны Западной Европы в рамках НАТО»¹. «Философия китайской внешней политики до грубости проста, — отмечала западногерманская газета «Нойе Рейн-цайтунг». — То, что полезно русским, — плохо, а то, что им вредит, — хорошо. Значит, согласно этой схеме, НАТО — хорошо».

Успешное завершение общеевропейского форума означало полный провал усилий пекинских лидеров. Китайское руководство ответило наращиванием подрывной пропагандистской кампании, поставив своей задачей опорожить итоги совещания, вызвать у европейской и мировой общественности скептическое отношение к новым перспективам, воспрепятствовать дальнейшему углублению разрядки на основе принятых в Хельсинки решений. «Жэньминь жибао» утверждала: «Советскому Союзу нужна не безопасность и сотрудничество в Европе, а документ, который облегчил бы ему сокрытие его замыслов агрессии и экспансии... реализацию планов установления

¹ «Daily Telegraph», 30. V. 1974.

гегемонии в Европе»¹. Пекинская пропаганда заявляла, будто Заключительный акт не обладает юридической силой, является не более чем «пустой бумажкой», «макулатурой», «фиктивным документом», а потому совещание по безопасности (его название неизменно заключалось в кавычки) может дать Европе лишь мнимую «безопасность на бумаге»².

Под обстрелом прежде всего оказались десять принципов, которыми государства-участники обязались руководствоваться во взаимных отношениях. Не решаясь открыто возражать против этих принципов, китайская пропаганда попыталась умалить значение самого факта принятия их в качестве основополагающего межгосударственного «кодекса поведения». С точки зрения Пекина, включение этих принципов в Заключительный акт было «излишним», поскольку, мол, их выполнение и без того вытекает из соблюдения Устава ООН³. Вместо разработки принципов, поучали маоисты, совещанию следовало бы заняться обсуждением вопроса об «ожесточенной схватке сверхдержав в Европе и во всем мире».

Особенно злобным нападкам китайского руководства подвергся принцип нерушимости границ, ключевой в проблеме недопущения войны в Европе, закрепляющий в интересах мира итоги победы над фашизмом во второй мировой войне. Принятие такого принципа нанесло сильнейший удар по милитаристско-реваншистским силам, мечтающим о возрождении «германского рейха» в довоенных границах, а также и по тем, кто хотел бы использовать эти силы в целях нагнетания напряженности в Европе. Это и разозлило маоистов. Пекин заявил, что включение этого принципа в Заключительный акт закрепляет якобы превращение Восточной Европы в «сферу влияния», «сферу владычества» Советского Союза⁴. Такая позиция, свидетельствовавшая о попрании китайским руководством принципов социалистического интернационализма, была воспринята в странах социализма как прямой выпад против социалистического содружества.

Одновременно Пекин возражал и против того, что Заключительный акт оставил открытой возможность изменения границ мирными средствами, путем переговоров. По

¹ «Жэньминь жибао», 31. VII. 1975.

² Там же.

³ «Жэньминь жибао», 4. VIII. 75.

⁴ Там же.

утверждению китайской пропаганды, это опять-таки позволяет «сверхдержавам», «получая все, чего они хотят, продолжать схватку за Европу»¹. Между тем представители как Запада, так и Востока отмечали на совещании, что осуществление провозглашенных в Заключительном акте принципов послужит залогом прочного мира на континенте. «Соблюдая эти принципы, мы можем изгнать с нашего континента войну, вооруженные конфликты», — отметил в своем выступлении в Хельсинки Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар.

Зафиксированное в Заключительном акте согласие участников совещания заранее уведомлять друг друга о военных учениях и о крупных передвижениях войск Пекин подверг столь же безосновательной критике. «Никто не поверит, — с деланной наивностью писала «Жэньминь жибао», — что предупреждения о маневрах могут воспрепятствовать агрессивной войне»². Но никто из участников и не трактовал это положение как достаточное для предотвращения войны — его рассматривают как важный шаг, способствующий укреплению доверия в межгосударственных отношениях. Исключение войны из жизни народов — сложнейшая историческая задача, условием решения которой должна стать в первую очередь военная разрядка. Как известно, именно китайские руководители выступают в качестве последовательных противников военной разрядки, отказываясь присоединиться к международным соглашениям, направленным на разоружение, и другим мерам по укреплению международной безопасности.

Решения совещания о сотрудничестве в области экономики, науки и техники тоже восприняты с явным раздражением. Пекин подхватил клеветнические измышления западных противников разрядки, утверждающих, будто экономическое сотрудничество дает СССР односторонние преимущества и таким путем он рассчитывает «преодолеть свои экономические трудности и техническую отсталость»³.

И позже Пекин не раз возвращался к итогам общеевропейского совещания. Новый пропагандистский залп был приурочен к Белградской встрече представителей 35 государств — участников совещания. Агентство Синьхуа расценило ее как провалившуюся. Известно, что в ходе встречи

¹ «Жэньминь жибао», 4. VIII. 1975.

² Там же.

³ «Жэньминь жибао», 16. III. 1975; 4. VIII. 1975.

представители США и некоторых западноевропейских стран предприняли отчаянные попытки легализовать вмешательство во внутренние дела социалистических стран под видом заботы о правах человека. Им был дан отпор. СССР и другие страны выдвинули ряд предложений, касавшихся углубления разрядки, сдерживания гонки вооружений, проведения года европейской культуры, сотрудничества в области энергетики и транспорта. Итоговый документ Белградской встречи подтвердил необходимость осуществления всеми государствами договоренностей, достигнутых в Хельсинки; были намечены новые меры по развитию сотрудничества в Европе.

Столь враждебное отношение Пекина к перспективам углубления разрядки в Европе объяснялось, помимо всего прочего, боязнью, что «дух Хельсинки» окажет благоприятное воздействие на решение проблем безопасности и в других регионах мира, в частности в Азии. Эта мысль, неоднократно повторявшаяся в Хельсинки, присутствовала и во многих откликах с других континентов на работу совещания. Так, по мнению «Токио симбун», совещание «нельзя рассматривать в отрыве от обстановки в Азии, несмотря на то что условия, в которых находятся Европа и Азия, различны». Газета далее заявляла, что принцип изменения границ исключительно посредством переговоров должен уважаться и в Азии. В высказываниях такого рода китайское руководство усмотрело опасность своим гегемонистским планам в Азии, своей политике разжигания реваншистских антисоветских настроений в Японии.

Идея обеспечения безопасности на Азиатском континенте не нова. Еще в 30-х годах ее выдвигал Советский Союз, чтобы преградить путь войне в Азии и на Тихом океане. В 50-х годах СССР и КНР совместно предлагали заменить замкнутые военные группировки «системой коллективного мира и коллективной безопасности». Учитывая, что Азию все время лихорадят военные конфликты, Советский Союз в 1969 г. вновь заявил, что «ход событий выдвигает в порядок дня и задачу создания системы коллективной безопасности в Азии»¹.

Руководители КНР выступили против советского предложения: под флагом коллективной безопасности СССР-де пытается «окружить Китай», создать «новый антикитайский военный союз», вынудить азиатские страны «отка-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речь и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 413.

заться от своего суверенитета и независимости». По свидетельству корреспондента агентства Франс Пресс, Чжоу Эньлай в январе 1973 г. на встрече с группой японских парламентариев заявил: Советский Союз стремится «подчинить нас с помощью своей идеи азиатской системы безопасности». На проходившей в апреле 1973 г. в Токіо сессии ЭКАДВ глава китайской делегации Ань Чжюань всячески пытался опорочить предложение СССР о создании азиатской системы коллективной безопасности и представить дело таким образом, что положение в Азии и на Дальнем Востоке «далеко не спокойно», но это «все более благоприятно для народов». Такой подход полностью соответствовал установкам X съезда КПК, объявившего «колоссальные потрясения» в мире делом «хорошим, а не плохим». «Жэньминь жибао» в октябре 1975 г., отвергая идею коллективной безопасности в Азии, писала, что СССР, якобы не являющийся азиатской страной, хочет навязать систему коллективной безопасности и «осуществляет гегемонизм в Азии»¹.

Обращает на себя внимание такое обстоятельство. Пекинские политики и пропагандисты, не жалеющие сил, чтобы очернить идею азиатской коллективной безопасности, оставляют в стороне вопрос о ее сущности. Как известно, СССР считает целью создания системы коллективной безопасности в Азии искоренение войн и вооруженных конфликтов, империалистической агрессии, гарантирование каждой стране и народу условий для свободного развития и национального возрождения, установление межгосударственных отношений на принципах мирного сосуществования и добрососедского сотрудничества.

Однако всего того, что составляет саму суть советской инициативы, в Пекине предпочитают не касаться. Такое молчание говорит само за себя. Предложенные СССР принципы построения системы коллективной безопасности возникли не на пустом месте. Часть их соответствует принципам Бандунга и «панча шила», часть — основным положениям международных договоров, касающихся Азии. Более того, начала, на которых, по мнению Советского Союза, должна строиться безопасность в Азии, полностью отвечают нормам Устава ООН. К тому же они не повторяют, а углубляют эти общепризнанные (в том числе и КНР) императивные нормы. Практическая же деятельность Пекина и его планы несовместимы с ними.

¹ «Жэньминь жибао», 15. X. 1975.

«Колоссальные потрясения на земле», связываемые с перспективой третьей мировой войны, — вот на что маоисты хотели бы нацелить мир. Система коллективной безопасности явно мешала бы осуществлению планов нынешних лидеров Китая, в том числе в отношении Азии, особенно Юго-Восточной, которую они уже давно рассматривают в качестве своей «традиционной зоны влияния». Реализацию этих планов Пекин увязывает с нужным ему ростом напряженности на континенте, с борьбой за сферы влияния и пересмотр границ, в ходе которой он считает допустимым применение любых методов, вплоть до вооруженных, как это было во время агрессии Китая против Вьетнама в феврале — марте 1979 г. За нападкамп на идею создания безопасности в Азии коллективным усилием государств этого района пекинские лидеры тщательно прячут собственные гегемонистские амбиции, стремление доминировать на континенте. А это никоим образом не согласуется с принципом полного равенства всех азиатских стран, содержащимся в самой идее системы.

Показательно, что вслед за Пекином американский профессор Д. С. Загория безапелляционно утверждал, будто советская инициатива направлена на сдерживание Китая, а главной целью азиатской политики СССР является установление «санитарного кордона» вокруг КНР¹. А некий Ал. Байджел даже попытался доказать, будто предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии направлено против и КНР и США².

Такие утверждения китайских руководителей и апологетов империализма — плод необузданной фантазии. «Никто никогда не ставил, — сказал Л. И. Брежнев на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, — вопроса о неучастии и тем более о какой-то «изоляции» Китая (не говоря уже о том, что вообще смешно думать об «изоляции» такой большой страны). Что касается Советского Союза, то он приветствовал бы участие Китайской Народной Республики в мерах, направленных на укрепление азиатской безопасности»³.

Выступая против советской инициативы, империализм печется о собственных интересах, о своих базах в Азии, созданных для осуществления политики «разделяй и властвуй», подыгрывает антисоветизму китайских национали-

¹ «Foreign Affairs», January 1978, p. 306.

² «Military Review», February 1977.

³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1975, стр. 329.

стов. Тем же, кто определяет политику КНР, тоже не нужна система, которая призвана исключить войны и вооруженные конфликты, вмешательство в дела Индии, Бирмы, Бангладеш, Малайзии, Таиланда, Индонезии, других государств, гарантировать дух доверия и взаимопонимания в отношениях между странами, обеспечить равноправное — без каких-либо односторонних преимуществ — участие каждой из них в делах континента.

Конечно, могут высказываться разные соображения по поводу советской идеи безопасности в Азии. Но пока никто не предложил ничего лучшего. Несмотря на противодействие Пекина, эта идея привлекает к себе все больше внимания. Ее поддерживают МНР, СРВ, ЛНДР, НРК и ДРА, в ее пользу высказались Иран, ряд арабских стран. Советский Союз и Индия указали на особую важность развития взаимовыгодного сотрудничества, укрепления мира и стабильности в Азии, подчеркнули, что в основу межгосударственных отношений должны быть положены такие принципы, как отказ от применения силы или угрозы ее применения, уважение суверенитета, неприкосновенность границ, невмешательство во внутренние дела, широкое развитие сотрудничества в экономической и других областях на началах полного равноправия и взаимной выгоды¹.

Придет время, когда идея коллективной безопасности в Азии в той или иной форме будет воплощена в жизнь. У Азии нет иной альтернативы.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ² И ПОЗИЦИЯ ПЕКИНА

Стремлением осложнить отношения между государствами, рассорить их, завязать побольше гордиевых узлов характеризуется позиция руководителей Китая по таким важным проблемам, как выработка нового морского права, безопасность в бассейне Индийского океана и новый международный экономический порядок.

В последней четверти XX столетия Мировой океан служит объектом интенсивно развивающегося международного сотрудничества, его пространства и ресурсы активно

¹ См. «Правда», 28 апреля 1977 г.

² Морское право, безопасность в бассейне Индийского океана, новый международный экономический порядок.

вовлекаются в сферу мирового хозяйства и политики. Статистика достаточно красноречиво свидетельствует о его роли в жизни настоящего и будущих поколений. Запасы морской нефти и газа превышают 400 млрд. т, а объем их добычи составляет уже не менее 20% общемировой. На океанском дне находятся залежи железомарганцевых конкреций, содержащих никель, кобальт, марганец и медь. Сама морская вода представляет огромный резерв ценнейшего минерального и химического сырья будущего. Растущие потребности человечества в белковом сырье могут в значительной степени покрываться путем рационального использования морских ресурсов. Общий объем ежегодного морского промысла может быть увеличен до 100—120 млн. т рыбы, а если включить продукцию планктона, водорослей и рыбозаводов, — до 7 млрд. т. Наконец, океан служит главной сферой мировых коммуникаций, путей мореплавания и связей между государствами и континентами.

Принципы и нормы международного морского права призваны регулировать международное сотрудничество в деле освоения Мирового океана.

Ряд важных проблем режима морских пространств (определение предельной ширины территориальных вод и внешней границы континентального шельфа, установление 200-мильной экономической зоны и определение ее режима, разработка режима глубоководного морского дна за пределами континентального шельфа, системы эксплуатации его минеральных ресурсов, регулирование морских научных исследований, предотвращение загрязнения морской среды и др.) не были урегулированы конвенциями и соглашениями либо возникли в последнее время¹. Решение этих проблем, наряду с созданием единой системы принципов и норм современного морского права, стало одной из главных задач международных отношений. Она вышла за рамки чисто юридической проблематики и приобрела актуальный политический характер.

Неурегулированность ряда ключевых проблем режима Мирового океана способствовала росту в последние годы односторонних и произвольных актов отдельных прибрежных государств. Они незаконно расширяют территориальные воды до 200 миль, самовольно устанавливают экономические и рыболовные зоны, нарушают законные права

¹ См. С. В. Молодцов. О новом этапе в развитии международного морского права. — «Советское государство и право», 1977, № 6, стр. 102—103.

и интересы других стран и международного сообщества в целом. Создание зон «национальной юрисдикции» затрагивает судьбу не менее 40% Мирового океана, именно той его прибрежной части, которая представляет особо важное значение для международного сотрудничества и прежде всего в области мирового судоходства и рыболовства. Подобные односторонние «приобретения» морских пространств идут вразрез с принципами международного права и задачами укрепления мира¹.

На III конференции ООН по морскому праву проходит напряженная работа над компромиссными формулами, которые могут обеспечить урегулирование вопросов территориальных вод, международных проливов, судоходства и рыболовства, экономической зоны, континентального шельфа, морского дна за пределами шельфа, открытого моря, морских научных исследований, борьбы с загрязнением морской среды и процедур урегулирования споров, связанных с толкованием и применением будущей единой конвенции. Эти переговоры имеют весьма сложный характер. Речь идет о судьбе огромных морских пространств и ресурсов, поэтому требуются большие усилия всех государств, выдержка и стремление к взаимопониманию. Однако альтернативы нет, ибо практика односторонних актов и захватов только затруднит международное сотрудничество и в конечном счете нанесет ущерб самим государствам, которые к ним прибегают. Подавляющее большинство стран, среди них и СССР, считают сводный проект конвенции, разработанный на шестой сессии в 1977 г., подходящей основой для подготовки конвенции. Главные положения проекта отражают интересы всех групп государств. Это прежде всего положения о ширине и режиме территориальных вод, международных проливах, об открытом море, общих принципах режима морского дна за пределами континентального шельфа, о морских научных исследованиях, борьбе с загрязнением морской среды и ряд других. Даже в тех областях, где сохраняются разногласия (режим освоения ресурсов глубоководного дна, общий статус экономической зоны и др.), уже согласованы многие положения. Дело за определенной доработкой спорных мест с целью найти оптимальные и взаимоприемлемые решения.

На Генеральной Ассамблее в 1971 г. Китай был введен в состав комитета ООН, созданного в предыдущем

¹ Подробнее см.: И. Яковлев. Мировой океан и международное сотрудничество. — «Международная жизнь», 1978, № 5.

году для подготовки III конференции. Его представители участвовали в сессиях комитета.

К сожалению, подключение КНР к разработке нового морского права еще больше осложнило дело. Свою деятельность Пекин подчинил задачам осуществления гегемонистских устремлений в отношении развивающихся стран, экспансионистских притязаний в отношении морских пространств, а также подрыва сложившихся международно-правовых принципов и норм использования Мирового океана.

Уже в первых заявлениях в комитете ООН, занимавшемся подготовкой конференции, китайская делегация выступила с грубыми нападками на СССР и проводимую им линию на решение вопросов морского права с учетом интересов всех государств и на основе их сотрудничества. Свой антисоветизм китайские эмиссары преподносили под видом борьбы против «гегемонии сверхдержав» в области использования Мирового океана. Причисляя к «сверхдержavam» США и СССР, маоисты хотели Советский Союз противопоставить развивающимся странам и тем самым добиться реализации своих далеко идущих планов подрыва их сотрудничества на международной арене¹. Ни одна из делегаций несоциалистических государств не поддержала выпады против СССР. Представители стран социализма, давая отпор Пекину, показали, что его антисоветизм, по существу, наносит ущерб интересам всех государств, так как препятствует выполнению комитетом его главной задачи — подготовить для конференции согласованные решения по насущным вопросам морского права.

Китай попытался повести за собой развивающиеся страны по пути подрыва и прямой ликвидации действующих норм международного морского права, используя с этой целью то обстоятельство, что в разработке Женевских конвенций 1958 г. по морскому праву, воплощающих эти нормы, не принимали участия страны, получившие независимость после I конференции ООН по морскому праву. Представители Китая спекулировали на их естественном желании внести свой вклад в выработку норм международного морского права. В комитете ООН делегация КНР упорно выдвигала тезис о том, что закрепленные в Женевских конвенциях 1958 г. нормы не являются общепризнанными и что выступление делегаций СССР и других социа-

¹ Подробнее см.: В. А. Ярославцев. Насущные проблемы международного морского права и происки маоистов. — В кн.: «Внешнестроительные концепции маоизма».

листических стран за сохранение этих норм преследует цель «навязать» их развивающимся странам.

Что же предлагал Пекин взамен огульно отвергаемых им общепризнанных норм международного морского права?

В комитет ООН Китай внес 16 июля 1973 г. рабочий документ о морском районе в пределах действия национальной юрисдикции. В нем сказано: «Прибрежное государство имеет право устанавливать в разумных пределах ширину и границы своего территориального моря в соответствии с его географическими особенностями и его потребностям экономического развития и национальной безопасности и с должным учетом законных интересов соседних стран и удобства международного судоходства». Каковы «разумные пределы» ширины территориальных вод, в документе не указывалось.

В ходе дискуссии делегация КНР выступила против закрепления 12-мильного лимита этой ширины, повторяя все те же затасканные доводы о том, что «сверхдержавы» якобы хотят навязать его развивающимся странам. Вместе с тем делегация не решилась назвать в своем предложении и 200-мильный лимит ширины территориальных вод, на который претендуют отдельные государства Латинской Америки и Африки и который в пропагандистском плане, в частности в выступлениях печати, получил с китайской стороны поддержку.

Несмотря на отсутствие международного соглашения, норма о 12-мильном лимите, по существу, стала составной частью современного международного права, и вопрос теперь сводится к тому, чтобы на III конференции она была закреплена в договорном порядке. Такое решение является назревшим, ибо процесс нормообразования в том, что касается 12-мильного лимита ширины территориальных вод, начавшийся на I и II конференциях ООН по морскому праву, хотя и растянулся во времени, практически можно считать завершенным.

Остается добавить, что сам Китай с 1958 г. имеет 12-мильные территориальные воды. И если теперь он возражал против такого лимита, противопоставляя некие «разумные пределы», то это может означать лишь одно: правители КНР готовятся к захвату пространств открытого моря. А заявления о том, что они выступают в защиту интересов развивающихся стран, лишь камуфляж экспансионистской политики.

По другому важнейшему вопросу режима морских про-

странств — о проливах, используемых для международного судоходства, — позиция Китая тоже шла вразрез с интересами подавляющего большинства государств.

Пекин предлагал установить одинаковый режим и для проливов, используемых для международного судоходства, и для тех, которые не имеют такого значения. Любой пролив, независимо от его ширины, дескать, должен рассматриваться как морское пространство, перекрытое территориальными водами прибрежных государств, причем заранее исключалась всякая возможность существования в проливе хотя бы узкой полосы открытого моря. Согласно китайскому предложению, «разумные пределы» ширины своих территориальных вод устанавливало бы само прибрежное государство. Тем самым оно получило бы возможность решить этот вопрос так, что даже широкие проливы оказались бы перекрытыми территориальными водами. Как указывалось выше, в отношении территориальных вод прибрежное государство имеет право осуществлять суверенитет с соблюдением Женевской конвенции о территориальном море и прилежащей зоне «и других норм международного права». В китайском предложении также сказано, что под территориальными водами прибрежное государство осуществляет свой суверенитет, однако какой-либо оговорки о соблюдении при этом норм международного права в нем не делалось. А это означало, что статус территориальных вод полностью приравнивается к статусу сухопутной территории государства. Тем самым под суверенитетом прибрежного государства, по смыслу китайского предложения, оказались бы и проливы; они были бы, по существу, инкорпорированы в состав его территории, присвоены им. Линия территориальной экспансии, пронизывающая внешнюю политику Китая вообще и позицию в области морского права в частности, проводилась, таким образом, и в вопросе о проливах.

Пекин настолько далеко заходил в своем стремлении толкнуть прибрежные государства на присвоение морских вод проливов и перессорить многие страны, что совершенно игнорировал то, что в отношении целого ряда важных проливов уже существуют международные соглашения, определяющие режим свободного судоходства, например договор 1881 г. между Аргентиной и Чили относительно Магелланова пролива и трактат об отмене пошлин, взимаемых с купеческих судов и грузов при проходе через проливы Зунда и обоих Бельтов, от 26 марта 1857 г. Согласно аргентино-чилийскому договору, в Магеллановом

проливе «гарантируется свободное плавание всем флагом всех наций».

К категории проливов, которые используются для международного судоходства, относятся в первую очередь Ла-Манш, Гибралтарский, Баб-эль-Мандебский, Малаккский и Сингапурский, а также многие другие.

Наличие категории проливов, используемых для международного судоходства и являющихся особыми с точки зрения их статуса, подтверждено Женевской конвенцией о территориальном море и прилежащей зоне (статья 1). Международный суд ООН в свое время также констатировал существование этой категории проливов и особого, отличного по сравнению с другими проливами, статуса судоходства в них.

С позиций игнорирования особого характера проливов, используемых для международного судоходства, Пекин предлагал решать и вопрос о режиме прохода судов через них. Согласно китайскому предложению, во всех проливах должен применяться режим мирного прохода для иностранных невоенных судов и разрешительный порядок — для прохода судов военных либо такой порядок, при котором требовалось бы предварительно уведомлять прибрежные государства о каждом военном корабле. По китайскому предложению все иностранные суда, следующие через территориальные воды, в том числе в проливах, «должны соблюдать законы и правила прибрежного государства». Это означает, что международное судоходство в проливах ставилось бы под юрисдикцию и контроль прибрежных к проливам государств.

Нетрудно видеть, что юридические построения Пекина задуманы с целью создать препятствия для советского судоходства, а также для перемещения в интересах обеспечения обороноспособности СССР и всего социалистического содружества Советского Военно-Морского Флота. Китайские концепции режима проливов, если бы они получили отражение в будущей конвенции по морскому праву, нанесли бы ущерб и подавляющему большинству других государств, в том числе развивающихся, осложнив поддержание морских сообщений с ними и морской торговли.

В отношении морских пространств, расположенных за пределами территориальных вод, рыболовных или экономических зон, китайское предложение предусматривало отказ от самого понятия «открытое море». Вместо него предлагалось понятие «международный морской район»,

охватывающий «все морское пространство за пределами действия национальной юрисдикции». В качестве основного принципа правового режима этого пространства выдвигалось следующее положение: «Использование международного морского района не должно наносить ущерба законным интересам других государств и общим интересам всех государств». С соблюдением этого положения «суда и летательные аппараты всех государств имеют право на судоходство и пролет в международном морском районе и в воздушном пространстве над ним при условии, что они плавают и летают под флагом или несут опознавательные знаки государства, которому они принадлежат». «Рыболовство в международном морском районе регулируется надлежащим образом, с тем чтобы запретить беспорядочное рыболовство и другие нарушения норм и правил охраны рыбных ресурсов».

Из этих положений китайского рабочего документа по общим принципам для международного морского района, внесенного 2 августа 1973 г. в комитет ООН, видно, что Пекин преследовал цель ликвидировать концепцию «свободы открытого моря», являющуюся краеугольным камнем правового режима обширных пространств Мирового океана за пределами территориальных вод. Он добивался упразднения и конкретных свобод открытого моря, и прежде всего таких, как свобода судоходства, свобода рыболовства и свобода полетов над открытым морем.

Китайское предложение все дело сводило к тому, чтобы поставить деятельность государств в открытом море в зависимость от отношения к ней других стран. Иными словами, Пекин хотел обеспечить себе право предъявлять претензии к тому или иному государству под предлогом того, что его деятельность в открытом море наносит ущерб интересам Китая. Явно преследуя именно эту цель, китайское предложение исходило из того, что судить о том, наносится или не наносится ущерб интересам той или иной страны деятельностью какого-либо государства, будет сама эта страна.

Китайские предложения вообще направлены на то, чтобы максимально сузить для государств возможности использования Мирового океана. Например, в вопросе о статусе морских вод, покрывающих континентальный шельф, китайский рабочий документ предусматривал, что «нельзя препятствовать обычному судоходству» в этих водах «или пролету в воздушном пространстве над ними». Следовательно, кроме «обычного судоходства», другим

видам использования государствами морских вод, покрывающих иностранный шельф, прибрежное государство, говоря словами китайского проекта, может «препятствовать». Нельзя не отметить: поскольку континентальный шельф, согласно китайскому предложению, мог бы простирается на расстояние, превышающее 200 миль от берега, это означает, что на миллионах квадратных километров вод открытого моря, покрывающих шельф, запрещалась бы любая иная деятельность государств, кроме судоходства, да и то не всякого, а только «обычного», — типичный для китайских проектов субъективистский критерий, преследующий цель исключить плавание военных кораблей, а также пребывание в водах открытого моря над шельфом научно-исследовательских судов, ведущих изучение морских вод.

Научным исследованиям, посвященным проблемам Мирового океана, в китайских предложениях уделялось немало внимания, однако трактовался этот вопрос с позиций, чуждых интересам науки. Согласно рабочему документу, внесенному китайской делегацией в комитет ООН 19 июля 1973 г., для проведения таких исследований в морском районе «в пределах действия национальной юрисдикции», в том числе в водах открытого моря над шельфом, «необходимо предварительно запрашивать согласие соответствующего прибрежного государства и соблюдать его соответствующие законы и правила», а также выполнять другие требования, перечисленные в документе.

Морские научные исследования в международных водах «должны отвечать духу» декларации принципов, которые регулируют режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1970 г. В китайском проекте прямо говорилось, что эти исследования «регулируются соответствующим международным режимом и международным механизмом», т. е. договорными положениями, относящимися к морскому дну и к международной организации по морскому дну, которую имеется в виду учредить в рамках будущей конвенции ООН по морскому праву. Пекин предлагал втиснуть научные исследования Мирового океана в прокрустово ложе бюрократической регламентации со стороны международного аппарата — проектируемой международной организации по морскому дну, не считаясь с тем, что ее основной задачей будет не забота о науке, а регулирование промышленной эксплуатации ресурсов морского дна.

Подобное регулирование Пекин предусматривал и для рыболовства «в международном морском районе». В китайском рабочем документе от 2 августа 1973 г. говорилось о возможности создания применительно к этому району «единой международной рыболовной организации». Пекину понадобилась такая организация не для регулирования рыболовства, а для другой цели — как форум, который мог бы использовать для навязывания своих решений.

В дальнейшем лучше разобравшись в проблемах морского права, китайские власти перестали подпевать экстремистским требованиям некоторых государств, противоречащим интересам самого Китая. По мере сближения с крупными морскими державами капиталистического мира Пекин все менее был склонен выступать с раздражающих их позиций. Поэтому на последних двух сессиях конференции ООН по морскому праву представители КНР были пассивными.

* * *

Никакой конструктивной нагрузки не несет и позиция китайских руководителей в отношении задачи превращения Индийского океана в зону мира.

Индийский океан принадлежит всему миру. Суда любых государств могут плавать там. Однако в течение многих десятилетий военные суда империалистических государств, крейсировавшие в Индийском океане, несли полицейские функции, защищая устои колониализма. Западные державы, раздувая «холодную войну», создавая военные блоки против освободительного движения, социалистических государств, построили ряд баз в районе Индийского океана.

Совершенно естественно в этой связи стремление многих государств, расположенных на берегах океана, добиться ликвидации военных баз и превращения его в зону мира. Этот вопрос уже не раз рассматривался в ООН.

Советский Союз с пониманием относится к такому стремлению и хочет, чтобы Индийский океан действительно стал зоной мира. Однако при решении данного вопроса не должно быть искусственного выделения группы стран, которые обладали бы особыми правами в установлении режима в Индийском океане, не должен наноситься ущерб принципу свободы мореплавания. СССР постоянно подчеркивает необходимость ликвидации военных баз империалистических государств в Индийском океане. Другими

словами, нельзя допустить такого положения, чтобы империалисты имели свободу рук в Индийском океане, сохраняли военные базы и даже создавали новые, а на другие страны налагались бы ограничения в отношении плавания их судов.

Выступления делегатов КНР на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и деятельность ее представителей в спецкомитете по Индийскому океану продемонстрировали, что Китай отнюдь не заинтересован в конструктивном подходе к задаче превращения Индийского океана в зону мира и не намерен добиваться решения одного из главных вопросов — полной и безоговорочной ликвидации всех иностранных баз в этом районе. Усилия Пекина сосредоточены на том, чтобы навязать дискуссию об «усилении советского военного проникновения» в Индийский океан¹ и тем самым в очередной раз использовать трибуну ООН, чтобы «узаконить» военные приготовления США в Индийском океане.

Китайские лидеры раскрыли свое истинное лицо в связи с сооружением на острове Диего-Гарсия военно-морской и военно-воздушной базы Пентагона, способной обслуживать атомные подводные лодки и стратегические бомбардировщики. Цель строительства — укрепить разветвленную сеть опорных пунктов и баз США, которыми Индийский океан опоясан по всему периметру — от берегов Австралии до Южной Африки.

Стремясь потрофить империалистам, китайское руководство обходит это молчанием. Ратуя за зону мира в Индийском океане, Пекин закрывает глаза на то, что там делают империалисты. В этом как в капле воды проявляется противоречие его политики. Китайские руководители хотят, с одной стороны, выставить себя другом народов, борющихся против империализма, а с другой — не поссориться с империалистическими друзьями. В этой связи индийская газета «Патриот» писала: «В настоящее время китайские программы интриг, по-видимому, вполне согласуются с развивающейся конвергенцией геополитической стратегии Китая и США. Укрепление американской базы на острове Диего-Гарсия согласуется — по крайней мере, так утверждается — с накоплением запасов межконтинентальных баллистических ракет, которые могут угрожать любой части Южной Азии. В то время как дружествен-

¹ «Жэньминь жибао», 20. V. 1978.

ной Америке поручается задача защиты восточного побережья Китая, Пекин будет запугивать страны Юго-Восточной Азии, которые за последнее время теряют веру в доблесть американцев».

К крайнему огорчению Пекина, Советский Союз, постоянно консультируясь с Индией¹, другими прибрежными государствами, начал в июне 1977 г. переговоры с США об ограничении вооружений в Индийском океане. Речь шла о том, что уже первый этап — этап стабилизации, замораживания или взаимной сдержанности предусматривал запрещение ввода в Индийский океан и развертывания в его водах, на побережье и островах тех систем оружия, которых там не было до сих пор, ограничение на сложившемся уровне присутствия в водах океана военных кораблей, а в его воздушном пространстве и на аэродромах — военных самолетов, отказ от строительства новых и расширения существующих военных баз, включая базу на острове Диего-Гарсия.

Переговоры были прерваны в феврале 1978 г. Л. И. Брежнев и Дж. Картер договорились в Вене, что представители сторон встретятся для обсуждения вопроса о возобновлении переговоров.

В связи с революцией в Иране и обострением энергетического кризиса США направили значительные военноморские силы в Индийский океан и пока отказались возобновить переговоры. Китайские власти с удовлетворением встретили это решение Вашингтона; мусоля легенду о «советской угрозе», они призывают США наращивать военные усилия в Индийском океане и особенно в Персидском заливе.

* * *

Казалось бы, уж где-где, а при рассмотрении задачи создания нового международного экономического порядка Пекин должен был бы занять конструктивную позицию. Не тут-то было.

Выдвижение развивающимися странами программы реформ по перестройке международных экономических отношений, получившей название «нового международного экономического порядка», явилось в последние годы одним из крупных и примечательных событий. Вопреки

¹ «Правда», 19 сентября 1978 г.

империалистическому противодействию, развивающиеся страны при поддержке государств социалистического содружества добились приятия в рамках ООН ряда важных документов (декларации об установлении нового международного экономического порядка, программы действий по введению нового экономического порядка, хартии экономических прав и обязанностей государств и др.).

Требования развивающихся стран обоснованны. Большинство из них не смогли освободиться от неравноправного и подчиненного положения в капиталистическом мировом хозяйстве, все еще остаются объектом экономической экспансии империалистических монополий, служат источником сырья, сферой высокоприбыльного приложения капитала. Подавляющая часть инвестиций приходится на долю транснациональных корпораций, преобладающее место среди которых занимают американские. Большие потери развивающиеся страны несут от «ножниц цен» на экспортируемое ими сырье и импортируемую промышленную продукцию; по ним тяжело бьют инфляция, обесценение валюты западных государств. Резко возросла внешняя задолженность этих стран: в 1960 г. она равнялась 17,9 млрд. долл., а к 1979 г. — 300 млрд. долл. В порядке погашения долгов они должны выплачивать ежегодно свыше 30 млрд. долл.

Выдвигаемая программа реформ предусматривает, что межгосударственные экономические отношения должны строиться на основе суверенного равенства и самоопределения всех народов, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела, равного участия всех стран в разрешении мировых экономических проблем в их общих интересах, права выбора каждой страной экономической и социальной системы, суверенитета каждого государства над своими природными ресурсами и всей экономической деятельностью, включая право на национализацию иностранной собственности.

Советский Союз, другие социалистические страны активно участвуют в разработке проблем нового международного экономического порядка. Их развернутые позиции содержатся в совместном заявлении на IV сессии ЮНКТАД (Найроби, май 1976 г.); этим же проблемам посвящено заявление Советского правительства на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН (октябрь 1976 г.)¹. Со-

¹ См. «Правда», 5 октября 1976 г.

циалистические страны показывают пример подлинно равноправного, демократического торгово-экономического сотрудничества с развивающимися странами, содействия им в преодолении экономической отсталости. Равенство, уважение суверенитета, взаимная выгода и невмешательство во внутренние дела — вот те принципы, на которых строится этот новый тип международных экономических отношений. Помощь развивающимся странам могла бы возрасти в условиях прекращения гонки вооружений, укрепления международной безопасности. Советский Союз еще в 1973 г. внес предложение о сокращении военных бюджетов государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН на 10% и об использовании части сэкономленных средств для экономического развития освобожденных государств. Это предложение остается невыполненным из-за противодействия западных держав и Китая.

Пекин стремится использовать движение за экономическую деколонизацию и перестройку международных экономических отношений, чтобы протащить некоторые маоистские концепции; сердцевина их — антисоветизм. В отличие от позиций многих развивающихся стран, адресующих свои требования империалистическим государствам, Пекин выступает за дифференциацию этих требований и предъявление наиболее жестких из них «двум сверхдержавам».

Высокий международный авторитет СССР, как подлинного союзника молодых государств в антиимпериалистической борьбе, с одной стороны, и проимпериалистическая позиция китайских властей — с другой, лишают эффективности маневры пекинской дипломатии, но те настойчиво проводят свою линию. Они отрицают тезис о том, что выдвижение нового международного экономического порядка стало возможным лишь в условиях разрядки; поддерживают принцип суверенитета государств над природными ресурсами, но в контексте теории «опоры на собственные силы», которая афишируется как «единственный приемлемый путь ликвидации отсталости», ратуют за развитие прежде всего сельского хозяйства и строительство мелких и средних предприятий, а это означает сохранение отсталости молодых государств. Выступая как крупный экспортер сырья и, следовательно, конкурент развивающихся стран, КНР поддерживает требования лишь об «индексации» пропорций обмена сырья на готовые изделия. Развивающиеся же страны добиваются заключения серии взаимовыгодных международных торго-

вых соглашений. Она не в восторге от идеи создания «общего фонда», в который пришлось бы внести до 54 млн. долл. Высказываясь в общей форме за расширение льгот для экспорта развивающимися странами готовых изделий и полуфабрикатов, Китай заботится прежде всего о распространении преференций на свой экспорт, о чем свидетельствует торговое соглашение с «Общим рынком», подписанное в 1976 г. Чтобы не портить отношений с международным бизнесом, КНР не участвует в работе Комиссии ООН по транснациональным корпорациям и разработке «Кодекса поведения». На IV сессии ЮНКТАД в Найроби китайский представитель пытался отождествить совместные предприятия социалистических и развивающихся стран с империалистическими транснациональными корпорациями и предостерегал от сотрудничества социалистических и развивающихся стран. Неконструктивной была позиция Китая и на сессии ЮНКТАД в Маниле (май 1979 г.).

Пекин не помогает, а мешает борьбе развивающихся стран за новый международный экономический порядок.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ

Ни одна страна не выдвигает территориальных притязаний к столь большому числу государств, ни одна страна никогда не претендовала на такую громадную территорию (свыше 10 млн. кв. км), как КНР, точнее, ее руководители. Более того, Пекин пытается обосновать территориальные претензии, подвести под них «историческую основу». Китай-де занимал в разные времена территорию между Камчаткой и Филиппинами, озером Балхаш и Индией, между архипелагом Рюкю и Афганистаном. 14 государств, значительные части еще восьми стран — это, дескать, «утраченные территории», принадлежавшие некогда Срединному государству и даже входившие в его состав.

По мере того как националистическое крыло руководства КПК оттесняло коммунистов-интернационалистов, внутренняя национальная политика руководства КНР все более приобретала окраску великоханьского шовинизма.

Как известно, взгляд богдыханов на мир формировался под влиянием конфуцианства. Маоисты, поносившие Конфуция, который жил более 2400 лет назад, тщательно оберегают его концепцию китаецентризма. «Поднебесная» (тянься) в конфуцианском понимании — это окружающий человека мир и сфера власти китайского императора, по-

сколько он — сын неба (тяньцзы), которое выражает ему свою волю (тяньмин). Тянься одновременно и китайская империя, включающая все существующие на земле народы и государства. Поэтому границы, самостоятельность государств условны. Китайский император определяет порядок в «поднебесной». Поскольку он живет в Китае, то эта страна является центром мира и имеет самую высокую культуру. Китайскому императору, как сыну неба, полностью подвластны все «варварские» государства.

Стремление китайской бюрократии превращать соседей в вассалов часто не приводило к желаемым результатам. Отнюдь не всегда Китаю принадлежала главенствующая роль в решении международных вопросов своего района. На политической арене Дальнего Востока появлялись весьма грозные соперники, которые нападали, и не безуспешно, на Срединное государство. Поэтому традиционная концепция верховной власти китайского императора по отношению к соседним народам в разные времена проводилась самыми различными способами. Порой богдыханам приходилось довольствоваться лишь чисто внешними атрибутами вассальной зависимости. Более того, их дипломаты в средние века умышленно фальсифицировали текст посланий иностранных держав, оснащая перевод выражениями покорности и подчинения. Уже в V—VI вв. н. э. существовали определенные трафареты, с помощью которых чиновники превращали на бумаге независимых правителей в вассалов. Такой метод самовозвеличения, порожденный основной внешнеполитической доктриной китайской дипломатии, стал впоследствии традиционным. В соответствии с идеей Срединного государства формировались и представления о географии. При династии Мин (XIV—XVII вв.), например, появилась географическая карта, где всю середину занимал Китай, остальные же государства были изображены небольшими по размерам: на восточной стороне — Япония и Корея, на западной — известные Китаю заокеанские страны. Концепция агрессивной войны, великоханьский шовинизм, китаецентризм — эти атрибуты внешнеполитической доктрины были направлены на всемерное возвеличение Китая.

В 1930 г. историк Хуа Циюнь опубликовал книгу «Границы Китая». Его концепция, отражавшая официальные настроения правых кругов гоминьдана, была основана на великоханьском шовинизме, соединенном с антикоммунистическими и антисоветскими установками. В основу своей позиции Хуа Циюнь положил идею необходимости

«возвращения» Китаю якобы «утраченных» земель. Значительные участки советских дальневосточных земель с островом Сахалин, часть Казахстана и среднеазиатских республик СССР, Корея, Бирма, Индокитай, Непал, Бутан, части афганской и индийской территорий, архипелаг Рюкю беззастенчиво включались в «потери». Монгольская Народная Республика вообще игнорировалась как суверенное государство и закрашивалась в один цвет с Китаем. Морские рубежи страны были «отодвинуты» автором за сотни и тысячи миль от материка, охватывая острова Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Специальная карта «иллюстрировала» эту программу территориальной экспансии.

Уходящие в древность и средневековые исторические связи Кореи, советской Сибири и Средней Азии, Афганистана, Индии и Вьетнама с Китаем анализировались в свете попыток автора доказать «исторические права» Средней империи на обширные территории. Хуа Циюнь старался «обосновать» притязания гоминьдановского правительства на участки земель на советско-китайской, китайско-бирманской и китайско-индийской границах¹.

Чанкайшистская пропаганда подбрасывает Пекину лозунги: проявлять «истинный патриотизм», не забывать об «утраченных территориях» («Исследования о Сибири — китайской территории обитания сяньби» некоего Ван Су, «История агрессии русского империализма в Китае» У Сянсяна, «Исследование карт китайско-русской границы» Чэн Фажэня и др.).

Еще до образования Китайской Народной Республики Мао Цзэдун повторял гоминьдановские тезисы об «утраченных территориях»². А обосновавшись во дворце на Тяньаньмыне, он стал чаще обращаться к идее предъявить реестр «утраченных территорий», говорил о необходимости превращения Китая в сильнейшую державу мира, торопил с созданием мощной военной машины, чтобы «столкнуть варваров» и открыть путь Пекину к территориальным захватам.

В 1953 г. в КНР была издана карта, где в границы Цинской империи были заключены целые государства или части стран, которые Китай будто бы «утратил». И хотя «Жэньминь жибао» в октябре 1978 г., отвечая на критику

¹ Подробнее о территориальных притязаниях Пекина см. статьи В. С. Мясникова в «Литературной газете» от 13 сентября 1978 г. и журн. «Проблемы Дальнего Востока», 1979, № 1.

² В работе «Китайская революция и КПК» (1939 г.).

вьетнамских товарищей, утверждала, что карта выпущена частным книжным магазином и правительство никогда не соглашалось с ней, но и не было заявлено, что КНР не имеет территориальных притязаний¹. Карта была вновь опубликована в 1978 г. в учебнике по истории.

Пекин претендует почти на всю Азию и большую часть Европы, т. е. на территорию тех стран, куда заходили монгольские завоеватели в XIII—XIV вв. Кровавый Чингисхан превращен в деятеля, сыгравшего якобы «прогрессивную роль в истории Китая в целом» («Жэньминь жибао», 10. VIII. 1961) и еще «сорока государств» («Лиши яньцзю», 1962, № 3).

В 1963 г. Мао Цзэдун в поэтической и иносказательной форме вернулся к мысли о необходимости покорения мира, причем давал понять, что «время торопит», нельзя ждать десять тысяч лет, поскольку это «слишком долгий срок», а нужно «спорить за каждое утро и вечер», ибо «пять континентов дрожат под ударами грозы» и «нет врагов, которые бы были способны нам противостоять».

В период «культурной революции» мысль о захвате чужих территорий выражалась открыто. «Китайский народ морально готов всеми силами бороться за возвращение потерянных территорий, когда-то принадлежавших Китаю», — говорилось в «Жэньминь жибао»². Были выдвинуты призывы «утвердить знамя идей Мао Цзэдуна на всем земном шаре» и «освободить все человечество» (это даже включено в устав КПК, принятый на IX съезде в 1969 г.). Китайский народ убеждали в том, что «пролетариат для окончательной победы во всем мире не может обойтись без войны», что «победивший пролетариат... создаст на развалинах умерщвленного империализма и социал-империализма цивилизацию в сотни тысяч раз лучшую, чем капиталистическая».

В документе МИД КНР от 8 октября 1969 г., опубликованном накануне советско-китайских переговоров об уточнении линии границы на отдельных участках, была изложена версия формирования территории Китая: «Еще более двух тысяч лет тому назад Китай стал уже единым многонациональным государством. И Китай всегда как многонациональное государство существовал в мире, независимо от того, как сменялись одна за другой феодальные династии и какая национальность была правящей в стране»³.

¹ «Жэньминь жибао», 31. X. 1978.

² «Жэньминь жибао», 5. XI. 1966.

³ «Жэньминь жибао», 9. X. 1969.

При этом делаются ссылки на то, что земли пеханьских народов порою становились объектом нападения китайских армий или, наоборот, сам Китай лишался политической самостоятельности, и вторгшиеся чужеземцы образовывали на его базе великие империи. В выходящих в КНР публикациях, например в «Истории агрессии царской России в Китае», которую начали издавать в Китае в 1978 г., пытаются свести историю маньчжуро-тунгусских народностей, монголов, тюрков и целого ряда других народов к истории «единого и неделимого» китайского государства. Нынешние авторы утверждают следующее: посылал ли Китай при династиях Хань и Тан свои армии далеко за пределы страны, создавали ли на базе Китая и сопредельных стран свои империи кидани (династия Ляо), чжурчжэни (Цзинь), монголы (Юань) и маньчжуры (Цин), вторгалась ли Цинская империя в русское Приамурье или захватывала монгольские земли — все это были события *внутри* китайского государства. Борьба же некитайских народов за свою самостоятельность преподносится как «измена и стремление к расколу родины».

Следует отметить, что некитайские народы, историческими судьбами которых пытаются жонглировать в Пекине, категорически отвергают тезис о «едином» и «неделимом» китайском государстве. «Монголия и Китай издавна являлись соседями, — пишет президент АН МНР Б. Ширендыб, — но каждая страна самостоятельно шла по своему историческому пути».

Особые усилия пекинские идеологи прилагают к тому, чтобы представить в искаженном виде историю нашей страны, и главным образом историю ее внешней политики. При этом преследуется двоякая цель: с помощью «исторических» примеров закрепить в сознании китайского народа маоистский тезис о том, что «северный сосед» всегда был и остается «главным врагом», и одновременно путем подтасовки исторического материала «обосновать» территориальные притязания к СССР. Маоистские авторы заимствовали у империалистической пропаганды идею «преимущества» нашей внешней политики. Они утверждают, будто деятельность СССР на международной арене аналогична... поведению царской России. Развитие этой «идеи» на пекинский лад привело к огульному охаиванию и искажению исторического прошлого нашего народа. Рост и становление Московского государства, формирование Русского государства как многонационального, освоение Сибири и Дальнего Востока, внешняя политика Петра I,

формирование русско-китайской границы, политика царской России на Балканах — вот лишь небольшой перечень тем, которые не сходят со страниц китайских изданий.

В различных лжеисследованиях и статьях китайские авторы тщатся доказать, будто районы советского Дальнего Востока, Центральной Азии паселялись народностями, входившими в состав Китая, или туда совершали походы его войска, или заходили купцы, или с правителями этих районов шел обмен подарками и т. д. Вот одно из «открытий», которое призвано подтвердить, будто еще в древности власть Китая простиралась до озера Балхаш: во времена династии Хань дочь Цзяндунана была отдана в жены предводителю усунь, которые жили в районах к востоку и югу от озера Балхаш; в I в. до н. э. предводитель усунь получил ханский титул и печать. Отсюда делается вывод: это историческое свидетельство принадлежности края Китаю¹.

Последними образчиками писаний пекинских «интерпретаторов истории» являются начальные выпуски четырехтомной «Истории агрессии царской России в Китае», сборники статей «Мировая гегемония — неизменная цель царской России» и «Ложь советских ревизионистов и историческая реальность».

Никто не отрицает, что в истории был период, когда царская Россия в конце XIX в. вслед за европейскими державами, США и Японией начала проводить в Китае империалистическую политику. Но она была гневно осуждена лучшими людьми России, партией большевиков, В. И. Лениным. Именно эту политику отбросила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Бесспорен и такой факт. Более двух столетий обе наши страны поддерживали дружественные, добрососедские отношения. Именно это подчеркивал в 1857 г. К. Маркс, когда писал: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на русских не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря... русские ведут специфическую для них внутреннюю сухопутную торговлю...»²

¹ «Жэньминь вэньсюе», 1978, № 9.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 157—158.

Цель многих публикуемых ныне в Китае «трудов» и пасквилей — поддерживать в стране обстановку антисоветского и антирусского психоза, вызывать недобрые чувства к СССР, подвести читателей к мысли о неизбежности военного конфликта между двумя странами.

Подобные «открытия», как правило, построены на подтасовках, фальсификации. Даже если предположить, что кто-то куда-то *ходил* тысячи лет назад, кто-то на ком-то женился еще до нашей эры и т. д., какое это имеет значение? Советско-китайская граница сложилась исторически, она определялась договорами и другими документами по мере того, как происходило продвижение Цинской империи на север и на запад, а Российской империи — на восток. Больше того, после Великой Октябрьской социалистической революции народы, населявшие Россию, на основе добровольного волеизъявления объединились в Союзе Советских Социалистических Республик, вошли в него с той территорией, на которой испокон веков жили. Как указывал В. И. Ленин, установление границ вопреки воле населения является нарушением самоопределения наций, аннексией¹; «границы определяются волею населения»². В годы Великой Отечественной войны этот союз проявился во всей силе, и те, кто пытался его разрушить, потерпели сокрушительное поражение.

Чувствуя неодолимую преграду экспансии на север и северо-запад, китайские захватчики с жадностью взирают на Юго-Восточную Азию, рассматривая ее как «мягкое подбрюшье».

На заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1965 г. Мао Цзэдун говорил: «Мы обязательно должны заполучить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур. В отношении Камбоджи надо сохранить принцип мирного сосуществования... Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там очень много природных ископаемых, он весьма заслуживает затрат на то, чтобы его заполучить. В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности. Таким образом, можно будет полностью возместить убытки. После того как заполучим Юго-Восточную Азию, в этом районе можно будет увеличить наши силы; тогда мы будем иметь свои силы, противостоящие советско-восточно-европейскому блоку, ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада».

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 26.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 436.

Американский профессор А. Д. Барнетт тоже констатирует, что «Китай в предстоящий период будет рассматривать Юго-Восточную Азию как район специфических интересов»¹.

План пекинских стратегов: в течение короткого времени через местные пропекинские элементы, поддерживаемые Китаем, подорвать политическую структуру Бирмы, Таиланда, Малайзии, Сингапура, добиться установления там пропекинских режимов и выйти на берега Малаккского и Сингапурского проливов, к восточным границам Индии. Несколько лет назад Мао Цзэдун считал, что для этого потребуется 8—15 лет.

Еще в 1958 г. «великий кормчий» сказал: нынешний Тихий океан в действительности не такой уж тихий. В будущем, когда он окажется под нашим контролем, можно будет считать его тихим. Линь Бяо, бывший во время «культурной революции» «преемником» председателя, на эти слова отозвался так: «Через какое-то время мы построим большие корабли и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско»².

Однако ждать, когда будут «построены большие корабли», Пекин не хочет. Начиная с 1974 г. китайские власти принимают практические меры, чтобы установить свой контроль над островами в Южно-Китайском море и превратить его во внутренние воды Китая. «В настоящее время наши чаяния... вернуть острова Наньша (Спратли.— М. К.) и другие еще не осуществились», — сокрушалась «Жэньминь жибао» в марте 1977 г. и призывала: «Перед лицом этого факта наши военно-морские силы должны еще больше развиваться и укрепляться»³.

В феврале — марте 1979 г. Китай предпринял широкое военное нападение на Вьетнам, стремясь, в частности, захватить часть его территории.

Разве не о планах экспансии и уже осуществляемой экспансии говорят эти факты? Как отмечал секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии Н. К. Кришнан, «проводимая Китаем политика милитаризации и сотрудничества с империализмом и НАТО против национально-освободительных движений направлена на претворение в жизнь его великодержавных экспансионистских планов».

¹ A. D. Barnett. China and the major powers in East Asia. Washington, 1977, p. 323.

² Цит. по: «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977». Хабаровск, 1978, стр. 467.

³ «Жэньминь жибао», 15. III. 1977.

стских и гегемонистских планов, в первую очередь в Южной и Юго-Восточной Азии. Все это взаимосвязанные, складывающиеся во вполне определенную картину факторы.

Несколько лет назад Мао Цзэдун говорил, что район Юго-Восточной Азии весьма богат природными ресурсами, которые окажутся «очень полезными для развития китайской промышленности» и в полной мере возместят Китаю «усилия и расходы на их приобретение».

В свете этого заявления наполняются четким политическим содержанием враждебные акции Китая в отношении таких стран, как Индия, Бирма, Таиланд, Малайзия, Филиппины и др. За последние двадцать лет Пекин выдвинул притязания на территории прилегающих стран, площадь которых больше, чем территория самой КНР.

Военное вторжение в 1974 г. на Парасельские острова и притязания на некоторые другие острова в Южно-Китайском море были лишь первыми выстрелами в экспансионистской кампании, начатой маоистским Китаем против вьетнамского и других народов Юго-Восточной Азии... Это наступление — часть общей военно-политической стратегии Китая, который усматривает в появлении сильной, независимой, единой Социалистической Республики Вьетнам серьезную помеху для своих гегемонистских устремлений в Юго-Восточной Азии»¹.

Интересно, как выглядел бы грек, если бы, ссылаясь на походы Александра, стал рассматривать пространство от Средиземного моря до реки Инд «утраченной территорией». Или турок, претендующий на «возвращение» Балкан и Северной Африки? Или англичанин, предлагающий восстановить власть Альбиона над Индией, США, многими другими государствами и даже значительными районами того же Китая? Их воспринимали бы не иначе как маньяками. Так выглядят и авторы нынешних «исторических исследований» в Китае и их вдохновители. И тем не менее территориальные притязания, если Пекин не откажется от них, будут таить в себе серьезную угрозу безопасности соседей Китая и миру во всем мире.

Но Пекин не ограничивается собственными заявками на чужие территории. Он пытается вызвать территориально-пограничный хаос во всем мире. Он подогревает претензии Японии на четыре острова Курильской гряды, в течение ряда лет поощрял конфронтацию Индонезии с Малайзией и Сингапуром, спровоцировал войну полпотовцев про-

¹ «Правда», 24 сентября 1978 г.

тив Вьетнама, спекулирует на споре между Пакистаном и Индией из-за Кашмира, раздувал разногласия Бангладеш и Индии о распределении вод реки Ганг. Китайские руководители заявляют, что послевоенное урегулирование вопроса о границах в Европе не завершено, пытаются вызвать трения между государствами по вопросам границ, разделяют тезисы определенных кругов на Рейне насчет «единой германской нации», их претензии на Западный Берлин.

Для чего все это делается? «Колоссальные беспорядки являются для народа делом хорошим, а не плохим»¹, — утверждал Чжоу Эньлай. По расчетам китайских правителей, в обстановке мирового хаоса скорее можно вызвать войны между государствами, легче приступить к осуществлению собственных захватнических устремлений.

* * *

Внешнеполитические доктрины «архитекторов» политики КНР носят деструктивный характер. Проповедуя неизбежность новой мировой войны и раздувая антисоветизм, китайское руководство перешло к беспринципному блокированию с самыми реакционными силами. Его не устраивают нынешние позитивные тенденции в международных отношениях. Оно никак не может примириться с тем, что разрядка пустила глубокие корни в Европе, а народы Азии и Африки тоже стремятся к миру и спокойствию. «Пекин хотел бы все это опрокинуть и осуществить свои гегемонистские планы, — отметил А. Н. Косыгин. — Об этом следует хорошенько задуматься тем, кто пытается на почве антисоветизма блокироваться с Пекином»².

¹ «X Всекитайский съезд КПК. Документы». Пекин, 1973, стр. 21 (на кит. яз.).

² «Правда», 5 ноября 1978 г.

ПЕРЕХОД ПЕКИНА НА ПОЗИЦИИ ИМПЕРИАЛИЗМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Если бы китайские коммунисты, погибшие в 1946—1949 гг. в ходе вооруженной борьбы против чанкайшистского режима, который США всеми путями пытались спасти, смогли ожить сегодня, они бы вновь взялись за оружие. Ведь нынешние пекинские правители, как и тогдашняя чанкайшистская верхушка, говорят об «американских друзьях», о «японских друзьях», призывают к «широкому международному фронту» с участием США, Японии, западноевропейских держав и КНР против Советского Союза.

Пойдя влево, китайские руководители оказались справа, став не только союзниками империализма, но и подталкивают его на новые преступления против человечества. Империалисты в свою очередь стараются превратить Китай в машину, которую они по своему усмотрению использовали бы для борьбы против освободительных революций и социализма. Дэн Сяопин, посетивший в январе 1979 г. США, затем Японию, информировал их правительства о подготавливавшейся Пекином агрессии против Социалистической Республики Вьетнам, чтобы, видите ли, «наказать» ее, и не встретил с их стороны твердого возражения. Когда же китайские милитаристы начали агрессию, США, по выражению французской прессы, перепутали козла с капустой, Япония заняла «нейтральную», т. е. благожелательную позицию, а Англия прислала в КНР министра для переговоров о продаже истребителей-бомбардировщиков «Харриер».

Чтобы не тревожить империалистов, «архитекторы» китайской политики сняли призывы к революции «мировой деревни» с целью разгрома «мирового города» и выступают вместе с ними против освободительных революций, стремясь не допустить появления прогрессивных государств, изолировать развивающиеся страны от социалистического

содружества, превратить их в закрытый лагерь под пекинской эгидой, сделать инструментом политики КНР.

Новая китайская элита пошла дальше в нагнетании враждебности к СССР, ведет разнузданную клеветническую кампанию и в собственной стране, и на международной арене. Прибегая к различным ухищрениям, к «дифференцированному» подходу, руководители КНР стремятся ослабить узы дружбы и сотрудничества социалистических государств, что, по признанию «Жэньминь жибао», «несомненно, является в настоящее время первоочередной и непосредственной задачей»¹.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

Советский Союз, оказав отпор провокациям на границе в 1969 г. и разоблачая авантюристическую политику Пекина, проявлял готовность нормализовать отношения с КНР. Даже в период их наибольшего обострения Коммунистическая партия Советского Союза не упускала из виду главную перспективу: коренные интересы советского и китайского народов совпадают, и возвращение на рельсы дружбы и добрососедства имело бы огромное значение для обеих стран, для всего социалистического содружества, для дела мира во всем мире.

СССР предложил устроить встречу глав правительств для поиска путей нормализации межгосударственных связей. Во время пребывания в Ханое на похоронах президента Хо Ши Мина Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин выразил готовность при пролете через Китай сделать краткую остановку на аэродроме в Пекине и встретиться с премьером Государственного совета Чжоу Эньлаем. Китайское правительство сообщило о своем согласии. Встреча состоялась 11 сентября 1969 г.

В ходе беседы, продолжавшейся три с половиной часа, обсуждались вопросы восстановления нормального положения на границе, обмена послами, активизации экономических связей и др. В общей форме была достигнута договоренность, что СССР и КНР предпримут шаги для нормализации межгосударственных отношений.

Советский Союз направил в октябре 1970 г. нового посла в КНР, в сентябре 1978 г. его сменил И. С. Щербаков.

¹ «Жэньминь жибао», 18. I. 1978.

Посол Китая Лю Синьцюань прибыл в Москву в ноябре 1970 г., в августе 1977 г. послом КНР в СССР назначен Ван Юпин.

Торговые переговоры начались не сразу. Только в июне 1970 г. китайская сторона ответила на предложения Министерства внешней торговли СССР о начале переговоров и размерах взаимных поставок. В ноябре 1970 г. в КНР выехала делегация во главе с заместителем министра внешней торговли И. Т. Гришиным. Был подписан протокол о товарообороте на 1970—1971 гг. Предусматривалось его увеличение в 3 раза (в 1970 г. он равнялся 42 млн. руб.). В 1972—1977 гг. объем торговли между двумя странами составлял 210—260 млн. руб. в год, в 1978 г. превысил 300 млн. руб. Советский Союз поставляет некоторые металлы, гражданские самолеты, станки, запасные части для тракторов и автомобилей. КНР экспортирует цветные металлы, хлопчатобумажные ткани, тунговое масло, щетину и фрукты.

Для создания атмосферы, благоприятствующей нормализации отношений, в советской печати были прекращены критические выступления по поводу политики руководства КПК. Тем временем Пекин усиливал антисоветскую пропагандистскую кампанию.

С учетом достигнутой на встрече глав правительств договоренности были приняты меры к нормализации обстановки на границе. Войскам Советского Союза уже в сентябре 1969 г. были даны указания:

— неукоснительно поддерживать и впредь нормальные отношения с пограничными войсками и властями Китая и сохранять существующее положение (статус-кво) границы;

— неуклонно соблюдать порядок, при котором все пограничные вопросы должны рассматриваться путем консультаций в духе доброжелательности, корректности, с тем чтобы на границе была обстановка добрососедства, исключалось применение оружия и силы;

— исходя из традиционных отношений дружбы между народами СССР и Китая, учитывать в духе доброжелательности и взаимности интересы населения пограничных районов обеих стран в области хозяйственной деятельности;

— не проводить на границе пропаганды против другой стороны, в том числе с использованием громкоговорящих установок¹.

¹ См. «Правда», 1 апреля 1978 г.

Все это, по расчетам советской стороны, должно было способствовать как улучшению отношений между двумя государствами, так и созданию нормальной обстановки на самой границе. О своих мерах Советское правительство тотчас же официально сообщило КНР, полагая, что и она сделает то же самое. Китайская сторона вскоре информировала, что предприняла шаги в том же направлении. Казалось бы, достигнутое взаимопонимание и последовательное осуществление принятых обеими сторонами мер создали необходимые условия для снятия напряженности на самой границе и для ведения переговоров.

Незадолго до начала переговоров по пограничным вопросам, 7 и 8 октября 1969 г., правительство КНР опубликовало документы, где повторялись беспочвенные утверждения о том, что договоры, определяющие нынешнюю границу между СССР и КНР, якобы являются перавноправными. Делалась попытка возложить на Советский Союз ответственность за обострение положения на границе, содержались клеветнические нападки на нашу партию и страну, подчеркивалось, что «между Китаем и Советским Союзом существуют непримиримые, принципиальные разногласия» и «борьба между ними будет продолжаться в течение длительного времени»¹.

20 октября 1969 г. в Пекине начались переговоры по пограничным вопросам. Советскую делегацию возглавил сначала первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов, а затем заместитель министра иностранных дел Л. Ф. Ильичев, китайскую — заместитель министра иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа, потом Хань Нянлун, Юй Чжань. «Как вы знаете, — говорил Л. И. Брежнев 14 апреля 1970 г., — вопрос о нормализации положения на советско-китайской границе стал предметом переговоров с правительством КНР. Советский Союз занимает на этих переговорах ясную и недвусмысленную позицию. Мы считаем необходимым достигнуть соглашения, которое превратило бы советско-китайскую границу в линию добрососедства, а не вражды.

Не отступая от своих законных принципиальных позиций, отстаивая интересы Советской Родины и неприкосновенность ее рубежей, мы будем делать то, что от нас зависит, чтобы нормализовать межгосударственные отношения с Китайской Народной Республикой. Конечно, как все хорошо понимают, это зависит не только от нас»².

¹ «Жэньминь жибао», 9. X. 1969.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, стр. 542.

Переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках зашли в тупик, поскольку китайская сторона, ссылаясь на несуществующую «договоренность глав правительств», стала требовать признания «спорных районов» на территории СССР и «развода войск из соприкосновения в спорных районах»¹.

Ни в момент самой встречи глав правительств, ни в последовавшем затем обмене письмами между ними достижение положительных результатов на переговорах не ставилось в зависимость от выполнения каких-либо предварительных условий. По крайней мере, Советский Союз не выдвигал никаких предварительных условий, не брал на себя обязательств, которые противоречили бы его интересам, и не требовал, чтобы китайская сторона брала обязательства, не отвечающие ее интересам.

Как известно, встреча глав правительств была непродолжительной, и, разумеется, в течение короткой беседы невозможно было рассчитывать на детальное рассмотрение, а тем более принятие окончательных решений по всему комплексу вопросов, включая технические.

Глава Советского правительства в главном определил позицию СССР. Наша задача, очевидно, заключается в том, заявил он, чтобы условиться об основных принципах будущих конструктивных переговоров. Мы должны сегодня договориться о ликвидации конфликтов на границе и о начале советско-китайских переговоров. Остановившись на одном из важнейших принципов их ведения, он подчеркнул: за основной принцип берется признание существующей границы. До завершения переговоров стороны должны находиться там, где располагались в момент встречи глав правительств, т. е. 11 сентября 1969 г. Что касается конкретных и сугубо специальных вопросов, связанных с пограничным урегулированием, то ими предстояло заняться делегациям, назначенным правительствами обеих стран.

Главы правительств были едины в том, что обе делегации, начиная переговоры, должны руководствоваться основополагающими принципами, а именно: урегулирование пограничных вопросов осуществляется на основе действующих русско-китайских договорных документов; стороны не имеют никаких территориальных претензий друг к другу и будут строго сохранять статус-кво на границе.

В целом сходные позиции сторон по указанным вопросам создавали необходимые условия для переговоров, от-

¹ «Жэньминь жибао» 13.III.1978 опубликовала справку о будто бы имевшей место «договоренности» насчет «спорных районов».

крывали благоприятные перспективы. Дело заключалось лишь в том, чтобы неукоснительно соблюдать действительное взаимопонимание. И советская сторона строго придерживалась этого.

Однако на самой встрече глав правительств выявились и другие вопросы: по одним стороны сразу же разошлись во мнениях, заняли противоположные позиции, по другим лишь изложили свои позиции, не связывая себя какими-либо обязательствами.

По каким вопросам мнения сторон сразу же разошлись? Обоюдного согласия и единой точки зрения ни во время встречи глав правительств, ни в их переписке не было зафиксировано относительно «спорных районов», развода вооруженного персонала и порядка ведения хозяйственной деятельности в так называемых «спорных районах». Не была обусловлена и необходимость до начала рассмотрения собственно пограничных вопросов предварительно заключить так называемое соглашение о сохранении статус-кво на границе¹.

Во время встречи китайский премьер по собственной инициативе выдвинул версию о «спорных районах», изложив ее весьма туманно. Глава Советского правительства несколько раз пытался выяснить, что же подразумевается под термином «спорные районы»? В конце концов глава правительства КНР уклончиво ответил: когда начнем переговоры, вам это станет ясно; мы передадим свои карты².

С чем столкнулась советская сторона на переговорах? Пекпп, прибегая к подтасовкам и фальсификации, начал выдавать попытку советской стороны выяснить, что скрывается под термином «спорные районы», за ее согласие с данной китайской концепцией. Трюк заключался в том, что желаемое китайская сторона выдала за действительное.

Руководство КНР решило игнорировать даже то, что в свое время само признавало и что написано в документе.

В письме премьера Государственного совета КНР в адрес главы Советского правительства от 18 сентября 1969 г., т. е. вскоре после их встречи, указывалось: вопрос о китайско-советской границе должен быть решен путем мирных переговоров, а до этого каждая из сторон примет временные меры по нормализации обстановки там и избежанию вооруженных конфликтов. Премьер Госсовета сформулировал эти меры в форме пяти пунктов, заявив, что главы

¹ См. «Правда», 1 апреля 1978 г.

² См. там же.

правительств во время своей встречи лишь «обменялись мнениями» по этим вопросам. В письме китайского премьера, в частности, предлагалось признать наличие «спорных районов», осуществить в них «выход из соприкосновения» вооруженных сил, а также определить порядок ведения хозяйственной деятельности. В заключение говорилось: «Если вышеуказанные меры будут подтверждены письмом главы Советского правительства, то они станут договоренностью между обоими правительствами»¹.

Таким образом, состоявшийся на встрече глав правительств обмен мнениями по практическим мерам пограничного урегулирования можно было считать договоренностью только в том случае, если бы указанные меры были подтверждены обеими сторонами, либо если бы советская сторона согласилась с ними в том виде, в каком они были представлены в письме премьера Госсовета КНР от 18 сентября 1969 г.

В ответном письме главы правительства СССР от 26 сентября 1969 г. советская сторона не согласилась с теми мерами, которые перечислил китайский премьер. Факт нашего несогласия признается и во втором письме премьера Госсовета КНР от 6 октября 1969 г., в котором еще раз выражается пожелание «достигнуть договоренности» по этим вопросам, в том числе и по «спорным районам»².

Таково реальное положение, не считаться с которым значит поступать рассудку вопреки. Пекину известно, что дело обстоит именно так, но это-то его и не устраивает. Фальшивый ход и незамысловатый трюк китайской стороны состоят в том, что вопросы, по которым главы правительств действительно достигли взаимопонимания, она объединила вместе с вопросами, по которым были заняты противоположные позиции, а также с вопросами, по которым стороны только обменялись мнениями. Все это она заключила в одни скобки и стала именовать словом «взаимопонимание», делая, таким образом, ставку на обман общественного мнения. До сих пор Пекин продолжает упрямо твердить о выдуманном им «взаимопонимании», спекулируя на своем же вымысле и одновременно обвиняя Советский Союз в «отказе», в «нарушении» несуществующего «взаимопонимания».

Что же такое «спорные районы»? Зачем Пекину понадобилось их изобретать?

¹ «Правда», 1 апреля 1978 г.

² См. там же.

Китайские власти с помощью искусственно сфабрикованной концепции «спорных районов» пытаются набросить камуфляж на то, что составляет сердцевину их политического курса — великодержавный гегемонизм и присущий ему территориальный экспансионизм. Концепция «спорных районов» вскормлена на догмах маоизма, содержащих территориальные притязания не только к Советскому Союзу, но и ко многим другим государствам.

Исторический факт таков, что КНР до 1960 г. не делала каких-либо заявлений о территориальных претензиях к Советскому Союзу. Во многих совместных документах, как и в Совместной декларации советского и китайского правительств от 12 октября 1954 г., зафиксировано, что в основу сотрудничества двух стран кладутся принципы равноправия, взаимного уважения государственного суверенитета и территориальной целостности.

Советский Союз неоднократно заявлял: никакой территориальной проблемы между ним и Китайской Народной Республикой не было прежде, не существует и сейчас. Эта проблема появилась на свет как искусственное порождение великодержавной экспансионистской политики, когда ее откровенно взяло на вооружение китайское руководство во главе с Мао Цзэдуном. Именно тогда и стали предприниматься попытки Пекина явочным порядком изменить линию советско-китайской границы, тогда и начались провокации на границе.

Во время консультаций, состоявшихся в 1964 г., делегации обменялись топографическими картами. В то время и обнаружилось, что на китайских картах целый ряд участков советской территории отнесен к КНР, а линия границы на этих участках обозначена в глубине территории СССР, за той линией, которую наши пограничники охраняли с момента создания Советского государства. Именно эти участки советской территории Пекин объявил «спорными».

Линия границы, проведенная на китайских картах в «спорных районах», не имеет под собой юридических оснований, она не совпадает с линией, сложившейся исторически и определяемой русско-китайскими договорными документами, и является явной фальсификацией. Не случайно Пекин отказывается приводить в обоснование своего начертания линии границы договорные документы, которые служат единственным юридическим обоснованием существующей границы. Добиваясь признания «спорных районов», Пекин рассчитывает опрокинуть договорно-пра-

новую основу линии границы и подвести новую «правовую базу», удобную ему.

Пекинская концепция «спорных районов» имеет многоцелевое назначение. Сам термин «спорные районы» дает возможность спрятать под словосочетанием, привычным в дипломатическом лексиконе и не вызывающим особой настороженности, не что иное, как территориальные притязания на советские земли. Кроме того, эта концепция должна прежде всего расшатать существующую границу, пробить в ней огромные бреши. Китайские руководители прямо заявляют: в «спорных районах границы нет», «советско-китайская граница не представляет собой единую, непрерывную линию» и т. п. Иначе говоря, дело уже идет не только о границе в «спорных районах», а о ревизии и пересмотре границы в целом.

Замысел довольно прост, и реализовать его Пекин намерен несколькими этапами, зафиксировав в промежуточном двустороннем соглашении, которое должно предворить обсуждение вопроса о прохождении линии границы, наличие «спорных районов», принудив советскую сторону признать обоснованность претензий. Политическое значение такого признания «спорных районов» в конечном итоге заключается в следующем: оспаривая установленную договорными документами единую границу, Пекин получает свободу рук для предъявления Советскому Союзу дальнейших «счетов» по территориальному «реестру», о чем говорил Мао Цзэдун в 1964 г.

Отвергая китайские домогательства, в то же время СССР считает переговоры полезными.

Русско-китайские договорные документы в подавляющем большинстве были заключены свыше 100 лет назад. За этот период граница между двумя странами никогда полностью не демаркировалась, в ряде мест разрушились пограничные знаки, произошли изменения в рельефе местности, некоторые положения документов, построенных на нормах международного права вековой давности, нуждаются в модификации и т. д.

Если руководствоваться действительным взаимопониманием глав правительств СССР и Китая, договоренностью между ними подлинной, а не мнимой, то следует прежде всего подчеркнуть, что делегациям на переговорах не вменялось в обязанность перекраивать существующую советско-китайскую границу. Задача состоит в том, чтобы произвести уточнение прохождения ее линии на отдельных участках, урегулировать все пограничные вопросы, заключить

новые договоры о границе и о режиме границы, провести демаркацию с применением современных средств. И таким образом советско-китайскую границу превратить в границу дружбы и добрососедства.

Именно из этого исходила и исходит советская сторона. Совершенно иные планы у Пекина. С первого же дня переговоров он всячески уклонялся от рассмотрения главного вопроса — уточнения прохождения линии границы на отдельных участках — и столь же упорно настаивал на предварительном подписании соглашения о так называемых «временных мерах». Свою основную задачу китайская сторона видит в том, чтобы навязать Советскому Союзу признание «спорных районов». Она намеренно включила в свои предложения о «временных мерах» предварительные условия, рассчитывая на то, чтобы, если они не будут приняты, завести переговоры в тупик и тем самым не допустить пограничного урегулирования на основе равноправия и реализма.

Ни во время встречи глав правительств, ни при обмене письмами между ними пограничные переговоры не обуславливались заключением соглашения о сохранении статус-кво. Такое предложение китайской стороны, как заявило само правительство КНР 7 октября 1969 г., выходило за рамки договоренности глав правительств и внесено им «дополнительно». Однако теперь в Пекине это выдают за элемент «взаимопонимания» глав правительств.

Руководствуясь искренним желанием содействовать прогрессу переговоров, советская сторона не стала возражать против заключения соглашения о статус-кво и 31 января 1970 г. предложила параллельно рассматривать вопрос о прохождении линии границы и вопрос о сохранении там статус-кво. 11 февраля 1970 г. она представила проект соглашения о статус-кво. Он не содержал каких-либо затрагивающих принципиальные позиции китайской стороны условий и при проявлении минимума доброй воли мог быть основой для выработки взаимоприемлемых решений¹. На различных этапах переговоров СССР внес несколько проектов соглашения, а также другие предложения. Перечислим наиболее существенные:

8 июля 1970 г. Советское правительство выступило с важной инициативой. В письме Председателя Совета Министров СССР премьеру Государственного совета КНР, в

¹ См. «Правда», 1 апреля 1978 г.

частности, предлагалось рассмотреть прохождению линии советско-китайской границы на ее восточной части, организовать новую встречу глав правительств;

в июле того же года советская сторона призвала сделать публичное заявление от имени двух правительств, зафиксировав в нем, что обе стороны не имеют территориальных претензий друг к другу, твердо намерены сохранять статус-кво и нормальную обстановку на границе, что ни у Советского Союза, ни у Китая нет намерения вести переговоры с использованием угрозы силой;

советская сторона, идя навстречу китайской стороне и стремясь облегчить договоренность по вопросу о мерах по предотвращению конфликтов на границе, согласилась с идеей развода вооруженного персонала, но не в так называемых «спорных районах», а в заранее согласованных местах и внесла конкретные предложения о местах и порядке осуществления развода, разумеется на основе равноправия, взаимности и в двустороннем порядке;

17 сентября 1971 г. советская сторона выступила с новым проектом соглашения о статус-кво, в котором, делая очередной шаг вперед, сблизила свою позицию с позицией китайской стороны по многим важным статьям, в частности о понимании статус-кво на границе, о хозяйственной деятельности, разводе вооруженного персонала, неприменении силы или угрозы силой;

6 марта 1973 г. советская делегация представила на рассмотрение сторон проект межгосударственного соглашения о прохождении линии советско-китайской границы на ее восточной части. Реализация этого предложения позволила бы уточнить линию границы по рекам, сняла бы многие вопросы, которые выдвигаются китайской стороной, открыла бы путь к более успешному решению ряда практических вопросов судоходства и т. п.

Какова же была реакция китайской стороны на советские предложения?

Без всяких оснований она отвергла эти конструктивные предложения советской делегации. Вот уже десять лет представители КНР предлагают на переговорах одну схему: без заключения соглашения о статус-кво нельзя приступить к уточнению прохождения линии границы, в том числе и к рассмотрению советского проекта соглашения по восточному участку, а без признания «спорных районов» не может быть соглашения о статус-кво.

Весь образ действий Пекина показывает, что он стремится не к урегулированию пограничных вопросов, а к

преднамеренному раздуванию их в своих антисоветских, шовинистических целях.

Ничем иным нельзя объяснить ту шумную провокационную кампанию в «обоснованце» притязаний на наши земли, которая на протяжении многих лет ведется в виде заявлений китайских лидеров, многочисленных «исследований» ученых, сомнительных раскопок, издания пресловутого «Атласа мира» в 1972 г. В оборот пущены все пропагандистские средства, чтобы скрыть правду и придать видимость правды сфабрикованным в недрах маоистских ведомств вымыслам и небылицам.

В Пекине без устали кричат о том, что существует «угроза с Севера», что Советский Союз намерен «погубить» Китай, что в условиях угрозы невозможно добиться успехов на переговорах. Не вернее ли будет сказать: в условиях преднамеренного затягивания решения вопросов пограничного урегулирования китайским властям удобнее сочинять несусветные небылицы о так называемой «советской угрозе»?

14 марта 1970 г. было опубликовано заявление ТАСС, где решительно опровергались попытки бросить тень на политику нашей страны в отношении Китая: «...подобные измышления не имеют под собой никакой почвы. С их помощью антикоммунистическая пропаганда пытается помешать советско-китайским переговорам, проходящим сейчас в Пекине, «подбросить» материал для усиления напряженности в отношениях между СССР и КНР. Советские Вооруженные Силы осуществляют повседневную службу и совершенствуют боевое мастерство в рамках обычных планов и программ, укрепляя оборону Советского государства на всей его территории»¹.

В заявлении ТАСС подчеркивалось, что неизменной политикой СССР и его правительства является стремление к нормализации советско-китайских отношений, к развитию сотрудничества, восстановлению и укреплению дружбы народов двух стран.

Но и после этого китайские лидеры продолжали извращать внешнюю политику Советского Союза, представлять его как силу, враждебную КНР. Кампания «подготовки к войне», меры по насаждению в стране духа милитаризма, антисоветская подстрекательская пропаганда нагнетались с прежней интенсивностью. Заявления о «советской угрозе» носили провокационный характер и нуж-

¹ «Правда», 14 марта 1970 г.

ны были пекинским руководителям для неблагоприятных целей — для попыток воздействовать на СССР военным шантажом, давления на него в ходе переговоров по пограничным вопросам.

Это были попытки с негодными средствами. Позицию Советского Союза со всей определенностью изложил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи 14 апреля 1970 г. Коснувшись вопроса о советско-китайских переговорах по пограничным вопросам, он сказал: «Мы твердо исходим из того, что долговременные интересы советского и китайского народов не только не противостоят друг другу, но и совпадают. В то же время мы не закрываем глаза на то, что вокруг происходящих переговоров в Китае искусственно создается обстановка, которая никак не может содействовать их успеху. В самом деле, кто может всерьез утверждать, что раздувание антисоветского военного психоза и призывы к населению Китая вести подготовку к «войне и голоду» содействуют успеху переговоров? Если это делается, чтобы оказать давление на Советский Союз, то можно заранее сказать, что усилия тут тратятся попусту. Нервы у нашего народа крепкие, о чем не мешало бы уже знать организаторам военной истерии в Китае. И в конце концов в четком урегулировании вопроса о границе КНР заинтересована уж никак не меньше, чем Советский Союз, располагающий всем необходимым, чтобы постоять за интересы советского народа — строителя коммунизма»¹.

В дни, когда все прогрессивное человечество праздновало 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, в Пекине вслед за империалистическими пропагандистами повторяли измышления об «агрессивности» СССР, гальванизировали троцкистские идеи о каком-то «буржуазном перерождении» Советской власти. Маоисты ставили знак равенства между американским империализмом и Советским Союзом, которому навешивался ярлык «социал-империализма». Они упорно стремились дискредитировать принципы социалистического интернационализма, а социалистическое содружество объявили вообще «несуществующим». Твердили о каком-то советском «бумажном тигре», грозились «проткнуть его с первого раза».

Советский Союз спокойно реагировал на клеветнические наскоки из Пекина, твердо руководствуясь курсом,

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2, стр. 542—543.

выработанным XXIV съездом КПСС: «Мы не поступимся национальными интересами Советского государства. КПСС и впредь будет неустанно бороться за сплоченность социалистических стран и мирового коммунистического движения на марксистско-ленинской основе. Вместе с тем наша партия и Советское правительство глубоко убеждены, что улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой отвечало бы коренным, долгосрочным интересам обеих наших стран, интересам социализма, свободы народов и укрепления мира. Поэтому мы готовы всемерно содействовать не только нормализации отношений, но и восстановлению добрососедства и дружбы между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и выражаем уверенность, что в конечном счете это будет достигнуто»¹.

Китайская печать все чаще помещает статьи, в которых делаются попытки обосновать претензии на советскую территорию, в том числе на часть Памира и острова Большой Уссурийский и Тарабаров в районе Хабаровска. Хотя китайские власти после X съезда КПК пытаются убедить Западную Европу, США и Японию, что СССР угрожает не КНР, а им, они по-прежнему обманывают свое население, распространяя вымыслы о возможности внезапного нападения со стороны «социал-империализма».

Показателем небывалого обострения руководством КНР политической конфронтации с Советским Союзом является то, что лишь в двух газетах — «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» — и журнале «Хунци» в 1975 г. было опубликовано свыше 2200 антисоветских материалов (против 536 за 1972 г., 900 за 1973 г. и 1700 за 1974 г.). 29 января 1976 г. МИД СССР сделал представление посольству КНР по поводу поджигательской антисоветской кампании китайских властей.

Пекинские измышления по адресу СССР, в частности легенда об «угрозе нападения», особенно выглядят нелепыми на фоне тех мер, которые предлагал принять Советский Союз.

Еще в сентябре 1969 г., когда по договоренности между главами правительств двух стран шла подготовка к началу переговоров, возник вопрос о том, чтобы СССР и Китай взяли на себя обязательство не нападать друг на друга. Хотя тогда еще существовал Договор о дружбе, союзе

¹ Д. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 3. М., 1972, стр. 204.

и взаимной помощи, Советский Союз, учитывая заявления китайской стороны о том, будто она испытывает беспокойство по поводу его намерений, предложил, чтобы СССР и КНР взяли обязательство о ненападении друг на друга. Советское правительство предложило зафиксировать это важное и серьезное обязательство, выходящее за рамки пограничного урегулирования, не в качестве одного из пунктов соглашения о временных мерах по сохранению статус-кво на границе, а оформить специальным межгосударственным актом на высоком уровне¹.

Но пекинских руководителей меньше всего интересовало снятие с повестки дня созданной ими же легенды об «угрозе». Все их действия были направлены на то, чтобы избежать достижения договоренности в какой-либо форме.

8 июля 1970 г. Советское правительство обратилось к правительству КНР с предложением провести переговоры и выработать проект межгосударственного соглашения о взаимном ненападении вооруженными силами, включая ядерные, о запрещении пропаганды войны и подготовки к войне против другой стороны. Китайское правительство уклонилось от ответа на эту инициативу, продолжая твердить, будто «переговоры проходят в обстановке военной угрозы» со стороны СССР, «над столом переговоров висит атомная бомба»².

15 января 1971 г. Советское правительство поставило вопрос о незамедлительном заключении договора о неприменении силы или угрозы силой в какой бы то ни было форме, включая обычное, ракетное и ядерное оружие. Китайскому правительству был передан проект такого договора. В нем, в частности, говорится: «Стороны берут на себя обязательство не применять в своих взаимных отношениях при решении спорных вопросов силу в какой бы то ни было форме и не угрожать ее применением. Они обязуются разрешать все свои споры исключительно мирными средствами — путем переговоров и консультаций. Стороны не будут применять друг против друга вооруженные силы с использованием любых видов оружия, включая: а) обычное, б) ракетное, в) ядерное»³.

Китайские власти отклонили проект, но высказались за включение подобного положения в текст промежуточного соглашения о сохранении статус-кво на границе. Советская сторона пошла навстречу партнерам, был выработан и

¹ См. «Международная жизнь», 1975, № 4, стр. 39.

² Там же.

³ Там же, стр. 39—40.

текст соответствующей статьи в соглашении о статус-кво. Казалось, вопрос решен. Но представители КНР воздвигли очередной барьер, связав свое предложение с требованием принять концепцию «спорных районов», т. е. выдвинули предварительное условие, которое не могло бы принять ни одно суверенное государство. Таким образом, повисло в воздухе и заключение соглашения о статус-кво, и вступление в действие обязательств о неприменении силы.

Когда официальные китайские представители, посчитав невозможным идти на большее, стали заявлять, что отношения между двумя странами должны строиться на основе принципов мирного сосуществования, Советский Союз, опять же исходя из добрых побуждений, выразил готовность строить их на такой основе¹. И об этом было четко заявлено в речи Л. И. Брежнева на XV съезде советских профсоюзов в марте 1972 г.

Переводя эту готовность на язык конкретных и конструктивных предложений, Советский Союз 14 июня 1973 г. сделал еще один шаг в том же направлении. Китайскому руководству было предложено заключить договор о ненападении между СССР и КНР. В его текст включены обязательства сторон не совершать нападения друг на друга с применением любых видов оружия на суше, на море и в воздухе, а также не угрожать таким нападением².

Китайские власти отклонили и это предложение.

В феврале 1972 г. советская сторона выступила с инициативой о заключении долгосрочных контрактов и возобновлении приграничной торговли между СССР и КНР. В марте 1973 г. Министерство здравоохранения обратилось к китайской стороне с предложением о восстановлении сотрудничества в области здравоохранения. Различные советские организации и официальные лица неоднократно выдвигали предложения о возобновлении контактов и сотрудничества между академиями наук, обществами дружбы, об обмене корреспондентами центральных газет и т. д.

Однако все эти предложения были отвергнуты или оставлены без ответа. Прежде чем решать какой-либо вопрос советско-китайских отношений, мол, нужно добиться прогресса в урегулировании «пограничной проблемы», т. е. еще до переговоров СССР должен признать китайские территориальные притязания и т. д. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай рассуждал на сессии ВСНП 13 января 1975 г.

¹ См. «Международная жизнь», 1975, № 4.

² См. там же.

в том духе, что признание «спорных районов» и вывод оттуда советских войск — это, дескать, совсем немного. Поскольку советская сторона решительно отменяет китайские претензии, то Пекин отказывается решать и другие вопросы двусторонних отношений.

Китайские власти, отклоняя советские предложения, нагнетали антисоветизм, заставляли народ тратить усилия, средства и материалы на строительство траншей и подземных убежищ. Чем дальше, тем настойчивее правители КНР старались убедить народ, что Советский Союз — враг номер один.

14 марта 1974 г. китайские власти задержали советский вертолет с тремя офицерами — членами экипажа, заблудившийся из-за плохих погодных условий и совершивший вынужденную посадку в Синьцзяне. Советских офицеров держали почти два года, обвиняя в шпионаже, но в конечном счете в декабре 1975 г. их и вертолет вернули советской стороне¹, признав в ноте МИД КНР, что подозрение в шпионаже не подтвердилось. 29 апреля 1976 г. кто-то, возможно по наущению «четверки бандитов», совершил диверсию против посольства СССР, взорвав бомбу у ворот. Было убито три китайца, в том числе два постовых милиционера, из советских людей никто не пострадал по чистой случайности. Эта акция явно имела целью вызвать острый конфликт между СССР и КНР.

Что касается СССР, то в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, сделанном Л. И. Брежневым, было подчеркнуто: «В отношениях с Китаем наша партия твердо придерживается курса, определенного XXIV съездом. Правильность этого курса подтверждена жизнью. Мы будем и впредь вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую». Вместе с тем было вновь подтверждено, что «в отношении Китая, как и других стран, мы твердо придерживаемся принципов равноправия, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, неприменения силы. Словом, мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования. Более того, можно с уверенностью заявить: если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет

¹ См. «Правда», 28, 30 декабря 1975 г.

соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма. Дело за китайской стороной»¹.

Стремясь содействовать созданию спокойной обстановки, в которой легче было бы искать пути к нормализации отношений, в Советском Союзе в сентябре 1976 г., после смерти Мао Цзэдуна, вновь прекратили публикацию критических выступлений и материалов, касающихся положения и политики КНР, и выступили с рядом новых инициатив.

В послании Верховного Совета и Совета Министров СССР китайскому руководству по случаю 27-й годовщины КНР было подчеркнуто желание нормализовать отношения двух стран на принципах мирного сосуществования². Л. И. Брежнев заявил на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС, что в советско-китайских отношениях нет вопросов, которые нельзя было бы решить в духе добрососедства. В ноябре 1976 г. в Пекин прибыл глава делегации на переговорах по пограничным вопросам заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичев. На переговорах он напомнил о советских предложениях, направленных на нормализацию отношений, как-то: заключение договора о неприменении силы, договора о ненападении, налаживание контактов между министерствами и ведомствами и возобновление сотрудничества в различных областях. Подчеркнута была готовность форсировать переговоры об уточнении линии границы на отдельных участках и подписать новый договор, чтобы снять данный вопрос из советско-китайских отношений.

В это время, как потом стало известно, произошла острая схватка в китайском руководстве, и «четверка бандитов», пытавшаяся узурпировать власть, была 6 октября 1976 г. арестована. В ходе кампании по разоблачению ее преступлений говорилось, что она уничтожала и компрометировала опытные партийные, государственные и военные кадры, расправлялась с творческой интеллигенцией, подрывала народное хозяйство, тормозила научно-техническое развитие, сопротивлялась изучению полезного иностранного опыта, блокировала международные экономические связи Китая. Кстати сказать, когда в течение ряда лет советские ученые и печать указывали как раз на эти нелепые

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, стр. 459.

² См. «Правда», 1 октября 1976 г.

вещи, китайская сторона обижалась и обвиняла СССР в недружественных нападках. Кто же оказался прав?

Естественно было ожидать, что устранение группы высших деятелей, выдвинутых Мао Цзэдуном, осуждение их за громадный вред, который они причинили стране, приведут и к корректировке внешнего курса, в частности политики в отношении социалистических стран, который серьезно ослабляет позиции КНР на международной арене. Пекин взял линию на ускоренное развитие экономики, но для этого нужны громадные средства. Разрядка с СССР помогла бы сэкономить много и направить эти средства на развитие экономики. Ведь без этого амбициозные планы остаются на бумаге, в чем китайский народ убедился очень скоро.

В империалистическом лагере с тревогой следили, что делает новое руководство, не идет ли оно на разрядку напряженности в отношениях с Советским Союзом. «Крисчен сайенс монитор» прямо заявила: «Выгоды, вытекающие для Запада из враждебности между Китаем и Советским Союзом, настолько очевидны и их настолько осознают сейчас на Западе, что даже намек на возможное уменьшение этой враждебности вызывает там беспокойство». Но разрядки с СССР не произошло.

Новое китайское руководство не откликнулось на советские инициативы. Явное стремление создать новые завалы на пути нормализации отношений проглядывало в ходе очередного тура переговоров по пограничным вопросам в ноябре 1976 г. — феврале 1977 г. Китайская сторона опять заявила, что без признания «спорных районов», т. е. без удовлетворения ее территориальных притязаний, не могут развиваться связи и в других областях. Более того, она потребовала выполнения предварительных условий, односторонних шагов Советского Союза, что явно говорило о стремлении загнать отношения в тупик.

Органы пропаганды и официальные лица, включая высших руководителей, продолжали использовать любые средства, чтобы опорочить миролюбивую внешнюю политику СССР, братские отношения стран социалистического содружества, усилия СССР, призванные укрепить дружбу и сотрудничество между народами, его борьбу против сил империалистической реакции и агрессии.

19 мая 1977 г. МИД СССР вручил посольству КНР ноту, в которой Советское правительство заявило протест против враждебной клеветнической кампании и со всей серьезностью предупредило, что китайские руководители берут на

себя большую ответственность перед своим народом за последствия ее продолжения¹.

Советский Союз спокойно и последовательно, как и полагается стране, уверенной в своей правоте, продолжал усилия с целью остановить процесс обострения советско-китайских отношений.

В июле 1977 г. Советское правительство согласилось договориться о проходе китайских гражданских судов по внутренним водам СССР мимо Хабаровска в период обмеления пограничной протоки Казакевича², и договоренность была оформлена с 1 сентября 1977 г. Одновременно оно предложило провести работы по углублению и расширению протоки Казакевича, выразило готовность предоставить для этого необходимую технику.

XI съезд КПК в августе 1977 г., ознаменовавший завершение одного из острых этапов внутриполитической борьбы, подтвердил маоистский авантюристический, раскольнический курс Китая в международных делах. Выступившие на съезде новые руководители предрекали провал процесса разрядки и «нарастание фактора войны». Председатель ЦК КПК, премьер Госсовета Хуа Гофэн говорил: «В начале прошлого года председатель Мао Цзэдун указал: «У Соединенных Штатов есть в мире интересы, которые они стремятся защитить, а Советский Союз рвется к экспансии, и этого ничем не изменить. В эпоху существования классов война есть явление, наблюдающееся между двумя мирными периодами... Обе сверхдержавы, Советский Союз и Соединенные Штаты, стремятся установить свою гегемонию над всем миром, везде и всюду ведут между собой схватку и делают наш мир весьма беспокойным. Дальнейшее продолжение их схватки рано или поздно приведет к войне... До тех пор, пока империализм и социал-империализм как общественный строй не изменятся, война неизбежна... Советский Союз и Соединенные Штаты — очаги новой мировой войны, в особенности советский социал-империализм, который и представляет собой большую опасность... Если только народы всех стран повысят бдительность, тесно сплотятся, как следует подготовятся и поведут неустанную борьбу, то можно будет отсрочить войну, а когда война разразится, они окажутся в выгодном положении... Перед лицом агрессии и угрозы со стороны империализма, особенно социал-империализма, ввиду того что со-

¹ См. «Правда», 27 мая 1977 г.

² См. «История международных отношений на Дальнем Востоке, 1917—1977», стр. 439.

ветские ревизионисты не расстаются с мыслью поработить нашу страну, нам надо быть готовыми воевать»¹.

Пекин настойчиво защищал концепцию о «трех мирах». Сохранена линия на подрыв социалистического сотрудничества, мирового коммунистического и национально-освободительного движений, на эксплуатацию противоречий между социализмом и империализмом в интересах великодержавной политики Китая. Дэн Сяопин при встрече с представителем комиссии бундестага ФРГ по вопросам обороны Манфредом Вернером (ХДС) в сентябре 1977 г. назвал сближение Китая с Советским Союзом немыслимым и выразил уверенность, что ни он, ни Хуа Гофэн не доживут до этого, и добавил, что исключает «это даже для будущего поколения»².

Как показала состоявшаяся в феврале — марте 1978 г. сессия ВСНП, китайское руководство не только избегало обсуждения по существу вопроса о нормализации отношений с СССР, но и продемонстрировало намерение впредь продолжать свою враждебную политику. Сессия ВСНП на уровне государственного органа КНР подтвердила антисоветский курс китайского руководства, сформулированный XI съездом КПК, закрепила его в основном законе страны. Теперь борьба против СССР и его союзников стала не только партийной нормой, зафиксированной в уставе КПК, но и конституционной. В конституцию были внесены изменения, приводящие ее текст в соответствие с документами XI съезда КПК, согласно которым СССР поставлен на первое место среди врагов Китая. На сессии ВСНП Хуа Гофэн вновь обвинил Советский Союз в том, будто он не расстанется с мыслью «поработить нашу страну», и связал это напрямую с необходимостью ускорения темпов всего экономического и военного развития страны³. Антисоветизм оказался состыкованным с так называемой «генеральной задачей» внутренней политики КНР.

Все откровеннее Пекин выступал как партнер империализма в борьбе против СССР, а империалистическая пропаганда синхронизировала свои враждебные СССР кампании с его выступлениями. Вольфганг Бартке в статье, опубликованной в журнале «Хина актуэль», писал: «Шпрингеровская пресса, цитировавшаяся в течение 1977 г. восемь раз, пользуется предпочтением, в результате чего становится очевидной шизофрения политики и пропаганды.

¹ «Жэньминь жибао», 23. VIII. 1977.

² «Die Welt», 27. IX. 1977.

³ «Жэньминь жибао», 27. II. 1978.

С одной стороны, Китай, взявший курс на конфронтацию с Москвой, использует прессу ФРГ, с другой стороны, шпрингеровская печать в первую очередь, а также и «Байерн-курир», нацеленные на антикоммунистическую политику, безоговорочно впрягаются в кампанию китайской прессы против Москвы»¹.

Такая позиция противоречила здравому смыслу и причиняла ущерб прежде всего КНР. Известный американский профессор Аллен Уайтинг в книге «Будущее Китая» отмечал, что «и Пекин и Москва понимают, как Вашингтон эксплуатирует конфронтацию между ними, подыгрывая одной стороне против другой»². Стивен Левин, специалист по китайско-советским отношениям, в статье «Советский фактор в китайско-американских отношениях», опубликованной в книге «Дракон и орел», указывал: «Уменьшение напряженности между Китаем и Советским Союзом позволит обратить часть средств, выделенных на военные нужды, на важные цели экономического развития». Это также, отмечал Левин, усилит нажим на США, которые с целью помешать сдвигу Китая в сторону СССР вынуждены будут пойти на уступки по тайваньскому вопросу»³.

Учитывая все это, Советский Союз снова и снова предпринимал шаги, чтобы добиться ослабления напряженности между двумя странами.

24 февраля 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР обратился к Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей. В обращении сказано, что советско-китайские отношения за последние годы приобрели такой характер, который не может не вызывать серьезное беспокойство. Существующее положение ведет к созданию атмосферы взаимного недоверия, к нагнетанию напряженности в межгосударственных отношениях. Коренные интересы советского и китайского народов требуют принятия определенных практических мер, направленных на нормализацию советско-китайских отношений в соответствии с чаяниями и надеждами народов двух стран.

Президиум Верховного Совета СССР, выражая волю и чаяния советского народа, еще раз заявил о своей готовности положить конец нынешнему ненормальному поло-

¹ «China Aktuell», II. 1978.

² «China's Future. Foreign policy and economic development in the post Mao era». New York, 1977, p. 26.

³ «Dragon and Eagle. United States — China Relations: past and future», p. 252.

жению в отношениях между СССР и КНР, остановить опасный процесс их дальнейшего обострения, который может привести к серьезным отрицательным последствиям для наших стран и народов, для судеб мира на Дальнем Востоке, в Азии и во всем мире. Чтобы материализовать выраженное обеими сторонами желание основываться в своих отношениях на принципах мирного сосуществования и воплотить его в весомый международный акт, Президиум Верховного Совета СССР предложил выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. Совместное заявление о том, что стороны будут строить свои отношения на основе мирного сосуществования, твердо придерживаясь принципов равноправия, взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и неприменения силы, могло бы двинуть вперед дело их нормализации. Если сама идея выступления с таким документом приемлема для китайской стороны, то надо провести в Москве или в Пекине встречу представителей двух сторон на достаточно высоком уровне, с тем чтобы в возможно короткий срок согласовать текст заявления. В ходе такой встречи можно было бы рассмотреть и предложения КНР, направленные на нормализацию двусторонних отношений¹.

Пекин ответил на обращение нотой МИД КНР посольству СССР от 9 марта 1978 г.² В ней отклонялись советские предложения. Были выдвинуты предварительные условия улучшения межгосударственных отношений: прежде всего заключить соглашение о сохранении статус-кво на границе, признать значительные участки советской территории «спорными районами», т. е. подлежащими передаче Китаю, а затем перейти к разрешению вопроса о границе путем переговоров; вывести войска из районов, прилегающих к китайской границе, восстановив положение, существовавшее в начале 60-х годов.

Как показывает опыт международного общения, в том числе и самого Китая, при желании государств прийти к соглашению переговоры ведутся без каких-либо предварительных условий, на основе равенства. Именно в ходе делового обмена мнениями, в процессе улучшения отношений было бы найдено решение многих вопросов к обоюд-

¹ См. «Правда», 21 марта 1978 г.

² См. там же.

ному удовлетворению сторон, а некоторые из них отпали бы сами по себе. Создавать же частокोल предварительных условий, предъявлять территориальные притязания к Советскому Союзу — значит умышленно вести дело либо к блокированию всякой договоренности, либо к достижению односторонних преимуществ. К тому же попытки разговаривать с Советским Союзом языком ультиматума выглядели не иначе как утрата всякого чувства реальности; беспочвенны и несерьезны претензии китайских властей и на статус «пострадавшей стороны».

Судя по всему, в Пекине по-прежнему не были готовы к конструктивному диалогу, который бы вызвал позитивные сдвиги в отношениях между СССР и КНР. Раз так, советская сторона располагала возможностью подождать, пока у китайской стороны созреет понимание необходимости проявить разумный подход и начать деловой разговор.

Империалистические круги приветствовали отклонение китайским правительством новой советской инициативы. Газета английских консерваторов откровенно писала: «Заключение договора о ненападении между Москвой и Пекином было бы самым страшным событием на международной арене, какое можно себе представить, кроме мировой войны»¹.

Новые китайские руководители попытались усилением напряженности с СССР подстегнуть трудовую активность населения, заставить народ нести тяготы, связанные с их амбициозными планами. Решив прибегнуть к громадным займам у Японии и западных держав, добываясь новейшей техники, военной технологии и оружия, они как бы заверяют, что на Пекин можно положиться в борьбе против СССР, мирового социализма. Наконец, жупел «советской угрозы» используется китайским руководством для прикрытия его гегемонистских целей, стремления подтолкнуть мир к новой мировой войне.

В ходе беседы с заместителем председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Ф. Циммерманом в марте 1978 г. Дэн Сяопин говорил об общей угрозе, которой якобы подвергаются Европа и Китай со стороны Советского Союза. Он повторил мнение о неизбежности большой войны, которую, однако, можно оттянуть путем принятия интенсивных оборонительных мер. Для этой цели Восток, под

¹ «Daily Telegraph», 27. III. 1978.

которым Дэн понимает Китай и Японию, и Запад — Европа и США — должны принять подготовительные меры¹. Хуа Гофэн договорился на всекитайском совещании по политической работе в июне 1978 г. до того, что заявил: Советский Союз «в его стремлении погубить нас является нашим самым главным, самым опасным врагом!»² В начале августа 1978 г. в Пекине была опубликована статья министра обороны Сюй Сянцзяня. В этом полном лютой злобы к СССР, братским странам социализма выступлении повторялась маоистская концепция международного развития. Назвав Советский Союз «самым главным врагом Китая», министр обороны утверждал, что войны — «нормальное явление», «третья мировая война может разразиться в любой день», «война — это также продолжение мира». «Когда война вспыхнет, — писал китайский министр, — необходимо создать широчайший единый фронт в мировом масштабе и нанести смертельный удар зачинщику войны» — так в Китае именуют Советский Союз. Пекинский деятель уверял, что КНР будет помогать всем, кто «ведет решительную борьбу» с СССР³.

Империалистические круги подыгрывают провокационному поведению китайских правителей. Помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский во время визита в КНР в мае 1978 г. хотел убедиться, достаточно ли прочно стоит Пекин на позициях антисоветизма, и остался доволен тем, что ему говорили. «Нью-Йорк таймс» писала: «В своих речах Бжезинский пытался подчеркнуть общую озабоченность в отношении Советского Союза. Как представляется, он добился успеха у китайских руководителей, которым по душе его жесткая позиция в отношении СССР»⁴. Но в США раздавались и голоса, призывавшие проявлять осмотрительность. «Вашингтон пост» предостерегала: «Президент Картер и его помощник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский действуют так, будто они должны вознаградить КНР за шаги, которые в очень большой мере отвечают ее собственным интересам. Создается также впечатление, что они считают слабую экономику Китая и плохо вооруженную китайскую армию тем благом, которое каким-то образом поможет укрепить стратегические позиции Соединенных Штатов в отношении гораздо более мо-

¹ «Die Welt», 26. III. 1978.

² «Жэньминь жибао», 4. VI. 1978.

³ «Жэньминь жибао», 1. VIII. 1978.

⁴ «New York Times», 23. V. 1978.

гущественного СССР. Но дело в том, что усиление враждебности со стороны Советского Союза может повредить нам — и КНР — больше, чем Пекин может принести пользу. Например, какой-нибудь военный инцидент на китайской границе, связанный с Советским Союзом, быстро заставил бы Хуа Гофэна и Картера протрезветь и понять, на какой риск они идут»¹.

Наиболее реакционные круги США подыгрывали антисоветской политике китайских властей и в связи с нормализацией китайско-американских отношений, и во время визита Дэн Сяопина за океан в январе 1979 г. Им явно импонировали враждебные СССР заявления китайских визитеров, призывы помочь КНР набраться сил, чтобы противодействовать Советскому Союзу. Чувствуя благожелательное отношение со стороны администрации США, пекинская верхушка развязала в феврале — марте войну против Социалистической Республики Вьетнам.

Советское правительство в Заявлении от 18 февраля 1979 г. указало, что нападение на Вьетнам лишний раз свидетельствует, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие. Советский Союз выполнит обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ. Тем, кто определяет политику в КНР, следует остановиться, пока не поздно. СССР решительно потребовал прекращения агрессии и незамедлительного вывода китайских войск с территории Социалистической Республики Вьетнам².

Советский Союз принял активное участие в широкой международной кампании социалистических стран, коммунистических партий, многих развивающихся государств, прогрессивных и миролюбивых организаций против разбойничьего нападения китайских милитаристов на Вьетнам.

Были срочно приняты меры с целью оказания дополнительной помощи Вьетнаму, поставки ему всего необходимого для отпора агрессору. Советский Союз осуществил ряд других важных мер.

Социалистический Вьетнам высоко оценил позицию СССР в связи с агрессией Китая. «Верный высокому интернациональному долгу, Советский Союз своим твердым

¹ «Washington Post», 12. IX. 1978.

² См. «Правда», 19 февраля 1979 г.

заявлением и практическими действиями доказал, что он с первых минут рядом с нами, являлся мощной опорой нашей борьбы»¹.

Логика сползания на позиции империализма привела к тому, что 3 апреля 1979 г. китайская верхушка осуществила акцию, которую в Пекине вынашивали несколько лет. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение о том, что Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР от 14 февраля 1950 г. продлеваться не будет. Договор, дескать, сыграл свою историческую роль в обеспечении безопасности Китая и Советского Союза, в содействии их дружбе и сотрудничеству, в защите мира на Дальнем Востоке и во всем мире; но в международной обстановке произошли большие изменения, например нормализованы отношения между СССР и Японией, а затем между Китаем и Японией, поэтому положения, касавшиеся Японии, устарели, к тому же предусмотренные договором обязательства были попорчены якобы не по вине КНР, и договор давно уже существует номинально.

Одновременно правительство КНР предложило провести переговоры «об улучшении отношений».

Советское правительство заявило 4 апреля, что трансформация отношения Пекина к договору — от полного одобрения и активного использования до прекращения его действия — тесно связана с перерождением политического курса китайских руководителей, который все более определяется великодержавными, гегемонистскими устремлениями, пренебрежительным отношением к другим странам и народам, враждебностью ко всему тому, что ведет к укреплению мира и международной безопасности, идет вразрез с их планами установления мирового господства. Было также подчеркнуто, что в Советском Союзе неизменно сохраняется глубокое уважение к китайскому народу, к его истории и культуре. Не существует объективных причин для отчуждения, а тем более противоборства народов наших стран. Вся ответственность за прекращение действия договора ложится на китайскую сторону. Советский Союз, разумеется, сделает соответствующие выводы из указанных действий китайской стороны².

Что касается содержавшегося в ноте МИД КНР от 3 апреля предложения о переговорах между двумя странами, то, как сказал Л. И. Брежнев в выступлении по вен-

¹ «Нян зан», 7. III. 1979.

² «Правда», 5 апреля 1979 г.

герскому телевидению 1 июня 1979 г., «мы не раз предлагали китайской стороне договориться о нормализации наших отношений, ввести их в добрососедское русло. Мы и сейчас готовы к этому, но, разумеется, не за счет интересов третьих стран». Задачей этих переговоров, указывалось в памятной записке МИД СССР от 4 июня 1979 г., должны быть нормализация и улучшение отношений на основе принципов мирного сосуществования и выработка обязательств сторон, что они не будут признавать чьих бы то ни было притязаний на особые права и гегемонию в мировых делах и в соответствии с этим будут строить свои двусторонние отношения.

Когда шел обмен документами в порядке подготовки переговоров, Хуа Гофэн выступил на сессии ВСНП 18 июня 1979 г. с докладом, в котором СССР вновь были предъявлены предварительные условия и содержались антисоветские выпады.

Переговоры начались в Москве на уровне заместителей министров иностранных дел 27 сентября 1979 г.

КИТАЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД

Одним из проявлений великодержавного гегемонизма является практика Пекина определять, какие страны являются социалистическими, а какие уже «перестали» быть таковыми. На IX съезде КПК к социалистическим странам кроме Китая была отнесена лишь Албания. «Закрыв» в 1974 г. социалистический лагерь, китайские руководители, применяя дифференцированный подход, все настойчивее стараются воздействовать на страны социализма. Цель состоит в том, чтобы вызвать трудности в отношениях социалистических государств с Советским Союзом, подтолкнуть их к «нейтралитету» в противоборстве КНР с СССР, а затем перетянуть на китайские позиции.

Экономические интеграционные процессы, совершающиеся в мире, оказывают все большее воздействие на развитие мировых хозяйственных связей. Именно поэтому в последние годы китайское руководство особенно усердствует по части распространения клеветнических домыслов относительно существа, а также различных конкретных проявлений социалистической интеграции. «Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао» и журнал «Хунци» опубликовали десятки материалов по вопросам функционирования СЭВ, Организации Варшавского Договора и

отношений отдельных социалистических стран с СССР. Их авторы поносят СЭВ как организацию, в существовании которой якобы заинтересован лишь Советский Союз, рассматривающий ее как «свою вотчину» и навязывающий странам-членам экономическую интеграцию, ограничивающую «их суверенитет и право на развитие национальной экономики». Делались попытки противопоставить два вида интеграции: социалистическую в рамках СЭВ и капиталистическую в рамках ЕЭС. Первая изображалась «колониалистской», якобы ведущей к росту «противоречий», вторая — «здоровой», «эффективной», в которой будто бы существуют лишь «незначительные споры при большом единстве».

Лживость этих утверждений становится очевидной, стоит лишь ознакомиться с тем, как оценивают значение интеграции для развития их национальных хозяйств сами страны СЭВ. Заместитель Председателя правительства ЧССР Рудольф Рогличек в статье «Фактор ускоренного развития» писал: «Объективные условия ныне таковы, что Чехословацкая Социалистическая Республика, как и другие государства — члены СЭВ, не может обойтись без интенсивного включения в международное разделение труда, в первую очередь социалистическое, не может обойтись без дальнейшего расширения и углубления специализации и кооперационных связей с братскими странами. Хозяйственное сотрудничество, социалистическая экономическая интеграция — важные факторы роста нашей экономики, достижения высокого технического уровня и дальнейшего повышения эффективности общественного производства». Член ЦК ПОРП, заместитель Председателя Совета Министров ПНР, председатель Исполнительного комитета СЭВ Казимеж Ольшевски отмечал: «При достигнутом уровне экономического потенциала интеграция стала необходимым и существенным фактором дальнейшего социально-экономического прогресса, отвечающим интересам как каждой страны — члена Совета Экономической Взаимопомощи, так и всего содружества. Значение этого фактора закономерно возрастает по мере того, как экономика наших стран крепнет, становится все более зрелой». Секретарь Комиссии Совета Министров Венгрии по внешним связям Я. Сита подчеркивал, что «социалистической экономической интеграцией связаны все элементы нашего хозяйства. В настоящее время ни теоретически, ни практически нельзя разграничить, какие результаты экономического развития нашей страны и в

какой мере являются следствием социалистической экономической интеграции, поскольку они просто неотделимы от прочих факторов экономического развития». В экономических связях нового типа, пишет далее автор, «последовательно реализуется принцип взаимной выгоды — ни одна социалистическая страна не стремится к получению односторонних выгод»¹. В журнале «Румынская внешняя торговля» было сказано: «Румыния развивала и развивает многоплановое тесное экономическое сотрудничество и кооперирование с социалистическими странами. Это сотрудничество занимает видное место в ее внешнеэкономических связях. Как член — учредитель СЭВ, Румыния активно содействует углублению экономического сотрудничества в рамках этой первой международной экономической организации социалистических стран и вносит свой вклад в дело выполнения Комплексной программы, направленной на развитие народного хозяйства каждой страны в отдельности, на повышение уровня стран с менее развитой промышленностью, на сближение и выравнивание уровней экономического развития стран-участниц»².

*Основные показатели роста народного хозяйства
ряда стран СЭВ на 1976—1980 гг.
(в %)³*

	НРБ	ВНР	ГДР	ПНР	СРР	СССР	ЧССР
Национальный доход	40—45	30—32	27—30	40—42	65	26	27—29
Промышленное производство . .	55	33—35	34—36	48—50	70	36	32—34
Среднегодовой объем сельскохозяйственного производства	20	16—18	20	15—16	34—41	16	14—15
Капитальные вложения в народное хозяйство	50	25—26	29—31	37—40	77	26	25
Производительность труда в промышленности	50	30—32	30—32	—	55	31	—
Реальные доходы на душу населения	20—25	18—20	21—23	16—18	—	21	23—25

¹ «Figyelo», 11. V. 1977.

² «Румынская внешняя торговля», 1977, № 1.

³ См. «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 3, стр. 73.

Китайская пропаганда особенно изощряется в домыслах о положении МНР в социалистическом содружестве. А реальные факты таковы. Только в текущей пятилетке с помощью Советского Союза в стране сооружается около 250 объектов. В итоге этого и освоения новых мощностей в 1980 г. по сравнению с 1975 г. валовая продукция топливно-энергетической промышленности увеличится в 1,8 раза, горнорудной — в 6,7 раза, легкой и пищевой — на 33,2—40,7%. Растущее экономическое и научно-техническое содействие МНР оказывают и другие братские страны. «Эффективное использование преимуществ тесного экономического сотрудничества и возрастающей экономической помощи Советского Союза и других братских стран на основе максимальной мобилизации внутренних ресурсов страны — надежный залог успешного решения намеченных партией планов построения социалистического общества в МНР», — подчеркивается в статье заместителя постоянного представителя МНР в СЭВ Ц. Давадоржа «Что дает Монголии участие в СЭВ»¹.

Для более ускоренного подтягивания уровня экономического развития МНР и Кубы социалистическое содружество предусматривает целую систему мер. Как отмечено в коммюнике о XXXI заседании сессии СЭВ (Варшава, июнь 1977 г.), «на основе предложений Республики Куба и Монгольской Народной Республики разрабатываются мероприятия, направленные на ускорение развития и повышения эффективности их экономики». Братские страны оказывают им широкую и разнообразную помощь в развитии промышленного и научно-технического потенциала, а также традиционных отраслей экономики — животноводства в МНР и производства сахара на Кубе. Основные виды экспортной продукции МНР они покупают по повышенным ценам. Страна получает кредиты от Международного банка экономического сотрудничества и Международного инвестиционного банка на гораздо более льготных условиях, чем другие члены СЭВ.

Центральные Комитеты коммунистических и рабочих партий, правительства братских государств, органы СЭВ и международные экономические организации провели большую работу по реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции, принятой на сессии СЭВ в 1971 г. Успешно выполнялся первый пятилетний согласованный план многосторонних интеграци-

¹ «Новости Монголии», 18. III. 1977.

онных мероприятий стран — членов СЭВ на 1976—1980 гг. Они выделяли для этого необходимые материальные, финансовые и трудовые ресурсы.

Большое внимание уделялось тому, чтобы совместными усилиями удовлетворить всевозрастающие потребности стран — членов СЭВ в топливе, энергии и сырье. Продолжалось сооружение крупных предприятий, пуск которых позволит участникам строительства получать в больших количествах природный газ, целлюлозу, асбест, железосодержащее сырье, ферросплавы, медно-молибденовый концентрат, никель, кобальт, другую продукцию.

Углублялись международная специализация и кооперирование производства стран — членов СЭВ. Между ними действует свыше ста многосторонних и около тысячи двусторонних соглашений о сотрудничестве в этой области. Особенно быстрыми темпами развиваются специализация и кооперирование производства в машиностроении. В 1977 г. было заключено пять многосторонних соглашений, включающих изготовление и поставки комплектных технологических линий для литейных цехов и заводов, оборудования и приборов для технического обслуживания, ремонта и диагностики автомобилей. Они охватывают изделия свыше 600 наименований. По 320 из них согласованы объемы взаимных поставок до 1980 г.

Долгосрочные торговые соглашения между странами — членами СЭВ на 1976—1980 гг. создали важные предпосылки для дальнейшего развития взаимного товарооборота и углубления производственных связей на долгосрочной согласованной основе. Взаимные поставки товаров в 1977 г. достигли 93 млрд. руб. и увеличились по сравнению с 1976 г. на 17,7%, а по сравнению с 1975 г. — на 31%.

Расширилось научно-техническое сотрудничество, повысилась его эффективность. Совместными усилиями создано более 1500 новых конструкций машин, механизмов и приборов, свыше 1300 видов новых материалов, продуктов, препаратов. Разработано и усовершенствовано более 1200 технологических процессов. Завершено свыше 750 научно-исследовательских работ, посвященных охране окружающей среды. Из них около 200 уже используются на практике.

Социалистическая экономическая интеграция стран — членов СЭВ осуществляется на основе непрерывного развития и совершенствования совместной плановой деятельности. Особое значение в этой связи имеет разработка

долгосрочных целевых программ сотрудничества до 1990 г.¹

Дальнейшее углубление и совершенствование экономического сотрудничества братских стран социализма направлено на решение задачи огромного политического значения — укрепления материальной основы содружества.

СЭВ, который китайская пропаганда изображает как «орудие для насаждения неокOLONиализма»², служит надежной опорой и союзником борьбы развивающихся стран за укрепление независимости, за преодоление экономической отсталости. Страны — члены СЭВ оказали экономическое и техническое содействие почти 70 развивающимся государствам; с помощью СЭВ они построили более 2 тыс. промышленных предприятий и объектов в основных отраслях своего хозяйства; продолжается сооружение еще около тысячи важных народнохозяйственных объектов. Эти страны получили по состоянию на 1 января 1975 г. от государств — членов СЭВ долгосрочные кредиты на сумму 13 млрд. руб.³

Что бы ни писали недоброжелатели из Пекина, интернационалистский характер, демократизм структуры и функционирования списали СЭВ международное признание. В 1978 г. туда вступила Социалистическая Республика Вьетнам. Все более активно участвует в работе СЭВ и его специализированных органов Югославия; систематически направляет своих наблюдателей на сессии и другие форумы этой организации КНДР. Договорные отношения с СЭВ установили Иракская Республика, Мексика. Оформлено договором сотрудничество Финляндии с СЭВ. Экономическая организация социалистических стран получила статус наблюдателя в ООН.

В попытках вернуть Европу ко временам «холодной войны», вызвать конфронтацию китайские руководители договорились до того, что называли Организацию Варшавского Договора агрессивным блоком. Одновременно из Пекина раздаются призывы к укреплению НАТО. В октябре 1973 г. Чжоу Эньлай на встрече с американским журналистом высказался за то, чтобы «НАТО и Западная Европа оставались сильными», объявив, что НАТО — «это оборонительный союз против ставшего агрессивным

¹ См. «Правда», 14 апреля 1978 г.

² «Жэньминь жибао», 12. II. 1975.

³ «Wirtschaft», 1977, N 4.

Варшавского Договора». В мае 1974 г. в беседе с тогдашним лидером английских консерваторов Хитом Чжоу Эньлай призывал поторопиться с реализацией идеи о «совместной организации обороны Западной Европы в рамках НАТО»¹.

Пекин приложил немало усилий, чтобы содействовать укреплению НАТО, приостановить происходящие в нем центробежные процессы. Китайские руководители осудили заявление Греции о намерении выйти из военной организации этого блока. Во время визита во Францию в мае 1975 г. Дэн Сяопин, как сообщало агентство Франс Пресс, дал понять, что в Китае были бы довольны возвращением Франции в военную организацию НАТО. Пекин советовал Скандинавским странам согласиться с проектами создания объединенных сил НАТО на Северном море, пытался помочь руководству этого блока на Балканах и в районе Восточного Средиземноморья. Не желая ухудшать отношений с НАТО, КНР не признала демократическое правительство Португалии; более того, в августе 1975 г. маоисты потратили немало усилий, чтобы помочь португальской реакции, пытавшейся уничтожить революционные завоевания трудящихся.

Это полное сползание с классовых позиций и фактический переход в лагерь империализма горячо приветствовали на Западе. «Внешняя политика Китая состоит в том, чтобы оказывать противодействие Советскому Союзу повсюду и везде,— сказал представитель госдепартамента США.— А это значит, что цели американцев и китайцев зачастую совпадают, поэтому Соединенные Штаты не хотят, чтобы китайско-американские отношения испортились»².

Стремясь ослабить узы, связывающие государства социалистического содружества, Пекин не брезгует явной демагогией и обманом.

Китайские руководители утверждают, что их борьба против СССР не должна беспокоить другие страны. Этот тезис сразу рушится, если обратиться к практическим делам. Когда лидеры КНР заявляли, что войска США не должны уходить с Дальнего Востока и из Юго-Восточной Азии, Япония должна вооружаться, а японо-американский военный союз должен быть сохранен, разве это не направлено также против КНДР и СРВ, против освобо-

¹ «Daily Telegraph», 30. V. 1974.

² «The Wall Street Journal», 23. VIII. 1977.

дительного движения в Юго-Восточной Азии? Когда китайские руководители ведут военные приготовления вдоль северных границ, совершают провокации там, разве это не враждебная политика в отношении МНР, тем более что время от времени они выступают с территориальными притязаниями? Когда Пекин пытался сорвать заключение договоров и торпедировать совещание по сотрудничеству и безопасности в Европе, когда он подбрасывает реваншистские идейки насчет временного характера сложившихся после войны границ в Европе, выступает против сокращения войск и вооружений в Центральной Европе, разве это не затрагивает интересы Польши, ГДР и ЧССР, Венгрии и Болгарии, Румынии и Югославии? Когда китайские лидеры всемерно противодействуют тенденциям к оздоровлению международного климата, мешают урегулированию на Ближнем Востоке, протестуют против любой международной акции, ведущей к сдерживанию гонки вооружений, к укреплению доверия между государствами, и, напротив, провоцируют обострение международной обстановки, где только можно, разве это не противоречит политике и интересам всех социалистических государств? Когда руководители КНР пытаются делить мир по расовому признаку, стремятся противопоставить одни континенты другим, разве такая политика может оставлять равнодушными социалистические государства?

Чего стоит тезис о возможности развития сотрудничества с социалистическими странами при сохранении антисоветского курса, показали война Пекина против социалистического Вьетнама и грубое вмешательство в дела Лаоса.

Пекинские лидеры выдвинули и такой аргумент: развитие отношений на основе мирного сосуществования между КНР и социалистическими странами может содействовать и улучшению советско-китайских отношений. И этот аргумент никого не обманул: все видят углубление вражды Пекина к СССР.

Заметно усилились попытки Пекина проникнуть в социалистические страны, навязать им свои концепции. В нарушение законов и порядков, действующих там, и даже принципа мирного сосуществования, предложенного им самим в качестве основы отношений с этими государствами, посольства КНР рассылают враждебные, клеветнические материалы предприятиям, учреждениям, учебным заведениям, подбрасывают их в почтовые ящики частных лиц. Сотни людей, в том числе не имеющих от-

пошения к ведомствам внешних связей, получают приглашения па различные приемы и встречи в посольствах КНР. Китайские работники стараются получить закрытую информацию о решениях партийных и государственных органов, собирают сведения о вооруженных силах, о вооружении, причем эту шпионскую работу координируют с представителями натовских стран и обмениваются с ними информацией.

Политика Пекина строится с учетом особенностей положения и политики каждой страны. На Социалистическую Республику Вьетнам оказывается грубый нажим, в том числе и с применением силы. Нарастает давление на Лаосскую Народно-Демократическую Республику. Против Республики Куба ведется шумная кампания нападок и клеветы. На Народную Республику Болгарию, Венгерскую Народную Республику, Германскую Демократическую Республику, Монгольскую Народную Республику, Польскую Народную Республику, Чехословацкую Социалистическую Республику Пекин пытается воздействовать посредством давления и посул, угроз и любезности, вмешательства во внутренние дела и заверений в мирном сосуществовании. Пекинские лидеры активизировали деятельность по развитию отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой, Социалистической Республикой Румынией, Социалистической Федеративной Республикой Югославией. Именно эти государства первыми удостоились посещения в 1978 г. председателем ЦК КПК, премьером Госсовета КНР Хуа Гофэном. Фактически разрывом закончился почти 20-летний альянс Китая и Албании.

Оказывая помощь Вьетнаму в борьбе против империалистической агрессии, Пекин стремился усилить свое влияние в Индокитае, а заодно использовать героическую борьбу вьетнамского народа, чтобы оказать нажим на США и вынудить их пойти на улучшение отношений с Китаем. В сентябре 1969 г. в Ханой в связи с кончиной Хо Ши Мина прибыл Чжоу Эньлай. В начале марта 1971 г. он вновь посетил ДРВ. В Ханой выезжали другие политические и военные деятели Китая. В дни, когда происходило вторжение американо-сайгонских войск в Лаос, а руководящие деятели Соединенных Штатов угрожали возобновить массированные бомбардировки Северного Вьетнама и даже ввести сайгонские сухопутные силы на территорию ДРВ, китайские лидеры хотели продемонстрировать, что не останутся безразличными в случае осу-

цествления этих угроз. Премьер Госсовета КНР заявил 5 марта 1971 г. в Ханое: «Произвольное расширение американским империализмом агрессивной войны в районе Индокитая есть серьезная угроза для Китая. Правительство и народ Китая в достаточной мере учли безумие и авантюризм американского империализма и полностью подготовились к этому... 700-миллионный китайский народ является прочной опорой вьетнамского народа, а обширная территория Китая — его надежным тылом».

Что имел в виду Чжоу Эньлай? Он предложил направить армию ДРВ в Южный Вьетнам, а защиту Северного Вьетнама возложить на Народно-освободительную армию. Пусть, дескать, вьетнамцы воюют с американскими войсками, изматывают их, что сделает Вашингтон более стоворчивым и подтолкнет на контакты с Пекином, а тем временем фактическая оккупация Северного Вьетнама китайской армией позволит диктовать вьетнамцам политику, угодную великоханьцам.

В Вашингтоне спокойно отпеслись к китайским предупреждениям. Государственный секретарь США У. Роджерс сказал 10 марта 1971 г.: «Я думаю, что в некоторой степени это пропаганда». В интервью 23 марта президент США Р. Никсон, говоря о том, что газеты и телевидение вновь ошиблись, предсказывая возможность вмешательства КНР, с удовлетворением отметил: «Ничего подобного не произошло, китайцы не вмешались».

По мере развития «пинг-понговой дипломатии» позиция Пекина в связи с войной во Вьетнаме менялась. Теперь уже китайские руководители не возражали против переговоров ДРВ и РЮВ с США и Сайгоном в Париже и даже торопили с их завершением, считая, что это устранит одно из важнейших препятствий на пути достижения договоренности между КНР и США. «Тайвань за Вьетнам», — откровенно констатировала «Вашингтон пост»¹, анализируя новый подход Пекина к переговорам с Вашингтоном.

Пекинские власти приветствовали Парижские соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. На Международном совещании по Вьетнаму, состоявшемся в Париже в конце февраля — начале марта 1973 г., китайский министр Цзи Пэнфэй выступал так, будто вообще не было агрессии США против Вьетнама. После этого руководители КНР не раз заявляли, что Па-

¹ «Washington Post», 1. III. 1972.

рижские соглашения служат базой урегулирования во Вьетнаме, и весьма неохотно осуждали нарушение этих соглашений Сайгоном и непрерывные военные провокации его воеводы на территории, которую контролировал Национальный фронт освобождения. Пекин явно устраивало напряженное положение на юге. Он не хотел видеть Вьетнам единым, процветающим, сильным государством. Поэтому без восторга была встречена победа вьетнамского народа в апреле 1975 г.

Руководители КНР пытались создать под своим руководством «Союз революционных народов Азии» с участием КНР, КНДР, ДРВ, РЮВ, Патет-Лао и НЕФК, но предполагаемые партнеры без труда поняли, что великодержавные националисты в Пекине хотели бы иметь в виде такого блока инструмент их экспансии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии; особенно активно воспротивился этой идее Вьетнам. В связи с этим маоисты усилили подрывную деятельность в Лаосе и Камбодже, стремясь ослабить их дружеские связи с ДРВ.

В Пекине были крайне недовольны, что Вьетнам не разделял антисоветизма, что там не нашла поддержки антимарксистская концепция «трех миров». ДРВ выступала за сплочение мирового коммунистического движения и укрепление содружества социалистических государств. Вьетнамские власти пресекали антисоветскую пропаганду, которую представители КНР пытаются вести в стране, особенно через колонию китайских эмигрантов. С глубоким возмущением был встречен захват китайскими войсками частями в январе 1974 г. Парасельских островов, которые каждый вьетнамец считает вьетнамской территорией. Не поправился в Пекине тезис, высказанный Вьетнамом: Юго-Восточная Азия принадлежит ее народам¹. Китайские правители усмотрели в нем угрозу своим планам экспансии на юг. Время от времени они осложняли обстановку на границе между КНР и ДРВ.

Напряженность в отношениях не была снята в ходе визита в КНР партийно-правительственной делегации ДРВ во главе с Ле Зуаном в сентябре 1975 г. Он отклонил домогательства китайских руководителей, чтобы Вьетнам присоединился к КНР в ее политике по отношению к СССР. Стороны не пришли к единому мнению по целому ряду важнейших проблем, в результате чего не было принято какого-либо совместного итогового документа, не

¹ «Нян зан», 19. VI. 1975.

было подписано и соглашение об оказании Вьетнаму долгосрочной помощи на пятилетку.

Победа вьетнамского народа и быстрое объединение страны в единую Социалистическую Республику Вьетнам, провозглашенную 2 июля 1976 г., осуществление Вьетнамом самостоятельной внешней политики, его курс на укрепление единства социалистического содружества не понравились в Пекине. Противоречило замыслам Пекина и развитие братских отношений между Вьетнамом и Лаосом, ставшим на путь строительства социализма. Китайские руководители все более убеждались, что Вьетнам не только не желает служить инструментом их захватнической политики в Юго-Восточной Азии, но, напротив, противодействует экспансии Пекина. Китайский дракон стал все громче рычать, угрожая Вьетнаму. Не подействовало. Тогда систематически стали устраиваться инциденты на границе СРВ, китайская пропаганда шумно доказывала, что Парасельские, Спратли и другие острова в Южно-Китайском море издавна принадлежат Китаю, а не Вьетнаму¹. Во время проезда через Пекин премьер-министра правительства СРВ Фам Ван Донга летом 1977 г. китайские власти вручили ему 10 июня меморандум, в котором нападали на Вьетнам за дружбу с СССР, требовали признания территориальных притязаний КНР, в том числе на Парасельские, Спратли и другие острова, защищали подрывную деятельность хуацяо, добивались отказа от принципиальной оценки исторических событий, связанных с борьбой вьетнамского народа против китайских захватчиков, и, наконец, заявили о сокращении помощи Вьетнаму. Фам Ван Донг отверг домогательства пекинских правителей. Попытки вьетнамской стороны снять остроту противоречий, для чего в ноябре 1977 г. в Пекин прибыла делегация СРВ во главе с Ле Зуаном, ни к чему не привели. Китайская сторона в ходе переговоров излагала известные ревизионистские концепции насчет «трех миров», «сверхдержав» и т. д.; вьетнамские товарищи выступили со своих принципиальных позиций. Подстрекаемые и вооружаемые Пекином, правители в Пномпене с мая 1975 г. стали совершать вооруженные налеты на территорию СРВ, которые с конца 1977 г. приняли характер необъявленной войны.

Еще в годы войны в Камбодже Пекин, используя Н. Сианука и одновременно расширяя контакты с «крас-

¹ «Жэньминь жибао», 29. XII. 1977,

ными кхмерами», добивался ее превращения в политический противовес Вьетнаму. С падением клики Лон Нола он установил с Пномпенем «особые отношения». Немалую роль сыграла экономическая и военная помощь, которой китайское руководство придало сознательно массированный характер. Как сообщалось в зарубежной прессе, в 1975 г. Кампучии был предоставлен крупный кредит, а также направлено несколько тысяч китайских специалистов, в том числе военных. Пекин осуществил и широкие поставки оружия.

В сентябре 1977 г. в Пекине находился один из лидеров пномпеньского режима — Пол Пот. В ходе визита китайские руководители одобрили политику Пномпеня. В декабре 1977 г. состоялась поездка туда члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Юнгуя. Она преподносилась как новое проявление солидарности с Кампучией и сопровождалась посещением гостем прилегающих к границе с Вьетнамом районов.

С активизацией в конце декабря 1977 г. Пол Потом военных действий против Вьетнама Китай усилил помощь пномпеньскому режиму. Пекин стал рупором кампучийской клеветы на Вьетнам. Особое место в китайской пропаганде заняли попытки представить конфликт как результат «происков» СССР в Индокитае. В срочном порядке был организован визит Дэн Инчао, вдовы Чжоу Эньлая, в Кампучию (19—22 января 1978 г.) явно с целью приободрить пномпеньских лидеров. По сообщению журнала «Фар истерн экономик ревью», встретившись с премьер-министром Франции Р. Барром в день своего возвращения из Кампучии, Дэн Инчао заявила ему, что «Китай рассматривает Вьетнам в качестве агрессора»¹. КНР всячески препятствовала мирному урегулированию конфликта. Когда же в январе 1979 г. кровавый режим Пол Пота — Иенг Сари был свергнут восставшим народом и Пекин потерял своего союзника, он всю силу своей ярости обрушил на Вьетнам.

В далеко идущих целях был поднят китайской стороной вопрос о гражданах СРВ китайского происхождения (хуацяо). В стране проживало свыше миллиона этнических китайцев. Большинство из них являются патриотами Вьетнама, но были и такие, кому чужды его интересы. «Во время войны, — писала «Нью-Йорк таймс», — многие из самых преуспевающих китайцев надеялись, что

¹ «Far Eastern Economic Review», 3. II. 1978,

Северный Вьетнам и Вьетконг (НФО Южного Вьетнама.— М. К.) будут разгромлены, и, когда война закончилась, большинство таких китайцев бежало»¹. Да, большинство бежало, но многие остались. После того как полотовский режим прибег к агрессивным действиям на вьетнамской границе, среди лиц китайской национальности в СРВ стали распространяться слухи о том, что «Китай поддерживает Кампучию против Вьетнама», что «между Китаем и Вьетнамом вот-вот вспыхнет война и китайцы во Вьетнаме окажутся под угрозой», что «правительство КНР призывает китайских эмигрантов вернуться на родину, рассматривая невозвращение как предательство» и т. п. Эти слухи отражали попытки Пекина сорвать проводимое в СРВ преобразование частной капиталистической промышленности и торговли в государственную, взять тем самым под защиту эксплуататоров. Дело в том, что на юге Вьетнама значительную часть крупной буржуазии, владевшей основными экономическими рычагами, составляли хуацзяо; некоторые из чувства классовой ненависти к народной власти пытались дезорганизовать экономику, срывать выполнение постановлений государства, вызвать хаос на фронте экономического строительства. Эти действия были пресечены, а процесс национализации крупной частной промышленности и торговли продолжал успешно развиваться. Тогда многие лица китайской национальности, пользуясь такими же, как и вьетнамцы, правами и обязанностями, словно по команде, стали бросать работу, продавать имущество, закрывать предприятия и без официального разрешения покидать страну. Это было нарушением вьетнамских законов. Власти потребовали от хуацзяо соблюдения законов.

Это вызвало резкое раздражение в Пекине. Китайская пропаганда стала разжигать нездоровые настроения и ненависть к вьетнамскому народу. По телевидению, радио и в газетах умышленно изображали «крайне трагическое положение» китайцев в СРВ. Гонконгские газеты опубликовали явно инспирированные клеветнические заявления о том, что кампания за социалистические преобразования на юге Вьетнама «осуществляется в целях грабежа имущества китайских эмигрантов».

Из Пекина стали раздаваться ультимативные заявления о том, что отношение к хуацзяо «нельзя оставить без последствий», а 30 апреля 1978 г. было сказано, что Ки-

¹ «New York Times», 6. VII. 1978.

тай будет «защищать» хуацiao во Вьетнаме (это звучало в унисон с заявлением империалистических держав о «защите» их граждан в Заире). Английская «Таймс» писала, что Китай «усилил свои войска на границе с Вьетнамом и отозвал некоторых экономических советников и специалистов, находящихся во Вьетнаме». В сообщении из столицы Таиланда — Бангкока говорилось: «Как заявили здесь осведомленные лица, Китай собирает у острова Хайнань, в Южно-Китайском море, отряд военно-морских кораблей, по-видимому к эвакуации китайцев из Вьетнама».

Разоблачая двуличную политику пекинских руководителей в отношении зарубежных китайцев, газета «Нян зан» писала: власти КНР используют разные мерки при определении подхода к вопросу о положении хуацiao во Вьетнаме и Кампучии. Свыше полумиллиона лиц китайской национальности, проживающих в Кампучии, подвергаются террору, грабежу, репрессиям со стороны полнотовских властей, но органы по делам хуацiao и власти КНР никак не реагируют на это. В то же время в Пекине распространяют клевету, будто бы лица китайской национальности во Вьетнаме притесняются, хотя это не соответствует действительности.

В официальных заявлениях, в частности от 27 и 28 мая, 6 июня 1978 г., СРВ неоднократно предлагала представителям партий и правительств двух стран «как можно скорее встретиться для обсуждения и урегулирования разногласий о лицах китайской национальности, проживающих во Вьетнаме», и выдвигала конкретные соображения на сей счет. Однако КНР долго отказывалась от переговоров и развернула широкую пропагандистскую кампанию, которую, по словам вьетнамской газеты «Исуан дой нян зан», раздувает в целях нагнетания национализма, пытаясь «посеять семена вражды между народами Вьетнама и Китая». Когда же в августе 1978 г. начались переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел, китайская сторона потребовала вернуть хуацiao национализированное имущество и принять обратно лиц, выехавших в КНР. Естественно, из-за такой позиции переговоры оказались бесплодными.

Более того, Пекин без согласования с Вьетнамом, вопреки международному праву, в одностороннем порядке решил отправить китайские суда в порты Хайфона и Хошимина для перевозки лиц китайской национальности и самовольно определил дату их отправки. Вьетнамская пе-

чать резонно писала, что упомянутые порты — территория Вьетнама, а «не китайский пруд», что СРВ — независимая суверенная страна, для въезда в которую и выезда из которой следует получить разрешение.

В попытках оказать давление на Вьетнам китайские лидеры явно старались получить поддержку США. Во время визита помощника президента США З. Бжезинского в Пекин в конце мая 1978 г. представители КНР, обвиняя СРВ в «экспансионизме», рекомендовали Вашингтону не спешить с нормализацией отношений, не представлять ей финансовых средств в порядке возмещения ущерба, причиненного Вьетнаму в ходе войны. С американской стороны дали понять, что учтут пожелание Пекина.

Во Вьетнаме категорически отменили клеветнические выпады Пекина относительно какого-то воздействия Советского Союза на вьетнамо-китайские отношения. Это, писала «Куан дой нян зан», еще один факт раздувания грубой клеветы. «Он свидетельствует о том, что власти Китая стоят на позициях великодержавного шовинизма в отношениях с Вьетнамом».

В мае — июне 1978 г. руководство КНР прекратило техническое содействие в строительстве во Вьетнаме предприятий; специалисты были отозваны. В июне 1978 г. оно потребовало закрыть три консульства СРВ в Китае. Пекин угрожал расправиться с Вьетнамом. Все более серьезный характер приобретали налеты китайских воинских частей и специально подготовленных провокаторов на приграничные районы. Был организован и ряд крупных военных акций против СРВ. Переодетые в гражданское платье агенты подстрекали хуацiao, скопившихся на контрольно-пропускных пунктах, к нападениям на представителей вьетнамских властей. Во время возникавших в связи с этим столкновений имелись жертвы.

Социалистическая Республика Вьетнам с достоинством и мужеством встретила нажим и угрозы Пекина. «Народ Вьетнама, — говорилось в одной из нот правительства СРВ правительству КНР, — прошел трудный и сложный путь к нынешней славной победе. Высоко неся знамя национальной независимости и социализма, неуклонно придерживаясь курса на независимость, самостоятельность и международную солидарность, развивая дух опоры на собственные силы и получая помощь друзей со всего мира, народ Вьетнама, несомненно, защитит и успешно построит мирный, независимый, единый и социалистический Вьетнам, внесет достойный вклад в дело борьбы народов

за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс»¹.

В послании по случаю второй годовщины образования СРВ советские руководители вновь заверили братский Вьетнам в решительной поддержке его усилий, направленных на строительство социалистического общества, на улучшение условий жизни народа, на защиту неотъемлемых суверенных прав и упрочение международных позиций Социалистической Республики Вьетнам — надежного форпоста социализма в Юго-Восточной Азии. Советский Союз поддерживал, поддерживает и будет неизменно поддерживать Вьетнам².

Новым убедительным подтверждением этого явился Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, заключенный 3 ноября 1978 г. в ходе визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном и членом Политбюро ЦК КПВ, премьер-министром правительства СРВ Фам Ван Донгом. Подписание договора стало событием исторического значения, выражающим подлинно товарищеские отношения между социалистическими странами. В статье 1 подчеркивается: «Высокие Договаривающиеся Стороны в соответствии с принципами социалистического интернационализма будут и впредь укреплять отношения нерушимой дружбы, солидарности и братской взаимопомощи». В последующих статьях говорится об обязательствах СССР и СРВ объединять усилия для расширения и укрепления взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества, развития широких связей в области науки и культуры, образования, литературы и искусства, печати, радио и телевидения, здравоохранения, охраны окружающей среды и в других областях. В статье 5 указывается: обе страны будут и впредь прилагать все усилия для защиты международного мира и безопасности народов, в частности поддерживать стремление народов Юго-Восточной Азии к миру, независимости и сотрудничеству между ними. Статья 6 содержит такое обязательство: «Высокие Договаривающиеся Стороны будут консультироваться друг с другом по всем важным международным вопросам, затрагивающим интересы обеих сторон. В случае, если одна из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения, Высокие Договаривающиеся Стороны немедленно приступят к взаимным кон-

¹ «Правда», 18 июня 1978 г.

² См. «Правда», 3 июля 1978 г.

сультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран». Накопец, в отдельной статье подчеркивается, что договор не направлен против какой-либо третьей страны.

Оценивая значение договора, Л. И. Брежнев заявил на обеде в Кремле в честь вьетнамской делегации 3 ноября 1978 г.: «Уверен, что все, кто хочет прочного мира, с удовлетворением воспримут весть о заключении советско-вьетнамского Договора о дружбе и сотрудничестве.

Вместе с тем можно предвидеть, что он придется не по душе тем, кому не нравится дружба СССР и Вьетнама, кто делает ставку на нагнетание напряженности, на разобщение социалистических стран. Но договор уже стал политической реальностью. И, хотя этого или нет, с этой реальностью придется считаться». В ответной речи Ле Зуан отметил: «Вьетнамо-советский Договор о дружбе и сотрудничестве отвечает чаяниям и интересам наших народов; в то же время он отвечает интересам братских социалистических стран, он является активным вкладом в борьбу за дело мира в Азии и во всем мире»¹.

После периода угроз и провокаций Китай 17 февраля 1979 г. начал вооруженную агрессию против Социалистической Республики Вьетнам, чтобы, как заявлял Дэн Сяопин во время визита в США, «наказать» Вьетнам. Китайские войска вторглись на территорию СРВ почти на всем протяжении границы, захватили ряд населенных пунктов в приграничной зоне. Вьетнам оказал агрессору решительный отпор, авантюра стоила Пекину жизни нескольких десятков тысяч солдат и большого количества военной техники; не исчислить урон, который понес Китай в глазах народов мира, яснее увидевших повадки его правителей и осудивших отвратительную агрессию. Вместо «наказания» Вьетнама китайские милитаристы сами были основательно биты, и 5 марта Пекин вынужден был объявить о начале отвода своих войск. Но и во время отхода они продолжали разрушать города и села, взрывали мосты, занимались мародерством и грабежом. «Военная авантюра клики китайских реакционеров против нашей страны потерпела позорное поражение, — отметила «Нян зан». — Эта клика получила большой урок, заплатив за нее большую цену с далеко идущими последствиями. Клика авантюристов не могла предвидеть, что ей будет пане-

¹ «Правда», 4 ноября 1978 г.

сен такой ответный удар нашей армией и народом, а также мировыми революционными силами и прогрессивным человечеством»¹.

Показательно, что в то время как Советский Союз, другие социалистические страны, мировое коммунистическое движение, многие развивающиеся страны, миролюбивые прогрессивные организации гневно осудили китайских милитаристов и заявили о солидарности с Вьетнамом, империалистические государства, особенно США, Англия и Япония, пытались выручить Пекин. Они ставили на одну доску агрессора и жертву агрессии, искусственно связывали положение в Кампучии с вопросом прекращения войны и отвода войск КНР. По этой причине Совет Безопасности оказался беспомощным принять необходимое решение по поводу китайской агрессии.

18 апреля 1979 г. начались вьетнамо-китайские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел, в ходе которых Пекин стал добиваться фактической капитуляции СРВ: настаивал на отказе Вьетнама от суверенитета над островами Парасельские и Спратли; диктовал линию поведения Вьетнама в отношении Лаоса и Кампучии. Он стремился указывать, какие международные договоры СРВ была бы «вправе» заключать; потребовал разрешить обратный въезд во Вьетнам сотен тысяч лиц китайской национальности, которых сами пекинские власти вынудили эмигрировать в КНР. Вьетнамская сторона квалифицировала эти условия как кабальные и подчеркнула, что она не поддастся нажиму и полна решимости защищать целостность Родины. Пекин угрожает «преподать второй урок» Вьетнаму и усиливает военные провокации на границе.

Еще в ходе войны в Индокитае против американской интервенции Пекин принимал меры, чтобы подготовить почву для установления протектората над Лаосом. Правительство КНР положительно реагировало на соглашение о восстановлении мира и достижении национального единства в Лаосе от 21 февраля 1973 г. и взяло линию на установление тесных отношений с коалиционным правительством во главе с Суванна Фумой. Китайские части продолжали оставаться в стране и строили стратегическую дорогу. Лаосу были предоставлены кредиты, налажено авиационное сообщение. Лидеры КНР хотели перетащить на свою сторону китайскую буржуазию в Лаосе. Когда под влиянием растущего революционно-освободи-

¹ «Нян зан», 7. III. 1979.

тельного движения в стране и победы Вьетнама правые силы оказались парализованными и власть в Лаосе в декабре 1975 г. полностью оказалась в руках патриотических сил, Пекину явно не понравилось тесное сотрудничество Вьетнама и Лаоса.

По мере обострения китайско-вьетнамских отношений усиливался нажим на ЛНДР, образовавшуюся 2 декабря 1975 г., нарастали попытки Пекина испортить ее отношения с Вьетнамом. Китайская сторона не поддержала Лаос в преодолении экономической блокады и военного давления со стороны Таиланда в конце 1975 г., а пошла на демонстративное улучшение отношений с Бангкоком. Пытаясь оказать давление на ЛНДР, Пекин провоцировал сепаратистские выступления племен мео, яо и др.

Лаосские власти, отстаивая право проводить политику, какую страна считает целесообразной, старались избежать осложнения отношений с КНР. В июне 1977 г. туда вновь приезжала делегация во главе с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, премьер-министром ЛНДР Кейсоном Фомвиханом; состоявшиеся переговоры не изменили позиций сторон. Чтобы ограничить действия, направленные против интересов ЛНДР, Вьентьян во второй половине 1977 г. предложил Китаю вывести воинские строительные части из Северного Лаоса. Через некоторое время он попросил закрыть консульство Китая в г. Фонгсали и ведомство советника посольства КНР по экономическим вопросам в г. Удомсае.

Орган ЦК Народно-революционной партии Лаоса — газета «Сиенг пасасон» подчеркивала в этой связи, что непрекращающиеся подрывные действия империализма и международных сил реакции преследуют цель вызвать поражение революции, нарушить внутреннее единство многонационального народа, оторвать Лаос от братских стран социализма, в частности от вьетнамского народа. «Враг не прекращает свои коварные и лицемерные маневры против революционного движения нашего народа», — указывала газета. «Мы должны постоянно крепить нашу безопасность и оборону страны»¹.

Тем временем угроза с Севера становилась все более реальной. Как было сказано в заявлении правительства ЛНДР от 7 марта 1979 г., Китай направил свои регулярные войска к границам Лаоса, организовал там серию военных учений, заслал своих шпионов и лазутчиков для

¹ «Правда», 24 августа 1978 г.

ведения подрывной пропаганды и запугивания населения, внесения раскола в ряды многонационального лаосского народа.

Правительство ЛНДР потребовало немедленно прекратить концентрацию войск на границе, действия, угрожающие независимости, суверенитету и территориальной целостности страны, а также вмешательство в ее внутренние дела. Правительство и народ Лаоса выразили благодарность СССР, СРВ и МНР, которые решительно осудили действия Китая¹.

Китайско-кубинские отношения до середины 1970 г. носили весьма ограниченный характер. Экономическое и техническое сотрудничество было свернуто. Культурные и научные связи прекратились. Со второй половины этого же года отношения активизируются. Руководители КНР рассчитывали, что расширение связей с Кубой откроет дополнительные возможности для работы в Латинской Америке. Коммунистическая партия и правительство Кубы давали решительный отпор проимпериалистическим, антисоветским проидам маоистов, не допускали в своей стране никаких действий китайских представителей, означающих вмешательство во внутренние дела или попытку причинить ущерб ее связям с братскими странами. В Советско-кубинской декларации от 2 февраля 1974 г. руководители Советского Союза и Кубы заявили о полном единстве взглядов относительно современного положения в мире и задач внешней политики социалистических государств — политики защиты свободы, независимости и суверенных прав государств и народов, укрепления мира и международного сотрудничества. Было подчеркнуто, что КПСС и КП Кубы неуклонно выступают за дальнейшее сплочение международного коммунистического и рабочего движения. Они будут и впредь активно противодействовать любым попыткам противопоставить друг другу отдельные отряды мирового революционного авангарда, расчленив союз сил, борющихся за социальный прогресс, национальное освобождение народов и прочный мир. Обе партии непримиримы в отношении как правого, так и «левого» ревизионизма, гегемонистских и шовинистических тенденций, противоречащих интернационалистскому курсу, коллективно выработанному коммунистическими и рабочими партиями. Укрепление единства рядов мирового коммунистического движения на основе марксизма-лени-

¹ См. «Правда», 8 марта 1979 г.

низма было и остается залогом успешного развития и углубления всего революционного процесса.

Пекинская пропаганда обрушилась с клеветническими нападками на Кубу в связи с ее интернациональной помощью Народной Республике Ангола в отражении империалистско-расистской агрессии. Кубинские добровольцы были названы «наемниками». Китайское руководство, писала в этой связи «Гранма», взяло на себя постыдную роль организатора самой грубой клеветы против тех, кто выполняет интернациональный долг помощи ангольскому народу. 13 марта 1976 г. «Гранма» опубликовала передовую статью по поводу непрекращавшихся антикубинских выпадов Пекина. Разоблачая общность его политики с политикой империализма, газета подчеркивала, что народы мира теперь рассматривают маоистов как агентов мировой контрреволюции. В речи на первой сессии Национальной ассамблеи Кубы 3 декабря 1976 г. Фидель Кастро отметил: «Внешняя политика Китая вылилась в союз с самыми реакционными силами империализма во всем мире... Китай стал соучастником блокады и преступной политики империалистической агрессии против Кубы».

Пекин попытался распространять свою клеветническую страпню и на Кубе. В связи с этим 20 февраля 1976 г. было запрещено издание в Гаване ежедневного бюллетеня агентства Синьхуа, а также распространение журналов «Китай», «Китай на стройке» и другой китайской литературы.

В 1977 г. отношения КНР с Кубой еще больше ухудшились. Пекин перешел к открытой конфронтации. Китайская пропаганда в связи с событиями в Заире весной 1977 г. утверждала, будто Куба имеет какое-то отношение к ним, называла кубинцев «агрессорами», позволила себе личные выпады против Фиделя Кастро. С конца 1977 г. Пекин взял ее под обстрел в связи с обострением обстановки в районе Африканского Рога и помощью, которую СССР и Куба оказали Эфиопии в отражении сомалийской агрессии. Китайский министр иностранных дел Хуан Хуа откровенно советовал З. Бжезинскому (во время визита в Пекин в мае 1978 г.), чтобы США «повысили бдительность», и упрекал Вашингтон за то, что тот не принял мер против Кубы.

Касаясь интриг Пекина против Кубы в движении неприсоединения, «Гранма» отмечала, что в последнее время усилилась подрывная деятельность сил империализма, стран НАТО и Пекина, направленная на то, чтобы рас-

колоть и нейтрализовать движение неприсоединившихся стран, ослабить его антиимпериалистическую направленность. Проводники подобной политики пытаются свернуть неприсоединившиеся страны с пути борьбы против империализма, колониализма, неоколониализма, расизма и сионизма на путь пассивного нейтралитета и антикоммунизма. Они стремились помешать участию Кубы в этом движении и сорвать проведение в 1979 г. в Гаване конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Среди происков империалистов и маоистов видное место занимает раздуваемый ими миф о «кубинской угрозе»¹. Но, указывала «Гранма», никакая клеветническая кампания не в состоянии поставить под сомнение проводимую Кубой политику интернационализма, солидарности и поддержки борьбы народов за свободу и независимость. Для всех миролюбивых и прогрессивных сил ясна и понятна позиция Кубы, которая верна принципам неприсоединения. Отношения СССР и других социалистических стран — членов СЭВ с развивающимися странами являют собой образец справедливых, равноправных и взаимовыгодных отношений².

Ухудшение политических отношений сказалось и на торговых связях, осуществляемых на основе соглашения о торговле и платежах на 1976—1980 гг.

В апреле 1977 г. после трудных переговоров был подписан протокол о товарообороте на 1978 г. (составил около 169 млн. руб.). Китай обязался поставить 60 тыс. т риса, 3 тыс. т мясных консервов, 50 т сурьмы, 100 т тунгового масла, около 32 млн. м различных тканей, машины и оборудование на сумму 4,3 млн. руб. и другие товары. Наибольший удельный вес в китайском экспорте на Кубу занимают промышленные товары народного потребления (47,4%), пищевкусовые товары и сырье для их производства (30,3%), машины, оборудование и транспортные средства (6,9%), топливо, минеральное сырье, металлы (4,2%). Практически единственным товаром китайского импорта является сахар, поставки которого были предусмотрены на 1978 г. в количестве 334 тыс. т против 214 тыс. т по соглашению 1977 г., в результате чего импорт КНР с Кубы увеличился на 16%.

В январе 1978 г. из Пекина на родину отбыла кубинская торговая делегация. Она приезжала для переговоров

¹ «Жэньминь жибао», 2, 9, 11, 14, 17, 20, 24, 25, 29. VIII. 1979.

² «Гранма», 14. VII. 1978.

о фиксации на 1978 г. минимальной цены на кубинский сахар (242 долл. за тонну). Китайская сторона отвергла это предложение, ссылаясь на имеющееся между странами соглашение о принципах установления цен в торговле в 1976—1980 гг.

Пекинская печать пыталась опорочить братскую болгаро-советскую дружбу, выступала с клеветническими статьями в связи со 100-летием освобождения Болгарии от ига Османской Турции, ставила под сомнение пользу для НРБ от участия в социалистической экономической интеграции, распространяла выдумки о «бедствиях» Болгарии, о ее «эксплуатации»¹. Подбрасывалась идея объединения Балканских государств в своеобразный блок.

Болгарская сторона, идя на торговые отношения, давала решительный отпор интригам Китая. «Работническо дело» так оценила позицию его руководителей: «История уже знает много случаев бесславных провалов различных акций, кампаний, дипломатических замыслов антисоветской направленности. Поддерживать напряженность в отношениях между государствами, призывать к дальнейшему разворачиванию гонки вооружений, раздувать конфронтацию, направлять двусторонние соглашения и договоры против интересов третьих стран — все эти авантюристические элементы китайской внешней политики несовместимы с желанием народов построить новую, справедливую систему мирных международных отношений. Последние выступления и действия пекинских лидеров подтверждают выводы XI съезда БКП о том, что деградация маоизма достигла новой фазы, что он вступил в союз с самыми реакционными силами, с открытыми противниками мирного сосуществования и социального прогресса, что действия маоистов все больше угрожают миру и безопасности народов»².

Торговля Китая с Болгарией небольшая — в 1978 г. она составила около 63 млн. руб. КНР закупает машины, оборудование, транспортные средства, медицинскую аппаратуру, электронно-вычислительную технику, медь, свинец, мочевины, медикаменты и экспортирует олово, ртуть, сурьму, тунговое масло, канифоль, рис, ткани. Существуют ограниченные научно-технические связи (по шесть тем с каждой стороны): Китай знакомит с достижениями

¹ «Жэньминь жибао», 29, 31. I; 19, 21, 22, II; 5, VI; 10, 31, XII, 1977.

² «Работническо дело», 28. III. 1978.

в сельском хозяйстве, текстильной промышленности и народной медицине, а НРБ — с достижениями в некоторых областях сельского хозяйства.

Китайские руководители зондировали возможность расширения связей с Венгрией, которые вели бы к ослаблению ее сотрудничества с СССР, другими братскими странами. Между КНР и ВНР, дескать, «нет принципиальных расхождений», и их отношения могли бы стать более активными. Одновременно пекинские эмиссары и печать фабрикуют легенды о «тяжелом ущербе народному хозяйству Венгрии» в результате «контроля и эксплуатации» со стороны Советского Союза.

Венгерские товарищи ответили, что КНР должна начать с прекращения враждебной политики в отношении СССР. Они разоблачают авантюристическую, опасную для дела мира политику китайского руководства. Газета «Непсабадшаг» указывала, что подрывные цели оно преследует и тогда, когда пытается повернуть против СССР другие социалистические государства, всячески поддерживает любые недальновидные проявления националистической ограниченности. Пекину хотелось бы создать впечатление, подчеркивает газета, будто социалистические страны, которые добиваются успехов благодаря помощи Советского Союза, являются «жертвами». Такое утверждение не только полностью противоречит истине, но является прямым оскорблением национального самосознания народов. Наши партии и государства проводят самостоятельную политику и убежденно, в соответствии с общими интересами крепят и развивают нерушимую дружбу с Советским Союзом¹.

«Китайское руководство все более открыто поддерживает политику крайних империалистических кругов, — говорилось в решении ЦК ВСРП от 12 октября 1978 г. — Наша партия и наш народ решительно отвергают националистическую внешнюю политику маоистских руководителей, имеющую гегемонистское направление, приносящую большой вред делу социализма, прогресса и мира. Мы осуждаем грубые провокации и вмешательство во внутренние дела Социалистической Республики Вьетнам со стороны китайского руководства. Мы солидарны с вьетнамским народом, поддерживаем его усилия в деле защиты независимости своей страны, в деле успешного продолжения строительства социализма»².

¹ «Непсабадшаг», 15. IV. 1978.

² «Непсабадшаг», 14. X. 1978.

Что касается торговли, то Китай продает Венгрии вольфрамный концентрат, олово, сурьму, ртуть, щетину, тунговое масло, рис, чай, овощи и фрукты, ткани и покупает передвижные мастерские, автобусы, угольные комбайны, приборы, в том числе электронные и лабораторные, оборудование для птицеферм, кабель, телевизоры, стальные трубы и т. д. Товарооборот между двумя странами равнялся в 1978 г. 143 млн. руб.

Научно-техническое сотрудничество включает по 10 тем с каждой стороны. Китайские специалисты знакомятся с достижениями горнодобывающей промышленности, электроники, энергетики, станкостроения, не имеющих оборонного характера, венгерские — с проблемами транспортного машиностроения, текстильной промышленности, сельского хозяйства.

То к шантажу, то к заигрыванию прибегают китайские руководители в отношении Германской Демократической Республики. Они подчеркивают «готовность» нормализовать отношения и даже оказывать ей поддержку. В то же время Пекин попытался представить дело так, будто СССР заключил договор с ФРГ без согласования с ГДР и игнорируя ее интересы. Он вмешивается в отношения между ГДР и ФРГ, поддерживает тезисы западногерманских реваншистов относительно «единой нации», в ущерб интересам ГДР нарушает соглашение четырех держав о статусе Западного Берлина, признавая за ФРГ права, которых она вовсе не имеет. Китайские официальные деятели в беседах с представителями реваншистских кругов, вроде Штрауса и некоторых других, настойчиво твердят о «нерешенности германской проблемы», о необходимости «воссоединения немецкой нации», о «ненормальном состоянии», в котором все еще живет германский народ. Под этим «ненормальным состоянием» понимается тот факт, что на немецкой земле в результате исторического развития сложились два государства с противоположным социальным строем, причем одно является социалистическим государством. Есть сведения о том, что в Пекине намерены издать на китайском языке книгу Франца Йозефа Штрауса «Германия — твое будущее», где излагается курс западногерманской реваншистской оппозиции на поглощение ГДР в рамках ФРГ. Маоисты заинтересованы в таком «объединении» именно потому, что оно вырвало бы ГДР из рядов социалистического содружества, ослабило ее позиции, создало бы в Европе и мире новую расстановку сил не в пользу мирового социализма.

Особую ненависть в Пекине вызвали положения заключенного 7 октября 1975 г. договора между СССР и ГДР о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, об усилиях двух стран по защите международного мира и исторических завоеваний социализма. Как противоречащее международному праву вмешательство во внутренние дела суверенной ГДР расценил министр иностранных дел О. Фишер в заявлении послу КНР в Берлине, сделанном в октябре 1975 г., клеветнические измышления пекинской пропаганды в связи с договором, гарантирующим незыблемость социалистического строя.

Принимая в феврале 1976 г. двух деятелей оппозиционного блока ХДС/ХСС А. Дреггера и В. Маркса, китайские официальные лица попытались нанести ущерб интересам ГДР. Они дошли до полного игнорирования самого факта существования первого в мире немецкого социалистического государства, ратовали за «пересмотр германского вопроса» на основе поглощения ГДР в соответствии с реваншистскими требованиями реакционных кругов ФРГ. МИД ГДР заявил решительный протест и по поводу этой провокации Пекина.

Китайское руководство, однако, продолжало политику против государственных интересов социалистической республики, стремясь оказать таким путем нажим на ГДР и потратить определенным кругам в ФРГ. В ходе беседы с заместителем председателя ХДС Г. Филбингером, посетившим Китай, Хуа Гофэн и другие китайские деятели подтвердили свою солидарность с реваншистской идеей «единой немецкой нации». А визитер использовал свою поездку для разнузданной клеветы на ГДР¹.

И в то же время китайские руководители заявляли представителям ГДР, что нельзя смешивать контакты между КНР и ГДР с китайско-советскими отношениями, поскольку у них «нет пограничных споров»; в случае развития сотрудничества Китай-де внес бы благоприятные для Германской Демократической Республики коррективы в нынешнюю позицию по германским проблемам.

В ГДР хорошо понимают назначение этих мапевров Пекина: подорвать позиции социалистического немецкого государства, вызвать трудности в его отношениях с другими братскими странами. «Нойес Дойчланд» опубликовала в сентябре 1970 г. статью, в которой раскрыла подоплеку провокационных измышлений китайской пропаган-

¹ «Neues Deutschland», 12. IV. 1977.

ды насчет договора между СССР и ФРГ. «Мы всегда исходим из следующего принципа,— писала «Нойес Дойчланд»,— кто нападает на Советский Союз и клеветает на него, тот нападает и на нас самих»¹.

Журнал «Айнхайт» констатировал, что маоистское руководство стремится дискредитировать договор между СССР и ГДР, подвергая нападкам содержащееся в нем подтверждение неприкосновенности границ. Оно смыкается с реакционными поборниками реваншистской политики в ФРГ, поощряя их авантюристические планы. Клеветнические выпады пекинских руководителей против договора не только грубое вмешательство в дела ГДР. Это новое подтверждение того, что великодержавный, шовинистический, экспансионистский курс Пекина привел к открытому союзу маоистского руководства с самым реакционным крылом империализма². Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Э. Хонеккер заявил на пленуме Центрального Комитета партии (май 1978 г.): «В соответствии с намеченной XI съездом КПК политикой, некоторые изменения во внутренней политике, которые были сделаны на этой сессии, служат стабилизации режима, с тем чтобы более эффективными методами преследовать неизменные великодержавные шовинистические цели. Борьба против Советского Союза и социалистического содружества, подготовка к войне, которую КНР объявила неизбежной, были подтверждены в конституционном порядке и возведены в ранг долгосрочной государственной политики». Э. Хонеккер отметил далее, что в послании Постоянному комитету ВСНП КНР Государственный совет ГДР выразил озабоченность по поводу того, что правительство КНР отклонило предложения Президиума Верховного Совета СССР³. Одновременно было отмечено: нормальные, продиктованные интересами мира и народов отношения КНР с Советским Союзом, со всеми социалистическими государствами, несомненно, оказали бы также позитивное воздействие на формирование отношений между ГДР и КНР. ГДР заявила, что будет продолжать в отношениях с КНР курс, намеченный IX съездом партии.

Товарообмен двух стран включает поставки: из КНР — вольфрамового концентрата, олова, сурьмы, ртути, талька,

¹ «Neues Deutschland», 12. IX. 1970.

² «Einheit», XII. 1975.

³ См. Обращение Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1978 г. к Постоянному комитету ВСНП.

тунгового масла, канифоли, тканей, щетины, овощных консервов, фруктов, а из ГДР — судовых двигателей, грузовых автомобилей, зерноуборочных комбайнов, экскаваторов, тепловозов, металлорежущих станков, кранов на гусеничном ходу, автокранов, различных приборов и научной аппаратуры. На судовых верфях ГДР строятся грузовые суда для Китая. Объем торговли в 1978 г. составил 202 млн. руб.

В мае 1978 г. заключено двухлетнее соглашение о научно-техническом сотрудничестве, предусматривающее обмен 23 темами (11 тем передает КНР, 12 — ГДР). Они охватывают консультации по некоторым вопросам развития сельского хозяйства, отраслям промышленности и медицины КНР и машиностроения и химической промышленности ГДР.

Отношение КНР к МНР продолжает оставаться враждебным, хотя после «культурной революции» пропагандистские атаки Пекин стал предпринимать реже. Стороны обменялись послами, и несколько расширилась торговля. Но у границ МНР строятся подъездные пути и другие объекты военного назначения. После 1969 г. в этих районах было проведено более 250 военных учений¹. Китайские военнослужащие мелкими группами часто нарушают государственную границу МНР, вторгаясь на различных участках в пределы ее территории до 15—20 км. Они убивают редких животных и вывозят их туши, вырубают леса, умышленно устраивают пожары в лесных массивах. Бывали случаи, когда из Китая перегоняли на территорию МНР домашних и других животных, зараженных острым инфекционными болезнями, и т. д. КНР пытается оказывать и экономический нажим. Китайские власти долгое время задерживали граждан МНР, заблудившихся и попавших на территорию КНР. Печать и радио ведут активную пропаганду на МНР насчет «оккупации», «ограбления природных ресурсов» Монголии, «внутренних трудностей». В то же время делаются намеки на возможность улучшения отношений, но они не подкрепляются конкретными делами, например заверением об отказе от территориальных притязаний.

В связи с китайскими провокациями МНР была вынуждена восстановить и укрепить свои пограничные войска, значительно увеличить личный состав армии, что отвлекло немалые средства от народного хозяйства.

¹ «Унэн», 20. IV, 1978.

Монгольские товарищи разоблачают несостоятельность и вредность маоистских догм и расколынической деятельности, дают отпор агрессивной политике Пекина. Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбал 26 ноября 1974 г., выступая по случаю 50-летия провозглашения МНР, подчеркнул: «Мы решительно отвергаем экспансионистскую политику Пекина в отношении суверенного независимого социалистического монгольского государства». На XXV съезде КПСС 26 февраля 1976 г. Ю. Цеденбал заявил, что «маоизм, как политика и идеология, является реакционной силой, представляющей серьезную угрозу для социалистического содружества, мирового коммунистического и национально-освободительного движений, для дела мира и безопасности народов во всем мире. Именно поэтому решительная борьба с маоизмом остается неотложной задачей всех марксистско-ленинских партий, всех прогрессивных, миролюбивых сил современности»¹.

Стремясь сделать Монголию беззащитной перед лицом домогательств Пекина, в последние годы китайские власти все настойчивее ставят вопрос об отказе СССР от помощи МНР в защите ее безопасности. Об этом шла речь на сессии ВСНП в феврале 1978 г., в уже цитировавшейся ноте МИД КНР посольству СССР от 9 марта 1978 г.

Вопрос о взаимоотношениях Советского Союза и Монгольской Народной Республики вообще не имеет отношения к советско-китайским переговорам. В ноте, врученной китайской стороне 12 апреля 1978 г., правительство МНР расценило требование китайского правительства как новый акт грубого вмешательства в дела МНР. Прямую угрозу безопасности, говорилось в ноте, представляют открытые военные приготовления Китая, которые усиливаются с каждым годом. В районах, непосредственно прилегающих к государственным границам МНР, продолжаются концентрация огромного количества китайских войск, строительство объектов военно-стратегического значения, проведение военных учений, организуются разного рода диверсионные вылазки против МНР².

Монголия дает решительный отпор экспансионистским домогательствам Пекина, она спокойно строит социализм, чувствуя себя надежно защищенной в сообществе социалистических государств.

¹ «Правда», 27 февраля 1976 г.

² «Унэн», 13. IV. 1978; «Правда», 14 апреля 1978 г.

Надо потерять последние остатки здравого рассудка, чтобы рассчитывать на реализацию планов аннексии МНР. Нынешнее время не XVII век.

В отношениях с Польшей китайские руководители сначала изображали дело так, будто хотят их оживления. Но наряду с этим они продолжали вмешиваться в ее дела. В декабре 1970 г. «Жэньминь жибао» и агентство Синьхуа выступили с материалами о «ревизионистском» строе в народной Польше, о «реставрации капитализма». Прикидываясь друзьями и добрыми советчиками, пекинские пропагандисты подстрекали польских трудящихся на борьбу против руководства ПОРП, призывали «взорвать изнутри» социалистический строй в других странах Восточной Европы. Особое раздражение вызвало в Пекине заявление Первого секретаря ЦК ПОРП Э. Герека о верности польского народа дружбе с Советским Союзом: «Нерушимым принципом нашей внешней политики есть и остается братский союз и дружба с Советским Союзом, являющиеся решающей гарантией нашей безопасности и независимости».

Показательно: когда МИД ПНР выразил протест против подрывных акций китайской печати, посол КНР защищал право вмешиваться в дела других государств и даже возложил ответственность за ухудшение польско-китайских отношений на правительство ПНР.

В последние годы руководители Китая намекают, что готовы пойти на расширение торговли, научно-технического сотрудничества, разместить выгодные заказы, начать обмен студентами, если Польша прекратит критику политики Пекина. В то же время они старались подтолкнуть реакционные элементы на выступления против социалистического строя и сотрудничества Польши в СЭВ, извратить ее внешнюю политику. Маоисты с похвалой отзывались об антисоциалистических элементах, чьи действия будто бы «пользуются поддержкой пародных масс».

Польская печать расценила внешнюю политику КНР как враждебную национальным интересам ПНР. «Трибуна люду», комментируя итоги XI съезда КПК, подчеркивала, что антисоветское острие внешней политики КНР «направлено против всех социалистических стран, в том числе и Польши».

Острой критике подвергает польская печать политику противодействия разрядке, смыкания маоистов с западно-германскими реваншистами. В совместном польско-чехословацком заявлении, подписанном в результате визита в

ЧССР партийно-правительственной делегации ПНР, отмечалось: «Обе партии решительно осуждают шовинистическую, расколыническую политику китайского руководства, которая направлена против интересов мира, социализма и прогресса и служит интересам международного империализма, обе партии выражают решимость и впредь бороться против этой политики»¹. «Для нас, поляков, — отмечала «Трибуна люду» в августе 1977 г., — небезразлично, что позиция КНР, направленная против разрядки, благоприятствует реваншистским силам в ФРГ. Пекин считает своими самыми близкими союзниками реваншистов и отъявленных врагов всего польского, возглавляемых Штраусом, тем самым Штраусом, который призывает к милитаризации ФРГ».

Польская газета «Глос працы» писала: «С некоторых пор Китай провозглашает тезис о неизбежности новой мировой войны! На этой базе он готов смыкаться со всеми антисоциалистическими силами и подтверждает это своими выступлениями на международной арене. Доказательство тому — развивающиеся контакты с военной хунтой в Чили, чествование в Пекине одного из самых реакционных политиков ФРГ — Штрауса. Постоянным ритуалом во время приема зарубежных политиков в Пекине является рекламирование тезисов о целесообразности международной разрядки... Все шаги нынешнего руководства КНР свидетельствуют, что оно унаследовало все основные маоистские доктрины и продолжает старый антисоветский и антисоциалистический курс. Железным принципом продолжают оставаться попытки провоцировать напряженность в отношениях между содружеством социалистических стран, с одной стороны, США и другими западными странами, с другой стороны. В основе этой политики по-прежнему лежит убеждение, что вооруженный конфликт между двумя группировками позволит КНР осуществить свои мечты о новом разделе мира, конечно под китайским руководством. Такая позиция КНР на международной арене наносит явный ущерб делу мира, безопасности и сотрудничества. Атаки Пекина на все мирные предложения поощряют силы «холодной войны» в западных странах, поощряют попытки милитаристских кругов вернуться к политике «с позиции силы». Китай, как один из членов Совета Безопасности, пытается парализовать все инициативы, направленные на создание условий для взаимного доверия

¹ «Трибуна люду», 8. VII. 1977.

и мирного сотрудничества между народами и государствами с различным общественным строем»¹.

Что касается экономических связей между КНР и ПНР, то они постепенно расширяются. В 1978 г. объем китайско-польской торговли составил около 138 млн. руб. Китай экспортирует вольфрамовый концентрат, олово, сурьму, ртуть, щетину, ткани, шелк-сырец, резиновую спортивную обувь, мед, чай, орехи, импортируя оборудование для угольных шахт, дизельные двигатели, судовые двигатели, грузовые автомашины, автокраны, скреперы, экскаваторы, ручные электровозы, косилки, стальной прокат, медикаменты и др. Осуществляя договоренность о научно-техническом сотрудничестве, Китай знакомит Польшу с некоторыми достижениями в горнодобывающей промышленности, производстве фарфора, сельском хозяйстве, медицине, а ПНР — с технологией обслуживания и эксплуатации шахт, техникой инженерно-геологических изысканий в районах подземных угольных разработок, некоторыми видами транспорта. Действует китайско-польское акционерное общество морского судоходства, имеющее 18 судов общей грузоподъемностью 200 тыс. т.

После разгрома в Чехословакии ревизионистских и контрреволюционных сил руководители КНР продолжают время от времени нападать на новое руководство, ведут подрывную пропаганду. Чехословацкие товарищи, очищая страну и партию от ревизионистских наслоений, не проходили мимо китайской идеологической интервенции. В резолюции XIV съезда КПЧ, состоявшегося в мае 1971 г., указывалось, что партия будет вести непримиримую борьбу с ревизионизмом и оппортунизмом, будет последовательно продолжать принципиальную критику позиций нынешнего руководства компартии Китая, которые наносят ущерб делу социализма и мировому коммунистическому движению.

Китайские руководители не единожды возвращались к проблемам, относящимся к внутренней компетенции СССР, синхронизируя свои выпады с враждебными кампаниями империалистической пропаганды. Печать КНР одобрила «хартию-77», передающую по заказу антикоммунистических и спонистских центров в западную печать группой лиц из числа представителей потерпевшей поражение реакционной буржуазии и организаторов контрреволюции в 1968 г. Авторы этой кляузы представлялись китайской про-

¹ «Глос працы», 20. III. 1978.

пагандой как «борцы за свободу и национальные права»¹. В Пекине все еще сокрушаются по поводу разгрома контр-революции в ЧССР в 1968 г.²

И Чехословакии делаются намеки о возможности расширения торговли, экономических, научно-технических связей, обмена студентами в зависимости от того, в каком направлении пойдет развитие ее отношений с Китаем. ЧССР отвергла китайские попытки вмешиваться в ее внутренние дела. В совместном коммюнике делегаций Компартии Чехословакии и Компартии Австрии в июне 1977 г. решительно осуждалась раскольническая политика китайского руководства, «которое действует против интересов социализма, международного коммунистического и рабочего движения и помогает силам империализма и реакции». Острой критике подвергает чехословацкая печать авантюристическую концепцию маоистов о неизбежности войны. «Китай — является ныне единственным государством, — писала газета «Руде право», — руководители которого совершенно открыто манипулируют войной как основным средством решения международных проблем»³. В другой раз «Руде право» подчеркивала, что серьезную угрозу для дела мира представляет империалистическо-маоистский блок. Политика нынешних руководителей Китая находится в глубоком противоречии с принципами, на основе которых родилась Китайская Народная Республика, в противоречии с жизненными интересами самого китайского народа. Нынешние позиции Пекина прямо совпадают с позициями самой крайней реакции, начиная от противников разрядки, засевших в штабах НАТО, до расистов на юге Африки и фашистского режима в Чили. Политика маоистов не только чужда интересам мирового революционного движения, как об этом убедительно свидетельствуют их провокации против СРВ, но и, по существу, является резервом империализма в его усилиях приостановить и задушить мировой общественный прогресс⁴.

Экономические отношения между двумя странами ограничиваются торговлей (1978 г. — 178,5 млн. руб.) и небольшим научно-техническим обменом. Импорт Китая из ЧССР более чем на 70% состоит из товаров группы «машины, оборудование и транспортные средства» (металлорежущие

¹ «Жэньминь жибао», 27.I; 25, 26. VIII. 1977.

² «Жэньминь жибао», 19. VIII. 1977.

³ «Руде право», 23. VII. 1977.

⁴ «Руде право», 10. VIII. 1978.

станки, грузовые автомобили, судовые дизели, автокраны, цементовозы, скреперы), а экспорт включает олово, вольфрамовый концентрат, плавиковый шпат, канифоль, ткани, щетину, тунговое масло, табак, рис, мясные консервы. Чехословацкие специалисты изучают способы извлечения цветных и легирующих металлов из концентратов и руд, производство строительных материалов, приборов и станков, китайские специалисты — технологию изготовления фарфоровой посуды, технику промышленного строительства, производство химических удобрений, организацию сельскохозяйственных исследований и т. д.

После «культурной революции» устранены некоторые трудности в отношениях КНР с Коре́йской Народно-Демократической Республикой. Недвусмысленные намеки, угрозы и даже недружественные действия, имевшие место в тот период, сменились улыбками и велеречивыми декларациями; китайская пропаганда вновь стала называть КНДР социалистическим государством. В апреле 1970 г. состоялся официальный визит премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая в КНДР. За месяц до этого в Пхеньян прибыл новый посол КНР. Участился обмен официальными визитами. Китайская печать освещала работу V съезда Трудовой партии Кореи (ноябрь 1970 г.); корейская печать публиковала материалы X и XI съездов КПК и сессий ВСНП, выступления китайских представителей. Несколько расширились торговые и экономические связи, объем торговли между двумя странами достиг 250 млн. руб. в год.

Известно, что КНДР поддержала усилия европейских социалистических государств, направленные на укрепление безопасности в Европе, выступала против военного присутствия США в Азии, осуждала реваншистские территориальные притязания Японии. По этим вопросам Пекин занимал прямо противоположные позиции. В КНДР видели также, что, выступая па словах за программу объединения Кореи мирным путем и на демократических началах, руководители КНР неоднократно заявляли (например, в беседах с американским сенатором Чарльзом Перси в августе 1975 г., с членами палаты представителей Маргарет Хеклер и Пэтси Минк в январе 1976 г.), что США не должны выводить своих войск с Дальнего Востока и из Азии (а следовательно, и из Южной Кореи), что Япония должна вооружаться и сохранить военный союз с США, который направлен и против КНДР. Такая политика Пекина противоречит коренным национальным интересам КНДР.

Тем не менее обе стороны принимали меры к расширению отношений. В 1975 г. состоялся визит в Китай партийно-правительственной делегации КНДР во главе с Ким Ир Сеном. Коммюнике, подписанное в итоге переговоров, показало, что наряду с совпадением позиций по ряду вопросов по другим имеются и расхождения. В 1976 г. китайские власти, дабы оказать воздействие на КНДР, сократили поставки нефти и коксующегося угля. Корейская сторона продолжала линию на развитие отношений с Китаем. В связи со смертью Чжоу Эньлая и Мао Цзэдуна в КНДР был объявлен общенациональный траур.

После прихода к власти новых руководителей Пекин активизировал усилия, чтобы сделать КНДР своим политическим партнером. При этом он старается отмечать близость по некоторым международным вопросам (определение характера эпохи и ее движущих сил, война и мир, разоружение, роль «третьего мира», движение неприсоединения и т. д.). В мае 1978 г. председатель ЦК КПК, премьер Госсовета Хуа Гофэн совершил свой первый визит за границу, посетив Корею. Двустороннее сотрудничество было названо образцом отношений между социалистическими странами, а также были одобрены внутренние политические и социально-экономические мероприятия ТПК и КПК. Обе стороны заявили о поддержке движения неприсоединения. Хуа Гофэн солидаризовался с борьбой КНДР против империализма, объявил о признании КНДР единственным законным государством в Корее, потребовал вывода американских войск из Южной Кореи. Корейская сторона высказалась за возвращение Тайваня КНР, но не дала оценки внешнеполитического курса китайского руководства. Свой собственный курс она сформулировала как стремление к «тесному сплочению с народами социалистических стран, народами Азии, Африки и Латинской Америки, прогрессивными народами Европы и всеми народами мира, выступающими в защиту самостоятельности».

Стороны, давая оценку переговорам, отметили, что достигли единства мнений относительно углубления «товарищеских отношений» и «революционной сплоченности» между двумя партиями и государствами. Хуа Гофэн, выступая на митинге в Пхеньяне, заявил, что китайско-корейские переговоры «будут иметь огромное и далеко идущее значение как для дальнейшего развития братских отношений между двумя нашими партиями, государствами и народами, так и для нашей совместной борьбы на международной арене».

Торговые связи КНР и КНДР регулируются долгосрочным торговым соглашением на 1977—1981 гг. Объем товарооборота в 1975 г. составлял 233 млн. руб., в 1976 г.— 180 млн., в 1977 г.— 265 млн. руб. Переговоры о подписании протокола на 1978 г. продолжались долго. Это объяснялось тем, что по китайской инициативе были подняты вопросы, связанные с долгом КНДР и с переходом на новую базу цен во взаимной торговле. Сторонам удалось достигнуть договоренности о погашении в 1978—1982 гг. КНДР задолженности по торговым операциям предыдущих лет, которая составляет около 70 млн. руб.

Протокол на 1978 г. предусматривал поставки из КНР 2,3 млн. т коксующегося угля (фактические поставки 1977 г.— 1,8 млн. т), 15 тыс. т хлопка-волокна (21 тыс. т), 150 тыс. т поваренной соли (145 тыс. т), 30 тыс. т соевых бобов (25 тыс. т). Продолжается экспорт китайской нефти в КНДР (около 1,5 млн. т). В свою очередь КНДР обязалась поставить в Китай 100 тыс. т стального проката, 2,2 млн. т антрацита в обмен на коксующийся уголь (1,3 млн. т), 500 тыс. т цемента, 1,5 тыс. штук металло-режущих станков, 6,2 млн. м различных тканей.

Переговоры о подписании протокола о товарообороте на 1978 г. показали, что китайская сторона намерена ликвидировать сложившуюся в последние годы практику, при которой она продавала КНДР ряд товаров по ценам более низким, чем базовые цены 1958 г., а покупала по более высоким. В случае перевода китайско-корейской торговли на базу мировых цен, чего добивается КНР, цены на корейские товары возрастут в среднем на 35%, тогда как цены на китайские товары — на 50%. Обращает на себя внимание и тот факт, что китайская сторона настаивает на погашении КНДР задолженности поставками товаров по ценам 1958 г. даже в случае перехода на новую базу цен.

Китай продолжает оказывать техническое содействие в строительстве ряда промышленных объектов. При этом, как сообщала японская печать, во время пребывания в КНДР Хуа Гофэна между сторонами достигнута договоренность о том, что КНР увеличит свои обязательства по оказанию экономической помощи в сооружении различных промышленных предприятий, среди которых нефтеперерабатывающий завод.

Китайское руководство настойчиво добивалось расширения отношений с Румынией. В начале июня 1971 г. Пе-

кин с официальным визитом посетила делегация во главе с Н. Чаушеску. Премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай и другие китайские деятели нагнетали обстановку антисоветизма и шовинизма. Несмотря на расхождение позиций по многим вопросам, румынский журнал «Эра социалистэ» так характеризовал румыно-китайские отношения: «В последние годы отношения дружбы между нашими партиями, странами и народами постоянно развиваются, углубилось взаимопонимание, все больше расширяется румыно-китайское сотрудничество в политической, экономической, культурной и других областях»¹.

Поток делегаций нарастал, и в Пекине и Бухаресте гостям оказывался теплый прием. Только за один 1977 г. Китай посетили более 20 румынских делегаций различного уровня, в том числе партийно-правительственная во главе с членом Исполкома ЦК РКП, заместителем премьер-министра СРР Г. Опря, делегация дружбы во главе с заместителем премьер-министра П. Никулеску, делегация Коммунистического союза молодежи Румынии, правительственная делегация во главе с заместителем министра иностранных дел, делегации работников здравоохранения, министерства химической промышленности, кинематографистов, журналистов, министерства по делам туризма, две военные делегации, а также несколько групп партийных и государственных работников уездного звена. В Румынию приезжали около 20 китайских делегаций, в том числе делегация ВСНП КНР во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Сайфудином, делегации работников сельского хозяйства, сейсмологов, ученых, ветеранов НОАК, геологов, журналистов, работников министерства связи, торгово-экономическая делегация и несколько групп провинциальных кадровых работников. Глава делегации КНР Сайфудин на митинге рабочих и служащих автозавода в Брашове выступил с призывом к «созданию единого фронта борьбы против гегемонизма сверхдержав» и выразил уверенность, что «революционная дружба и боевое единство компартий, государств и народов Китая и Румынии будут крепнуть и развиваться в борьбе против империализма и гегемонизма»².

Печать КНР представляла отношения Румынии с другими странами в искаженном виде. По китайской информации, Румыния поддерживала политические, экономи-

¹ «Эра социалистэ», 1978, № 18.

² «Жэньминь жибао», 9. V. 1977.

ческие, научно-технические и культурные связи в основном с развивающимися и капиталистическими государствами и лишь с некоторыми социалистическими странами (СФРЮ, КНДР, КНР).

С румынской стороны отмечалось развитие отношений с Китаем. Генеральный секретарь РКП, президент СРР Н. Чаушеску заявил на национальной конференции партии в декабре 1977 г., что «отношения дружбы, солидарности и сотрудничества продолжают развиваться... между Румынией и КНР, между РКП и КПК, между двумя народами»¹.

В мае 1978 г. Китай с официальным дружественным визитом опять посетила партийно-правительственная делегация во главе с Н. Чаушеску. Во время переговоров подчеркивалась общность взглядов по ряду международных проблем. Выступая на банкете в честь Н. Чаушеску, Хуа Гофэн подчеркнул: «Мы будем и впредь неуклонно развивать дружбу между Китаем и Румынией, будем всегда с вами в одном ряду, будем бороться плечом к плечу и идти вперед в борьбе за отстаивание национальной независимости и государственного суверенитета, против империализма, колониализма и гегемонизма в деле социалистического строительства». В свою очередь Н. Чаушеску заявил: «Мы с удовлетворением отмечаем, что Румыния и Китай по целому ряду международных вопросов тесно сотрудничают друг с другом для того, чтобы способствовать реализации разумного стремления всех народов к свободному развитию по пути прогресса, плодотворного сотрудничества, взаимопонимания и мира, борьбы за независимость и суверенитет».

Хуа Гофэн и Н. Чаушеску подписали 19 мая 1978 г. долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве Китая и Румынии, а также соответствующие протоколы. Соглашение заключено сроком на 10 лет с возможностью пролонгации, если одна из сторон не аннулирует его за 6 месяцев до истечения срока действия. Оно предусматривает взаимные поставки машин и оборудования, предоставление документации и материалов для проектирования различных промышленных, сельскохозяйственных и других объектов, обмен техническими специалистами для оказания помощи в осуществлении проектов, взаимной подготовки технического персонала и работников для этих объектов. Цены на машины, оборудование и материалы будут устанавливаться на базе цен

¹ «Скынтейя», 8. XII. 1977.

мирового рынка, а условия платежа и расчетная валюта — определяться межправительственными протоколами, заключенными по конкретным объектам. В развитие соглашения был подписан протокол о строительстве в Румынии при китайском техническом содействии четырех предприятий химической промышленности, в том числе по производству поливитаминов, а также протокол о погашении, начиная с 1980 г., румынской стороной полученных у Китая в 1970—1971 гг. кредита в свободно конвертируемой валюте, кредитов в сумме 300 млн. юаней и в сумме 100 млн. ам. долл. Товарный кредит она станет погашать поставками машин и оборудования, включая оборудование для цементной промышленности и турбины для теплоэлектростанций. Кредит, предоставленный в свободно конвертируемой валюте, будет погашаться тоже свободной валютой.

В ходе этого визита представители соответствующих учреждений подписали ряд контрактов о взаимной поставке товаров, в том числе бартерную сделку на вывоз из Китая 500 тыс. т нефти (по другим сведениям, 1,2 млн. т) в обмен на азотные удобрения, химические волокна и другую продукцию химической промышленности.

Торговля между КНР и Румынией регулируется долгосрочным торговым соглашением на 1976—1980 гг. В 1977 г. двусторонний товарооборот составил около 382 млн. руб., а в 1978 г. возрос до 540 млн. руб.

Китай поставляет различное металлообрабатывающее оборудование, аппараты для проверки качества металлов, медицинскую аппаратуру, инструменты, энергетический уголь, олово, вольфрамовый концентрат, бокситы, стальной прокат, ферросплавы, каучук, продукцию химической промышленности, хлопок, рис, рыбу, мясные, рыбные, фруктовые и овощные консервы, чай, какао, ткани и другие промышленные товары народного потребления. В свою очередь Румыния экспортирует товары группы «машин, оборудование и транспортные средства» (на них приходится свыше 70% импорта КНР из СРР), в том числе нефтебуровое оборудование, грузовые автомашины «Роман» и «Дак», дизельэлектровозы, рудничные локомотивы, а также электронные калькуляторы, кинескопы, подшипники, стальной прокат и трубы, стальной трос, алюминий и алюминиевый прокат, продукцию химической промышленности (каустическая сода, карбид кальция, сажа и т. д.), клееную фанеру и другие товары. К концу текущей пятилетки китайско-румынскую торговлю

планируется увеличить по сравнению с прошлой пятилетней в 2 раза.

Продолжаются поставки в СРР комплектного оборудования и материалов для предприятий, сооружаемых при техническом содействии КНР. В марте 1978 г. на химическом заводе в г. Рымникул-Вылча была сдана в эксплуатацию установка по производству поликарбоната, строившаяся при помощи Китая. На нефтехимическом заводе в г. Телякеп в мае 1978 г. начались технологические испытания установок для сепарации жидких парафинов, используемых в производстве моющих средств. КНР предоставляла для установок оборудование, техническую помощь в монтаже которого оказывали ее специалисты.

В апреле 1978 г. в Румынию выезжала правительственная делегация, возглавляемая кандидатом в члены Политбюро ЦК КПК, заместителем премьера Государственного совета и министром внешних экономических связей КНР Чань Мухуа. Она вела переговоры с членом Политисполкома ЦК РКП, заместителем премьер-министра, министром внешней торговли и международного экономического кооперирования К. Буртике и была принята Н. Чаушеску. С 20 по 25 апреля 1978 г. в Бухаресте проходила III сессия смешанной китайско-румынской комиссии по внешней торговле. Стороны рассмотрели ход выполнения протокола о товарообороте и платежах на текущий год, а также возможности увеличения взаимных поставок товаров. 9 марта — 7 апреля 1978 г. в Румынии находилась экономическая делегация КНР, возглавляемая заместителем министра 5-го министерства машиностроения Ван Лином. Она провела с первым заместителем премьер-министра СРР Г. Опря переговоры по вопросам дальнейшего расширения экономических связей.

Продолжалось сотрудничество между двумя странами в военной области. В сентябре 1977 г. в Румынию приезжала военная делегация во главе с заместителем начальника генштаба НОАК Ян Чэну, в июне 1978 г. — делегация, возглавляемая заместителем начальника главного политического управления НОАК Лян Бие.

16—21 августа 1978 г. Хуа Гофэн находился в Румынии. Это была его первая поездка в Европу. Визиты в СРР, а затем в СФРЮ явились составной частью политики «дифференцированного подхода» и попыткой воспользоваться трибуной, чтобы пропагандировать враждебные СССР, другим братским странам взгляды. Западная печать не преминула поспекулировать на счет того, какие цели пресле-

дует визит¹, против кого он направлен². Сами китайские руководители на заседании Постоянного комитета ВСНП 13 сентября квалифицировали визиты в эти страны как «тяжелый удар» по «гегемонии» Советского Союза.

Из выступлений руководителей КНР и СРР и из других материалов видно, что они условились дальше развивать двусторонние отношения между КНР и СРР, между КПК и РКП. По конкретным международным вопросам делались расплывчатые заявления о заинтересованности в упрочении «климата мира», о «борьбе за независимость народов», о «ликвидации империалистической колониалистской и неоколониалистской политики» и т. д.; тех проблем, по которым позиции явно расходятся, стороны в открытых речах избегали.

Были подписаны соглашения о создании межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, соглашение о научно-техническом сотрудничестве, соглашение о туризме, конвенция о создании морской судоходной линии и др. Протоколом о товарообороте и платежах объем торговли на 1979 г. определен в размере 1260 млн. швейц. фр. (около 400 млн. руб.). Достигнута договоренность о производственной кооперации, взаимных поставках комплектного оборудования, расширении компенсационных сделок.

Более 10 лет пекинская пропаганда резко нападала на Югославию, наделяла непристойными эпитетами, навешивала на ее руководителей самые оскорбительные ярлыки и твердила, будто страна не является социалистической. После чехословацких событий отношение Пекина к СФРЮ изменилось. В 1971 г. состоялся визит союзного секретаря по иностранным делам Югославии в Китай. Контакты становились более интенсивными. В декабре 1976 г. в Югославии находилась китайская делегация во главе с генеральным секретарем Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэем. В том же году в Белграде приняли еще шесть делегаций из КНР, а в Пекине — пять югославских, в 1977 г. — по одиннадцать. Югославское руководство добивалось установления межпартийных связей, но Пекин не шел на это, признавая СФРЮ «такой, как она есть», т. е. продолжая считать несоциалистическим государством.

Особое место в отношениях между двумя странами занял визит в КНР в августе — сентябре 1977 г. Председа-

¹ «Nation», 22. VIII. 1978.

² «Washington Post», 22. VIII. 1978.

теля Союза коммунистов, президента СФРЮ И. Броз Тито. Югославская «Политика» в связи с этим писала: «Во время югославо-китайского диалога будут обсуждаться вопросы войны и мира, по которым, имея в виду скептическое отношение Китая к разрядке, существуют различия между двумя странами. Но имеется и близость взглядов относительно невмешательства великих держав в кризисные районы. Помимо Ближнего Востока и Африки, сюда, несомненно, входит и Европа, которую китайцы считают неизбежным очагом возникновения нового международного военного конфликта и где Югославия предпринимает огромные усилия по разрядке напряженности и установлению прочного мира. Особенно интересной будет тема диалога об усилении независимо ориентированных стран. Для Югославии движение неприсоединившихся стран — это сила с определенными целями и платформой, а Китай склонен считать его компонентом «третьего мира», часто ставя знак равенства между этими группами»¹.

Основное внимание на переговорах И. Броз Тито с Хуа Гофэном и другими китайскими лидерами было уделено «обмену мнениями по вопросам двусторонних отношений». Руководители КНР заявили о «решительной поддержке» Югославии, подчеркивали значение движения неприсоединения и «третьего мира», подтвердили интерес к идее «балканского регионализма». Китайская печать назойливо муссировала тему о решимости Югославии оказать отпор «давлению извне», «укрепить самооборону», хотя никто СФРЮ не угрожал. Вместе с тем в ответ на заявление Хуа Гофэна о неизбежности войны И. Броз Тито заявил, что «война не является неизбежной». Стороны констатировали «отсутствие каких-либо препятствий» для «всестороннего сотрудничества».

Телеграмма Хуа Гофэна по случаю национального праздника СФРЮ была адресована Председателю Союза коммунистов Югославии, президенту СФРЮ Иосипу Броз Тито, через которого Союзу коммунистов Югославии передавались горячие поздравления от имени Коммунистической партии Китая. В телеграмме подчеркивалось, что «в дружественных отношениях между Китаем и Югославией начался новый этап их всестороннего развития». Впервые за многие годы на приеме в посольстве СФРЮ присутствовали члены Политбюро ЦК КПК Цзи Дэнкун и Гэн Бяо.

¹ «Политика», 29. VIII. 1977.

В феврале 1978 г. состоялся визит в Китай югославской правительственной экономической делегации во главе с заместителем председателя Союзного исполнительного веча Б. Шефером. Она вела переговоры с заместителем премьера Государственного совета Гу Му, министрами внешней торговли и машиностроения КНР. Обсуждались вопросы дальнейшего расширения сотрудничества, в частности кооперирования и совместного выхода на рынки третьих стран. Во время переговоров Б. Шефер отметил, что товарооборот между КНР и СФРЮ мог бы достигать 250—300 млн. долл. в год. По мнению югославских представителей, если будет достигнута договоренность об увеличении экспорта китайских товаров, в которых заинтересована СФРЮ, в 1985 г. их торговля может составить 600 млн. долл. Рассматривались также вопросы сотрудничества в области сельского хозяйства. Делегацию принял Хуа Гофэн.

С 26 апреля по 4 мая 1978 г. в Белграде проходила третья сессия смешанной китайско-югославской комиссии по экономическому сотрудничеству. Стороны передали друг другу списки взаимно поставляемых товаров. Югославская сторона проявила интерес к закупкам в Китае нефти, коксующегося угля, олова, концентратов легирующих металлов, кож, продовольственных товаров, промышленных товаров народного потребления. В свою очередь китайская сторона сообщила о заинтересованности в импорте товаров группы «машины, оборудование и транспортные средства», в частности морских судов и других средств транспорта, судовых двигателей, горно-шахтного оборудования, сельскохозяйственных машин. Об итогах сессии был подписан соответствующий протокол.

Сообщалось о заключении контракта на строительство для Китая на судостроительных верфях имени 3 Мая в Риеке пяти морских судов.

В июне 1978 г. в Югославию выезжала делегация министерства химической промышленности КНР во главе с заместителем министра Фэн Бохуа. Она вела переговоры с помощником председателя Союзного комитета по энергетике и промышленности Л. Вукотой. Стороны подчеркнули взаимную заинтересованность в развитии кооперирования в области химической промышленности на долгосрочной основе путем передачи лицензий, технологии, поставки оборудования, обучения кадров и т. д. В том же месяце состоялась поездка в СФРЮ делегации министерства химической промышленности КНР, возглавляемой замести-

телем министра Ду Цидуаном, которая также вела переговоры с Вукотой. Тогда было подчеркнуто, что прямые контакты хозяйственных работников будут способствовать дальнейшему развитию сотрудничества двух стран.

В феврале 1978 г. в Белграде состоялось подписание протокола об открытии авиалинии Пекин — Белград. В мае был осуществлен первый рейс. Полеты по трассе совершаются два раза в неделю.

Заметно активизировалось сотрудничество в военной области. В июне 1978 г. в Белград выезжала китайская делегация во главе с заместителем начальника генерального штаба НОАК Ян Юпом, в которую входили заместители командующих всех родов войск. Она встречалась с союзным секретарем по народной обороне Н. Любичичем. Как сообщило агентство ТАНЮГ, переговоры протекали в «теплой и сердечной атмосфере» и касались «дальнейшего развития сотрудничества вооруженных сил двух дружественных социалистических стран».

Визит Хуа Гофэна в СФРЮ, состоявшийся 21—29 августа 1978 г., кроме тех целей, о которых говорилось выше, был рассчитан и на то, чтобы усилить влияние Китая на движение неприсоединения, в котором участвует Югославия.

Выступая на приеме, устроенном в честь гостей из КНР, И. Броз Тито отметил: сотрудничество между Югославией и Китаем основывается на универсальных принципах независимости, равноправия, невмешательства и взаимного уважения объективных различий в международном положении и политических позициях двух стран. «Эти принципы подразумевают также, что мы развиваем отношения и сотрудничество между двумя нашими странами в собственных интересах и не за счет хороших отношений и сотрудничества наших стран с другими странами».

Касаясь международной обстановки, президент СФРЮ заявил, что Югославия «глубоко уверена в том, что у политики разрядки и активного мирного сосуществования, особенно в наш ядерный век, нет альтернативы». Действительное ослабление напряженности, сказал он, требует ликвидации оставшихся опорных пунктов колониализма, расизма и апартеида на юге Африки и ликвидации опасных очагов кризисов, угрожающих международному миру, таких, как длительный кризис на Ближнем Востоке и др. «Я особо хочу подчеркнуть,— продолжал И. Броз Тито,— необходимость окончательно остановить гонку воо-

ружений и пойти наконец по пути действительного разоружения с тем, чтобы обеспечить стабильный мир и безопасность всех стран».

И. Броз Тито коснулся роли движения неприсоединения, подчеркнув его большое значение для развития международных отношений. В его речи была дана подробная характеристика нынешней внутренней обстановки, развития страны на основе решений XI съезда СКЮ.

Хуа Гофэн в ответной речи снова пустился в рассуждения о «гегемонизме». Все это походило на то, что глава китайского правительства такого рода рассуждениями намеревался прикрыть действия китайской верхушки, которые направлены на обострение напряженности, на гонку вооружений, на раскол единства стран Азии, Африки и Латинской Америки, на подрыв единства социалистических стран. Видимо, в ответ на высказывания И. Броз Тито о необходимости соблюдения «принципов независимости, самостоятельности, равноправия, суверенитета, территориальной целостности, невмешательства, уважения собственных путей развития, добровольности международного сотрудничества и солидарности, а также уважения различий, существующих между странами и партиями», Хуа Гофэн выдвинул, помимо всего прочего, весьма своеобразную формулировку: «Ни одна из наших двух стран не желает ни грубо вести себя в отношении другой, ни вмешиваться в дела другой, ни контролировать другую. Вы — на Балканах, а мы — в Азии»¹.

В связи с завершением визита Хуа Гофэна в белградской печати появилось сообщение, из которого следовало, что на заключительном заседании были подведены итоги двусторонних переговоров, проведен «исчерпывающий обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и положения в мире», констатируется «совпадение или сходство взглядов» по ряду международных проблем, отмечена роль ООН в решении международных вопросов, подчеркнуто значение движения неприсоединения.

В связи с обстановкой на Ближнем Востоке стороны заявили о необходимости «ухода Израиля с оккупированных арабских территорий, осуществления национальных прав палестинцев, всеобъемлющего урегулирования этого кризиса, которое будет гарантировать безопасность всех народов в этом районе мира».

¹ «Правда», 23 августа 1978 г.

При рассмотрении положения на Африканском континенте было подчеркнуто значение решений Организации африканского единства о нерушимости границ.

В ходе обмена мнениями по вопросам отношений между СКЮ и КПК было отмечено, что «определенные различия во взглядах на положение и процессы в международном рабочем и коммунистическом движении не представляют препятствия для дальнейшего успешного развития сотрудничества между двумя партиями и другими общественно-политическими организациями». Стороны приписали программу дальнейшего сотрудничества двух партий, которая предусматривает обмен политическими и партийными делегациями.

Суммируя итоги визита, И. Броз Тито заявил: «По многим вопросам нашло отражение совпадение или сходство взглядов. Были и различия. Некоторые из них, возможно, являются результатом недостаточного взаимного ознакомления. Существенно, однако, наше согласие в том, что эти различия не являются и не должны быть помехой для всестороннего развития сотрудничества между двумя странами и партиями».

Хуа Гофэн назвал переговоры «весьма полезными», указав, что, по его мнению, между Китаем и Югославией имеется «большое совпадение или сходство взглядов по основным вопросам». Он не преминул повторить избитые фразы о «гегемонизме», и, как следовало ожидать, в заявлении китайского лидера не было высказано отношения к таким коренным вопросам современности, как упрочение процесса разрядки напряженности в международных отношениях, необходимость прекращения гонки вооружений, всемерное содействие борьбе стран и народов Азии, Африки, Латинской Америки против сил империализма и колониализма.

Конкретным результатом визита явились выработка программы партийных контактов, заключение общего соглашения о долгосрочном экономическом и научно-техническом сотрудничестве, договоренность о периодических консультациях по линии МИД. Стороны решили наращивать торговлю с таким расчетом, чтобы она увеличилась в 1978 г. в 2 раза по сравнению с предыдущим годом, а в 1979 г. еще более возросла. Фактически объем товарооборота составил в 1977 г. около 66 млн. руб., а в 1978 г. — около 79 млн. руб. (115,3 млн. долл.).

Не сообщалось, обсуждались ли вопросы военных связей. Но вскоре в Китай выехала югославская военная де-

легация во главе с начальником генерального штаба ЮНА С. Поточаром. Принимая делегацию, Хуа Гофэн заявил: «Общее развитие югославо-китайских отношений представляет благоприятные возможности и для сотрудничества между армиями двух стран».

Руководители КНР много сделали, чтобы вырвать Албанию из содружества социалистических государств и превратить в инструмент и базу для подрывной работы против СССР, других социалистических стран.

Сотрудничество Албании с КНР строилось на двух основах: на расчетах получить большую помощь от Китая и общности ультралевых, догматических постулатов. Однако эти факторы действовали недолго.

С 1954 г., когда Китай начал предоставлять Албании экономическую и военную помощь, Пекин выделил свыше 10 млрд. юаней, преобладающая часть которых уже использована. Он обязался содействовать в сооружении 142 объектов (91 уже построен, 23 — в основном построены или строились, остальные — проектировались). В Албанию за это время было направлено около 6 тыс. специалистов. В Китае прошли обучение более 2 тыс. албанских гражданских и военных специалистов. Албания получила 1800 тыс. т зерна, свыше 1 млн. т проката, более 10 тыс. тракторов, танки и истребители китайского производства.

Опыт многолетнего сотрудничества с КНР рассеял надежды руководства АПТ на успешную реализацию его широких планов социально-экономического развития страны с китайской помощью, которая не смогла компенсировать последствия ущерба, нанесенного Албании в результате свертывания экономических связей с Советским Союзом и другими европейскими социалистическими странами.

На КНР приходилось около 40% всего внешнеторгового оборота Албании, причем она имела хроническое пассивное сальдо, в связи с чем ее задолженность Китаю составила к концу 1975 г. свыше 540 млн. руб., а с учетом кредитов, оплаты специалистов и т. п. — 1,6 млрд. руб. Албания оказалась в большой зависимости от Китая и в военной области. Ее армия практически полностью была переоснащена техникой китайского производства. Сравнивая сотрудничество других социалистических стран с СССР, албанцы видели, насколько устаревшее промышленное оборудование и вооружение получали они из КНР. Это служило серьезным раздражителем в отношениях двух государств.

Глубокое недовольство в Албании вызвало сокращение китайской экономической помощи и ее низкая эффективность: организации КНР затягивали составление проектов, разработку технической документации, несвоевременно поставлялись оборудование и материалы, что вело к срыву планов ввода в действие строящихся с помощью КНР промышленных и иных объектов.

Большую озабоченность, а затем и чувство протеста вызвали у албанского руководства крутые зигзаги внешней политики Пекина, усиление его курса на сближение с Западом, прежде всего с США. Процесс отхода Албании от не критического восприятия внешней политики Пекина к критической оценке начался с 1972 г., после визита президента США Р. Никсона в КНР.

В отличие от Пекина, выдвигающего на передний план борьбу против мирового социализма и смыкающегося на этой почве с империализмом и крайней реакцией, внешняя политика Албании продолжает иметь антиимпериалистический характер. Тирана по-прежнему не идет на смягчение антагонизма в отношении США, ФРГ, Англии, Японии и воздерживается от установления с ними дипломатических отношений, хотя правительства этих государств неоднократно предпринимали зондаж по данному вопросу. Равным образом она недовольна китайской поддержкой НАТО и «Общего рынка», выступает против военного присутствия США в Европе и Азии. Тирана отрицательно относится к военным и экономическим организациям Запада, рассматривая их в качестве одного из источников международной напряженности.

Существенные различия имелись и в вопросе о Балканах, Албания возражала против создания там замкнутых военных и экономических группировок, проявляя готовность развивать отношения с Балканскими государствами лишь на двусторонней основе. Китай хотел сколотить в этом районе пропекинский квазиблок.

В противоположность Пекину, в Албании была развернута широкая кампания по осуждению военного переворота в Чили в сентябре 1973 г. Предоставление режиму Пиночета в 1976 г. китайского займа при сокращении кредитов Албании вызвало очередное раздражение в Тиране, что проявилось в резком увеличении в печати материалов с осуждением хунты.

Об обострившихся трениях говорил тот факт, что с 1968 г. не состоялось ни одного визита на высшем уровне. Заметно сократились политические контакты. Если в

1975 г. в КНР побывали 22 албанские делегации, а в Албании — 20 китайских, то в 1976 г. — соответственно 6 и 8, в 1977 г. — еще меньше. Но первым серьезным признаком открытого проявления возникших между Китаем и Албанией разногласий был политический отчет на VII съезде АПТ в ноябре 1976 г., с которым выступил Э. Ходжа. Не случайно китайская печать поместила изложение доклада через две недели, опустив при этом ряд принципиальных положений. В опубликованном в Китае тексте доклада «Международное положение и внешняя политика НРА» были пропущены положения о мощном подъеме борьбы пролетариата в капиталистических странах, о борьбе с расизмом в Родезии и ЮАР, о выступлении прогрессивных и демократических сил против фашизма и реакции, о сопротивлении народа Чили фашистскому режиму. Полностью был выброшен обзор агрессивных акций США после второй мировой войны в Корее, Вьетнаме, Конго, Лаосе, Камбодже, на Ближнем Востоке, фашистского путча в Чили. Не было сказано о резкой критике в адрес НАТО.

VII съезд АПТ отразил и другое: противоречия и столкновения по вопросу о лидерстве в зарубежном маоистском движении. Он должен был показать рост «авторитета» АПТ в этом движении, что было призвано укрепить позиции Албании в ее углублявшемся споре с Китаем. Достижению этих целей и должны были содействовать приглашенные 29 делегаций «марксистско-ленинских партий». Большинство делегаций, присутствовавших на VII съезде АПТ, отдали предпочтение Тиране перед Пекином. Его внешнеполитическая концепция (особенно в вопросах отношений Китая с США, ФРГ, НАТО, ЕЭС) по ряду важных аспектов противоречит точке зрения многих из этих «партий». Так, на встрече «марксистско-ленинских партий» в Риме в феврале 1977 г. представитель «коммунистической партии Испании (м-л)» назвал оппортунистами всех, кто «стремится усилить НАТО как противовес Варшавскому Договору».

Пожалуй, наиболее сильным ударом Тираны по китайскому союзнику явилась известная статья «Зери и популлит», в которой развенчивалась маоцзэдуновская теория «трех миров»; она была названа антимарксистской и контрреволюционной¹. Чтобы спасти китайско-албанский

¹ «Зери и популлит», 7. VII. 1977.

союз от разрыва, руководители КНР заявили, что не будут отвечать на нападки. В то же время Хуа Гофэн на XI съезде КПК и китайская печать рьяно отстаивали «правильность» этой «теории», которая-де «с течением времени продемонстрирует еще более могучую силу». Маоистские группы в Италии, ФРГ, Испании, Португалии, Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Уругвае и Японии поддерживали албанские выступления; группы в Бельгии, Голландии, США, Швеции, Греции, Австралии — пекинскую теорию «трех миров»; при этом лидер «Компартии Австралии» Э. Хилл в статье, опубликованной в газете «Вэнгард» 28 июля 1977 г., объясняя теорию «трех миров», договорился до утверждения о «правильности» пребывания Австралии в орбите американского империализма для нанесения удара по «советской сверхдержаве». Он призвал закрыть глаза на фашистский характер режимов некоторых стран, которые заносятся Пекином в разряд «третьего мира».

Антикитайская кампания в Албании приобретала все более острый характер. Как отмечали иностранные наблюдатели, особо резкой стала критика теории «трех миров» после появления в «Жэньминь жибао» 1 ноября 1977 г. редакционной статьи «Теория председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм». Как бы в ответ на подтверждение Пекином верности теории «трех миров» «Зери и популлит» обвинила ее сторонников в том, что они «поднимают знамя контрреволюции», «под предлогом угрозы войны пропагандируют капитуляцию перед империализмом и соглашательство с ним»¹. В комментариях албанской печати, посвященных итогам пленума ЦК АПТ (17—18 ноября 1977 г.), который обсуждал вопрос о «борьбе против различных течений современного ревизионизма», сторонники теории «трех миров» именовались «предателями», «ренегатами», «новыми оппортунистами», «чьи тезисы, как две капли воды, схожи с тезисами социал-шовинистов II Интернационала».

Не ограничиваясь критикой теории «трех миров» в общем плане, албанская печать стала разъяснять общественности страны на конкретных примерах отношение Пекина к некоторым международным проблемам, показывать, к чему приводит на практике следование этой «теории». В передовой статье «Зери и популлит», посвященной

¹ «Зери и популлит», 5. XI. 1977.

событиям на Ближнем Востоке, отмечалось: «Мы не видим, чтобы сторонники теории «трех миров», которые трубят во всю мочь и пытаются доказать с помощью цитат, что они безоговорочно поддерживают освободительную борьбу и защищают интересы народов всего мира, отстаивали правое дело арабских народов, высказывались в их пользу»¹. В июне 1978 г. в Тиране констатировали, что «спровоцированные конфликты и вооруженные столкновения на кампучийско-вьетнамской границе, поощряемые из-за рубежа и принесшие столько жертв, мешали мирному созидательному труду, недавно начатому в Индокитае. Все друзья Вьетнама, в том числе албанский народ, с сожалением отметили, что вьетнамо-кампучийские разногласия вместо разрешения их в духе дружбы, взаимопонимания и взаимной выгоды лишь обострились в результате вмешательства извне»².

Китайские власти пытались оказать воздействие на Тирану, манипулируя экономической и военной помощью.

В первом квартале 1978 г. на переговорах по вопросу о предоставлении Китаем помощи в строительстве металлургического комбината и других объектов албанская сторона настаивала, чтобы были установлены сроки сдачи проектов и оборудования для цеха холоднокатаных плит, цеха бесшовных труб и чугунолитейного цеха. Китайская сторона отказалась, и переговоры были прерваны. КНР прекратила строительство цеха плит горячей прокатки и трубосварочного цеха, по которым уже была достигнута договоренность.

В процессе сооружения при содействии КНР базы ВМФ стала просачиваться вода во многих пещерах, что сделало невозможным ведение дальнейших работ. В октябре 1977 г. Албания обратилась с просьбой прислать специалистов. Китайская сторона затянула ответ. Албанцы решили сами строить этот объект и отказались от помощи китайской стороны, заявив, что она причиняет ущерб государственной обороне Албании.

В марте 1978 г. КНР потребовала возвращения предоставленных ею вертолетов типа В-5 под тем предлогом, что машины надо проверить и отремонтировать на заводе, поскольку обнаружены дефекты. Албанцы отказались вернуть их и заявили: за аварии будет отвечать Пекин.

¹ «Зери и популлит», 24. XI. 1977.

² «Зери и популлит», 25. VI. 1978.

В мае 1978 г. Албания потребовала от китайских специалистов согласия начать опытную эксплуатацию машиностроительного завода имени «Энвера», угольных шахт в Валлсе и др. Китайские специалисты не согласились. Тогда она решила сделать это сама, причем заявила, что ответственность за возможные неполадки будет нести китайская сторона. Возникли разногласия о готовности завода по изготовлению кирпичей из шлака, доменного цеха и других цехов на металлургическом комбинате.

Произошли несколько аварий на Балшском нефтекомбинате.

В мае 1978 г. Албания отказалась принять 25 счет-фактур на общую сумму приблизительно 100 млн. юаней, затраченных китайской стороной на оборудование, материалы комплектных объектов и фрахтование за период с декабря 1977 г. по апрель 1978 г. КНР заявила, что это сделало невозможным продолжение нормального сотрудничества.

31 мая МИД Албании направил ноту, в которой потребовал в течение 2—3 дней прислать специалиста для устранения неполадок на доменной печи металлургического комбината, иначе придется делать это собственными силами, а КНР будет нести всю ответственность за возможные последствия. Китайская сторона предложила прислать специальную ноту, после чего готова будет учесть албанское требование. Ответа не последовало.

29 апреля и 20 мая 1978 г. МИД Албании вручил посольству КНР ноты, в которых обвинил китайских специалистов в «преднамеренной попытке нанести ущерб экономике Албании», и заявил, что Китай «чинит препятствия» в предоставлении помощи и «попирает» соглашение, «причинив серьезный ущерб» экономике страны. 7 июня 1978 г. МИД КНР, отвечая на ноты, выразил надежду, что разногласия по вопросам сотрудничества будут урегулированы путем переписки. Посол Албании в Китае отказался принять ноту. Китайские власти расценили это как отказ от разрешения вопросов путем консультаций.

Поскольку Тирана настойчиво вела свою линию и критика политики Пекина нарастала, у китайских руководителей ненадолго хватило выдержки. Выиграли великоханьские эмоции. Решили наказать задиристого партнера. 7 июля 1978 г. правительство КНР в ноте, направленной посольству Албании в Пекине, уведомило о своем решении немедленно прекратить всякую помощь и предоставление гражданских и военных кредитов, оставить

незаконченным ряд важных строек и отозвать всех китайских специалистов¹.

Албанские руководители заявили, что «этим односторонним актом произвола китайское правительство сделало сознательный, предумышленный шаг для того, чтобы обострить отношения между двумя странами, причинить вред экономике социалистической Албании и подорвать ее обороноспособность. Этот враждебный акт глубоко возмущает весь албанский народ. Он будет осужден также братским китайским народом... Китайское правительство и его руководители, с великодержавным высокомерием нарушая соглашения, заключенные официально между двумя сторонами, попирая принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, сознательно нарушают и подрывают эту дружбу; прекращение всех видов помощи и отзыв специалистов, находящихся в Албании, разоблачают лицемерие прежней позиции китайских руководителей по отношению к социалистической Албании и корыстный характер предоставления этой помощи». Албанские власти подчеркнули, что «прекращение гражданской и военно-экономической помощи Китая Албании и отзыв китайских специалистов из Албании вызваны тем, что Китайская Народная Республика проводит великодержавную линию, отошла от научной теории марксизма-ленинизма, сблизилась и сотрудничает с империалистическими и реакционными силами всего мира, отказалась предоставлять помощь и поддержку революционным и освободительным силам на международной арене»².

КНР И ОСВОБОДИВШИЕСЯ СТРАНЫ

Политика китайского руководства в отношении развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки определяется тремя критериями: способствовать осуществлению гегемонистских замыслов, подрывать позиции социалистического содружества, не портить отношения с империалистическими странами.

Лидеры Китая учитывают сложность положения в развивающихся странах: противоречивость социально-политических процессов, наличие, наряду с прогрессивными, реакционно-националистических и прозападных тенденций в их политике, богатые запасы стратегического сырья

¹ «Жэньминь жибао», 15. VII. 1978.

² «Зери и популлит», 14. VIII. 1978.

и экономическую отсталость, реальные трудности укрепления независимости этих государств, их недовольство своей ролью на международной арене. Имеются предпосылки для блокирования Пекина с развивающимися государствами консервативной ориентации на расово-националистической основе. Вместе с тем наблюдаются расхождения большинства из освободившихся стран с КНР по важным международным вопросам (разрядка, разоружение и др.).

Курс Пекина в отношении развивающихся стран включает следующие направления:

— Руководство КНР противопоставляет развивающиеся страны социалистическому содружеству, подталкивает их к принятию таких мер, которые на деле ведут не к укреплению самостоятельности, а к замкнутости, ограничению международного сотрудничества, обособлению от социалистических государств. На XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН китайская делегация категорически выступила против предоставления социалистическим странам условий торговли не хуже тех, которыми пользуются развитые капиталистические страны.

— КНР активно поддерживает расширение экономических связей развивающихся государств со «вторым миром», т. е. с бывшими метрополиями, потворствуя таким путем неокOLONиалистской политике империализма.

— Китайское руководство дискредитирует идею социалистической ориентации развивающихся стран и некапиталистического пути развития. Пекинская пропаганда полностью замалчивает тот факт, что глубокие общественные перемены можно осуществлять только в тех странах, которые стали на путь некапиталистического развития, что такой путь не только является единственной альтернативой неокOLONиальному подчинению, но и обеспечивает глубокие социально-экономические преобразования. Пекин торжествует каждый раз, когда правящие круги той или иной страны социалистической ориентации делают поворот в сторону империализма (Судан, Египет). Процесс эволюции революционных демократов к научному социализму, к укреплению политического союза с коммунистами и социалистическим содружеством шел бы гораздо быстрее, если бы не дезориентирующая деятельность маоистов!

— Существенным элементом стратегии КНР является навязывание развивающимся странам пекинских концепций экономического развития. Китайская трактовка «опо-

ры на собственные силы» не совпадает с пониманием этой установки многими развивающимися странами, а носит откровенно националистический характер и предусматривает отказ от сотрудничества со странами социалистического содружества. (Кстати сказать, сам Китай отказывается от политики опоры на собственные силы.) Навязывая свои схемы хозяйственного развития, китайские руководители и пропаганда одновременно дискредитируют курс на строительство тяжелой индустрии. Тем самым Пекин, сознательно или несознательно, ведет дело к тому, чтобы законсервировать экономическую отсталость развивающихся стран.

Учитывая актуальность проблем сырьевых ресурсов в современном мире, Китай пытается закрепить именно в тех развивающихся странах, которые богаты стратегическим сырьем, проникнуть в соответствующие отрасли их экономики. В этой связи обращают на себя внимание его повышенный интерес к богатой нефтью зоне Персидского залива, обязательства КНР по строительству железной дороги Танзам, дающей выход к замбийскому «медному поясу», сохранение отношений с чилийской военной хунтой как источником получения стратегического сырья и т. д.

Для проникновения в развивающиеся государства и распространения влияния в них Пекин продолжает активно использовать экономическую помощь. Ее общий объем (с 1956 г.) составил свыше 4 млрд. долл. Однако, как и раньше, руководители КНР ставят на первое место само обещание помощи, чтобы связать этим страну-получательницу, и гораздо меньше заботятся о выполнении взятых обязательств. К настоящему времени Китай выполнил свои обещания лишь на 35—40%. Больше того, заметна тенденция к сокращению помощи. Китайская «программа оказания помощи иностранным государствам приобрела наибольший размах в 1970 году, — отмечала «Уолл-стрит джорнэл». — С тех пор такая помощь постепенно сокращалась, хотя Китай все еще ее оказывает более чем 50 странам»¹.

В Азии при общем расчете на усиление влияния Китая и установление господства над рядом стран Пекин осуществляет специфическую политику применительно к каждому крупному району: Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Среднему Востоку и Ближнему Востоку.

¹ «The Wall Street Journal», 18. X. 1978.

В Юго-Восточной Азии Пекин старается подготовить почву к превращению в перспективе района в сферу господства Китая. Для этого используются запугивание, нажим и заверения в дружбе, вмешательство во внутренние дела, поощрение пропекинского повстанческого движения и призывы к мирному сосуществованию, провоцирование трений и конфликтов между государствами и декларации о поддержке АСЕАН.

На фоне подрывной деятельности Пекина к югу от своих границ весьма демагогично и фальшиво прозвучал его призыв к странам — членам АСЕАН (Таиланд, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины) создать «единый фронт» этой организации с КНР. Государственные деятели и пресса этих стран резко осудили лицемерную и провокационную затею китайских властей. «Трудно расценить китайское предложение как отражение добрых намерений», — заявила индонезийская «Суара карья». А сингапурская «Стрейтс таймс» прямо подчеркнула: «Отвечаем Пекину: «Нет!»».

Как известно, создание АСЕАН в августе 1967 г., в разгар «культурной революции» в Китае, явилось в немалой мере ответной реакцией пяти стран Юго-Восточной Азии на прямолинейные попытки пекинских лидеров свергнуть правительства в этих странах, навязать им маоизм. Эта ассоциация родилась как организация, в рамках которой ее члены планировали объединить усилия и выработать единую политику противодействия китайскому экспансионизму. Когда после оформления АСЕАН госсекретаря по иностранным делам Филиппин спросили, имеется ли общее согласие между странами блока относительно того, «откуда или от какой страны наиболее вероятно вмешательство», он ответил: «Здесь нет вопроса. От Китая».

Пекин, не только не изменивший свои агрессивные намерения против стран Юго-Восточной Азии, но и усиливший действия по их реализации, теперь прикидывается «другом» АСЕАН и даже напрашивается в «защитники». В январе 1978 г. в Кампучии побывала заместитель председателя Постоянного комитета ВСНП Дэн Инчао, в марте на Филиппинах находился Ли Сяньнянь, в ноябре Таиланд, Малайзию и Сингапур посетил Дэн Сяопин, а Кампучию — Ван Дунсин. Китайские руководители клянутся «поддерживать АСЕАН, активно развивать со странами — членами АСЕАН отношения дружбы и сотрудничества, совместно выступать в защиту мира и безопасно-

сти в Юго-Восточной Азии, других районах Азии и Тихого океана»¹.

Отношения Китая с СРВ и ЛНДР рассмотрены в предыдущем разделе. Здесь заметим лишь, что власти КНР не только стремились затянуть урегулирование во Вьетнаме и объединение страны, но и помешать установлению тесных связей Вьетнама с Камбоджей и Лаосом и, больше того, повернуть их против Социалистической Республики Вьетнам. С Лаосом это сделать не удалось.

Переворот в Камбодже в марте 1970 г., перенесение войсками США и Сайгона военных операций на территорию этой нейтральной страны поставили китайские власти в трудное положение. Пекин как будто добился своего — война перекинулась еще на одну страну. Но в то же время, поскольку агрессия была совершена по соседству с КНР, требовалось принять какие-то эффективные меры. Многие наблюдатели, в том числе в США, полагали, что Китай может послать своих добровольцев, пойдет на совместные с другими социалистическими странами акции. Китайское руководство опубликовало ряд заявлений, где осуждало агрессию и говорило о поддержке созданного в Пекине Н. Сиануком правительства национального единства Камбоджи. Мао Цзэдун выступил 20 мая 1970 г. с заявлением, которое пропаганда КНР рекламировала как самую мощную поддержку народам Индокитая и другим народам мира, но которое содержало набор старых установок: ведение затяжной войны, «опора на собственные силы», создание освобожденных районов, ориентация на крестьянство, главенствующая роль армии. Американские политики расценили это заявление как «выстрел хлопушки по бумажному тигру». Они без труда обнаружили, что в нем ничего не говорилось о практическом отпоре агрессии, а давались лишь обещания моральной и политической поддержки.

В дальнейшем китайские власти начали предоставлять помощь Национальному единственному фронту Камбоджи и королевскому правительству национального единства. Воспользовавшись тем, что вьетнамские войска весной 1975 г. были отведены из Камбоджи, где они воевали против лонноловского режима и войск США, для участия в наступлении на Сайгон, Пекин помог захватить власть в Пномпене прокитайской группировке Пол Пота. Кампучия, как она стала называться вскоре после освобожде-

¹ «Жэньминь жибао», 8. XII. 1978.

ния, превратилась в арену применения маоистских догм: фактически были уничтожены города, а население изгнано в деревни; ликвидированы деньги, введен товарный обмен; был установлен кровавый террористический режим, за три с лишним года уничтожено чуть ли не 3 млн. человек; страну изолировали от внешнего мира. В Кампучии находилось около 30 тыс. китайских советников, Китай оказывал ей материальную помощь, поставлял оружие. Пекин, используя Кампучию как инструмент своей захватнической политики, подтолкнул ее на военные провокации против Вьетнама.

Меры Вьетнама с целью оказания отпора агрессии постоянно расценивались в Пекине как угроза Кампучии, заговор, стремление к гегемонии. Образование в ноябре 1978 г. Единого фронта Национального спасения Кампучии китайская пропаганда представила как «козни» Вьетнама. По адресу СРВ постоянно раздавались угрозы¹.

Отпор, оказанный Вьетнамом военным провокациям полпотовского режима, осуждение народами мира преступлений кампучийских маоистов ускорили крах клики Пол Пота — Иенг Сарн. Национально-патриотические силы развернули решительную борьбу. Кровавый режим развалился в январе 1979 г., и его главари нашли убежище в Пекине. Новое правительство вернуло в города их жителей, изгнанных в деревни и содержавшихся в лагерях, создало демократические органы власти, восстановило нормальную жизнь в стране. Кампучия объявила, что будет проводить независимую внешнюю политику неприсоединения и борьбы против империализма. Страна стала народной республикой.

Советский Союз приветствовал победу революционно-патриотических сил Кампучии, положившую конец мрачным дням тирании и страданий, на который обрекли народ реакционные диктаторы. В телеграмме Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгина Председателю Народно-революционного совета, Председателю ЦК ЕФНС Кампучии Хенг Самрину было также подчеркнуто, что СССР «будет и впредь развивать и укреплять традиционные отношения дружбы и сотрудничества между нашими странами, оказывать кампучийскому народу поддержку в строительстве мирной, независимой, демократической неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму»².

¹ «Жэньминь жибао», 8. XII. 1978.

² «Правда», 10 января 1979 г.

По-другому реагировали китайские правители, утратившие полигон для применения маоистских идей, на крах пномпеньской клики и образование Народной Республики Кампучии. Из Пекина поступили указания полпотовцам перейти к «партизанской войне» и обещания помочь оружием. Бывшие главари свергнутого режима при поддержке Китая внесли в Совет Безопасности ООН кляузу, утверждая, будто падение режима Пол Пота — Иенг Сари явилось следствием вмешательства Вьетнама, а не восстания народа. Однако проект резолюции, за который ратовали КНР, а также западные державы, был провален Советским Союзом, применившим вето. В ходе агрессии Китая против Вьетнама страны АСЕАН, подталкиваемые Вашингтоном, внесли в Совет Безопасности проект резолюции, в котором ставили вопрос о «выводе вьетнамских войск из Кампучии» и о прекращении военного нападения Китая на СРВ. Такая резолюция, по сути дела, оправдывала бы агрессию КНР и поэтому была отвергнута Советским Союзом.

Примером двуличия китайской верхушки и ее захватнических устремлений может служить политика в отношении Бирмы. Ее правительство предприняло настоящие шаги для нормализации отношений с КНР, полагая, что это будет сдерживать вмешательство Пекина в его дела. Китайские лидеры несколько изменили свое отношение к Бирме, по крайней мере внешне. Стороны обменялись послами. В августе 1971 г. Не Вин побывал с визитом в Пекине. КНР стала покупать бирманский рис. Маоистам пришлось согласиться с тем, что их расчеты на свержение правительства Не Вина нереальны. Однако они по-прежнему поддерживают повстанческие движения, стремясь отторгнуть Качинскую и Шапскую автономные области, Чинский автономный район и Верхнюю Бирму. Попытки Не Вина добиться заверений, что Пекин не будет вмешиваться в дела Бирмы, не имели успеха.

В начале 1975 г. в Центральной Бирме и на северо-востоке страны произошли военные столкновения. Операции начались в январе—феврале, когда мятежники из партии «белого флага» попытались расширить зону своего контроля вдоль бирмано-китайской границы и создать «освобожденный район». Правительственные войска, потеряв 96 человек убитыми, около 200 ранеными и пропавшими без вести, оттеснили вооруженные группы «белого флага» к границе.

Согласно сведениям, поступавшим в Рангун, отряды вторжения формировались в Китае из лиц, принадлежавших к тем же народностям, которые населяют и северные районы Бирмы¹. 14 марта 1975 г. сессия Народного собрания Бирмы приняла резолюцию, в которой сказано, что повстанцы вторглись из-за рубежа и угрожали суверенитету и территориальной целостности страны. Отмечалось также, что в результате решительных действий армии при поддержке полиции, отрядов народной милиции и партийных активистов повстанцы к началу февраля были отброшены к китайской границе как на севере, так и на востоке Шанской автономной области.

Добиться прекращения вмешательства Китая во внутренние дела Бирмы — такова была главная цель визитов Не Вина в КНР в ноябре 1975 г. и в мае 1977 г. В итоге переговоров в совместном коммюнике было записано: «Каждый народ имеет право свободно, без вмешательства извне, избирать свой политический, экономический и социальный строй в соответствии со своими национальными нуждами и чаяниями». Это обещание тут же было нарушено китайскими властями. В ноябре—декабре 1975 г. на юге Шанской автономной области произошло 46 вооруженных столкновений между поддерживаемыми Пекином повстанческими отрядами и отрядами шанских сепаратистов, с одной стороны, и подразделениями бирманской армии — с другой. Крупные бои велись в марте 1976 г.

В начале 1978 г. заместитель премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин посетил Бирму. В то время, когда он, не скупясь на слова, заверял бирманскую сторону в «самых горячих чувствах братской дружбы и добрососедства», пекинская агентура заканчивала последние приготовления к новым вылазкам в районе границы. Не случайно китайский деятель остался глух к тому, что волнует бирманцев и о чем писала во время и после его визита бирманская печать, — о справедливой войне против пропекинских мятежников, о необходимости «достижения национального единства... развития национальной экономики», о той тревоге, которую вызывает у бирманцев «спланированная¹ борьба» против суверенной Бирмы, в которую «вовлечен... сам Китай»². Жестокие бои вспыхнули 1 февраля 1978 г., на второй день после того, как

¹ См. «Правда», 5 марта 1975 г.

² «Asia Week», 21. IV. 1978, N 15.

«Дэн Сяопин выехал из Рангуна по завершении переговоров с президентом Не Вином»¹. «После кровопролитных столкновений на северо-востоке страны в прошлом месяце (март 1978 г. — М. К.) то, что когда-то казалось многообещающим диалогом с Пекином, выглядит как пустая трата времени»².

Во время агрессии Китая против Вьетнама пропекинские силы в Бирме активизировались. В связи с этим в марте 1979 г. в ряде районов прошли массовые демонстрации в знак протеста против бесчинств и зверств, которые чинили поддерживаемые и вооружаемые Пекином группировки. Существует множество и других фактов грубейшего вмешательства в дела Бирмы. Ее территория, например, самовольно используется китайскими властями для переправки мятежников из племен нага и мизо в Индию.

Налицо явное покушение на независимость и суверенитет Бирмы, стремление помешать бирманскому народу строить новую жизнь в условиях политической стабильности и национального единства. Во всем этом отражается неизменно гегемонистская линия маоистских социал-шовинистов, направленная на то, чтобы, говоря словами Мао Цзэдуна, «заполучить Юго-Восточную Азию». Свое отношение к политике китайских правителей выразили широкие слои народа и печать Бирмы, осудившие агрессию против Вьетнама.

Правительство КНР предприняло энергичные попытки наладить отношения с другими странами Юго-Восточной Азии. К усилению китайского проникновения подталкивают и геополитические планы в отношении этого района, и укрепление там позиций Японии. Пекинские власти хотят создать задел для своих планов и в то же время сохранить свободу рук.

Была применена та же «пинг-понговая дипломатия». Одним странам Пекин обещает поставлять некоторое количество мазута, другим — расширить торговлю (товарооборот с Сингапуром в 1974 г. превысил 400 млн. долл., с Индонезией — 200 млн., с Малайзией — 100 млн., с Филиппинами — 80 млн. долл.). Завязались контакты на правительственном уровне с Малайзией, Сингапуром, Таиландом, Филиппинами. С 1972 г. заметно ослаблены нападки на Индонезию.

¹ «Asia Week», 21. IV. 1978, N 15.

² Ibidem.

Эти страны в качестве предпосылок нормализации отношений потребовали от Пекина прекращения вмешательства в их дела и отказа от поддержки экстремистских групп, а также гарантии лояльного поведения китайских эмигрантов. В рамках АСЕАН было решено, что они устанавят отношения с КНР не одновременно, а постепенно, с учетом опыта того государства, которое раньше других предпримет такой шаг.

Первой из этой группы стран была Малайзия. Переговоры о нормализации отношений начались 21 июня 1973 г. в Нью-Йорке. Китайские представители предлагали под видом «упрощения» процедуры договориться об установлении отношений, а все другие вопросы решать после обмена посольствами. Другая сторона не согласилась с этим. Правительство Малайзии добивалось, чтобы еще до прокладки дипломатических каналов был решен вопрос о гражданстве лиц китайской национальности — апатридов, проживающих в стране, и чтобы Пекин публично отказался от поддержки антиправительственных выступлений.

С 28 мая по 2 июня 1974 г. по приглашению правительства КНР премьер-министр Малайзии Тун Абдул Разак находился в Пекине с официальным визитом. Совместное коммюнике констатировало установление дипломатических отношений на основе принципов мирного сосуществования.

Далеко не безупречное отношение Китая к Малайзии в прошлом квалифицировано в коммюнике (по настоянию Пекина) как «традиционная дружба двух народов», хотя А. Разак оценил это прошлое как «долгий период пренебрежения» и как «полосу преувеличенных страхов и подозрений».

По самому злободневному вопросу межгосударственных отношений — об отказе Китая от идеологической и материальной поддержки пропекинских антиправительственных вооруженных групп — Малайзии так и не удалось получить четких гарантий. На этот счет в коммюнике сказано: «Оба правительства считают непозволительным всякую иностранную агрессию, вмешательство, контроль и подрывную деятельность. Они полагают, что социальный строй страны может быть избран и определен только ее собственным народом». Однако это положение сформулировано без достаточно ясной привязки к Китаю и в данной редакции может быть истолковано как относящееся к любым странам, но не к нему. Правда, А. Разак ссыался

па то, что Мао заявил, будто Китай считает действия вышеуказанных вооруженных групп в Малайзии ее внутренним делом¹. Однако китайские лидеры не сочли нужным «опровергнуть» вмешательство Пекина во внутренние дела Малайзии и даже не гарантировали ее от повторения подобных акций в будущем. Вскоре после установления отношений радио КНР призвало прокитайские силы продолжать борьбу против «фашистского режима», а в мае 1975 г. Пекин направил своим сторонникам телеграмму, рекомендуя усилить вооруженные выступления. Правительство Малайзии заявило по этому поводу протест.

В коммюнике не получил никакого отражения вопрос об антималайзийских выступлениях радиостанции, действующей с территории Южного Китая. Она по-прежнему продолжает антималайзийскую пропаганду и после подписания коммюнике, призывает к борьбе.

Пекинские представители навязывали Малайзии свою политику в отношении китайского меньшинства в этой стране. По заявлению А. Разака, во время переговоров представители КНР подчеркивали, что Малайзии как многонациональному государству (намек на китайское меньшинство) надлежит по ряду проблем консультироваться с Пекином. Практически это выразилось в том, что малайзийская национальная проблема уже была одной из центральных тем бесед Чжоу Эньлая с А. Разаком.

Характерно, что при обсуждении вопроса о гражданстве китайцев в Малайзии четко выявилось стремление Пекина к увеличению численности китайского меньшинства. Равный политический статус китайского меньшинства с малайзийцами в сочетании с его довольно сильными экономическими позициями может привести к господству китайцев не только в экономике, но и в политике страны.

Малайзийские власти тщательно дозируют объем отношений с КНР. Они не идут на активные контакты, контролируют деятельность посольства КНР, чтобы не допустить идеологического воздействия на колонию китайских эмигрантов и не обострить и без того сложный вопрос межнациональных отношений. Связи между двумя странами развиваются в области торговли. В 1976 г. товарооборот составлял 190 млн. долл., экспорт Китая — 130 млн., импорт — 60 млн. долл. В последующие годы торговля несколько расширилась. КНР закупает главным образом каучук (90 тыс. т) и продает товары, пользующиеся спросом у китайского населения.

¹ «Straits Times», 1. VI. 1974.

Визит премьер-министра Малайзии Х. Онна в КНР (май 1979 г.) не спял разногласий между двумя странами.

Между Китаем и Малайзией есть разногласия по территориальному вопросу. Пекин претендует даже на рифы Цэнму, находящиеся в 20 милях от берегов малайзийского штата Саравак. В КНР изданы карты, на которых территориальные воды проходят лишь в 5 милях от побережья Восточной Малайзии. Малайзия считает эти рифы своей территорией.

Визит Дэн Сяопина в Малайзию в ноябре 1978 г. не дал импульса развитию отношений. Малайзийские власти не позволили использовать их страну как трибуну для проталкивания пекинских взглядов. Разговор «глухонемых» состоялся и в связи с вмешательством в дела Малайзии и поддержкой Пекином повстанцев. Следует добавить, что с начала 1979 г. пропекинские повстанческие силы активизировали боевые операции.

Победа революции в Южном Вьетнаме, крах политики США вызвали разноречивую реакцию среди буржуазных кругов в Юго-Восточной Азии. Пекин решил воспользоваться этим и подтолкнуть страны района к сближению с Китаем. В мае 1975 г. маоисты обратились к пропекинским кругам в Таиланде и Индонезии с призывом усилить вооруженную борьбу против властей, стали «страшать» страны Юго-Восточной Азии Вьетнамом и выставять Пекин чуть ли не защитником их независимости.

В 1975 г. в КНР прибыли президент Филиппин Ф. Маркос, премьер-министр Таиланда К. Прамот. В июне и июле Филиппины и Таиланд установили отношения с Китаем. В то же время они потребовали твердых гарантий невмешательства в их внутренние дела. Власти КНР обещали не вмешиваться, не подталкивать китайских эмигрантов на подрывные действия, уважать существующий на Филиппинах и в Таиланде политический строй. Международные наблюдатели скептически встретили обещания Пекина, видя на примере Бирмы и Малайзии, как мало эти заверения значат.

После визита Ф. Маркоса в КНР политические отношения не получили развития, в марте 1978 г. вяло прошел визит Ли Сяньняня в Манилу. Осуществлялся обмен экономическими и спортивными делегациями. Объем торговли составляет 100 млн. долл.

Серьезной проблемой являются притязания КНР на острова, где филиппинцы уже начали поиски нефти. Претензии отвергаются, в частности, и на том основании, что

острова входят в 200-мильную экономическую зону Филиппин.

Отношения с Таиландом Китай старался использовать для давления на СРВ и ЛНДР и изоляции их в Юго-Восточной Азии. Пекин запугивал «агрессивностью Вьетнама», «стремлением к гегемонии в Юго-Восточной Азии», «советско-вьетнамским заговором».

Пекин заметно активизировал свою пропаганду в Таиланде, стал быстро налаживать связи с кругами китайских эмигрантов, прибирая к рукам важные экономические рычаги. Это вызвало озабоченность правящих кругов Таиланда. После переворота в Таиланде в октябре 1976 г. был установлен жесткий контроль над китайской пропагандой, в декабре начались крупные военные операции против пропекинских повстанческих отрядов, в которых приняли участие малайзийские войска. В октябре 1977 г. в КНР ездил делегация во главе с премьер-министром К. Прамотом, а затем большая группа членов королевской семьи. Им был оказан теплый прием. 29 марта — 4 апреля 1978 г. Китай посетил премьер-министр К. Чаманан.

К. Чаманан имел встречи с премьером Госсовета КНР Хуа Гофэном, его заместителем Дэн Сяопином, другими китайскими руководителями. Обсуждались международные проблемы, вопросы взаимоотношений между двумя странами. Были подписаны соглашения о торговле и научно-техническом сотрудничестве, которые, однако, конкретных решений не содержали. Вопросы расширения торговли и развития сотрудничества в области науки и техники подлежали дальнейшему обсуждению.

Во время переговоров китайские руководители всячески пытались навязать свою концепцию «трех миров», доказывали, что как КНР, так и Таиланд принадлежат к странам «третьего мира» и в их задачу входит борьба с «гегемонизмом двух сверхдержав в Азии». Китайские лидеры представляли положение в Индокитае таким образом, что после ухода одной сверхдержавы (США) «образовавшийся вакуум хочет заполнить другая сверхдержава». Они пытались доказать, что «усиление советского влияния» в Индокитае представляет значительную угрозу для безопасности Таиланда. Они подчеркивали, что будто главной задачей развивающихся стран Юго-Восточной Азии является борьба против Советского Союза. Эти положения китайская сторона пыталась включить в совместное коммюнике. Однако таиландская делегация подошла к ним весьма сдержанно и не поддержала этих заявлений.

Она отметила необходимость сохранения нейтралитета как в Юго-Восточной Азии, так и в Индокитае без противоборства с кем-либо. В итоге коммюнике подписано не было.

Правая печать Таиланда приветствовала действия Китая в отношении СРВ и ЛНДР, отмечала «взаимную заинтересованность крепить и развивать дружественные отношения». В то же время правительство не желает быть втянутым в конфликт с Вьетнамом.

Пекинское руководство возлагало большие надежды на визит Дэн Сяопина в Таиланд в ноябре 1978 г. Ему не удалось втянуть Таиланд во враждебные СРВ и ЛНДР действия, хотя Дэн всячески запугивал «советско-вьетнамским альянсом» и «стремлением Вьетнама к региональной гегемонии». Индонезийская печать писала в ноябре 1978 г., что Дэн Сяопин встретил холодный прием в Таиланде, Малайзии и Сингапуре и Китай, что бы ни говорили его лидеры, является «сверхдержавой», а не страной «третьего мира». Правда, в отличие от «двух сверхдержав», Китай не пользуется уважением в мире из-за своего воинственного политического курса. Когда некоторое время тому назад Китай «вылез из скорлупы ксенофобии», каждый хотел быть с ним любезным. Но время прошло, стало ясно, что такое Китай, какова его политика, и теперь все будет зависеть от него самого.

С 1967 г. приостановлены дипломатические отношения между КНР и Индонезией. Джакарта крайне настороженно отнеслась к многочисленным попыткам Пекина завязать диалог о восстановлении официальных отношений. Индонезийская «Суара карья» отмечала, что прекращение вмешательства во внутренние дела Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии является «одним из основополагающих факторов при рассмотрении вопроса о нормализации отношений с КНР». И дальше: «Если КНР все же покончит официально с таким враждебным подходом, то будет продолжать тайно оказывать моральную и материальную поддержку врагам Индонезии, то в этом случае размораживание отношений будет лишь на руку КНР и по-прежнему в ущерб Индонезии». Что касается экономических аспектов, то, по словам газеты, «индустриальное и экономическое развитие в КНР не позволяет надеяться на многое, тем более что Китай... завяз в многочисленных внутренних экономических проблемах»¹.

¹ «Суара карья», 16. VI. 1975.

Пекин прекратил критику правительства Индонезии, одобрил соглашение Индонезии, Малайзии и Сингапура о правилах прохода судов через Малаккский пролив, связал все предварительные условия и заявил, что проблема повстанцев не должна быть препятствием для нормализации отношений. Джакарта направляла в Китай делегации, чтобы изучить обстановку и намерения Пекина. Адам Малик в бытность министром иностранных дел несколько раз заявлял, что отношения вскоре будут восстановлены. Однако военные круги возражали против проявления поспешности, ссылаясь на то, что Пекин продолжал подрывную деятельность в Индонезии, что не решена проблема китайского меньшинства и что появление посольства КНР обострит обстановку в стране. Не помогло и изменение позиции Пекина в отношении АСЕАН. Индонезийская газета «Мердека» указывала, что агрессивная, гегемонистская сущность внешней политики КНР не изменилась, что «установление рядом стран Юго-Восточной Азии дипломатических отношений с КНР не только не привело к прекращению китайского вмешательства в их внутренние дела и использования Пекином в этих целях хуацяо, но, наоборот, с появлением китайских посольств создались для него дополнительные возможности»¹.

Опыт Малайзии привел Сингапур к заключению, что не следует торопиться с установлением отношений с КНР, и уж если идти на это, то при условии получения четких гарантий о невмешательстве в его дела. «Стрейтс таймс», комментируя визит министра иностранных дел Сингапура в Пекин, отмечала 19 марта 1975 г., что Сингапур не спешит с установлением отношений и что на ближайшем этапе развитие связей двух стран будет основываться, как и прежде, на более рациональном использовании экономического сектора.

КНР добивалась скорейшего установления дипломатических отношений с Сингапуром, но она твердо держалась своей позиции. В мае 1976 г. Пекин посетил премьер-министр Ли Куан Ю. Визит, как и ожидали, не привел к установлению официальных отношений. С учетом позиции Ли Куан Ю китайские власти выпущены были «проявить понимание», заявив, что готовы подождать. Тем не менее визит стимулировал расширение торгово-экономических, культурных, спортивных связей. Поэтому КНР концентрирует внимание на торговле. В 1977 г. в Сингапуре по-

¹ «Мердека», 22, 24. VI. 1978.

бывала первая официальная торговая делегация КНР. Объем торговли превышает 500 млн. синг. долл., причем экспорт Китая в несколько раз превышает импорт; Сингапур является третьим после Японии и Гонконга рынком сбыта китайских товаров. Главное место в импорте Китая занимает каучук.

Визит Дэн Сяопина в Сингапур в ноябре 1978 г. не изменил намерения сингапурского правительства не торопиться с установлением отношений. «Дэн Сяопину, — писала «Фигаро», — был оказан недавно в Бангкоке теплый прием. Но в Куала-Лумпуре и Сингапуре его приняли куда более сдержанно. Сделанные Дэном в этих столицах заявления о дальнейшей поддержке КПК мятежников в регионе там не понравились. Еще меньше они понравились в Джакарте, реакция которой была незамедлительной: возобновление дипломатических отношений между двумя странами было отложено на неопределенный срок. Короче говоря, Малайзия, Сингапур и Индонезия проявили куда более сдержанную, чем Таиланд, позицию в момент широкого дипломатического наступления Китая в регионе; Ли Куан Ю заявил об этом своему собеседнику»¹.

В своей политике в отношении Юго-Восточной Азии Пекин отводит важное место хуацяо, там их проживает около 20 млн. Выступая на сессии ВСНП (февраль—март 1978 г.), руководители КНР отвели китайским эмигрантам роль «моста», связывающего КНР со странами региона, что усилило там подозрения и беспокойство. На встрече с руководителями прибывших в Пекин групп хуацяо Дэн Сяопин заявил, что «вопрос о работе среди китайцев, проживающих в других странах, необходимо поставить на повестку дня и его решению уделять самое серьезное внимание»². Помимо привлечения эмигрантского капитала (общая сумма капиталовложений хуацяо в странах Юго-Восточной Азии составляет, по разным источникам, от 10 млрд. ам. долл.³ до 16,3 млрд. ам. долл.⁴) к участию в осуществлении программы «четырех модернизаций» Пекин, как и прежде, намерен использовать китайских эмигрантов в качестве «пятой колонны», называя их «соотечественниками», «одной семьей», «родственниками по

¹ «Figaro», 11. XII. 1978.

² «Жэньминь жибао», 3. I. 1978.

³ «South China Morning Post», 21. VI. 1976.

⁴ «Time», 12. XII. 1977.

крови»¹. Все с большей активностью Пекин призывает хуацяо принимать гражданство страны проживания. «Политика правительства КНР,— как заявил на сессии ВСНП Хуа Гофэн,— поддерживать и поощрять хуацяо добровольно принимать гражданство тех стран, в которых они проживают»². И хотя при этом они вроде бы лишаются китайского гражданства, но обязаны помнить, что «узы родства с китайским народом сохраняются»³. Вновь широко пропагандируется высказывание Мао Цзэдуна о том, что «90% хуацяо — патриоты, наши друзья и товарищи, враги — крошечное меньшинство»⁴.

Вообще говоря, тлеющие угли националистических настроений у значительной части хуацяо давно бы погасли, если бы умышленно не раздувались. Линия выпешных лидеров КНР как раз и ведется с расчетом на то, чтобы подогревать великоханьский шовинизм у хуацяо под видом «развития патриотических чувств», внедрять в китайских общинах свою агентуру. Индонезийская газета «Мердека», обращаясь к собственному правительству, призвала «резко усилить контроль за деятельностью китайцев и оградить страну от проникновения хорошо обученной агентуры». Другая газета — «Синар харапан» — указывала, что проникновение в Индонезию лиц китайской национальности в больших масштабах, а также создание «специальных бюро» в Гонконге и других местах для оформления им фальшивых индонезийских документов «следует рассматривать как часть заранее подготовленной операции». Примерами вопиющего пренебрежения к суверенитету других стран могут служить попытки вовлечения китайской молодежи в различные подпольные антиправительственные организации, вроде «лиги изучения идей Мао Цзэдуна», проповедующие культ насилия, или провоцирование Пекином через хуацяо всевозможных беспорядков, вроде тех, которые имели место во Вьетнаме.

Пекинские правители не гнушаются использовать в корыстных интересах даже бандитские «тайные общества», состоящие из китайцев и разбросанные по разным странам региона. Главная ставка, разумеется, делается на китайских капиталистов, которых, по словам индонезийских официальных лиц, «заставляют обогащаться за счет

¹ «Гуанмин жибао», 6. IV. 1978.

² «Жэньминь жибао», 26. II. 1978.

³ Там же.

⁴ «Жэньминь жибао», 4. I. 1978.

эксплуатации местного населения, а капиталы переводить в Пекин».

Такова картина проникновения Китая в Юго-Восточную Азию. Разве она не говорит о том, что Пекин накапливает факторы, которые должны привести к установлению господства КНР тогда, когда правители сочтут, что время наступило? В ходе беседы в октябре 1978 г. с группой тайландских журналистов Дэн Сяопин сказал, что Китай не намерен отказываться от поддержки пропекинских повстанческих движений в странах Юго-Восточной Азии. «Если бы Китай,— заметил он,— сделал официальное заявление такого рода, это означало бы, что он выкинул белый флаг, это было бы пораженческой позицией»¹. На пресс-конференции в Бангкоке 8 ноября 1978 г. Дэн Сяопин вновь подтвердил неизменность китайской позиции в деле поддержки пропекинских элементов, заявив, что «отношения между партиями должны быть отделены от отношений между государствами»². Агрессия против Вьетнама, кстати сказать, была рассчитана и на то, чтобы запугать страны Юго-Восточной Азии и сделать их более податливыми перед лицом нажима и экспансии Китая. Хотя позиция правительств государств — членов АСЕАН в связи с китайской агрессией была осторожной, широкие слои народов резко протестовали против китайской агрессии. Индонезийская «Мердека» писала 23 февраля 1979 г.: «Нападение Китая на СРВ — не что иное, как осуществление империалистической политики, несущей угрозу миру во всем мире».

Пекин стремится установить тесные связи с молодыми государствами в южной части Тихого океана, прежде всего с Фиджи и Папуа Новой Гвинеей. В КНР приезжали премьер-министры ПНГ и Фиджи, другие деятели. Китайские руководители обещали экономическую помощь в виде кредитов и командирования специалистов. На Фиджи была организована в сентябре 1978 г. китайская торгово-промышленная выставка. Специалисты из КНР изучали возможность строительства на Фиджи небольших гидроэлектростанций, овощных и рисовых ферм, предприятий по производству керамических изделий и фаянса. Правительство ПНГ колеблется, не решаясь принять предложения Пекина об экономической помощи.

¹ «Nation» (Thailand), 17. X. 1978.

² «ИБАС», 9. II. 1978, № 6356.

В Южной Азии главная цель Пекина состоит в том, чтобы ослабить Индию, окружить ее кольцом государств, относящихся к ней недоверчиво и даже враждебно.

Находясь в плену собственных иллюзий, руководство КНР исходило из того, что давление на Индию, грубое вмешательство во внутренние дела вынудят ее пойти на серьезные уступки ради нормализации отношений с Китаем. Поэтому Пекин оставался глухим к предложениям Дели повернуть их в нормальное русло, выдвигая одно условие за другим. Премьер-министр Индии, выступая 14 сентября 1969 г. в Калькутте, заявила: «Индия держит свои двери открытыми для переговоров с Китаем». Пекин не ответил. 3 октября 1969 г. министр иностранных дел Индии отметил, что растет угроза Индии со стороны Китая.

1971—1975 годы ознаменовались резким усилением враждебности Пекина. Подписание в августе 1971 г. Договора о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Индией вызвало особое раздражение китайских руководителей. Они утверждали, будто договор является индосоветским сговором и направлен против КНР. В связи с восстанием в Восточном Пакистане, образованием Бангладеш и войной между Пакистаном и Индией в декабре 1971 г. из столицы Китая и с трибуны ООН, когда на ней появлялся представитель КНР, Индию обвиняли в «экспансионизме», «агрессии», грозили репрессалиями. В январе 1972 г. китайская пропаганда стала заявлять, будто Индия намерена организовать «реакционный мятеж» в Тибете, что было категорически опровергнуто Дели. Весной 1973 г. в КНР были переизданы документы по пограничному спору с Индией, в которых высказывались претензии на ее территорию. Новым потоком клеветнических материалов разразился Пекин во время визита Л. И. Брежнев в Индию в ноябре 1973 г. Руководители КНР пытались охаять экономическое сотрудничество между СССР и Индией, усматривали в их сближении «угрозу безопасности» соседних стран. Китайские власти, которые продолжают гонку ядерных вооружений и не раз выступали против соглашений, ограничивающих распространение оружия массового уничтожения, квалифицировали индийский ядерный взрыв в мирных целях в мае 1974 г. как ядерный шантаж в отношении стран Южной Азии, как акт, усиливающий нестабильность в этой части мира. Время от времени они поднимали вопрос о Кашмире; в феврале—марте

1975 г. выступили против достигнутой договоренности между кашмирскими деятелями и центральным правительством Индии о включении Кашмира в состав республики на правах штата. Вспышка яростного гнева в Пекине была зафиксирована, когда Сикким стал штатом Индии; маоисты стремились выставить это решение как «угрозу соседним странам». Китай заявил, что не признает этот акт. «Китайцы, — отмечала индийская газета «Патриот», — адресуют Индии завуалированные угрозы, предсказывая, что народности, входящие в Индийский союз, — нага, мизо, сиккимцы и кашмирцы — восстанут против центральной власти. Это должно открыть глаза тем, кто вершит политику пашей страны. Могущественная Индия, независимая в политическом, экономическом и военном отношении, представляется Китаю препятствием на пути к осуществлению его шовинистических замыслов. В этом все дело»¹.

Пекин по-прежнему обучал вооруженных агентов, засылал их в Индию, всячески провоцировал военные действия племен нага и мизо против правительства. «Жэньминь жибао» выступила со статьей, где содержалась угроза расчленить Индию путем создания «государств Нага, Мизо, Сикхистап»². Китайские власти поощряли пропекинские группировки С. Сингха, А. Чаттерджи и многие другие на вооруженную борьбу с правительством. В марте 1975 г. было введено президентское правление в Нагаленде, политическая нестабильность в котором, как отмечалось в докладе правительства парламенту, явилась результатом, в частности, «вмешательства китайской агентуры во внутренние дела Нагаленда». Во время острого политического кризиса в Индии в 1975 г. Пекин призвал к свержению правительства.

Правительство Индии не раз приглашало китайских руководителей к диалогу с целью нормализации отношений. 4 октября 1972 г. министр иностранных дел Сваран Сингх, выступая в ООН, сообщил о готовности Индии к нормализации отношений с Китаем. 16 ноября 1972 г. И. Ганди указала, что Индия хотела бы улучшить отношения с КНР. 1 декабря 1972 г. президент Индии В. Гирі выразил надежду на положительный отклик КНР в связи с призывом главы индийского правительства. 23 ноября 1973 г. Сваран Сингх заявил в парламенте, что правительство не считает убедительными заявления Пекина о том,

¹ «Patriot», 7. V. 1975.

² «Жэньминь жибао», 31. I. 1972.

будто дружба Индии с СССР препятствует нормализации китайско-индийских отношений; договор между Индией и СССР не направлен против какой-либо третьей страны. Для нажима на Дели китайские войска 20 октября 1975 г. на одном из участков северо-восточной границы обстреляли индийский пограничный патруль, убив нескольких солдат.

В итоге длительных переговоров Дели и Пекин договорились в апреле 1976 г. обменяться послами. Посол Индии прибыл в июле, а посол КНР — в сентябре 1976 г. В Индии надеялись на улучшение отношений, но его не последовало. Индийская газета «Трибюн» указывала в связи с этим: «Китаю не по вкусу особые отношения Дели с Москвой. По этой причине Китай также косится на каждый шаг, предпринятый на пути к разрядке напряженности в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Не секрет, что Китай придает первостепенное значение сдерживанию советского влияния во всем мире. Вот почему он настроен против вывода американских войск из Западной Европы и против ослабления НАТО. Это также объясняет, почему Китай поддерживает договор о безопасности Японии с Соединенными Штатами и стремится установить тесные связи с Европейским экономическим сообществом.

В этой стратегии очевидным пробелом является Индийский субконтинент, ибо Пекин не может оказать противодействие советскому влиянию посредством своей нынешней позиции по отношению к Индии.

Пекин не только не проявляет дружелюбия, но даже ударился в другую крайность, вмешиваясь во внутренние дела Индии, практикуя антииндийскую пропаганду. В этой связи Индия заявила, что серьезным препятствием для налаживания отношений является неизменная пропаганда, которую китайцы ведут против нее. Они также оказывают нажим на некоторые соседние с ней страны, стремясь помешать их дружбе с Индией»¹.

Некоторые изменения в позиции Пекина наметились после выборов в марте 1977 г., когда Индийский национальный конгресс потерпел поражение и было сформировано правительство Джаната-парти. Пекин продолжал настраивать соседние страны против Индии, требовал изменения ее внешнеполитического курса. Дели это не устраивало. Газета «Хинду», говоря об индийско-советской дружбе, отмечала, что «Индия, естественно, не хочет и ослабле-

¹ «Tribune», 30. I. 1976.

ния этой дружбы под влиянием каких-либо посторонних соображений»¹.

Индийские комментаторы обращали внимание на то, что инициатива КНР, проявлением чего стал визит делегации доброй воли во главе с Ван Бинпанем в Дели в марте 1978 г., последовала после 10 месяцев наблюдений, которые вел Пекин за политикой правительства Джаната партии. Он рассчитывал на то, что новое правительство денонсирует Договор о мире, дружбе и сотрудничестве с СССР, а когда этого не произошло, выразил недовольство и предпринял несколько пропагандистских вылазок против правительства М. Десаи. Китайцы питали надежду, что при нынешнем политическом положении в стране им будет легче, чем при власти партии Индийский национальный конгресс, предпринимать попытки, направленные на ухудшение отношений между Дели и Москвой, если только удастся оказывать воздействие на политику Индии. Поэтому и решено было начать «наступление дружбы».

Индия готова пойти по пути постепенного улучшения отношений, однако считает, как сказал Ван Бинпаню премьер-министр М. Десаи, что «полная нормализация отношений невозможна без урегулирования главной нерешенной проблемы — пограничного спора».

В то же время продолжавшееся вмешательство Пекина в дела Бирмы, Таиланда, Малайзии и поддержка антиправительственных сил, несмотря на «нормализацию» отношений, вызывали недоверие к его реверансам. Индийский еженедельник «Блиц» так охарактеризовал настроения, превалировавшие в Индии: «Особенный интерес представляют сообщения о том, что Пекин не только не ослабил (в качественном и количественном отношениях) помощь оружием враждебным племенам нага и мизо, но фактически стал предоставлять более «крупные субсидии для подрывных действий» в северо-восточных районах Индии. Еще одним событием, которое вызывает серьезную тревогу у наших руководителей, разрабатывающих политический курс, является усиливающийся интерес китайцев к Сиккиму. Сейчас широко известно, что Пекин активно финансирует одну непальскую группировку, действующую из Катманду, с целью вызвать беспорядки в Сиккиме посредством разжигания традиционной враждебности племен. Активизировали свои действия подрывающие стабильность силы на всей территории Северо-Восточного района, и осо-

¹ «Hindu», 22. IX. 1977.

бенно Сиккима, что явно свидетельствует о тайном сговоре между традиционными проамериканскими элементами и так называемыми ультрарадикалами».

«Таким образом,— продолжал «Блиц»,— вопреки впечатлению, которое усиленно пытается создать у общественности исключительно шумливое прокитайское и проамериканское лобби, нет никакой вероятности значительного сдвига на пути улучшения отношений с Китаем в ближайшем будущем. Хотя шансы на некоторую нормализацию отношений в таких вопросах, как коммерческие и культурные контакты, по-прежнему сохраняются, непохоже, что будет достигнут какой-либо значительный прогресс на пути к урегулированию политических проблем и особенно пограничного конфликта... Если рассматривать китайскую традиционную враждебность к Индии на этом фоне, то становится ясно, что вряд ли будет осуществлен какой-либо значительный сдвиг на пути к урегулированию давнишних разногласий между двумя странами»¹.

«Дели,— писал в заключение «Блиц»,— уже разъяснил свою позицию. Она состоит в том, что должны быть выполнены два основных условия для значительного улучшения отношений между Индией и Китаем.

Во-первых, как часто повторяет премьер-министр Десаи, Китаю следует искренне предпринять шаг на пути к урегулированию пограничного конфликта с Индией.

Во-вторых, необходимо, чтобы Пекин изменил свою региональную позицию, заменив неизменную враждебность к Индии дружелюбием и стремлением к сотрудничеству.

К сожалению, Пекин упорно сохраняет свою прежнюю позицию в отношении Южной Азии и, как и всегда, пытается изобразить Индию своим главным соперником и старается определять свою политику в отношении других стран района таким образом, чтобы не допустить влияния Дели на Индийском субконтиненте, которого он по праву заслуживает»².

Министр обороны Индии Дж. Рама заявил 17 октября 1978 г. на ежегодном совещании высшего командного состава сухопутных войск, что Китай лихорадочно вооружается, закупая оружие в западном мире, и получает большую поддержку со стороны определенных держав. Хотя Индия намерена улучшать свои отношения с ним, но не может пройти мимо того факта, что наращивание военных

¹ «Blits», 19. III. 1978.

² Ibidem.

приготовлений китайцами в Тибете продолжается¹. 8 декабря 1978 г. Дж. Рама сообщил парламенту, что КНР повышает боеспособность войск, дислоцированных в Тибете в непосредственной близости от границы с Индией. Она забрасывает своих агентов, разжигает сепаратистские настроения в ряде штатов, обучает мятежников из племени нага, засылает в Индию враждебную литературу².

12 февраля 1979 г. начался долго откладывавшийся визит министра иностранных дел Индии А. Б. Ваджпаи в Китай. Назвав свой визит «исследовательским», А. Б. Ваджпаи рассчитывал добиться сдвига в решении территориального вопроса и прекращения поддержки Пекином повстанцев из числа нага и мизо и вмешательства в дела Индии. Многие в Индии считали, что, учитывая образ действий Пекина, это тщетная затея, другие утверждали, что нужно попробовать.

Соглашаясь на визит А. Б. Ваджпаи с 12 февраля, китайские власти, готовившие нападение 17 февраля на Вьетнам, явно вели дело к тому, чтобы поставить гостя в трудное положение, и А. Б. Ваджпаи, находившемуся на юге КНР, пришлось прервать визит и вернуться в Индию 18 февраля.

Что касается существа переговоров, то, хотя Ваджпаи был принят Хуа Гофэнгом, Дэнь Сяопином и имел беседы с Хуан Хуа, вопросы, интересовавшие индийскую сторону, не вызывали энтузиазма у китайской. Ничего, кроме обоюдного выраженного желания «урегулировать пограничную проблему», КНР не обещала. В Пекине сказали, что поддержка повстанцев нага и мизо — дело прошлое, но не дали заверения о прекращении вмешательства во внутренние дела Индии. Уклонились китайские собеседники и от разговора по проблеме Кашмира³.

Китайская агрессия против СРВ перечеркнула и без того скромные результаты поездки А. Б. Ваджпаи. 20 февраля 1979 г. генеральный секретарь Джаната парти М. Лимайе заявил в парламенте: предприняв вторжение во Вьетнам во время пребывания в Пекине с официальным визитом нашего министра иностранных дел, Китай «нанес высокому гостю из Индии удар ножом в спину».

Глубокое возмущение вызвала в Индии китайская агрессия. Пока весь мир не оказался под угрозой, сказал

¹ «Times of India», 21. X. 1978.

² См. «Правда», 10 декабря 1978 г.

³ «Hindustan Times», 22. II. 1979.

20 февраля в парламенте А. Б. Ваджпай, необходимо как можно скорее приостановить расширение конфликта, вызванного массированным вооруженным вторжением войск КНР на вьетнамскую территорию¹. В совместном коммюнике, опубликованном 16 марта 1979 г., СССР и Индия потребовали немедленного, безоговорочного и полного вывода китайских войск из СРВ.

Стремясь создать вокруг Индии кордон из враждебных государств, пекинские руководители в первую очередь сделали ставку на Пакистан. Учитывая сложность его отношений с Индией и эксплуатируя противоречия между ними, они попытались завлечь Пакистан в сети своей политики. Пекин всячески подогревал антииндийские выступления в стране.

Когда в Восточном Пакистане вспыхнули волнения и военной администрацией была устроена резня, китайские руководители заняли выжидательную позицию, затем открыто одобрили действия военных (от пекинской ультра-революционности не осталось и следа), хотя ряд восточно-пакистанских деятелей был тесно связан с Пекином. Более того, китайские руководители попытались сыграть на эмоциях, царивших в Исламабаде, и выступили в роли «защитников» Пакистана. Агентство Синьхуа сделало 4 апреля 1971 г. предупреждение против «наглого вмешательства индийского правительства во внутренние дела Пакистана». В таком же духе были выдержаны послания Пекина президенту Пакистана.

Снабжая режим Яхья Хафа оружием, заверяя в своей поддержке, Пекин подтолкнул его на репрессивные действия, приведшие к войне между Пакистаном, с одной стороны, и Индией и Бангладеш — с другой. Когда Пакистан, а следовательно, и Пекин потерпели поражение, руководители КНР всячески тормозили урегулирование возникших проблем, в том числе установление отношений Пакистана с Бангладеш, с чем было связано и решение проблемы возвращения военнопленных. Соглашение между Индией и Пакистаном, подписанное в Симле в июле 1972 г., и признание Бангладеш Пакистаном в феврале 1974 г. были холодно встречены Пекином.

Стремясь удержать Исламабад в орбите своей политики, китайские лидеры умышленно разжигали ажиотаж в Пакистане вокруг проблемы Кашмира, стремились помешать закреплению статус-кво по линии перемирия. В то

¹ См. «Правда», 21 февраля 1979 г.

же время китайские представители старались пробраться в армию, молодежное движение, работали с пропагандистским аппаратом, чтобы иметь надежные рычаги воздействия на политику Пакистана.

В декабре 1977 г. с неофициальным визитом посетил Китай глава новой администрации Зия-уль-Хак. Хуа Го-фэн и Дэн Сяопин подтвердили намерение поддерживать тесные отношения, говорили о «справедливой борьбе Пакистана за самоопределение Джамму и Кашмира». В июне 1978 г. в Пакистане был заместитель премьера Госсовета Гэн Бяо. Китайские эмиссары подталкивают его правительство на враждебные действия против Демократической Республики Афганистан. Ли Сяньнянь, посетивший Пакистан в январе 1979 г., обещал, «как и раньше», «твердо» поддерживать усилия народа и правительства Пакистана в вопросе о Джамму и Кашмире.

В то же время Пекин раздражает то, что Пакистан пошел на нормализацию отношений с Индией, расширяет связи с СССР, высказывается за разрядку, за ограничение вооружений.

Образование Бангладеш было расценено в Китае как результат «козней» Индии и СССР¹. При этом не проявлялось никакого уважения к судьбе 70-миллионного народа, поднявшегося на борьбу за освобождение и образование своего государства. КНР дважды применяла вето в Совете Безопасности против принятия Бангладеш в ООН и отказалась признать молодую республику, хотя Дакка несколько раз выражала готовность забыть прошлое и предлагала установить отношения. Пекин сразу же начал делать все, чтобы испортить отношения Бангладеш с Индией. Населению Бангладеш он подбрасывал инсинуации насчет «экспансионистских устремлений» Индии, выдвигал лозунг создания «великой Бенгалии», рассчитанный на то, чтобы поссорить две страны. В то же время китайцы разжигали вражду к правительству Бангладеш со стороны меньшинств. В стране были созданы, финансировались и вооружались КНР экстремистские группы, которые прибегали к террору, совершали налеты на административные учреждения. В мае 1974 г. ряд группировок образовали «объединенный фронт»; расширились связи между легальными и нелегальными группами. Пропекинская агентура налаживала сотрудничество с реакционными религиозно-общинными силами.

¹ «Жэньминь жибао», 28. IV. 1971.

Переворот в стране и убийство Муджибура Рахмана в августе 1975 г. вызвали быструю реакцию в Пекине. КНР сразу же признала Бангладеш и стала подогревать недружественные в отношении Индии настроения, явно действуя параллельно с ЦРУ США. В марте 1978 г. в Дакке побывал Ли Сяньнянь. В итоге визитов КНР стала главным поставщиком оружия Дакке. Пекин поощрял ее спор с Индией относительно распределения вод реки Ганг. Усилилась китайская пропаганда в Бангладеш, активизировались промаонетские группы (их лидеры М. Тоха и К. З. Ахмед посетили в 1977 г. Китай). Левацкие пропескинские группы нередко входят в блок с крайне правыми группировками для противодействия правительству.

Пекин спекулирует на некоторых трудностях в отношениях между Непалом и Индией, поощряет антииндийские настроения в гималайской стране, намекая, что она может положиться на Китай. Делегация во главе с Го Можо во время поездки в Непал в феврале — марте 1970 г. много говорила о неизменной дружбе КНР и поддержке справедливой борьбы против иностранного вмешательства, в защиту национальной независимости. В январе 1971 г. китайская печать выступала с угрозами в адрес Дели в связи с возникшими между Индией и Непалом трудностями по вопросам транзита и торговли. Пекинские лидеры убеждали делегацию национального панчаята, посетившую КНР в марте 1971 г., что Китай и Непал — добрые соседи, чья традиционная дружба уходит корнями в далекое прошлое и неуклонно развивается, она может даже служить примером для отношений между государствами с различным социальным строем. Забыв о погромных действиях хунвэйбинов в Непале во время «культурной революции», руководители КНР твердили, что «решительно выступают против великодержавного шовинизма, выражающегося в оскорблении большими странами малых и третьирования сильными странами слабых».

Задаче усилить китайское присутствие в Непале, ослабить политические и экономические связи с Индией были подчинены переговоры с королем Бирепдра, посетившим КНР в декабре 1973 г. Собеседники короля «восхищались» смелостью, с которой Непал «бойкотирует давление извне». Для запугивания «угрозой» со стороны Индии был использован факт включения Сиккима в ее состав в качестве ассоциированного штата. Пекин всячески противодействовал улучшению отношений между Непалом и Индией.

Несмотря на показное дружелюбие к правительству Непала, Китай не отказывается от подрывной деятельности. Непальский еженедельник «Самикша» сообщал в начале июня 1974 г. о разгроме в одном из южных районов банды местных маоистов в составе 18 человек. Потеряв надежду заинтересовать «идеями Мао» его жителей и не получив их поддержки, члены пропекинской организации перешли к грабежам. На допросе ее главарь, являющийся одним из руководителей маоистов в зоне Лумбини, признал, что его банда грабила местное население, чтобы добыть средства для своей подпольной деятельности. «Самикша» указывал, что банда пограбила имущества на 20 тыс. рупий. Несколько ранее еженедельник сообщил о суде над группой пекинских агентов, совершивших ряд убийств с целью грабежа. Группа М. Б. Сингха ведет нелегальную работу среди интеллигенции и студентов, группа Н. Ламы привлекается посольством КНР для оказания влияния на администрацию, а также распространения пропагандистских материалов, организация наксалитов используется для крайних, в том числе террористических актов против представителей властей. Некоторые бывшие промаоистские группировки отказались от ориентации на Китай на конференции в Биргани в июле 1978 г., заявив, что «его внешняя политика приобрела реакционное содержание».

Во время бесед с премьер-министром и королем Непала, посетившими КНР соответственно в апреле и в июне 1976 г., китайские руководители, фабрикуя легенды об угрозе со стороны Индии, тут же их заверяли в энергичной поддержке в деле сопротивления «экспансионизму».

В феврале 1978 г. Непал посетил Дэн Сяопин. Китай обязался построить там сахарный завод и бумажную фабрику. Стороны договорились о воздушном сообщении. 27 сентября — 4 октября 1978 г. в КНР проезжал премьер-министр К. Н. Биста. Гости и хозяева изложили свои известные позиции, непальский государственный деятель поблагодарил за поддержку Китаем идеи объявления его страны зоной мира.

Китайская помощь Непалу подчинена военно-политическим соображениям. Не случайно упор делается на строительство дорог, особенно в пограничных с Индией районах. Сумма обязательств КНР по оказанию помощи — 130,4 млн. долл., фактически использовано менее 40 млн.

Политика «двойного дна» проводится Пекином в отношении Шри Ланки. Используя ее экономические трудно-

сти, Китай оказывает некоторую помощь, из года в год происходят обменные сделки — рис на каучук. Внешне отношение к правительству Шри Ланки как будто лояльное. На деле китайские агенты стремятся вызвать в стране политическую нестабильность, обрабатывают партийных фракционеров в партии свободы, пытаются прибрать к рукам газеты, в том числе рупоры троцкистских групп «Камкару Матава» и «Джана Кави». Ланкийские власти противодействуют экспансии КНР. Как сообщалось в печати, Пекин был причастен к выступлениям в марте — апреле 1971 г. «лево»-экстремистских групп, которые прибегли к террористическим актам и даже вооруженным нападениям. Лидер мятежников Рохан Впджевера был связан с Китаем. Полиция обнаружила тайные склады оружия. Правительство ввело чрезвычайное положение. Пекинскому руководству пришлось выкручиваться. Премьер Государственного совета КНР направил в мае 1971 г. письмо премьер-министру Шри Ланки, в котором предложил заем в размере 150 млн. рупий (25 млн. долл.). Касаясь выступлений мятежников, глава китайского правительства выразил удовлетворение тем, что мятежники взяты под контроль. Тем не менее в Шри Ланке продолжают действовать пропекинские группы.

Нормализация обстановки на субконтиненте, подписание 25 марта 1976 г. соглашения о морской границе между Шри Ланкой и Индией сократили возможности оказания воздействия на Коломбо.

При китайском техническом содействии в счет остающейся части кредита продолжалось строительство двух промышленных объектов и гидрокомплекса. Торговля осуществляется на основе соглашения об обмене 200 тыс. т китайского риса на 50 тыс. т ланкийского каучука.

* * *

Суть политики КНР на Среднем Востоке состоит в том, чтобы спровоцировать ухудшение отношений стран этого района с северным соседом, помочь империализму создать на нашей южной границе враждебный СССР пояс. Это часть замысла Пекина сколотить «широкий международный фронт» против Советского Союза. Особенно он засуетился после Апрельской революции в Афганистане и значительного улучшения советско-турецких отношений в 1978 г.

Иран рассматривается в КНР как ключевое звено в ее политике на Среднем Востоке. Китайские руководители

хотели видеть в этом районе блок правых режимов под главенством шаха, который был бы направлен против интересов СССР в зоне Персидского залива и Индийского океана, как на Среднем, так и на Ближнем Востоке. Китай поощрял наращивание военного потенциала Ирана: это-де способствует обеспечению безопасности в Персидском заливе. Шах, понимая, что возможности КНР крайне ограничены, тем не менее в свою очередь старался использовать поддержку Китая для достижения своих целей: превращения Ирана в империалистическую державу, установления ее господства в Персидском заливе и во всей Юго-Западной Азии.

Правители Пекина и правительство шахиншаха под предлогом недопущения «военного присутствия сверхдержав» выступали против пребывания советских кораблей в Индийском океане, были на стороне Сомали в конфликте с Эфиопией, одобрительно отнеслись к сепаратным переговорам Египта с Израилем, придерживались совпадающих точек зрения на обстановку на юге Аравийского полуострова. В то же время из-за негативного подхода КНР позиции расходились по вопросам разрядки международной напряженности, обеспечения безопасности в Азии, разоружения.

Для оказания влияния на шаха китайские руководители практиковали частые контакты. В 1972—1978 гг. приезжали заместители премьера Госсовета Дэп Сяопин и Ли Сяньнянь, парламентские делегации во главе с заместителем председателя ПК ВСНП Уланьфу и Дэн Инчао, министры иностранных дел Цзи Пэнфэй, а затем Хуан Хуа. В свою очередь в Китай были приглашены шахиня, сестры и братья шаха, министр экономики, торговые, культурные, спортивные делегации.

Тегерану был явно навязан визит председателя ЦК КПК, премьера Госсовета Хуа Гофэна, состоявшийся 29 августа — 1 сентября 1978 г. В Иране проходили мощные антиправительственные демонстрации, атмосфера была накалена, и шаху было не до дипломатических бесед с гостем. Пекин считал, что именно в этой обстановке важно продемонстрировать поддержку шахскому режиму.

Китайский руководитель вновь заявил об одобрении политики шаха в зоне Персидского залива и Индийского океана, советовал оказать большую помощь Пакистану, чтобы предотвратить там такие же события, как в Афганистане. Но, учитывая позицию Ирана, он не мог дать волю антисоветским эмоциям и ограничился репликами о «геге-

монизме и экспансионизме сверхдержав». Никакого совместного коммюнике принято не было, не состоялась и пресс-конференция Хуа Гофэна, хотя ее запланировали. Визит завершился подписанием соглашения по вопросам культуры, предусматривающим обмен в области информации и образования, было парафировано соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Шах принял приглашение посетить КНР.

Товарный обмен между двумя странами небольшой — около 60 млн. долл. Научно-технические связи концентрируются на проблемах разведки, добычи и переработки нефти; китайские представители проявляют также интерес к опыту сооружения атомных электростанций.

В Пекине с тревогой встретили революцию в Иране и заявления народно-демократических сил, что Иран должен выйти из военных блоков, отказаться от проимпериалистической ориентации и перейти на позиции неприсоединения. На пресс-конференции в Вашингтоне 31 января 1979 г. Дэн Сяопин заявил, что «стратегическое положение Ирана очень важно», но Китай практически ничего не может сделать в связи с событиями в Иране, а США «должны принять более активные меры»¹. Визитер из Пекина явно призывал к империалистической интервенции. Новые власти Ирана предостерегали Китай против вмешательства в дела их страны.

Китай настойчиво добивается активизации отношений с Турцией. Практическая деятельность разворачивается в двух плоскостях: с одной стороны, он пытается придать более динамичный характер двусторонним отношениям, а с другой — оживить маоистские организации, чтобы показать правительству Турции масштабы влияния КНР и угрозы возможными внутренними беспорядками. Точек соприкосновения двух сторон мало, зато много различий в подходе к международным проблемам. В отличие от пекинского руководства, выступающего с апологетикой войны, премьер-министр Турции Б. Эджевит заявил, что «правительство будет проводить внешнюю политику, направленную не на нагнетание международной напряженности, а на ее разрядку, укрепление мира во всем мире». Если власти КНР ратуют за разработку новых видов оружия массового уничтожения, то турецкое правительство призывает «воспрепятствовать тем достижениям в военной технологии, которые представляли бы угрозу человечест-

¹ «New York Times», 1. II. 1979.

ву». Противоположны подходы Турции и Китая к таким проблемам, как нераспространение ядерного оружия, полное и всеобщее запрещение испытаний ядерного оружия, урегулирование на Ближнем Востоке (Турция — за созыв Женевской мирной конференции с участием Организации освобождения Палестины) и т. д.

В силу этих причин совершенно бесплодным оказался визит Хуан Хуа в Анкару в июне 1978 г. Китайский гость прибыл накануне поездки премьер-министра Б. Эджевита в Советский Союз. Подыгрывая Турции по кипрскому вопросу, Хуан Хуа старался заодно подбросить утку о «советской угрозе». Турецкая сторона подчеркнула, что такой «угрозы» она не видит. Крупный успех визита Б. Эджевита в СССР и турецко-советское сближение лишней раз свидетельствовали, что китайский эмиссар старался зря.

Раздражение китайских правителей нежеланием турецкого правительства идти по пути ухудшения отношений с СССР в известной мере проявилось в оживлении деятельности маоистов в Турции. Пекин побуждает их к объединению; в январе 1978 г. состоялось собрание «учредителей» «рабоче-крестьянской партии». Однако многие группы маоистов не вошли в эту «партию», и единый маоистский центр создать не удалось. К тому же маоисты в Турции разделились на фракции. Малочисленные и разобщенные, маоистские группы тем не менее создают угрозу общественному порядку, прибегая к террору, совершая другие уголовные преступления. Они нередко блокируются с правоэкстремистскими организациями.

Китайско-турецкие торговые связи незначительны.

Что касается Афганистана, то, пытаясь сбить его на враждебные СССР позиции, Китай создавал там группы своих сторонников, старался оказывать влияние на правительство через межгосударственные отношения (предоставил кредит в сумме 55 млн. долл., содействовал в сооружении сети водоснабжений в провинции Парван, госпиталя в Кандагаре, в расширении текстильной фабрики в пригороде Кабула), толкал правящие круги на сближение с западными державами и странами СЕНТО. Апрельскую революцию Пекин встретил с раздражением и только на одиннадцатый день признал Демократическую Республику Афганистан. Китайские руководители сразу же включились в поиски империалистических государств и реакционных сил Пакистана и Ирана, целью которых являются создание обстановки хаоса и неуверенности и уничтожение республики. Распространяя небылицы о «руке Москвы»,

о стремлении СССР пробиться к Индийскому океану, в Пекине пытаются провоцировать империалистические державы, Иран и Пакистан к более решительным мерам против ДРА. Китайская агентура устанавливает связи с контрреволюционными силами, пытается доставить им оружие. Одна из банд террористов, арестованная в июне 1978 г., была вооружена китайским автоматическим оружием.

Особенно наглядно раскрылась враждебность Пекина к ДРА, когда был подписан 5 декабря 1978 г. советско-афганский договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Пекин не удержался и выступил с заявлением, будто заключение договора означает создание военного союза, угрожающего безопасности соседних государств¹. Китайская агентура участвовала в организации попытки контрреволюционного переворота, ликвидированного пародными властями Афганистана в марте 1979 г. На тайных складах мятежников в Герате найдено много оружия китайского производства. Пекин ведет против ДРА радиовойну.

Итак, реализация китайских замыслов на Среднем Востоке натолкнулась на нежелание Ирана и Турции портить отношения с СССР; этим замыслам панесен тяжелый удар Апрельской революцией и образованием ДРА, дружественной социалистическим государствам. Афганистан заклеил позором агрессию Китая против Вьетнама.

* * *

Политика КНР в отношении стран *Ближнего Востока* состояла сначала в том, чтобы не допустить урегулирования и вызвать расширение конфликта, которое сопровождалось бы конфронтацией США и СССР, а если можно, то и острым кризисом. Потом китайские руководители стали поддерживать сепаратную сделку Египта с Израилем в расчете на то, что это приведет к дрейфу вправо прогрессивных арабских государств, усилению влияния США в большом и стратегически важном районе между Средиземным морем и Персидским заливом и подрыву позиций Советского Союза.

Лицемерно выставляя себя на словах другом и союзником арабов, Пекин в то же время настойчиво пытается дискредитировать и фальсифицировать суть резолюций Совета Безопасности № 242 и № 338, создающих основу для справедливого, мирного урегулирования на Ближнем

¹ «Жэньминь жибао», 7. XII. 1978.

Востоке. Китайские руководители вели подрывную работу против Женевской мирной конференции по ближневосточному вопросу. КНР не поддержала ни одного решения Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости захвата силой и аннексий чужих территорий. Лидеры Китая ни разу не высказались четко и ясно в поддержку законного права палестинцев на создание своего суверенного государства. И на XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1978 г. китайская делегация «голосовала ногами» при утверждении резолюции, в которой Генеральная Ассамблея вновь призвала «к скорейшему созыву мирной конференции по Ближнему Востоку под эгидой ООН и под сопредседательством США и СССР с участием на равной основе всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины», а также резолюции по палестинскому вопросу, в которой подчеркивалось, что соглашение, направленное на решение палестинской проблемы, должно заключаться на основе полного достижения и осуществления неотъемлемых прав палестинского народа.

Двуличная позиция Пекина в вопросах ближневосточного кризиса подчас напрямую выгодна израильским правящим кругам и законам международного сионизма.

Когда в сентябре 1970 г. в Иордании происходили серьезные междоусобные столкновения и ряд арабских стран при активном содействии СССР стремился не допустить вмешательства империалистических сил и их союзника Израиля, китайские лидеры проявили полное безразличие к судьбе палестинцев. Как всегда, они были заинтересованы лишь в раздувании конфликта, по существу, призывали к войне в лагере арабов. Для маскировки этой подстрекательской политики китайская пропаганда провозгласила, что столкновения между иорданской армией и отрядами Палестинского движения сопротивления (ПДС) — это-де... «нарастание новой революционной бури против американского империализма»¹.

Пекин отказался поддержать резолюцию о положении на Ближнем Востоке, предложенную развивающимися странами и принятую XXVII сессией Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1972 г. Воздержавшись при голосовании резолюции, осудившей Израиль за продолжение политики агрессии и экспансии и требовавшей наложения эмбарго на предоставление ему любой помощи, пекинские

¹ «Жэньминь жибао», 21. XI. 1970.

лидеры еще раз продемонстрировали свою смычку с империалистическими силами, покровительствующими сионистским агрессорам. В июле 1973 г. Китай отказался принять участие в голосовании проекта резолюции по Ближнему Востоку восьми неприсоединившихся стран, который рассматривался тогда в Совете Безопасности. Проект содержал минимум требований к Израилю, выполнение которых абсолютно необходимо для достижения справедливого мирного урегулирования. Когда в октябре 1973 г. представитель КНР в Совете Безопасности назвал резолюцию о прекращении огня на Ближнем Востоке, которая сыграла определенную положительную роль в разрядке острой кризисной ситуации, «обманом» и «клочком бумаги»¹, это было равноценно провокационному призыву к несоблюдению решения ООН.

Как известно, в октябре 1973 г. израильское правительство было крайне заинтересовано в продлении военных действий. Лихорадочная дипломатическая деятельность Пекина в ООН и на международной арене практически содействовала достижению этой цели. Глава делегации КНР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН Цяо Гуаньхуа утверждал, что новая война является «делом хорошим, а не плохим». Заместитель министра иностранных дел Хэ Ин на встрече в Пекине с дипломатическими представителями 12 арабских стран и Организации освобождения Палестины (ООП) вновь и вновь настойчиво убеждал их не соглашаться на политическое урегулирование кризиса².

Убедившись в том, что национально-освободительное движение в арабских странах не пошло за маоистскими лозунгами, Пекин встал на путь прекращения поддержки. Особенно старался подчеркнуть этот новый курс тогдашний министр иностранных дел КНР Цзи Пэнфэй во время посещения Тегерана в 1972 и 1973 гг. Китай давно перестал оказывать какую-либо помощь повстанческому движению в зоне Персидского залива (Оман, Дофар, Бахрейн) и начал открыто выступать в поддержку империалистических сил, стремившихся разгромить это движение.

Нынешняя ближневосточная политика Китая — часть его общего курса, преследующего цель примирить развивающиеся страны с империалистическими государствами и построить «третий мир» против социалистического сотрудничества. Пекин всячески муссирует надуманную теорию о «союзе двух сверхдержав», клеветнически заявляет, что де

¹ «Жэньминь жибао», 26. X. 1973.

² «Жэньминь жибао», 22. X. 1973.

имеет место «сговор между СССР и США», ведущий к «ближневосточному Мюнхену», к положению «ни мира, ни войны», что СССР якобы «осуществляет экспансию на Ближнем Востоке», «предает дело арабов» и т. д. и т. п. Кстати, лживый тезис о «проникновении Советов на Ближний Восток» — один из основных на страницах империалистической, реакционной израильской и всей сионистской печати.

Немалый вред пекинские лидеры нанесли п национально-освободительному движению арабского народа Палестины. Достаточно напомнить о деятельности бывшего председателя ООП А. Шукейри, который пытался осуществлять на практике «идеи Мао»¹. Тех палестинских партизан, которые проходили подготовку в КНР, в основном обучали заговорщическим методам борьбы против арабских стран и народов. Г. А. Насер был вынужден лично выступить перед вернувшимися из Китая палестинцами и объяснить им, что главная задача — это борьба за ликвидацию последствий израильской агрессии².

Бывший руководитель самораспустившейся маоистской организации в Ливане Д. Шатила в 1973 г. подробно рассказал, как местная группировка по указке Пекина пыталась вредить Ливанской коммунистической партии, усилить разногласия в Палестинском движении сопротивления и превратить их в непримиримые противоречия. Д. Шатила признал, что вся деятельность организации была «на руку арабской реакции, империализму и сионизму», «способствовала заговору, направленному на ликвидацию Палестинского движения сопротивления»³.

Новый курс египетского руководства на сближение с США и секретный сговор с Израилем с энтузиазмом были встречены в Китае. Его руководители горячо приветствовали аннулирование египетскими властями 15 марта 1976 г. договора о дружбе между СССР и АРЕ. В Пекин в апреле отправилась египетская делегация во главе с вице-президентом Х. Мубараком, безудержно восхвалялись действия Садата, другие арабские страны призывались поступать таким же образом. Китайские правители тут же предложили Каиру моторы для истребителей и обещали запчасти для некоторых видов военной техники. Помощь ничтожна и никакого практического значения не имеет, но

¹ См. «Народы Азии и Африки», 1976, № 1, стр. 28—30.

² М. Н. Heikal. The Cairo Documents. New York, 1973, p. 316.

³ «Аль-Ахбар» (Бейрут), 7. IV. 1973.

для Садата было важно, что в обстановке острой критики его сепаратного курса Пекин протягивал ему руку.

Одновременно с визитом Садата в Вашингтон в феврале 1978 г. его специальный представитель ат-Тухамп посетил КНР. «Мы ценим героическую борьбу, которую ведут правительство и народ Египта под руководством президента Садата»¹, — заявил в беседе с ним Хуа Гофэн, назвавший «справедливой» позицию Египта на сепаратных переговорах с Израилем. Пытаясь закамуфлировать свою неуклюжую позицию, а заодно поднять престиж Садата, Пекин время от времени публиковал статьи под заголовками: «Президент Садат выступает против сохранения Израилем поселений на территории Египта»², «Президент Садат повторяет, что Египет не уступит ни одной пяди земли»³, называл инициативу Садата акцией, «отвечающей чаяниям египетской нации и предпринятой с целью защитить государственную независимость и суверенитет»⁴. Комментируя египетско-израильский договор, печать КНР выделяла слова Садата на церемонии его подписания 26 марта 1979 г. о том, что этот документ является «историческим поворотом», что необходимо «преодолевать разногласия и добиваться всеобщего урегулирования на Ближнем Востоке».

Арабские страны, выступившие против сепаратной сделки, ясно видели, на чью мельницу льют воду китайские правители. Для Пекина солидарность с США и Израилем оказалась более важной, чем хорошие отношения со многими арабскими государствами.

Экономические связи Китая со странами Ближнего Востока развиты слабо. Объем торговли с ними не превышает 200 млн. долл. КНР предоставила кредиты и займы: Египту — 134 млн. долл., Сирии — 61 млн., НДРЙ — 79 млн., ЙАР — 107 млн., Ираку — 45 млн. долл.⁵. Построены или строятся небольшие объекты: хлопчатобумажный комбинат, ткацкие фабрики и спортивный комплекс в Сирии, мосты, сельскохозяйственные объекты и предприятия легкой промышленности в Ираке, текстильная фабрика, завод металлических изделий, фабрика рези-

¹ «ИБАС», 4. II. 1978.

² «Жэньминь жибао», 10. I. 1978.

³ «Жэньминь жибао», 15. V. 1978.

⁴ «Жэньминь жибао», 6. III. 1978.

⁵ «China Economy post-Mao. A Compendium of Papers Submitted to the Joint Economic Committee Congress of the United States». Washington, 1978, p. 854.

новой обуви, шоссейные дороги в НДРЙ; ЙАР поставляются некоторые виды оружия. После того как правительство НДРЙ осудило нападение Китая на Вьетнам, Пекин фактически прекратил помощь ей.

* * *

Политика КНР в Африке строится исходя из следующих основных задач: создать на националистической основе группировку стран, ориентирующихся на Пекин; подорвать отношения африканских государств с СССР и некоторыми другими социалистическими странами (Кубой)¹; не допустить прихода к власти правительств, симпатизирующих социалистическому содружеству; помешать созданию на юге государств, возглавляемых прогрессивными национально-освободительными организациями.

Чтобы добиться этих целей, Пекин раздувает антисоветизм, блокируется с западными державами, сотрудничает с реакционными режимами, опирается на враждебные социалистическим странам режимы и поощряет реакционный национализм, обостряет конфликтные ситуации на континенте².

Становится все более очевидным, что Китай действует параллельно с империалистическими державами и даже согласовывает с ними свои действия. Нападки на империализм в пекинской печати уступили место одобрительным отзывам о политике западных держав в Африке, статьям, приукрашивающим отношения африканских стран с ЕЭС и деятельность НАТО на континенте. Французская «Монд» отмечала в связи с этим, что Пекин «надеется найти в странах Западной Европы активных союзников против Москвы, дабы укрепить свое влияние в Африке»³. Империалистические державы стремятся использовать Китай для сохранения собственных позиций на континенте, для поддержки «удобных» режимов и решения конфликтных ситуаций в нужном им направлении. Напомним злобные высказывания КНР и западных держав о советской и кубинской помощи Эфиопии, совместные действия против Анголы и в Заире. Вопрос о действиях США и КНР в Африке обсуждался во время поездки в Пекин в мае 1978 г. помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского. Он затронул тему о поддержке КНР планов вооруженного вмешательства стран НАТО в

¹ «New York Times», 25. VI. 1978.

² «Жэньминь жибао», 26. VI, 19. VII. 1979.

³ «Monde», 22—23. V. 1977.

Заире и других районах, получив в итоге согласие китайских руководителей помочь США и соответствующим образом повлиять на «своих друзей» в Африке¹. Вскоре, в июне, состоялась поездка министра иностранных дел Хуан Хуа в Запр, которая продемонстрировала готовность Пекина сотрудничать с империалистическими державами².

Китай подталкивал США на более активные действия против Советского Союза, других социалистических государств. Пекин упрекал США в «легкомыслии и попустительстве» по поводу обстановки в Анголе³, в «бездействии» и «мягкости» в отношении СССР и Кубы в связи с событиями в Эфиопии⁴. Как заметил американский журнал, стремление китайских лидеров «втянуть американцев в клубок африканских конфликтов» лишь часть их «программы-максимум» — вызвать ядерный конфликт между США и СССР⁵.

Однако Вашингтон недоволен тем, что Пекин не занимает идентичной с ним позиции в отношении родезийского конфликта. Предметом критики со стороны Франции являлся тот факт, что Китай недостаточно активно поддерживал ее в заирском конфликте, «отделавшись пропагандистскими заявлениями и небольшими поставками оружия» и тем самым «с успехом избегая военно-политических опасностей, которыми чревата африканская политика» Франции⁶.

Западные державы готовы блокироваться с Китаем в целях противодействия странам социализма и прогрессивным африканским государствам. Вместе с тем они выражают опасение по поводу его растущей активности в Африке, усматривая в этом потенциальную угрозу собственным позициям. Например, Франция высказывала озабоченность по поводу стремления Китая «проникнуть в ее бывшие колонии» и в связи с его интересом к заирским полезным ископаемым. Невзирая на частные расхождения, КНР, с одной стороны, и западные державы — с другой, выступают в Африке единым фронтом.

Основными внешнеполитическими партнерами КНР на континенте являлись в 60-х годах страны социалистической ориентации. Специфика их взаимоотношений с Ки-

¹ См. «Правда», 15 июня 1978 г.

² «Washington Post», 17. VI. 1978.

³ «Жэньминь жибао», 1. III. 1978.

⁴ «Die Welt», 26. III. 1978.

⁵ «US News and World Report», 17. VII. 1978.

⁶ «Sunday Telegraph», 30. VII. 1978.

таем состоит в том, что они стремятся иметь дружеские отношения, но вместе с тем отвергают попытки Пекина навязать им антисоветский курс и подвергают критике проимпериалистическую направленность его политики. Пример — критические выступления Дж. Ньерере, С. Туре и ряда других африканских руководителей в адрес Пекина в период ангольских событий, осуждение Дж. Ньерере роли КНР в заирских событиях¹. Некоторые страны социалистической ориентации воздерживаются от установления контактов с КНР, либо относятся к ней сдержанно и критически. Это прежде всего Ангола. Китай снабжал раскольнические организации ФНЛА и УНИТА оружием и военными советниками, обучил и вооружил 15-тысячную армию ФНЛА. Поставки китайского оружия для бандитов Х. Роберто осуществлялись через территорию Заира и Замбии. Еще летом 1974 г. в Заир прибыли 112 китайских военных инструкторов, которые начали обучение войск ФНЛА на базе в Кинкузу. Китайские советники работали в штабе ФНЛА, а некоторые непосредственно участвовали в боях против МПЛА². Поражение империалистов, расистов и маоистов в Анголе нанесло сильный удар по престижу Пекина в Африке.

В период ангольских событий и после их окончания представители Китая использовали трибуну ООН для раздувания антисоветизма и торпедирования разрядки. Позиция КНР по ангольской проблеме, по существу, сомкнулась с империалистической. Осуждая эту позицию, кубинская «Гранма» писала в передовой статье «Самая позорная страница маоизма»: «Представитель маоистов первым начал в Совете Безопасности ООН оправдывать и защищать империалистов и расистов, прибегая к избитым положениям антисоветской и антикубинской клеветы... Представитель маоистского режима сохранил абсолютное молчание по поводу угроз южноафриканского режима в адрес независимых стран Африки. Однако он до хрипоты кричал о вымышленных «гегемонистских» устремлениях Советского Союза. При этом он, как заявил представитель Кубы при ООН Р. Аларкон, полностью встал на позиции империалистов, которые заинтересованы в сохранении расистских режимов на юге Африки в качестве форпостов для обеспечения наступления неокolonизма»³.

¹ «New York Times», 25. VI. 1978; «New African», 23. VIII. 1978.

² См. «Правда», 28 мая 1976 г.

³ «Granma», 5. IV. 1976.

После того как возник эфиопо-сомалийский вооруженный конфликт и Сомали в июле 1977 г. начала агрессию в Эфиопии, стремясь военным путем отторгнуть провинцию Огаден, КНР немедленно стала на сторону захватчика. Эта позиция КНР была обусловлена внешнеполитической ориентацией Сомали на империалистические и реакционные арабские режимы, стремлением противодействовать СССР, поддерживавшему жертву агрессии, а также тем, что КНР, как и Сомали, имеет территориальные притязания к соседям. Исходя из этого, Пекин еще в конце мая 1977 г. предложил Сомали танки и другую военную технику, а в конце июля, когда разгорелись бои в Огадене, повторил свои предложения. В конце 1977 — начале 1978 г. сомалийская армия уже оснащалась китайским оружием. Как сообщала в январе 1978 г. кенийская газета «Найроби таймс», в аэропорту Могадишо время от времени разгружались пакистанские самолеты с военным снаряжением из КНР¹.

Еще в июне 1977 г. в Китай ездила сомалийская делегация во главе с вице-президентом. В сентябре того же года по приглашению сомалийского Общества дружбы с народами Африки и Азии в стране побывала китайская делегация во главе с Ван Биннанем. Он неоднократно повторял, что КНР поддерживает Сомали в конфликте с Эфиопией и не упускал случая осудить «вмешательство сверхдержав». В сообщениях сомалийской печати подчеркивалось, что переговоры проходили в «обстановке взаимопонимания» и что визит «завершился успехом». Касаясь позиции, занятой КНР в эфиопо-сомалийском конфликте, кувейтская газета «Ас-Сияса» писала со ссылкой на дипломатические источники: «Китай перешел от этапа наблюдения за событиями, происходящими на берегах Красного моря, к этапу непосредственного ознакомления с мнением некоторых стран. Китай имел прямые политические контакты с Ираном, Сомали и НДРЙ, заявив при этом следующее: «Красное море имеет огромное значение для КНР. Китай выступает против превращения Красного моря в район, подвергающийся влиянию США или СССР». Безопасность Красного моря, как и безопасность Персидского залива, как нефтяных районов и как основного пути китайской торговли, имеет для КНР особое значение»².

Вскоре после разрыва сомалийским правительством договора о дружбе с СССР министр иностранных дел КНР

¹ См. «Правда», 6 января 1978 г.

² «Ас-Сияса», 19. X. 1977, «Жэньминь жибао», 26. VI. 1979.

Хуан Хуа принял посла Сомали в Пекине. Хуан Хуа с похвалой отозвался о решении правительства Сомали¹. Газета «Жэньминь жибао» писала, что это решение было «справедливой акцией». «Китайский народ,— отмечала газета,— решительно поддерживает эту справедливую акцию правительства Сомали»². Вслед за этим китайская пресса развернула шумную кампанию, призывая африканские народы к «решительной борьбе» против «социал-империализма».

Такая позиция привела к серьезному ухудшению отношений Эфиопии с Китаем. Председатель Временного военного административного совета (ВВАС) Социалистической Эфиопии Менгисту Хайле Мариам, выступая на митинге в Аддис-Абебе 12 сентября 1978 г., резко осудил враждебную политику КНР. «Революционная Эфиопия,— заявил Менгисту Хайле Мариам 17 ноября 1978 г.,— не спешила заявить о своей позиции, ограничиваясь пресечением реакционной деятельности и проведением дипломатических мер. Однако курс Китая, смыкающегося с империализмом и вооружающего наемных убийц «пятой колонны» и сепаратистов, стал причиной гибели многих прогрессивно настроенных лиц... Мы осуждаем реакционное китайское руководство, проводящее на словах коммунистическую, а на деле антикоммунистическую политику шовинизма, экспансионизма и гегемонизма»³.

Сдержанную позицию в отношении КНР занимает алжирское руководство. Одна из причин этого — ее недружественная позиция в вопросе о Западной Сахаре.

В последние годы активно развиваются отношения КНР со странами прозападной ориентации, особенно с теми, где у власти находятся правонационалистические силы (Судан, Заир). Взаимоотношения строятся прежде всего на политической основе. Реакционные режимы нуждаются в поддержке Китая в интересах укрепления своей стабильности, а также осуществления националистических планов, идущих вразрез с интересами других стран континента. В отношении к КНР другой группы стран прозападной ориентации, включающей такие государства, как Нигер, Габон, Сенегал и др., соображения экономического характера (заинтересованность в помощи) превалируют над политическими расчетами, хотя в отдельных случаях и подчиняются им.

¹ «Жэньминь жибао», 16. XI. 1977.

² Там же.

³ «Правда», 18 ноября 1978 г.

Четыре африканских государства прозападной ориентации (Берег Слоновой Кости, Малави, Свазиленд, Лесото) продолжают сохранять дипломатические отношения с Тайванем. Не имеет их с КНР и ЮАР. Однако в последние годы государственные и общественные деятели ЮАР высказываются в пользу сближения с Китаем на общей антисоветской платформе. «Враги моих врагов — мои друзья», — заявил в парламенте министр внутренних дел ЮАР К. Мюльдер, призывая ЮАР «искать материальную и политическую поддержку у Пекина»¹.

Имея дипломатические отношения с 43 африканскими государствами, Китай осуществляет активный обмен делегациями по правительственной, партийной и общественной линиям, делая упор в первую очередь на визиты их лидеров. В 1976 г. КНР посетили президенты Малагасийской Республики, Республики Бенин, Ботсваны, ЦАР, вице-президент Танзании и другие представители африканских стран; в 1977 г. — президенты Мавритании, Судана, Нигера, Габона, Камеруна, правительственные делегации Либерии, Сомали, Ганы, НРК, Республики Острова Зеленого Мыса, Мозамбика и т. д.; в 1978 г. — президенты Сомали, Либерии, Мозамбика, Руанды, Республики Сейшельские острова, НРК (проездом в КНДР), Чад, премьер-министр Ливии, министр национальной обороны Туниса, правительственные делегации Малагасийской Республики, Заира. В НРК побывала китайская военная делегация, в Заире — министр иностранных дел Хуан Хуа и две военные делегации. Заместитель премьера Госсовета КНР Чэнь Мухуа посетила в июле — августе 1978 г. Сомали, Габон, Камерун, заместитель премьера Госсовета Гэн Бяо побывал в октябре в НРК, Гвинее, Мали, Гане, Нигерии, Руанде и Сомали, заместитель председателя ПК ВСНП Цзи Пэнфэй в декабре 1978 г. — в Нигере, Бенине, Того, Сьерра-Леоне, Гамбии, заместитель премьера Госсовета Ли Сяньнянь в январе 1979 г. — в Танзании, Замбии, Мозамбике, Заире.

Визиты, как правило, завершаются подписанием соглашений о сотрудничестве. В 1974 г. было подписано 19 соглашений, в 1975 г. — 20, в 1976 г. — 29, в 1977 г. — 32 соглашения. В 1974 и 1975 гг. соглашения затрагивали 18 африканских стран, в 1977 г. — 26².

Идет процесс поисков дипломатических контактов на антисоветской платформе. Визит в Пекин Нимейри в

¹ Цит. по: «African Communist», 1977, N 70, p. 117.

² «Monde», 7. VI. 1978.

1977 г. совпал с ухудшением судано-советских отношений. Следствием антисоветского поворота в политике сомалийского руководства явилось расширение связей с КНР; в июне 1977 г. Пекин посетили две делегации из Сомали — партийная и правительственная, а в 1978 г. — президент С. Барре.

Бурная дипломатическая кампания Пекина в отношении Заира указывала на роль, которую отводит этой стране китайское руководство, стремящееся превратить ее в арену столкновения интересов Запада, с одной стороны, и СССР — с другой.

Одним из основных средств укрепления позиций КНР в Африке является экономическая помощь. Она заключила соглашения с 38 государствами. Общая сумма объявленных кредитов составляла на 1978 г. 2340 млн. долл.¹. Африка занимает первое место по количеству объектов, сооружаемых с помощью КНР (на 1978 г. — свыше 300). В Африке находится свыше 90% китайских специалистов, работающих за рубежом. Особенно их много в Мали (201), в Бенине (175), в Алжире (160), в Сьерра-Леоне (140), в Гвинее (130), в Мавритании (119), в Либерии (119)². До недавнего времени в Танзании и Замбии на строительстве железной дороги Танзам было занято около 15 тыс. китайцев.

В 60-х годах главными получателями китайской помощи были государства социалистической ориентации; в 70-х годах упор делается на страны, рассматриваемые пекинским руководством как политические союзники (Судан, Сомали, Заир).

Помощь Китая не всегда приносит политические дивиденды. Высказываются претензии в связи с затянувшимися сроками предоставления кредитов (между объявлением о кредите и фактическим предоставлением нередко проходят годы); со срывом сроков или невыполнением обязательств по сооружению объектов; с реализацией основной доли помощи в виде товарных кредитов, поставок оборудования, присылки специалистов и лишь 5% помощи — в виде займов в форме твердой валюты; с взаимосвязью и взаимобусловленностью торговых и платежных соглашений (соглашения о помощи включают пункты, по которым местные расходы оплачиваются за счет средств, получаемых от реализации китайских товаров на местных рынках); со слабой технической оснащенностью, малопр-

¹ «China Economy post-Mao...», p. 853.

² «Monde», 7. VI. 1978.

изводительными процессами на большинстве предприятий, сооружаемых с помощью КНР; с нерациональным подходом к выбору объектов для строительства (сооружение неоправданно дорогостоящих, престижных объектов, а также предприятий, удаленных от источников сырья и рынков сбыта).

Китай обычно строит мелкие объекты, не требующие больших затрат. Это главным образом предприятия легкой промышленности, работающие на базе сельскохозяйственной продукции и дающие быстрый оборот средств. Пекин не поощряет индустриализации африканских стран, призывая их развивать главным образом сельское хозяйство, опираясь на китайский опыт.

Наиболее крупными экономическими объектами, созданными с помощью КНР, являются: завод сельхозмашин в Обинжо, текстильная фабрика, опытная ферма на реке Руву площадью 220 га, радиостанция, новый морской порт в Дар-эс-Саламе (Танзания), железная дорога Танзам (Танзания, Замбия), фабрика по производству керамики в Алжире, табачная и спичечная фабрики и сахарный завод в Мали, табачная, спичечная и чаеразвесочная фабрики и маслобойня, цементный завод мощностью 200 тыс. т и порт в Гвинее, ГЭС, завод по переработке кокосовых орехов в масло и текстильная фабрика в Конго (Браззавиль), рисовые плантации, дорога Нуакшот — Нима и цементный завод в Мавритании, железная дорога Гвинея — Мали, рисовые плантации и ирригационный комплекс в Уганде, аэродром на Маврикии, стадионы в Сьерра-Леоне и Сомали, 50-мильный канал от озера Вольта до Аккры в Гане.

Самой крупной экономической акцией Китая в Африке явилось сооружение железной дороги Танзам, связывающей Танзанию и Замбию. Китай взялся за строительство железной дороги, рассчитывая внедриться в Восточную Африку, а также изменить сложившееся представление об его экономической помощи как о «мелкомасштабной» и «малоэффективной». 23 июня 1967 г. во время посещения президентом Замбии К. Каундой Пекина было подписано соглашение, по которому КНР предоставила беспроцентный заем на строительство Танзам. Окончательное соглашение между правительствами КНР, Танзании и Замбии было подписано в сентябре 1967 г. Строительство началось в октябре 1970 г. 14 июля 1976 г. в Замбии состоялась официальная церемония открытия Танзам. За 5 лет и 8 месяцев строительных работ была проложена

железная дорога от Дар-эс-Салама до Капири Мпоши (северная провинция Замбии) протяженностью 1860 км, построено более 300 мостов, прорыто более 20 туннелей, возведены здания с общей площадью 370 000 кв. м и т. д.

Однако в последние годы попытка КНР использовать Танзану как средство укрепления своих позиций в Африке терпит неудачи из-за трудностей в работе дороги, наполовину сокративших ее пропускную способность (оборачиваемость вагонов составляет 40 дней вместо 22, а мощность действующих локомотивов сократилась с 71% в декабре 1977 г. до 48% в мае 1978 г.). По сообщению западной печати, неэффективность разгрузочных мощностей, непригодность вагонов, плохое обслуживание привели к серьезным задержкам экспорта замбийской меди¹.

Для привлечения африканских государств на свою сторону Китаем используется военная помощь (поставки вооружения и боеприпасов, военной техники — танков, самолетов, катеров, командирование военных специалистов и инструкторов). Ее получателями в 60-е годы были в основном страны социалистической ориентации (Танзания, Гвинея, НРК, Алжир); в 70-е годы круг стран расширился за счет государств прозападной ориентации (Камерун, Сьерра-Леоне, Тунис); в последнее время Пекин делает упор на сотрудничество в военной области с государствами, где у власти находятся враждебно настроенные в отношении социалистического содружества режимы (Заир, Судан, Сомали, Египет). Назначение китайской военной помощи — укрепление режимов, политика которых отвечает интересам Пекина (помощь Мобуту для подавления восстания в провинции Шаба). Вторая ее задача — поддержка групп и организаций, которые рассматриваются Пекином как его ставленники в национально-освободительном движении (территория Заира использовалась как база для переброски оружия раскольническими организациями ФНЛА и УНИТА). И наконец, третья задача военной помощи КНР — борьба с правительствами, по тем или иным причинам не устраивающими Пекин; китайское оружие Судану предназначалось для борьбы против эфиопского правительства; аналогичные цели преследовали поставки оружия Сомали. Хотя военная помощь оказывается бесплатно, те, кто ее получают, очень быстро разочаровываются из-за низкого качества оружия.

¹ «New York Times», 31. VIII. 1978.

По подсчетам Института Африки АН СССР, Китай связан соглашениями о торговле с 40 африканскими странами. Его основные партнеры — Марокко, Судан, Танзания, Замбия, на долю которых приходится приблизительно 50% объема китайской торговли с Африкой. Характерная особенность торговых связей — постоянное активное сальдо КНР (объем торговли в 1978 г. — 643 млн. долл.: 453 — экспорт и 190 — импорт). Это обусловлено рядом причин. Первая из них — заинтересованность Китая в валюте, необходимой для покрытия дефицита торгового баланса, образующегося в его торговле с Западом; вторая — стремление поощрить свой экспорт, встречающий затруднения в более развитых в экономическом отношении странах; третья — однотипность экспорта КНР в страны Африки, порождающая незаинтересованность Пекина в товарах их традиционного экспорта. Африканцы не раз выражали недовольство тем, что наплыв китайских товаров мешает развитию местной промышленности, подрывает межафриканские связи. Подобные заявления делали, в частности, представители Танзании и Замбии (для них китайский экспорт стал особенно серьезной проблемой в связи с необходимостью выполнять условия соглашения о Танзан), Кении, Нигерии и ряда других стран.

В последние годы, впрочем, наметилась тенденция к росту китайского импорта из Африки, в первую очередь за счет расширения закупок сырья. КНР является покупателем суданского и египетского хлопка, замбийской меди, фосфатов, добываемых в Марокко, Алжире, Тунисе, Того, марокканского кобальта. Для завоевания позиций на рынках стран-поставщиков нужного ему сырья Пекин использует в качестве посредников западные страны. В 1977 г. им заключен контракт на закупку габонского урана, разрабатываемого совместной габонско-французской компанией, в которой Франции принадлежит 75% акций. В печати отмечалось стремление КНР обеспечить себе доступ к рудникам Заира путем договора о совместной с Западом их эксплуатации.

Пекин ведет активную идеологическую деятельность в Африке. В последние годы китайская пропаганда на Африку отказалась от многих «лево»-экстремистских приемов и «ультрареволюционных» лозунгов, перестала афишировать претензии КНР на лидерство в группе развивающихся стран. Взамен широко популяризируются демагогические идеи «общности судеб» Китая и Африки, якобы обуславливающей общность стоящих перед ними задач.

Спекулируя на национализме, свойственном многим африканским руководителям, Пекин навязывал последним свою псевдонаучную концепцию «трех миров». Маоисты пытаются вызвать в Африке чувство недоверия и вражды к СССР, другим социалистическим странам¹. Вместе с тем в их идейном арсенале все более важное место занимают концепции, обосновывающие необходимость и неизбежность курса на сближение с так называемым «вторым миром» — капиталистическими странами. «Второй мир уже не может быть главной силой, контролирующей и угнетающей третий мир», а потому «объединиться с ним в совместной борьбе против двух гегемонов — СССР и США — не только необходимо, но и возможно»², — утверждает пекинская пропаганда.

Ныне едва ли не каждый визит африканской делегации используется китайскими руководителями как возможность изложить свою точку зрения на международные проблемы, и особенно на отношение к Советскому Союзу. Например, на приеме в честь У. Толберта в июне 1978 г. заместитель премьера Государственного совета КНР Ли Сяньнянь заявил о стремлении СССР «расколоть движение неприсоединения» и допустил выпады в адрес Кубы.

Пекин наводняет африканские страны своей пропагандистской литературой, сбывая последнюю по ценам намного ниже себестоимости. В ее распространении принимают участие посольства КНР. О подобной деятельности китайского посольства в Кении рассказал в августе 1969 г. вице-президент и министр внутренних дел этой страны Д. А. Мой. Посольство КНР в Браззавиле несколько лет назад спровоцировало в ячейках и федерациях парт-дискуссию, главной темой которой был вопрос о помощи Советского Союза сражавшемуся Вьетнаму. Пекинские эмиссары навязывали взгляд, будто СССР «сговорится» с США за счет Вьетнама, так как «белый» СССР не хочет помогать «цветным народам».

Особенно активизировалась пропагандистская антисоветская деятельность посольств КНР в последние годы. Пропагандистской деятельностью занимаются и китайские специалисты, работающие в африканских странах. По сообщению журнала «Нью Африка», «все китайские специалисты обнаруживают одну и ту же привычку — вывешивать всюду, где они находятся, витрину с отрывками из мыслей Мао на английском и на суахили». Вначале они

¹ «Жэньминь жибао», 1. XI. 1977.

² Там же.

пытались нажить капитал на том, что изображали «расовую общность» с африканцами, заходя столь далеко, что подчеркивали необходимость «для нас, черных, держаться вместе». Эта затея убедить африканцев идти вместе против белой расы дала обратный результат. Пекин извлек из этого урок: общая черта, которую теперь подчеркивает китайская пропаганда, не раса, а бедность. Бедные нации мира должны «держаться вместе».

В заключение приведем весьма любопытную оценку способности Пекина влиять на обстановку в Африке, которую дала «Нью-Йорк таймс»: «Несмотря на все признаки заинтересованности Пекина в африканских делах, было бы ошибкой преувеличивать имеющиеся у Китая возможности дать почувствовать свое влияние за границей. Как заметил один наблюдатель в связи с поездкой Хуан Хуа в Заир, она лишь продемонстрировала слабость Китая и его огорчение по поводу того, что он не в состоянии сделать ничего более серьезного, чтобы повлиять на ход событий. Все равно как если бы Китай сказал Мобуту: «Мы для вас ничего не пожалеем. Вот вам наш министр иностранных дел!»»¹ Добавим, что правительства Эфиопии, Анголы, Мозамбика, Мадагаскара, Конго, Сан-Томе и Принсипи, Союз африканского народа (ЗАПУ) в Зимбабве в резкой форме осудили нападение Китая на Вьетнам.

* * *

КНР настойчиво стремится пробиться в *Латинскую Америку*. В 60-е годы усилия Пекина сосредоточивались на том, чтобы навязать коммунистическому и рабочему движению свою платформу, подтолкнуть на «народные войны» (маоистские группы, созданные в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Перу, Эквадоре, в ряде других стран, причинили серьезный ущерб революционному движению). В 70-е годы в китайско-латиноамериканских отношениях произошли существенные изменения. После 1971 г. с КНР установили отношения Чили, Перу, Мексика, Аргентина, Гайана, Ямайка, Багамские острова, Тринидад и Тобаго, Венесуэла, Бразилия, Суринам, Барбадос.

Этот сдвиг был вызван несколькими разноплановыми причинами: победа в Чили в 1970 г. блока Народного единства, независимый политический курс военного правительства Перу, борьба Панамы в защиту своего суверени-

¹ «New York Times», 25. VI. 1978.

тета, стремление ряда других республик уменьшить зависимость от США; восстановление прав КНР в ООН, позволившее наладить непосредственные контакты; наметившееся сближение между Пекином и Вашингтоном; некоторое изменение курса Китая (приглушение призывов к «народным войнам», перепос акцента деятельности из сферы коммунистического движения в область межгосударственных отношений, уверения в стремлении к нормализации отношений и сотрудничеству независимо от политико-идеологической ориентации). Пекин старается использовать в своих интересах сильно проявляющиеся в странах Латинской Америки националистические тенденции. Маоисты считают, что, подогревая такие тенденции, можно добиться ослабления связей латиноамериканских стран с СССР, а потом и с США, вовлечь их в свою орбиту. Китайские руководители при этом подбрасывают «идейки» о противоборстве между «бедными» и «богатыми» странами, о пересмотре Устава ООН, о перестройке ее механизма и ориентации ООН на торгово-экономические проблемы и, наконец, об «особой», ведущей роли «третьего мира» в международных делах. Чтобы втереться в доверие к странам, Пекин отошел от своей прежней позиции (отказ от поддержки договора о создании безъядерной зоны в Латинской Америке, так как он связан с решениями ООН) и 21 августа 1973 г. подписал протокол № 2 договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке. По той же причине он стал поддерживать претензии на 200-мильную зону территориальных вод, выдвигаемые некоторыми странами континента¹. Китайские руководители исходят из того, что они ничем не рискуют, поскольку против такой ширины зоны территориальных вод выступает абсолютное большинство стран мира, и тем государствам, которые выдвигают экстремистские требования, в конечном счете придется с этим считаться.

По расчетам Пекина, правительствам стран Латинской Америки должно импонировать заверение, что «новый курс» КНР не представляет угрозы существующим режимам. Китай, дескать, является ныне активным сторонником невмешательства во внутренние дела других государств, отказался от прежней практики «экспорта революции». «Мы против агрессии, против подрывных действий, против произвола...— говорил Чжоу Эньлай главному редактору мексиканской газеты «Эксельсior»,— в каждой

¹ «Жэньминь жибао», 20. XI. 1970, 23. I. 1972, 4, 16. I, 29. IX. 1973, 31. VIII. 1974.

страше важнейшее, решающее значение имеют местные силы, а не помощь извне, и мы заявляем, что революцию нельзя экспортировать»¹. И в деловых и в политических кругах курс КНР стал характеризоваться как возвращение этой страны к миру².

Китайские лидеры заявляли также, что готовы поддерживать правительства, защищающие государственный суверенитет и национальную независимость; составной частью этой борьбы должно быть противодействие политике сверхдержав. Под «противодействием политике сверхдержав» Пекин подразумевает борьбу против США и СССР, особенно против Советского Союза.

Активно используется тезис об «общности судеб» Китая и стран Латинской Америки, об их принадлежности к «третьему миру». Новоявленный родственник латиноамериканских государств рассчитывает таким путем стать их лидером.

Чтобы облегчить себе путь в Латинскую Америку, китайские руководители рекомендуют опираться на собственные силы. Конечно, избавление от господства и эксплуатации со стороны империалистических монополий США явилось бы важным фактором укрепления политической независимости и экономического прогресса этих стран. Но пекинские руководители имеют в виду другое (сам Китай ныне выпрашивает кредиты и технологию у развитых капиталистических государств). Они хотят создать препятствия укреплению и развитию торгово-экономических связей стран Латинской Америки с государствами социалистического содружества.

Маоисты, которые занимали недружественную позицию в отношении правительства С. Альенде в Чили (не нравились его дружественные отношения с СССР, они иронизировали по поводу попыток мирного перехода к социалистическим преобразованиям), со злорадством встретили военно-фашистский путч в сентябре 1973 г., попытавшись вину за неудачи правительства Народного единства возложить на Советский Союз. Эти неудачи якобы были результатом «советского вмешательства», хотя хорошо известно, что никакого вмешательства не было. Сохранив дипломатические отношения с Чили и даже расширяя личные контакты и торговые связи с Сантьяго, Пекин явно стремился заслужить доверие правых режимов.

¹ «Excelsior», 5. IX. 1971.

² «Guadernos Americanos». Mexico, 1972, N 3, p. 6—7.

Китайское правительство беспокоит постоянное упрощение международных позиций революционной Кубы, нормализация его отношений со странами континента. В связи с этим китайская пропаганда не жалеет чернил, чтобы очернить остров Свободы, твердит об «угрозе» со стороны Кубы и СССР безопасности стран Америки. Ф. Кастро заявил в интервью бразильскому журналу в июле 1977 г., что Пекин даже советовал США не возвращать Кубе базы Гуантанамо и не снимать экономической блокады. Как отмечалось выше, Хуан Хуа упрекал З. Бжезинского в мае 1978 г. за «мягкость» США в отношении Кубы.

В пропагандистских целях Пекин активизировал встречи с руководящими деятелями стран Латинской Америки. Среди его гостей были президенты Мексики Лунс Эчеве-рия и Хосе Лопес Портильо, премьер-министр Тринидада и Тобаго Эрик Уильямс, президент Гайаны, государственные деятели ряда других стран. В речи, произносимые во время таких визитов, и даже в совместные документы китайские руководители стараются втиснуть призыв к «борьбе против сверхдержав».

Учитывая роль армии в Латинской Америке, Пекин уделяет особое внимание командному составу вооруженных сил.

По приглашению властей в КНР приезжают многочисленные группы журналистов. Особенно широки связи Пекина с представителями печати Мексики, Перу, Чили, Венесуэлы, Аргентины. Большую пропагандистскую работу ведут корпункты агентства Синьхуа, которые распространяют бюллетени в правительственных и политических кругах. Пропагандистский аппарат США, в том числе агентства ЮПИ, АП, в свою очередь, снабжает латиноамериканскую прессу материалами агентства Синьхуа, «Жэньминь жибао» и других китайских газет.

Торгово-экономические связи КНР со странами континента, учитывая схожую товарную структуру партнеров, сравнительно невелики. Тем не менее Пекин нередко идет на жертвы, осуществляя закупки товаров, которые не очень ему нужны, лишь бы проникнуть в ту или иную страну. Некоторые государства строят иллюзии насчет получения у него финансово-экономической помощи.

Китай закупает в Перу медь, цинк, свинец, рыбную муку, в Чили — медь, селитру, в Мексике — свинец, цинк, алюминиевый концентрат, хлопок, сахар, автомобили, в Бразилии — растительное масло, сахар, рельсы, хлопок, синтетические волокна, морские суда, в Аргентине — зер-

но, в Венесуэле — удобрения, в Гайане — алюминий, сахар, лес, в Эквадоре — бананы. Его товарооборот с латиноамериканскими странами (кроме Кубы) составил в 1978 г. около 406 млн. долл. При этом КНР строит свои торговые отношения таким образом, что если в крупных странах — Аргентине, Мексике, Бразилии — покупает больше, чем продает, то небольшие страны — Панама, Доминиканская Республика, Тринидад и Тобаго, а также Перу — имеют дефицит в торговле с КНР.

Китай оказывает некоторую помощь молодым государствам Карибского бассейна (Гайане, Ямайке, Тринидаду и Тобаго и др.), где, по мнению пекинских руководителей, благоприятная конъюнктура. Им предоставлены займы и кредиты на сумму свыше 40 млн. долл. (Гайане — 30 млн., Ямайке — 10 млн.). Завершается строительство нескольких небольших промышленных и сельскохозяйственных объектов. С 1977 г. Китай приступил к сооружению еще 6—7 объектов — текстильных фабрик, кирпичных заводов, больницы и т. д.

Картина отношений КНР с латиноамериканскими странами будет неполной, если не отметить, что имеются серьезные ограничения для их расширения. Многие из них не одобряют злобных нападков на Кубу и попыток Пекина диктовать им, как строить отношения с ней. После нормализации своих связей с КНР Вашингтон рекомендовал ряду государств тоже установить контакты. Однако после китайской агрессии против Вьетнама прервали переговоры Боливия и Колумбия. Большинство стран поражает цинизм пекинских руководителей, оказавших поддержку кровавому режиму Пиночета, предоставивших кредит и даже пригласивших министра иностранных дел Чили в октябре 1978 г. В Латинской Америке обратили внимание на двучленную позицию КНР в связи с проблемой Панамского канала. Ее представители, в том числе и с трибуны ООН, заявили о полной и безоговорочной поддержке позиции Панамы в борьбе с американским империализмом¹. Одновременно они предрекали «военное проникновение» СССР в указанный район. Это же утверждали и противники договоренности с Панамой в конгрессе США, пугая «усилением позиций Советского Союза» в зоне канала и «угрозой безопасности США». Правящие круги латиноамериканских стран испытывают подозрения в связи с тем, что китайское руководство в последние годы несколько

¹ «La Estrella de Panama», 20. III. 1973.

активизировало деятельность маоистских групп на континенте. В Пекине принимали маоистов из Гондураса, Доминиканской Республики, Аргентины, Венесуэлы. Маоистские группы ориентируются на поиск новых союзников, на завоевание легальных позиций, участие в выборах. Наконец, Китай не имеет больших возможностей для расширения экономических связей со странами Латинской Америки (его экспорт составил в 1978 г. 41 млн., а импорт — 365 млн. долл.).

* * *

Чего же добился Пекин в Азии, Африке и Латинской Америке? Удалось ли ему занять там какое-то исключительное положение? Нет, такого положения у него не было и вряд ли может быть.

Развивающиеся государства заинтересованы в углублении международного сотрудничества и из года в год расширяют его. Вполне естественно, что этот процесс распространился и на Китай. Они отнюдь не выделяют его среди своих партнеров. При тех возможностях, которыми Китай располагает сейчас и будет иметь в ближайшие десятилетия, развивающиеся страны не могут полагаться на него как на серьезный источник помощи и основного контрагента в торговле и экономическом сотрудничестве. Развивающиеся государства широко пользуются помощью других стран. Вопреки призывам Пекина, они не ограничивают, а неуклонно расширяют и готовы еще более расширить и углубить экономическое, техническое, торговое, культурное сотрудничество с Советским Союзом, со всеми странами социалистического содружества.

Если взять отношение развивающихся государств в целом к КНР и ее политике, то вывод напрашивается сам собой: оно явно не укладывается в рамки представлений Пекина о роли Азии, Африки и Латинской Америки в осуществлении его расчетов на гегемонию в «третьем мире». Некоторые авансы руководителей отдельных развивающихся стран Китаю не делают погоды и даются, скорее, для дипломатии, ради получения от него определенных экономических выгод. Фактически во всех развивающихся странах сохраняется явная настороженность в отношении идеологии и политики Пекина, заметно нежелание способствовать его великодержавной, шовинистической политике.

И в самом деле, могут ли развивающиеся государства, составляющие в своей массе антиимпериалистическую си-

лу, быть солидарными с Пекином, который готов на сговор с самыми реакционными кругами империализма за счет интересов народов, недавно завоевавших независимость? Сама объективная необходимость завершения национально-освободительной революции и экономического освобождения неминуемо сталкивает их с бывшими метрополиями и другими империалистическими державами. На опыте ближневосточной и южноафриканской проблем, противоборства с империалистическими провокациями, заговорами, агрессивными угрозами и акциями, экономическим давлением монополий развивающиеся страны каждодневно убеждаются, что мировой империализм отнюдь не «бумажный тигр» и конечно же не союзник «третьего мира», как бы это ни утверждали в Пекине. Развитие событий в последние годы ведет народы освободившихся стран к необходимости противоборства с ним как силой проимпериалистической. После предельного обнажения сговора Пекина с империалистами против свободы и прогресса Анголы в 1975 г. процесс отрезвления от некоторых иллюзий во взглядах на маоизм, порожденных его демагогией, уже не остановить.

Растет осознание того факта, что антисоветизм Пекина представляет большую опасность и для развивающихся стран. Объективная необходимость противоборства с империализмом и его неокOLONиальной политикой не позволяет им идти на тот разрыв со своим естественным союзником — миром социализма, и прежде всего — Советским Союзом, — которого добиваются маоисты. Вопреки антисоветским призывам Пекина и зигзагам в политике отдельных развивающихся стран, неуклонно развивается процесс не ограничения, а всестороннего расширения сотрудничества с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Как ни стараются маоисты опорочить СССР, они не в состоянии подорвать его престиж среди народов, завоевавших независимость и борющихся за ликвидацию остатков колониализма.

Как отмечал американский ученый Питер Раш, «у Китая ничего не получится с третьим миром, пока он не прекратит всеми высмеиваемые психически-истерические заклинания против СССР. Китай должен будет приспособиться к полному участию Советского Союза в новом мировом экономическом порядке или оказаться за бортом»¹.

¹ «Contemporary China», December 1976, vol. 1, N 3, p. 48.

Администрация Никсона с первых своих шагов занялась изучением возможностей сближения с Пекином и разработкой соответствующих мер. «Через две недели после моего вступления в должность... — писал Р. Никсон в докладе конгрессу США от 9 февраля 1972 г., — я дал указание принять меры для того, чтобы через конфиденциальные каналы сообщить о нашей новой позиции» и попытаться установить контакт с Китайской Народной Республикой. Для этой цели кроме дипломатических представителей ряда стран в качестве посредников были использованы и такие деятели, как главы государств Франции, Пакистана, которые по личной просьбе Никсона уведомили пекинских руководителей о его желании улучшить отношения с КНР¹.

Выработка общих принципов новой политики и конкретных акций в отношении КНР была поручена Никсоном Совету национальной безопасности США, который в мае 1969 г. рекомендовал правительству принять в одностороннем порядке ряд тактических мер, так называемых «малых шагов», с тем чтобы постепенно убедить Пекин в добрых намерениях Америки и склонить его к улучшению отношений. Конкретно тактика «малых шагов» выразилась в следующем:

— 24 июня 1969 г. Соединенные Штаты объявили об ослаблении ограничений на торговлю с КНР и на посещения этой страны. Американским гражданам разрешалось покупать некоммерческие китайские товары (стоимостью до 100 долл.). Одновременно шесть категорий американских граждан: члены конгресса, журналисты, научные работники, преподаватели, студенты и врачи — получили разрешение на поездки в КНР;

— в конце декабря 1969 г. государственный департамент США заявил о новом ослаблении ограничений на торговлю: филиалам американских фирм в других странах было разрешено вести торговлю с КНР нестратегическими товарами. Министерства финансов и торговли США решили поощрять те американские фирмы, которые стремятся наладить связи с КНР;

— в конце декабря 1969 г. США провели «успокоительную» передислокацию 7-го американского флота. Не-

¹ См. Тэд Шульц. Контакты тайные и явные, — «За рубежом», 1972, № 9, стр. 9.

прерывное состояние боевой готовности 7-го флота, контролировавшего с 1950 г. Тайваньский пролив, было заменено патрулированием «по мере надобности». Одновременно численность флота была сокращена на 25 %;

— в феврале 1970 г. президент Никсон направил конгрессу проект, предусматривающий продажу сельскохозяйственной продукции КНР за ее валюту;

— 16 сентября 1970 г. во время инструктивного совещания в Чикаго Г. Киссинджер выразил уверенность в том, что встречи в Варшаве (или переговоры в какой-либо иной форме) в скором времени, по крайней мере в течение ближайших шести месяцев, возобновятся. В этой связи было выдвинуто предложение рассмотреть вопрос о восстановлении коммерческой телефонной линии Сан-Франциско — Шанхай, а также о создании «горячей линии» Вашингтон — Пекин, интерес к которой незадолго до того проявил президент Никсон;

— 26 октября 1970 г. президент Никсон впервые употребил официальное название Китайской Народной Республики. В ежегодном внешнеполитическом послании конгрессу от 25 февраля 1971 г. КНР также именовалась своим официальным названием. Это был намек о готовности признать КНР;

— в марте 1971 г. китайские власти прибегли к «пинг-понговой» дипломатии, пригласив американских спортсменов и журналистов посетить КНР. Позже премьер Чжоу Эньлай говорил на приеме в их честь о «новой странице» в отношениях между двумя народами;

— 14 апреля 1971 г. Белый дом опубликовал заявление Никсона об американско-китайских отношениях, в котором выражалась готовность Соединенных Штатов «предоставить визы лицам или группам лиц из КНР, желающим поехать в Соединенные Штаты»; объявлялось о смягчении валютных ограничений; отменялись ограничения, введенные для американских нефтяных компаний, «предоставляющих топливо для судов или самолетов, следующих в Китай или из Китая, за исключением принадлежащих Китаю или зафрахтованных им судов и самолетов, направляющихся в Северный Вьетнам, Северную Корею или на Кубу»; разрешалось американским судам и самолетам перевозить китайские грузы между неазиатскими портами, а также американским судам, плавающим под иностранным флагом, заходить в китайские воды, и, наконец, снимался запрет на торговлю с КНР любыми нестратегическими товарами;

— 7 мая 1971 г. министр финансов США Джон Коннелли объявил о том, что разрешается использовать доллары в торговых операциях с КНР;

— 10 июня 1971 г. министерство торговли опубликовало список 47 категорий товаров, которые разрешалось впредь экспортировать в Китай;

— в июле 1971 г. специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности Киссинджер предпринял неожиданный секретный визит в КНР. В результате его переговоров с Чжоу Эньлаем было достигнуто соглашение о визите президента Никсона;

— в октябре 1971 г. Киссинджер вторично посетил КНР в то время, когда в Организации Объединенных Наций решался вопрос о представительстве Китая в ООН. 25 октября Генеральная Ассамблея проголосовала за изгнание чанкайшистов и восстановление прав Китая;

— в январе 1972 г. состоялся третий «подготовительный» визит представителей Белого дома в Пекин. На этот раз американскую официальную делегацию возглавил помощник Киссинджера бригадный генерал Хейг.

Перечисленные шаги сопровождались соответствующими политическими и пропагандистскими акциями, тщательно спланированными и корректируемыми по ходу дела с учетом реакции китайской стороны.

Буржуазные исследователи занялись поисками в теории и практике Пекина конструктивных начал, какой-то особой «китайской модели» социализма, противопоставляемой историческому опыту других социалистических стран. Американские пропагандистские и научные центры особенно активно работали над тем, чтобы использовать в интересах политики США советско-китайские разногласия, доказать неизбежность столкновения национальных интересов Советского Союза и КНР, подбросить китайцам провокационный тезис об «угрозе с Севера», запугать их с помощью дезинформации о военных мероприятиях СССР¹. При этом учитывалось, что в подобной дезинформации нуждаются и пекинские руководители, которым необходимо иметь хоть какое-то обоснование для активизации связей с США и переориентации политики.

Дипломатические и пропагандистские усилия правительства США, подкрепленные малыми шагами в практической области, помогли сторонникам сближения с Америкой в пекинской верхушке преодолеть сопротивление про-

¹ См. С. Л. Тихвинский. Геополитическая ворожба. — «Правда», 15 февраля 1970 г.

тивников такого курса, видевших в нем отступничество от принципов борьбы с империализмом. «К осени 1970 года,— отмечал Р. Никсон в докладе конгрессу от 9 февраля 1972 г.,— китайцы начали откликаться на наши авансы по конфиденциальным и надежным дипломатическим каналам. С этого времени обе стороны начинают предпринимать усилия, чтобы привести в движение этот процесс».

Уклоняясь от прямых контактов с правительством США, пекинское руководство корректировало свои позиции по некоторым проблемам, осложнявшим китайско-американские переговоры: перестало подчеркивать требование об отказе Соединенных Штатов от военного союза с Чан Кайши, смягчило ряд других требований по тайваньской проблеме (что нашло выражение, в частности, в так называемой «канадской формуле» признания КНР, которая была воспринята в Вашингтоне как весьма обнадеживающий сигнал), по существу отказалось от ранее выдвигавшихся условий участия в ООН (пересмотр Устава и «полная реорганизация» ООН, аннулирование резолюции, объявившей Китай агрессором).

Американский журналист Эдгар Сноу, находившийся в Китае с августа 1970 г. по февраль 1971 г., в статье о встрече с Мао Цзэдуном писал, что в Пекине через посредников был получен еще ряд посланий Вашингтона¹. Мао Цзэдун высказал готовность китайской стороны принять в Пекине президента США. Официально об этом правительство КНР уведомило Вашингтон по закрытым каналам в первой половине апреля 1971 г.

Визит Р. Никсона состоялся 21—28 февраля 1972 г. Пропагандистская машина США много поработала над тем, чтобы поставить визит в центр мировых событий; он был превращен в театральное зрелище. По почину самого Никсона, сравнившего предстоящую свою поездку в Пекин с полетом на Луну, американская печать состязалась в поисках оглушающих эпитетов для оценки визита: «Гигантский шаг к созданию прочной структуры мира», «Подлинно историческое событие, имеющее фундаментальное значение для будущих поколений», «Неделя, которая изменила мир». В действительности результаты визита оказались более скромными, чем рассчитывали обе стороны, ожидавшие друг от друга уступок, без которых невозможно урегулирование основных проблем китайско-американских отношений.

¹ «Life», 30. IV. 1971.

Официальное коммюнике, опубликованное по завершении визита¹, носило весьма неопределенный, декларативный, местами двусмысленный характер. И, конечно, об итогах переговоров судить по такому коммюнике трудно. Обстановка секретности, в которой проходил диалог, а также заявления американских представителей о том, что его содержание по взаимному соглашению сторон будет и впредь сохраняться в тайне, дают основание считать, что между партнерами в Пекине могла иметь место и более существенная договоренность по тем или иным вопросам, не зафиксированная в коммюнике.

Коммюнике отразило, с одной стороны, наличие серьезных расхождений между КНР и США, а с другой — их стремление закрепить линию на взаимное сближение. Переговоры не привели, да и не могли на этом этапе эволюции отношений привести к урегулированию проблем, разъединяющих две страны. Тем не менее в результате визита Никсона была подведена определенная основа под дальнейшее развитие политических, экономических и других связей между КНР и США. Для руководителей США было важно то, что они из первых рук получили доказательства непримиримости пекинской верхушки в отношении СССР, ее готовности и впредь проводить объективно выгодную империализму политику.

Участники переговоров условились строить свои отношения без использования силы или угрозы применения силы, а также принять меры для разрядки напряженности в тех точках соприкосновения, где наблюдается столкновение их интересов (Тайвань, Корея). Стороны заявили в коммюнике о согласии с принципами мирного сосуществования, хотя еще совсем недавно китайское руководство яростно нападало на КПСС и другие братские партии за проведение линии на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, которая якобы препятствует антиимпериалистической борьбе. Пекин считал, что в данном случае мирное сосуществование ему выгодно.

Среди практических вопросов китайско-американских отношений особое внимание на переговорах было уделено тайваньской проблеме. Хотя стороны не достигли урегулирования проблемы, они все же отступили от прежних жестких позиций, надеясь в будущем прийти к окончательному соглашению. Как заявила американская сторона, «Соединенные Штаты сознают, что все китайцы по

¹ «Жэньминь жибао», 1. III. 1972.

обеим сторонам Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай и Тайвань является частью Китая. Правительство Соединенных Штатов не оспаривает эту позицию». США высказали «заинтересованность в мирном решении вопроса о Тайване самими китайцами» и согласились постепенно сокращать свои вооруженные силы и демонтировать военные сооружения на острове.

В коммюнике зафиксирована договоренность о развитии научных, технических, культурных и других обменов. Особо подчеркнута заинтересованность сторон в развитии торгово-экономических связей. У пекинского руководства она определялась тяжелым положением национальной экономики, безотлагательной необходимостью обновления основных фондов промышленности. США придавали этому вопросу на том этапе главным образом политическое значение: торговля с КНР им нужна прежде всего для создания более прочной основы китайско-американских отношений, для обеспечения влияния США на экономические и другие процессы внутренней жизни страны, ослабления ее связей с социалистическими государствами.

После визита президента США контакты между двумя сторонами стали регулярными. Киссинджер еще 5 раз приезжал в Пекин, Цяо Гуаньхуа побывал в Вашингтоне. Дэн Сяопин во время VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г. был объектом активного обхождения со стороны вашингтонских политических деятелей. Происходил обмен различными делегациями. Китай посетили многие конгрессмены, ученые-китаеведы, бизнесмены, журналисты, студенты.

Позиции Пекина и Вашингтона по ряду международных проблем совпадают или близки, что нашло выражение в противодействии созыву Всемирной конференции по разоружению, негативном подходе к рассмотрению в ООН вопросов о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия, принятии мер по укреплению международной безопасности и т. д. Все более отчетливо проявлялось сходство в позициях сторон, в частности, в оценке роли и места НАТО, СЕНТО и других военных блоков, в решении проблем Индокитая, Ближнего Востока, Индостанского полуострова, в поддержке террористического режима в Чили; Китай и США совместно выступали в поддержку реакционных группировок в Анголе. Официальные представители КНР прямо высказались за сохранение военного присутствия США в Азии и в Европе. Определенные круги США под-

брасывали Пекину дезинформацию и пытались не допустить поворота в сторону улучшения китайско-советских отношений. Руководители КНР постоянно призывали Вашингтон к «бдительности» в отношении советской политики и предрекали нарастание конфликтов между США и СССР.

Некоторые китайские руководители стремились подвести «теоретическую» базу под отношения КНР с США. В материалах X съезда КПК, в отличие от предыдущего, значительно приглушены элементы «антиимпериализма». Особенно заметно смягчение антиамериканских тезисов, которые фигурировали на IX съезде. Например, в отчетном докладе, сделанном в 1969 г. Линь Бяо, содержалась развернутая характеристика американского империализма как «злейшего врага народов всего мира». В отчетном докладе, с которым в 1973 г. выступал Чжоу Эньлай, она уже отсутствует, опущены также выпады против руководителей США, упоминание об «оккупации американским империализмом нашей территории Тайваня». О Соединенных Штатах в основном речь шла в контексте «борьбы против гегемонизма двух сверхдержав — США и Советского Союза». В новом уставе КПК, принятом X съездом, не содержалось и положения о том, что партия «борется за разгром империализма во главе с США».

В мае 1973 г. в Пекине открылась миссия связи США, а затем такая же миссия КНР была учреждена в Вашингтоне. Этот способ поддержания межправительственных отношений китайцы, по словам Г. Киссинджера, выбрали сами как одну из форм, предложенных им Никсоном еще в феврале 1972 г.

Между США и Тайванем сохранились дипломатические отношения, остался в силе договор о взаимной обороне, подписанный в 1954 г., на самом острове по-прежнему дислоцировались американские войска и размещались военные объекты США. Тайваньский «вице-президент» Янь Цзягань, посетивший в январе 1973 г. Вашингтон, получил заверения в том, что Соединенные Штаты будут «продолжать дипломатические отношения, а также поддерживать дружеские связи» с Тайванем и «твердо выполнять свои оборонные обязательства»¹. «Мы, — заявил Г. Киссинджер в феврале 1973 г., — конечно, продолжаем поддерживать дипломатические отношения с Тайванем. Уровень наших войск не является темой для переговоров, он

¹ «Правда», 13 января 1973 г.

будет определяться в соответствии с общими положениями «доктрины Никсона» и уровнем опасности в этом районе»¹.

В условиях известного похолодания в отношениях между двумя странами проходил визит президента США Дж. Форда в Китай в декабре 1975 г. Учитывая, что приближались выборы в конце 1976 г. президента США, и явно преувеличивая значение «китайской карты» в ходе предвыборной кампании, пекинские руководители стремились шантажировать его, подавали дружественные сигналы его соперникам в борьбе за кресло в Белом доме, требуя прекратить переговоры с СССР о разрядке и усилить гонку вооружений. Президент США вынужден был в твердой форме ответить, что его правительство руководствуется не риторикой, а национальными интересами. Вместе с тем было сказано о желании США вести дело к окончательной нормализации отношений с Китаем. По пути из Пекина в Вашингтон Дж. Форд провозгласил так называемую «тихоокеанскую доктрину». Ее исходной посылкой являлся тезис, что США должны продолжать играть в районе Тихого океана «ведущую роль», опираясь на силу. Китаю отводилась роль второго после Японии партнера США в установлении «нового порядка» на Тихом океане. Это, видимо, импонировало Пекину, потому что у обычно крикливых китайских политиков не нашлось и слова против «доктрины», носившей империалистический характер и направленной в том числе против безопасности КНДР и Вьетнама.

Курс Пекина на сближение с США привел, особенно в первые годы, к увеличению торговли между обеими странами. Если в 1971 г. ее объем составлял 4,9 млн. долл., в 1972 г. — 92,5 млн., в 1973 г. — свыше 900 млн., то в 1974 г. — почти 1 млрд. долл. Были заключены крупные сделки, в том числе о закупке самолетов «Боинг-707», реактивных двигателей для самолетов гражданской авиации, зерна, специальных средств связи, а также небольших партий другого оборудования, пластмасс и киноплёнки. Со стороны США, как отмечали деловые круги, торговля с КНР носила односторонний характер, поскольку закупки ограничивались некоторым количеством химикатов, деликатесов для ресторанов, одежды, мебели, изделий кустарного производства и др. Соотношение импорта и экспорта КНР было 8:1. Это вынудило отказаться от заявок на значительное количество американского продовольствия, что

¹ «Правда», 23 февраля 1973 г.

привело к резкому снижению торговли между двумя странами в 1975 г. Ее объем составил 450—470 млн. долл., причем экспорт КНР в США был в 2 раза меньше импорта.

Когда поступило сообщение о смерти Мао Цзэдуна, творцы политики в Вашингтоне забеспокоились, как бы КНР не пошла на улучшение отношений с СССР. Некоторые эксперты по Китаю призывали вывести войска США с Тайваня, порвать с его властями и пойти на полную нормализацию дипломатических отношений с КНР. Другие предлагали попытаться соблазнить Пекин поставками каких-то видов оружия и военной технологии. Туда зачастили американские конгрессмены, чтобы выяснить, что происходит в стране. Новое китайское руководство заверило, что прежний внешнеполитический курс остается без изменений, что его основой является антисоветизм, и в Вашингтоне решили, что не следует торопиться рвать с Тайванем. В то же время определенные американские круги так и этак прикидывали, как лучше использовать враждебность Пекина к СССР в своих интересах и вместе с тем не допустить вовлечения США в опасные авантюры, вынашиваемые китайским руководством.

Объем торговли продолжал сокращаться и составил в 1976 г. 336 млн. долл. Небезынтересно отметить в связи с этим, что объем американо-тайваньской торговли превысил 8 млрд. долл. в год. США направляли гоминьдановцам значительное количество оружия. Поставки военного имущества в 1976—1977 гг. оценивались в 1,1 млрд. долл.

Новая администрация США, пришедшая к власти в начале 1977 г., не сразу занялась Китаем. Лишь в августе государственный секретарь С. Вэнс выехал туда, чтобы изучить обстановку на месте и разработать предложения о дальнейших отношениях с КНР. Переговоры между ним и министром иностранных дел КНР Хуан Хуа открылись 22 августа. В тот же день агентство Синьхуа начало передачу на границу текста отчетного доклада XI съезду КПК, в котором председатель ЦК КПК Хуа Гофэн, потребовав от США выполнения трех условий для урегулирования главной проблемы, разделяющей обе страны, — проблемы Тайваня¹, вновь подчеркнул недопустимость вмешательства извне в то, когда и как Пекин намерен освобож-

¹ США должны разорвать дипломатические отношения с гоминьдановцами, вывести с Тайваня и из района Тайваньского пролива свои вооруженные силы вместе с военным оборудованием, аннулировать американо-тайваньский договор о совместной обо-

дать остров, и призвал партию, армию и народ приложить большие усилия, чтобы «надлежащим образом» подготовиться к освобождению Тайваня. Американский дипломат спокойно отнесся к этому заявлению.

В основе подхода новых китайских лидеров к вопросам отношений с Соединенными Штатами лежат концепции, разработанные Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем и подчиненные одной цели: объединиться, хотя бы на временной основе, с противником, на данный момент второстепенным (т. е. с США), для борьбы против «главного» противника (на современном этапе таковым объявлен Советский Союз). В свое время не удалось спровоцировать ядерную войну между СССР и США, теперь китайские руководители пытаются добиться того же, подзадоривая США и толкая их на конфронтацию с нашей страной. В ряде статей Мао Цзэдуна, включенных в пятый том его избранных произведений, изданных в Пекине в мае 1977 г., афишировалась установка на мобилизацию «всех внутренних и внешних факторов», вплоть до «использования реакционных сил» на международной арене, для превращения Китая в могучее государство. Именно эта установка была провозглашена новым руководством «основным курсом во всех областях деятельности»¹. На XI съезде КПК партийные руководители в развитие высказанной Чжоу Эньлаем на X съезде (август 1973 г.) идеи о «необходимых компромиссах революционных стран с империалистическими государствами», явно нацеленной на оправдание «особого» характера китайско-американских отношений, ссылались на ленинские слова о том, что «победить более могущественного противника» можно только при «всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»². При этом китайский руководитель заявил на съезде о возможности дальнейшего улучшения связей с США на базе шанхайского коммюнике Никсона — Чжоу Эньлая³. Та же мысль акцентировалась министром иностранных дел Хуан Хуа в дни пребывания С. Вэнса в Пекине. «У наших стран,— говорил он,— раз-

¹ Например, в речи Хуа Гофэна на всекитайском совещании по сельскому хозяйству 25 декабря 1976 г.

² Под более могущественным противником они имеют в виду СССР и другие страны социализма, а роль временного союзника отводится Соединенным Штатам и другим империалистическим государствам.

³ «Жэньминь жибао», 23. VIII. 1977.

ные идеологии, а между нами, естественно, существуют принципиальные разногласия, но в нынешней международной обстановке перед нашими двумя странами стоят вопросы общей заботы, и у нас есть немало общего»¹.

На основе «общности интересов» преследуется цель всеми средствами подталкивать Соединенные Штаты к борьбе «острием против острия» с СССР, провоцировать ухудшение советско-американских отношений. Чтобы оказать на Вашингтон, новое руководство шантажирует его, заявляя, что Китай будет строить свои отношения с США с учетом их подхода к СССР. Заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь в беседе с бывшим начальником штаба ВМС США Э. Замуолтом говорил, что «Китаю и США надо сотрудничать, чтобы справиться с северным медведем», и резко критиковал «примиренческую политику США в отношении СССР»². В тех же подстрекательских целях — подхлестывания Соединенных Штатов к противоборству с Советским Союзом — Пекин усилил пропаганду тезиса о том, что «СССР наступает, а США находятся в обороне». Журнал «Хунцзи» в специальной статье на тему о том, что СССР представляет собой «самый опасный источник новой мировой войны», всячески выгораживал агрессивные устремления в американской политике, утверждая, что с начала 70-х годов американцы перешли к «стратегической обороне», что в Азии Советский Союз «угрожает» одновременно США, Японии и Китаю³. Изображая США чуть ли не объектом «советской экспансии», в октябре — ноябре 1977 г. в Пекине стали открыто говорить о необходимости включения Соединенных Штатов в «широчайший единый фронт» для борьбы против «главного врага» — Советского Союза.

В свете этих деклараций вовсе не казались безоговорочными три условия установления дипломатических отношений между КНР и США. Профессоры-международники Станфордского университета В. Ли и Дж. Льюнс, которые в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс», призывали администрацию «не принимать слишком буквально условия нормализации отношений между КНР и США, выдвигаемые Пекином», рекомендовали следующие шаги: «США должны немедленно признать Пекин в качестве правительства Китая и приветствовать прямые переговоры между Пекином и Тайбэем в целях мирного решения

¹ «New York Times», August 23, 1977.

² «Иомиури», 28. VIII. 1977.

³ «Хунцзи», июль 1977.

разделяющих их вопросов. В ожидании окончательного решения США должны поддерживать прямые отношения — хотя и не на уровне посольств — с Тайванем. Экономические связи будут продолжаться, как и прежде. Договор с Тайванем, поскольку он не упоминается в шанхайском коммюнике, следует оставить в силе, если ему не будет найдено подходящей замены». Авторы указывали, что такую схему нормализации американо-китайских отношений «пекинские официальные лица» называли «полезной» и «интересной»¹.

Таким образом, еще до переговоров С. Вэнса в Пекине обе стороны, используя различные каналы, ознакомили друг друга с соответствующими позициями по вопросам перспектив взаимоотношений, и в частности по тайваньскому урегулированию. Ввиду явного замедления темпов развития отношений и в Вашингтоне и в Пекине возлагали надежды на то, что встречи госсекретаря с руководством КНР послужат новым импульсом процессу американо-китайского сближения. Каждая из сторон рассматривала переговоры через призму собственных целей. Для США это установление полных дипломатических связей с КНР и одновременно обеспечение самостоятельного существования Тайваня (допускалось лишь видоизменение форм американо-тайваньских связей). Цели КНР совпадали с американскими лишь наполовину — только в той части, которая касалась установления дипломатических отношений в полном объеме, и расходились по вопросу о дальнейшей судьбе Тайваня. Видимо, учитывая достаточную сложность и деликатность положения, Белый дом в осторожной форме объявил накануне отбытия госсекретаря в Пекин, что визит будет носить ознакомительный или зондирующий характер².

Должностные лица из правительства США отзывались о проведенных переговорах в оптимистических, хотя и в довольно осторожных, тонах. 28 августа Белый дом заявил, что, по мнению президента Картера и Вэнса, миссия государственного секретаря положила «хорошее начало» нормализации отношений. В заявлении также указывалось, что «на данном этапе было бы преждевременным делать твердые выводы». Эта осторожность обусловлена глубокими противоречиями, которые продолжали существо-

¹ «New York Times», 20. IX. 1977.

² См. И. А. Алексеев. США — Китай: расчеты, маневры, проблемы. — «США: экономика, политика, идеология», № 2, 1978, стр. 34—35.

вать между обеими странами. США и Китай стоят на разных идеологических позициях. Вашингтону не до конца ясны внешнеполитические цели КНР, его не может не беспокоить откровенный милитаризм пекинских лидеров, их нежелание включаться в переговоры по разоружению и ограничению распространения ядерного оружия.

В маневрировании вокруг чувствительной для обеих сторон тайваньской проблемы обратило на себя внимание заявление Дэн Сяопина о том, что попыткам установить нормальные дипломатические отношения между США и Китаем был нанесен ущерб во время визита С. Вэнса в Пекин и что беседы с ним представляли «отступление от предложений», которые выдвигались бывшим президентом Дж. Фордом и бывшим государственным секретарем Г. Киссинджером (Дж. Форд, по утверждению Дэн Сяопина, обещал в случае своей победы на выборах 1976 г. решить проблему Тайваня так, как сделала Япония: расторгнуть дипломатические отношения с Тайбэем, но сохранить неправительственные контакты, в том числе значительную торговлю¹. Это заявление было расценено в США как намерение руководства КНР более активно, чем раньше, включиться в «деловой торг» об условиях установления дипломатических отношений.

Вслед за С. Вэнсом в Пекине побывали видные деятели республиканской партии — бывший государственный секретарь США У. Роджерс, глава миссии связи США в КНР, а затем директор ЦРУ Дж. Буш, руководитель предвыборной кампании президента Форда в 1976 г. Дж. Бейкер, бывший представитель США в ООН У. Скрэнтон, делегация управляющих газетой «Уолл-стрит джорнэл», советник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, министр энергетики Дж. Шлесинджер и другие. Китайские власти предприняли продуманный нажим на администрацию Картера, стремясь повлиять на выработку ее позиции по Тайваню в условиях продолжающейся в США дискуссии о путях решения этой проблемы. Вместе с тем они настойчиво добивались сближения между двумя странами на антисоветской основе.

В Соединенных Штатах здравомыслящие люди хорошо видят, что советы Пекина похоронить разрядку и вступить в конфронтацию с Советским Союзом идут вразрез прежде всего с американскими интересами. «В настоящее время, — писала газета «Крисчен сайенс монитор», — КНР стремится

¹ «New York Times», 7. IX. 1977.

ся к установлению более тесных отношений с Вашингтоном только по одной-единственной причине — усилить оппозицию Соединенных Штатов против упрочения международного положения СССР и гарантировать, что в случае войны, которую, как утверждают руководители КНР, они ожидают, в ней будут участвовать и серьезно пострадают и Соединенные Штаты и Советский Союз. Главным обоснованием этой политики является тот довод, что существует слишком много китайцев (900 млн. человек), и в результате ядерной войны они неизбежно окажутся настоящими победителями, ибо, даже потеряв 300 млн. человек, они все-таки будут продолжать существовать»¹. В книге «Туча, несущая опасность» бывший посол США в СССР Дж. Кеннан, предупреждая об опасности нормализации отношений между КНР и США на антисоветской основе, подчеркивал: «Строить свои отношения с государством на основе того, что оно имеет плохие отношения с другой страной, является рискованной политикой и говорит об отсутствии государственной мудрости». По мнению сенатора Э. Кеннеди, манипулирование в Китае антисоветизмом было бы для США «опасным и даже самоубийственным». Подобная политика, отмечал профессор военно-морского колледжа Т. Этцольд, «может создать лишь более рискованный климат в отношениях между великими державами». П. Уорнке советовал указать Пекину на то, что США «не принесут в жертву разрядку с СССР, так как наше выживание, как и выживание большей части мира, зависит от достижения большего, а не меньшего прогресса на пути ослабления напряженности между двумя сверхдержавами».

Этим трезвым суждениям в Соединенных Штатах противостоят ультрареакционные круги, которые пытаются использовать КНР в качестве орудия для достижения своих глобальных целей. Они с сочувствием относятся к милитаристским лозунгам Пекина, его призывам готовиться к новому мировому конфликту. Поднимают голову сторонники установления с Китаем связей по военной линии, продажи ему военной техники, оборудования и технологии, имеющих применение в военной области. «Ястребы» типа Г. Джексона ратуют даже за незамедлительные поставки крупных партий американского оружия. Сенатор Р. Швейкер на пресс-конференции, устроенной после возвращения из КНР делегации конгресса, заявил, что КНР имеет «стра-

¹ «The Christian Science Monitor», 22. IX. 1977.

тегически важное значение для безопасности США в качестве буфера против СССР».

Помощник президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский, действуя категориями XIX в., в свою очередь стал подбрасывать администрации мысль о необходимости использовать «китайскую карту» в расчете оказать нажим на Советский Союз. Именно с целью «разыграть китайскую карту» он совершил в мае 1978 г. поездку в Китай. Американский визитер призывал к активизации политики Пекина в Африке, одобрил стремление заключить договор с Японией, информировал о переговорах с СССР, в частности по вопросу об ограничении стратегических наступательных вооружений. Китайские собеседники советовали «не верить» СССР, наращивать мощь НАТО, «противодействовать» СССР и Кубе в Африке, призывали не развивать отношений с Вьетнамом и расправиться с Кубой. Что касается вопроса о Тайване, то китайские власти подтвердили известную позицию. Хотя З. Бжезинский «импонировал китайцам, у которых он был в гостях, благодаря неиссякаемому потоку колкостей в адрес русских, он не выдвинул никаких новых предложений»¹.

Советский Союз предостерег Вашингтон, что попытка «разыграть китайскую карту» с целью давления на него не даст ожидаемых результатов; в конечном счете она повернется против интересов США. «В последнее время в США,— сказал Л. И. Брежнев на торжественном собрании в Минске 25 июня 1978 г.,— предпринимаются, причем на высоком уровне и в довольно циничной форме, попытки разыграть «китайскую карту» против СССР. Близорукая и опасная политика! Как бы ее авторам не пришлось в ней горько раскаяться»².

Китайские правители в свою очередь хотели бы разыграть «американскую карту», чтобы спровоцировать войну между США и СССР. Дэн Сяопин в интервью американским корреспондентам даже предлагал «заключить договор между КНР и США, направленный против Советского Союза»³.

Процесс поисков путей нормализации американо-китайских отношений ускорился. 19 сентября 1978 г. президент США обсуждал этот вопрос с главой миссии КНР, 11 и 15 декабря состоялись четыре встречи главы миссии

¹ «New York Times», 30. V. 1978.

² «Правда», 26 июня 1978 г.

³ «Washington Post», 5. XII. 1978.

США в Пекине Л. Вудкока с Дэн Сяопином. 15 и 16 декабря в Вашингтоне и в Пекине было объявлено, что КНР и США установят с 1 января 1979 г. дипломатические связи. В январе Дэн Сяопин посетит США с официальным визитом¹. В заявлении правительства США было также сказано, что 1 января 1979 г. Вашингтон известит Тайвань о прекращении дипломатических отношений и аннулировании договора о совместной обороне; военный персонал США будет выведен с острова в течение четырех месяцев. «В будущем американский народ и народ Тайваня будут поддерживать коммерческие, культурные и другие отношения без официального правительственного представительства и без дипломатических отношений»². Представитель правительства США заявил в тот же день, что «после того, как в конце 1979 г. действие договора прекратится, Соединенные Штаты предоставят Тайваню доступ к оружию оборонительного характера и сделают это на ограниченной основе так, чтобы содействовать, а не вредить миру в этом районе»³.

Таким образом, договоренность об установлении отношений между КНР и США явилась итогом сложных комбинаций, предпринятых ими.

Китайское правительство отошло от прежних трех условий нормализации и, хотя 16 декабря заявило, что «Тайвань является частью Китая» и что «способы возвращения Тайваня в лоно родины и завершения объединения страны» — «это чисто внутреннее дело Китая», согласилось на поддержание Соединенными Штатами тесных, в том числе военных, связей с Тайванем. Представитель правительства США при этом сослался на «гарантию, данную в одностороннем заявлении Соединенных Штатов, о котором китайцы знают и против которого они не возражают».

Непростой кульбит совершила администрация США. Объявив о предстоящей денонсации договора с Тайванем, она поставила конгресс США перед свершившимся фактом, полагая, что американским законодателям ничего не останется, как согласиться с решением правительства. Вашингтонский корреспондент «Обсервер» сообщал, что «политическая буря» разразилась в столице США вслед за решением президента об установлении отношений с КНР⁴.

Почему обе стороны вдруг так заторопились? Пекину

¹ «Жэньминь жибао», 17. XII. 1978.

² «Washington Post», 16. XII. 1978.

³ Ibidem.

⁴ «Observer», 17. XII. 1978.

нужны американские деньги и технология для «четырех модернизаций». Китайские руководители также хотели осложнить завершение советско-американских переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений и привлечь США к их действиям в поддержку режима Пол Пота в Кампучии и шантажу в отношении Вьетнама. Все это рассматривалось как ступень к созданию «международного фронта» против СССР. Определенные круги в США в свою очередь спешили поддержать те силы в КНР, которые выступают за сближение с западными державами, получить дополнительные каналы для влияния на политику китайского руководства и для торгово-экономической деятельности американских монополий в стране.

Визит Дэн Сяопина в США, состоявшийся в конце января — начале февраля 1979 г., показал, что идет процесс сближения КНР с США. Если Вашингтон, принимая Дэна с небывалой помпой, пытался привязать КНР покрепче к США, облегчить деятельность американских монополий, а также разыграть «китайскую карту» для оказания давления на социалистические страны, то Пекин, используя «американскую карту», старался расположить к себе заокеанских бизнесменов и обеспечить приток технологии и кредитов и, подыгрывая наиболее агрессивным кругам США, осложнить переговоры об ОСВ-2 и еще более затруднить процесс разрядки международной напряженности.

Как отмечала «Нью-Йорк таймс», «конкретные соглашения были весьма скромны»¹. Подписаны соглашение о сотрудничестве в области науки и техники, соглашение о культурных связях, письма о сотрудничестве в области образования, сельского хозяйства и освоения космического пространства, соглашение о сотрудничестве в области физики высоких энергий, соглашение об установлении консульских отношений и открытии генеральных консульств США в КНР и генеральных консульств КНР в США. Стороны договорились облегчить процедуру аккредитации у себя журналистов другой стороны. Они условились заключить соглашения в области торговли, воздушного сообщения и морских перевозок.

Как было сказано в совместном коммюнике, стороны проанализировали международное положение и констатировали, что во многих областях имеют общие интересы и придерживаются одинаковых взглядов; обсудили также те вопросы, по которым у них имеются расхождения. Они

¹ «New York Times», 3. II. 1979.

подтвердили, что выступают против попытки какой-либо страны или группы стран «добиваться гегемонии или господства над другими странами», и заявили о своей решимости способствовать поддержанию международного мира, безопасности и национальной независимости. Различие их социальных систем, дескать, не должно стать препятствием для упрочения дружественных отношений и сотрудничества. Дж. Картер дал согласие посетить Китай, а Хуа Гофэн — Соединенные Штаты¹.

Дэн назойливо поучал американцев, как вести дела с Советским Союзом, призывал к созданию единого фронта империалистических держав и Китая против СССР. И если крайняя реакция встретила ковбойские трюки визитера с удовлетворением, то трезво мыслящие американцы стали лучше видеть, насколько безответственной и авантюристической является политика китайской верхушки и насколько Пекин не только сомнительный, но и опасный партнер. Переговоры шли «в обстановке резко различавшихся официальных взглядов на советские намерения и на целесообразность заключения нового соглашения об ограничении стратегических вооружений»², — констатировала американская газета. Визит Дэн Сяопина «не оказался столь триумфальным, как ожидалось»³, — отмечала другая. Американский политический деятель, бывший глава ЦРУ Дж. Буш писал в «Нью-Йорк пост»: «Представители правительства говорят о «разыгрывании китайской карты»... в попытке гарантировать Соединенным Штатам стратегическое преимущество перед Советским Союзом. Идея состоит в том, что нормализация отношений с Китаем вынудит Советский Союз пойти на уступки. К сожалению, русские не напуганы. В целом нам приходится ждать лишь скромных преимуществ от торговли с китайцами... Маневры американского правительства в вопросе о Китае лишь усугубляют тревогу наших друзей и союзников»⁴.

Спектакли, которые устраивались в Вашингтоне с участием Дэна, действительно вызвали беспокойство американских союзников. Лондон весьма ясно дал понять, что администрация США перегнула, потрафляя Пекину. В Бонне отметили, что правительство ФРГ намерено проявлять дальновидность в отношении КНР и даже сбавит темп в делах с ней.

¹ «New York Times», 2. II. 1979.

² «New York Times», 30. I. 1979.

³ «Washington Post», 1. II. 1979.

⁴ «New York Post», 1. II. 1979.

Не успели высохнуть чернила на документах, подписанных в Вашингтоне в итоге визита Дэна, как Китай совершил агрессию против Вьетнама. Улучшение отношений с США придало правителям КНР наглости, тем более что в Вашингтоне не реагировали на заявления Дэн Сяопина, что Китай «накажет» Вьетнам, и как бы дали карт-бланш. Более того, когда началась война, американская администрация старалась выручить своих новых дружков, искусственно связывая нападение Пекина на СРВ с кампучийской проблемой, а крайне правые силы открыто торжествовали по поводу агрессии Китая. Чтобы поддержать пекинские власти, в КНР был отправлен министр финансов М. Блюменталь. В ходе визита достигнуто соглашение об урегулировании взаимных финансовых претензий (с октября 1979 г. по октябрь 1984 г. КНР выплатит 80,5 млн. долл. в счет ликвидации претензий американских собственников, а Вашингтон размораживает китайские авуары в США).

Одно смущало заокеанских политиков и бизнесменов: китайская армия воевала плохо. «Уолл стрит джорнэл» писал 8 марта 1979 г., что «Китай вышел из этой войны с подпорченной репутацией и разбитым носом».

В то же время, лучше познав склонность руководителей КНР к авантюризму, творцы американской политики на всякий случай провели в апреле 1979 г. через конгресс закон о новом статусе отношений с Тайванем. Предусмотрено сохранение всего комплекса связей на прежнем уровне и неприкосновенность политико-экономических интересов США. Останутся в силе практически все двусторонние договоры и соглашения, сохраняются представительства, располагающие всеми дипломатическими привилегиями. Закон обязывает правительство снабжать Тайвань «достаточным количеством оборонительного оружия» и сохранять «способность» защищать остров в случае необходимости. Любое вооруженное нападение на Тайвань, говорится в законе, вызовет серьезную озабоченность США.

В Пекине обиделись, но протестовали слабо. Вашингтон оставил протест без последствий. Председатель комиссии по международным отношениям палаты представителей Завлоки заявил в этой связи: «Я рад, что КНР взбешена и очень недовольна». Включение в закон формулировки, отражающей «озабоченность» по поводу безопасности Тайваня, сказал он, является «политическим уроком» Китаю, дабы знал, что нужно иметь дело с конгрессом как

с независимой составной частью правительственной власти.

Администрация США неоднократно заявляла, что не намерена идти на военное сотрудничество с Китаем, однако давала понять, что не будет возражать против поставки оружия союзниками. Американские фирмы уже продали ему средства, которые могут быть использованы как в гражданских, так и в военных целях (поисковое оборудование на базе использования инфракрасных лучей, геостационарный спутник Земли, комплекс наземных станций слежения, самолеты «Боинг-747» с соответствующим высокоэффективным аэронавигационным оборудованием, компьютер с высокой решающей способностью и т. д.).

Американские бизнесмены тоже оказались под влиянием эйфории, вызванной надеждами заработать на китайском рынке. Они считают, что Китай в ближайшие 10—15 лет израсходует 40—50 млрд. долл. на приобретение зарубежной техники, и планируют перехватить 20—30%. Основные направления сотрудничества США с КНР были обговорены, в частности, во время визита министра энергетики США Дж. Шлесинджера в ноябре 1978 г.: строительство гидроэлектростанций, угольных шахт и поставки угледобывающего оборудования, разработка нефтяных ресурсов и переработка нефти, физика высоких энергий (ускорители, плазменные реакции, сверхпроводимость). «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» согласилась построить в Северо-Восточном Китае большой железный рудник стоимостью свыше 1 млрд. долл. Идут переговоры о продаже и спутника связи типа «Уэстар-1»; его запуск будет осуществлен НАСА в 1982 г. Между тем объем торговли двух стран в 1978 г. разочаровал американских бизнесменов. Товарооборот составил 1 148 млн. долл., импорт Китая был в 2,5 раза больше экспорта, причем машин и оборудования закуплено крайне мало, основное место в импорте (70%) заняла пшеница и кукуруза. В июне 1979 г. КНР и США подписали торговое соглашение.

Строя расчеты на бум в торгово-экономических отношениях с Китаем, выражая готовность предоставить кредиты, американские монополии прикидывают платежеспособность КНР и отмечают, что она ограничена. По подсчетам американских банков, внешняя задолженность КНР достигнет в 1982 г. почти 11 млрд. долл.

Наметившееся сближение между КНР и США и неожиданное объявление о предстоящем визите президента Р. Никсона в Пекин вызвало шок в Японии. Правящие круги страны, ориентировавшиеся в своей китайской политике на США и считавшие, что в случае изменения позиции Вашингтона они смогут опередить и хотя бы на несколько дней раньше нормализовать отношения с КНР, стали торопиться, чтобы не «отстать от поезда». Пекинские власти, видя это, усилили давление на Японию, требуя ухода правительства Сато в отставку и назначения лиц, которые были бы готовы осуществить нормализацию на китайских условиях.

Требования, предъявленные Токио, шли намного дальше, чем выдвинутые на переговорах с США. Пекин настаивал на признании правительства КНР единственным законным правительством страны, а Тайвань — ее неотъемлемой частью, на аннулировании японо-чанкайшистского «мирного договора», как незаконного. Эти «три принципа» он рассматривал в качестве предварительного условия переговоров.

В 1970—1972 гг. в КНР побывало немало делегаций и отдельных деятелей различных политических сил Японии, стоявших в оппозиции к официальному курсу правительства в китайском вопросе. Независимо от того, представляли ли указанные делегации прогрессивные или консервативные круги, китайская сторона строила отношения с ними на «антисатовской» основе. Отставка Сато была выдвинута как «принципиальное» условие, которое откроет путь к нормализации японо-китайских отношений.

Комэйто первая попыталась извлечь выгоду из сложившейся обстановки. В подписанном 2 июля 1971 г. совместном заявлении Комэйто не только признала «три принципа» КНР, но и потребовала вывода вооруженных сил США с Тайваня и из Тайваньского пролива, восстановления прав КНР в ООН и изгнания чанкайшистов, осудила агрессивную войну США в Индокитае, выразила протест против доктрины Никсона, «заставляющей азиатов воевать против азиатов», и т. д.

Параллельно усиливался нажим на Японию, чтобы затормозить развитие ее отношений с Советским Союзом. Клеветнические антисоветские выпады, запугивание «советской угрозой», стремление подогреть реваншистские настроения милитаризма пронизывали все акции китай-

ских лидеров. И здесь использовался тезис о «двух сверхдержавках», Пекин включил его в совместные заявления с СПЯ, Комэйто и ПДС. Как отмечалось, например, в совместном заявлении с Комэйто, «стороны единодушно выразили протест в связи с политикой силы, проводимой великими державами, ядерным шаптанжом и угрозами со стороны этих держав».

Китайские лидеры всеми средствами пытались изолировать КПЯ, осложнить ее отношения с другими оппозиционными партиями, ослабить влияние в стране. По их требованию компартия не была допущена в созданную в декабре 1970 г. парламентскую лигу содействия восстановлению японо-китайских дипломатических отношений, куда вошли представители всех, кроме КПЯ, парламентских партий Японии, включая ЛДП. Президентом лиги был избран А. Фудзияма (ЛДП), вице-президентами — С. Кацумата (СПЯ), И. Касуга (ПДС), И. Ватанабэ (Комэйто). Стремясь оказать влияние на внутреннюю борьбу в либерально-демократической партии, китайские руководители проявляли особую теплоту к А. Фудзияме, К. Танаке, М. Охире, Я. Накасонэ, которые соперничали с Э. Сато. В ходе контактов с оппозицией в ЛДП китайская сторона сделала основной акцент на вопрос о Тайване, потребовав признания «трех принципов» нормализации отношений. Все другие препятствия, выдвигавшиеся ранее, в том числе японо-американский договор о безопасности и проблеме репараций, она фактически сняла. Была подтверждена готовность заключить с Японией пакт о ненападении. Пекинское руководство пыталось внушить правящему лагерю Японии мысль о «полезности» сближения с КНР в качестве дополнительного фактора давления на Советский Союз.

Поездка президента Никсона в Пекин в феврале 1972 г. означала кардинальный пересмотр американской политики по отношению к КНР и сняла одно из основных препятствий для нормализации японо-китайских связей, поскольку упорное противодействие со стороны Вашингтона, с которым вынуждены были считаться в Токио, тормозило повышение их уровня.

Вместе с тем переговоры в Пекине, о подготовке которых японское правительство не было заранее уведомлено, показали, что Соединенные Штаты готовы в интересах достижения собственных целей действовать самостоятельно, не согласуя свои акции с союзниками, несмотря на неоднократно подтвержденную договоренность о консультациях

с Токио по всем проблемам, затрагивающим японские интересы в Азии. «Шок Никсона» как бы развязал руки правящим кругам Японии, дав моральное право не оглядываться по всякому поводу на Вашингтон, и подтолкнул их на проведение более независимой политики.

Установление прямых китайско-американских связей нанесло ощутимый удар по одному из основных направлений японской дипломатии, которая добивалась повышения международного авторитета Токио в роли главного советника и консультанта других империалистических держав в налаживании связей с Китаем. Непосредственные контакты между Пекином и Вашингтоном сделали ненужным посредничество Японии и отодвинули ее на второй план по объему политических связей с КНР. Для Токио стало необходимым вернуть утраченные позиции и не только довести объем связей с КНР до американского уровня, но и превзойти его, если представится возможным, в соответствии со своими собственными интересами. Правящие круги Японии опасались, наконец, что известное сближение США с КНР может в какой-то мере носить антияпонский характер и во всяком случае открывает путь для политических спекуляций на возможности достижения двусторонней договоренности по ряду азиатских проблем в обход Японии.

Заинтересованность Японии в развитии отношений с КНР наводила Пекин на мысль использовать это в собственных внешнеполитических целях.

Китайское руководство рассчитывало прежде всего воспользоваться нормализацией и расширением контактов с Японией для укрепления своих международно-политических позиций и перехода к активной дипломатической игре на мировой арене. Оно надеялось, что такое сближение создаст условия для противодействия развитию связей Токио с Советским Союзом и поможет, в частности, помешать осуществлению их программы экономического сотрудничества как путем прямого давления на правящие круги, так и посредством активизации пропекинских организаций и групп в Японии. Руководство КНР стремилось, далее, использовать развитие китайско-японских связей как способ нажима на Соединенные Штаты, чтобы в условиях экономической и политической конкуренции со стороны Японии побудить Вашингтон к дальнейшему смягчению позиций в отношении КНР, и прежде всего к скорейшему пересмотру военного договора с Тайванем и выводу оттуда американских войск.

Взаимная заинтересованность КНР и Японии в налаживании и расширении связей привела к договоренности об установлении дипломатических отношений. В совместном заявлении, подписанном 29 сентября 1972 г., Япония признавала правительство Китайской Народной Республики как «единственно законное правительство Китая» и выразила «полное понимание и уважение» в связи с его заявлением о том, что «Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР». Обе стороны согласились, что их отношения будут строиться на основах принципов мирного сосуществования и «все споры будут разрешаться мирным путем, без применения силы или угрозы силой»¹. Правительство Танака принесло извинения за агрессию против Китая в прошлом, выразив, как указывалось в совместном заявлении, «чувство глубокого самоосуждения».

Идя навстречу пожеланиям пекинского руководства, японская делегация в то же время добилась весьма важных для себя уступок.

Правительство КНР полностью отказалось от выдвижения репарационных претензий к Японии, хотя премьер Госсовета Чжоу Эньлай ранее давал понять, что КНР имела бы право потребовать выплаты примерно 50 млрд. долл. Оно также круто изменило свою прежнюю позицию решительного осуждения японо-американского военного союза. Как заявил на пресс-конференции премьер Танака, «китайцы не спорили по вопросу о договоре безопасности, о чем свидетельствует тот факт, что в совместном заявлении этот договор не упоминается»².

Новый подход к оценке японо-американского союза вытекает из готовности некоторых китайских руководителей признать военное присутствие США в Азии в качестве своего рода «стабилизирующего фактора», по крайней мере до тех пор, пока Китай не будет обладать достаточной военной мощью, чтобы занять место США.

На переговорах с премьером Танакой представители Пекина выступили с новой точкой зрения и по вопросу милитаризации Японии. Китайская печать и видные политические деятели до его визита неоднократно подчеркивали, что в стране голову поднимает милитаризм, что возрождение японской армии и наращивание военного потенциала создает угрозу соседним странам, в том числе Китаю.

¹ Полный текст совместного заявления см.: «Вага гайко-по кинкё». Токио, 1973, № 17, стр. 506—508.

² «Асахи», 30. IX. 1972.

«Японский милитаризм, поддерживаемый американским империализмом, возродился к жизни и стал опасной силой агрессии в Азии — таков бесспорный факт»¹, — подчеркивалось в комментарии, распространенном в конце апреля 1970 г. агентством Синьхуа. Во время переговоров в Пекине, однако, этот вопрос совершенно не ставился. Более того, как заявил премьер-министр Танака по возвращении в Токио, «Китай, по-видимому, вполне понял» разъяснения относительно того, что «оборонная мощь Японии предназначена исключительно для самообороны» и «увеличение оборонного бюджета не будет представлять собой какой-либо опасности для стран Азии»².

После визита Танака китайская печать не только прекратила критику милитаризации Японии, но и стала высказываться за вооружение. Так, сообщалось о высказываниях Чжоу Эньлая относительно того, что «такая большая страна, как Япония, не могла бы обойтись без сил «самообороны», что он «не может понять» позицию вооруженного нейтралитета, которую отстаивает социалистическая партия Японии»³.

Наконец, представители Китая, удовлетворившись разрывом Японией дипломатических отношений с Тайванем, полностью оставили в стороне вопрос о прекращении экономической поддержки гоминьдановцев и свертывании торгово-экономических связей, в которых в первую очередь заинтересованы японские монополии. Премьер-министр Танака с удовлетворением отметил на пресс-конференции: «Китайцы проявили понимание того, что Япония поддерживает торговые отношения с Тайванем, что более 100 тыс. японцев и тайваньцев ежегодно обмениваются визитами и что между ними поддерживается регулярное коммерческое воздушное сообщение»⁴.

Таким образом, нормализация отношений между КНР и Японией произошла на основе взаимных уступок и позволила каждой из сторон добиться полного или частичного достижения некоторых своих целей. Она привела их к определенному сближению, но отнюдь не сняла разногласия и противоречия как в области экономики, так и политики.

После урегулирования отдельных частных вопросов с начала 1975 г. обе стороны стали ускорять диалог по по-

¹ «Japan Times», 29. IV. 1971.

² «Асахи», 30. IX. 1972.

³ «Japan Times», 9. XI. 1972.

⁴ «Асахи», 30. IX. 1972.

воду заключения договора о мире и дружбе. Китайские руководители хотели что-то противопоставить соглашениям о коллективной безопасности и сотрудничестве в Европе. Они рассчитывали обрести дополнительные возможности влиять на внешнюю политику Японии, приспособлять ее к задачам гегемонистского курса Пекина. Прежде всего они хотели приостановить развитие японо-советских отношений, а также заполучить рычаг нажима на Вашингтон, у которого слишком тесный альянс Японии с Китаем мог бы вызвать опасения.

Истинные устремления КНР и Японии в отношении договора о мире и дружбе видны из их подхода к характеру документа. В сентябре 1972 г. в совместное заявление по настоянию китайской стороны было внесено положение о заключении договора. Первоначально представители КНР предложили назвать его мирным. Японская делегация от такой формулировки отказалась, считая, что вопрос о прекращении войны и о нормализации отношений уже решен совместным заявлением. В Токио опасались, что обсуждение вопроса о мирном договоре даст возможность Пекину ревизовать договоренность, закрепленную совместным заявлением. В Токио предложили формулировку «договор о мире и дружбе», полагая, что она не подразумевает международного акта, заключаемого победившей и побежденной странами. По мнению японских официальных лиц, в тексте, который предстояло выработать, должен «воспеваться дух дружбы между двумя странами».

Наибольшая трудность возникла по вопросу противодействия «гегемонии». Китайские власти потребовали включения в договор формулировки, что КНР и Япония будут выступать против попыток какой-либо страны или группы стран установить свое господство в Азии и бассейне Тихого океана. При этом они не скрывали, что такая формула должна послужить мостом для создания китайско-японского блока, направленного в первую очередь против СССР.

Новое китайское руководство (после смерти Мао Цзэдуна) продолжало давление на Японию, добиваясь заключения договора, направленного против СССР. Оно старалось осложнить японо-советские отношения, подогревая территориальные претензии Токио к СССР, раздувая трудности, возникшие при рассмотрении вопросов рыболовства в 200-мильных зонах.

Торгово-экономические связи между двумя странами составили в 1975 г. 3790 млн. долл., при этом импорт КНР

намного превосходил экспорт. Но уже в 1976 г. их объем снизился до 3040 млн. долл. (экспорт — 1371, импорт — 1669). В Токио при этом увидели, что китайские партнеры не могут поставлять такое количество нефти (до 10 млн. т), какое обещали, что КНР испытывает острую нужду в средствах для покрытия разницы между экспортом и импортом.

Расчеты занять на китайском рынке доминирующее положение привели к тому, что Япония уступила. 12 августа 1978 г. был подписан договор о мире и дружбе. Японское правительство, учитывая позицию ряда государств и предостережения, высказывавшиеся различными кругами внутри страны, настояло на более гибких и осторожных формулировках, чем предлагал Пекин. В статье 1 зафиксировано обязательство развивать отношения мира и дружбы на основе пяти принципов, решать все спорные вопросы мирными средствами, без применения силы и угрозы силой. Статья 2 гласит: «Ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана или в любом другом районе, и каждая сторона выступает против усилий любой страны или группы стран к установлению такой гегемонии». Стороны условились прилагать усилия к дальнейшему развитию экономических и культурных связей, содействовать «обмену визитами между народами двух стран в духе добрососедства и дружбы и в соответствии с принципами равенства и взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела друг друга» (статья 3). Договор заключен на 10 лет и может быть пролонгирован.

Таким образом, в договор включена статья, которая, как утверждали китайские официальные лица, должна быть направлена против СССР. Вместе с тем она сформулирована так, что не предусматривает совместных действий Китая и Японии или консультаций о таких действиях. В статье 4 отмечается: «Настоящий договор не будет влиять на позицию каждой из договаривающихся сторон в отношениях с третьими странами».

МИД Японии сразу же после подписания договора заверил Советское правительство, что договор не направлен против СССР и Япония намерена развивать с нашей страной дружественные отношения. То же самое высказал министр иностранных дел С. Сонода при встрече с А. А. Громыко в Нью-Йорке 25 сентября 1978 г.

В Пекине заключение договора было встречено заявлениями о крупной победе КНР. Сразу же Токио был на-

визит китайской военной делегации во главе с заместителем начальника генерального штаба. Как ни отрицает это Япония, сказал Дэн Сяопин американским корреспондентам, антигегемонистский пункт договора направлен непосредственно против Москвы¹.

С советской стороны было заявлено: подписав этот договор, Япония несет ответственность за серьезный ущерб, который причинен двусторонним отношениям. Дальнейшая политика СССР будет зависеть от практических действий Токио. Если он действительно намерен строить отношения на принципах мира и добрососедства, то может легко доказать это, заключив договор с Советским Союзом. От того, готова ли Япония продемонстрировать свою добрую волю, зависит будущий характер сотрудничества двух стран.

Для обмена ратификационными грамотами в Токио ездил в октябре 1978 г. Дэн Сяопин. Он использовал визит для рекламирования китайских концепций, включая слегка завуалированные нападки на СССР. Особое внимание привлекли одобрение американо-японского договора безопасности и призывы к увеличению военного потенциала Японии. Оппозиционные партии и поддерживающие их массовые организации были шокированы таким поведением китайского деятеля. Японское правительство пыталось «смягчить» высказывания Дэна путем ограничения соответствующих публикаций в газетах и даже отмежеваться от них пропагандой концепции «многосторонней мирной дипломатии».

По пути из США в феврале 1979 г. Дэн Сяопин сделал остановку в Токио и информировал о своих переговорах в Вашингтоне. Дэн и в Японии неоднократно заявлял, что Китай намерен «преподать урок» Вьетнаму. Когда началась агрессия против Вьетнама, вызвавшая глубокое возмущение японской общественности, министр иностранных дел С. Сонода долго искал слова для характеристики китайского разбоя и наконец выразил «сожаление». Даже в официальных кругах вынуждены были признать, что с китайским партнером, легко идущим на безответственные авантюры, надо быть осторожным, «Джэпэн таймс» констатировала 20 марта 1979 г.: «блицкриг» у Китая не получился и «его репутация миролюбивой страны, заинтересованной лишь в развитии экономики и промышленности, явно пострадала».

¹ «Washington Post», 5. XII. 1978.

Стремясь расположить японцев к КНР, пекинские руководители подчеркивают намерение «учиться» у них, строить экономику с привлечением японской техники и кредитов. Об этом много говорил и Дэн Сяопин во время визита в Токио. Японские монополии в свою очередь торопятся опередить соперников из США и Западной Европы и захватить побольше позиций на китайском рынке. Объем товарооборота между двумя странами превысил в 1978 г. 5 млрд. долл., что на 45,7% больше, чем в 1977 г. Главное место в закупках Китая занимала продукция металлургической и машиностроительной промышленности (ввезено 5 млн. т стали); в Японию было поставлено около 8 млн. т нефти.

Между китайскими хозяйственными организациями и японскими фирмами уже заключены многочисленные соглашения и контракты, которые, по мнению сторон, будут способствовать быстрому развитию экономических отношений: 16 февраля 1978 г. подписано торговое соглашение о взаимных поставках на сумму 20 млрд. долл. в течение восьми лет; 23 мая и 1 декабря «Ниппон стил корпорейшн» и китайские промышленные органы подписали протоколы о строительстве металлургического комбината в Баошани (поставки оборудования обойдутся более чем в 2 млрд. долл.); 24 июля государственной японской корпорацией по нефти и китайскими официальными лицами заключено соглашение о совместной разработке запасов нефти в заливе Бохай; 13 сентября министр внешней торговли и промышленности Японии и представители КНР договорились продлить заключенное в феврале 1978 г. торговое соглашение на пять лет и увеличить его объем в 4 раза.

Анализируя наметившееся значительное расширение экономических отношений между двумя странами, агентство Киодо Цусин 21 октября 1978 г. отмечало, что наблюдатели предостерегают против чрезмерного оптимизма. Во-первых, существует проблема, действительно ли КНР может оплатить импорт из Японии, нужный обеим сторонам. Китайский экспорт нефти должен составлять 15 млн. т к 1982 г., 30 млн. — к 1985 г. и 100 млн. — к 1995 г. Будет ли Китай иметь такие большие излишки, неизвестно. К тому же нефть содержит большое количество парафина, и правительству приходится убеждать нефтеперерабатывающие заводы принимать ее. Помимо нефти, указывало агентство Киодо Цусин, в КНР есть уголь и другие ресурсы, которые можно будет использовать для оплаты импорта из

Японии, но специалисты считают, что на эти запасы нельзя возлагать большие надежды. Способность Китая обеспечить квалифицированную рабочую силу и инфраструктуру для эксплуатации ультрасовременных предприятий и технологий тоже вызывает у японских предпринимателей большие сомнения, особенно с коммерческой точки зрения. Имеются проблемы, затрагивающие другие страны: в Соединенных Штатах и Западной Европе уже возникли опасения по поводу «желтой опасности» — сочетания японского и китайского экономического потенциала. Такое же беспокойство по поводу вторжения на рынки или «гегемонии» в Азии японо-китайское сотрудничество вызвало в Юго-Восточной Азии. Наблюдатели, сообщило агентство, советуют японскому правительству, предпринимателям и общественности серьезно обдумывать положение и проявлять сдержанность.

И действительно, Китай уже преподнес сюрприз японским монополиям. Подсчитав возможности, Пекин резко снижает плановые наметки и в феврале 1979 г. приостановил действие основанных на соглашении от 16 февраля 1978 г. контрактов с 8 японскими фирмами на сумму 4 млрд. долл. (комбинат в Баошани, медеплавильный и цементные заводы, поиски нефти на морском шельфе). «Дейли помпюри» 2 марта 1979 г. сообщила, что «Китай потряс японские фирмы, приостановив выполнение торговых контрактов». И хотя стороны договорились в марте 1979 г. продлить до 1990 г. соглашение от 16 февраля и почти вдвое увеличить объем товарооборота за этот период, эйфория в Японии, вызванная надеждами на большие доходы от экономических связей с Китаем, явно спадает.

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ДРУГИМИ РАЗВИТЫМИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

До совещания стран Европы, США и Канады по безопасности и сотрудничеству главной задачей китайского руководства было не допустить его успешного проведения и помешать разрядке. Все усилия Пекина оказались тщетными. После совещания в Хельсинки и особенно после прихода к власти нового руководства Китай ста-

рается с одной стороны, сеять семена подозрений в Западной Европе в отношении намерений СССР, поощрять гонку вооружений и препятствовать соглашениям, направленным на разрядку между странами НАТО и государствами — членами Организации Варшавского Договора, с другой — стремится добиться максимального расширения возможностей в деле использования кредитов западноевропейских держав, заимствования современной технологии и закупок вооружения и технологии его производства.

Исходными позициями, на которых Пекин пытается договориться с Западной Европой, являются постоянно повторяющиеся утверждения, будто «СССР делает видимость на Востоке, а готовится к нападению на Западе» (тезис, выдвинутый Чжоу Эньлаем на X съезде КПК) и будто Китай подвергается «угрозе с Севера», а потому следует помочь ему поскорее набраться сил, чтобы он мог противостоять Советскому Союзу.

В ходе внутренней борьбы, развернувшейся после смерти Мао Цзэдуна, все более брали верх те, кто предлагал отбросить прежние демагогические декларации и обратиться к развитым капиталистическим странам за крупными кредитами, пойти на строительство предприятий на компенсационной основе, взять на вооружение передовую технологию, которую удастся раздобыть, послать на обучение китайцев, пригласить иностранных специалистов. Туда были направлены заместители премьера Госсовета Дэн Сяопин, Гу Му, Фан И, министры Ли Цян, Хуан Хуа, которые стали рассказывать о фантастических планах строительства и огромных возможностях для выгодного вложения капитала. Рассчитывая заработать на экономических связях с КНР, а заодно использовать ее в качестве противовеса Советскому Союзу и другим странам социализма, западноевропейские монополии стали наперебой предлагать кредиты, экономические сделки, а английские и французские — даже оружие. В значительной степени под влиянием этих факторов правящие круги стран НАТО, за исключением, пожалуй, ФРГ и в известной степени Франции, заняли примиренческую позицию в отношении китайской агрессии против Вьетнама, а некоторые круги ожидали даже военного конфликта между СССР и КНР.

С 1977 г. стал увеличиваться объем торговли КНР со странами Западной Европы. Его динамику можно проследить по следующей таблице (в млн. руб.):

		1970 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.
Западная Европа	оборот	1892,9	5656,4	5032,2	5205,2
	экспорт	649,4	2040,4	2196,6	2285,4
	импорт	1243,5	3616,0	2835,6	2919,8
ФРГ	оборот	226,5	541,5	671,6	588,0
	экспорт	76,0	162,5	202,9	210,0
	импорт	150,5	379,0	468,7	378,0
Англия	оборот	168,7	220,9	212,6	213,0
	экспорт	72,4	93,9	119,2	133,4
	импорт	96,3	127,0	93,4	79,6
Франция	оборот	136,9	396,6	402,3	213,0
	экспорт	63,5	125,0	147,5	143,0
	импорт	73,4	271,6	254,8	70,0
Италия	оборот	108,3	201,4	215,1	173,0
	экспорт	56,9	94,3	119,2	114,0
	импорт	51,4	107,1	95,9	59,0

В 1978 г. объем торговли Китая с рядом стран Западной Европы возрос и составил: с ФРГ — 867 млн. руб. (э. — свыше 233, и. — свыше 633), с Англией — 267 млн. (э. — 133,5, и. — 133,5), с Францией — 294 млн. (э. — 154, и. — 140), с Италией — 300 млн. руб. (э. — 133,5, и. — 166,5).

КНР закупает металлорежущие станки, электрооборудование, оборудование для горнодобывающей промышленности, контрольно-измерительные приборы, суда, стальной прокат, рассчитываясь продукцией сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности.

Стремясь расширить для себя возможности торговли и экономического сотрудничества, Пекин давно добивался сближения с Европейским экономическим сообществом. Монополии в свою очередь хотят получить преимущества в Китае. 3 апреля 1978 г. в Брюсселе было заключено соглашение между КНР и «Общим рынком». Соглашение, подписанное на пять лет, предусматривает, в частности, предоставление сторонами друг другу режима наибольшего благоприятствования, создание смешанной комиссии для проверки его выполнения, рассмотрения возникающих проблем, выработки рекомендаций. Важным и выгодным для ЕЭС является включение в соглашение положения о «благоприятном» отношении КНР к импорту товаров из входящих в сообщество стран, за что туманно обещано стремиться ко всерасширяющейся либерализации ввоза товаров китайского происхождения путем постепенного увеличения списка товаров, импортируемых из КНР,

и расширения их контингента. Анализ соглашения показывает, что Пекину не удалось включить в него выдвинутые в ходе переговоров положения о создании «корректирующего механизма» (с целью уменьшения или сокращения пассивного платежного баланса в торговле с ЕЭС) и причислении КНР к категории развивающихся стран, что дало бы ей некоторые дополнительные льготы. ЕЭС настояло на защитной формулировке, которая гласит, что в случае срочной необходимости стороны могут «принять меры для ограничения или прекращения ввоза товаров».

Во время поездки в Китай делегации ЕЭС были согласованы вопросы об открытии в Пекине представительств «Общего рынка» и западноевропейских фирм, о проведении там первой сессии смешанной торгово-экономической комиссии (начало 1979 г.). Делегация «девятки» выразила заинтересованность в получении урана, титана, цветных металлов. Пекин настаивал на расширении поставок своих текстильных товаров на рынки стран сообщества. Хуа Гофэн, по сведениям западногерманской печати, в беседе с вице-президентом ЕЭС Хаферкампом высказал «опасение» по поводу безопасности маршрутов транспортировки нефти и сырья в Западную Европу и призвал к объединению усилий по сдерживанию «советского проникновения» в Африку и на Ближний Восток.

21—24 февраля 1979 г., когда была начата агрессия против Вьетнама, в КНР гостил председатель комиссии ЕЭС Р. Дженкинс. Была достигнута договоренность о создании смешанного комитета, который будет следить за реализацией соглашения между «Общим рынком» и Китаем и разработкой рекомендаций о развитии торговли. Однако развитие связей было замедлено из-за ограничения поставок китайского текстиля в страны ЕЭС.

Наибольшие надежды в том, что касается отношений со странами Западной Европы, Пекин возлагал на Федеративную Республику Германии. Китайские руководители в расчете на скорейший приход к власти в ФРГ правых сил дважды (в январе и сентябре 1975 г.) приглашали Штрауса, но визиты принесли мало пользы; бывший боннский министр мог лишь критиковать правительство, по реальному влиянию на политику не имел. После отставки В. Брандта с поста канцлера в мае 1974 г. Пекин предпринял настойчивые усилия, чтобы приблизить к себе правительство ФРГ. Он активно добивался визита канцлера Г. Шмидта. В день приезда канцлера в Пекин «Жэньминь жибао» писала, что совещание по безопасно-

сти и сотрудничеству было «совещанием опасности», что «не наступил новый этап разрядки, а, напротив, растет опасность возникновения новой мировой войны». Подыгрывая реваншистским настроениям определенных сил в ФРГ, газета поддерживала «выступления против увековечения раскола немецкой нации»¹. Главный собеседник канцлера Дэн Сяопин твердил о неизбежности новой мировой войны, ратовал за «умножение сил» НАТО,— ведь Мао Цзэдун предрекал войну с Советским Союзом в ближайшие десять лет, если западноевропейские государства не объединятся².

Правительство Г. Шмидта не проявило желания солидаризоваться с авантюристической политикой китайского руководства. В Пекине вызвали раздражение высказывания канцлера в пользу создания в Европе атмосферы доверия и разрядки, положительная оценка договоров ФРГ с СССР, другими социалистическими государствами. Поэтому-то с такой помпой китайские лидеры приняли в феврале 1976 г. представителей оппозиционного блока А. Дреггера и В. Маркса. На приеме тогдашний министр иностранных дел КНР Цяо Гуаньхуа вновь ратовал за «объединение немецкой нации», призывал к сплочению стран Западной Европы, расхваливал западногерманских реваншистов и неонацистов³.

Между тем торговые и экономические связи расширялись. В сентябре 1978 г. представитель «Восточного комитета немецкой промышленности» ФРГ Хуфнагель (он же президент «Объединения тяжелого машиностроения») подписал в Пекине протокол, предусматривающий передачу крупного пакета заказов на строительство предприятий угольной промышленности КНР. Стоимость запланированных сделок — около 8 млрд. марок. В протоколе зафиксировано предложение западногерманским фирмам поставить оборудование и оказать содействие в налаживании двух разработок угля открытым способом (производственная мощность каждой — 20 млн. т в год), пяти подземных разработок с общей производственной мощностью 23 млн. т в год, крупной фабрики шахтного оборудования; расширить и модернизировать существующую шахту (намечается довести ее производственную мощность до 22 млн. т угля в год) и семь фабрик шахтного оборудо-

¹ «Жэньминь жибао», 29. X. 1975.

² См. Б. Колосков. Внешняя политика Китая 1969—1976, стр. 300.

³ «Жэньминь жибао», 14. II. 1976.

вания. Договоренности, содержащиеся в протоколе (его называют также «рамочным» соглашением), получают юридическую силу только после заключения соответствующих контрактов с фирмами ФРГ.

Заметное оживление в западногерманских деловых кругах вызвали сообщения о возможности получения заказа на возведение крупного металлургического комбината с проектной мощностью до 10 млн. т стали в год в провинции Хэбэй. Как заявил 12 октября 1978 г. председатель правления фирмы «Шлёман-Зимаг» Вайс, Пекин предложил его компании организовать консорциум фирм и в сжатые сроки представить проект строительства такого предприятия. Аналогичные предложения, по сообщению печати ФРГ, были направлены французам и англичанам. В возглавляемый фирмой «Шлёман-Зимаг» консорциум вошли концерны «Гутехоффнунгсхютте-Штеркраде» (выполнение металлургической части проекта), «Сименс» (электротехника) и «Тиссен» (все вспомогательные и параллельные предприятия, подготовка специалистов). Конкретно проект предусматривает возведение металлургического комбината с производственным процессом от доменной выплавки стали до выпуска продукции (преимущественно листовой стали) и строительство ряда предприятий, которые будут обеспечивать работу завода, включая электростанцию мощностью 1 млн. квт. Его первую очередь намечается пустить до 1985 г.

«Дрезднер банк» по заданию Пекина организовал консорциум банков, который наметил выделить на цели финансирования строительства указанного комбината крупный кредит сроком на 10 лет. Печать ФРГ указывала, что в случае предоставления этого кредита китайские выплаты по нему составят около 28 млрд. марок (включая проценты).

Объясняя отношение правительства ФРГ к этим крупным сделкам с Китаем, канцлер Г. Шмидт в интервью газете «Зюддойче цайтунг» в середине октября 1978 г. сказал: «У нас нет намерения использовать дипломатические отношения с КНР как некий побочный инструмент в развитии германо-советских отношений. С географической точки зрения СССР для нас непосредственный сосед. В политическом и военном плане он также является непосредственным соседом, исключительно важным фактором мировой политики. Я заявил в Токио то, что неоднократно и открыто высказывал в Бонне: федеральное правительство не может чувствовать себя связанным тем,

что нынешние разногласия между Москвой и Пекином обострились». Отвечая на вопрос о «совместимости боннской концепции разрядки и пекинского тезиса о неизбежности новой мировой войны», канцлер заявил: в ходе бесед с руководящими деятелями КНР «мы постоянно возражали против их утверждений о неизбежности третьей мировой войны... Я считаю их тезис неверным, более того — опасным».

Китайское руководство настойчиво зондировало возможность закупки оружия в ФРГ. Канцлер Г. Шмидт заявил по этому поводу: «Один из принципов нашей внешней политики состоит в отказе от поставок вооружений какой-либо стране за пределами блока НАТО. Мы не собираемся менять свою позицию в этом вопросе»¹.

Правительство ФРГ и лично канцлер Г. Шмидт весьма критически отнеслись к нападению Китая на Вьетнам, и это нашло широкое отражение в печати. «Пекин играет с огнем», — писала 23 февраля 1979 г. «Франкфуртер альгемайне». «Китаю еще далеко до понимания того, какой должна быть великая держава, — отмечала в тот же день «Штутгартер цайтунг». — ...На этой неделе он продемонстрировал миру, сколь опасно заключать с ним тесные пакты». Утверждения китайских руководителей, будто агрессия против Вьетнама не более чем «ограниченная акция», председатель фракции СДПГ в бундестаге Г. Венер назвал новой «провокацией, жизненно опасной для всех сторон» («Вестфалише рундschau», 7 марта 1979 г.).

В Пекине с досадой встретили победу лейбористов на выборах и формирование ими правительства Великобритании в феврале 1974 г. Лейбористские лидеры заняли осторожную позицию в отношении Китая, ибо видели, что обстановка там нестабильна, и выжидали. В связи с этим приглашение им посетить Китай, которое настойчиво повторялось Пекином, не скоро и не все было реализовано. В мае 1976 г. состоялся официальный визит министра иностранных дел Кросленда, в ходе которого отчетливо проявились разногласия по вопросам разрядки международной напряженности; стороны вместе с тем констатировали возможности дальнейшего расширения двусторонних связей.

После смерти Мао Цзэдуна Лондон выразил надежду, что внешнеполитический курс Пекина не изменится. Лейбористское правительство не возражало против поездки

¹ «Christian Science Monitor», 1. XI. 1978.

лидера консервативной партии М. Тэтчер в Китай. Ее принимали в апреле 1977 г. весьма торжественно; на приеме она и Ли Сяньпянь констатировали совпадение точек зрения по ряду вопросов.

Переживая спад производства и инфляцию, Англия особенно волнуется насчет того, чтобы не опоздать на китайский рынок. Министр торговли Э. Делла после визита в КНР в сентябре 1978 г. призвал бизнесменов быстрее воспользоваться возможностью расширения торговли, подчеркнув весьма благоприятное отношение ее властей к этому. Китайская сторона представила предложения о строительстве и оснащении английским оборудованием двух крупных угольных шахт в Северо-Восточном Китае (осуществление проекта рассчитано на 10 лет, его стоимость — 250 млн. ф. ст.); англичане с удовлетворением приняли заказ. Пекин проявил интерес к сотрудничеству в таких областях, как металлургия, добыча нефти в море, химическая промышленность, железнодорожный транспорт¹.

Как писала «Санди таймс», комментируя визит Хуан Хуа в Лондон, «Англия надеется извлечь для себя выгоду из новой китайской политики «четырёх модернизаций» за счет заключения контрактов в области промышленности, сельского хозяйства, науки, технологии и обороны»². Президент государственной компании «Бритиш шипбилдерс» Энтони Гриффин сообщил 14 октября 1978 г. на пресс-конференции в Гонконге, что Китай собирается развивать сотрудничество в целях модернизации судостроительной промышленности и Англии «есть что предложить». В первую очередь он заинтересован в приобретении контейнерных судов, судов бестарной перевозки водоизмещением 100 тыс. т, трейлеров и судов, предназначенных для освоения прибрежных нефтяных месторождений.

4 марта 1979 г., как раз в разгар агрессии Китая против Вьетнама, министр промышленности Англии Э. Варли подписал в Пекине «рамочное» соглашение на 1979—1985 гг. об экономическом сотрудничестве. Общий объем торговли и экономического сотрудничества определен на этот срок в 14 млрд. долл. Варли заявил на пресс-конференции, что правительство Англии гарантирует предоставление Китаю кредитов частных банков на сумму 5 млрд. долл. для оплаты закупки оборудования и самолетов ти-

¹ «Times», 14. VIII. 1978.

² «Sunday Times», 15. X. 1978.

па «Харриер». Тори, пришедшие к власти в мае 1979 г., форсируют соглашение о продаже самолетов.

КНР приобрела моторы «Роллс-Ройс» для военных самолетов и лицензию на их изготовление. Рассчитывая заработать на продаже оружия, а заодно «насолить» Советскому Союзу (особенно на этой почве старался отличиться начальник штаба обороны Великобритании Н. Камерон, посетивший Китай в апреле 1978 г.; его антисоветские сентенции даже ввергли в смущение официальные круги в Лондоне), фабриканты оружия очень хотят продать истребители «Харриер» — порядка 300 или хотя бы 50 единиц; Пекин выяснял возможность получения военных судов, противотанкового оружия, зенитных ракет для борьбы с низколетящими целями, армейских транспортных средств, сигнального оборудования.

Даже во времена плохих отношений с западными державами китайские власти не ставили вопроса об изменении статуса английских колоний Гонконга и Коулуна. Не поднимается он и теперь. Поставки продовольствия в Гонконг, а также доходы от различных предприятий, которыми Китай владеет там через подставных лиц, приносят его казне 1,5 млрд. долл. в год. Кроме того, Гонконг является удобным каналом отправки китайцев за границу для создания на будущее китайских колоний в США, Канаде, в Латинской Америке, в некоторых странах Азии. Он служит также местом, откуда Пекин осуществляет политическое и экономическое проникновение в страны Юго-Восточной Азии и где заключаются самые различные сделки.

Желая подкрепить свой тезис, что Гонконг не колония, а территория, временно оккупированная иностранным государством, правительство КНР пыталось договориться об учреждении там бюро по иностранным делам, как в некоторых крупных городах Китая. Этим оно хотело подчеркнуть, что Гонконг — китайская территория. Английские власти не согласились, предложив учредить консульство КНР. Это, однако, не омрачило сколько-нибудь связи КНР с Гонконгом. «Отношения между Гонконгом и Пекином, — писала 21 марта 1975 г. лондонская «Таймс», — никогда не были столь дружественными и столь выгодными для обеих стран, как сейчас». Другой раз «Таймс» констатировала: «Гонконг является для КНР главным источником поступлений иностранной валюты... Если Вашингтон и другие столицы НАТО рассматривают Китай как полезного союзника против Советского Союза, то как мо-

гут ответственные люди на Уайтхолле заявлять о необходимости вернуть колонию не желающему того Китаю?»¹

Пекин пытался оказать воздействие на Францию. В мае 1975 г. там побывал заместитель премьера Госсовета Дэн Сяопин в сопровождении министра иностранных дел Цяо Гуаньхуа. Париж отмежевался от курса КНР на противодействие разрядке и международному сотрудничеству. Президент Жискар д'Эстэн после встречи с Дэном заявил, что не разделяет китайской точки зрения относительно «советской угрозы» Западной Европе. Не смогли китайские руководители навязать свою оценку обстановки в Европе и министру иностранных дел Франции Ж. Сованьяргу во время его визита в ноябре 1975 г.

Новое руководство Китая, подбрасывая Парижу все те же тезисы об «угрозе» Западной Европе, стало искать расширения военных и экономических связей. В июле 1976 г., когда приезжал начальник генерального штаба вооруженных сил Франции генерал Ги Мери, пекинские власти ставили вопрос о развитии военных связей. В сентябре последовал ответный визит делегации во главе с заместителем начальника генерального штаба вооруженных сил Китая Ян Чэну, ей были показаны военные объекты, некоторые виды нового оружия. В октябре 1977 г. в Париж по пути из Нью-Йорка заехал министр иностранных дел Хуан Хуа, между сторонами была достигнута договоренность о расширении экономических связей.

В январе 1978 г. в Китае находился премьер-министр Франции Р. Барр. Стороны изложили свои позиции по международным проблемам. При этом, как и следовало ожидать, различный подход был продемонстрирован к разрядке. Дэн Сяопин называл политику Запада «безумной», призывал к повсеместному противодействию «экспансионистской политике» СССР. Р. Барр подчеркнул значение, которое придает Франция разрядке; он отметил, что стремление к разрядке выражено в совместном франко-советском документе, подписанном во время визита Л. И. Брежнева во Францию; в Париже удовлетворены развитием сотрудничества с СССР. Премьер-министр добавил, что Франция приемлет такую разрядку, которая не противоречит ее концепции национальной обороны. В то же время стороны подтвердили приверженность планам создания «сильной [Западной] Европы», но при этом французский лидер не согласился с утверждением, будто Ев-

¹ «Times», 1. XII. 1977.

ропа является «центром соперничества двух сверхдержав», и указал, что европейское сотрудничество должно в первую очередь служить смягчению международной напряженности и устранению политических барьеров. Китайская сторона заявила о своем желании значительно расширить закупки промышленного оборудования и технологии. Франция согласилась участвовать в модернизации промышленности КНР; были обсуждены основные направления сотрудничества в этой области не менее чем на 20 лет.

Во время визита в Париж в мае 1978 г. заместитель премьера Госсовета КНР Гу Му заявил Жискар д'Эстэну: «Франция станет одним из главных партнеров Китая»¹. Консорциум банков подписал 9 мая 1979 г. соглашение с Народным банком КНР о предоставлении ей кредита в размере 30 млрд. фр. для закупки французского оборудования. Размер ставки — 7,25—7,5 %.

Франция дала согласие на продажу КНР двух атомных электростанций типа PWR-900 (на легкой воде, мощностью 900 тыс. кВт каждая). В декабре 1978 г. подписано соглашение о развитии экономических отношений и сотрудничества на 1979—1985 гг. Франция будет содействовать в развитии черной металлургии, электроники, нефтяной промышленности, в проведении геологической разведки, в добыче цветных металлов, строительстве гостиниц, производстве автомобилей и самолетов, оборудовании портов, в области транспорта, связи и использовании космоса. Кроме того, стороны договорились о том, что Китай разместит во Франции заказы на 11 крупных предприятий «при условии соблюдения цен и мирового технического уровня». Речь идет о реконструкции крупного металлургического комбината с доведением производственной мощности до 10 млн. т стали, строительстве двух теплоэлектростанций, завода по производству труб и проката, алюминиевого комбината, о заказах на спутники связи. Обе стороны будут стремиться к тому, чтобы довести в 1985 г. объем торговли до 12 млрд. долл.

Французские монополии выразили готовность поставить переносные снаряды «Милан» и противотанковые ракеты «Хот», большие вертолеты «Супер-Фрелон» и истребители «Мираж». «Однако нынешние переговоры между Францией и Китаем — это лишь первая фаза целой серии более крупных гражданских и военных сделок, которые

¹ «Figaro», 16. X. 1978.

приведут на втором этапе к закупке гораздо более сложной и совершенной и даже наступательной военной техники»¹. При этом «осведомленные наблюдатели в Париже» отмечали: «Соединенные Штаты одобряют европейский экспорт как средство расширения китайского военного потенциала, благодаря которому китайцы смогут отвлечь на себя внимание русских на восточном фронте»².

Переговоры о поставках оружия Китаю с весны 1979 г. застопорились в связи с возражением Советского Союза и протестами общественности Франции. В результате отказано в продаже истребителей «Мираж-2000» и «Мираж-4000».

При встрече с представителями стран НАТО, и особенно итальянскими, руководители КНР подчеркивали, что Италия — «самое слабое звено в Североатлантическом союзе», что там возможен приход коммунистов к власти и необходимо сплотить силы правых, чтобы этого не допустить. Итальянскую коммунистическую партию называли «ревизионистской» и возлагали на нее ответственность за кризис в стране³.

В июне 1977 г. Пекин посетил министр иностранных дел А. Форлани. Гость из Италии, а с китайской стороны — Ли Сяньнянь и Хуан Хуа констатировали близость взглядов по проблемам Ближнего Востока, Средиземного моря и Южной Африки. А. Форлани не откликнулся на призывы к «единому фронту» против «сверхдержав».

Италию прежде всего интересуют возможности более активного выхода на китайский рынок. Поэтому ее посланцы старались выяснить, каковы планы индустриализации Китая, как и в каких масштабах он предполагает привлечь иностранный капитал и западную технологию.

Во время визита Хуан Хуа в Рим в октябре 1978 г. и переговоров министра внешней торговли Италии Р. Оссоли в Китае в ноябре того же года обсуждался вопрос о предоставлении КНР кредита в размере 1 млрд. долл. Италия рассчитывает на участие в развитии машиностроения, включая сельскохозяйственное, химического и нефтяного производства, в строительстве дорог, в поставке оборудования для предприятий, производящих вооружение, тракторы, грузовые автомобили, железнодорожный состав и электротехнику. Ее бизнесмены считают, что предстоит сильная конкуренция с Японией, ФРГ, Францией.

¹ «Monde», 20. X. 1978.

² «Christian Science Monitor», 25. X. 1978.

³ «Жэньминь жибао», 28. VI. 1976.

В конфронтацию с Советским Союзом, с социалистическим содружеством китайские руководители старались и стараются вовлечь также малые страны Западной Европы. Пекин проявляет интерес и к их техническим возможностям.

Китай интересуется Бельгией, потому что там размещены штаб-квартиры НАТО и ЕЭС; Брюссель — место активных контактов с ЕЭС и встреч с представителями деловых кругов. Пекину импонирует то, что по многим международным вопросам Нидерланды вместе с Англией наиболее активно поддерживают политику США. Голландия приняла на учебу около 500 китайских студентов и научных работников, пытается договориться о контракте на строительство порта и углубление реки Янцзы; в январе 1979 г. достигнута договоренность о воздушном сообщении между двумя странами. С Люксембургом у КНР небольшая торговля; его банки и металлургический концерн «Арбед» готовы предоставить кредит на сумму до 5 млрд. фр. на реконструкцию сталелитейных заводов, который был бы возмещен цветными металлами.

Пекин симпатизировал режиму «черных полковников» в Греции, именно этот режим в апреле 1972 г. установил с КНР дипломатические отношения. Китайские руководители без энтузиазма восприняли его падение, особенно их расстроило заявление о намерении Греции выйти из военной организации НАТО. Они призывали к урегулированию греко-турецких разногласий из-за Кипра и Эгейского моря в интересах укрепления НАТО. Хуан Хуа, посетившему эту страну в сентябре 1978 г. и пытавшемуся «воспитывать» греков в духе пекинских концепций, в Афинах дали понять, что Китаю нечего делать на Балканах и что он не может рассчитывать втянуть Грецию в его «политическую игру». В связи с агрессией Китая против Вьетнама греческое правительство еще более отрицательно относится к попыткам Пекина проникнуть на Балканы.

Пекин не возражал против давления «черных полковников» на Кипр, не осудил и бандитские действия отрядов генерала Гриваса, пытавшихся навязать Кипру «энозис», т. е. присоединение к Греции. Президенту Макариосу, посетившему Китай в мае 1974 г., официальные лица говорили, что они — за сохранение независимости и суверенитета страны¹, но на практике ничего не сделали для урегулирования кипрской проблемы. Пекин за то, чтобы

¹ «Жэньминь жибао», 19. V. 1974.

этот вопрос решался в рамках НАТО и в интересах расширения зоны действия блока.

Правители Китая отказались установить дипломатические отношения с Португалией после свержения там фашистского режима, с неприязнью отнеслись к демократическим процессам, происходившим там. Пекин опасался, как бы такое развитие событий не отразилось на участии в НАТО¹. Постоянным мотивом китайской пропаганды были обвинения СССР во «вмешательстве» во внутренние дела Португалии². Пекин пошел на установление отношений с Португалией только в феврале 1979 г., видимо, заключив, что левые силы оттеснены от власти.

Стремление сохранить другой источник валюты, а заодно не поколебать позиции КНР в Гонконге определило и отношение китайских властей к Макао, более 400 лет являющемуся колонией Португалии на территории Китая. Новое португальское правительство, отказываясь от прежних колоний, с удивлением обнаружило, что Пекин не проявил интереса к переходу Макао под суверенитет КНР. Как писала 1 апреля 1975 г. «Нью-Йорк таймс», «Пекин не испытывает желания изменить статус этой территории».

Отношения между КНР и Испанией были установлены еще при франкистском режиме, что вызвало возмущение Албании и смутило многие маоистские группы. После ликвидации фашистского режима Пекин активно подключился к тем западным кругам, которые пытаются втянуть Испанию в НАТО и «Общий рынок». При встречах с государственными деятелями, в том числе с королем Хуаном Карлосом, посетившим КНР в июле 1978 г., китайские представители рекомендовали Испании полностью интегрироваться в НАТО и ЕЭС.

Пекин пытался подтолкнуть Швейцарию к военно-политическому блокированию с НАТО. Упражнялся в этом министр иностранных дел Цзи Пэнфэй, посетивший страну в августе 1974 г.³, что не дало желаемых результатов.

Пекинские лидеры, добиваясь признания КНР со стороны Австрии, обещали торговые выгоды. В Вене же нашли китайский рынок «очень трудным». Маоисты утверждали, что Австрия расположена «в прифронтовой полосе схватки между двумя сверхдержавами за Европу»⁴,

¹ «Times», 25. II. 1975.

² «Жэньминь жибао», 23. VII. 1975.

³ «Жэньминь жибао», 4. VIII. 1974.

⁴ «Жэньминь жибао», 2. III. 1975.

но на Вену это не произвело впечатления. Чжоу Эньлай при встрече с министром иностранных дел Кирхшлегером «остро критиковал» Австрию за «слишком слабые усилия» в военном отношении. В ответ было заявлено, что Австрия являет собой убедительный пример жизненности принципов мирного сосуществования¹.

Китай долго не мог нормализовать отношения с Ирландией. Ее министр иностранных дел О'Кеннеди заявил в феврале 1979 г., что Ирландия откладывала установление дипломатических связей из-за китайско-советских осложнений. Отношения были установлены только в июне 1979 г.

Не обошел своим вниманием Китай Скандинавские страны, тем более что они находятся в непосредственной близости к СССР. Пропагандисты из Пекина уверяли, будто Советский Союз рассматривает Скандинавию как стратегический плацдарм для осуществления «экспансионистских планов» в отношении Европейского континента, и заявили, что «именно Скандинавские страны должны будут особенно пострадать», поскольку планы СССР строятся-де на охвате Европы с флангов². Кроме того, КНР интересуется Швеция как партнер с высокоразвитой металлургической промышленностью. Она согласилась принять китайских студентов, но отклонила предложения о продаже военных самолетов и танков. Норвегию Пекин призывает активно действовать в рамках НАТО и поскорее вступить в «Общий рынок». Дания готова расширить торговлю с Китаем, но исходит из того, что поставка оружия ему противоречила бы политике страны. Скандинавские страны, соглашаясь на расширение экономических контактов с Китаем, весьма настороженно относятся к политике пекинской верхушки; там остро реагировали на вторжение китайских войск во Вьетнам.

Из малых стран наибольший объем торговли с КНР имеют Голландия (в 1977 г. — 102 млн. руб.), Швеция (74 млн. руб.), Швейцария (67,8 млн. руб.), Бельгия — Люксембург (59 млн. руб.). С другими странами торговля незначительна.

Отношения с Канадой Китай стал налаживать с закупок пшеницы, которые в иные годы составляли по нескольку миллионов тонн. Контакты особенно активизировались в последние годы, когда в Канаде пришли к заключению, что обстановка в Китае стабилизировалась. В 1977 г. в Канаде был Хуан Хуа, в июне 1978 г. ее посе-

¹ «Wochenpresse», 18. IV. 1974.

² «Жэньминь жибао», 10. VIII, 18. IX, 25. IX. 1976.

тила делегация ВСНП во главе с Цзи Пэнфэем; в январе — феврале 1978 г. в КНР приезжал министр иностранных дел Д. Джеймпсон. Избегая критики Пекина, канадское правительство занимает сдержанную и даже холодную позицию в отношении противодействия Пекина мерам по ограничению гонки вооружений, заявлений о «неизбежности войны между двумя сверхдержавами», конфликта с Вьетнамом. В экспорте Канады в Китай 80% стоимости приходится на пшеницу. Объем торговли в 1978 г. составил 480 млн. долл. (400 млн. — импорт КНР из Канады и 80 млн. — экспорт). Канадские бизнесмены рассчитывают тоже получить свою долю заказов на оборудование для «четырех модернизаций» в Китае. Вместе с тем министр обороны Б. Дансон высказался в марте 1979 г. против продажи оружия, что привело бы к дестабилизации обстановки.

Австралия в течение многих лет стояла на позициях «сдерживания» КНР и в значительной степени в связи с этим оказалась участницей ряда блоков. Дипломатические отношения она установила лишь в декабре 1972 г., после визита Р. Никсона в КНР и нормализации китайско-японских отношений. Китайские лидеры советуют Австралии вносить «большой вклад» в «оборонительные усилия США и других империалистических держав, запугивают «стремлением» Вьетнама к «гегемонии» в Юго-Восточной Азии «при опоре на СССР», поощряют ее желание играть ведущую роль в южной части Тихого океана¹. Австралийцы рекомендовали КНР «развивать новые отношения» с Японией, нормализовать отношения с США. Вместе с тем в Канберре было заявлено заместителю премьера Госсовета КНР Чэнь Мухуа в марте 1979 г., что Австралия не намерена строить свои отношения с Китаем за счет ухудшения отношений с СССР.

Китай стал четвертым по объему торговым партнером Австралии, одним из основных потребителей ее чугуна, стали, железной руды, пшеницы. Экспорт ее товаров составил в 1978 г. 570 млн. долл., а импорт — 130 млн. долл. Особый интерес проявляют пекинские власти к изучению технологии производства черных и цветных металлов. Австралийские горнодобывающие фирмы ведут совместную работу с китайским горнометаллургическим институтом по совершенствованию металлургического процесса на предприятиях КНР. У австралийской фирмы закуплен технический гидропроцесс прямого восстановления меди

¹ «Жэньминь жибао», 12. VI. 1978.

и других цветных металлов. Во время визита Чэнь Мухуа была выражена готовность Австралии поставлять сельскохозяйственную технику, участвовать в создании животноводческих ферм, в организации добычи полезных ископаемых.

В атмосфере «золотой лихорадки», когда развитые капиталистические страны ищут китайских заказов, раздаются и голоса: а как и чем будет рассчитываться Китай? Его эмиссары отвечают: нефтью, ураном, титаном, кобальтом, марганцем, вольфрамом, бокситами, наладить добычу которых должен помочь иностранный капитал. Но даже если удастся увеличить добычу нефти и цветных металлов, они не компенсируют и части задолженности, тем более что будут расти потребности самого Китая. К тому же он находится слишком далеко от Западной Европы и перевозка обходится чрезвычайно дорого. Вот что писал по этому поводу лондонский «Экономист» в середине октября 1978 г.: «Китай, бывший столь замкнутым и изолированным при Мао Цзэдуне, начинает, при Хуа Гофэне и Дэн Сяопине сближаться с внешним миром и подумывать о своем экономическом росте. Все это сулит поистине «манну небесную» для западных компаний по производству средств производства, которые страдают от вялых темпов роста на своих собственных рынках... Насколько долговечна эта благодать? На протяжении последних двух лет Китай имел активное сальдо торгового баланса и таким образом был в состоянии пополнять свои резервы (соответствующая сумма, вероятно, составляет 3 млрд. долл., в том числе 1 млрд. долл. золотом). Однако очень скоро у китайцев вместо активного сальдо образуется дефицит... Безусловно, Китай в состоянии заимствовать средства для финансирования этого намечающегося дефицита: западные банки более чем охотно пойдут ему в этом навстречу. Это же можно сказать о гарантированных западных кредитах на экспорт и о предоставлении займов на нужды развития... Однако сами китайцы гораздо меньше хотят залезать в долги, чем этого хочется возможным западным кредиторам. До сих пор Китай добывает только скромные количества нефти с довольно высоким содержанием парафина, покупать которую (при нынешней насыщенности рынка) соглашаются только Япония и горстка других стран... В Китае также большие запасы олова, вольфрама и цинка, есть уголь. Кроме того, Китай сейчас выделяет средства на сооружение промышленных объектов, эксплуатация которых в дальнейшем позволит экономить на

импорте, например китайцы вкладывают средства в формирование добычи железной руды у себя и собираются строить сборочные заводы, где будут использоваться детали китайского производства... Однако, во-первых, для всего этого нужно время. Во-вторых, даже если на этих фронтах все пойдет хорошо, Китаю все еще придется «зарабатывать» иностранную валюту за счет экспорта готовых изделий. Попытки китайцев увеличить объем своего экспорта и повысить качество экспортируемых товаров (изделия легкой промышленности) уже теперь тревожат протекционистски настроенный Запад, в частности имеется в виду увеличение втрое объема экспорта китайского текстиля в Америку и переход Китая от экспорта тканей к экспорту хлопчатобумажной готовой одежды. Эта тенденция наверняка получит свое продолжение».

Авантюра Пекина во Вьетнаме, преступная безответственность, с какой она предпринята, в свою очередь, заставляют усомниться в надежности китайского партнера. «Файнэншл таймс» указывала, что вторжение во Вьетнам «вызывает сомнение в постоянстве и предсказуемости действий китайских руководителей. У банкиров будет достаточно оснований, чтобы более осторожно подходить к стране, которая столь легко прибегает к войне»¹.

Серьезные просчеты в планировании, нехватка капитала и квалифицированной рабочей силы вынудили китайские власти значительно сократить плановые наметки и определить более скромные темпы развития, а 1979—1981 годы объявить периодом урегулирования экономики. Чтобы привлечь иностранный капитал, сессия ВСНП приняла в июне 1979 г. закон о смешанных предприятиях. Он предусматривает создание в Китае предприятий с участием зарубежного капитала и гарантирует свободный вывоз прибыли. Дешевый труд китайских рабочих становится объектом эксплуатации иностранных капиталистов.

* * *

Раньше полноправный член лагеря мира, демократии и социализма, вчера пособник и резерв империализма, а сегодня его союзник, взявший на себя, по существу, роль ударного отряда сил международной реакции и агрессии,— таков путь, проделанный Пекином за три десятилетия существования КНР. Американский империализм тоже говорит о параллельных интересах с Китаем, о согласованных действиях на международной арене.

¹ «Financial Times», 6. III. 1979.

Руководители Китая противодействуют любому шагу, каждому соглашению, направленному на оздоровление международной атмосферы и укрепление доверия между государствами, азартно играют в различные комбинации и альянсы, способные лишь обострить обстановку в мире. В погоне за какими-то краткосрочными корыстными выгодами западные политики помогают ковать в Китае силы, которые могут быть брошены против других государств.

Пробой сил китайских милитаристов явилось нападение на Социалистическую Республику Вьетнам. Однако ни пренебрежение десятками тысяч человеческих жизней, ни поддержка американскими реакционными силами не спасли китайских вояк от того, что им самим был преподнесен крепкий урок. Но где гарантия, что, несмотря на любые издержки, Пекин не введет в практику нападения то на одну, то на другую страну с гегемонистскими целями?

«Советский Союз воспринимает политику китайского руководства такой, какая она есть, и соответственно оценивает ее. Мы по-прежнему выступаем за нормализацию советско-китайских отношений... Мы, разумеется, не против того, чтобы и другие страны поддерживали нормальные отношения с Китаем. Но мы не можем, как это делают некоторые, закрывать глаза на одни стороны китайской политики и видеть только те, которые не затрагивают их сегодняшние интересы. История учит, что такой подход чреват опасными последствиями. Политика, цель которой дестабилизировать мировую обстановку, не может не вызывать осуждения, она требует твердого отпора»¹, — заявил Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Как сказано в телеграмме Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Постоянному комитету ВСНП и Государственному совету КНР в связи с 30-й годовщиной образования Китайской Народной Республики, СССР будет и впредь придерживаться линии на развитие советско-китайских отношений в соответствии с принципами мирного сосуществования, исходя из того, что установление добрососедства между двумя странами отвечает коренным интересам советского и китайского народов, интересам мира и безопасности в Азии и во всем мире².

¹ «Правда», 5 ноября 1978 г.

² См. «Правда», 1 октября 1979 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I.	
ОБРАЗОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, ЕЕ ПЕРВЫЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ШАГИ	6
ЗаклЮчительный этап освободительной борьбы в Китае	8
КНР — член семьи социалистических государств	27
Образование КНР и позиция США. Признание народной республики некоторыми развивающимися и западно- европейскими государствами	38
Борьба вокруг проблемы представительства Китая в ООН	48
Война в Корее и позиция КНР	50
Задача послевоенного урегулирования с Японией и пози- ция КНР	70
Глава II.	
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР в 1953—1958 гг.	77
Отношения КНР с социалистическими странами	—
Женевское совещание по Корее и Индокитаю в 1954 г. и позиция КНР	104
Выработка пяти принципов мирного сосуществования. Отношения КНР с освободившимися странами Азии и Африки	114
Китайско-американские трения. Борьба вокруг вопроса о Тайване	133
КНР и Япония	143
Китай и государства Западной Европы и Латинской Аме- рики	151
Борьба вокруг политики эмбарго	155
КНР и задача борьбы за разоружение и укрепление ме- ждународной безопасности	157
Глава III.	
НАЧАЛО ОТКРЫТОГО ПОВОРОТА ВЛЕВО. 1958—1962 гг.	161
«Большой скачок» и внешняя политика	162
Попытки подчинить социалистическое содружество . . .	168
Курс на гегемонию над национально-освободительным движением	193
Отношения с империалистическими державами	202
Обострение обстановки в Тайваньском проливе	204

Глава IV.

ВСЕ ДАЛЬШЕ ПО ПУТИ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО ШОВИНИЗМА И АВАНТЮРИЗМА. 1962—1966 гг.	210
Попытки разрушить социалистическое содружество . . .	211
Новые маневры с целью установления гегемонии над национально-освободительным движением	239
Если бы тигры подрались...	265
Расширение контактов с империалистическими державами	275

Глава V.

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ПОЛИТИКА КИТАЙСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ	283
Внутренняя борьба	284
Эскалация вражды	291
Вмешательство в дела освободившихся государств . . .	304
Противодействие мерам по ограничению вооружений и укреплению международной безопасности	307
Зондаж возможностей улучшения отношений с западными державами и Японией	309

Глава VI.

КРУТОЙ ПОВОРОТ ВПРАВО. ДОКТРИНЫ, ПРИЗВАННЫЕ СЛУЖИТЬ НАЦИОНАЛ-ШОВИНИСТИЧЕСКИМ ЦЕЛЯМ . . .	319
Пекинская выдумка о «трех мирах». Что это такое и для чего она понадобилась?	322
Трактовка проблемы войны и мира	336
Против разрядки международной напряженности, за гонку вооружений	345
Пекин — против укрепления международной безопасности	355
Некоторые общие международные проблемы и позиция Пекина	368
Территориальные притязания	382

Глава VII.

ПЕРЕХОД ПЕКИНА НА ПОЗИЦИИ ИМПЕРИАЛИЗМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	392
Советско-китайские отношения: реальность и возможности	393
Китай и социалистические страны. Дифференцированный подход	419
КНР и освободившиеся страны	472
Китай и США	527
Китайско-японское сближение	547
Отношения Китая с другими развитыми капиталистическими странами	556

